

**Между Аушвицем
и Бабьим Яром**

Павел
Полян

*Размышления и исследования
о Катастрофе*

Павел Полян

**Между
Аушвицем
и Бабьим
Яром**

*Размышления
и исследования
о Катастрофе*

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6-7

П54

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 10-01-16077д

Полян П. М.

П54 Между Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и исследование / П. М. Полян. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 583 с.

ISBN 978-5-8243-1504-2

В книге собраны работы автора о Холокосте, писавшиеся на протяжении последних полутора десятков лет. Сюжеты, казавшиеся изначально разрозненными, неожиданно сложились в книгу.

Они выстроены в порядке развертывания событий, связанных с Холокостом. Реконструкция и анализ предложения германской стороне советской о массовой депортации и, соответственно, приеме немецких и польских евреев в СССР крайне важна для понимания эволюции нацистских планов по «окончательному решению» еврейского вопроса. В главах, посвященных собственно практике Холокоста, рассматриваются их контингентные (советские военнопленные-евреи) и региональные (Северный Кавказ) особенности. Особо говорится о случае «горских евреев» — одного из немногих еврейских контингентов, оставленных гитлеровцами — и то лишь частично — в живых. Географическим центром книги является Аушвиц-Биркенау — главное место уничтожения евреев. Сохранившиеся в земле и пепле рукописи погибших членов зондеркоммандо, которых эсэсовцы заставляли помогать себе на конвейере смерти в газовых камерах и крематориях, — не что иное как центральные документы Холокоста, долгое время остававшиеся совершенно неизвестными в России. Главы книги помогают воссоздать различные контексты, связанные с зондеркоммандо, прежде всего с их специфическим статусом и участием в Сопротивлении, а также с уровнем информированности СССР и его западных союзников о том, что происходило в Аушвице во время войны и сразу же после нее, а также их идеологемами в отношении Холокоста и Аушвица в послевоенное время. Специальный раздел посвящен демографическому аспекту Холокоста — верификации расчетов о потерях европейского еврейства в результате Холокоста и структуризации круга жертв. Не отмахивается автор и от проблемного круга, связанного с отрицанием и отрицателями Холокоста, как выразителями современного витка антисемитизма. Заключительный раздел книги посвящен российскому вкладу в глобальную историографию Холокоста.

Книга рассчитана на тех, кого интересует история Второй мировой войны и история еврейства.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-8243-1504-2

© Полян П. М., 2010

© Российская политическая энциклопедия,
2010

*Памяти моего деда,
типографского рабочего Менделя Иосифовича Лондона,
погибшего в Полоцком гетто во время войны*

Вместо предисловия

1

В 1941 году Бейля (Белла) Лондон, моя будущая мать, закончила среднюю школу № 12 города Полоцка. 20 июня прозвучал последний звонок, выпускники получили на руки аттестаты. Как и все еврейские мальчики и девочки из ее класса, она мечтала о высшем образовании и собиралась в Москву. Назавтра, 21 июня, она отправила свой аттестат и другие документы для поступления в вуз в Москву, своей старшей сестре Римме, которая уже училась в Инъязе и жила в институтском общежитии на Маросейке. Отправила с оказией — с учителем немецкого языка, послав вдогонку следующую легкомысленную телеграмму: «Встречай немца скорым поездом» (Обошлось).

А назавтра уже вся страна встречала немца кровью и плотью...

26 июня из Полоцка уходил последний эшелон с военными, к нему было прицеплено несколько товарных вагонов для населения — в них мама и уехала с бабушкой Лизой в эвакуацию в Москву. В Смоленске поезд бомбили, после чего маршрут изменили и, не заезжая в столицу, отправились в Саратовскую область. С 4 июля по 14 августа Белла работала конторщицей колхоза «20 лет октября» в поселкерайцентре Кистендей, а затем в близлежащей Дурасовке, секретарем Дурасовской психколонии... В 1942 году она перевелась в Ижевск, где в эвакуации находился МВТУ, там она училась и работала лаборантом (а бабушка комендантом в общежитии), а 17 июня вернулась с институтом в Москву.

В Полоцке оставался ее отец, мой дед, типографский наборщик. 26 июня он дежурил и смог отпроситься только для того, чтобы проводить жену и младшую дочь. Он искренне верил, что немцев вот-вот остановят и погонят. Последнее, что о нем известно, — вот эта открытка, полученная старшей дочерью.

Полоцк, Коммунистическая улица, 74.

Москва, Маросейка, Петроверигский пер., 6/8, к. 207 — Р. М. Лондон.

30 июня 1941 года

Полоцк 30.6.

Дорогая доченька! Последнюю твою открытку от 24 июня я получил, а мама и Бэба 26 июня поехали в Москву и я очень волнуюсь, что их еще нет у тебя. Я один остался дома. Город в опасности, и не

знаю, что делать. Около нас упала бомба и был пожар и много жертв. Умоляю тебя, когда получишь письмо, телеграфируй мне сейчас же, приехали ли они в Москву. Они, вероятно, застряли в дороге.

Дядя Мендель уехал внезапно до Москвы. Попытайся у него узнать, приехал ли он. От них ты узнаешь, где мама и Бэба. Папа.

Немедленно телеграфируй, если примут телеграмму.

15 июля в город вошли немцы, в нем встал гарнизон 201-й полевой охранной дивизии. По линии СД за порядок и за евреев «отвечала» айзатцкоммандо 9.

В начале августа выгородили для евреев два гетто — одно на окраине, другое в центре (в его зону вошли и Коммунистическая улица, и школа № 12, где училась моя мать), а в середине сентября всех перевели в новое гетто на кирпичном заводе возле военного городка Боровуха. Датами расстрелов полоцких евреев стали: начало августа, 21 ноября и 11 декабря 1941 года, а также (еврей-специалисты и их семьи) — 3 февраля 1942 года¹.

Совершенно очевидно, что Мендель Иосифович Лондон, мой дед, разделил судьбу остальных полочан-евреев и погиб во время одной из этих «акций»...

2

Эта книга не писалась, а как бы складывалась — глава за главой, словно шаг за шагом. Складывалась из судьбы моей семьи, складывалась из смежных научных исследовательских интересов, упрямо и с разных сторон упиравшихся в проблематику ШОа. Таков, например, сюжет с еврейскими военнопленными — логическая часть куда более широкой разработки вопроса о военнопленных и об остарбайтерах.

Некоторые сюжеты вызваны архивным поиском по теме ШОа (как, например, северо-кавказские главы) или же просто случайностью. Так, весь сюжет с рукописями Градовского и с зондеркоммандо соткался из того лишь, что в 2004 году, разыскивая в фондах Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге материалы о советских военнопленных, Николай Поболь и пишущий эти строки обнаружили в каталоге упоминание записной книжки Залмана Градовского. Знакомство с этим документом и его историей иначе как потрясением назвать нельзя. И едва ли не первым движением души — еще до погружения в тему и в соответствующую литературу — стало: это должно звучать и по-русски! И уже в январе 2005 года — года 50-летней годовщины с момента освобождения Освенцима, собравшего под снегопадом большинство государственных и церковных лидеров мирового сообщества — увидели свет первые на русском языке публикации Залмана Градовского.

То были публикации «Письма потомкам» — небольшого, но яркого фрагмента, перевод которого Меиром Карпом являлся частью соответствующей архивной единицы в музее. Все остальное нуждалось прежде всего в тщательном переводе с идиш (с последующим комментарием), как нуждалась в нем и вторая — «иерусалимская» — рукопись Градовского, узнать о которой привелось уже из научной литературы. За этот неподъемный труд взялась и довела его до конца Александра Полян.

Естественно, что параллельно возникла и другая задача — попытка осмысления того, что же означают собой тексты Градовского, что значат они для истории и литературы. Каждая новая фаза работы над этим давала только частичные ответы и каждая — ставила новые вопросы, порой еще более трудноразрешимые.

Некоторые разделы первоначально были косвенно или прямо инициированы коллегами, в частности, Семеном Чарным, обратившим мое внимание на письмо неизвестного Чекменеву, или Альфредом Кохом, предложившим углубиться в демографию Холокоста.

Книга создавалась в архивном и библиотечном поиске и в непрестанном общении, спорах и беседах со многими людьми. Я хочу искренне поблагодарить за это своих «собеседников» — родителей, жену, сына и племянницу (Беллу, Марка, Софью, Илью и Александру Полянов), друзей и соавторов (Виктора Белкина, Марека Ерчиньского, Жанну Зайончковскую, Павла Ильина, Наума Клеймана, Альфреда Коха, Марка Куповецкого, Алексея Неймана, Ганса-Генриха Нольте, Евгения Пермякова), Николая Поболя, Иру Рабин, Рюдигера Оверманнса, Александра Смолянского, Андреаса Хильгера и Арона Шнеера), коллег-историков (Илью Альтмана, Вольфганга Бенца, Питера Блэка, Елену Войтенко, С. Дебского, Марка Куницкого-Гольдфингера, Конрада Зелинского, Рашида Капланова), Гюнтера Кляйна, Арно Люстигера, В. Надеина-Раевского, Эриха Оберлендера, Дитера Поля, Леонида Смиловицкого, Бориса Фрезинского, Юргена Царусски, Артура Цуциева, Семена Чарного, Томаса Шароту), коллег-географов и демографов (Виталия Белозерова, Виктора Бельтрана, Анатолия Вишневого, Сергея Захарова, Сергея Максудова, Серджио делла Перголу и Марка Тольца), коллег-архивистов (Александра Абрахама, Анну Валькович, Иосифа Волнермана, Валентина Грицкевича, Яну Златкис, Марию Ионину, Игоря Казырина, Андрея Костенецкого, Риту Марголину, Сергея Мироненко, Дину Нохотович, Януша Пивовара, Войцеха Плосу, Михаила Подзолова, Леонида Терушкина, Михаила Чайку и Анну Шиндер), коллег-издателей и коллег-редакторов (Галину Бондареву, Ольгу Гусеву, Тамару Донскову, Марка Зильберквита, Дениса Датешидзе, Андрея Курилкина, Аду

Мартынову, Сергея Митурича, Игоря Немировского, Сергея Нехамкина, Веронику Панкратову, Михаила Румера и Андрея Сорокина).

3

Термины Шoa и Холокост употребляются в настоящем издании, в соответствии со сложившейся практикой как де-факто синонимы. В то же время этимологически они весьма отличаются друг от друга: Холокост — по-гречески это жертвоприношение, воскурение, а Шoa — по-древнееврейски бедствие, катастрофа. Само по себе уподобление катастрофы жертвоприношению более чем сомнительно, но в русском языке, как и в немецком, в отличие, впрочем, от английского, не существует словарного различия двух типов жертв — жертв геноцида и жертв культового заклания, что смягчает названное противоречие и делает приемлемой широко распространившуюся практику словоупотребления Холокост.

Обозначение Аушвиц закреплено за городом Освенцим в период национал-социализма и за названием современного музейного комплекса, а Аушвиц-I — за основным, или базовым, концлагерем. Во всех послевоенных контекстах мы пользуемся топонимом Освенцим.

Все разделы книги, по сравнению с их первоначальными публикациями², основательно переработаны. Литературные ссылки даются по сводной библиографии в конце настоящего издания с указанием фамилии автора, года выхода издания и, при возможности, страницы. Книги и монографии при этом выделены крупным шрифтом. Источники, ссылки на которые встречаются лишь однажды, в сводную библиографию не включены.

Примечания

¹ Сведения почерпнуты из статьи Г. Винницы «Полоцк» в энциклопедии «Холокост на территории СССР» (М.: РОССПЭН, 2009. С. 774–776).

² См. приложение 7.

НАКАНУНЕ

Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской Эйхмана и Чекменева ценой в два миллиона жизней

В Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Партархиве СССР) хранится поразительный документ¹. Это письмо начальника переселенческого управления при СНК СССР Е. И. Чекменева председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову от 9 февраля 1940 года.

Вот его полный текст:

Вх. 3440

СССР

Переселенческое управление при Союзе ССР

9 февраля 1940 г.

№ 01471с

г. Москва, Красная площадь, 3

Телеграфно — Москва Переселенческая

Телефон К-0-95-03

Председателю Совета народных комиссаров

т. МОЛОТОВУ В. М.

Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину.

По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины² и русские.

Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты.

Прошу указаний.

Приложение: на 6 листах.

Начальник переселенческого управления при СНК СССР
ЧЕКМЕНЕВ

Первым этот документ обнаружил и процитировал российский историк Г. В. Костырченко в своей книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм»³. В контексте его собственного исследования он играл лишь второстепенную роль, и введение его в научный оборот прошло поначалу почти незамеченным для историографии Холокоста⁴.

Вместе с тем уже одни имена немецких отправителей письма, — будь они в письме названы, — заставили бы вздрогнуть. Если полагать, что письма из «Берлинского и Венского переселенческих бюро» по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР» были подписаны их руководителями, а поступили они к Чекменеву примерно за неделю до отправки им письма Молотову, то отправителями должны были бы быть ни кто иные как Адольф Эйхман за Берлинское бюро, а за Венское — Франц Йозеф Хубер. Последний сменил Франца Вальтера Шталекера — будущего оберпалача евреев Прибалтики⁵ — на посту инспектора полиции безопасности и СД в Вене и осуществлял общее руководство целым рядом организаций, в том числе и Переселенческим бюро. Реальным же руководителем после отъезда Эйхмана в Берлин стал его бывший заместитель штурмбанфюрер СС Алоиз Бруннер (Alois Brunner), в январе 1941 года назначенный на эту должность и официально⁶. Но надо всеми ними витала густая тень руководителя РСХА и протектора Богемии и Моравии Райнхарда Гейдриха.

А вот имя их московского корреспондента — Евгения Михайловича Чекменева — мало что говорит даже искушенному российскому историку. Он родился в 1905 году и умер 21 апреля 1963 года⁷. С 1927 года в партии, закончил Московскую академию социалистического земледелия и Институт Красной профессуры, с 1938 года — на ответственных номенклатурных должностях. С июня 1939 по апрель 1941 г. Чекменев руководил переселенческим движением: он был начальником и председателем Коллегии Переселенческого комитета (впоследствии Переселенческого управления) при СНК СССР⁸. С апреля 1941 года — заместитель наркома земледелия СССР⁹, а с 1948 года Чекменев — начальник Главного управления полезного лесоразведения и, по всей видимости, заместитель министра совхозов СССР¹⁰. Позднее — заместитель председателя Госплана СССР, а с 1961 года — заместитель председателя Комитета заготовок.

Переселенческое управление, в которое поступил запрос из Берлина и Вены, действительно, было наиболее корректным адресатом для Эйхмана и его коллег. То была организация, отвечавшая в СССР за планирование и организацию плановых государственных переселений, осуществлявшихся, в основном, на добровольной осно-

ве. Этим оно отличалось от Главного управления лагерей НКВД (ГУЛАГ), отвечавшего за насильственные переселения (депортации) осужденных и заключенных, и отдела спецпоселений НКВД, отвечавшего за депортации административно-репрессированных. Впрочем, если бы немецкие коллеги написали в НКВД, Берии, они бы тоже не промахнулись.

К сожалению, ни «Приложения на 6 листах» (а это, скорее всего, оригиналы писем из Германии вместе с их переводами), ни других примыкающих материалов — ни в российских, ни в немецких архивах, — обнаружить пока не удалось¹¹.

Однако существо отсутствующих немецких писем передано Чекменевым ясно и четко: Гитлер предлагает Сталину¹² забрать себе всех евреев, оказавшихся к этому моменту под германским сапогом. Но оно содержит не только вопрос, но и столь же лаконичный ответ на этот вопрос: благодарим за лестное предложение, но забрать ваших евреев, извините, не можем!

Но для того чтобы лучше понять как вопрос, так и ответ, попробуем взглянуть на письма из Берлина и Вены как минимум с трех разных точек зрения — из перспективы отправителя, из перспективы адресата и из перспективы их взаимоотношений на тот момент времени, когда письма задумывались и писались.

Из перспективы отправителя

Итак, неназванными в послании Чекменева авторами писем из Вены и Берлина являлись, по служебному соответствию, только Алоиз Бруннер (или Франц Йозеф Хубер) и Адольф Эйхман. Из последующего, однако, станет ясно, что главным мотором всей интриги был, скорее всего, Эйхман.

С 1 октября 1934 он служил в Главном управлении СД, референтом в реферате II 112 (Referat Juden). В этом еврейском (точнее, антиеврейском) реферате он занимался вопросами форсирования еврейской эмиграции из Германии, изучал иврит и идиш, знакомился с сионистскими лидерами. В 1938 году, вскоре после мартовского аншлюса Австрии, его переводят референтом того же антиеврейского реферата II 112 в Вену, в управление руководителя СД в региональном управлении СС «Дунай», начальником которого был инспектор полиции безопасности и СД штандартенфюрер СС д-р Шталеккер.

Еврейская эмиграция из Вены сталкивалась в это время с непредвиденными трудностями бюрократического порядка: евреи, в эмиграции которых государство так было заинтересовано, неделями были вынуждены простаивать в очередях. Одной из причин тому было первоочередное оформление документов состоятельных и пла-

тежеспособных евреев, привлекавших для этого немецких адвокатов с хорошими связями и платившими им за это хорошие деньги, что, конечно же, было недоступно беднякам. Социально (а не только национально!) чувствительный Эйхман вступился за еврейских бедняков и восстал, насколько возможно, «справедливость» в очереди на вышвыривание с родины. Оформление необходимых бумаг стоило около 1000 RM и занимало от 2 до 3 месяцев¹³.

Распоряжением Рейхскомиссара по воссоединению Австрии с Третьим Рейхом гауляйтера Иосифа Бюркеля (Josef Bürckel) от 20 августа 1938 года в Вене был создан Центр по [осуществлению] еврейской эмиграции (Zentralstelle für jüdische Auswanderung) — специальный орган в составе Имперского министерства внутренних дел, призванный всесторонне регулировать (в смысле торопить и ускорять) эмиграцию австрийских евреев и уполномоченный выдавать им разрешения на выезд. В компетенцию Центра, располагавшегося во вполне символическом месте — бывшем дворце Ротшильда на Prinz-Eugen-Str., 22¹⁴, входили создание всех необходимых условий для эмиграции, включая переговоры со странами-реципиентами, обеспечение эмигрантов необходимыми суммами валюты, взаимодействие с туристическими и транспортными агентствами, привлекаемыми к решению технических вопросов эмиграции, наблюдение за еврейскими организациями с точки зрения их отношения к политике эмиграции евреев, издание соответствующих инструкций и постоянное руководство этим процессом. Номинальным руководителем Центра был Шталеккер¹⁵, а его заместителем и управляющим — унтерштурмфюрер СС Адольф Эйхман, его фактический инициатор, организатор и глава.

Первоначально полномочия Центра ограничивались только двумя гау (провинциями) — Веной и Нижним Дунаем. Однако к концу 1938 года его компетенции были распространены на всю Австрию (Остмарк). С упрощением валютных трансферов и с привлечением к оформлению необходимых документов Венской еврейской общины время обработки заявлений удалось сократить до восьми дней. В качестве характерного ноу-хау Эйхмана можно отметить принцип самофинансирования Центра: оно содержалось не из бюджета, а за счет специального эмиграционного сбора, взимавшегося с выезжающих евреев¹⁶. В результате за первые же 2,5 месяца своей деятельности Центр выпроводил из Австрии 25 тыс. евреев¹⁷, а всего за первые 1,5 года его существования около 150 тыс. австрийских евреев были вынуждены с его любезной помощью Центра покинуть страну. Организации, аналогичные венскому Центру, были созданы также в Праге и Острове.

В начале ноября 1938 года, то есть всего за несколько дней до Хрустальной ночи, Эйхман направил в Берлин штумбанфюреру СС Эрлингеру (Ehrlinger) отчет о деятельности Центра, в котором, в частности, напоминал о высказанной им еще в начале 1938 года инициативе организовать аналогичный орган во всеимперском масштабе. События 9 ноября добавили много нового в антиеврейскую проблематику, так что решение Гейдриха созвать в субботу, 12 ноября, совещание в РСХА, посвященное выработке стратегии Рейха в еврейском вопросе, не выглядит удивительным. На этом совещании Геринг, от имени Гитлера, подчеркивал перспективы Плана Мадагаскар¹⁸, а Эйхман доложил о своем венском опыте, а также о целесообразности открытия в Берлине центра, аналогичного венскому¹⁹.

Несмотря на погромные настроения Хрустальной ночи, 9 ноября 1939 года, когда по всей Германии «стихийно» жгли синагоги и убивали евреев, «окончательное решение еврейского вопроса» в то время мыслилось тогда еще явно в категориях эмиграции, а не ликвидации. В своеобразном эмиграционном раже Эйхман договорился даже до того, что в середине февраля 1939 года, ссылаясь на более чем двукратный спад динамики заявлений на эмиграцию, предложил освободить из Дахау и Бухенвальда всех австрийских евреев, заключенных туда после 9 ноября 1938 года, и отправить их куда подальше за границу. Это предложение, однако, не встретило понимания в СС: Г. Мюллер отверг его достаточно категорично²⁰.

Несмотря на противостояние еврейской иммиграции из Рейха в странах-реципиентах, показатели эмиграции и в начале 1939 года были, тем не менее, достаточно высокими. Достигнуто это было, отчасти, благодаря поездкам за рубеж руководителей Венской еврейской общины и Палестинского бюро (последний добивался тогда для Австрии половинной квоты на легальный въезд в Палестину), наращиванию так называемых «китайских транспортов» и мероприятиям по профессиональной переподготовке эмигрантов, нацеливающих их на жизнь в Земле Обетованной. «Китайские транспорты» служили, насколько можно судить, лишь отчасти для переселения в Шанхай, но главным образом — для нелегальной иммиграции в Палестину²¹.

Но прошло еще некоторое время, пока пропагандируемый Эйхманом орган был действительно организован Гейдрихом в Берлине. Это произошло на завтра после того, как Гитлер произнес в Рейхстаге 30 января 1939 года свои язвительные слова о поведении демократических стран, проливающих слезы о судьбе несчастных немецких евреев и одновременно отказывающих им во въездных документах. Еще через восемь дней с похожими провокациями выступил и А. Розенберг, чьей шокированной аудиторией были дипломатический корпус и иностранные журналисты: он потребовал от Англии, Франции

и Голландии создания еврейского резервата на 15 млн чел. где-нибудь на Мадагаскаре, в Гайане или на Аляске²².

Новая организация получила название «Имперского Центра по еврейской эмиграции» (Reichszentrale für Jüdische Auswanderung). Получив назначение возглавить его, начиная с 1 октября 1939 года, Эйхман покидает Вену²³ и возвращается в Берлин. Здесь, наряду с хлопотами об эмиграции, он приступает и к планированию принудительного переселения евреев в только что — 12 октября — созданное «Генерал-Губернаторство для оккупированных польских областей»²⁴, а также внутри него и, если понадобится, то и из него. А 21 декабря 1939 года Гейдрих назначил Эйхмана главой спецреферата IV D 4 (Referat Auswanderung und Räumung) в РСХА²⁵, призванного координировать все переселения евреев и поляков на оккупированной польской территории. В результате Эйхман стал поистине ключевой фигурой не только в выработке концепции, но и в реализации программ всех проектов по «решению еврейского вопроса».

Их венцом станет, в конечном счете, организация транзитных лагерей в западноевропейских странах и широкой сети гетто при железнодорожных узлах в оккупированных областях на Востоке, сосредоточение в них миллионов евреев — с последующей их депортацией в концлагеря и лагеря уничтожения. Как практику ему еще многое предстоит обдумать, освоить и усовершенствовать. К познаниям в области иудаики и гебраистики придется присовокупить и сведения из химии и физиологии человека, помогающие найти правильное решение при ответе на такой, например, нелегкий вопрос: какой из выпускаемых промышленностью удушающих газов эффективнее и рентабельнее при ликвидации каких порций людского материала. И глубоко заблуждаются те, кто считают его клерком, кабинетной крысой в нарукавниках: командировки в гетто и концлагеря доказывают обратное.

Первой акцией Эйхмана в Берлине стала так называемая Операция Ниско. После оккупации Польши в сентябре 1939 года в немецких руках оказалось почти вчетверо больше евреев, чем их было в Германии до прихода нацистов к власти, — около 2 млн чел. Около 0,5 млн из них проживали на землях, инкорпорированных непосредственно в Рейх (два новоиспеченных райхсгау — Данциг-Западная Пруссия и Вартеланд, вобравшая в себя Позен и восточную часть Верхней Силезии). Депортации и освобождение их от еврейского населения казались само собой разумеющейся и первостепенной задачей. Но возникал вопрос: а куда? где это тихое, удаленное и не предназначенное для «германизации» место? где будет возрождена российская черта оседлости для евреев в ее немецком исполнении?²⁶

В течение сентября ответ на этот вопрос искали внутри будущего генерал-губернаторства: обсуждались идеи «еврейского государства» близ Кракова или же «имперского гетто» в Люблине или близ Люблина. Уже в середине сентября 1939 года соответствующие слухи поползли среди еврейского населения бывшей Польши и даже просочились в прессу²⁷. В самом конце сентября Гитлер несколько раз высказывался о желании переселить все еврейство, в том числе и немецкое, куда-нибудь в Польшу, между Вислой и Бугом²⁸.

Так что ничего удивительного не было в том, что Эйхман и Шта-леккер, по указанию начальника гестапо Г. Мюллера от 6 октября о депортации евреев из Вены, Катовиц и Остравы, выехали 12 октября на 3-дневную рекогносцировку в зону, в то время еще временно контролируемую Красной армией, и остановили свой выбор на пространстве в 20 тыс. кв. км между Вислой, Бугом и Саном со столицей в Люблине²⁹.

В эту резервацию, по их мнению, должны были свозить всех евреев со всей Европы, но в первую очередь из Германии, Австрии, бывшей Чехословакии и Польши³⁰. Тем самым она мыслилась как важнейшей составная часть стратегического плана по радикальной этноструктурной перестройке Восточной Европы в видах ее германизации. 7 октября 1939 года фюрер назначил Гимmlера рейхскомиссаром по укреплению германской народности: в этом качестве он должен был курировать и вопросы депортаций поляков из районов, намеченных для сплошной аризации (например, из Данцига и Вартегау). Поляков же предполагалось частично переселить в районы, освобождаемые от евреев, так что связь всех этих усилий с тем, что неподалеку делал Эйхман, была самая что ни на есть прямая.

Собственно депортации евреев начались без какой-бы то ни было раскачки — уже 9 октября 1939 года был отдан приказ о депортации из Остравы-Моравской и Катовиц, а 10 октября — о депортациях из Вены³¹. Евреев заставляли подписывать заявления об их якобы добровольном переезде в «лагерь для переобучения»³². Станциями их отправления были Вена, Острава-Моравска и Катовице, а также Прага и Сосновиц, а станциями прибытия — главный лагерь Ниско на реке Сан, а также промежуточный лагерь в деревне Заречье на противоположном его берегу. Оба лагеря были совсем недалеко от советской границы, и некоторым евреям удавалось даже бежать в СССР.

Первый эшелон с 875 евреями был собран 17 октября и отправлен из Остравы 16 октября 1939 года, по пути, 20 октября, подобрав часть евреев в Катовицах, и в тот же день прибыв в Ниско. Всего за период с 17–18 по 29 октября в Ниско прибыло шесть эшелонов суммарной численностью в 4–5 тыс. чел.³³

С собой разрешалось брать до 50 кг багажа, помещающегося в сетке вагона над занятым местом. Приборы и инструменты можно было сдать в багаж. Разрешалось иметь: 2 теплых костюма, зимнее пальто, плащ, 2 пары сапог, 2 пары нижнего белья, платки, носки, рабочий костюм, спиртовку, керосинку, столовый прибор, ножик, ножницы, карманный фонарик с запасной батареейкой, подсвечник, спички, нитки, иголки, тальк, рюкзак, термос, еду. Денег — не более 200 рейхсмарок. Освобождение от переселения было возможно либо по причине болезни (официально засвидетельствованной), либо при наличии документов, подтверждающих эмиграцию в другую страну³⁴.

Казалось бы, у резервата «Ниско-на-Сане» — большое будущее! Между тем уже 27 октября депортации были прекращены главным образом из-за протеста только что назначенного на должность генерал-губернатора Х. Франка, желавшего всю свою вотчину видеть и сделать «юденфрай». При этом сам лагерь в Ниско был закрыт только в июне 1940 года, когда все его обитатели были возвращены в города, откуда их привезли³⁵.

Так что же: ведомственная власть, хотя бы то и СС, проиграла власти территориальной? Едва ли, — чтобы там ни говорил себе Франк. Скорее тут конфликтующими сторонами были две внутриведомственные ветви власти или, еще точнее, два взаимодополняющих, но вместе с тем и конкурирующих друг с другом «проекта» Третьего рейха — еврейская эмиграция и немецкая иммиграция.

Интересы еврейской эмиграции напрямую столкнулись с интересами немецкой иммиграции: первые корабли из Риги и Ревеля прибыли в Данциг практически в те же самые дни, что и первые венские евреи в Ниско, — во второй половине второй декады октября. Всего из Прибалтики и Вольны планировалось переселить в Вартегау около 200 тыс. фольксдойче, но само Вартегау, соответственно, предстояло перед этим ускоренно освободить от евреев и поляков. Первоначально речь шла о необходимости переселить оттуда до конца 1940 года 80–90 тыс. евреев и поляков, а потом еще около 160 тыс. одних только поляков³⁶.

Но сил на все не хватало, и приоритет был отдан именно задаче иммиграции³⁷, подпираемой и еще одним фактором: уже в конце октября СССР ввел свои войска в прибалтийские страны, и Германия, как никто другой, твердо знала, что за этим последует: аннексия.

Об иммиграционных приоритетах свидетельствует и, казалось бы, совершенно невероятная история с совещанием у А. Эйхмана, на которое он собрал руководителей... некоторых еврейских общин Верхней Силезии! В конце октября 1939 года комендант Аушвица вызвал к себе руководителя местной еврейской общины Леона Шенкера и сообщил, что в связи с тем, что решено закрыть Краковское бюро по

эмиграции в Палестину (Auswanderungsbüro nach Palästina) и организовать новое, точно такое же, в Аушвице. Эмиграция, добавил он, добровольная, но Германия заинтересована в ней и рассчитывает на эффективное сотрудничество. Чуть ли не в тот же день соответствующее Бюро было открыто в помещении ресторана Шмуля Шнитцера, находившегося в самом центре города, в Haberfeld Haus, недалеко от моста через Солу. Плакаты об этом были развешаны по всему городу, а руководителем Бюро Шенкер назначил Йозефа Манхаймера. В ноябре 1939 Шенкер и Манхаймер ездили в окружной город Билиц, где начальник местного гестапо фон Рюдигер приказал им составить список еврейской делегации (общины Аушвица, Билица, Катовица и Тешена) для важной поездки в Берлин.

И такая поездка действительно состоялась! В Берлине их встречали руководитель местного Бюро по эмиграции (Palästina-Amt) д-р Пик и председатель Объединения еврейских общин Германии Лео Бек. А на завтра состоялась встреча у Эйхмана в РСХА, на которой от делегатов потребовали отчет о развитии и перспективах эмиграции из Верхней Силезии. Неужели их маленькому и скромному Освенциму-Аушвицу с его пятерным железнодорожным узлом (дороги разбегались от него на Краков, Катовиц, Варшаву, Оставу и Сосновец) предстояло войти в историю и сыграть буквально центральную роль в еврейской эмиграции из Верхней Силезии в Палестину?..

Назавтра все тронулись в обратный путь, где их дожидались, увы, прескверные новости: за время их отсутствия в Аушвице сожгли синагогу, а комендант приступил к переселению евреев в бараки в Засолье, то есть непосредственно на территорию будущей мировой знаменитости — концлагеря Аушвиц!³⁸

«Аушвиц, мой родной город, стал знаменит — но не потому, что отсюда началась эмиграция евреев, а потому, что здесь возникла новая разновидность зла: массовое, организованное убийство людей»³⁹.

Но и для этой «славы» бесполезным и, возможно, решающим оказалось столь незаурядное транспортно-географическое положение, которым обладал Аушвиц...

Дополнительным серьезным фактором стала и новая идея обретения еврейского резервата — так называемый План Мадагаскар. Сам по себе этот экзотический остров как место возможного еврейского заселения впервые возник еще в начале века, в сугубо еврейско-сионистских кругах. Первой страной, поднявшей вопрос об эмиграции сюда еврейского населения, стала, однако, не Германия, а Польша, в 1937 году даже посылавшая на остров специальную польско-еврейскую комиссию. Сами евреи отнеслись к этой идее саркастически, французы — крайне сдержанно, а мадагаскарцы — горячо протестовали против нее⁴⁰.

Но сама идея «не сгинела», и в 1938–1939 гг., особенно после провала конференции в Эвиане, ее подняли на щит уже нацисты. План Мадагаскар представлялся им наименее болезненным средством по обезьеиванию Европы, причем в качестве возможной «альтернативы» французскому Мадагаскару дебатировалась еще британская Гвиана и бывшая германская Юго-Западная Африка⁴¹. В декабре 1939 года министр иностранных дел Германии фон Риббентроп изложил Папе Римскому мирный план, предусматривавший среди прочего и эмиграцию немецких евреев: в качестве стран иммиграции в этом плане рассматривались Палестина, Эфиопия и все тот же Мадагаскар⁴². Котировки Мадагаскара подскочили особенно высоко после поражения, нанесенного Германией Франции: победитель потребовал себе мандат на управление Мадагаскаром⁴³.

В начале июня 1940 года начальник еврейского отдела в *Auswärtiges Amt* д-р Франц Радемахер представил план, согласно которому 25 тысяч французов покинут тропический остров, Германия организует на нем военно-морскую и военно-воздушную базы, а на неоккупированную часть Мадагаскара завезут 4–5 миллионов евреев, которые будут заниматься сельскохозяйственной деятельностью под надзором назначаемого Гиммлером полицей-губернатора⁴⁴.

Впрочем, по мнению А. Люстигера⁴⁵, и Мадагаскар являлся уже вполне людоедским проектом: этот «райский остров» в климатическом отношении мало напоминал рай для европейских евреев, и по-настоящему акклиматизироваться там они, скорее всего, не смогли бы.

От этого плана всерьез отказались только в начале осени 1940 года⁴⁶, когда Гитлер принял решение о нападении на СССР.

Таким образом письма Эйхмана и Шталекера Чекменеву документируют доселе совершенно неизвестный проект «решения еврейского вопроса» — посредством эмиграции, эвакуации или депортации (как ее ни называй!) немецко-австрийского, чешского и польского еврейства в СССР. Если датировать зарождение и обсуждение идеи декабрем 1939 — январем 1940 г., а посылку писем (по всей видимости, по дипломатической почте) — концом января 1940 года, то русский проект Эйхмана (назовем его, чисто условно, «Проект Биробиджан») ложится прямо между эпицентрами двух других крупных депортационных проектов — «Эксперимента Ниско» и Плана Мадагаскар⁴⁷.

Есть основания полагать, что, как и в случае с Ниско, это была если не импровизация, то уж во всяком случае чисто ведомственная инициатива РСХА. Если бы это было иначе, то и генерал-губернатор Х. Франк был хотя бы в курсе столь многообещающих планов, а он, судя по всему, ничего о такой блестящей депортационной перспекти-

ве не знал. Во всяком случае в своем обобщающем обзоре предстоящих в Генерал-губернаторстве кампаний по массовому переселению он ее ни разу напрямую не упомянул⁴⁸.

В каждом из трех проектов немцами двигателя та или иная конкретная надежда: в проекте «Биробиджан» это была, наверное, надежда на «жидо-большевистский» Интернационал, а также, возможно, расчет на неизбежное разочарование советской стороны результатами вербовки на переезд в СССР среди беженцев из числа украинцев и белорусов в генерал-губернаторстве⁴⁹.

Впрочем, в конце лета и в самом начале осени 1940 года несколько десятков или сотен венских евреев все-таки проследовала через Транссиб во Владивосток, а стало быть — и через Биробиджан! Это были те счастливики, кто сумели получить через «Интурист» транзитную советскую визу и были доставлены Транссибирским экспресом в Маньчжоу-Го для дальнейшего следования в Японию, Шанхай или на Филиппины⁵⁰. Согласно данным проф. Хо Хина из Нанкинского университета этот железнодорожный коридор открылся не ранее 11 июня 1940 (после того как доставка морским путем стала невозможной) и закрылся не позднее 7 декабря 1941 года⁵¹.

Следующий «краткосрочный проект» еврейской депортации был сформулирован, скорее всего, на совещании у А. Эйхмана в Берлине, состоявшемся 17 декабря 1940 года⁵². Для освобождения места для фольксдойче, ожидавшихся из Бессарабии, Буковины, Добруджи и Литвы, к выселению в Генерал-губернаторство было намечено не менее 831 тыс. поляков и евреев, плюс еще 200 тыс. чел. — в интересах устройства армейских полигонов. Фактические депортации начались в конце января, охватили 25 тыс. чел., в том числе 9 тыс. евреев, а 15 марта 1941 года — в который уже раз! — были прекращены: подготовка к нападению СССР и чисто военные приоритеты сделали и эти планы неосуществленными⁵³.

Победа над СССР и оккупация большей части его европейской территории открывала перед стратегами антисемитизма совершенно новые и еще более заманчивые перспективы с «окончательным решением еврейского вопроса». Европейских евреев было бы достаточно депортировать на Крайний Север или в Сибирь, где они, скорее всего, и сами бесследно исчезли бы.

Но провал блицкрига развеял и эту задумку фюрера, так и не получившую основательного развития⁵⁴.

Но нельзя не вспомнить и того, что в конце 1941 года целая серия эшелонов доставила немецких евреев из Берлина, Кельна и Гамбурга в Ригу и Минск, где все они вскорости — или же с некоторой оттяжкой — были уничтожены.

Из перспективы адресата

Согласно сталинскому определению тот и только тот народ заслуживает обозначения нации, который располагает собственной, национальной территорией и государственностью. С этой точки зрения, евреи определены (в глазах Сталина) являясь нацией, решительно не подпадали под его дефиницию: выход из теоретического тупика мог быть найден только в создании еврейской государственности, и лучше всего — в пределах СССР. Это позволило бы одновременно решить еще две важные задачи — внутривосточную и международную: во-первых, разгрузить ареал расселения еврейской бедноты в СССР, навязанный ему чертой оседлости от Царской России и явно аграрно-перенаселенный⁵⁵, а во-вторых — перехватить у сионистского проекта и международную еврейскую иммиграцию, а с нею и приличный капитал. Потенциал внутренней миграции оценивался в сотни тысяч человек, а международной иммиграции — в десятки тысяч.

Отсюда — обилие альтернативных проектов аграрного переселения евреев, обсуждавшихся в СССР уже в 1920-е годы. Первые два проекта выдвинула еврейская секция РКП(б) во главе с А. Брагиным: это создание Еврейской республики или в Белоруссии, или на территории Северного Крыма, степной полосы Украины и Черноморского побережья (вплоть до границ Абхазии). Позднее этот проект ужался до организации еврейской республики в одном только Северном Крыму и расселения там примерно 280 тысяч евреев.

Проблемой создания национальной государственности евреев специально занимались Госкомитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ), который возглавлял П. Г. Смилович, и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ) во главе с Ю. Лариным (М. А. Лурье). На Западе в лице «Агро-Джойнта» объявился богатый спонсор, обещавший в октябре 1922 года, что вместе с другими благотворителями выделит на это 1240 тыс. долларов. Сверху идее благоволили Троцкий, Каменев, Бухарин, Чичерин, Калинин и председатель Всеукраинского ЦИК Г. Петровский. Среди ее противников — нарком земледелия РСФСР А. Смирнов, нарком юстиции Украины Н. Скрышник и секретарь ЦК КПУ Э. Квириг. Считается, что позиция самого Сталина была нейтрально-доброжелательной.

И тем не менее КомЗЕТ принял решение о заселении свободных площадей в районе уже существовавших еврейских колоний на юге Украины и Северного Крыма. 11 февраля 1926 года была создана комиссия под председательством М. И. Калинина, по представлению которой Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, гласившее:

«Держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы при благоприятных результатах переселения». На проходившем в ноябре того же года съезде ОЗЕТ Калинин приветствовал идею автономии «в рамках большой задачи сохранения еврейской национальности», для решения которой, по его словам, необходимо было «превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое, компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч»⁵⁶. Это заявление, по аналогии с известной «Декларацией Бальфура», окрестили «Декларацией Калинина».

В 1922–1936 годах в Северном Крыму и на Украине было создано 5 еврейских национальных районов, 213 еврейских колхозов с 11 тысячами хозяйств и более 40 еврейских сельхозпоселений. Но, хотя численность евреев в Крыму неизменно росла и достигла к 1939 году 65 тыс. чел. (на них приходилось 8% городского и 3% сельского населения Крыма). Привилегии евреев в землеустройстве, их поддержка из-за границы сельхозтехникой, семенами и породистым скотом вызвали зависть и массовый антисемитизм у их славянских соседей, в не меньшей степени страдавших от малоземелья. В результате идея еврейской государственности в Тавриде была встречена в штыки и не прошла⁵⁷.

В годы войны еврейское население Крыма исчезло с лица земли: немцы истребили здесь не менее 67 тыс. евреев и крымчаков (караимов не трогали). В 1944–1946 годах по инициативе Еврейского Антифашистского комитета вновь рассматривался «Крымский вариант» еврейской государственности — и с тем же успехом⁵⁸. Идею поддержал Молотов, но на этот раз резким ее противником оказался Сталин.

Наиболее удавшийся (или, по крайней мере, не полностью провалившийся) проект — дальневосточный: переселение еврейских аграриев на 4,5 млн га плодородных и незаселенных земель в районе рек Бира и Биджан в левобережье Амура, закрепленных за КомЗЕТ еще в 1927 году. 60 тыс. чел. намечалось переселить туда до конца первой пятилетки, еще 150 тыс. — к концу второй. К 1938 году общая численность еврейского населения в области должна была достигнуть 300 тыс. чел.

Но за первые два года (считая от 1928 года) туда не переселилось и двух тысяч евреев. Не помогли ни принудительная демобилизация евреев-красноармейцев, ни рекламные кампании за рубежом, ни даже провозглашение в этом районе Еврейской национальной автономии. За 1928–1933 годы сюда переселилось около 20 тыс. советских евреев и 1,5 тыс. евреев из Литвы, но при этом более 11,5 тыс. (или почти 3/5) переселенцев успели покинуть «Красный Сион» в Приамурье⁵⁹.

Вместо 60 тыс. евреев в Биробиджане к концу пятилетки насчитывалось всего 8 тыс. И, хотя в 1927 году там была конституирована существующая и поныне Еврейская автономная область, — глобальной конкуренции с сионизмом и с его идеей сосредоточения евреев в Палестине Биробиджану и большевизму выдержать не удалось.

Тем не менее председатель правления «Агро-Джойнта» Д. Розенберг вел переговоры с М. Калининым по поводу размещения европейских евреев в Биробиджане и обещал им полное субсидирование проекта. Правительство СССР обнародовало планы обустройства в 1935 году четырех тысяч семей советских евреев и тысячи семей евреев-иностранцев. Их переселение, правда, оговаривалось весьма жесткими условиями. «...Все переселяемые из-за границы принимают советское гражданство до въезда в СССР и обязуются не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области. Отбор переселяемых ОЗЕТ производится в основном на территории, входившей до Империалистической войны в состав Российской Империи. Переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов».

Но в действительности все было еще жестче, — квоты на въезд постоянно уменьшались. Так, в 1936–1937 годах было заявлено, что Биробиджан сумеет принять не более 150–200 семей из Польши, Литвы и Румынии — ученых, инженеров и врачей⁶⁰.

К этому времени в СССР всюду разгорелась тотальная шпиономания и установился Большой Террор 1937–1938 годов, одной из первых и главных целей и жертв которого были находящиеся в СССР иностранцы⁶¹. Репрессии слизнули многих евреев-иммигрантов, а также сотрудников многих внутрисоюзных и международных организаций, практически занимавшихся переселением евреев в СССР.

В 1938 году деятельность «Агро-Джойнта» в СССР была запрещена, и, начиная с 1938 года, переселение иностранцев-евреев в Биробиджан стало практически невозможным.

Ни малейшего интереса не проявил СССР и к международной конференции о глобальной судьбе еврейских беженцев, созданной по инициативе США и прошедшей на французском курорте Эвиан с 5 по 16 июля 1938 года. Конференция, впрочем, закончилась почти полным провалом — под саркастические ухмылки немецкой прессы. Лишь одна страна — Доминиканская республика — изъявила готовность принять евреев, а Великобритания предложила им для переселения свою колонию в Восточной Африке — Уганду (и чем же это лучше Мадагаскара?). Единственный результат — создание Межправительственного комитета по делам беженцев, ведшего впоследствии переговоры как с Германией, так и с принимающими странами.

Принимающие страны — это, в основном, свободные страны Запада. Экстренный — вне квот и регламентов — прием немецких, а уж

тем более восточноевропейских евреев их тогда явно не воодушевлял. Даже иммиграция в Палестину квотировалась англичанами на уровне, который более всего напоминал издевательство. Серьезность и чрезвычайность актуальной ситуации с евреями — заложниками Гитлера не могла не замечаться и не осознаваться, но Париж, Лондон и Вашингтон настолько предались геополитическим торгам с Берлином и Римом, что, сколько бы евреев ни обижали, они воспринимались лишь как одна из некозырных карт большой колоды. Отсюда — вся гнусь и позор «прагматической» политики Запада, причем как Мюнхенский пакт, так и знаменитые сегодня суда «Сент-Луис» или «Экзодус» — не более чем ее частные страусиные проявления. Запад не только не поставил заслона амбициям и аппетитам Гитлера, но и не расслышал прямые и с каждым месяцем все более громкие и все более отчаянные сигналы SOS об угрозах европейскому еврейству. Геополитические бируши в ушах и спесивая уверенность в том, что дипломатически они и умиротворят, и переиграют этого выскочку, развязывали фюреру руки во всем, в том числе и в способе избавления от евреев.

СССР тут стоит особняком.

Именно в эти годы — и всячески подчеркивая при этом свой интернациональный долг — СССР принял тысячи испанских беженцев, в том числе и детей. Интернациональные чувства по отношению к противникам и жертвам национал-социалистического террора в самой Германии ограничивались лишь немногими коммунистами и их семьями, а также некоторыми знаменитостями, вроде чемпиона мира по шахматам Эманнуила Ласкера.

В то же время совершенно недобросовестно было бы интерпретировать «переписку Эйхмана с Чекменевым» как допропорядочное деловое предложение, а переписку Чекменева с Молотовым — как жест «умытые руки». Но именно таким было восприятие публикации всей этой истории частью еврейского общества: Сталин оказывается при этом ответственным не только за Гулаг, но еще и за Холокост!

Как ни крути, а именно СССР оказался практически единственной страной, принявшей у себя значительные количества еврейских беженцев из Западной Польши, оккупированной немцами в сентябре 1939 года.

Из совместной перспективы отправителя и адресата

После столь успешного военного раздела Польши, успехи германосоветского взаимодействия продолжились и в других отраслях, в частности, в сфере обмена населением. В том же октябре 1939 года, после «освободительного похода» Красной армии в Восточную Польшу

была создана Смешанная германо-советская комиссия по эвакуации. Ее советским и немецким сопредседателями были М. М. Литвинов (весной 1939 года снятый с поста Наркома иностранных дел СССР) и Курт фон Ремпхохенер (Kurt von Remphohener)⁶². Подписи обоих стоят под «Соглашением между Правительством СССР и Правительством Германии об эвакуации украинского и белорусского населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Германии, и немецкого населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Союза ССР», подписанном в Москве 16 ноября 1940 года⁶³.

Главными уполномоченными по реализации договора с советской и немецкой стороны были майор (позднее полковник) Я. Н. Синицын и оберштубанфюрер (позднее штандартенфюрер) СС Х. Хофмайер, местонахождением ставок обоих был Луцк на советской стороне; целый ряд представительств обеих сторон действовал и в других городах, как, например, немецкие представительства во Львове, Стрые или Станиславе, или советские представительства в Хелме и Ярославле⁶⁴. Эта репатриация носила строго этнический характер: ни славяне, ни евреи, — даже если они были членами «арийских» семей, — под ее действие не попадали, а арийцам настоятельно рекомендовали разводиться со столь «неполноценными» и «нежелательными» супругами⁶⁵.

Первый транспорт с 1050 переселенцами был отправлен из Владимира-Вольнского 20 декабря 1939 года. К началу Нового, 1940-го года, число переселившихся превысило 26 тыс. чел., а вся эвакуация была завершена к 4 февраля, охватив около 130–131 тыс. чел.⁶⁶ По другим данным, к 8 февраля 1940 года было эвакуировано на запад до 128 тыс. лиц немецкого происхождения, в том числе и 15 тыс. поляков, могущих, по мнению комиссии, претендовать на «немецкость»⁶⁷.

Члены немецкой комиссии не скрывали своей гордости достигнутым в кратчайшие сроки (всего за шесть недель!) результатом — почти полной очисткой бывшей Восточной Польши от остатков немецкого населения. Лишь крайне незначительная часть немецкого населения, не вняв ни уговорам немецких, ни угрозам советских властей, отказалась от переезда: это были, в основном, баптисты и католики, опасавшиеся религиозных преследований в Германии⁶⁸.

Число желающих эвакуироваться в противоположном направлении составило около 40 тыс. чел., и среди них немало евреев, но советская сторона согласилась принять только 20 тыс. из них⁶⁹. Позднее, в конце декабря, она согласилась принять еще 14 тыс. чел. (преимущественно евреев), одновременно высывая в немецкую зону около 60 тыс. чел., не принявших советизацию (евреи были и среди них)⁷⁰. Подчеркнутое отсутствие интереса со стороны СССР к судьбе поль-

ских евреев проявлялось, начиная с первых же заседаний Смешаной комиссии⁷¹.

Сотрудник Главного немецкого штаба по эвакуации в Луцке Брюкнер приводит в своем дневнике (правда, в пересказе) такой случай. В начале декабря 1939 года на пограничный переход у моста через Буг возле местечка Сокол прибыл состав с евреями из Генерал-губернаторства. Советские пограничники не пропустили их, а когда те стали все равно прорываться через заслон, то открыли по ним огонь. Когда евреи развернулись и пошли в германскую сторону, то и оттуда их встретили выстрелы. Несколько человек прыгнули в Буг и поплыли на советский берег, один человек утонул. И только через 2 часа, после консультаций с высшими начальниками, эту группу пропустили в СССР. Один из советских офицеров так прокомментировал эту сцену: «Значит, немцы в Германию, в Россию русские, а евреи — в Буг?»⁷²

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года множество мирных польских граждан — преимущественно евреев — бросили свои насиженные места и бежали от немцев на «спасительный» восток, в сторону СССР. Все они после 17 сентября 1939 года оказались не в соседнем государстве, а в руках у другого — восточного — агрессора. В этих несколько изменившихся обстоятельствах часть из них сделала свой выбор не в пользу СССР, и подала заявления на эвакуацию в Германию, благо оба агрессора заключили друг с другом 16 ноября 1939 года соглашение об обоюдной эвакуации некоторых групп населения. Хотя соглашение и действовало по принципу «восточные немцы в обмен на западных украинцев и белорусов», заявления принимались от всех желающих, проживавших до 1 сентября по ту сторону демаркационной линии. Все первое полугодие 1940 года в Бресте, Владимире Волынском и Перемышле (а с 13 мая — и во Львове) работали три германские контрольно-пропускные комиссии⁷³, а в Ярославове, Грубешове и Бяла-Подляске — три советские. 19 декабря 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос и приеме беженцев с германской стороны и постановило: для их приема в количестве до 14 тыс. чел. в трех городах — Ярославов, Грубешов и Бяла — организовать советскую контрольно-пропускную комиссию под председательством В. С. Егнарова⁷⁴. При этом председатели СНК УССР и БССР Корниец и Киселев обязывались обеспечить принятых беженцев работой.

С завершением эвакуации немцев процесс обмена населением на пространстве бывшей Польши, судя по всему, не закончился: нерешенными оставались чисто оптационные вопросы — вопросы обмена бывшими польскими гражданами по признаку их проживания до на-

чала войны. Число заявлений о разрешении возвратиться в западные районы Польши подали в общей сложности 164 тыс. чел., главным образом поляков. Сроком завершения эвакуации был намечен 15 мая 1940 года, но позднее он был пролонгирован еще на 2–3 недели⁷⁵. Все первое полугодие 1940 года в Бресте, Владимире Волынском и Перемышле (а с 13 мая — во Львове) работали германские пропускные комиссии⁷⁶. Все это время на аннексированных восточно-польских территориях не постоянно и небольшими группами, но все же находились немецкие офицеры из Комиссий по эвакуации.

Еще одним этно-демографическим вопросом, который поставили перед СССР аннексия и раздел Польши, стала проблема еврейских беженцев. Уже в первые дни сентября 1939 года, когда вермахт захватывал западную Польшу, в восточных ее воеводствах стало накапливаться значительное количество еврейских беженцев из западных воеводств — порядка 150–200 тыс. чел. из общего количества в приблизительно 2 млн евреев, проживавших до этого в Западной Польше. На территории, захваченной самим СССР, постоянно проживало, по оценкам М. Альгшулера, 1292 тыс. бывших польских евреев⁷⁷. После аннексии Восточной Польши Красной армией и «воссоединения» с советскими Белоруссией и Украиной все они оказались в СССР, причем приток беженцев продолжался и после 17 сентября⁷⁸.

Большинство еврейских беженцев предпочитало Сталина Гитлеру и жизнь в СССР — лишь бы не остаться у немцев. Е. С. Розенблат пишет, что тем самым они совершали «бегство из реальности в миф»⁷⁹, в частности, в миф о справедливом советском строе: по нашему мнению, все это ни на секунду не выходило за рамки «реальности» — из одной скверной реальности люди бежали в другую, в надежде, что все-таки она лучше и безопасней, чем та, что они в панике покинули.

Отношение к ним со стороны советской власти, согласно тому же Е. С. Розенблату, прошло через несколько фаз — от «благожелательно-лояльного» осенью 1939 года через «выжидательно-корректное» в первой половине 1940 года и до «требовательно-жесткого», начиная с лета 1940 года⁸⁰, когда значительная часть польско-еврейских беженцев была депортирована на восток СССР.

В начале октября 1939 года первостепенной была задача их регистрации и учета: но уже тогда было ясно, что их так много (в одном только Белостоке — от 10 до 25 тыс. чел.!), что их перераспределение и переселение в другие места неизбежны⁸¹. Этот вопрос обсуждался на заседании Бюро ЦК КП(б) Белоруссии от 14 октября 1939, постановившем создать специальную правительственную Комиссию по размещению и трудоустройству беженцев на территории БССР. Постановлением Совнаркома БССР № 773 от 25 октября 1939 года такая Комиссия во главе с И. Гориным действительно была созда-

на. Общее количество таких беженцев в одной только Белоруссии, по ее данным на декабрь 1939 года, составило порядка 120 тыс. чел. Комиссия рекомендовала разгрузить восемь городов — центров скопления беженцев (Белосток, Брест-Литовск, Гродно, Барановичи, Пинск, Лида, Молодечно, Слоним) и переселить «излишки» в восточные области республики, где предложить физическую работу (на торфоразработках, например). Около 23 тыс. было переселено уже к концу октября 1939 года, из них примерно пятая часть, не найдя себе работы по специальности, к февралю 1940 года вернулась в западные области (где трудоустроиться, впрочем, было еще сложнее)⁸².

10 ноября 1939 года Постановлением СНК СССР № 1855/486 была создана советская комиссия под председательством Л. П. Берия по вопросу учета и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы «обратной эвакуации» (то есть водворения в Германию) неблагонадежных или нетрудоспособных беженцев. Около 25 тыс. отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западно-европейские страны: таких, к неудовольствию немцев, немедленно эвакуировали обратно, а часть была даже арестована. Другая часть спокойно приняла советское гражданство и даже завербовалась на работы внутри СССР, но большинство все же попыталось осесть и закрепиться на новой советской и бывшей польской земле.

Политика советских властей по отношению к еврейским беженцам носила, как справедливо заметил Е. С. Розенблат, во многом «импровизационный характер». Так, в начале 1940 года в Белостоке действовал запрет брать беженцев на работу через отделы труда, что в Постановлении бюро Белостокского обкома КП(б) Белоруссии от 4 февраля 1940 было расценено как мера, подталкивающая беженцев к спекуляции, и осуждено⁸³.

Вместе с тем и попытки советской власти распорядиться беженцами точно так же, как и с остальным советским населением, перевоспитать их и навязать им те виды трудовой деятельности, к которым они — портные, ремесленники, рабочие, торговцы — были совершенно не приучены, в целом не увенчались успехом. Часть из них отказывалась принять советское гражданство. Отношение к *таким* беженцам стало настроенным, их рассматривали как социально чуждый и дестабилизирующий элемент.

Те из беженцев, кто смог найти крышу над головой у своих родственников в советской зоне, кто принял или согласился принять советское гражданство, могли чувствовать себя — по крайней мере, до 22 июня 1941 года — в относительной безопасности. Остальных же ожидала депортация — на Север Европейской части и в путь и

в Западную, но Сибирь, — правда, ждать ее пришлось относительно долго.

Собственно, к депортационной зачистке новоприобретенной польской территории Советы приступили в середине февраля — то есть буквально сразу же после того, как из больших городов уехали немецкие эвакуационные комиссии. Уже 10 февраля была проведена первая и самая большая операция такого рода — депортация около 140 тыс. «спецпереселенцев-осадников». «Осадниками» назывались бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года и получившие за это в 20–30-е годы от благодарного отечества земельные наделы в восточных районах, населенных преимущественно белорусами и украинцами. В апреле (9 и 13 числа) последовала депортация 60 тыс. так называемых «административно-высланных». В их число входили члены семей расстрелянных польских офицеров⁸⁴, полицейских, жандармов, госслужащих, помещиков, фабрикантов и участников повстанческих организаций; среди них были и учителя, мелкие торговцы и даже крестьяне побогаче, пресловутые «кулаки». Интересно, что еще раньше, 9 апреля 1940 года, чести быть депортированными, причем отдельно от остальных, удостоились проститутки. Большинство этих депортированных составляли поляки, небольшая часть — украинцы и белорусы.

А вот третья депортационная волна из числа граждан бывшей Польши была почти исключительно (на 85–90 %) еврейской. Контингент назывался «спецпереселенцы-беженцы» и состоял из тех, кто бежал на восток от наступающего вермахта: таких рассматривали как «интернированных эмигрантов». Намеченная еще в марте, их депортация могла состояться не ранее середины июня 1940 года, когда из СССР уехала последняя немецкая комиссия, принимавшей индивидуальные заявления граждан о переселении на территорию, контролируемую Германией⁸⁵.

Фактически же она состоялась только 29 июня 1940 года. Около 77 тыс. чел. направили в спецпоселки на севере СССР — в Архангельской, Свердловской и Кировской областях — для использования, главным образом, на лесоразработках. Вместе с тем большинство беженцев до войны были мелкими ремесленниками и торговцами, врачами и т.д. *«Стремление портных, сапожников, часовых дел мастеров, парикмахеров и др. быть использованными по специальности, полностью удовлетворить в пределах их расселения не представляется возможным. Поэтому приходится людей этих профессий (избыточную часть) осваивать на лесе»*⁸⁶.

Экономическую эффективность «освоения портных на лесе» можно было бы поставить под сомнение с самого начала. Но нельзя не

отметить: для большинства этих людей огорчительный отказ немцев в приеме их обратно и отвратительная действительность советской депортации — спасли им жизнь⁸⁷.

...Но как бы то ни было, в начале 1940 года во власти немцев оказалось огромное число еврейского населения — до 350–400 тыс. чел. в самом Рейхе (включая сюда и австрийских евреев, и евреев Чехии и Моравии) плюс более чем 1,8 млн чел. в генерал-губернаторстве, на бывших польских территориях. Именно о них, в сущности, и говорится в письме товарищу Чекменеву. Избавиться от них было и психопатической мечтой, и политической целью Гитлера.

Но был ли этот подарок желанен Сталину? Подарок в 2, 2 млн евреев — 2,2 млн людей с мелко- и крупно-буржуазной психологией? Даже с полутора сотнями тысяч польских евреев государство уже так основательно помучилось отправляя их на торфоразработки или же в депортацию! Да и кто знает, не скрывается ли под личиной этого лавочника или того портного немецкий шпион — шпион страны, обороняться от которой имелось в виду исключительно на его территории?

Нет, сердце тирана-интернационалиста, исполненное классовой любви к пролетариату и граничащего с антисемитизмом недоверия и к «своим» евреям, такого «подарка» просто не выдержало бы! Если разрешить им вольное проживание по всей стране, то сколько же сил и энергии и затрат потребовалось бы на их чекистско-оперативное обслуживание? И не отправлять же их всех в ГУЛАГ или на спецпоселение, как это было решено и сделано по отношению к нескольким десяткам тысяч еврейских беженцев из Польши?

А если расселить их на Западной Украине, как предлагали немцы, то там ведь и так уже почти 1,4 млн «трофейных» польских евреев! Куда бы их самих деть, учитывая вероятное стратегическое значение этого региона в недалеком будущем?

А если отправить их в резерват «Биробиджан-на-Амуре», как это тоже предлагали наивные немцы, то ведь он рассчитан на несколько сотен тысяч человек и его инфраструктура явно не рассчитана на переваривание и укоренение такой массы! Да, Еврейская автономная область остро нуждалась в притоке еврейского населения и даже просила Кремль помочь ей переселить на свою территорию в течение двух-трех лет 30–40 тыс. евреев из Западной Украины и Западной Белоруссии, но более чем 15 тыс. чел. в год она была просто не в состоянии «переварить»⁸⁸.

Итак, отказ СССР на столь лестное предложение Германии был запрограммирован. Приведенные Чекменевым сугубо формальные

соображения, в сущности, смехотворны и даже немного лукавы (никаких русинов в тексте соглашения нет). Ничто не привязывало и к уже действующим соглашениям — при обоюдном желании можно было легко заключить новый договор. Истинные мотивы отказа лежали, скорее, в другом — в патологической шпиономании сталинского режима⁸⁹, в подозрительно-недоверчивом отношении к классово-буржуазной еврейской массе из капиталистических стран, а также в колоссальных масштабах предложенной Берлином иммиграции.

Не знаю, отдавали ли себе Молотов и Сталин полный отчет в том, какими последствиями для европейского еврейства обернется их отказ? Сталин, который уже через месяц сам решится на геноцид польского офицерства, и Молотов, в то время не только председатель Совнаркома, но еще и нарком иностранных дел, — вполне могли бы просчитать, что может с ними стать в их гетто и концлагерях, когда рутинная депортация уже не решает всей проблемы.

По крайней мере, другой советский дипломат — Ф. Ф. Раскольников (бывший посол в Болгарии и невозвращенец-эмигрант) прекрасно уловил последствия такого отказа. Еще в сентябре 1939 года он обратился к Сталину с поистине пророческим открытым письмом: *«Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, хлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов»*⁹⁰.

Проще всего было бы откликнуться на обнаруженный документ восклицанием типа: «Ах, оказывается, евреев Германии, Австрии и Польши можно было спасти! Гитлер предлагал их Сталину, а тот, сволочь, не согласился, не спас, оставил их на погибель!»

Но подумать так — было бы очень большим упрощением ситуации. СССР преследовал свои собственные интересы, реализации которых массовое прибытие евреев могло только помешать. И Сталин не был бы Сталиным, если бы руководствовался морально-вероятностными императивами или просто клюнул бы на удочку Гитлера и снял с него эту «головную боль».

Получив отказ (или, что еще более вероятно, не получив из Москвы никакого ответа⁹¹), Эйхман едва ли расстроился. Он, привыкший изучать и знать своего врага, был готов и к этому.

Но серия неудач с территориальным решением еврейского вопроса — Ниско, Биробиджан, Мадагаскар, — безусловно, подтолкнули его к поиску и продумыванию и других путей «разрешения» этого вопроса — путей экстерриториальных, куда более радикальных и абсолютно надежных. Казнь вместо высылки, газовые печи вместо гетто, яры и карьеры вместо лагерей, братские могилы вместо Мадагаскара или Сибири.

Да, вопрос тогда так и остался открытым. Но ненадолго — года так на полтора.

Его позднейшее и иное решение — народоубийство, — как известно, вошло в историю под страшным именем Шоа.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 82 (В. М. Молотов). Оп. 2. Д. 489. Л. 1. Подлинник. Вверху — помета, предположительно, адресата: «Арх.», то есть: «В архив».

² Русины — название украинцев западно-украинских земель — Галиции, Буковины и Закарпатской Руси, — имевшее наибольшее распространение во время их пребывания в составе Австро-Венгерской империи. Особые исторические условия развития этих групп (длительное иностранное владычество, расчленение государственными границами, ассимиляторская политика властей и др.) обусловили некоторое своеобразие их украинского языка и культуры. Интересно, что в качестве отдельной подлежащей переселению категории русины в советско-немецких соглашениях не фигурируют.

³ КОСТЫРЧЕНКО Г. В., 2001. С. 188–189. К сожалению, в нашей газетной заметке, опубликованной в «Московских новостях», ссылка на это обстоятельство выпала.

⁴ Наиболее серьезный отклик см. в монографии И. Альтмана (АЛЪТ-МАН, 2002. С. 378). Среди других можно указать и на: Люлечник В. Крым, Дальний Восток и далее... Израиль / Еврейский обозреватель. Июнь 2003 г. Со ссылкой на «Русский базар» см.: http://www.jewukr.org/frames_r.html). Вероятно, ошибочно он отсылает читателя не к Ф. 82 РГАСПИ, где находится документ, а к Ф. 151. Также можно указать и на статью Е. С. Розенблата, содержащую ссылку на процитированный документ как на индикатор того, что евреи не входили в число национальностей, затрагиваемых советско-немецким трансфером населением (Розенблат Е. С. «Чуждый элемент»: еврейские беженцы в Западной Белоруссии // История и культура российского и восточно-европейского еврейства: новые источники и новые подходы: Материалы международной научной конференции. Москва, 8–10 декабря 2003 г. М., 2003. С. 335). Тем не менее насколько можно судить, до наших газетных публикаций в мае–июне 2005 года обсуждаемый документ был практически неизвестен на Западе.

⁵ Бригаденфюрер СС Шталеккер был первым командиром айнзатцгруппы А, действовавшей в тылу группы армий «Норд» (погиб от рук партизан 23 марта 1942 г.).

⁶ ANDERL, RUPNOW, 2004. S. 121.

⁷ См. некролог: Правда. 1963, 25 апреля.

⁸ Приказы СНК СССР № 991 от 04.06.1939 и 2129 от 29.12.1939.

⁹ Приказ СНК СССР 776 от 2.04.1941.

¹⁰ В этом своем качестве он участвовал и в знаменитой сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 31 июля — 7 августа 1948 г.

¹¹ Поиски продолжаются.

¹² Невозможно себе представить, чтобы Гейдрих и Молотов, действовали в этом случае абсолютно самостоятельно, без согласования с, соответственно, с Гитлером и Сталиным, от которых они находились на весьма короткой дистанции.

¹³ ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 1–4. Из описания соответствующего микрофильма следует, что он был получен из ГА РФ, однако идентифицировать этот трофейный источник или хотя бы время его передачи не удалось.

¹⁴ В самом начале своей деятельности Центр базировался в помещениях, выделенных Венской Еврейской общиной и Сионистским Союзом Австрии.

¹⁵ ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 1–4.

¹⁶ Этот сбор позволял финансировать эмиграцию также и малосостоятельных евреев.

¹⁷ См.: ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 29–31.

¹⁸ Záměšník, 1995. S. 94.

¹⁹ См. телеграмму штурмбанфюрера СС Эрлингера (Ehrlinger) Шталеккеру от 11.11.1938 (ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 29). Связь этого совещания, созывавшегося в сверхсрочном порядке, с событиями Хрустальной ночи совершенно очевидна.

²⁰ См. его телеграмму Эйхману от 17.2.1939 (ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 50). В то же время — в целях способствования эмиграции — Мюллер предложил вновь открыть Венскую еврейскую общину.

²¹ См. соответствующий отчет, датированный 16.5.1939. Автором этого отчета Эйхман, по-видимому, не являлся (ВAB. R 58. Nr. 486. Bl. 52–56).

²² Záměšník, 1995. S. 93, 94.

²³ Начальником Венского центра остается, по-видимому, тот же Шталеккер.

²⁴ С июля 1940 г. это обозначение было сокращено до просто генерал-губернаторство. Оно состояло из четырех округов — Краков, Варшава, Радом и Люблин. 26.10.1939 Генерал-губернатором был назначен Ганс Франк.

²⁵ Располагался в Берлине по адресу: Kurfürstenstr. 115/116.

²⁶ Конечно, всячески приветствовалось и выдворение евреев за пределы демаркационной линии с СССР, но у СССР тут была своя политика. Об этом ниже.

²⁷ В частности, в белградскую газету «Време», в номере от 18.09.1939 написавшей о планах создания еврейской территории в Польше (Moser, 1989. P. 732).

²⁸ Rosenberg A. Das politische Tagebuch 1934–1935 und 1939–1940 / Hg. H. G. Seraphim. München, 1964. P. 98f.

²⁹ Moser, 1939. P. 739.

³⁰ Впрочем, цифра в 162 тыс. евреев, названная в письме О. Глобочника губернатору Люблинского района Цернеру, говорит скорее о том, что резервация предназначалась, по крайней мере, в этот момент, скорее для собственно немецких евреев, количество которых было близко к этой цифре (см.: Friedman, 1989. P. 705, 709. Со ссылкой на ZIH).

³¹ Moser, 1939. P. 736–737.

³² Согласно Фридману, венских евреев заставляли подписывать некий «Меморандум о переселении в польские провинции» с целью колонизационной деятельности (Friedman, 1989. P. 710).

³³ Moser, 1939. P. 746. В литературе встречаются неточные или ложные сведения и о количестве депортированных в резерват Ниско (десятки и даже сотни тысяч), и о времени самой депортации (вплоть до конца ноября), и о депортированных контингентах (включавших в себя якобы и немецких евреев из Штеттина, и еврейских военнопленных польской армии). См., в частности: Friedman, 1989. P. 710–711.

³⁴ Интересно, что планы нацистов находили «поддержку» у части русской эмиграции в Германии, в частности, у Национально-Трудового союза (См.: Заборовский Д. Опыт разрешения еврейского вопроса // За родину. 1939. № 95. 15 декабря. Перепечатка в: Синтаксис. Париж. 1991. № 31. С. 179–182).

³⁵ Ф. Фридман называет совершенно иные сроки (от февраля по апрель 1940 г.), инстанции (Г. Геринг) и даже мотивы прекращения эксперимента Ниско (Friedman, 1989. P. 713–713), которые, однако, не вполне согласуются с общепризнанными фактами. Так, он сообщает о принятом 13.02.1940 решении выслать из этого района 30 тыс. немцев, не трогая при этом украинцев (Fridmann, 1989. P. 708–709). К тому же и демаркационная линия между немецкой и советской частями разделенной Польши еще не была окончательно утверждена (Moser, 1989. P. 734). Но позднее, накануне нападения на СССР сама концепция этнического заселения этого региона решительно изменилась. 15.06.1941 начальник полиции и СС Люблинского дистрикта О. Глобочник заявил о создании в районе Замостья чисто немецкой колонии из фольксдойче из Болгарии, Югославии и Бессарабии. За этими планами явственно просматривалась фигура Г. Гимmlера, посетившего Замостье 21.07.1941 (циркулировали даже слухи о чуть ли не переименовании Замостья в Гимmlерштадт). Как бы то ни было, но между ноябрем 1941 и августом 1943 г. из этого района было выслено 110 тыс. поляков, или около трети всего населения района (Friedman, 1989. P. 704–705). Впрочем, сведения Ф. Фридмана нуждаются, скорее всего, в перепроверке.

³⁶ Browning, 1989. P. 770–771. А в итоге за весь 1940 год удалось переселить 261 517 чел. (Browning, 1989. P. 778. Со ссылкой на отчет 1941 г.: YVA, JM 3582).

³⁷ Именно такова точка зрения Кристофера Браунинга (Browning, 1989. P. 766–768).

³⁸ SCHÖNKER, 2008. S. 26–31. А вскоре «столица» еврейской эмиграции из Верхней Силезии переехала еще раз — в Сосновец, где с 1 февраля по конец апреля 1940 г. существовал Die Zentrale Emigrationsabteilung, или Центральный эмиграционный отдел (Namyslo A. Bericht über die Tagung aus Anlass der zweijährigen Existenz der Zentrale der Jüdischen Räte aus östlichem Oberschlesien // Viertelsjahreschrift der Jüdischen Geschichte. (3)125. September 2005). А 27 апреля 1940 года в Аушвице открыл свои гостеприимные двери концлагерь!

³⁹ SCHÖNKER, 2008. S. 37.

⁴⁰ Friedman, 1989. P. 717–719.

⁴¹ Роль челнока-посредника взял на себя министр обороны Южной Африки Освальд Пиров, большой поклонник личности и политики Гитлера, в

особенности в еврейском вопросе (Friedman, 1989. P. 706, 719–721). С немецкой стороны проект разрабатывался не в СС или в РСХА, а в Министерстве иностранных дел (см.: Zámečník, 1995. S. 96).

⁴² Friedman, 1989. P. 721. Со ссылкой на: Ciano Diaries, 1939–1949. Toronto, 1947. P. 4; The Vatican and the War. New York, 1944. P. 145–146.

⁴³ Именно в свете упований на этот план следует воспринимать и депортацию еврейского населения Бадена и Пфальца не куда-нибудь, а именно в Южную Францию.

⁴⁴ Friedman, 1989. P. 723–726. 18 июня Гитлер посвятил в этот план Муссолини (Browning, 1989. P. 774).

⁴⁵ Высказано в личной беседе.

⁴⁶ Впрочем, План Мадагаскар еще несколько раз вспоминали на самом верху в пропагандистских целях вплоть до 1943 г. Сам же остров был оккупирован Великобританией в мае 1942 г.

⁴⁷ Более подробную историографию эволюции концепции «решения» еврейского вопроса см.: МИХМАН Д. Историография Холокоста. Еврейский взгляд. Концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. Днепрпетровск: Ткума, 2005. С. 109–150.

⁴⁸ Выступая в Кракове 19.1.1940 перед начальниками отделов своей администрации, он говорил о выселении или о транзите через Генерал-губернаторство различных контингентов фольксдойче, но главным образом о двух депортациях внутрь самого генерал-губернаторства — завершении переселения около 80 тыс. поляков (представителей польской руководящей элиты и интеллигенции, а также враждебно настроенных лиц) и евреев из Рейха (Данциг и Зап. Пруссия) с целью освободить жизненное пространство для прибывающих туда немцев из Прибалтики (эта кампания, собственно, началась еще в октябре 1939 г.) и о начале депортации еще 600 тыс. евреев и поляков из Рейха (Вартегау) в округа Краков и Радом в рамках кампании, названной им «перспективным планом»: ее начало, по техническим причинам и с призывам использовать время для более тщательной подготовки, было перенесено с 15 января на 1 марта 1940 г. (Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouvernement in Polen. 1939–1945 / Hg. von Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer. Stuttgart, 1975. S. 93–95). Однако собственное предположение, что истинная причина этой задержки крылась именно в ожидании ответа из Москвы, представляется нам неоправданно смелым!

⁴⁹ Их число, по немецким оценкам, составляло на середину января 1940 г. всего 14 тыс. чел. (Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouvernement in Polen. 1939–1945 / Hg. von Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer. Stuttgart, 1975. S. 95).

⁵⁰ ANDERL, RUPNOW, 2004. S. 210. Лицам без гражданства виза вообще не выдавалась.

⁵¹ Xu Xin. Life and Experience of Jewish Immigrates in Modern China // Paper for Hurst Seminar on Jewish Immigration in the 20th Century (Israel, Beer Sheva, 22–24.5.2006).

⁵² Browning, 1989. P. 777. Со ссылкой на письмо Эйхмана Хешнеру, Крумею, Абрамайту, Шлегелю и Риделю от 12.12.1939 (YVA. 0-53/66/231).

⁵³ Browning, 1989. P. 778. Со ссылкой на: YVA. 0-53/68/682-2 и JM 3582.

⁵⁴ Zámečník, 1995. S. 97–99.

⁵⁵ Дискриминационные царские законы запрещали им не только выезжать в города за пределы черты оседлости, но и заниматься сельским хозяйством.

⁵⁶ См.: КАЛИНИН М. И., СМИДОВИЧ П. С. О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР. М., 1927.

⁵⁷ Царевская, 1999.

⁵⁸ См.: Царевская, 1999.

⁵⁹ См.: Abramsky Ch. The Biro-Bidzhan Project // Kochan L. (ed.). The Jews in the Soviet Russia since 1917. Oxford, 1978. P. 74.

⁶⁰ Из Постановления Политбюро ВКП(б) от 28.04.1935. Еще жестче была Инструкция «О правилах о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область» от 9.9.1935. Она предусматривала предоставление советского гражданства только «трудящимся» иностранцам — рабочим, служащим, кустарям или земледельцам, не использующим наемный труд, способным к тяжелой физической работе и только после проверки органами НКВД. См.: АЛБГМАН, 2002. С. 375.

⁶¹ См.: Polian P. Soviet Repression of Foreigners: The Great Terror, the GULAG, Deportations // Annali. Anno Trentasttesimo, 2001. Feltrinelli Editore Milano, 2003. P. 61–104.

⁶² По другим сведениям, сопредседателем с немецкой стороны был фон Твардовски (АЛБГМАН, 2002. С. 376–377, со ссылкой на: Ioffe E., Selemenev V. Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940 // Jews in Eastern Europe. No. 1 (32). Spring 1997. S. 46), что противоречит подписям под «Соглашением...» (см. ниже).

⁶³ См. печатный экземпляр договора в: ВАВ. R 59. Nr. 295. Bl. 1–11.

⁶⁴ Их руководителями, в частности, были С. Н. Троицкий и В. С. Жегаров (ВИШЛЕВ, 2001. С. 188). Опираясь, по всей видимости, на трудночитаемые немецкие источники, О. Вишлев приводит иной раз ошибочные написания имен: Синчин вместо Синицына и Егнарлов вместо Жегарова. Кроме того, он ошибочно — или расширительно — называет председателем советской части Комиссии В. С. Жегарова, а немецкой — Отто Вехтера (Вишлев О. В., 2001. С. 188–192).

⁶⁵ ПАСАТ В. И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 21, 99–121.

⁶⁶ ВАВ. R 59. Nr. 309. Bl. 41, 65.

⁶⁷ Сообщено С. Дебским (Краков, Польша).

⁶⁸ ВАВ. R 59. Nr. 305. Bl. 28–29.

⁶⁹ Сообщено С. Дебским (Краков, Польша).

⁷⁰ АЛБГМАН, 2002. С. 378.

⁷¹ АЛБГМАН, 2002. С. 516.

⁷² ВАВ. R 59. Nr. 309. Bl. 40.

⁷³ ГУРЬЯНОВ, 2003. Со ссылками на: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 177; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–50.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 161. В комиссию входили еще 6 членов, по 2 на каждый пропускной пункт: — для пункта в Ярославове — майор Мамонов П. М. и ст. лейтенант Столетний Н. Д., для пункта в Грубешове — майора Щитова В. А. и капитана Круглика К. Я., для пункта в Бяла — капи-

танов Злочевского Г. Я. и Коверника Н. Е. Одновременно советскими представителями на германской стороне назначались капитан госбезопасности Сергеев А. А. (в Брест-Литовске), мл. лейтенант госбезопасности Артамонов В. В. (Владимир-Волынский) и лейтенант госбезопасности Хименко И. С. (Перемышль).

⁷⁵ ВИШЛЕВ, 2001. С. 188. Для эвакуируемых немцев создавалась инфраструктура, в частности, дезинсекционная (в Перемышле, Холме и Бяла-Подляске), которая, похоже, была позднее использована и при депортации оstarбайтеров.

⁷⁶ Гурьянов, 1997. Со ссылками на: ГА РФ. Ф. Р- 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 177; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–50.

⁷⁷ КОСТЫРЧЕНКО, 2001. С. 186, 190.

⁷⁸ Так, несколько десятков евреев бежали даже из еврейского резервата Ниско!

⁷⁹ Розенблат, 2003. С. 335.

⁸⁰ Розенблат, 2003. С. 334.

⁸¹ См. высказывания секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко на совещании председателей временных администраций Западной Белоруссии от 4.10.1939 (Розенблат, 2003. С. 336. Со ссылкой на: Gnatowski M. Radziecka administracja wojskowa na północno-wschodnich ziemiach I scenariusz jej aneksji w radzieczech dokumentach. Wrzesień – grudzień 1939 // Studija Podlaskie. IX. Białystok, 1999. S. 198, 200).

⁸² Розенблат, 2003. С. 338–339.

⁸³ Розенблат, 2003. С. 348.

⁸⁴ В апреле–мае в Смоленске, Калинин, Харькове и др. местах было расстреляно 15 131 польских офицеров и 7305 унтерофицеров (см.: КАТЫНЬ. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / Отв. сост. Лебедева Н. С. М.: Весь мир, 2001).

⁸⁵ Гурьянов, 1997. С. 120. Со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–41.

⁸⁶ Из письма М. В. Конрадова Л. П. Берии, 2-я половина августа 1940 г. (ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 27–33).

⁸⁷ За исключением польских евреев — рядовых военнослужащих, проживавших в западных, оккупированных немцами районах Польши и взятых в плен Красной армией: вместе с другими военнопленными, по соглашению между СССР и Германией от 30.10.1939, они были обменены на польских военнопленных родом из восточных районов Польши (индивидуальные обращения к советским властям с просьбами не передавать их немцам советской стороной игнорировались).

⁸⁸ АЛБГМАН, 2002. С. 378–379.

⁸⁹ Осенью 1940 года западные погранзаставы даже получили циркуляр, предполагавший в каждом взрослом еврейском беженце немецкого шпиона (АЛБГМАН, 2002. С. 380).

⁹⁰ КОСТЫРЧЕНКО, 2001. С. 189. Со ссылкой на: Неделя. 1988. № 26.

⁹¹ В истории советской дипломатии вполне обычная практика.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ И ПЕРВЫЕ СПАСШИЕСЯ

Обреченные погибнуть: советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР¹

«Бей жида-политрука, морда просит кирпичка!»
(Из немецкой листовки)

«Свой не продаст — чужой не купит...»
(Семен Орштейн)

«Ну и как же это вы, абрамы, живы остались?...»
(Из вопросов смершевца)

Гитлер сумел выстроить несколько простых и оказавшихся немецкому народу вполне доступных и хорошо им усвоенных иерархий. Кроме расовой табели о рангах, где евреи занимали самую низкую ступень, помимо идеологической шкалы степеней угрозы для Рейха и соответствующей встречной ненависти, где выше всех стояли «жидо-большевистская интеллигенция» и «политические комиссары» как носители коммунистической идеологии, своя иерархия была и у военнопленных: изо всех армий многочисленных противников Рейха ниже всех «котировались» — советские военнопленные².

Так что же тогда говорить о советских военнопленных еврейского происхождения, да еще и политруках! Что может быть ниже, хуже и ненавистнее?!..

Именно о них и пойдет разговор.

Источники к теме

Научная литература, специально посвященная отношению Рейха ко взятым вермахтом в плен военнослужащим-евреям — гражданам различных стран из антигитлеровской коалиции, не слишком обширна.

Применительно к советским военнопленным-евреям основополагающей, бесспорно, является статья Шмуэля Краковского «Судьба еврейских военнопленных советской и польской армий», опирающая-

ся помимо литературных, также и на архивные источники, главным образом американские и немецкие (материалы процессов над нацистскими преступниками)³. Она опирается, отчасти, на некоторые польские публикации более общего плана, где данная тема нашла освещение в ряду прочих тем⁴.

Большинство крупнейших англоязычных исследователей Холокоста или продефилировали мимо этой темы, или, как Рауль Хильберг или Питер Лонгерих, уделили ей непропорционально малое внимание, ограничиваясь несколькими случайно подобранными фактами и необычайно общими рассуждениями⁵.

Весьма скромную роль играла эта проблематика и в исследованиях немецких историков. В основном, они соприкасались с ней, рассматривая предысторию и историю таких важнейших предвоенных приказов Гитлера как приказ «Барбаросса» от 13 мая и «Приказ о комиссарах» от 16 июня 1941 года.

Точно так же на периферии исследовательского интереса оказалась эта тема и в СССР. Даже в «Черной книге» трагедия евреев-военнопленных представлена фактически всего лишь двумя очерками⁶. Непропорционально малой и вторичной оказалась глава «Еврей-военнопленные» и в фундаментальной монографии И. Альмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945»⁷.

В то же время весьма любопытно и, разумеется, не случайно, что в книге И. А. Дугаса и Ф. Я. Черона «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным», написанной представителями «второй эмиграции» и выпущенной в Париже в 1994 году, проблематика военнопленных-евреев начисто проигнорирована⁸.

Ценнейший материал, буквально по крупицам собранный в ЦАМО, содержит сборник «Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии», выпущенный Ф. Д. Свердловым в серии «Российская библиотека Холокоста»⁹. Скупые строки политдонесений из войск, выдержки из показаний местных жителей и допросов немецких военнопленных, акты смешанных военно-гражданских комиссий отложились, в частности, в документации политотделов Красной армии. Они содержат множество свидетельств о еврейском геноциде на территории СССР, в том числе и самые ранние, созданные еще до формирования в 1943 году Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

Ряд ценных печатных свидетельств оставили и сами военнопленные, написавшие воспоминания. Первыми в этом ряду стали свидетельства М. Шейнмана и В. Резниченко, помещенные В. Гросс-

маном и И. Эренбургом в «Черную книгу»¹⁰. Но книга эта вышла в свет на русском языке только в 1980 году, так что несколько беглых или косвенных свидетельств, как бы наудачу появившихся в 1950–1970-е годы, невольно их опередили¹¹. Часть этих материалов была собрана воедино и републикована в сборнике «Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)», выпущенном в Иерусалиме в 1991 году¹². В 1990-е годы воспоминания и другие эго-документы уцелевших военнопленных — евреев или их нееврейских товарищей — стали появляться гораздо чаще. Ограничимся здесь указаниями на книги Б. Н. Соколова «В плену» (2000) — своего рода «энциклопедию плена»¹³. Ярким свидетельством является также книга Софьи Анваер «Кровоточит моя память...», выпущенная в 2005 году и открывшая собой серию «Человек на обочине войны»¹⁴. Обе книги восхищают одновременно аналитическим и литературным талантом авторов.

Отдельные мемуарные свидетельства (в частности, выдержки и из воспоминаний С. И. Анваер и др.) были опубликованы и мной еще в первом издании монографии «Жертвы двух диктатур» (1996). Однако сама проблематика советских военнопленных-евреев была затронута в ней лишь мимоходом. Во втором издании (2002) этому посвящена уже отдельная глава, озаглавленная «Карательная политика Рейха на Востоке: военно-полевой холокост»¹⁵.

Настоящее открытие и отражение тема военнопленных-евреев нашла в двухтомной монографии научного сотрудника Яд-Вашема Арона Шнеера «Плен», выпущенной в Иерусалиме в 2003 году¹⁶. Этот мощный эмпирический труд, посвященный плену в целом, во многом выходит за его рамки и повествует об участии евреев — и в первую очередь советских евреев — во Второй мировой войне. В двухтомнике собраны и обобщены многочисленные свидетельства, сохранившиеся как в самом Яд-Вашеме, так и в архивах постсоветских стран, а также свидетельства, добытые разысканиями самого автора. Отдавая должное необходимому обобщению, автор ошутимо сконцентрирован на воспроизведении и осмыслении эго-документов, то есть на индивидуальных судьбах советских военнопленных-евреев.

В 2005 году А. Шнеер и пишущий эти строки объединили свои усилия. Первоначально хотелось выявить, собрать, систематизировать и обобщить все известные эго-документы военнопленных-евреев — их воспоминания и дневники, интервью с ними или очерки о них.

Однако, когда такая книга была собрана, оказалось, что материала, вопреки ожиданиям, накопилось в 1,5–2 раза больше, чем способен в себя вместить один том в издательской серии «Другая война» «Нового издательства», для которой предназначалась книга. Столь

радикальное сокращение объема было процедурой небезболезненной. Попытка отобрать самые «лучшие» материалы и дать своего рода «хрестоматию» по теме не удалась в силу совершенного отсутствия критериев качества отдельного материала.

Практически единственным практикабельным критерием стал принцип первопубликации. На этом основании из корпуса были исключены тексты из «Черной книги» (1980), из сборника «Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966» (1993), из книги «В плену у Гитлера и Сталина. Книга памяти Макса Григорьевича Минца» (1999), многочисленные материалы из 2-го тома монографии А. Шенера «Плен» (2003) и пространные фрагменты из книги воспоминаний С. Анваер «Кровоточит мое сердце» (2005)¹⁷. Принцип эдиционной новизны соблюдался, впрочем, нестрого: для изданий тиражом всего в несколько сот или десятков экземпляров делались исключения¹⁸.

Таким образом книга «Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы», вышедшая в 2006 году, стала собранием неизвестных или малоизвестных эго-документов, посвященных советским военнопленным-евреям и рисующих внутреннюю перспективу их трагических судеб. Композиционно книга делилась на две части: первая, доминирующая количественно, посвящена немецкому плену, вторая — финскому (материалы о румынском плене не были выявлены¹⁹). Первая часть состоит из трех разделов²⁰, вторая же, вобрав в себя даже стихи(!), внутреннего деления не имеет, крупные воспоминания сочетаются в ней со сравнительно небольшими материалами.

В книге были учтены и принципиально иные материалы, в частности, трофейная немецкая картотека на умерших советских военнопленных, как офицеров, так и на рядовых, хранящаяся в ЦАМО²¹. Слухи о ее существовании в СССР ходили среди историков плена уже сравнительно давно. Однако долгое время они базировались исключительно на косвенной или «глухой» информации²².

Пишущий эти строки имел самое непосредственное отношение к верификации этих слухов и открытию этих картотек для историков (в том числе и немецких), а также к введению их данных в научный оборот. Первая успешная попытка подтверждения самого факта существования и уточнения режима использования картотек была предпринята им в середине 1990-х годов в рамках архивно-поисковой темы по заданию Нижнесаксонского Центра политического образования²³. В 1997 году, благодаря этим усилиям, а также при официальной поддержке полковника В. В. Мухина, возглавлявшего в то время Историко-архивный и Военно-мемориальный центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ, ему удалось добиться доступа к указан-

ным картотекам и сопутствующим материалам как для себя, так и для своих немецких коллег Р. Келлера и Р. Отто.

Публичное введение картотек в научный оборот состоялось в 1997 году на конференции «Трагедия военного плена в Германии и СССР, 1941–1956» в Дрездене, где с докладами об этом выступили В. В. Мухин и П. М. Полян. Со временем увидели свет и две параллельные публикации, содержавшие научное описание и оценки объема обеих трофейных картотек²⁴.

В середине 1990-х годов П. М. Полян сформулировал и высказал саму идею объединения усилий немецких и российских историков, с одной стороны, и финансовых ресурсов заинтересованных организаций различных немецких земель, с другой, для осуществления совместного проекта по научному освоению картотеки. И такой пилотный совместный проект, поддержанный Немецко-Российской исторической комиссией, действительно был создан и запущен в 1999 году: он называется «Советские военнопленные в немецких руках (офицеры): 1941–1945» и посвящен офицерской картотеке ЦАМО²⁵.

Ранее полагали, что среди 550–600 тыс. персональных карточек на военнопленных-евреев быть не могло и, стало быть, не было²⁶. Но по мере сканирования и обработки карточек в рамках названного проекта обнаружилось, что в картотеке встречаются и евреи — прежде всего те, кто с самого начала заявил свою подлинную национальность или же те, кого немцы разоблачили. Серьезным подспорьем в нашей работе оказались выборки о евреях-военнопленных из офицерской картотеки ЦАМО, предоставленные нам в течение 2003 года Р. Келлером и К.-Д. Мюллером (сначала частичная, на 35 чел., а потом и полная — примерно на 360 чел.)²⁷.

Евреи в немецком плену

Согласно таблице, опубликованной Ф. Д. Свердловым²⁸, в 1939–1945 годах в армиях антигитлеровской коалиции служило 1348 тыс. евреев, из них (в тыс. чел.) в армии США — 550²⁹, СССР — 450, Польши — 150, Великобритании — 62, Франции — 35, Палестины — 32, Канады — 17, Греции — 13, Южно-Африканской Республики — 10, Чехословакии — 7, Голландии — 7, Бельгии — 6, Югославии — 5, Австралии и Новой Зеландии — 4 тыс. чел. По данным М. Марьяновского, суммарное число евреев — участников Второй мировой войны, составляет около 1,7 млн чел., в том числе порядка 500 тыс. чел. в Красной армии³⁰, что составляло примерно 1,7% общей численности вооруженных сил СССР и 16% всего еврейского населения СССР.

Интересно, что 27 % евреев ушло на фронт добровольно, 80% евреев-красноармейцев служило в боевых частях³¹.

Исходя из той же доли, число погибших евреев должно было составить порядка 205 тыс. чел.³² Данные ЦАМО лишь незначительно отличаются от этой цифры — 198 тыс. погибших в бою, умерших от ран и болезней или пропавших без вести³³. Звания Героя Советского Союза был удостоен 131 еврей, из них 45 посмертно³⁴.

Необычайно существенно замечание, сделанное немецким военным историком Р. Овермансом (на конференции в Граце в мае 2003 года). По его мнению, немецкая политика по отношению к иностранным военнопленным во время Второй мировой войны во многом преемственна по отношению к политике периода Первой мировой. Совершенно новое в ней — это еврейский вопрос.

Согласно «Энциклопедии Холокоста» в немецкий плен в годы войны попало в общей сложности 200 тыс. военнослужащих-евреев³⁵. При этом приходится пересмотреть устоявшуюся точку зрения, согласно которой дискриминацию и репрессии испытали на себе только военнослужащие армий двух «восточных» стран — Польши и СССР, тогда как отношение к военнослужащим-евреям из армий их «западных» союзников — американской, английской, французской, канадской, австралийской и других, а также из югославской армии, — ничем не отличалось от отношения к военнопленным не-евреям. Пересмотру тут подлежит не тезис о различном отношении к евреям из восточных и западных армий, а единственно утверждение о равном отношении ко всему контингенту западных военнопленных. На самом деле и в их среде имела место отчетливая дискриминация евреев, правда, не доходившая, как правило, до настоящих репрессий и геноцидальных акций.

Свидетельства самих бывших военнопленных западных армий говорят о настойчивых попытках командования лагерей идентифицировать евреев из их числа. Немцы отказывались признавать евреев на выборной должности «доверенного лица» (например, американца Харри Голлера в шталаге II В в Хаммерштайне) и даже убрали с кухни повара-еврея (в лагере «Люфт-3»). Симптоматично, что попытки немцев натравить не-евреев из числа американцев на евреев практически не имели успеха³⁶. Применительно к ряду шталагов, — в частности, VII А в Моосбурге в Баварии и IX В в Вегшайде около Бад-Орба, — есть свидетельства о попытках сегрегации еврейских пленников³⁷. Кроме того, американские еврей-военнопленные испытывали страх, вытекающий из приблизительного, но все же верного представления о том, что происходило с европейскими евреями и с советскими военнопленными: они полагали, что победы под Сталин-

градом немцы, то и с ними, американскими евреями, произошло бы то же, что и с европейскими³⁸.

В случае с французскими военнопленными-евреями³⁹ политическая установка на их сегрегацию и изоляцию от остальных товарищей по плену была еще отчетливей. В подписанной подполковником Брейером «Сводке сообщений ОКВ» № 1 от 16 июня 1941 года об этом говорится следующее: *«Евреи во французской армии. Собрание евреев в особых лагерях не предусматривается, вместо этого всех французских военнопленных-евреев в шталагах и офлагах содержать обособленно, а труд рядовых вне лагеря использовать также обособленно. Никакие особые опознавательные знаки [для них] не предусматриваются»*⁴⁰.

Очевидно, что немцы считали необходимым не нарушать при этом Женевскую конвенцию. Другое дело, что они старались как можно больше сделать «руками» самих французских военнопленных. Превосходными иллюстрациями тут могут послужить сцена, описанная в мемуарах советского военнопленного Б. Соколова, и письмо генерал-майора Унгера, коменданта офлага XVII А в Эдельбахе, на имя командира военнопленных в XVII военном округе (современная Австрия) от 2 октября 1941 года относительно евреев и масонов в этом офлаге.

Б. Н. Соколов, в частности, ярко описал антисемитские усилия коменданта одной из рабочих команд шталага 326 в Вестфалии по отношению к французским военнопленным-шахтерам, среди которых комендант выявил двух евреев: *«...Пока французы работали под землей, он вывел их на двор шахты и устроил им то, что немцы обычно делали с евреями. Заставлял их подолгу бегать по кругу и делать упражнения «ложись — вставай», выбирая для этого на дворе самые грязные места. Но когда дневная смена кончилась и французы поднялись «на гора», произошло невероятное — французы взбунтовались. Они, как были черные и мокрые, вместо бани побежали во двор и с громкими криками окружили коменданта. Они кричали, что это их товарищи и такие же французские солдаты, как они. Что они не позволяют так с ними поступать и бросят работу. Хотя это был явный бунт, но комендант отступил. С одной стороны, на закате 1944 года немцы были уже не те, что раньше, а с другой, несомненно, повлияла французская стойкость и сплоченность. Русские не только за еврея, но и за своего соотечественника не вступились бы никогда»*⁴¹.

Практически то же самое, но из совершенно другой перспективы, описывает генерал-майор Унгер:

«Французские офицеры, оказавшись в плену, прибыли в лагерь как враги Германии. Лишь мало-помалу — сначала через эльзасцев, а потом благодаря газетам, журналам и книгам — руководство лагеря за-

ставило их задуматься и поменять свое враждебное по отношению к Германии настроение.

Руководству лагеря было хорошо известно, что носителями идеи сопротивления его усилиям были евреи и масоны, однако потребовалось большое время, чтобы убедить французских офицеров в том, что выгнать евреев и масонов необходимо для их же собственного блага. Одна из инициатив руководства лагеря — отделить евреев от других военнопленных — была с самого начала отклонена, а попытка осуществить это силой принесла бы больше вреда, чем пользы. И только после годичных усилий лагерного руководства усилить антисемитское настроение у французов настолько, чтобы они сами потребовали отделения евреев и собирались это осуществить. В настоящее время главари группы лиц, враждебно относящихся к Германии и состоящей главным образом из евреев и масонов, считавших себя безнаказанными, установлены и будут переданы в другой лагерь.

Эта мера — пространственное обособление евреев от других военнопленных и удаление злобных пропагандистов — будет дополнена исключением (*das Ausscheiden*) евреев, масонов и военнопленных, дружественно настроенных к Англии, из научной, художественной и спортивной работы в лагере. Бывшее доверенное лицо военнопленных, подполковник Роббер, который умело прикрывал и поддерживал деятельность евреев, снят со своей должности и удален из лагеря. Теперь же командованию лагеря удалось добиться того, что ранее имевшее место несомненное и сильное влияние военнопленных, отрицательно настроенных по отношению к Германии, преодолено. Другие военнопленные ведут за ними постоянное наблюдение, и те более не решаются продолжать дальше в прежнем духе. Сторонники французского правительства, в том числе и в особенности противники евреев и масонов, вошли в организацию «Национальная революция», не терпящую в своих рядах противников ее деятельности и определяющую духовную жизнь лагеря и получает всяческую поддержку со стороны лагерного командования с тем, чтобы выключить из игры распространителей слухов и врагов мирного сосуществования Франции и Германии.

В этом смысле командование лагеря с самого начала было озабочено тем, чтобы исключить из процесса выведения из плена тех военнопленных, кто был враждебно настроен к Рейху, а особо опасных врагов — удалить из лагеря. Так же и при высвобождении участников мировой войны из положения военнопленных те из них, кто вызывает те или иные сомнения, будут задержаны и позднее переведены в другие лагеря.

Освобождение евреев происходит по заранее поставленному запросу о получении четкого приказа ОКВ в рамках так называемого «Движения Рона».

Каждый военнопленный, который и теперь все еще пытается разрушительно повлиять на товарищей по плену, берется на заметку и под наблюдение; в определенный момент их предлагают к переводу в другие лагеря.

Подписал: Унгер, генерал-майор и комендант»⁴².

Еще весной или в начале лета 1941 года в ряде лагерей, в частности, в шталаге XI А в Альтенграбове или в упомянутом офлаге XVII А Эдельбахе был налажен учет евреев-военнопленных⁴³. В конце 1941 года командир по делам военнопленных при ОКВ генерал Г. Рейнкекк предложил уполномоченному представителю французского правительства Ж. Скальпини⁴⁴ отделить и собрать французских военнопленных солдат и нижних чинов из числа евреев в особом лагере, но встретил с его стороны вежливый, но твердый отпор: все французские военнопленные без исключения в равной степени находятся под защитой Женевских конвенций⁴⁵.

Но на практике те или иные виды дискриминации евреев в плену все равно практиковались немецкой стороной, как например, своего рода «геттоизация» лагерей — содержание евреев-военнопленных в обособленных бараках в пределах лагеря или назначение им особенно грязных работ. В некоторых лагерях их даже заставляли носить желтую звезду, причем еще до того времени, когда это было вменено в обязанность и гражданским евреям-французам⁴⁶. Так же, оставление французских евреев в статусе военнопленных, — в то время как их нееврейских товарищей переводили в гражданское состояние, — было, по-видимому, одной из таких форм дискриминации⁴⁷. Но именно оставление и пребывание евреев в плену служило им — и даже их домашним на родине! — серьезной статусной защитой, избавлявшей даже от депортации в концлагерь, в случае если жена военнопленного-еврея и сама была еврейкой⁴⁸. После наступления союзников на западе осенью 1944 года сотни французских военнопленных-евреев были переведены в другие, в том числе в штрафные, лагеря⁴⁹.

Что же до не-французских военнопленных-евреев, воевавших бок о бок с французами, например, военнослужащих польских легионов, то на них компетенции Скальпини не распространялись и есть свидетельства, что их отправляли в Освенцим⁵⁰.

Интересна судьба еврейских военнопленных югославской армии. Представители МККК неоднократно делали представления ОКВ относительно еврейских офицеров югославской армии, собранных в обособленном отделении в офлаге VI С в Оснабрюке⁵¹. В 1995 году в Тель-Авиве состоялась выставка, посвященная судьбе таких офицеров и солдат (большинство из них после войны переехало в Изра-

иль). Выпущенный к ней каталог содержит поистине ценнейшие и вместе с тем обстоятельные свидетельства и материалы⁵².

Те евреи-военнопленные, что попали в болгарский плен, в марте 1943 года были депортированы в Треблинку. Однако большинство содержалось в Германии: солдаты (их число не указывается) — в шталаге в Нюрнберге, а офицеры (порядка 350–400 чел.) в офлагах в Оффенбурге, в Нюрнберге и VI С в Оснабрюке, куда впоследствии свезли офицеров и из других офлагов. 2 февраля 1942 года их заставили носить большие желтые нашивки с черной звездой Давида и надписью «JUDE» внутри звезды. Это было явным нарушением Женевской конвенции, в Красный Крест и в ОКВ были направлены протесты и запросы, и в результате 26 марта всем было разрешено снять и более не носить эти нашивки. Вместо этого югославских военнопленных евреев отделили от не-евреев и разместили в обособленных помещениях, создавая тем самым в лагере лагерь, а точнее — «гетто»⁵³. В 1944 году их эвакуировали — частично на запад, в районы Страсбурга и Фаллингбостеля, а частично — на восток, в офлаг 65 в Баркенбрюгге в Померании: обе группы были освобождены соответствующими союзниками без серьезных потерь. Интересно, что рядовых югославских евреев в Нюрнберге не заставляли носить нашивки и не обособляли от не-евреев.

Что касается отношения к евреям из польской и советской армий, то оно было радикально иным: начать с того, что всех военнопленных Польши и СССР Германия самочинно вывела из-под защиты международного права. Советских — по причине отсутствия подписи СССР под Женевской конвенцией 1929 года, польских — по причине «несуществования польского государства», как это было заявлено 20 ноября 1939 года в письме германского МИД шведскому посольству в Берлине об утрате Швецией мандата страны-покровительницы польских военнопленных⁵⁴. Еврейские же военнопленные обоих государств обрекались смерти, только смерть евреев из польской армии подготавливалась последовательно и поэтапно, с частичной все-таки оглядкой на Женевскую конвенцию, тогда как евреев-красноармейцев убивали по возможности на месте — и безо всякой оглядки на то бы то ни было, кроме обстоятельств конспирации и ненужной огласки.

Суммарное число польских военнопленных-евреев, попавших в немецкий плен в сентябре 1939 года, составляло, согласно Ш. Краковскому, 60–65 тыс. чел.⁵⁵ В общем и целом обхождение с польскими военнопленными-евреями регулировалось приказом командующего ОКВ В. Кейтеля от 16 февраля 1939 года.

При регистрации их отделяли от других военнопленных и размещали обособленно (иногда — в изолированных зонах, иногда просто в отдельных палатках). Существование таких «лагерных гетто» задо-

кументировано для следующих шталагов и офлагов: Штаблак, Хюэнштайн, Нойбранденбург, Хаммерштайн, Штаргард, Люкенвальде, Хаммер, Ратхорн, Дортмунд, Моосбург, Ламсдорф, Альтенграбов, Лимбург, Франкенталь, Нюрнберг, Кайзерштайнбрух, Пернау/Вельс и Маркт Понгау⁵⁶. Их содержали на «особом» — пониженном — пайке, условия их трудового использования и охраны приближались к условиям концлагеря: к весне 1940 года, по оценке Ш. Краковского, в лагерях умерло или было убито около 25 тыс. чел. из их числа.

В отличие от ситуации с французскими военнопленными-евреями, в отношении к польским военнопленным-евреям немецкие власти как раз практиковали политику перевода их в статус гражданских лиц. При этом они передавались в руки невоенной, то есть эсэсовской, охраны, что само по себе было серьезной угрозой⁵⁷. Выведение из статуса военнопленного в данном случае было уже не привилегией, а скорее формальной прелюдией к переводу в уже созданные к этому времени еврейские гетто — с последующим разделением ими судьбы гражданских его обитателей⁵⁸.

Тех, кто был родом из восточно-польских областей, аннексированных СССР, переводили в лагеря в районе Люблина — Бела Подляска, Консковоля и собственно в Люблин⁵⁹. В конечном счете, из 60–65 тыс. польских военнопленных-евреев до конца войны дожило едва ли несколько сотен человек — в основном тех, кого не успели вывести из статуса военнопленных до 20 мая 1940 года, после чего политика в этом вопросе, согласно Р. Овермансу, претерпела изменения.

Кроме того, выжило большинство из около 1000 польских военнопленных евреев-офицеров. Они были перевезены в офлаги Дорстен и Дессель (VI военной округ), а также Вольденберг (II военной округ), где их содержали в обособленных бараках. По сравнению с чисто «польскими» офицерами, были нюансы, по которым они подвергались определенной дискриминации, но опасность перевода в гетто им не угрожала. На жизнь их не покушались, и их смертность ничем не отличалась от смертности остальных офицеров⁶⁰.

Советские военнопленные-евреи и точка отсчета Холокоста

...Инициатива «окончательного решения» еврейского вопроса исходила с самого верха — от фюрера. Еще 21 января 1939 года он огорошил министра иностранных дел Чехословакии Франтишека Хвалковского, заявив ему: «Мы уничтожим евреев»⁶¹. 30 января 1939 года, выступая в Рейхстаге, Гитлер угрожал евреям как народу уничтожением, если, конечно, они «развяжут новую войну»⁶².

Но, видимо, не доверяя евреям и в этом, Гитлер развязал Вторую мировую войну сам. Постепенно — и задолго до Ваннзее — проясня-

лась и концепция «окончательного решения» еврейского вопроса — от депортации куда подальше до депортации в никуда, отправки на смерть. Чисто «технологически» — это продуманное сочетание концентрации и депортации евреев (резерваты, гетто, концлагеря) с их последующим уничтожением.

Решающей предпосылкой для пробного запуска этого «проекта» явилось нападение на Польшу 1 сентября 1939 года. Оккупация Польши немедленно сказалась и на судьбе немецких евреев, не говоря уже о польских евреях, все еще проживавших в Германии. Их первые аресты и, теперь уже сугубо внутригерманская, депортация состоялась уже 9 сентября 1939 года. Еврейское население концлагерей многократно увеличилось после Хрустальной ночи 9 ноября.

Тем более сказалась оккупация Польши на польских евреях. 21 сентября 1939 года Гейдрих проинструктировал командиров АГ и АК о политике концентрации евреев в Польше. В Варшаве, Лодзи (переименованной в Литцманнштадт), Кракове, Белостоке и других городах стали возникать изолированные еврейские кварталы (гетто).

На очереди стояла и переброска немецких евреев в Польшу. Уже 17–18 октября 1939 года стартовал эксперимент по созданию еврейской резервации в районе Люблина–Ниско, куда депортировали евреев из Остравы, Катовиц, Вены и Праги.

Вместе с тем жидогубство, то есть этническое целеполагание немецкой оккупационной политики, проявлялось тогда в Польше еще далеко не так отчетливо и последовательно, как позднее в СССР: польская интеллигенция представлялась оккупантам едва ли не менее важной группой врагов режима в поверженной Польше.

Собственно говоря, и Польши как таковой уже как не было. Вместо нее — присоединенные к Рейху области, в том числе Вартегау — «резерват» для немцев, и генерал-губернаторство. На «немецких землях» евреям, понятное дело, делать было нечего, а заодно и полякам. Приказ Гимmlера от 30 октября 1939 года — в трехмесячный срок очистить от евреев всю сельскую местность в бывшей Западной Польше — успешно выполнялся: уже в декабре около 90 тыс. евреев и поляков из Вартегау были высланы в генерал-губернаторство. 12–13 февраля 1940 года евреев депортировали из Штеттина в Люблин⁶³.

Постепенно этой политикой охватывалась вся подконтрольная Рейху Европа. 27 февраля 1940 года 400 евреев из Амстердама были депортированы в Германию — в Бухенвальд и Маутхаузен. Вместе с тем за границу отправляли и немецких евреев, как, например, 7500 евреев из Бадена и Пфальца, депортированных во Францию (в частности, 22 октября 1940 года — в концлагерь Гурс в Южной Франции).

В начале 1941 года от депортаций и погромов перешли к первым «пробным» массовым убийствам, правда, еще не в Германии. Первая волна таких убийств, организованных «Железной гвардией», прокатилась по Румынии 22–23 января 1941 года⁶⁴. Антисемитизм был одной из осевых идеологических составляющих и во время боевых действий на Балканах.

С нападением на СССР различные европейские «тесты» и эксперименты закончились, — пора было переходить к масштабным делам: миллионы **советских евреев** огульно и безоговорочно признавались самыми заклятыми и опасными врагами Рейха и, соответственно, — наименее достойными жизни! Тем самым качественное их выявление и последующая ликвидация составляли одну из не слишком явно декларированных, но в то же время центральных и вполне очевидных целей Восточного похода.

И действительно, с первых же часов войны Третий рейх не оставлял евреев без своего смертоносного «внимания». Первые убийства советских военнопленных-политкомиссаров и среди них — евреев датируются буквально, начиная с 22 июня 1941 года!

Вот несколько свидетельств такого рода.

В отчете о деятельности отдела «1с» 123-й пехотной дивизии от 22 июня 1941 года читаем: «*Среди взятых в плен русских находился политкомиссар Зарин из 178-го строительного батальона. Согласно приказу, в 20.35 он был, как положено, расстрелян*»⁶⁵. Или, в вечернем донесении отдела «1с» 6-й армии в группу армий «Юг» от 23 июня 1941 года: «*22 и 23 июня войсками захвачено и подвергнуто соответствующему обращению 2 политкомиссара*»⁶⁶. В вечернем боевом донесении Главкомандования 4-й армии от 27 июня 1941 года сообщалось о ликвидации, начиная с 22 июня, шести политкомиссаров⁶⁷. Офицер связи отдела 1с 4-й танковой группы лейтенант Боте (Bothe) докладывал 10 июля 1941 года в Группу армий «Север» об уничтожении за период с 22 июня (sic!) по 8 июля 101 политкомиссара⁶⁸.

Как видим, убийцами тут являлись никак не профессиональные антисемиты-погромщики из АГ, а исключительно немецкие военно-служащие регулярной немецкой армии. Но в отдельных, географически благоприятных, случаях не отставали и профессионалы. Так, 22 июня отдел «1с» АК 7 (по всей видимости — АК 7b) доложил в 4-ю армию о ликвидации одного политкомиссара⁶⁹.

Кстати, первое массовое убийство гражданских евреев произошло не намного позже — 24 июня, когда около 100 чел. было расстреляно зондеркомандо «Тильзит» в приграничном с Восточной Пруссией литовском местечке Кретинга (или, по-немецки, Гарсден). Расстрел произошел по инициативе начальника АГ «А» Шталеккера, прибывшего в Тильзит еще 22 июня. При этом сама расстрельная команда

состояла, в основном, из кадров полицейского округа Тильзит, расположенного прямо по соседству — по другую сторону бывшей советско-немецкой границы⁷⁰. Вместе с евреями тогда расстреляли еще и несколько коммунистов и даже жену бывшего советского коменданта города⁷¹.

В конце июня погромы и убийства евреев прокатились по большим городам (Каунасу, Львову, Белостоку и др.), где прямыми убийцами поначалу были не столько сами немцы, сколько местные — главным образом литовские и украинские — националисты-погромщики (разумеется, при полном понимании, благорасположении и прямом подстрекательстве немецкой стороны)⁷².

Применительно же к Белостоку и его окрестностям после окончания войны вновь отошедшим к Польше, имеется уникальная документация — том по Ломжинскому воеводству в составе малотиражной (всего 180 экз.!) ротапринтной серии Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше и Института народной памяти, предназначенной сугубо для внутреннего пользования⁷³. Издания серии подготовлены на базе опросов бургомистров всех населенных мест Польши относительно любых деяний немецких оккупантов. Июнем 1941 года, в частности, датированы расстрелы 116 евреев в местечке Гониадж (Goniądz), а также многочисленные немассовые расстрелы евреев в других городах и селах воеводства. Существенно, что в роли палачей в этом источнике фигурируют различные силы — и гестапо, и жандармерия, и полиция безопасности, и АК, и вермахт.

Все это заставляет еще раз вернуться к проблеме хронологического начала Холокоста. Ведь до сих пор принято считать, что геноцид евреев как политическая задача впервые был озвучен только в конце января 1942 года, на конференции в Ваннзее. К. Герлах датирует это же самое декабрем 1941 года (первоначальным временем, когда должна была состояться встреча в Ваннзее), а К. Браунинг — сентябрем 1941 года, увязывая это решение с началом массовых расстрелов гражданского еврейского населения на оккупированной территории СССР. Так что же — и начало Холокоста в таком случае следовало бы датировать сентябрем, декабрем 1941 года или даже февралем 1942 года?

Но как же тогда с уже убитыми к этому времени десятками и сотнями тысяч советских евреев — военнопленных и гражданских? Разве это — еще не Холокост? Неужели все это акты самодеятельности или оплошности подчиненных?

Конечно же это — Холокост, или, точнее, его самая первая стадия⁷⁴. И невозможно себе представить, что, будучи одной из постоянных в разговорах Гитлера с его ближним кругом, эта тема, а равно и подго-

товка и «старт» систематического народовбийства не оставили после себя документальных или мемуарных следов. По версии А. Штрайма, прямой приказ об уничтожении евреев был принят всего лишь за несколько дней до нападения на СССР, причем приказ этот, во избежание огласки, был отдан Гитлером устно и спущен вниз — тоже устным способом — через Гимлера и Гейдриха⁷⁵. Так, согласно П. Лонгериху, Гейдрих буквально за несколько дней до 22 июня издал устный приказ об убийстве всех коммунистических функционеров и всех евреев на партийных и государственных должностях.

Формой документации этих утверждений являются, в основном, свидетельские показания тех, кто служил тут промежуточными или конечными звеньями. Показания эти были сняты в основном в ходе подготовки послевоенных процессов над ними как над нацистскими преступниками. Они, несомненно, являлись частью выработанной ими самими и их адвокатами оправдательной стратегии, нацеленной на юридическую квалификацию народовбийства как элементарного исполнения приказа вышестоящих руководителей в ситуации войны. Однако впоследствии некоторые из них отказались от своих показаний, особенно в части датировки, — как бы перекаладывая тем самым дату отдачи такого приказа на более поздний период⁷⁶.

Однако есть и другие, вполне основательные и откровенные, источники косвенной документации этой проблемы. Это прежде всего обширные и обстоятельные «Сообщения о событиях в СССР» («Ereignismeldungen UdSSR») — сводные текущие отчеты о деятельности «айнзатцгруп» (АГ) и «айнзатцкомманд» (АК)⁷⁷, а также британские расшифровки радиоперехватов немецких донесений, сделанные на разных этапах войны.

Согласно П. Лонгериху, анализ «Сообщений о событиях в СССР» позволяет выделить следующие две стадии: доклады первых шести недель войны были посвящены исключительно еврейским погромам, инспирированным АГ, но проходившим без прямого немецкого участия⁷⁸, а также массовым расстрелам мирного населения, большую часть жертв которых при этом составляли еврей-мужчины, при этом вовсе не занимавшие каких-либо государственных или партийных постов (тут следует сделать маленькую оговорку о том, что хронологически первые убийства евреев на территории СССР происходили, как правило, без прямого участия АГ и АК еще и потому, что они прибыли на места своей деятельности только в конце июня⁷⁹). Вторая фаза, по Лонгериху, отличается от первой лишь тем, что с августа 1941 года расстреливать начали не только евреев, но и евреек и еврейских детей⁸⁰.

Тем самым никакой прямой связи между «функцией» жертв в советском государстве и их уничтожением не было: на практике сра-

бывала одна только «привязка» — национальная принадлежность жертв! И это дает П. Лонгериху (а вслед за ним и нам) серьезные основания полагать, что все разговоры о евреях-функционерах, включая и «Приказ о комиссарах» от 6 июня, не более чем ширма для куда более радикального устного приказа, с самого начала предусматривавшего ликвидацию евреев в целом (и поначалу, возможно, ограниченную лишь евреями мужского пола).

Не забудем и то — впрочем, достаточно малоизвестное — обстоятельство, что даже среди советских моряков торгового флота — выходцев из балтийских стран, интернированных тотчас же после (а иногда и до!) объявления войны 22 июня, поводилась своего рода «селекция»: матросов-евреев обособляли и снимали с судов, тогда как не-евреев оставляли на месте⁸¹.

Коль скоро это справедливо для мирного еврейского населения, то тем более это очевидно и для евреев — военнослужащих Красной армии. **Все они однозначно подлежали ликвидации**, и для этого не нужно было дожидаться ни прибытия айнзаткомманд, ни боевых приказов Гейдриха, которые, в действительности, не более чем упорядочивали этот процесс. **Первыми** из числа советских евреев соприкоснувшись с вермахтом и СС (при сдаче в плен или вскоре после этого), именно **советские военнопленные-евреи стали первыми по времени жертвами Холокоста в СССР**.

И это совершенно принципиальное и до сих пор широко и охотно игнорируемое обстоятельство необходимо особо отметить и еще раз подчеркнуть: **Холокост как система физического уничтожения немцами евреев хронологически ведет свое начало именно с систематического убийства евреев-военнопленных!**

Советские военнопленные-евреи и нормативная база их убийства

В самом начале весны 1941 года подготовка Германии ко вторжению в СССР перешла в активную фазу.

Отдел охраны тыла ОКВ под руководством генерала Варлимонта подготовил и передал в штаб ОКВ проект «Директивы об особых областях, согласно указанию № 21 («Барбаросса»)». 3 марта начальник штаба ОКВ Йодль вернул его обратно с пометой о том, что в окончательном тексте фюрер просил бы учесть следующие указания: оперативная полоса сухопутных войск должна быть как можно менее глубокой, за нею следуют области не военного, а гражданского управления (рейхскомиссариаты и пр.), через которые и будут осуществляться политика на востоке. Эти области насыщаются силами СС,

полевой жандармерии и полиции, — войскам же предстоит сосредоточиться главным образом на военных задачах⁸².

Указания эти Йодль получил, скорее всего, на встрече с Гитлером и Кейтелем, состоявшейся накануне. Тогда Гитлер, может быть, впервые коснулся вопроса, а что же делать с политическими противниками Рейха в СССР? Его собственная позиция уже вполне сформировалась: это будет борьба мировоззрений, борьба не на жизнь, а на смерть, поэтому — политических врагов следует уничтожить под корень, безо всякой оглядки на международное право. Из этого вытекала важность роли «чистильщика», которую фюрер отводил Гимmlеру и СС.

5 марта генерал-квартирмейстер ОКХ Вагнер доложил об указаниях фюрера начальнику штаба ОКХ генерал-полковнику Гальдеру. Следствием этого явилось то, что тема экзекуций с самого начала не упускалась из виду и на сугубо военных подготовительных совещаниях. Так, на сравнительно невысоком по уровню совещании 6–7 марта с участием риттмейстера⁸³ Ганса Шаха фон Виттенау из группы армий «Б», начальника отдела военной контрразведки полковника Г. Остера и его подчиненного, подполковника Бентивеньи, начальника 3-го отделения Абвера, обсуждалась выдвинутая, очевидно, ОКВ схема распределения компетенций в будущей полосе наступления. ОКХ отвечало при этом за 400-километровую зону, из них 200 км приходится на оперативную полосу (в свою очередь, подразделяющуюся на зону боевых действий и зону армейского тыла) и еще 200 км — на тыловую зону сухопутных войск: на каждую группу армий — по 3–4 дивизий безопасности (в свою очередь состоящих из одного пехотного полка и трех групп полиции безопасности), обеспечивающих безопасное движение по железным и автомобильным дорогам и снабжение боевых частей. Разграничительная линия между оперативной полосой и полосой управления определяется и контролируется ОКХ, в полосе управления полномочия распределяются между ОКВ (с верховенством в военных вопросах) и рейхскомиссарами (с верховенством в вопросах гражданских)⁸⁴.

Действия АК координировал непосредственно Гимmlер, в каждый отдел «1с» (контрразведка) армейского уровня он направляет связанного офицера СС (рангом не выше начальника 1с), но при этом экзекуции настолько, насколько это было возможно, осуществлялись не на глазах у войск. От имени своей группы армий Шах фон Виттенау потребовал ускоренного структурирования групп армий и доукомплектования частей полиции безопасности (в том числе для обеспечения безопасности войск на марше), а также максимально четкого распределения обязанностей и полномочий между ними и СС⁸⁵.

Неделей позже, 13 марта, переговоры продолжились на куда более высоком уровне. ОКВ (Кейтель), ОКХ (Э. Вагнер), СС (Гиммлер) и РСХА (Гейдрих) обсуждали практически то же самое — распределение компетенций и обязанностей на оккупированной советской территории. Учитывая как указания Гитлера⁸⁶, так и пожелания Шаха фон Виттенау, новый проект, с одной стороны, предоставлял СС и АГ полную самостоятельность в вопросах карательной политики против местного населения, но с другой стороны — действовать они должны были, по возможности, скрытно и вне войсковых соединений ОКХ⁸⁷.

Это «вне войсковых соединений», по замечанию Р. Огоррека, подчеркивало попытку армии (и прежде всего ОКХ) как можно более дистанцироваться от карательных органов. Деятельность последних регламентировать строго фиксированными рамками и ограничивалась исключительно глубокой тыловой зоной сухопутных войск⁸⁸.

Карательная же функция непосредственно в армейском тылу закреплялась за соединениями полиции безопасности (зипо) и СД, которым в этой связи присваивалось специальное обозначение «особые команды» (Sonderkommando, или ЗК). В их функции в первую очередь входили устройство гетто и «гражданских лагерей», охота за особо важными функционерами, архивами и картотеками враждебных Рейху организаций, действовавших в ближайшем тылу. Задача же физической расправы над евреями, в отличие от круга задач АГ и АК, хотя и не была им противопоказана, но фактически не была первостепенной, и часто палачами подготовленных ЗК жертв были не они, а как раз подоспевшие следом АГ и АК⁸⁹.

25 марта Вагнер и Гейдрих встретились вновь. Результатом их переговоров стал новый проект указа об урегулировании деятельности полиции безопасности и службы безопасности в соединениях сухопутных сил от 26 марта.

Подготовленный ОКХ и РСХА проект указа был подписан командующим ОКХ фон Браухичем 28 апреля без каких бы то ни было изменений в тексте⁹⁰. Фактически указ означал и то, что АГ и АК могут приступать к своим «спецоперациям» только с известным запаздыванием по фазе, поскольку тыл сухопутных войск может возникнуть лишь тогда, когда сами войска продвинулись на значительное расстояние вперед. И действительно: известны случаи, когда на обращения руководителей АГ о заблаговременном их перебазировании в районы будущей деятельности военные отвечали отказом, ссылаясь на регламентирующее соглашение от 28 апреля 1941 года, а также на то, что тыловая зона сухопутных войск, где им надлежало бы действовать, еще не сформировалась⁹¹.

Это — исключительно важное обстоятельство, и оно нуждается в определенном осмыслении. Оно означает, что между карательной

деятельностью АГ и наступательными операциями вермахта принципиально обязательно существовал некий временной лаг запаздывания, величина которого зависела, во-первых, от скорости продвижения вермахта вперед, как, впрочем, и от того, наступает ли он вообще. Из этого же априори следует, что деятельность АГ и АК на оккупированной территории СССР могла начаться не ранее, чем тыловая зона сухопутных войск впервые сформируется, а это — даже в условиях триумфального продвижения вперед — все же требовало определенного времени. Тем самым АГ и АК никак не могли входить — и не входили — в число палачей евреев из мирного населения, убитых в первые же дни войны⁹².

И действительно, хорошо документированная история первоначального выдвижения АГ и АК говорит о том, что все они прибыли в места изначальной дислокации самое раннее 28–29 июня (правда, к выполнению своих обязанностей они приступили сразу же).

Однако «цена» недопущения АГ и АК в оперативную зону и ближний тыл оказалась высокой: немалую толику задач по первоначальному выявлению и уничтожению врагов Рейха в этих районах, не говоря уже о селекции военнопленных, вермахту пришлось брать на себя⁹³. Именно активного соучастия в ликвидации «большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции» жестко потребовал от вермахта Гитлер в своей программной пламенной речи, произнесенной перед высшими офицерами 30 марта 1941 года.

В тот же вечер Гальдер записал в боевом дневнике: *«Точно так же как политических функционеров, так и войсковых комиссаров после их пленения надлежит отделять от других военнопленных и передавать айнзатцгруппам СД... Там, где такая передача по военным обстоятельствам невозможна, функционеры и комиссары должны расстреливаться войсками»*⁹⁴.

Тогда, собственно, и была озвучена идея будущего приказа о комиссарах⁹⁵. Уже на следующий день, 31 марта, ОКХ получило задание разработать проект директивы об обращении с захваченными в плен политработниками. Над проектом работали начальник отдела войск противника на Востоке ОКХ генерал-лейтенант Э. Мюллер и его советник по правовым вопросам д-р Латтман.⁹⁶ Генерал Гальдер, начальник штаба ОКХ, просуммировал их результаты одной фразой: *«В восточной кампании войскам придется принять участие в борьбе мировоззрений»* — и, кажется, тут имелись в виду не философские диспуты!⁹⁷ Несколько менее общее представление об их концепции дает запись офицера штаба 11-й армии, сделанная им после доклада Латманна 16 мая: *«Политических комиссаров отправлять в тыл сухопутных войск и передавать СС»*⁹⁸.

Результаты работы ОКХ, надо полагать, поступили и в ОКВ, где велась и своя работа над соответствующими проектами. 12 мая генерал Варлимонт докладывал в Берлине начальнику штаба вермахта генерал-полковнику Йодлю соображения об обращении с политическими и военными руководителями, взятыми на востоке в плен. Проект Варлимонта не только не рассматривал их как пленных, но и предусматривал их физическое устранение, причем право принятия конкретного решения о расстреле предоставлялось всем офицерам вермахта, правомочным накладывать дисциплинарные взыскания, а основанием, достаточным для принятия такого решения, являлось бы любое подтверждение самого факта принадлежности к политорганам Красной армии (в том числе и самое простое — по форме одежды).

Другое дело, что операции такого рода должны были вестись не в ущерб самим боевым действиям, — вопросы жизни и смерти конкретных политкомиссаров можно было немного и отложить. Но, самое позднее, они должны были уничтожаться в дулагах: их транспортировка в глубокий тыл и тем более в Рейх не предусматривалась. Задача выявления политработников в тылу (за исключением политработников из числа военнопленных) также доверялась «специалистам» из АК⁹⁹.

Из наброска Варлимонта явствует, что в это же время существовал еще и альтернативный проект — памятка № 3 рейхсляйтера А. Розенберга: она предусматривала ликвидацию только высших и крупных чиновников при оставлении в живых средних и мелких — в интересах хозяйственного управления оккупированными территориями.

Поэтому Варлимонт предлагал вынести на решение фюрера следующие принципы: а) политкомиссары в войсках безоговорочно подлежат уничтожению; б) с политическими и хозяйственными руководителями надлежит обращаться в зависимости от их враждебности по отношению к оккупационным властям: враждебных, в соответствии с приказом «Барбаросса», рассматривать как партизан и уничтожать, а внешне лояльных — временно оставлять и передавать в руки ЗК, компетентных разобраться в каждом конкретном случае. Начальник штаба ОКВ Йодль отреагировал на записку Варлимонта так: *«Следует считать с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучшие всего поэтому представить все это мероприятие как расплату»*¹⁰⁰.

В то же время нельзя не отметить той осторожности и постепенности, с какими вермахт, в отличие от НСДАП, СС или РСХА, допускал в свои нормативные акты прямые указания на их смертоносный антисемитизм. Военные ограничивались, по возможности, эвфемизмами типа «особые операции по заданию фюрера», «специальное обхождение» и т.д. Чтобы ни обсуждалось в марте и апреле между вермахтом,

СС и РСХА, как бы зажигательно ни говорил Гитлер 30 марта, — первые антисемитские пароли в письменной форме в делопроизводстве вермахта датируются только началом мая.

Так, в приказе командующего 4-й танковой группы Гепнера от 2 мая 1941 года о предстоящих боевых действиях на Востоке говорится как о борьбе германцев со славянами и об «отпоре еврейскому большевизму»¹⁰¹. В датированном 6 мая наброске приказа об обхождении с враждебно настроенными местными жителями на оккупированных территориях упоминается беспощадное подавление любых носителей «еврейско-большевистского мировоззрения» среди гражданского населения¹⁰².

Последний набросок являлся одним из подготовительных документов к Указу Гитлера «О применении военной юрисдикции и об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 года¹⁰³. Он освобождал военнослужащих вермахта от всякой судебной ответственности в оперативной зоне войск и практически являл собой самую настоящую индульгенцию на любое убийство или насилие против советских граждан.

Интересно, что в окончательном тексте самого Указа «большевистское влияние» осталось, а вот упоминание «еврейскости» — исчезло¹⁰⁴. А ведь это Указ, до середины июля прослуживший юридическим «прикрытием» для множества акций против евреев как из числа военнопленных, так и из местного населения!

Евреи же как таковые, безотносительно к большевистской идеологии, впервые упоминаются и вовсе только 4 июня 1941 года — в «Инструкции о поведении войск в России»:

«1.1. Большевизм — смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Это разрушительное мировоззрение и его носители заслуживают того, чтобы Германия дала им бой.

2. Эта борьба потребует безоглядных и энергичных действий против большевистских поджигателей, партизан, саботажников, евреев и уничтожения без остатка любого активного и пассивного сопротивления с их стороны...»¹⁰⁵.

А двумя днями позже — 6 июня — была выпущена знаменитая «Инструкция по обхождению с политическими комиссарами», более известная как «Приказ о комиссарах»: *«В борьбе с большевизмом на поведение врага в соответствии с принципами человечности или международного права **рассчитывать не приходится**. В особенности от **политических комиссаров всех мастей** как носителей духа сопротивления следует ожидать исполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного отношения по отношению к нашим военнопленным. [Поэтому] войска должны сознавать: в этой борьбе по отношению к этим элементам нет места пощаде и оглядке на международное право.*

<...> *Поэтому схваченных в бою или при сопротивлении, их следует, как правило, уничтожать на месте, применяя для этого оружие»*¹⁰⁶.

За несколько дней до нападения «Приказ о комиссарах» зачитывался в войсках, причем его интерпретация была доверена средним командирам. Их понимание задачи нередко было куда как более широким, нежели сам приказ.

Так, рядовой Руди Махке, попав в плен, в частности, показал: *«Наш капитан Финкельберг делал в нашей роте доклад о Красной армии за два дня до начала похода. Кратко были обсуждены знаки различия, затем он сказал, что в плен никого брать не нужно — это лишние едоки и вообще это раса, истребление которой является прогрессом. Комиссары, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, настоящие черти в образе человеческом и их нужно истреблять, без колебаний расстреливать. Невыполнение этого приказа будет стоить жизни нам самим»*¹⁰⁷.

Тут, кстати, существенна и сама по себе широкая свобода «интерпретации» приказа офицерами вермахта.

И в этой связи не следует переоценивать то, что евреи как таковые в «Приказе о комиссарах» даже не названы. Отмеченная только что свобода «интерпретации» с лихвой выправляла этот «недостаток».

К тому же есть основания полагать, что под комиссарами не в последнюю очередь подразумевались именно евреи, или, по крайней мере, в том числе евреи. Сплав «комиссарского» с «еврейским» непосредственно в головах разработчиков «Приказа о комиссарах» характеризует одна прелюбопытнейшая фраза, всплывшая при обсуждении проекта ОКХ в Отделе у Э. Мюллера еще 26 мая: *«Многие не-еврейские комиссары несомненно всего лишь попутчики и не являются приверженцами коммунистической идеи»*¹⁰⁸. Ю. Ферстер резонно усматривает в этом свидетельстве типичности такого рода отождествления большевизма и еврейства. Тем легче предположить тот же самый «сплав» в головах исполнителей приказа!

Определенно восходя к стереотипам антисоветской пропаганды еще середины 1930-х годов¹⁰⁹, когда ведомство Геббельса охотно оперировало словами «жиды», «комиссары» и «большевики», как синонимами, такое отождествление было само собой разумеющимся и чуть ли не общим местом. Замороженные на двухлетие германо-советской дружбы, эти стереотипы были вновь подхвачены немецкой пропагандой накануне нападения на СССР. В первом же пункте датированных 10 июня 1941 года и подписанных командующим ОКХ Йодлем «Указаний по пропагандистской деятельности в случае Плана Барбаросса» говорится: *«Врагами Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно жидо-большевистское советское пра-*

вительство со своими функционерами и Коммунистической партией, вынашивающими планы мировой революции»¹¹⁰. Поэтому на эзоповом языке национал-социалистической идеологии за словом «комиссар» просвечивало слово «еврей» точно так же, как из словосочетания «особое обращение» проступало ни что иное как «убийство».

К. Браунинг довольно тонко заметил, что, если при нападении на Польшу, расправа с польскими евреями еще могла подождать до того момента, когда закончится истребление польской национальной интеллигенции, то в случае нападения на СССР ни евреям, ни большевикам уже не приходилось «ждать» друг друга: «*И за теми, и за другими “айнзатицкоманды” охотились с одинаковым энтузиазмом, ибо и те, и другие являлись для них биологической и политической манифестацией все одного и того же — а именно “жидо-большевистского заговора”*»¹¹¹.

8 июня свой приказ, соответствующий «Приказу о комиссарах» (но с грифом: «Приказ ОКВ»), выпустил и главнокомандующий ОКХ фельдмаршал фон Браухич, спустив его тем самым до армейских групп, армий и танковых групп (далее предусматривалась только устное оповещение)¹¹². Он сделал в нем два существенных пояснения, призванных удержать возможный произвол войск хоть в каких-то рамках: первое предусматривало со стороны военнопленного действия или отношение, однозначно направленное против вермахта, а второе предписывало осуществлять экзекуции, по возможности, вне зоны боя и только по приказу офицера. 10 и 11 июня Мюллер собрал офицеров отдела 1с и войсковых судей уровня групп армий и армий у себя, вручил им копии приказа фон Браухича и проинструктировал (далее им предстояло самим инструктировать нижестоящих)¹¹³.

Тем не менее даже с учетом пояснений ОКХ из текста «Приказа» многое оставалось так и не ясным. Например: в какой степени распространялась сфера его действительности и на гражданских партийных руководителей, которых рекомендовалось расстреливать лишь в том случае, если они участвовали в боевых действиях, актах саботажа и т.д.? Другой неясный вопрос: до какого войскового уровня дотягивалось, в немецкой интерпретации, понятие «комиссар»? Ведь на уровне рот, батарей и эскадронов существовали не комиссары, а политруки, и на них действие «Приказа о комиссарах» и на них было распространено только в августе 1941¹¹⁴. Важнейшим признаком установления комиссарства считалось наличие на рукавах гимнастеров красных звездочек с золотистыми серпом и молотом, но точно такие же звездочки носили и военные корреспонденты, начальники клубов и домов офицеров, армейские артисты и музыканты¹¹⁵. Как тут быть?

Склонность трактовать этот приказ расширительно проявилась и в распространении его в некоторых случаях на всех евреев вообще¹¹⁶. Так, известно, что офицер отдела 1с 22-й пехотной дивизии инструктировал 20 июня адъютантов командиров нижестоящих соединений — и чему? — «Обхождению с политическими комиссарами, евреями и прочими пленными»¹¹⁷.

Другой пример. Начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа генерал-лейтенант в отставке К. фон Остеррайх показывал после войны, что 24 июня 1941 года он получил из ОКВ «Приказ о комиссарах», подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Рейнекке, в котором, как ему помнилось, немецким войскам и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев. То, как запомнился ему этот приказ, куда важнее того, что в нем действительно было или чего не было¹¹⁸.

Точно такая же «ошибка» зафиксирована и в следственном деле Вернера Фридриха, бывшего члена штаба 17-й армии. Его обвинили в дальнейшей передаче нижестоящим частям 17-й армии «Приказа о комиссарах» от 6 июня 1941 года, обозначенного тут же как Приказа о селекции и казни советских военнопленных еврейского происхождения, политкомиссаров и так называемых «невыносимых элементов» в лагерях¹¹⁹. На это же указывал в своих показаниях 1948 года и штурбаннфюрер СС Курт Линдов, в 1942–1944 гг. возглавлявший реферат IVA 1с в Имперском Главном управлении безопасности (RSHA), занимавшегося вопросами военнопленных. Именно его реферат готовил приказы и расстрельные списки на военнопленных, уходившие потом в шталагы и концлагеря за подписью начальника отдела IV Генриха Мюллера¹²⁰.

Все эти показания сделаны уже после войны, но аналогичные признания известны и для собственно военного времени. Так, ефрейтор 14 роты 670 пехотного полка 371 пехотной дивизии Эрнст Краузе, взятый в плен весной 1943 года, сообщил на допросе о существовании приказа о расстреле на месте политруков и евреев¹²¹.

Впрочем, идея официального распространения смертоносности «Приказа о комиссарах» на всех советских военнопленных еврейской национальности, как говорится, витала в воздухе. И если тут еще и возможна дискуссия, то не чересчур длительная, ибо уже в июле евреи были отчетливо названы в перечне не подлежащих пощаде жертв!

В «Боевом приказе» руководителя РСХА Р. Гейдриха № 8 от 17 июля 1941 года все это было прописано с подобающей четкостью. В добавлениях к «Приказу о комиссарах», выпущенных всего двумя

днями позже, то есть 8 июня, уточнялось, что расстреливать на месте следует не всех комиссаров, а только тех из них, кто вел себя по отношению к вермахту явно или нарочито враждебно. Это поправка была спасительной, но не для евреев, а лишь для части не-еврейских политкомиссаров.

Интересно, что в «Указаниях по использованию русских военнопленных», изданных Кейтелем также 8 июля, в конце сообщается: «...*Особенности обращения с военнопленными в зависимости от их национальности настоящими <указаниями> не затрагиваются*»¹²². Это можно интерпретировать двояко: или эти «особенности» еще предстоит сформулировать в самом ближайшем будущем, или они считаются уже сформулированными, например, в той же «Инструкции о поведении войск в России» или в «Приказе о комиссарах».

Полностью нельзя исключать и существование какого-то иного, неназванного, приказа. Ведь то, что тот или иной документ не обнаружен, еще не означает, что его и не было. Так что не стоит исключать и отдачу приказа или инструкции устным образом, как это часто практиковалось в рейхе в особо деликатных случаях.

Из четырех первоначальных начальников АГ живым и дееспособным до Нюрнбергского трибунала дотянул один лишь Отто Олендорф (АГ «D»). Выступая 3 января 1946 года на Главном Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, он показал, что за 3–4 дня до отправки на восток в Претш приехал его начальник, руководитель I отдела РСХА бригаденфюрер СС Бруно Штрекенбах и, собрав начальников АГ и АК, объявил им устный приказ Гитлера общего характера об убийстве всех евреев, какие только попадутся в СССР на пути (а также некоторых других частей советского населения). Олендорф, и не он один, указывал также и на встречу 17 июня в Берлине, на которой Гейдрих дал общую установку относительно их действий в предстоящей войне¹²³. Впрочем, Огоррек полагает, что такого публичного собрания могло и не быть, но что все старшие офицеры были заблаговременно поставлены в известность относительно круга своих задач иначе — во время частых поездок в Берлин, в штаб РСХА. Пусть даже и так, — но что от этого, собственно говоря, меняется?

В самые первые дни войны не только евреи, но и любые другие советские военнопленные, в том числе и перебежчики, формально-юридически стали жертвами не столько «Приказа о комиссарах», сколько «Инструкции о поведении войск в России». Только в области группы армий «Центр» на территории Белоруссии известны случаи расстрела рядовыми и унтер-офицерами вермахта многих сотен военнопленных, не оказывавших им при этом ни малейшего сопротивления.

Но выморочное право на бесконтрольное и бессмысленное убийство было чревато потерей боевой дисциплины, и наиболее дальновидные старшие офицеры иногда приказывали их прекратить. Так поступил, например, 25 июня 1941 года командир XLVII танкового корпуса генерал И. Лемельзен. Но при этом он оговорил, что его приказ не распространялся на две категории неприятеля — на партизан и на комиссаров¹²⁴. Поскольку никаких партизан 22–25 июня еще и в помине не было, то в качестве единственных «легитимных» жертв, — причем с первого же дня и первого боя, — фигурировали одни «комиссары». Последние же, напомним, пропагандистски ассоциировались и отождествлялись именно с евреями. Недаром в листовках Министерства пропаганды усиленно муссировался тезис, что в Красной армии три политкомиссара из четырех — евреи!¹²⁵

Так что идея официального распространения смертоносности «Приказа о комиссарах» на всех советских военнопленных еврейской национальности, как говорится, витала в воздухе. И уже в «Боевом приказе» руководителя РСХА Р. Гейдриха № 8 от 17 июля 1941 года невнятности или двусмысленности не оставалось места, здесь все это было прописано с подобающей четкостью.

Так что — начиная, по меньшей мере, с 17 июля, — все пленные евреи-красноармейцы — неважно, комиссары они или нет — однозначно подлежали **ликвидации на месте**. И, если согласно приказу о комиссарах АГ и АК также участвовали в процессе расправы над комиссарами, но только в тылу сухопутных войск (а стало быть, все-таки не сразу, а спустя определенное время после начала войны), то вермахт как таковой форсировал этот Рубикон, уже будучи запрограммированным на искоренение комиссаров-евреев и с индальгенцией за это убийство в кармане — в виде приказа «Барбаросса».

Из описанной административно-временной раскладки вытекают два принципиальных вывода.

Первыми по времени палачами военнотружущих-евреев в геноцидальной германо-советской войне стали военнотружущие вермахта.

Их первыми де-факто еврейскими жертвами в этой войне стали советские военнопленные-евреи, а их первыми жертвами де юре — евреи-политработники.

До недавнего времени считалось, что ликвидация зазора между этим «де юре» и «де факто» состоялась только с отдачей Гейдрихом своего «Боевого приказа № 8» от 17 июля 1941 года. Этот приказ распространил смертельную опасность вообще на всех вызывающих подозрение лиц — как военнопленных, так и гражданских. При этом особенно важно, что именно в этом приказе евреи (любые евреи!)

впервые названы по имени «как целевая группа», предназначенная для ликвидации.

Может показаться, что приказ Гейдриха целил прежде всего в гражданских лиц, но это не так: как бы во избежание этого впечатления одновременно с ним было издано три приложения¹²⁶.

Первое из них — это «Инструкция по фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в войне на Востоке, в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, в зоне военных действий, в генерал-губернаторстве и в лагерях на территории Рейха». Всех собранных в «русских лагерях» надлежало рассортировать на пять групп и, соответственно, лагерных зон: 1) гражданские лица; 2) военнопленные (включая и тех, что переоделись в гражданскую одежду; по-европейски выглядящих пленных надлежало отделять от выглядящих по-азиатски); 3) политически неприемлемые лица из первых двух групп; 4) лица из первых двух, представляющиеся заслуживающими внимания и пригодные для использования при возрождении занятых территорий; 5) лица немецкой национальности из состава первых двух групп.

Кто же относился к «политически неприемлемым» из третьей группы? На кого охотились спецы из СД и завербованные ими стукачи из четвертой группы?

Ответ на эти вопросы содержит «Инструкция для команд, направляемых начальником зипо и СД в шталаги», она же приложение 2 к «Боевому приказу № 8»: *«Прежде всего выявлению подлежат: все сколь либо значительные деятели партии и государства, в особенности профессиональные революционеры; деятели Коминтерна; сотрудники центральных, краевых и областных организаций Коммунистической партии; все народные комиссары и их заместители; все бывшие политкомиссары Красной армии; руководители госучреждений верхнего и среднего звена; руководящие работники народного хозяйства; советско-русские интеллигенты; **все евреи** (выделено нами. — П. П.); все подстрекательски или фанатично настроенные коммунисты»*¹²⁷.

Итак, предпоследней категорией среди них значатся — «все евреи»! Но не менее выразительной является и следующая цитата из инструкции: *«В конечном счете при принятии решений необходимо учитывать национальную принадлежность»*.

Эта инструкция была согласована РСХА и ОКВ буквально накануне, 16 июля 1941 года. Интересно, что среди материалов, подготовленных американской стороной к Нюрнбергскому процессу, но не опубликованных в его материалах, имеется и проект этой инструкции, датированный еще 28 июня 1941 года (то есть за три недели до выхода «Боевого приказа № 8»)¹²⁸. Существенными отличиями окончательной редакции от проекта являются разве что отсутствие

в проекте указания на параллельную позитивную задачу по выявлению среди военнопленных еще и тех, кого можно было бы привлечь к решению административно-хозяйственных задач на оккупированных территориях СССР, а также части требований по характеру письменной отчетности¹²⁹.

Третьим приложением был список из 14 офлагов и шталагов на территории I Военного округа (Восточная Пруссия) и генерал-губернаторства. Относительно дулагов в оперативной зоне отмечалась подвижность их местоположения и рекомендовалось справляться о них в службе генерал-квартирмейстера¹³⁰.

Действенность самого «Боевого приказа № 8» первоначально была ограничена территорией оперативной зоны ОКХ, I Военного округа и генерал-губернаторства. «Боевой приказ № 9» от 21 июля 1941 года распространил его положения на всю территорию самого Рейха¹³¹. Применительно к военнопленным и с учетом расплывчатости или недостижимости остальных категорий, приказы № 8 и № 9 являлись, по существу, окончательными смертными приговорами всему политсоставу Красной армии¹³² и всем военнослужащим-евреям, независимо от должности и военной специальности¹³³.

Впоследствии слово «евреи» практически исчезло из лексикона нормативных актов о советских военнопленных¹³⁴. Его трагическими эвфемизмами стали словечки «селекция» (Aussonderung) или «особое обхождение» (Sonderbehandlung) — синонимы «казни» (Exekution, Liquidierung).

В соответствии с приказами политруков и евреев уничтожали непосредственно на поле боя, причем независимо от военного звания: никакой регистрации при этом, естественно, не было. Но нередко смерть откладывалась и ожидала их несколько позже — после соблюдения ряда процедур, как то систематическая проверка (Übergrüfung) и даже дополнительное установление факта еврейства. В таких случаях отобранных евреев, как правило, изолировали в специально отгороженных отсеках лагерей, бараках или палатках.

Сведениями о какой бы то ни было именной регистрации военнопленных-евреев, ожидавших своей участи в дулагах, мы не располагаем, но в шталагах такая регистрация производилась (не говоря уже о случаях «разоблаченных» евреев). Судьба «отобранных» тем самым была уже предрешена — смерти они были обречены. Расстрелять их могли, в зависимости от обстоятельств, и через день-два, и через несколько месяцев. В случае такой отсрочки военнопленных-евреев, как правило, помечали: на гимнастерку или на шинель нашивались желтые шестиконечные звезды. Нередко их маркировали и по-другому, например, «звездами Давида», намалеванным масляными красками на гимнастерках или белыми четырехугольными лоску-

тами¹³⁵. Сама казнь происходила в таком случае несколько позже — в сборных или даже в стационарных лагерях (а если на территории Германии — то в концлагерях).

Теме обхождения с военнопленными-евреями было посвящено даже специальное заседание в июле¹³⁶ у начальника Управления ОКВ по делам военнопленных генералом Г. Рейнекке с участием начальника IV Управления РСХА (гестапо) обергруппенфюрера Мюллера, начальника управления лагерей для военнопленных ОКВ полковника Ганса-Иоахима Брейера (Breuer) и представителя Абвера полковника Эриха Лахузена (Lahousen). От имени своего ведомства и своего шефа, адмирала Вильгельма Франца Канариса, Лахузен выразил несогласие с деморализующей практикой расстрела военнопленных на глазах у немецких войск; к тому же это было чревато лишними потерями немецких солдат, ибо отбивало у красноармейцев охоту сдаваться в плен; да и вербовка агентов в среде военнопленных была этим сильно затруднена. Рейнекке и Мюллер резко возражали Лахузену, но прилюдные казни распорядились прекратить¹³⁷. Но, разумеется, не сами казни!

Несколько других попыток высокопоставленных военных отменить приказ о комиссарах в 1941 году также не возымели эффекта¹³⁸. Фактически он был все же отменен, но только в мае или июне 1942 года и только частично: разоблаченная принадлежность к политкадрам Красной армии как таковая более не каралась смертью, а вот разоблаченное еврейство, как и прежде, — каралось¹³⁹.

Тем самым была еще раз подчеркнута доминанта неприемлемости расового врага даже над таким фундаментальным признаком как неприемлемость врага политического.

Палачи

В боевой обстановке и непосредственно в момент пленения решения о расстреле на месте могли приниматься на самом низком уровне — для этого было достаточно офицерского приказа, причем без какого бы то ни было утруждения военно-судебных структур вермахта¹⁴⁰.

Сама же установка в общих чертах была прописана в специальной «Инструкции для особых областей» от 13 марта 1941 года, являвшейся организационной частью «Плана Барбаросса», а также в специальном соглашении между ОКХ, СС и РСХА¹⁴¹ от 28 апреля 1941 года, регулировавшем взаимоотношения и взаимодействие сухопутных войск и войск СС¹⁴².

В соответствии с этими директивами в мае 1941 года в трех тишайших саксонских городках на Эльбе (Претш, Дюбен и Бад-Шмидеберг)

были созданы, быть может, одни из самых страшных войсковых соединений в мировой военной истории — «айнзатцгруппы» (АГ), или оперативные соединения, предназначенные для обеспечения активной карательной политики Третьего рейха в войне с СССР (своего рода «эскадроны смерти»). Каждая АГ состояла из зондеркоманд (ЗК) и айнзатцкоманд (АК): первые действовали в ближайшем тылу отдельных армий, а вторые — в более глубоком тылу сухопутных войск¹⁴³. В задачи ЗК входило участие в налаживании военной администрации, устройство гетто и «гражданских лагерей», охота за функционерами, архивами и т.п. Как таковая задача физической расправы над попавшими в их руки евреями фактически не была для них первостепенной, и часто палачами подготовленных ими жертв были не сами ЗК, а подоспевшие АК. Но иногда, как в случае расстрела евреев Кретинги 24 июня, именно они брались за эту «задачу», при том с подбояющим энтузиазмом.

Задача эта была четко увязана со стратегическим построением сил вермахта. Так, группам армий «Север», «Центр» и «Юг» соответствовали оперативные группы «А», «С» (начиная с 11 июля переименованная в «В») и «В» (тогда же переименованная в «С»), а оперативному району 11-й армии, охватывавшему юг Украины и Северный Кавказ, была придана оперативная группа «D». Численный состав отдельных АГ составлял от 500 до 800 чел., причем штаты этих формировались из сотрудников РСХА («крипо» и «зипо») и СД, а также из нескольких приданных каждой из них резервных батальонов полиции и батальонов СС.

14 июня 1941 года генерал-квартирмейстер Вагнер определил Данциг, Позен и Катовице в качестве исходных рубежей АГ, куда они должны были прибыть не позднее 25 июня. К этому времени начальники тыловых зон сухопутных войск должны были бы сообщить им время и место их передислокации на территорию СССР¹⁴⁴. В действительности все произошло несколько иначе: так, АГ прибыла 23 июня «всего лишь» в Варшаву и уже оттуда рассыпалась по различным направлениям. В войска большинство АК прибыли самое раннее в последние дни июня и, хотя и приступили сразу же к исполнению своих палаческих «прямых обязанностей», но расстреливать систематически и массово начали только в июле–августе¹⁴⁵.

Именно им, этим «эскадронам смерти», предстояло «героически» бороться в тылу вермахта с тысячами и миллионами еврейских женщин, стариков и детей. Впрочем, не им одним: усилия этих нескольких тысяч убийц-профессионалов не были бы столь эффективны, когда бы не опора на местных палачей-«любителей» из антисемитов — доносчиков и лагерных полицаяв.

На своих штандартах айзатцкоммандо вполне могли бы начертать и следующий шедевр геббельсовской пропаганды: *«Бей жида-политрука, морда просит кирпича!»*

Но на практике все же потребовалась интерпретация этого двустипия, причем конкретизации подлежали оба элемента его изысканной рифмы. Во-первых, кто такой «жид-политрук»? Иными словами, какие категории лиц среди военнопленных следовало бы в процессе чисток выявлять? А во-вторых — «кирпич»: что же именно с «жидами» делать?

Впрочем, геноцидальное начало политики вермахта по отношению к советским военнопленным не ограничивалось отношением к евреям-военнопленным, а шло значительно дальше — на первом этапе боевых действий, имея негласной целью косвенное уничтожение как можно большего числа советских военнопленных как контингента (инструментом такого уничтожения было нарочито пассивное отношение к причинам и факторам их колоссальной смертности осенью и зимой 1941 года — голоду, холоду, эпидемиям, условиям транспортировки и содержания).

Исключение делалось для представителей расово-близких или дружественных народов. Так, в самом начале войны имело место даже массовое **увольнение военнопленных из плена и перевод их в гражданский статус**¹⁴⁶.

Так, 25 июля 1941 года был издан приказ генерал-квартирмейстера вермахта Вагнера об освобождении из плена представителей ряда «дружественных» национальностей — как то немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а также белорусов¹⁴⁷. Согласно распоряжению ОКВ от 14 октября 1941 года военнопленные подвергались проверке и сортировке в случае их принадлежности к фольксдойче, украинцам, белорусам, грузинам или финнам¹⁴⁸. В официальной статистике ОКХ освобожденных из плена фигурировали литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, румыны, финны, фольксдойче, белорусы, «кавказцы» и «туркестанцы»¹⁴⁹.

В середине ноября 1941 года имела хождение немецкая листовка, на одной стороне которой были изображены военнопленные, радующиеся своему освобождению из плена и следующий текст: *«Вот это правда! Военнопленные уже освобождаются и идут по домам. Чего ж долго думать? Перебегайте к нам! Вы тоже скоро будете дома!»*, а на другой — образец выдававшегося дулагом «Удостоверения об освобождении» (Entlassungsausweis). В «Удостоверении», которое полагалось постоянно носить при себе и предъявлять по первому требованию любого военнослужащего вермахта, были сформулированы условия, на которых военнопленный отпускался из плена: никаких враждебных действий против немецкого народа (читай: вермахта),

его союзников и дружественных народов; до дома добираться — кратчайшим путем и в течение 8 дней зарегистрироваться в ближайшей немецкой комендатуре; смену местожительства осуществлять только с разрешения немецких властей; в случае, если освобождение из плена состоялось как раз по местожительству военнопленного, то при регистрации надлежит сдать всю имеющуюся красноармейскую экипировку¹⁵⁰. Часть из них, похоже, позднее были завербованы на работы в Рейх как гражданские лица: тех же, кто «не оправдал доверия» и бежал с места работ или уходил к партизанам, жестоко наказывали¹⁵¹.

Действие приказа от 25 июля было приостановлено 13 ноября 1941 года¹⁵², — по крайней мере, применительно к украинцам и белорусам¹⁵³. Тем не менее освобождение из плена — и по несколько тысяч человек в месяц — продолжалось и в 1942 году, и его действием суммарно было затронуто 318,8 тыс. чел.¹⁵⁴

Нередко привилегия быть освобожденным из плена оплачивалась ценой предательства и выдачи немцам евреев и комиссаров¹⁵⁵. Кстати, среди сумевших примазаться к привилегированным национальностям и получить таким образом освобождение были, разумеется, и... евреи. Так, Абрам Резниченко (он же Аркадий Резенко) из Хорольского лагеря, узнав, что из села Лохвицы в лагерь приехал староста забирать «своих», — рискнул и выдал себя за «лохвицкого»: *«Мне повезло: староста “узнал” меня, своего “земляка”...»*¹⁵⁶.

В контексте полиэтничности СССР и как бы на полях затронутой проблемы советских военнопленных-евреев следует сделать одну важную оговорку. Нередко за евреев по ошибке признавали, — а, стало быть, и расстреливали — представителей и других народов, — особенно часто татар (в том числе крымских татар¹⁵⁷), горцев из Северного Кавказа¹⁵⁸, армян¹⁵⁹ и грузин. О расстреле лейтенанта Хонелидзе, черноволосого и длинноносого грузина, принятого за еврея, писал Илье Эренбургу Семен Гриншпун¹⁶⁰. И даже сына Сталина Якова Джугашвили приняли поначалу за еврея и при пленении едва не расстреляли. Иногда расстреливали и русских, не обязательно тоже черных, а просто — с «заметной внешностью»¹⁶¹.

В группу риска входили и военнопленные красноармейцы из немец Поволжья: их нередко подвергали особенно тщательным личной проверке и медосмотру, поскольку их фамилии были слишком похожи на еврейские, и немцы опасались, что перед ними не «фольксдойче», а выдающие себя за них евреи¹⁶².

Зато те из «фольксдойче», кто прошел эту проверку, имели неплохие шансы на то, чтобы не просто покинуть дулаг или шталаг, а еще и преобразиться, а точнее сказать, обернуться — из жертвы в палача. Их, в частности, заставляли подписывать следующее: *«Я (фамилия, имя и отчество), являюсь немцем, обязываюсь выявлять среди русских во-*

*еннопленных коммунистов, командиров и комиссаров Красной армии, а также лиц, занимающихся антифашистской агитацией и имеющих намерение бежать»*¹⁶³. Многие гражданские фольксдойче, равно как украинцы, прибалты и русские, лично участвовали в идентификации и расстрелах гражданского еврейского населения¹⁶⁴.

В то же время известны и случаи фактического саботажа офицерами вермахта и Приказа о комиссарах, и Боевых приказов Гейдриха № 8 и 9. Так, начальник АК-8 О. Брадфиш жаловался своему начальнику по оперативной зоне Центр фон Баху на неправильные и вредоносные, на его взгляд, действия майора Витмера, коменданта дулага 185 в Могилеве, отказавшемуся выявлять среди военнопленных евреев, поскольку он не получал об этом письменного приказа, и вообще полагавшего, что обойдется без советов и услуг СД¹⁶⁵.

Селекция и ликвидация на оккупированной территории СССР и в бывшей Польше

Число советских евреев в немецком плену, по оценке Ш. Краковского, составляло около 85 тыс. чел.¹⁶⁶ Практически ту же цифру — 80–85 тыс. — вслед за ним называет И. Арад¹⁶⁷. При этом исследователи отталкивались от 1,8-процентной доли евреев в населении СССР, что если и искажает данный расчет, то в сторону завышения.

Самым высокопоставленным среди них, возможно, являлся генерал-майор интендантской службы Григорий Моисеевич Зусманович, раненый и взятый немцами в плен 24 мая 1942 года под Харьковом¹⁶⁸.

Всего же, по имеющимся оценкам, гитлеровцы уничтожили от 55 тыс. (И. Арад) до 80 тыс. (А. Шнеер) советских евреев-военнопленных¹⁶⁹. Вторая оценка, соответствующая 94-процентной смертности евреев в немецком плену, представляется нам более реалистичной. Во-первых, в пользу оценки А. Шнеера четко свидетельствует количество евреев-военнопленных среди репатриированных в СССР (около 5 тыс. чел.). Во-вторых, оценка А. Арада приводит нас к общей смертности «всего лишь» в 65%, что сравнительно ненамного выше общей смертности среди советских военнопленных в целом, составившей, по оценке К. Штрайта, около 57%. В последнее время И. Арад пересмотрел свою оценку и поднял ее до 70 тыс. чел.¹⁷⁰

Если же придерживаться оценки А. Шнеера и если вспомнить, что во время войны погибло порядка 200 тыс. евреев-красноармейцев, то доля погибших в плену среди них составила 40%.

В литературе встречаются и некоторые частичные оценки смертности среди военнопленных-евреев. Так, по состоянию на 21 декабря 1941 года, согласно отчету шефа гестапо Мюллера, было выявлено

около 22 тыс. неблагонадежных советских военнопленных, из них 16 тыс. уничтожено: «квота» евреев среди уничтоженных была, предположительно, не ниже 90%, так что порядка 14–15 тыс. еврейских военнопленных было ликвидировано только за это время и, судя по полномочиям Мюллера, только в зоне ответственности ОКВ¹⁷¹. К середине 1942 года число неблагонадежных советских военнопленных, выявленных на той же территории и переданных СС, достигло, по оценке Р. Отто, не менее 40 тыс. чел.¹⁷² Квота евреев среди них не могла не понизиться (среди выявленных было немало саботажников, беглецов и т.д.), да и среди отправленных в концлагеря погибали, разумеется, не все, — тем не менее суммарная оценка числа евреев среди них по меньшей мере в 25 тыс. чел. представлялась бы вполне реалистичной. В таком случае на зону ответственности ОКХ приходится около 55 тыс. убитых советских евреев-военнопленных.

Их селекции и расстрелы начались, как мы уже отмечали, буквально на следующий день после нападения на СССР. Свидетельства при этом оставили как немецкие палачи, но и не-еврейские очевидцы, а также сами, чудом уцелевшие, жертвы. Но самый охват свидетельствами реального пространства геноцида евреев-военнопленных выборочен и случаен. К тому же следует помнить, что в каждом отдельном случае количественные параметры могут рассматриваться скорее как преувеличенные, чем как адекватные, поскольку базируются, как правило, не на подсчетах, а на эмоциональных и, следовательно, преувеличивающих впечатлениях или прикидках. Если же просуммировать фигурирующие в них цифры жертв, то мы получим цифру чуть ли не в 50–55 тыс. чел., что равняется максимально возможной оценке и, поэтому, малореалистично.

Тем не менее приведем все собранные нами свидетельства.

Сразу несколько лагерей для военнопленных находилось в районе Слуцка. Все выявленные в них евреи — оценочно 1,5–2 тыс. человек — были расстреляны в них уже в июне–июле 1941 года¹⁷³. Только в районе Бреста (в лагере на левом берегу Буга) в июле было расстреляно около 2 тыс. чел.¹⁷⁴ Девять евреев-военнопленных были расстреляны в середине августа в лагере в Бердичеве¹⁷⁵.

Летом 1941 года в 1600-метровом противотанковом рву недалеко от д. Тонкеля было расстреляно не менее 5 тыс. советских военнопленных-евреев из шталага 316 в Сухожебрах, что в 10 км от г. Седлец. Расстрелы производились согласно свидетельским показаниям тотчас же после селекции (выявления) отдельных евреев из общей массы военнопленных. Их привозили сюда на грузовиках (по 50–60 чел. на каждом), выгружали в 150–200 метрах от места казни, подводили ко рву, раздевали (правда, не всегда) и расстреливали. Расстрелы в этом же месте продолжались и осенью: только за три дня с

12 по 14 ноября 1941 года, по слухам, было расстреляно около 30 тыс. евреев, включая, по-видимому, и гражданских лиц¹⁷⁶.

В августе 1941 года в 5 км от железнодорожной станции Августов в окрестностях г. Сувалки был оборудован лагерь уничтожения евреев: здесь было расстреляно около 8 тыс. чел. — как местных евреев, так и свезенных сюда из других мест. Среди них, по свидетельствам местных жителей, было немало и евреев-военнопленных¹⁷⁷.

Что-то подобное, вероятно, наблюдалось и среди самих шталагов. Некоторые из них, по-видимому, занимались уничтожением не только «своих» военнопленных-евреев, но и обслуживали в этом отношении другие лагеря. На эту мысль наводит датированное 19 октября 1941 года свидетельство немецкого солдата о ежедневных расстрелах от 300 до 400 таких военнопленных в шталаге 319 Хелм и отделении этого шталага во Влодаве¹⁷⁸. По сообщению Э. Н. Сосина, евреев-военнопленных со всего Западного фронта сгоняли в лагерь Форт VI в Ковно (Каунасе)¹⁷⁹. Из четырех лагерей шталага 305 — основного лагеря в Кировограде и отделений в Адабаше, Новоукраинке и Первомайске — на еврейских военнопленных «специализировалось» СД в Первомайске¹⁸⁰, но расстрелы задокументированы и в Адабаше, и в самом Кировограде (см. ниже).

В августе 1941 года под Херсоном был разбит огороженный колючей проволокой лагерь для советских военнопленных. В первые же дни его существования в нем было выявлено и поблизости расстреляно до 500 евреев (в дальнейшем, по мере довыявления, евреев расстреливали небольшими партиями или даже поодиночке)¹⁸¹.

Об аналогичной роли дулага Хорол (речь идет об осени 1941 года) пишет Абрам Резниченко: *«Часто в Хорольский лагерь приводили партии евреев. Их приводили под усиленным конвоем, на руках и на спинах у них были нашиты опознавательные знаки — шестиконечные звезды. Евреев гнали по всему лагерю, посылали на самые унижительные работы, а к концу дня, на глазах у всех, — уничтожали»*¹⁸².

Весьма внушительно и число евреев-военнопленных, расстрелянных в балке возле Кривого Рога с помощью украинской вспомогательной полиции, — около 800 чел., по состоянию на 15 октября 1941 года, когда город был объявлен «юденфрай»¹⁸³. По дороге на казнь они были сфотографированы, и эти снимки сохранились¹⁸⁴. Непосредственно в этой экзекуции, жертвами которой стали и около 500 евреев из числа гражданских лиц, принимал участие 1-й эскадрон 444-й конной полицейской дивизии¹⁸⁵.

Около 160 евреев-военнопленных было расстреляно в ноябре 1941 года близ лаготделения Адабаш, что приблизительно в 50 км от основного лагеря шталага 305 в Кировограде. Еще 350 военнопленных было расстреляно там же в другой раз. При этом расстрелянная

команда состояла не из членов АК или сотрудников СД, а из добровольцев из охранной роты лагеря¹⁸⁶, а также врача Кудерны (Kuderna), который самолично пристреливал тех, кто подавал признаки жизни¹⁸⁷ многие офицеры вермахта присутствовали при расстрелах в качестве «зрителей».

О том, что происходило в конце августа 1941 года в самом лагере в Кировограде, свидетельствует красноармеец М. Ф. Нефедов: *«В течение двух-трех дней немцы отобрали военнопленных-евреев. Многих выдали свои же товарищи. Немцы всех пленных евреев изолировали, кормили один раз через день, всячески издевались, избивали палками, камнями. Иногда отбирали группу (всего их было человек 70), гоняли ее по территории бегом до потери пленными сознания, пока те не падали на землю. Некоторых тут же пристреливали, остальных увозили обратно. Но в течение примерно недели в ходе издевательств расстреляли всех»*¹⁸⁸.

То же самое, по свидетельству Л. Я. Простермана, происходило в мае 1942 года в лагере в Павлограде: *«Здесь я увидел, каким издевательствам подвергались пленные евреи. Это была небольшая группа, человек 20–25. Их вели куда-то, при этом конвоиры заставляли одних везти верхом на плечах других, а потом они менялись со своими товарищами местами. Кто обессилел, не мог везти на себе человека, был расстрелян на месте. Через несколько дней эту группу расстреляли в близлежащем яру»*¹⁸⁹.

В шталаге Борисов, что под Киевом, 14 октября 1941 года расстреляли 752 евреев-военнопленных, в том числе нескольких комиссаров и 78 раненых евреев, переданных для расстрела лагерным врачом¹⁹⁰.

Сотни тысяч советских военнопленных были согнаны в лагерь на территории Польши, — соответственно, и экзекуции евреев-военнопленных нередко происходили на польской территории. Сухожебры/Седлец, Августов/Сувалки, Хелмно уже упоминались. Так, М. Бартничак пишет, в частности, о пытках и массовых расстрелах в шталагах 324 и 333 в Коморово и Острове-Мазовецком¹⁹¹. О советских военнопленных-евреях в лагерях на территории Польши немало пишет и Ш. Датнер¹⁹². Среди миллионов евреев, умерщвленных в газовых камерах лагерей смерти, есть толика и советских военнопленных-евреев. Но, если в Аушви, начиная с сентября 1941 года, их присылали с запада — как результат селекции на территории Рейха и из определенных шталагов на территории Германии (да и сам Аушвиц официально находился на немецкой земле), то, например, в Собибор — с востока, в частности, из Минского трудового лагеря СС: в партии из 600 человек, с которой 22 сентября 1943 года сюда прибыл и Александр Печерский, большинство составляли еврей-военнопленные.

То же самое происходило, кстати, не только в Польше, Украине и Белоруссии, но и на территории РСФСР, причем подробные и достоверные сведения о злодеяниях фашистов, благодаря зимнему контрнаступлению под Москвой 1941–1942 годов, стали достоянием военного командования уже в этот период. В политдонесениях армий содержатся сведения о расстрелах осенью 1941 года военнопленных-евреев в лагерях для военнопленных — близ г. Шекино Тульской области (около 25 чел.)¹⁹³ и в лагере близ Оленино Калининской области (около 40 чел.)¹⁹⁴. О селекциях в шталагах Рославля и Вязьмы писали В. Голубков¹⁹⁵ и С. Анваер¹⁹⁶.

Та же практика, что и в 1941 году, продолжалась в 1942–1943 годах. Оккупировав часть Северного Кавказа, немцы и там организовали сеть лагерей для советских военнопленных. Так, сборный лагерь в станице Курской Ставропольского края располагался во дворе исполкома райсовета и был обнесен колючей проволокой, у ворот — усиленная охрана. День и ночь и в любую погоду пленных держали под открытым небом, практически не кормя. Местным же жителям запрещали даже поить пленных, хотя бы на их подходе к лагерю: любая попытка сердобольности штрафовалась побоями. Далее — цитата: *«20 августа 1942 года немецкие изверги отобрали в лагере 6 человек военнопленных, вывели их на середину двора лагеря, раздели и разули, после чего начали над ними издеваться. Сначала некоторых из них брали за уши и тянули со всей силой, заставляя их следовать за ними, затем всех их били палкой по голове и по другим частям тела, после чего замученных этих 6 человек военнопленных вывели за станицу и расстреляли»*¹⁹⁷. Совершенно очевидно, что в данном случае описана процедура «селекции» из солдатской массы и «экзекуции» военнопленных евреев и комиссаров.

В середине января 1943 года (то есть за несколько дней до освобождения) в лагере 205 близ с. Алексеевка была произведена «селекция», и 60 пленных-евреев были тотчас убиты, причем их не расстреляли, а подвергли пыткам (вспарывали животы, отрубали конечности, проламывали черепа) и закололи штыками. За время существования этого лагеря с сентября 1942 по январь 1943 года в этом лагере, через который прошло до 10 тыс. чел., было убито не менее 400 евреев¹⁹⁸.

Подавляющее большинство евреев, уничтоженных в левобережной части Киевской области, — 3300 из 4000 — составили военнопленные¹⁹⁹. В 1943 году, при освобождении с. Злотовка в Киевской области были обнаружены обезображенные трупы военнопленных евреев с отрезанными языками, проломанными черепами, следами ожогов и других пыток²⁰⁰.

Наглядное представление о том, как в лагерях происходила первичная селекция, дают воспоминания бывших советских военноплен-

ных — как русских, так и евреев. О шталаге 346 в Кременчуге сохранилось свидетельство бывшего рядового Николая Александровича Бондарева, попавшего в окружение, а затем в плен на Полтавщине. Поначалу лагерь представлял собой «...огороженный колючей проволокой загон на колхозном поле, где уже находились к тому времени много пленных. Среди них находились и раненые. Зверства, избиения и надругательства начались в первые же дни: политработники в форме, евреи и похожие по внешнему виду расстреливались здесь же на месте... Через некоторое время часть пленных из этой загородки перегнали в г. Кременчуг, в лагерь (бывшие воинские склады, огороженные проволокой). Вот и зверства и издевательства здесь продолжались. Виденное и испытанное нами здесь трудно описать полностью. Например: немецкие солдаты и офицеры отбирали в первую очередь пленных еврейской национальности и похожей внешности и с этими пленными устраивали “развлечения”. Один пленный становился на четвереньки, другой садился ему на спину, а третьему давали в руки дубину и заставляли в таком виде “бегать” по двору, подгоняя ударами дубинки. Ослабевших под хохот “зрителей” расстреливали. Придумывались и другие “развлечения”...»²⁰¹.

Удивительная судьба выпала другому русскому солдату — Петру Петровичу Астахову²⁰². Вот цитата из его воспоминаний «Зигзаги судьбы» — в ней описывается прибытие военнопленных в конце мая 1942 года в шталаг в Первомайске Одесской области:

«Мы были первыми, кто переступил порог этого лагеря. Территория его была в квадрате сто на сто, обнесена колючей проволокой с вышками и прожекторами по углам. С левой стороны от входа крытое, похожее на склад, помещение, высотой в два этажа. Несколько ворот были открыты днем и закрывались на ночь...

Для ежедневных проверок утром и вечером, во дворе в центре, отвели громадную площадь, где одновременно могли быть построены все пленные лагеря — 500–600 человек. После утренней проверки пленных отправляли на работу, после вечерней — запирали в барак.

В первый день всех военнопленных выстроили во дворе, пришло лагерное начальство, устроили “смотрины” прибывшим. Начальник лагеря в новой “с иголочки” форме был похож, как мне тогда показалось, на генерала. Шел в сопровождении переводчика и солдат охраны. На плохом русском языке переводчик от имени коменданта лагеря обратился к построенным пленным.

Он ознакомил с внутренним распорядком лагеря, сказал, что с завтрашнего дня все прибывшие пленные пойдут на работу. Предупредил всех, чтобы каждый знал свою команду и чтобы потом выходили на работу только с теми, куда их определили в первый день.

Утром и вечером пленные будут получать паек, они должны соблюдать дисциплину и порядок. За нарушение будут наказываться карцером и лишением хлеба. Пленные, намеревающиеся бежать, будут расстреляны.

Было похоже, что комендант ознакомил присутствующих со всеми строгостями режима, но команда “разойдись” не была подана и строй продолжал стоять.

Наконец фельдфебель вновь обратился к пленным:

– Выйти из строя всем коммунистам, офицерам и евреям! — четко звучал его голос перед затихшим строем пленных.

– *Kommunisten, Offizieren und Juden* — несколько раз повторил фельдфебель и, видя, что строй стоит и не реагирует на его команду обратился уже к переводчику, чтобы тот перевел следующие его слова:

– *Es wird schlimmer... Müssen Sie sich selbst anmelden lassen.*

(Хуже будет... Вы сами должны об этом заявить!)

После некоторых колебаний из строя вышло несколько человек и остановились, ожидая команды.

Через минуту они направились в сторону сарая, где их ожидали немецкие солдаты. Там встали, положили пожитки на землю, снимали верхнюю одежду и в нательном белье вошли в сарай.

Их было четверо-пятеро — не запомнил. Через несколько дней там оказалось еще несколько человек. Были среди них командиры, переодетые в солдатское, и евреи, узнать которых не составляло труда.

Не знаю, что заставило этих людей добровольно сдать себя в руки лагерных властей? Может быть, надежда на то, что “добровольное признание смягчит наказание”? Но этого не случилось, расстреляли всех.

Казавшийся неминуемым расстрел на передовой совершился здесь в лагере, на глазах сотен пленных, не веривших тому, что происходит. Это была та самая правда о расправах над коммунистами, евреями и комсоставом Красной армии, которую передавали сводки Информбюро.

Голодных и обессиленных их вывели из сарая, поставили деревянные козлы, перевитые колючей проволокой и заставили перепрыгивать через них. Потом, пробежав мимо кухни и обогнув ее, они бежали дальше к открытым воротам, выходящим за зону, к вырытой яме. Там у ямы, их ожидал, избавляющий от мук и позора, выстрел в затылок...

Вся эта операция-трагедия завершилась удивительно четко и спокойно по заранее, продуманному плану, без криков о пощаде и помощи. Она закончилась братской могилой — ее тут же забросали землей пленные»²⁰³.

Вот еще несколько свидетельств из той же, так сказать, славянской перспективы.

Политрук-зенитчик Геннадий Бедняев был взят в плен 18 мая 1942 года близ Керчи. Он вспоминает: «...нас согнали в колонну длиной в несколько километров и по майской жаре, истекающих потом, погнали в сторону Феодосии. Я шел крайним слева <...> Левее и чуть впереди шел фашист с автоматом наперевес. Он внимательно взглядывался в бредущих, периодически упирался стволом автомата в плечо того, кто казался ему евреем, а на самом деле, может, и не был, и выкрикивал: «Иуда, век!», что означало: «Еврей, выходи!». Звучала короткая очередь... Мы содрогались и шли дальше»²⁰⁴.

Павел Андреев, взятый в плен в августе 1941 года под Лугой, вспоминает о большом лагере, куда их пригнали из пересыльного: «Нас построили в шеренгу и стали пересчитывать. Из караульного помещения вышел офицер. На нем была красивая, черного цвета форма с красно-белой повязкой на рукаве и фашистской свастикой. В руках то ли трость, то ли плеть, я так и не понял. Действовал он ею, как учитель указкой. Переводчик сказал, чтобы все находящиеся в строю командирсы и комиссары вышли на 5 шагов вперед. Фашистский офицер говорил резко и угрожающе. В таком же тоне переводил переводчик: «Командирсы и комиссары, не вышедшие из строя, будут расстреляны на месте». Вышедшим из строя приказали построиться в шеренгу около караульного помещения. Снять шинели и вещевые мешки. Офицер начал осматривать рукава гимнастеров, отыскивая политруков по нашитым на них звездочкам. У некоторых от звездочек остались лишь еле заметные следы. Попадая в плен, эти люди точно знали, что их ждет, поэтому пытались замаскироваться под рядовых бойцов. Но фашисты хорошо знали об этих уловках, поэтому осматривали подозреваемых пленных особенно тщательно.

<...>

Затем начался поиск евреев. Зная, что добровольно никто не сознается в своей принадлежности к этой национальности, эсэсовец проходил вдоль шеренги и направлял трость на того или иного человека, выкрикивая: «Иуда». Заподозренных оказалось человек восемь. Не все среди них, конечно, были евреями, но фашистов это не волновало»²⁰⁵.

Рядовой-радист Иван Терентьев, взятый в плен в августе 1941 года, вспомнил о своей первой ночи в Гомельском дулаге: «Зашла туча, и пошел дождь. Нам русским было разрешено зайти в конюшни, а евреев поставили около заборов конюшни так, чтобы вода с крыши текла прямо на них. И так я первый раз увидел, на какие варварства способны немецкие фашисты»²⁰⁶.

Бесстрашный, в сущности, морской артиллерист Александр Сергеевич Малофеев в плену оказался в штаблэге Саласпилс, вспоминал — не без ужаса и за собственную жизнь: «Из лагеря забирали политработников и евреев, и уводили. Проходя по территории лагеря,

немцы останавливали похожих на евреев, заставляли раздеваться и “определив”, что это еврей, здесь же стреляли. Много таким образом было убито мусульман с Кавказа. Из моряков увели ст. лейтенанта Пожарского и сержанта Молочевского, и они больше к нам не вернулись. В лагере немцы охотились за отдельными евреями. Так было с Мишой Васильевым — военфельдшером с зенитной батареей, которого остановил немец после раздачи пищи, направил на него автомат и приказал снять штаны. Я в это время возвращался со своим супом в барак. Миша позвал меня. Я со страхом подошел. Немец начал меня спрашивать: “Это иуда?”. — “Что Вы, герр солдат, разве еврей сможет служить во флоте? Они любят более легкую работу. Это флотский доктор”, — сказал я солдату, а сам оробел: а вдруг Миша снимет штаны, солдат узнает, что он еврей и заодно и меня пустит на тот свет. Но солдат, к моему удивлению, внял моим сведениям, ткнул Мишу носком под зад и стал меня расспрашивать, на каком корабле я сдался в плен. Я ему понес такую несуряцицу, какую мне позволяло знание немецкого. Но Миша был спасен и все время держался со мной»²⁰⁷.

Н. Р. Копылова, взятого в плен под Клинцами, приняли за еврея: «Нас построили посреди дороги, около рва. К каждому в нашей колонне подходил офицер, осматривал, а похожих на евреев сталкивал в овраг. В их число попал и я. Сверху кричали:

– Микола, ты же украинец, скажи им.

Я несколько раз прокричал:

– Я украинец, я не еврей!

Наконец меня услышал офицер, спросил:

– Ты не еврей? — Позвал переводчика. Тот оказался моим земляком и заговорил со мной чисто по-украински. Переводчик сказал, что я действительно украинец. Я быстро вскарабкался наверх, а тех, в овраге, сразу же расстреляли. В шоке, с тяжелым сердцем, поплелись мы дальше — вслед за нашей страшной судьбой»²⁰⁸.

Более подробно том, что чувствует русский, которого по ошибке, как и Копылова, едва не приняли за еврея, поведал Б. Н. Соколов (как и Малофеев, он был в Саласпилсе): «Как раз во время акции (расстрела евреев. — П. П.) нужно было сводить меня в комендатуру для продолжения прописки. Был солнечный зимний день. Со мной пошла хозяйка. В комендатуре после яркого солнца казалось темно. Мадам предложили стул, я стоял. Писарь почему-то долго возился с моей карточкой. Стоявший тут же офицер стал пристально в меня глядываться, а затем мотнул головой: “Jude?” — “Nein,” — спокойно и как-то равнодушно ответила мадам. Офицеру было достаточно, он кивнул писарю, тот приложил штамп о дальнейшей прописке, и мы вышли из комендатуры... В этот раз на меня взглянула смерть. И не такая, как на войне, где либо да, либо нет. Не суматошная, а значит,

легкая. В пылу стрельбы, беготни, криков, да еще на людях. А холодная и бездушная смерть клопа, которого просто давят ногтем. Тут же в комендатуре хозяйке дадут другого работника, а тебя за воротами лагеря пристрелят в затылок, не спрашивая никаких объяснений»²⁰⁹.

Разумеется, сохранились свидетельства и самих еврейских военнопленных. Так, первым лагерем Анатолия Наумовича (в плену — Николаевича) Жукова, попавшего в плен 1 июля 1942 года в Крыму под Балаклавой, стал Бахчисарай. Селекция тут была многоступенчатой: первым критерием был еврейский «прононс» — скажи «кукуруза»; потом требовалось показать член, и, если ты обрезан, но утверждаешь, что татарин, — то тут же татары тебя и разоблачат (дело-то происходит в Крыму!). Самого Жукова спасли — отсутствие документов, русская фамилия и не-еврейская внешность (впрочем, отчество — Наумович — он все-таки поменял на Николаевич).

Художник Абрам Резниченко описывает несколько более раннюю селекцию и экзекуцию в Хорольском лагере (предположительно, в октябре 1941 года):

«...Всех нас выстроили, солдат через переводчика приказал всем евреям выступить вперед.

Тысячи людей стояли молча, никто не двинулся с места.

Переводчик, немец из Поволжья, прошел вдоль шеренги, внимательно глядя в лица.

— Евреи, выходите, — говорил он, — вам ничего не будет.

Несколько человек поверили его словам.

И только они шагнули вперед, как их окружил караул, отвел в сторону за холмик. Скоро мы услышали несколько залпов...»²¹⁰

Еще более яркую и жуткую картину рисуют воспоминания медсестры-еврейки Софьи Иосифовны Анваер, взятой в плен под Вязьмой и под фамилией своего однокурсника-грузина Анджапаридзе уцелевшей даже в концлагере Штутхоф. Вот что происходило в сборном лагере для военнопленных в Вязьме осенью 1941 года:

«Хуже голода мучают жажда и холод. В голове неотвязная мысль: хоть бы один раз удалось согреться перед смертью. А смерть она тут, рядом: на этаже появляется эсэсовцы с автоматами. Выкликают фамилию. Встает человек и тут же падает, сраженный автоматной очередью. Все это повторяется. На третью фамилию никто не откликается. Ее повторяют. Опять никто. И вдруг раздаются голоса: “Вот он, здесь запрятался”. Автоматы бьют прямо в гуцу людей. Следующий встает сам. Потом вновь молчание в ответ на фамилию, и опять предательские голоса, и вновь стрельба по площадям. На душе тяжелая тоска, как после этого жить. Полумертвые люди предают друг друга. Вечером Саша шепчет мне: “Знаешь, в кого стреляли? Это

были комиссары. Кто-то дал немцам их фамилии, а другие помогли найти. А я был политруком. Может быть, и меня узнают”.

...Был конец ноября. Стояло хмурое утро. Внезапно во дворе раздалась нарастающая стрельба, усилилась хриплая брань, крики. На этаже появились солдаты и эсэсовцы. Угрожая автоматами, они стали выгонять полуживых пленных во двор. Тех, кто не мог подняться, пристреливали. На лестнице образовалась страшная давка. Передние не успевали выходить, а на задних напирала немцы с криком и стрельбой. Между верхними и нижними этажами было широкое окно. Через него мне и удалось увидеть, что происходило во дворе. Шел еврейский погром. Эсэсовцы отбирали евреев и отгоняли их вправо. Более месяца, проведенного в этом лагере, сделали мне смерть милее жизни. Не раз уже я сама лезла под пули, но когда я увидела, как они убивают евреев, как над ними издеваются эсэсовцы с помощью собак (описывать это я не в состоянии), и представила, что же они могут сделать с женщиной, то постаралась задержаться на лестнице, пусть пристрелят здесь. Задержаться не удалось, поток людей вынес меня на крыльцо. Тут же ко мне подлетел высокий эсэсовский офицер:

- Жидовка?
- Нет, грузинка.
- Фамилия?
- Анджапаридзе.
- Где родилась?
- В Тбилиси.

Последовало еще несколько вопросов... Ударом руки офицер толкнул меня не направо, куда я боялась даже взглянуть, не влево, куда отгоняли всех, а прямо вперед. Поднявшись на ноги, я обнаружила еще двух женщин-военнопленных. “Селекция” продолжалась, нас — женщин постепенно стало шестеро. Стояли, тесно прижавшись друг к другу. Что говорить, было страшно. Страшно смотреть на то, что творилось кругом. Страшно думать о том, что могут сделать с нами. Когда “селекция” окончилась, военнопленных загнали обратно в здание, эсэсовцы и солдаты ушли, во дворе остались только трупы и мы шестеро посередине пустого пространства в полной неизвестности...»²¹¹.

Так же, как и С. Анваер, под Вязьмой попал в плен и батальонный комиссар М. Шейнман (12 октября 1941 года). Судьба провела его через лагерь в Вязьме (до 12 февраля 1942 года), Молодечно (до июня 1942 года), Кальварии, что в Литве (до декабря 1943 года), Ченстохово (до августа 1944 года) и Везуве (близ Эппена-на-Эмсе в Германии). Он сообщает, что под Вязьмой немцы бросали живых военнопленных-евреев в колодцы²¹².

Прежде чем лишить евреев-военнопленных жизни, садисты и палачи из вермахта, СС или лагерных полицейских с их воспаленным

воображением и звериными инстинктами подвергали несчастных разнообразным мучениям, на изобретение которых — в ситуации полной безнаказанности — они были великие мастера. Одним из любимых издевательств было принуждение евреев бегать, возить друг друга на плечах, петлять или танцевать — все до физического изнеможения.

Их впрягали в повозки, заставляли убирать нечистоты голыми руками. Принятый за казака Семен Гриншпун, плененный в сентябре 1941 года под Киевом и после серии неудачных побегов все-таки прорвавшийся за линию фронта в апреле 1942 года, свой первый лагерь для военнопленных описывал так: *«Внутри лагеря было специальное отделение, огороженное колючей проволокой, — для евреев. Здесь евреи тоже были только в нательном белье. Три раза в день всех выстраивали и пригоняли к еврейскому отделению, где евреев заставляли петлять и танцевать. Кто не хотел или не мог этого делать, был тут же расстрелян. О побоях и говорить нечего. Ежедневно по утрам евреев выгоняли на уборку лагеря. Того, кто подбирал мусор или кал палочкой, расстреливали на месте. На четвертые сутки всех евреев расстреляли у самой изгороди»*²¹³.

В дулаге 160 в Хороле, где комендантом был подполковник д-р Леппле (Lerple), а врачом д-р Трюхте (Truechte) пленных сортировали на русских, украинцев, евреев и монголов (азиатов); евреев помечали шестиугольными звездами, заставляли руками собирать нечистоты в бочки, били до изуродования; перед отправкой на экзекуцию в начале марта 1942 года пленных евреев раздевали до кальсон²¹⁴. О наклеенных на одежде «звездах» вспоминает и Л. Котляр: *«Для довершения общей картины следует описать единственное “развлечение”, придуманное для нас начальством и регулярно повторявшееся утром и вечером. Каким-то образом в лагере <Речь идет о шталаге в Николаеве, размещавшемся на бывшем стадионе. — П. П.> обнаружили одного коммуниста и одного еврея. Обнаруженных “жидо-коммунистов” изолировали, прикрепили к ним конвоиров и дважды в день на виду у всех прогоняли бегом по верхнему краю чаши стадиона. Коммунист был плотный человек, лет сорока, в матросском бушлате с нарисованными мелом на спине и груди пятиконечными звездами. Еврей был ростом поменьше, в солдатской шинели и пилотке, в ботинках с обмотками и нарисованными на спине и груди звездами шестиконечными. Он с трудом попевал за своим рослым напарником. А среди тридцати тысяч загнанных в ад за колючую проволоку находились такие, кто хохотал и улюлюкал им вслед, выкрикивая обидные, оскорбительные слова»*²¹⁵.

Владимир Тутов описывает такую «забаву» эсэсовцев в лагере Терезин в Чехии: еврейским военнопленным подвешивали на грудь фанерные дощечки с нарисованными на них мишенями и стреляли по ним, как в тире²¹⁶.

Известны и жуткие случаи натравливания на евреев собак²¹⁷, в том числе и во время «селекции» перед строем военнопленных со спущенными штанами²¹⁸.

Кстати, поначалу большое значение придавалось нарочитой публичности поиска и идентификации евреев, а также издевательств над ними перед казнью, как, впрочем, и самой казни. При этом преследовались многосторонняя цель устрашения и морального разложения вчерашних красноармейцев, склонения их к аморальному сотрудничеству — предательству и выдаче (нередко и оговору) своих товарищей. Немцы словно бы говорили остальным: вот так мы поступаем с евреями и комиссарами — нашими заклятыми врагами, но только с ними: зато остальным нас нечего бояться!²¹⁹

Однако не менее деморализующее воздействие оказывали эти сцены и на самих немецких военнослужащих, и с начала осени экзекуции перестали быть, по крайней мере, публичными.

...Впрочем, — кроме смерти в лагере, — известны и другие траектории судьбы советского военнопленного-еврея на оккупированной земле. В конце каждой из них маячило, в сущности, то же самое — смерть.

Иногда евреев-военнопленных прежде чем расстрелять, помещали не в лагерь, а в тюрьмы гестапо, о чем, в частности, свидетельствует «граффити» в камере Харьковской тюрьмы: *«Здесь сидели 2 еврея, Фуксман Саша и Зимин Михаил с 26.7.43. Расстрел произошел 13.08.43. Дрались мужественно. По-гвардейски. Верные сыны народа и погибли как следует гвардейцам»*²²⁰.

Кстати, жизнь военнопленного-еврея могла несколько продлить его, дефицитная профессия, в особенности, профессия врача. Так, бывший зав. поликлиникой из г. Шахты Копылович работал в госпитале лагеря в Молодечно, а доктор Фельдман из Могилевского областного управления здравоохранения — в лагере в Минске. В Молодечно и Кальварии работали также врачи Беленький, Гордон и Круг из Москвы, Клейнер из Калуги и др. Но в декабре 1941 года евреям-врачам запретили работать в лагерях для советских военнопленных: так, в лагере в Вязьме в конце 1941 года селекция производилась и в госпитале, причем не только среди больных, но и среди медицинского персонала. Забрали, в частности, доктора С. Лабковского, у которого были ампутированы обе ноги. То же происходило и в лагере Богунья под Житомиром. Селекцией — как в лазаретах, так и в общих лагерях, — занимались «комиссии» в составе коменданта лагеря, фельдфебеля и врача²²¹.

Обработка данных об умерших советских офицерах-военнопленных из трофейной картотеки в ЦАМО показала, что более трети из

них — военные врачи, ветеринары или фельдшеры, немногим меньше — техников-интендантов и инженеров, строевых же офицеров — около 20%. Разброс по возрасту (на 1941 год) — от 21 года до 50 лет. Около 2/3 — уроженцы Украины, остальные родом из России и Прибалтики. Почти 80% попали в плен на Украине в 1941 году, из них в одном только сентябре — 60%!²²² 10 чел. попали в плен в 1942 году, а самым «поздним» по времени пленения оказался капитан Б. Г. Зарин, захваченный 25 сентября 1944 года и выведенный из состояния плена 11 ноября того же года (для отправки в концлагерь, надо полагать).

Около 2/3 из них простились с жизнью в дулагах или шталагах на оккупированной территории, остальные — в шталагах и концлагерях в Германии. Несколько лагерей встречаются особенно часто — это шталаги 346 (Кременчуг) и 334 (Белая Церковь), концлагерь Заксенхаузен (7 раз), шталаг III В Фюрстенберг (5 раз). Лишь в 10 % случаев военнопленные умерли своей смертью, например, от бомбежки или в больнице. Во всех остальных случаях они были переданы дальше для ликвидации — в руки либо СД (если дело происходило в оперативной зоне на оккупированной территории СССР), либо гестапо и СС (в зоне ответственности ОКВ) или же застрелены при попытке к бегству. Некоторое удивление вызывает одновременность передачи значительной части военнопленных-евреев в руки СД: в 22 случаях это произошло 2 марта 1942 года (причем в 5–6 лагерях!), в 8 случаев — 9 сентября, а еще в нескольких случаях — 18 июня и 31 октября того же года. Карточки 10 военнопленных однозначно запечатлели следы селекции или доноса: названная ими самими и принятая немцами к сведению национальность — украинец, русский, белорус или азербайджанец — исправлена на них красным карандашом на «еврей». На удивление много карточек (более половины), где в графе национальность «еврей» стоит с самого начала. Однако самой продолжительной (более 3 лет) жизнью в плену отмечен лейтенант и автомеханик Иосиф Базаненко, назвавшийся русским: взятого в плен 22 сентября 1941 года под Оршицей и угнанного в шталаг XIII D в Нюрнберге, смерть нашла его только 19 октября 1944 года.

Селекция и ликвидация на территории Германии

Еще в июле 1941 года большие массы советских военнопленных стали прибывать непосредственно в Рейх, возможность чего в приказе № 8 допускалась не более чем теоретически. Это отставание от жизни было быстро исправлено в «Боевом приказе № 9» от 21 июля 1941 года.

Немаловажные уточнения содержал и указ Гейдриха от 12 сентября 1941 года, выправлявший, по всей видимости, массовые «переги-

бы» при исполнении приказа № 8. Сделанные в нем уточнения понятия «русско-советская интеллигенция» вывели из-под смертельной угрозы по крайней мере интеллигенцию техническую и прекратили расстрелы татар и представителей других «азиатских» (читай: мусульманских) народов, осуществлявшиеся исключительно по той причине, что и у них, как и у евреев, практиковалось обрезание²²³.

Если летом 1942 года, в отличие от лета 1941 года, советские военнопленные как рабочая сила уже представляли для Германии определенный экономический интерес и отношение к их «сохранности» в целом улучшилось, то отношение к военнопленным-евреям изменений не претерпело: все они по-прежнему подлежали уничтожению, независимо от места пленения или нахождения — на фронте или в Германии.

Непосредственно в Германии, а точнее в зоне ответственности ОКВ, как **селекцию**, так и **ликвидацию** военнопленных должна была осуществлять не лагерная администрация, а направляемые в каждый лагерь или иное место скопления неблагонадежного элемента «особые комиссии» РСХА и СД («Sonderkommissionen»). Составленные ими отчеты с указанием количества отобранных ими неблагонадежных лиц (очень часто даже без персонализирующего списка) подлежали еще формальному согласованию с руководством РСХА.

Только после этого можно было приступить непосредственно к ликвидации (или, по-немецки, **экзекуции**), но ни в коем случае не в самом лагере и не в непосредственной близости от него. В случае же невозможности обеспечить скрытность (а это было совсем не просто в самой Германии, например) обреченных смертников надлежало направлять в ближайшие концлагеря.

27 октября 1941 года, в развитие приказа № 8, Гейдрих выпустил «Боевой приказ № 14», наделявший офицеров «оперативных команд» в лагерях для военнопленных полномочиями по принятию решений и об их экзекуциях, что существенно упрощало всю процедуру²²⁴.

В начале октября 1941 года Министерство по делам восточных территорий направило во все крупные дулаги и шталаги около 40 комиссий по проверке военнопленных, не только соучаствовавших в поиске среди них евреев и других потенциальных врагов, но и наделенных правом отпускать из плена украинцев и представителей некоторых других национальностей. Опасаясь наивности немецких солдат и офицеров, искренне полагавших что необрезанных евреев не бывает, Министерство разоблачило и эту «жидо-большевистскую» уловку: 10 октября оно разослало информацию о том, что, начиная с 1920–1921 годов рождения, среди советских евреев запросто могут оказаться и необрезанные²²⁵.

Генерал-лейтенант Шеммель (Schemmel), бывший в 1941–1942 годах командиром военнопленных в XIII военном округе, показал на допросе, что примерно из 40 тыс. советских военнопленных, дислоцировавшихся в его округе, селекции и экзекуции подверглось не менее 2 тыс., или порядка 5%²²⁶. Obersturmführer СС Пауль Олер (Ohler), инспектор гестапо в Нюрнберге и начальник айнзатцкомmando в офлаге Хаммельбург, показал, что из его лагеря в Дахау было отправлено на казнь не менее 500 советских военнопленных-офицеров²²⁷.

Тем не менее многие еврей-военнопленные де-факто просачивались в зону ответственности ОКВ или в саму Германию и были все же «выведены на чистую воду» — теми самыми особыми комиссиями — в лагерях уже непосредственно в Рейхе. Следы этих разоблачений содержит в себе и трофейная картотека ЦАМО. В ней можно встретить евреев, выявленных в шталагах III В, IV Н, X D, XIII D и XVII А. Присовокупим сюда еще и два восточнопрусских — № 336 (Инстербург) и 373 (Просткен) — и один польский — № 359 (Сандомир).

Так, из карточки Семена Агена²²⁸ видно, что под № 151324 он был зарегистрирован в шталаге III В в Фюрстенберге-на-Одере. Поначалу он заявил себя православным и русским, но был, по-видимому, разоблачен, после чего «Russe» в графе национальности переправили на «Jude». 12 января 1943, по письму гестапо Фюрстенберге-на-Одере от 7 января, он был направлен в концлагерь Заксенхаузен²²⁹.

Что касается непосредственно смерти, то один из военнопленных-евреев погиб при бомбежке и похоронен на кладбище в Витцендорфе, а двое — лейтенанты Лев Курлов и Михаил Тарлов — застрелены 27.04.1942 при попытке к бегству из концлагеря «для неисправимых» — Маутхаузена²³⁰. Сразу 6 чел. были переданы в Заксенхаузен: 1 чел. — 17.10.1942, 2 чел. — 12.01.1943, 1 чел. — 22.03.1943 и 2 чел. — 03.02.1944. Остальные были переданы еще на востоке в руки СД, причем значительное количество — 9 чел. — в один и тот же день (02.03.1942, в основном из шталагов 346 и 334).

Свидетельства военнопленных о том, как происходила селекция евреев на территории Германии, практически не дошли до нас. Тем ценнее следующий эпизод из воспоминаний Б. Н. Соколова о селекции в 326 шталаге в рурском городке Хемер:

«Национально-политическая проверка. Нас выстраивают на плацу в две шеренги, каждая в один ряд. Между шеренгами расстояние шагов десять. Приказано всем снять шапки, стоять смирно и смотреть прямо в глаза. Прямо в глаза. Смотреть в глаза тем, которые уже идут с края. Сначала они проходят быстро, как бы примериваясь. Их четверо. Передний — невысокий плотный офицер с широким красным лицом и крошечными глазами со строго внимательным и колючим прищуром. На всех четверых фуражки с высоко заломленным верхом и блестя-

щим серебряным черепом. На мундирах черные петлицы со светлыми буквами SD — Schuetzdienst (Охранная служба)²³¹. Сбоку, шаг в шаг с ними, идут автоматчики и русская полиция.

Второй раз они идут очень медленно, цепко глядявываясь в застывшие лица. Впечатление такое, что не только нам, но и стоящим навстречу впереди шеренг лагерным немцам от их присутствия тоже не по себе. А для нас попасть к ним означает немедленный перевод в штрафной блок, а там скорее всего прощанье с жизнью. Здесь рассказывают, что ищут евреев, но случается вытаскивают и других. Евреев за три года выловили основательно. И тем не менее, несмотря на вот такие неоднократные выловы, доносы своих и прочие меры, среди нас евреи все же имеются.

Как мне кажется, еврея обнаружить сейчас нелегко. В массе наголо остриженных, плохо или совсем небритых, истощенных, грязных лиц национальные признаки выражены слабо. Можно бы узнать по характерному для еврея маслянистому блеску глаз, но на ярком солнце это не видно.

Кругом полная тишина, так как жутковатое чувство идущей рядом, и может быть, именно за тобой, смерти охватывает всех. Вдруг как щелчок затвора в гнетущей тишине раздаётся резкое — Ах! Из стоящей перед нами шеренги высокий бледный немец, идущий третьим, как бы выдергивает одного из нас...

...Теперь проверяют другим способом: смотрят не на лица, а ищут подвергнутых обрезанию... Мы выстраиваемся в очередь к узкой двери в коридор, в конце которого выход на улицу... Все мы, стоящие в очереди, держим на ладони собственный член, сейчас похожий на мокрую грязную тряпочку. Именно по нему и определяется наша благонадежность. Офицер, придерживая пенсне и одновременно указательным пальцем той же руки слегка щуря глаз, немного наклонился вперед. На его лице застыла брезгливая гримаса, но тем не менее он очень внимателен. След операционного ножа в раннем детстве не удастся скрыть никому. Однако ни чувство протеста, ни чувство иронии не возникает ни у кого.

...У многих наступило известное успокоение. Наступило именно потому, что контроль стал определенным, в противоположность контролю по лицам, когда подозрение могло пасть на многих. Среди русских нередко встречаются люди, имеющие в облике нечто восточное, отчего иногда таких людей принимают за евреев... Кстати сказать, черты восточного облика у многих резче проявляются при истощении, возбуждении, болезни, а также при определенном освещении.

...Вдруг сбоку подсказывает немолодой щуплый солдатик и, пристально и зло глядя мне в лицо, бросает: — Вот скажу сейчас немцу, что ты еврей.

Опять меня подводит мое “заметное”, то есть интеллигентное, такое необычное здесь лицо... Сейчас это смертельно опасно. Одно слово, и оборвется тонкая нитка жизни, никаких апелляций и выяснения не будет...

...Так это или не так, но только смерть моя еще раз прошла мимо. На этот раз совсем-совсем близко. Дунула из пустого рта холодком, пошевелив мне кожу на голове. Хитро подмигнула пустой глазницей и ушла. Дескать, я не спешу. Поживи еще, помучайся...»²³².

Примечательно, что эта жуткая сцена происходит не в 1941 и даже не в 1942 или 1943, а в 1944 году. «Боевой приказ» Гейдриха и тогда еще нисколько не утратил своей значимости и свежести.

В том же, что и Б. Соколов, шталаге 326 оказался и Л. Я. Простерман (Просторов). Встреченные им в лагере медики, по-видимому, помогли ему избежать селекции и любопытства «Комиссии по проверке военнопленных». В результате он и уцелел и выздоровел — настолько, что не отправлять его и дальше на работу стало невозможно: *«Из последнего на Украине лагеря в г. Стрый, я попал в шталаг 326 на территории Германии, где пробыл около 1,5 месяцев. Вначале меня поместили в госпиталь, так как отказала левая нога, и я не мог ходить. Я считал, что это результат контузии, которую я перенес примерно 23 мая 1942 года в результате артиллерийского налета немецкой армии. В госпитале я встретил земляков, армейских медиков, которые меня стали опекать, подкармливать. В результате левая моя нога пришла в норму, и меня перевели в блок, где формировали команды для отправки на производства. Отсюда я попал в Роденкирхен возле Кельна на завод “Гебрюдер”, где меня поставили на операции окончательной доводки подшипников скольжения. Видимо, для транспортных средств. Цех назывался “Лагер-гале” и возглавлялся мастером Толли, жестоким человеком не только для пленных, но и для немецких рабочих. Однажды у меня разболелся зуб, и я стал просить отвести к зубному врачу. Вместо ответа Толли стал избивать меня стальной развальцовкой — прутом диаметром примерно 16 и длиной в 400 мм»²³³.*

Спасшиеся и спасители

Тем не менее части евреев удалось скрыть свою подлинную национальность и свое подлинное имя, если им и дальше везло, то и уцелеть, даже на территории врага. Ведь только по официальным данным Управления по делам репатриации при Совете министров СССР, среди репатриированных после войны граждан СССР насчитывалось 11 428 евреев, из них 6666 гражданских лиц и 4762 военнопленных²³⁴, в том числе и среди контингента «власовцы» — более сотни человек!²³⁵

Учитывая и тех, кто и при репатриации на всякий случай не выдал своего еврейства, общее число евреев среди репатриированных могло составить приблизительно 15 тыс. чел., причем пропорция могла измениться только в пользу оstarбайтеров, поскольку военнопленных фильтровали все же неизмеримо тщательнее, чем гражданских лиц.

Жизнь с измененной идентичностью, постоянный страх разоблачения или предательства — все это накладывало неизгладимую печать на обстоятельства их выживания или спасения. Но при этом особенно тяжело уцелеть было именно военнопленным, среди которых на протяжении всего времени плена велась целенаправленная и смертоносная селекция, тогда как у гражданских лиц ее не было.

И. М. Бружеставицкий написал об этом так: *«Я страдал, как и все мои товарищи, попавшие в плен. Но к этому добавлялся страх разоблачения, что я еврей и политработник. Таких расстреливали немедленно. А меня в дивизии знали многие, так как я не раз бывал на общедивизионных сборах комсorghов, замполитов, выступал на митингах. Но в этом первом лагере меня никто не выдал, хотя подходили, здоровались, и только один назвал замполитом и покачал головой...»*

Поразило нас, что в первый же день среди пленных появились прислужники немцев — полицейши с дубинами (палками) в руках. Они разгоняли группы пленных, не жалея побоев. В числе этих “блустителей порядка” оказался и наш комиссар батальона связи. Был он, правда, в красноармейской гимнастёрке без “штал” на петлицах и без комиссарских звезд. Он прошел мимо меня, сделав вид, что не узнал, и не выдал меня немцам; думаю, что опасался ответного разоблачения»²³⁶.

Именно **предательство «своими»** и было главным способом разоблачения евреев. Немцев провести было бы гораздо проще, когда бы не доброты из числа «своих». Как образно выразился по этому поводу бывший военнопленный Семен Орштейн: *«Свой не продаст, — чужой не купит...»²³⁷.*

За «разоблаченного» жиди или политработника в дулагах и штаблагах награждали — хлебом, папиросами, а то и одеждой расстрелянных. Предателями, несомненно, двигали и менее материальные мотивы, в частности, закоренелый бытовое антисемитизм или своеобразное самовыдвижение в лагерной иерархии. Случай же самосуда над такими предателями со стороны остальных военнопленных, о которых пишет И. Альтман²³⁸, представляются крайне рискованными и поэтому маловероятными — и уж во всяком случае редкими.

Другими способами селекции были медосмотр и проверка в строю или в бараке. Проверяли при этом не только на обрезание, но и на особенности речи (картавость).

Леонид Котляр описал еще один хитроумный способ выявления «затаившихся евреев» — сортировку по национальностям: *«...Из*

строю стали вызывать и собирать в отдельные группы людей по национальностям. Начали, как всегда, с евреев, но никто не вышел и никого не выдали. Затем по команде выходили и строились в группы русские, украинцы, татары, белорусы, грузины и т. д. В этой сортировке я почувствовал для себя особую опасность. Строй пленных быстро таял, превращаясь в отдельные группы и группки. В иных оказывалось всего по пять-шесть человек. Я не рискнул выйти из строя ни когда вызывали русских и украинцев, ни, тем более, — татар или армян. Стоило кому-нибудь из них усомниться в моей принадлежности к его национальности — и доказывать обратное будет очень трудно.

Я лихорадочно искал единственно правильный выход. Когда времени у меня почти уже не осталось, я вспомнил, как однажды в минометной роте, куда я ежедневно наведывался как связист штаба батальона, меня спросили о моей национальности. Я предложил им самим угадать. Никто не угадал, но среди прочих было произнесено слово «цыган». За это слово я и ухватился, как за соломинку, когда операция подошла к концу и нас осталось только два человека. Иссяк и список национальностей в руках у переводчика, который немедленно обратился к стоящему рядом со мной смуглому человеку с грустными на выкате глазами и огромным носом:

— А ты какой национальности?

— Юда! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из любителей пошутить.

Кто-то засмеялся, послышались еще голоса: «юда! юда!», но тут же все смолкло, потому что крикуны получили палкой по голове за нарушение порядка. В наступившей мертвой тишине прозвучал тихий ответ:

— Ми — мариупольски грэк.

Последовал короткий взрыв смеха.

Не дожидаясь приглашения, я сказал, что моя мать украинка, а отец — цыган. И тотчас последовал ответ немца, выслушавшего переводчика:

— Нах дер мутер! Украйнер!

— Украинец! — перевел переводчик.

Приговор был окончательным, и я был определен в ряды украинцев. Теперь любой, кому пришла бы в голову фантазия что-либо возразить по этому поводу, рисковал схлопотать палкой по голове. Немцы возражений не терпели»²³⁹.

Для того чтобы попробовать спастись, евреям приходилось применять те или иные познания этнолингвистического или медицинского свойства, как, например, бытование обрезания не только у евреев, но и у мусульман, существование заболеваний, требующих обрезания по чисто медицинским соображениям²⁴⁰ и т.п.

Как показывает анализ, подавляющее большинство самым радикальным образом меняло и имя, и отчество, и фамилию, а многие и всю «легенду», включая место рождения и т.д. (есть случаи поэтапной или просто двукратной замены элементов имени). Видимо, из боязни проговориться, некоторые старались сохранить при этом свое настоящее имя, если только оно само по себе не составляло угрозу. Гораздо реже встречаются случаи, когда замене подверглось одно только имя, одно только отчество или одна только фамилия²⁴¹.

Так, Давид Исаакович Додин²⁴², рядовой, попавший в плен 27 июля 1941 года, прорываясь из окружения на Минск. Не меняя имени, он успешно выдавал себя за белоруса, изменив только отчество (на Иванович). Его внешность и его владение белорусским языком не вызывали ни малейшего подозрения. Ни в сборном лагере на р. Свислочь, ни в дулаге Острев-Мазовецкий селекции не проводились, ни в туберкулезном лазарете шталага в Цайтхайне, где он работал регистратором и при котором жил (в отличие от самого лагеря), селекция как таковая не проводилась²⁴³. Перемены отчества — с Ильича на Иванович — хватило и Б. И. Беликову²⁴⁴.

Определенную роль играл и фактор фонетического созвучия старого и нового имени. Вот как объяснил это Лев Яковлевич Простерман: *«Все документы я уничтожил, характерных внешних признаков у меня не было, и я записался как русский, Просторов Алексей. “Просторов” потому, что это было созвучно с “Простерманом”. В случае, если кто-то из бывших сослуживцев по моему 899 полку 248 стрелковой дивизии меня окликнет по фамилии, я имел бы шанс как-то “выкрутиться”». Алексеем я стал потому, что хотел сохранить фотографии любимой, которые были подписаны мне, как “Лесе”. Так меня звали в детстве...»*²⁴⁵.

Некоторые сознательно брали себе идентичность знакомых им лично лиц: например, Софья Анваер стала Софьей Анджапаридзе потому, что в ее классе был такой одноклассник и т.п.²⁴⁶

В любом случае важно было как можно лучше ориентироваться в обстоятельствах своей новой идентичности.

Среди этносов, за представителей которых они себя выдавали, чаще всего фигурировали славяне — украинцы и русские (реже белорусы)²⁴⁷. На втором месте — тюрки-мусульмане: татары, узбеки²⁴⁸ и азербайджанцы, а на третьем — армяне, грузины и даже джарцы. Иногда выдавали себя за французов, за немцев-фольксдойче, совсем редко — за караимов, но последнее почти не помогало²⁴⁹. Известны и случаи маскировки под цыган (Л. Котляр): случаи же селекции среди военнопленных по «цыганскому» признаку, наоборот, неизвестны.

Замечательный русский поэт Семен Липкин, во время войны военный корреспондент, не был в плену, но в окружении был. На войне

он — с первых ее дней: Кронштадт, Ленинград, Дон²⁵⁰. На Дону и попали в окружение. Группку из 8–10 чел. выводил Липкин: выбирались, проходя по казачьим станицам. Плен миновал поэта, но смертный еврейский страх — нет:

«Было страшно, мне особенно. Я сделал себе удостоверение с армянской фамилией Шахдинарьянц. Это был мой школьный учитель химии, с такой фамилией. Вошли в станицу, зашли в хату... Хозяин хаты говорит мне: “Сдается мэни, шо вы з жидив”. — “Нет, я армянин”. — “Вот прииде жинка, вона скажэ”. Пришла хозяйка. И пока она смотрела на меня, двумя руками приподнимая свои груди, у меня внутри все дрожало. И она сказала: “Вирменин!”...»²⁵¹.

Лейтенант Сергей О., по свидетельству М. Б. Черненко, служивший комвзвода, попал в плен в 1942 году после неудачного наступления на Южном фронте. Пожилой солдат-татарин указал ему на общность важного мусульманского и иудейского обрядов и присоветовал сказаться татаринном из соседнего с собой села. Что Сергей О. и сделал (заодно подучив татарские слова)²⁵².

Военный фельдшер М. И. Меламед попал в плен в сентябре 1941 года под Киевом и — при помощи коллеги (бывшего начальника Санитарной службы 37-й армии Т. Н. Чурбакова) — сумел выдать себя за аджарца Коджарова²⁵³.

Израиль Моисеевич Бружеставицкий²⁵⁴ взял себе имя Леонид Петрович Бружа (Brusha), восходящее к его студенческому прозвищу²⁵⁵. 11 августа 1942 года в районе Калач-Суровикино он попал в окружение и был взят в плен. Находился по нескольку дней в лагерях (Миллерово²⁵⁶, Шепетовка) и тюрьмах (Харьков и Днепропетровск) на советской территории. С 23 октября 1942 года — в Германии (штаг-лаг IV В Мюльберг, что в Саксонии личный № 204728). Документы он уничтожил, национальность скрывал. Еще в Шепетовке он зарегистрировался казаком из Темрюка, сыном кубанского казака и татарки: с этой легендой он и прожил весь плен. В Мюльберге его союзником был тиф: покуда он лежал в тифозном бараке, в самом лагере жестоко охотились на замаскировавшихся евреев.

Принятие псевдонима произошло в Харьковской тюрьме на Холодной горе в начале сентября: *«...Всех пленных выстроили в шеренги и вдоль них стали ходить полицейши из своих, выискивая евреев. Немцы стояли в стороне. Определяли евреев по внешности и по неотъемлемому признаку — обрезанной крайней плоти. Остановился молодой полицейши возле меня: “Спускай штаны”. Я ответил ему: “У меня мать татарка, так что я обрезанный”. Стоявшие рядом мои друзья подтвердили это. Полицейши усмехнулся, посмотрел на меня и пошел дальше. Ясно, что он выполнял свою роль за лишний кусок хлеба и не старался особо выслушаться. На этот раз я был спасен. Из рядов вывели десятка два яв-*

ных евреев, и немцы с побоями их увели. Евреев-военных (*Waffenjuden*) они считали особо опасными и уничтожали их немедленно. Вечером в камере ко мне подошел пленный лет сорока, мой бывший сослуживец еще по роте связи в 600 СП, телефонист: “Ты что же, жид, не вышел, комиссар хреновый?” (Сказано было крепче). Я промолчал, а Гуреев и Кузнецов отогнали его. Надо мной нависла смертельная угроза. Нужно было любой ценой скрыться от этого гада, который явно собирался донести на меня.

И, можно сказать, мне повезло. Рано утром, когда нас выпустили из камер на тюремный двор, там стали выкликать: “Казаки есть?” Наша дружная пятерка рванулась вперед и встала в строй мнимых казаков. Таких набралось человек сто; нас вывели из тюрьмы и снова — в товарные вагоны. Выдали по куску макухи и повезли, на этот раз в Шепетовку. Здесь в Шепетовке (я знал о ней по роману Н. Островского “Как закалялась сталь”) за городом устроили похожий на Миллеровский лагерь под открытым небом, но не очень большой. Здесь было тысячи 3–4 пленных “казаков”. Были среди них и настоящие казаки, но, по-моему, меньшинство.

В Шепетовке впервые прошли письменную регистрацию. Я назвался Бружа Леонид Петрович; отец — кубанский казак из Темрюка, мать — татарка, вырос в детском доме, был студентом института связи, рядовой. Фамилия казалась несколько странной, но я никак не мог от нее отвязаться, окружающие так меня называли. Имя и отчество позаимствовал у своего друга — одноклассника в Симферополе, Темрюк — у одноклассника по ИФЛИ Льва Якименко, кубанского казака. В Темрюке я так никогда и не побывал. Своей легенды придерживался все годы плена, хоть она мало походила на достоверную. Трудность была не в легенде, а в моем несоответствии ей. Все же я был похож на еврея, а не на казака. Спасало отчасти то, что казачество этнически неоднородно...»²⁵⁷.

А вот Семен Алексеевич Орштейн, уроженец г. Славуты Хмельницкой области (1921), взял себе «псевдоним» только в Германии. Собственно, и «Семен Алексеевич» был псевдоним, так как родился он Шимоном Эоевичем и в Онополе, где он рос и где его отец, пекарь, пек на пасху мацу, было до войны восемь синагог и, соответственно, еврейских школ. Был у них маленький домик на две комнаты и кухня. Когда началась война, родители и сестры — Паня, Цея (Циля) и Лиза — эвакуировались было в Житомир, но там их настигли немцы, и они вернулись в Онополь, где все и погибли.

Его же спасла следующая цепочка обстоятельств: в 1940 его призвали в пограничные войска в Болград, был курсантом (еще 21 июня 1941 года они пропустили последний эшелон в Германию!). В плен его взяли под Харьковом в октябре 1942 года. В Житомирском шталаге

стариков-евреев заставляли танцевать возле ямы. Его не проверили и увезли в Германию, причем поезд прошел через Славуту и Онополь.

В Германии, в шталаге Бохольт, куда его привезли, он весил всего 42 кг²⁵⁸. При регистрации Орштейн, по его образному выражению, «переложился в Семенюка», — взял себе имя и фамилию своего ближайшего друга, бывшего председателя райпо и первого номера расчета станкового пулемета (сам Орштейн был его вторым номером). Настоящий же Семенюк Василий Кузьмич был тяжело ранен за два дня до того, как Орштейн попал в плен.

Большинство советских евреев-военнопленных спасли, впрочем, не столько их удачные псевдонимы, сколько добрые люди — те, кого назовут потом Праведниками Мира. Среди них украинцы и русские, белорусы и поляки, татары и немцы, краснойармейцы и гражданские, знакомые и незнакомые, городские и сельские жители. Особенно часты были летом и осенью 1941 года такие случаи: пожилые и молодые крестьяне и крестьянки прятали у себя евреев-окруженцев или беглых пленных, выдавая их потом за односельчан, а иногда даже «выдирали» их из лагерей, вдруг «узнав» в них своих «мужей», «сыновей» или «братьев». А иногда спасенные и спасительницы, хорошо узнав друг друга, после войны соединялись вновь и создавали семью²⁵⁹.

Жизнь военнопленного еврея часто зависела от вердикта врача, поэтому не удивительно, что среди их спасителей — так много **медиков**. Так, М. Шейнман обязан жизнью врачам Редькину и Собстелю в Вяземском лагере, Куропатенкову и Шеклакову — в Кальварии, Цветеву и Куринину — в Ченстохове²⁶⁰. Рискуя жизнью, они делали фиктивные операции, укрывали евреев и комиссаров среди туберкулезных, тифозных и поносников, подменяли документы и многое другое.

Интересна история Григория Губермана, и самого по профессии врача²⁶¹. В 1941 году, после окончания четвертого курса медицинского института, он служил в госпитале в Севастополе. После взятия Севастополя (немцы интернировали мужской медперсонал, но выпустили на свободу женский), назвался Николаем Колокольниковым (имя друга). Одна из медсестер написала на него донос, но при расследовании он утверждал, что донос был сделан из ревности, а обрезание было сделано ему по болезни (фимоз). На время расследования был заключен в тюрьму, где немецкий врач выдал ему спасительную справку о фимозе.

Среди спасенных врачами и Абрам Соломонович Вигдоров²⁶². Он попал в окружение на Лужском рубеже в районе Колпино 19 сентября 1941 года и, получив два пулевых ранения в ноги (увечье на всю жизнь), был брошен раненым на поле боя и взят в плен. Одну неделю он провел в лазарете в Любани, откуда его в гипсовой повяз-

ке отправили в отделение шталага 350 в Митаве (Елгаве)²⁶³ на территории Латвии. Именно здесь местные врачи спасли ему не только здоровье, но и жизнь, несколько «подправив» его имя, отчество и фамилию: он стал Алексеем Семеновичем Викторовым. С самого начала, еще при регистрации в госпитале, врачи выдали ему на это имя спасительный «документ» — небольшую картонку, на которой были нанесены наборными печатками номер шталага, его лагерный номер (22221), а также — чернилами и обычной ручкой — выведена большая буква «R». Но и с таким «хорошим» документом жизнь Вигдорова-Викторова висела на волоске. Во время селекции экспертное заключение украинского эсэсовца стоило явно выше, и только немецкий лагерный охранник почему-то вернул его в лагерь.

Вот несколько подробностей этой судьбы: *«Между тем предъявленный мной документ не возымел силы из-за настойчивых утверждений предателей из числа военнопленных о моей принадлежности к еврейской национальности. Точку в возникшем споре поставил командир украинских SS, охранявших лагерь. Он устроил мне настоящий экзамен по произношению слов, которые люди, говорящие по-еврейски, произносят с определенным акцентом (картавость при произношении звуков «р» и «л»). Я прекрасно выдержал этот экзамен, так как никогда не знал еврейского языка и не говорил на этом языке. Однако хор голосов из строя настоял на моей еврейской национальности. Меня одного направили по направлению к выходу из лагеря, через который увели раньше всех евреев. При подходе к воротам лагеря, за которыми евреев с трудом втискивали в переполненные большие крытые брезентом немецкие машины, меня встретил стоящий на посту у ворот немец, которому я предъявил описанный выше «документ». Вид у меня был жалкий, я отлично понимал, что еще несколько минут и меня увезут на расстрел вместе с теми евреями, которые уже сидели и стояли в машинах. Однако случилось непредвиденное. Немец сильно ударил меня ногой под зад и сказал мне по-немецки, что я подохну и так, как умирали в лагере тысячи советских военнопленных разных национальностей от голода, холода, болезней, избиений, издевательств и т.д.»*

В Митавском лагере и далее систематически выявляли и уничтожали евреев. В. тем не менее пробыл в нем еще продолжительное время — до июля 1944 года. Большую часть времени он провел в госпитале — из-за раненых ног и из-за болезней: сначала — сыпного тифа, а потом и туберкулеза (после сыпняка он работал санитаром в туберкулезном отделении, где и заразился)²⁶⁴.

Врачу обязан своей жизнью и Давид Львович Каутов. Он родился 14 августа 1920 года в г. Новоржеве Псковской обл., в семье рабочего-жестянщика. В декабре 1939 года был призван в армию, служил на Украине, с 1940 года — в Котовске Одесской области. С начала вой-

ны — на фронте, минометчик. С боями отступали от р. Прут. 26 сентября 1941 года был ранен, лечился в госпиталях Ростова и Ессентуков, выписался в ноябре. В ночь на 1 ноября 1942 года вместе с десантом высадился на Керченском полуострове. 15 мая того же года немцы начали контрнаступление, и 19 мая Каутов был ранен и отправлен в госпиталь, находившийся на берегу моря, назавтра, 20 мая, захваченный немцами. Стоячих больных построили, и немецкий офицер через переводчика объявил, чтобы комиссары и евреи вышли из строя. Каутов остался в строю (накануне он уничтожил все документы, а также письма из дома). Отобранных евреев увели, а остальных — пешей колонной отконвоировали в Джанкой, где был огромный лагерь около железной дороги: внутри было огороженное колючей проволокой пространство, куда определяли всех евреев. В Джанкое Каутов провел всего одни сутки (кормили один раз похлебкой из брюквы, без хлеба — наливали в котелки или пилотки).

В товарных вагонах его вместе с остальными привезли в лагерь в Кривой Рог. Здесь он провел всего несколько дней: отсюда его отправили работать в г. Марганец на шахту по добыче марганца. В лагере, помещавшемся в школе, огороженной колючей проволокой и с вышками, командовали немец-комендант и полицей-украинцы, ходившие по лагерю с плетками, в концы которых было сделано что-то тяжелое. За малейшую провинности избивали до полусмерти. На работу водили под конвоем: собаки с немцами. Чтобы по дороге не убегали и не забегали в кукурузу, немцы придумали «переносную клетку»: из толстой проволоки сварили прямоугольной формы фигуру, клали ее на землю, и приказывали крайним поднять клетку или держать ее — все оказывались как в загоне.

В лагере Каутов заболел сypняком. Приезжали эмиссары от Власова, но в РОА записалось всего 1–2 человека. Несколько раз приезжали немцы искать евреев: *«Нас строили по рядам. Он проходил, подавалась команда: спустить брюки — и он смотрел. Наверное, был специалист по этому делу. Я всегда маскировался и вставал рядом с узбеками и татарами. Вот мне и подвезло»*. В Марганце Каутов пробыл до марта 1943 года. Потом перевели в г. Брицк в Чехословакии, работали в карьере те же самые 12 часов (передвигали рельсы для экскаватора, очень тяжелый труд).

Еще в Кривом Роге Каутов благополучно прошел регистрацию и медицинскую комиссию, став при этом Григорьевым Владимиром Петровичем, русским (сам псевдоним он взял «с потолка»). Русский доктор из медицинской комиссии, разумеется, все видел и все понял, но пожалел его — ничего не сказал и велел одеваться²⁶⁵.

Так же медперсоналу обязан жизнью и Иосиф Самойлович Кубланов, курсант офицерской школы. 15 августа 1941 года, по возвра-

щению с задания в штаб, он, по приказу офицеров, присоединился к колонне: наутро офицеры сбежали, а солдат выдали немцам местные жители. Он закопал свой кандидатский партбилет. Пленных повели пешком в Борисов: в тех, кто выходил или выбегал из строя (на полях была картошка), стреляли из автоматов. Из Борисова увезли в Могилев, а оттуда в Алитус в Литве. Там Кубланов и проходил регистрацию, назвавшись Чугуновым Александром Васильевичем. В октябре он заболел, и в медсанчасти он встретил знакомого фельдшера: в лагере в это время шла селекция, но тот устроил его в палату с тифозными, куда немцы боялись заходить. Там он и остался позднее — санитаром тифозной палаты (до августа 1942 года). В августе Кубланов-Чугунов как ослабленный был направлен на работы к крестьянину Балюкасу, где прожил до декабря. Оттуда его перевели в Таллин, и он проработал забойщиком на сланцевой шахте в Кевиоли до 18 октября 1944 года. После чего их отправили в Рейх: сначала — в Данциг, а потом в Ашерслебен (работа грузчиком на сахарном заводе, по 10–12 час. в день) и Магдебург (работа грузчиком на заводе «Вольф»).

Иногда выручало элементарное землячество: так, москвича Эммануила Николаевича Сосина (он же Михаил Николаевич Зарин) спасло то, что в лагере Ковно, куда он попал, один главный полицай оказался его земляком, москвичом с Мещанской улицы, — он-то и сорвал с него желтую звезду (сзади) и «отправил» в Германию²⁶⁶.

Младший лейтенант Борис Ильич Беликов, 39-летний еврей из Ялты, попал в плен под Харьковом, но не со своей частью, а с госпиталем, где лежал. Отчество он изменил на «Иванович», но спасение его было в том, что ни в сборном лагере в Чугуеве, ни в офицерском лагере во Владимире-Вольнском, ни в арбайтскомандо под Кельце — он ни разу он не встретил знакомых. Два самых страшных его воспоминания: первое — когда в лагерь поступили новички (не дай бог кто из них знакомый!), второе — когда медосмотр и помывка в бане (он всегда старался проскочить в гуще людей и как можно скорей намылиться). Однажды ему послышалось, что кто-то обратился к нему не «Боря», а «Борух», и он бежал. Попал к партизанам из Армии Крайовой, а потом к своим²⁶⁷.

На волосок от гибели, — как в России, так и в Голландии, — прошел плен и студент истфака и ополченец (впоследствии профессор истории Ростовского университета) Герман Бауман²⁶⁸.

Михаил Меламед, военврач 192-й пехотной дивизии, попал в плен в сентябре 1941 года под Кировоградом. В лагере возле Винницы он объявил себя татаринном. В июле 1942 года, после перевода в лагерь в Житомир, бежал, был пойман, отправлен в лагерь в Гомель, откуда снова бежал и примкнул к 27-й партизанской бригаде им. Кирова²⁶⁹.

К партизанам — из бригады генерала Бегмы — в конечном счете попал и младший лейтенант Александр Абугов, взятый в плен в августе 1941 года. Он перебивал во множестве лагерей для военнопленных — Умань, Винница (здесь, по его свидетельству, были расстреляны сотни евреев), Шепетовка, Брест-Литовск, Кобрин и Ковель (откуда он и бежал)²⁷⁰.

А Исаака Евсеевича Азаркевича, уроженца Одессы (1921) и жителя Бруклина, судьба пленника довела до Норвегии²⁷¹. Вот, вкратце, его поразительная «одиссея»:

В плен он попал 11 октября 1941 года в районе ст. Жуковка на Центральном фронте вместе с 11 бойцами своего взвода. Несмотря на уважение к себе солдат, он сразу же оценил опасность ситуации и постарался затеряться в многотысячной колонне пленных. Их пригнали в лагерь в Жиздру в 75 км от Брянска: 30–40 тыс. чел. на большой, без строений, территории — гектара, наверное, в два, огороженной колючкой в 2–3 ряда, по углам вышки со стрелками. Болото, грязь. Кормить практически не кормили: на всех одна-единственная русская полевая кухня и немытая вареная картошка. От голода и холода умирали сотнями. На 20-й день, найдя случайно вход в бывшее овощехранилище, выходящее за пределы лагеря, Азаркевич сбежал. Но через 15 дней был пойман и помещен в другой лагерь — в Болхове («маленький», всего на 1500 чел.). Здесь он провел шесть месяцев, тут же и придумал себе «биографию»: стал Коршуновым Сергеем Григорьевичем (отца, Евсея, всю жизнь называли Гриша, да и мать была Берта Григорьевна), родом якобы из Царицына Московской области, где он и в самом деле прожил с 1923 по 1930 год. Знакомых в этом лагере не было, внешне он на еврея не был похож, разговорная речь чистая, русская, без акцента, в баню в лагере не водили.

Всю зиму и начало весны лагерь перебрасывали с места — из Болхова в Карачев, затем Мценск, Белев, Колкна, Плавск, район Черни. По 12–14 часов в день работали на расчистке снега и благоустройстве шоссе и железных дорог. Кормили отвратительно, многие умирали, слабых пристреливали. Но Коршунов-Азаркевич был молод и закален.

В мае 1942 года погрузили в вагоны и повезли на запад. Под Гомелем эшелон остановился на opravку: в кустах Азаркевич увидел трубу под полотном и спрятался в ней — немцы, видимо, хватились его и, выпустив по кустам очередь, уехали. Так он еще раз бежал, причем в армейской форме.

В лесу он набрел на деревушку, без немцев. У бабки из крайней избы прожил две недели, переделся в гражданское. Он пошел на восток, по 25–30 км в день, обходя большие деревни и города, при этом не прятался, а держался смело, как местный житель. Намерева-

ясь дойти до самой Одессы, где до войны жили его родители, он прошел всю Белоруссию и даже Украину — его маршрут пролегал через Алчевск, Луганск, Горловку, Сталино, Пятихатки, Никополь (здесь ему пришлось штыком убить немецкого солдата), Николаев. От Николаева на Одессу была короткая дорога с понтонным мостом через Буг. Прикинувшись немецким колонистом, он пересек и мост.

И вот в конце октября 1943 года — со стороны Пересыпи и Ярмочного рынка — он пришел в Одессу! Подошел к своему дому, но побоялся входить. Его «разгадал» извозчик, вывез из города, и он снова пошел — на Рыбницу. Там его с криком «лови жида» начали ловить, но он вскочил в товарный вагон, который довез до ст. Жеребовка. До зимы прожил на хуторе в Головановском районе за Ольшанкой, а когда в январе 1944 года он оттуда уходил, его накрыли и схватили кубанские казаки — и привезли на санях в Головановку, а оттуда в Уманскую тюрьму. Он сказался военнопленным, и его направили — пешком — в Первомайский лагерь, а оттуда — на 3-й день — в г. Балту (деревня, как он помнит, Паццели). В Балте он видел еврейское гетто — зрелище, которое его потрясло. После купания в замерзшей реке, он заболел — сыпняком. Лечил его камфарой и валерьяной врач-еврей, американский поданный. В конце февраля колонной в 2000 чел. их отправили на запад пешком — через Украину, Молдавию, Румынию и Трансильванию — в сторону Венгрии. Спали на земле, питались кониной. Ослабевших пристреливали. Особенно тяжело было в Карпатах. До Венгрии добрело всего 800 чел. Отсюда на поезде через Будапешт (там он видел девушек-евреек в черных юбках и белых блузках с нашитыми магиндовидами) и Вену — под Штутгарт (начало мая 1944). В лагере были пленные всех национальностей, каждая — в отдельной зоне. Впервые за пол-года побывал в бане, одежду прожаривали. Фамилию изменил еще раз и стал Кулагиним Сергеем Григорьевичем, но с теми же биографическими данными, что и Коршунов. В шталаге, где ему присвоили номер 125750, он провел 4 месяца: сельхозработы и работы на железной дороге. В сентябре 1944 года в лагере отобрали одних только русских и отправили морем из Гамбурга в Тронхайм в Норвегии, где он и пробыл до конца войны. Работа была каторжная — в две смены по 12 час. в день: строительство железнодорожных тоннелей в скалах²⁷². Кормежка — всего 240 г хлеба с добавками, баланда из брюквы и трески. Под конец все еле передвигались, доходили. Освободили их союзники 15 мая и передали в СССР²⁷³.

Впрочем, была и еще одна необычная траектория судьбы советского военнопленного-еврея — попадание в гетто: своего рода «польский вариант». Александр Иосифович Шпильман из Харькова попал в плен и, будучи обрезанным, был разоблачен как еврей в Каунасском

(Ковненском) шталаге. Однако его не убили, а перевели в Минск, причем не в знаменитый Минский шталаг, а в Минское гетто — то самое, куда депортировали и немецких евреев. Оттуда ему удалось бежать, а потом, в порядке продолжения чуда, прибиться к партизанам и даже уцелеть²⁷⁴.

Не менее поразителен случай окруженца Александра Владимировича Шламовича, до войны работавшего бухгалтером-ревизором Смоленского торгового управления, сталкивавшегося в то время, по делам службы, с адвокатом Б. Г. Меньшагиным. Меньшагина немцы назначили на должность бургомистра (начальника) Смоленска. Пробравшись в Смоленск и придя к Меньшагину на прием, Шламович попросил дать ему документ, указав в нем в графе «национальность» — русский. Далее, по Меньшагину, произошло следующее: *«Я сходил в паспортный отдел, порылся в архиве учетных карточек довоенного адресного бюро, вытащил из него несколько, в том числе и карточку Шламовича; потом я эту карточку незаметно положил в карман, а остальные отдал зав. адресным бюро Грибоедовой. После этого я выдал Шламовичу документ, как русскому, а старую карточку уничтожил. Шламовича я больше никогда не видел, но слышал, что он работал у немцев на железной дороге. Во время следствия по моему делу осенью 1945 г., упоминавшийся уже майор Б. А. Беляев спрашивал меня, помнил ли я Шламовича и знал ли я, что он еврей. На мой утвердительный ответ, он спросил, почему же я дал ему удостоверение, что он русский, какие задания я ему давал. Я объяснил, что причина понятна — избежать немецких преследований, заданий же никаких не давал и самого Шламовича больше не видел. Беляев пожимал плечами, удивляясь, что я рисковал собой при обнаружении подделки и, без всяких выгод для себя, дал Шламовичу этот документ. Он так, видимо, и не мог понять того, что добро людям можно делать, не преследуя при этом каких-либо личных выгод, что оно само по себе приносит награду делающему в виде большого нравственного удовлетворения»*²⁷⁵.

Другой — и нередкой — траекторией был побег, причем побег, естественно, были эффективнее и чаще на востоке, нежели в самом Рейхе. В случае успеха он мог завершиться не только у партизан, но и, скажем, в той же Германии, но уже в совершенно ином — гражданском — статусе.

Именно такова еврейская судьба Виктора (Самуила) Ефимовича Кацперовского, 18-летнего уроженца Мелитополя. В армии он был командиром минометного взвода при кавалерийском полку (Изюм-Барвенковское направление). Летом 1941 года попал в плен и, как обрезанный еврей, шансы свои на выживание оценивал не очень высоко. Тем не менее он боролся за жизнь — и, проведя в плену 1041 день, — победил. В плену он скрыл и офицерство, и имя, назвав

себя Виктором Андреевичем Карасевым из Ижевска. Непосредственно перед пленением спорол кубики с петлиц²⁷⁶ и присыпал в окопе документы землей: документы, видимо, нашли, потому что на переключке в сборном лагере, где находилось несколько десятков тысяч военнопленных, выкрикнули и его подлинное имя. Он вздрогнул, но лежавший рядом с ним старшина Попов надавил своей рукой на его руку, и он не отозвался. Не выдали и бойцы из своего взвода, которым он, не задумываясь над последствиями, поведал об этом на одной из бесед сам. Перебывав в нескольких дулагах (Барвенково, Никитовка, Константиновка, Дружковка), Карасев-Кацперовский бежал с напарником из Дружковки в феврале 1943 года, но в ту же ночь их поймала полевая жандармерия и, сочтя за партизан, едва не расстреляла. В октябре того же года новый побег (из лагеря в Михайловке, в 30 км от Кривого Рога). Прятались на хуторе Корниловка, но назавтра там появилась полевая жандармерия, и все мужское население согнали в большой сарай для того, чтобы через день отправить через Вознесенск в Германию. Судьба явно благоволила к нему, потому что дважды он благополучно прошел медицинский осмотр — в Польше (в Перемышле) и в Дрездене!²⁷⁷ Колоссальную опасность представляла для него и работа, которую ему дали, — литейный цех чугунно-литейного завода в г. Фрейталь около Дрездена. Не говоря уже о тяжести самого труда в литейке, — но чем же нехорошо столь горячее производство именно для еврея?! А тем, что каждый день после работы приходилось идти в общую душевую, — а что может быть для еврея опасней?..

Немало военнопленных, — а чаще всего даже не военнопленных, а окруженцев, — еще на родине расставались с формой и выдавали себя за гражданских, в каковом качестве и попадали в Германию — оstarбайтерами²⁷⁸. Среди таких, естественно, обнаруживались и евреи, в частности, Алексей Иосифович Цирюльников, родившийся в 1921 году в Ленинграде. В сентябре 1940 года его призвали в армию, на западную границу, и начало войны он встретил на бронепоезде в районе г. Станислава. Попав в окружение, пошел на восток пешком, его догнали румыны — отпустили, потом не попали в стогу штыками немцы. Свою форму он обменял на гражданскую одежду, но ночевать его никто не брал. И так дошел он почти до Проскурова, где в середине октября все-таки попал в плен.

«Большевики и евреи, вперед!» — двое вышли, и их тут же расстреляли. А остальных погнали в деревню, на ст. Ермолинцы (ночлег в пакгаузе, потом несколько дней грузили ящики с продуктами). Потом пешком в Проскуров, лагерь в конюшне. На регистрации он взял имя своего воронежского друга — Алексея Меняйлова. Работали на строительстве дороги, а сам он на аэродроме ухаживал за лошадьми. Овсяное питание его и спасло. Недели через два в лагере на-

чался тиф — голодно, холодно, трупы под навесом, — оттуда в овраг. В ноябре, в снег, бежали под видом трупов — но поймали полиция и отвели, — но не в лагерь (там беглых расстреливали), а в полицию. Оттуда — вместе с гражданскими — его отправили в Германию и, через транзитный лагерь под Брестом, привезли в Австрию, в район Линца, где его и зарегистрировали как остарбайтера. Там он провел всю войну, на строительстве азотного завода и на металлургическом заводе Герман-Геринг-Верке, побывал и в штрафлагерях²⁷⁹.

Его спасло до известной степени и то, что на остарбайтеров в Рейхе боевой приказ № 9 Гейдриха, разумеется, не распространялся и как гражданского его не подвергали селекции.

Еще причудливее судьба Леонида Котляра — еще одного военнопленного («пленяги», как он выражается) и остовца в одном лице. Успешно пройдя селекцию и «переложившись» в Леонтия Котлярчука, сына украинки и цыгана, киевлянина из Госпитального переулка, 6. Последнее обстоятельство оказалось весьма кстати: как жителя Киева Комиссия СД освободила военнопленного Котлярчука из состояния плена и из Николаевского шталага и, снабдив на дорогу хлебом и аусвайсом, отпустила из лагеря «домой»! Домой, понятно, «Котлярчук» не спешил, а по дороге застревал где только мог — сначала в селе Малиновка Еланецкого района Николаевской области — при пасеке, а потом на хуторе Петровский соседнего Братского района — пастухом. Но осенью 1942 года Украину накрыла очередная волна заукелевских вербовочных кампаний, и 3 октября староста закрыл спущенную на хутор разнорядку двумя прибывшими к хутору оцивиленными военнопленными, в том числе и «Котлярчуком». А тот, благополучно пройдя в селе чистилище медосмотра у земского врача, уже через несколько дней сидел в остовском эшелоне, направлявшемся из Вознесенска в Германию (по дороге — еще один медосмотр в Пшеммысле). В Нюрнберг он прибыл уже 12 октября, затем распределительный лагерь и проработал слесарем завод «Зюдейче Кюлерфабрик Юлиус Фридрих Бер» в Штуттгарте, изготовлявший всевозможные радиаторы для двигателей внутреннего сгорания. Здесь он проработал те полтора года, что отделяли его от освобождения города американцами 19 апреля 1945 года. Он по-прежнему сильно рисковал, но уже не как потаенный еврей, а как остолец, на которого американская бомба может упасть с не меньшим успехом, как и не его бригадира-немца, или как советский патриот, мучающийся от того, что работает на врага, и старающийся поэтому быть ему *«минимально полезным»*, а порой не боящийся и подлинного, сопряженного с колоссальным риском, саботажа.

Леонид Исаакович Котляр однако не ограничился описанием судьбы «Леонтия Гавриловича Котлярчука». Его заинтересовала доля

таких же, как он, бывших или тайных военнопленных и окруженцев, среди остовцев. И вот к каким выводам он пришел, проанализировав свой эшелон и свой новый трудовой коллектив:

«...Остарбайтеры в нашей мужской колонне на девяносто процентов состояли из бывших военнопленных. Часть из них избежала из лагерей, устроенных немцами в нескольких городах Украины, в силу того что они попали в окружение на территории своего государства, иных немцы сами отпустили из лагеря домой, выдав аусвайс, причем среди последних были жители России, а также узбеки или таджики, которым помогли освободиться, обманув немцев, их однополчане-украинцы. В нашем строю остарбайтеров фирмы “Бер” таких была добрая половина.

Проживая на хуторе Петровском, я считал, что Надеждовская полиция разрешила мне временно здесь оставаться как жителю Украины, но почему она закрывала глаза на то, что ставропольскому казаку Жоре и жителю России Ивану аусвайсы были выданы как жителям хутора Петровского? Можно было предположить, что кто-то кого-то об этом очень попросил. Однако уже в райцентре Братском, куда мы с Иваном прибыли в сопровождении полиция для дальнейшего следования в Германию, увидев там казахов и туркмен, прибывших тем же порядком из других населенных пунктов района, я понял, что явление это имеет, как теперь говорят, системный характер»²⁸⁰.

Это очень серьезное наблюдение, касающееся остарбайтеров-мужчин, но подавляющее большинство среди угнанных составляли именно женщины. Разумеется, среди миллионов гражданских остовцев и остовок тоже были свои потаенные евреи и еврейки, спасающиеся в самом логове своих палачей — в Германии. Контингенты угнанных формировались по географическому признаку и не перемещивались так сильно, как у военнопленных. Поэтому риск быть разоблаченными не отпускал их и в Германии, так что страха и драматизма их исковерканным судьбам не занимать.

Так, из-за болезни отца вся семья Али Кудрявацкой²⁸¹ осталась в оккупации и сполна испытала на себе все прелести и национальной, и трудовой политики нацизма. В письме, приложенном к анкете общества «Мемориал», она так описывает свою судьбу:

«...Рядовые солдаты относились неплохо. Но вскоре пришли головорезы СС. Вот здесь и начались наши муки. У кого что было должны были все отдать. Теплую одежду, обувь, приемники — в общем все... И вот однажды велели всей молодежи (еврейской) собраться на рынке. Там большая площадь. Выстроили по группам. Мужчин погрузили на машину и увезли, после не возвратились. Девушек и подростков по одной били палками. Я тоже испытала. Один опустит палки, другой подымет. Так били до бессознания и бросали. После, когда побили всех,

выпустили на площадь и дали команду бежать, а вслед выстрелы. После этого вскоре, т.е. в конце лета 1941 года, стали евреев сгонять в гетто. Туда попали мои родители и младший брат, а я и брат, еще три девушки и один парень бежали. Бежали куда глаза глядят. Так мы шли и дошли до Кричева. Нас задержали немцы. Думали, что партизаны. Поддержали, допрашивали и тут я выдала себя за Дмитриеву Валю. Брата забрали в лагерь, а нас, девочек, отпустили. Так я брата и не видела и не знала, что и как он. Только после войны встретились. А меня взяла к себе одна женщина. Я пошла с ней. Не помню точно, как называлась деревня, Красное или как — не помню. И вот по ночам к ней приходили люди, а я боялась всего на свете, взяла да и ушла от нее. А уже глубокая осень. Холод и голод, и сказать боишься, кто ты и откуда. Так я пришла в деревню Кокотово Могилевской области Мстиславский район, и взяли меня к себе две женщины. Мать и дочь, и у дочери был сын трех лет. Так я жила у них до лета 43 года. А в 43 г. угнали в Германию, вы не представляете, сколько горя и страха я пережила. Перед тем как увозить нас собрали в сельсовете и увезли в г. Мстиславль, где я жила, и рядом с моим домом оставили на ночлег. В комиссии была врач Борисевич (с ее сыном я училась), но никто меня не узнал или делали вид, и потом нас увезли на станцию (Ходосы, кажется), в товарные вагоны погрузили. Таким образом я оказалась в Германии. Но видно есть Бог на свете. В перевалочном пункте долго не держали, и я попала к хозяину. Работали на полях и дома. Он, хозяин, дома не был, работал в какой-то партии, кажется СС. Кормили удовлетворительно. Так я осталась в живых и под страхом как бы не выдать себя»²⁸².

Киевлянке Норе Идзиковской достаточно было только скрыть происхождение только матери: ее отец был поляком. А мать? Не только среди немцев, но и среди «своих» всегда находились охотники или охотницы вывести ее как «жидовку» на чистую воду. После одного из разоблачений она бежала из рабочего лагеря, была поймана и отправлена в Равенсбрюк²⁸³.

Надо сказать, что в отдельных случаях еврейская национальность военнопленного не составляла никакой тайны для его товарищей по несчастью. Но его, тем не менее, никто не выдавал, и он «благополучно» дождался вместе с ними освобождения. Так, Александр Малофеев пишет в своих «Воспоминаниях» о шталаге IX А (Цигенхайн): «Среди нас был и еврей Леонид Портнов из Одессы, которого все тщательно охраняли от посягательств на его жизнь со стороны немцев»²⁸⁴.

Интересно, что даже пребывание в плену, на территории врага, да еще под вымышленным именем, — не удерживало некоторых активистов из числа евреев-военнопленных от того, чтобы принимать участие или даже возглавить сопротивление врагу. Целый ряд таких

примеров — отчасти имевших место в концлагерях — приведены в «Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом»: Александр Печерский (в концлагере Собибор), Борис Гройсман (Владимир Моисеев), Михаил Зингер, М. П. Шихерт (Иосиф Харитонович Альбердовский), Иосиф Хонович Альперович, Исраэль Весельницкий, Александр Моисеевич Файнбра (Хамадан, или Михайлов) и др.²⁸⁵ Подполковник Якоб Талес, взятый в плен в конце июня 1941 года, бежал из лагеря под Уманью и стал одним из руководителей сопротивления в Бершадском гетто и партизанском отряд²⁸⁶.

Вот несколько примеров, имевших место непосредственно в шталагах. Ярчайшие два — случаи Иосифа Фельдмана (Георгий Фесенко) и Макса Григорьевича Минца. Первый — батальонный комиссар, до войны — начальник отдела в днепропетровском управлении НКВД. Попал в плен под Уманью, но смог бежать. По заданию компартии записался на работы в Германию с целью организации сопротивления в Германии. И действительно, в марте 1943 года в транзитном лагере в Мюнхене вместе с летчиком К. Озолиным Фельдман-Фесенко создал первую ячейку Братского союза военнопленных²⁸⁷. Второй — москвич, кадровый офицер, капитан разведки. В плен он попал под Киевом, а в Германию — зимой 1942 года. Член подпольного комитета в шталаге XI В Бад-Эрбке — о нем много говорится в воспоминаниях Д. Иванцова²⁸⁸.

Как и в концентрационных лагерях, в сопротивлении нередко и эффективно участвовали врачи. Так, уже упоминавшийся Г. Губерман-Колокольцев (он же Н. Колокольцев), работавший в Германии врачом-рентгенологом в шталаге для туберкулезных, участвовал в его лагерном подполье. Для того чтобы спасти жизнь тем или иным пленным, которым грозила смерть, их сначала записывали туберкулезными больными, а потом списывали, как умерших, присваивая им имена людей, действительно умерших от туберкулеза²⁸⁹. Имени шталага Губерман вспомнить не мог, но скорее всего это — Цайтхайн. Если это так, то в эту же группу, по-видимому, входил и Д. И. Додин, работавший там в лазаретной команде старшим фельдшером²⁹⁰.

Советские евреи-военнопленные оказались среди руководителей и участников восстаний и в двух из шести нацистских лагерей уничтожения — в Собиборе (14 октября 1943 года) и в Аушвице-Биркенау (7 октября 1944 года). В первом случае план выступления разработал (вместе с варшавским рабочим Лейтманом) и успешно осуществил лейтенант Александр Печерский, ростовчанин, прибывший в Собибор из Минского трудового лагеря СС. Во втором — аналогичную роль в выработке плана осуществлял, по некоторым сведениям, красноармеец-майор, в плен попавший под Сталинградом: он был одним из 19 советских военнопленных из зондеркоммандо лагеря

смерти Майданек, переведенных в Биркенау в апреле 1944 года — его имя не установлено²⁹¹.

Советские военнопленные-евреи в финском и румынском плену

Среди союзников Третьего рейха по коалиции стран, объявивших войну СССР, совершенно особое место занимают Румыния и Финляндия. Только эти два государства имели на территории СССР «свои» оккупационные зоны и только они вывозили на свою территорию и эксплуатировали принудительный труд советских военнопленных и гражданских лиц.

Финляндия, оккупировав Восточную Карелию, действовала на оккупированной территории как в военном, так и в военно-гражданском отношении самостоятельно и независимо от своих немецких союзников. В то же время союзнические отношения Румынии с Германией во время Второй мировой войны носили совершенно другой характер и определялись тесной скоординированностью, а точнее соподчиненностью. Румыния выступала как типичный младший союзник, или сателлит, согласовывавший с Берлином практически каждый свой шаг как в румынской оккупационной зоне (Транснистрия), так и в самой Румынии. В полной мере это относилось и к содержанию и трудовому использованию советских военнопленных, а также к принудительному труду мирных советских граждан на территории Румынии.

Во всех оперативных вопросах военного партнерства с Румынией немецкое доминирование было совершенно очевидным. За исключением битвы за Одессу, продолжавшейся до середины октября, когда румынские войска вели самостоятельную наступательную операцию, они были полностью интегрированы в немецкие вооруженные силы (например, в Крыму или на Сталинградском направлении).

Планом Барбаросса предусматривалось следующее распределение зон ответственности за взятых в плен красноармейцев: за территорию Рейха и генерал-губернаторство отвечала ОКВ, а за оперативную зону в СССР и Румынию — ОКХ, представленная в Румынии Германской миссией сухопутных войск (*Deutsche Heeresmission Rumänien*). Заметьте, не союзная румынская армия, а связующий ее с вермахтом немецкий орган²⁹².

Так оно было и на самом деле. Вопросы о судьбе красноармейцев, взятых в плен на востоке общими усилиями вермахта и румынской армии или усилиями одной только румынской армией, решались не в Бухаресте, а в Берлине.

Территории, оккупированные немецкими и румынскими войсками, составили впоследствии три губернаторства, из которых два (аннексированные в 1940 году СССР) были присоединены к Румынии — Бессарабия и Северную Буковина, а третье — Транснистрия со столицей в Одессе²⁹³ — было передано под румынский протекторат по Тираспольскому договору от 30 августа 1941 года (это было своеобразной компенсацией Румынии за большую часть Трансильвании, которую ей пришлось уступить в 1940 году Венгрии).

В вопросах гражданского управления подконтрольными оккупированными территориями, особенно в вопросах религии, образования и культуры, румынская политика была более самостоятельной, чем в военной сфере (так, единственный открытый университет на всей оккупированной Украине находился в Одессе).

Заслуживает упоминания и «самостоятельность» Румынии, как это ни удивительно, в вопросах геноцида евреев. Быть может, еще более жестокая и беспощадная по отношению к евреям на первом этапе войны (примерно до Московского контрнаступления Красной армии), позднее политика Румынии стала несравнимо мягче. Начиная с начала 1942 года, уничтожение евреев в румынской оккупационной зоне фактически прекратилось. Можно уверенно сказать, что шансы евреев на выживание в зоне румынского гражданского управления были гораздо выше, чем в оперативной зоне вермахта или в Рейхскомиссариате Украина: здесь уцелело и дождалось освобождения заметное большинство всех евреев на территории послевоенного СССР, избежавших ликвидации²⁹⁴.

Согласно энциклопедическому словарю «Румынская армия во Второй мировой войне (1941–1945)», выпущенному в Бухаресте в 1999 году²⁹⁵, за период между 22 июня 1941 и 22 августа 1944 годов, то есть за время боевых действий между советской и румынской армиями, румыны взяли в плен 91 060 советских военнослужащих²⁹⁶.

Военнопленные поступали из зоны действия румынской армии, в частности, 21 тыс. прибыла из Транснистрии и 19 тыс. из Крыма. Около 2 тыс. военнопленных было на судне, потопленном советской подлодкой в районе Бургаса, и лишь 170 из них спаслись.

Из 91 060 советских военнопленных 13 682 чел. было отпущено из плена (румыны, — а скорее всего румыны и молдаване — из Северной Буковины и Бессарабии; немцы-фольксдойче передавались немецкой стороне и скорее всего не регистрировались), 82 057 доставлено в Румынию, 3331 бежало и 5223 (или 5,7%) умерло в лагерях. Это несомненно малая величина по сравнению со смертностью советских военнопленных в финском и, особенно, в немецком плену.

Для советских военнопленных было создано 12 лагерей, из них два лагеря находились вне Румынии — в Тирасполе и Одессе. В самой

Румынии находилось, по утверждению румынских историков, 10 лагерей, однако перечень лагерей, хотя бы раз упоминаемых в их тексте, несколько превосходит это число. Это: Слободзия (Slobodzija), Владень (Vladeni), Брашов, Абаджеш, Корбень, Карагунешт, Дева + Индепенденца, Ковулуй + Майя, Васлуй, Дорнешти, Радоуть, Будешти, Фельдиора, Боград и Ригнет²⁹⁷.

Отвечала за военнопленных Gas Kommando der Streitkräfte für Innere Verteidigung под командованием генерала Харитана Драгомиреску. Охранялись лагеря румынской жандармерией численным составом, по состоянию на 1 августа 1942 года, в 4210 чел. (216 офицеров, 197 унтерофицеров и 3797 солдат).

Условия жизни в лагерях, в соответствии с международным правом, существенно различались для офицеров и солдат: первые жили в каменных домах, вторые — в деревянных бараках, а осенью 1941 года — частично и на земле, под открытым небом (печи для барачников получили только в 1942 году). В медицинском отношении лагеря для советских военнопленных обслуживало более 150 врачей — 6 румынских, 66 еврейских и 85 советских.

Из 5223 умерших — всего лишь 55 офицеров и 6 младших офицеров. Остальные — солдаты, причем больше всего умерло в Будешти (938 чел.), Вулкане (841), Васлуе (799) и Фельдоаре (738). Среди причин смертности — тиф (1100 чел.), несчастные случаи на работе (40 чел.), то же, при побеге — 18 чел. Всего 12 чел. было расстреляно и 1 покончил с собой.

О том, какой ад на самом деле стоит за «лидерством» по смертности лагеря в Будешти, рассказал один из его узников — Дм. Левинский. Плененный в июле 1941 года под Березовкой немцами, он был доставлен в сборный пункт под Кишиновом, оттуда, в августе, в Яссы, а в октябре — в пересыльный лагерь в Будешти (сначала в карантин, а потом в основной лагерь), причем во всех трех случаях лагеря охранялись немцами²⁹⁸.

«Сущность понятия “пересыльный” лагерь мы быстро поняли: здесь нас никто не избивал и, тем более, специально не убивал, но невероятные условия, которые ожидали нас, вызвали зимой 1941–1942 года большую смертность среди военнопленных, что позволило приравнять этот лагерь к “лагерям уничтожения врагов третьего рейха”. С такими местами многим из нас тоже предстояло познакомиться. А в этом лагере все было предельно просто: тебя не убьют — ты умрешь сам. Если выживешь — твое счастье, а если нет — таков твой рок. Изменить эти условия мы не могли.

Первое время, около месяца, нас держали в “карантине”: в огромном высоком бараке без окон и дверей. Похоже, что это помещение использовалось ранее для хранения сена или соломы. Снаружи барак опоясы-

вала колючая проволока. Нами никто не “управлял”, мы были никому не нужны и могли всласть валяться на земле и балагурить. Но вскоре жизнь в бараке сделалась пыткой.

Наступил ноябрь, а с ним пришли холода. Эта зима обещала быть морозной даже на самом юге Румынии. Барак насквозь продувался — ворот не было. Внутри барака сперва образовались ледяные сосульки, а затем и настоящие айсберги. Холод стал вторым врагом после голода. Согреться можно было только прыганьем, но на это не хватало сил — мы постепенно превращались в дистрофиков. Рацион ухудшался и уменьшался с каждым днем. У многих появились желудочно-кишечные заболевания. Другим грозил конец от воспаления легких. Развились фурункулез, сыпь, различные флегмоны, кровавый понос, чахотка — все не перечислить. С наступлением морозов начались обморожения конечностей. Как ни странно, но косившую всех смерть большинство встретило спокойно, как должное: не надо было попадать сюда!

В середине ноября, когда нас становилось все меньше и меньше, и жить из-за наступивших морозов стало совсем невозможно, нас перевели в основной лагерь, посчитав, что карантин свое дело сделал...

Баракы в основном лагере были деревянными, одноэтажными, небольшими. В них обычно размещалось не более 200 человек, но с каждым днем живых становилось все меньше. На дощатом полу лежали стружки и опилки, на которых мы спали. На день полагалось эти стружки сгребать в угол, чтобы не ходить ногами “по кровати”.

Узнали еще одного врага — тифозную вошь. Это было ужасно: за короткое время противные твари расплодились в таком количестве, что куча стружек в углу барака шевелилась. Создавалось впечатление, что в куче больше вшей, чем стружек. За ночь мы помногу раз вставали, выходили из барака на улицу, сдергивали с себя одежду и с остервенением вытряхивали кровососущих тварей на снег, но их было столько, что сразу избавиться от них мы, естественно, не могли. Поэтому приступали ко второму этапу очищения: мы долго и настойчиво давили теперь тех, что спрятались в швах белья и одежды. Так продолжалась каждая ночь, но такую роскошь могли себе позволить не все, а только те, у кого еще оставались силы, и не наступило полное безразличие ко всему с одним лишь ожиданием смерти-избавительницы. У тех, кто надеялся обеспечить себе спокойную ночь, на “вошебойку” полностью уходило дневное время.

Температура воздуха в бараках — уличная. Мы погибали от холода, а насекомые были настолько живучи, что казалось — они совсем не боятся мороза.

Это мы согревали их своим телом, отдавая последнее тепло.

К нам вплотную подобрался сыпной тиф. Уже метались люди в горячке, а мы не понимали, что это за болезнь. Думали — простуда или

воспаление легких, или что-нибудь еще. По молодости лет мы не стали кивались с сытным тифом...

Спали мы на полу, на стружках, вповалку рядами, тесно прижавшись друг к другу для тепла. Утром проснешься, а сосед уже “стучит” — за ночь умер и к утру окостенел. Каждую ночь смерть забирала чьи-нибудь жизни. Утром мы выносили тела умерших и складывали их в водосточной канаве, идущей вдоль барака. Там трупы копились в течение недели, высота таких “могил” достигала окон барака.

Трупы обычно раздевали — одежда нужна живым... Раз в неделю накопившиеся вдоль бараков тела мы должны были относить метров за 100 в сторону и укладывать рядами друг на друга в специально вырытые траншеи. Каждый ряд посыпался хлорной известью, а затем клали следующий ряд, и так продолжалось всю зиму...

А, в общем, мы настолько привыкли к лежащим вокруг бараков обнаженным телам соотечественников, что перетаскивание трупов казалось рядовой работой, и конец всем ясен. К чему эмоции?»²⁹⁹

Уже одна эта цитата заставляет серьезно усомниться в полной достоверности декларированной и сравнительно благополучной 6-процентной смертности среди советских военнопленных в Румынии. «Подозрения» перерастают в уверенность после знакомства с некоторыми документами Красной армии, освобождавшей Румынию.

Так, в «Акте о злодеяниях немецко-румынских фашистских захватчиков в лагере советских военнопленных (лагерь Фельдиора, уезда Брашовского, Румыния)» говорится о 1800 замученных и погибших военнопленных³⁰⁰, что в 2,5 раза превышает официальную румынскую цифру (738 чел. — см. выше). Согласно этому документу, датированному 7–13 сентября 1944 года, комендантом лагеря был румын Иона Ницеску, а начальником карательной секции — немец, лейтенант Порграц. Охрану лагеря несла рота румынских жандармов в 120 чел., вооруженная винтовками и дубинками (на вышках по периметру лагеря, обнесенного колючей проволокой, стояли пулеметы). Умершие, замученные и убитые военнопленные сбрасывались в яму у шоссе на дороге Владени–Фадераш вблизи строительства тоннеля.

«За малейшее нарушение, — читаем в этом “Акте”, — военнопленных называли “карцером” на 2–3 суток (карцер состоял из ящика наподобие шкафа площадью на одного человека с окошками), человек от изнурения выл как животное, каждый проходящий жандарм бил его палкой.

Бжавшие из лагеря задерживались, подвергались избиванию, в одном случае одноразово по 40 дубинок по голому телу, в другом случае — по 15 дубинок в каждой секции (бараке. — П. П.), после чего заключались в сырой подвал на 20 суток, а впоследствии предавались суду и осуж-

дались на каторжные работы или к расстрелу. Так, были избиты и преданы суду военнопленные Шейко, Губарев и другие...»

Советские военнопленные в Румынии активно привлекались к принудительному труду. В том же румынском источнике говорится примерно о 21 тыс. горных рабочих из их числа (ср. ниже со сведениями о гражданских рабочих). По состоянию на начало января 1943 года, работали 34 145 советских военнопленных, на начало сентября 1943 года — 15 098, а по состоянию на август 1944 года, когда в Румынию, по всей видимости, стали вывозить шталаги из Украины, — 41 791 чел., причем 28 092 из них работали в сельском хозяйстве, 6237 — в промышленности, 2995 — в лесоводстве, 1928 — в строительстве и 290 — на железных дорогах.

Об условиях их трудового использования повествует вышеупомянутый Акт:

«Советские военнопленные, раздетые, голодные, истощенные и больные работали по 12–14 часов в сутки. Отстающие в работе подвергались избиению дубинками (палками). Советские люди работали на холоде без обуви и одежды, приспособляли себе обувь из соломы, для утепления тела под рубаху набирали солому. Жандарм, заметивший это, соломенную обувь отбирал, солому из рубахи вытряхивал, а военнопленного избивал дубинками... За невыход на работу больные военнопленные заключались в подвал на 10–20 суток без права выхода на воздух и выдачей 150 грамм хлеба и воды на сутки».

Особенным издевательствам подвергались евреи: они содержались отдельно, и над ними, как сказано в документе, «не было предела издевательств». Одного военнопленного — по фамилии Голва (или Голка) — администрация лагеря признала за еврея и утопила в уборной.

Таким образом геноцидальные приказы Кейтеля и Гейдриха, направленные на выявление в массе военнопленных и немедленное уничтожение выявленных при этом евреев, действовали и в зоне ответственности румынской армии, причем чуть ли не до самого конца ведения ею боевых действий.

И тем не менее в отличие от Германии, Румыния отказывала советским военнопленным не во всех правах, вытекающих из международного статуса военнопленных. Лагеря для советских военнопленных пусть редко, но посещались представителями МКК³⁰¹. Так, 1 июля 1942 года лагеря № 4 Васлуй и № 5 Индепенденца посетил нунций монсеньор А. Касуло, посол Ватикана в Бухаресте и, по совместительству, представитель МКК, а 14 мая 1943 года делегация МКК из Женевы (Ed. Chaupissant, D. Rauss) посетила лагеря Бухарест, Майю, Калафат и Тимишоара. Не запрещалась им и почтовая переписка — правда, весьма ограниченная: представителям МКК было передано

более 2000 открыток (правда, из них всего 200 открыток пришлось на период до 1 июля 1942). Начиная с 1943 года, стали выходить и специальные газеты для военнопленных: одна на русском и одна на армянском языках.

По состоянию на 23 августа 1944 года в румынских лагерях оставалось 59 856 советских военнопленных, из них 57 062 солдат. Их национальный состав согласно тому же источнику выглядел следующим образом:

Таблица 1

Национальный состав советских военнопленных в Румынии³⁰²

Национальности	Чел.	%
Украинцы	25533	45,7
Русские	17833	31,9
Калмыки	2497	4,5
Узбеки	2039	3,6
Туркмены	1917	3,4
Грузины	1600	2,9
Казахи	1588	2,8
Армяне	1501	2,7
Татары	601	1,1
Евреи	293	0,5
Болгары	186	0,3
Осетины	150	0,2
Айсоры	117	0,2
Прочие	1	0,0
ИТОГО	55856	100,0

Источник: Dutu, Dobre, Loghin, 1999.

Обращает на себя внимание наличие в таблице военнопленных лиц еврейской национальности. Трудно сказать, основываются приводимые данные на материалах регистрации военнопленных или на их заявлениях после освобождения (скорее второе, чем первое).

Однако бросается в глаза, что вышеприведенная цифра количества советских военнопленных в Румынии накануне ее капитуляции (55 856 чел.) почти вдвое превышает число советских военнопленных, репатриированных из Румынии в СССР — 28 799 чел. (по состоянию на 1 марта 1946 года)³⁰².

В чем тут дело? Объяснение за счет невозвращенцев тут явно не работает, поскольку речь идет о территории, контролирувавшейся

СССР. По этой же причине отпадает и объяснение саморепатриацией, хотя некоторые военнопленные из числа жителей близлежащих молдавских районов и украинских областей, возможно, и предприняли такие попытки, благо специальной репатриационной службы и лагерной инфраструктуры на этот момент времени еще не существовало (она возникла только в октябре 1944 года). Скорее всего часть пленных красноармейцев заново призвали в Красную армию, а часть воспользовалась тем, что в их лагерях румыны содержали также и гражданских лиц и объявили себя на советской регистрации не военнопленными, а гражданскими лицами.

Кроме того, как выясняется, и сама румынская администрация практиковала официальный перевод советских военнопленных из статуса военнопленных в гражданский, чего, после ноября 1941 года, почти не делали немцы. Так, 1 марта 1944 года из плена было отпущено 9495 чел., в том числе 6070 румын из С. Буковины и Бесарабии и 1979 румын из Транснистрии, 205 немцев, 693 чел. с территории восточнее Буга, 577 несовершеннолетних (моложе 18 лет) и 963 инвалидов³⁰³.

Как в военном, так и в военно-гражданском отношениях **Финляндия**, в отличие от Румынии, действовала на оккупированной ею территории совершенно самостоятельно и практически независимо от своих немецких союзников.

В 1940 году Карелия как изначально финская государственная территория была оккупирована советскими войсками в результате т.н. «зимней войны», а в начале Великой Отечественной войны была вновь завоевана финскими войсками и в дальнейшем ходе войны длительное время оставалась оккупированной Финляндией. Значительная часть Ингерманландии в июне 1941 года была оккупирована и немецкими войсками.

На территории Восточной Карелии, оккупированной финнами и немцами, было создано в общей сложности 27 различных лагерей для советских граждан, из них 17 — для военнопленных, 3 — для военнопленных и для мирного населения и еще 7 — для мирного населения. Крупнейшие из них находились в Петрозаводске, Ильинском, Олонце, Сала (шталаг № 309) и др. местах. В них содержались главным образом русские по национальности (как трудоспособные, так и старики и дети), но также и «политически ненадежные» финны. Часть из них была дислоцирована финнами внутри своей оккупационной зоны. Общее число узников этих лагерей — порядка 25 тыс. чел. Подавляющее большинство этих лагерей находились в зоне, контролируемой финнами: ответственность за их сооружение и установление в них соответствующего варварского режима осуществлялось по ини-

циативе исключительно финского командования, без каких бы то ни было указаний, распоряжений или нажима с немецкой стороны³⁰⁴.

На территории Финляндии во время войны содержались как советские военнопленные, так и гражданские лица.

В 1941–1944 годах, согласно официальным финским данным, финны взяли в плен 64 188 советских солдат и офицеров. Из них — погибло в плену 19 016 чел. (или 29,6%), бежало из плена — 712 (1,1%), репатрировано — 42 412 чел. (66,1%), а 2048 чел. (3,2%) смогли избежать репатриации и остаться³⁰⁵. По советским данным, число репатриированных военнопленных практически совпадает: 42 778 чел.³⁰⁶

Для сравнения заметим, что за время боевых действий финская сторона потеряла 60 тыс. убитыми и всего 3,4 тыс. пленными, из них 1,4 тыс. (или 41,1% — чудовищная цифра!) умерли в советском плену³⁰⁷. Интересно, что и во время 105-дневной «зимней войны» 1939–1940 гг. в советский плен попало практически столько же — 3,4 тыс. — финских военнослужащих, что и в 1941–1944 гг., — против около 5,6 тыс. советских военнопленных, попавших в плен финский³⁰⁸.

Еще несколько цифр для сравнения: число убитых и умерших во время санитарной эвакуации в 1939–1940 гг. — 65 384 чел., а число пропавших без вести (читай: пленных) — 19 610 чел.; из них репатрировалось — 5468 чел. при 99 добровольно в Финляндии оставшихся³⁰⁹.

Примечательна политика финской стороны по отношению к советским военнопленным-евреям. Сами специальных репрессий по этническому признаку они не проводили, они тем не менее практиковали передачу военнопленных евреев и комиссаров в руки СД, что фактически означало следование принципиальным установкам «Приказа о комиссарах»! Как показали исследования Сары Бейцер и Элины Сана, эта судьба (с документально не прослеженным, но достаточно предсказуемым концом) выпала как минимум 70 таким военнопленным³¹⁰. Первая документированная передача состоялась 6 октября 1941 года (кстати, из лагеря Сала в оккупированной финнами Восточной Карелии)³¹¹, а последняя — в сентябре–октябре 1942 года. Такого рода передачи советских военнопленных, во-первых, ставит евреев-военнопленных, попавших в финский плен, юридически в точно такое же положение, как и у бывших военнопленных-евреев, переживших немецкий плен.

Воспоминания Раскина и Волынца, бесспорно, являются центральными в разделе эго-документов, посвященных советским военнопленным-евреям в финском плену. Они не только самые пространственные, но и самые подробные во всем этом разделе. Остальные воспоминания, репродуцируемые (с сокращениями) из сборника, со-

ставленного Ш. Янтовским в 1995 году, также содержат немало интересных деталей.

Вот два вывода, которые можно достаточно уверенно вывести из блока этих воспоминаний. Финский плен был хотя и тяжел, но явно «уступал» немецкому по степени своей бесчеловечности — как общей, так и антиеврейской. В то же время антисемитская линия финских властей очевидна: тут и издевательские комментарии относительно немецкой политики геноцида евреев, и антисемитизм части лагерного персонала, а главное — тенденция к концентрации еврейских военнопленных в ограниченном количестве лагерей (в частности, в Наариярви, Лоуколампи и Монтола). Последняя делала возможной, в случае «необходимости», быструю передачу еврейских военнопленных в немецкие руки — вариант, воспринимавшийся как самими военнопленными-евреями, так и их охранниками, абсолютно всерьез. Эта же концентрация, конечно, открывала путь и к еврейской взаимопомощи (как со стороны еврейской общины Хельсинки, так и внутри лагерей) и тем самым облегчало евреям жизнь.

И тем не менее антисемитизм, с которым сталкивались советские военнопленные-евреи в финском плену, не шел ни в какое сравнение с геноцидоидальной атмосферой Третьего рейха, и никакой личный бытовой антисемитизм того или иного лагерного начальника или переводчика не мог изменить этого обстоятельства — решающего для выживания еврейских военнопленных в плену.

Репатриация и фильтрация

Нешуточную опасность для советского еврея-военнопленного, вырвавшегося из окружения, бежавшего из плена или репатриированного после войны представляли — «свои». Проверкой всех советских военнопленных занималась военная контрразведка СМЕРШ («Смерть шпионам»).

Помимо общего недоверия к любому и каждому военнопленным-евреям предстояло столкнуться еще и с язвительным удивлением по поводу того, а как это он, «абрам», не погиб, а жив остался?

Для начала несколько случаев еврейских окруженцев или беглецов из плена. Так, Э. Н. Сосин (в плену Зарин) первый раз попал в плен еще в июне 1941 года, после короткого контактного боя. В лагере, куда он попал, — в селе Сенно под Псковом — немцы практически не кормили, пищу иногда приносили местные жители. Охраны практически не было, и можно было спокойно уйти. И когда они втроем бежали, и через месяц, в августе, когда пошли дожди, добрались-таки до своих, их встретили недоверием и угрозами расстрела (пограничники даже отвели их в палатку для приговоренных к смерти дезерти-

ров). Тем не менее пушечное мясо также было в дефиците, и Сосина вернули на фронт³¹².

Матвей Исаакович Бенционов, 1922 г.р., отступал от Лепеля Витебской обл. до Вязьмы, где и попал в окружение, а затем — в плен. Находился в лагере в Гомеле, откуда был отправлен с эшелоном в Германию в г. Грауденц (или Грыфиц). Для регистрации в этом лагере придумал себе псевдоним: Кравченко Григорий Михайлович. На медосмотре так и не опознали, что он еврей. Работал на заводе сельскохозяйственных машин. При наступлении Красной армии лагерь эвакуировали на запад. Вместе с другом, Абрамом Григорьевичем Спектором, родом из Улан-Удэ, он бежал: дошли до Вислы и переправились на связанных бревнах к своим. На допросах смершевцы били — они не верили, как он, еврей, мог остаться в живых. Тем не менее его «простили» и отправили на фронт.

Упомянутый выше лейтенант Сергей О., выдававший себя у немцев за татарина, у своих, после освобождения, получил «за измену Родине» 15 лет Джезказганских лагерей³¹³. Говорилось и о Борисе Ильиче Беликове. Напомним, что к своим он попал после того, как повоевал у партизан из Армии Крайовой. В 1946 году он был арестован и остаток жизни Сталина провел в Норильске³¹⁴.

Кузьма Соломонович Ресин, 1908 г.р., три года провел в немецком плену, бежал и сумел перейти линию фронта. На допросах «у своих» бежавшие с ним солдаты показали, что он беседовал в лагере с немецким офицером по-немецки: за это он был осужден, заключен в лагерь и умер 24 августа 1945 года в Инте. Реабилитирован посмертно в 1988 году³¹⁵.

Еще более нелепа, хотя и неслучайна причина посадки Д. И. Додина, арестованного в мае 1947 года в родном селе Верещаки, где он устроился работать в школе. Его товарищ по цайтхайнскому подполью Соловьев, арестованный по делу о краже кровельного железа, назвал его в качестве очевидца их общей деятельности в плену, чем поставил Додина в положение обвиняемого. Соловьеву дали 25, а Додину — 10 лет исправительных работ, которые он провел в Особом лагере № 1 в Инте в Коми АССР. Освободился он в 1954 году, но до 1977 года проживал в Коми. Сравнивая немецкий и советский лагерь, он подчеркнуто отмечал унижительность и моральную боль от несправедливости отсидки у своих ни за что³¹⁶.

И. С. Кубланова освободили американцы в районе Магдебурга и почти сразу же передали через Эльбу советским властям, а те определили его в запасной полк. На регистрации он назвал свое подлинное имя и фамилию, рассказал всю историю. Вместе с другими репатриантами его направили пешком в Брест (в день проходили по 40–45 км). Там их встречали с оркестром, продержали до октября на сельхозработах, а потом отправили в Ярославль, где Кубланов рабо-

тал на базе Вторчермета. В декабре 1945 года его забрали в областное управление НКГБ для фильтрации; на втором допросе в феврале 1946 года следователь расспрашивал его о шталагах: *«Следователя особенно интересовал вопрос, почему я, еврей, остался жив, находясь у немцев. Я сказал, что никто не знал, что я еврей и врачебную комиссию не проходил. На это он ответил: “Вы все такие”, — и ударил меня по уху»*³¹⁷.

А вот еще одна еврейская судьба — судьба Владимира Сиротина, родом из Гомеля, 16-летним добровольцем ушедшего на фронт, взятого в плен под Севастополем в 1942 году, а после репатриации на родину зачисленного в спецконтингент. В нижеследующем рапорте на имя начальника Управления по репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. Голикова он писал: *«...Сейчас нахожусь на гос-проверке уже 6 месяцев. Сижу в лагере, кончил допрос и сижу не знаю, за что у немца убивали мучали и издевались, как собакой, и остался жив и теперь. Сижу в лагере многое время. За что сижу я с моей национальностью, один человек в лагере, и думаю, сколько можно сидеть и за что. Если считают виноватым, то пускай судят, а если не виноват, то почему так долго держат? Я очень убит и морально расстроен»*³¹⁸.

Конечно, осуждали не всех. Вот как поступила судьба с Исааком Азаркевичем — вот уж поистине «гением везения». День победы застал его в Норвегии, а освободили его англичане только 15 мая, то есть после Победы!.. Первым с ними связался Шведский Красный Крест: лекарства, питание. До августа они окрепли, поправились, их одели в английскую форму. Союзники составили списки советских военнопленных, передали их советской репатриационной миссии, и в августе всех отправили в СССР. Маршрут репатриации был такой: Тронхейм, оттуда пароходом в Швецию (в Гетеборг), где их ждали прекрасная еда под навесом и консул Михайлов. Из Гетеборга комфортабельным пассажирским поездом — в Выборг. В Выборге — таможенный досмотр, и уже менее комфортабельным — товарным — поездом в г. Суслокгер (?) в Марийской АССР, в т.н. 47 учебно-стрелковую дивизию. В промежутках между строевыми учениями вызывали на допросы. Азаркевич рассказал всю свою историю: он не Кулагин, а Азаркевич, и не Сергей Григорьевич, а Исаак Евсеевич! И тут следователь, подполковник, с ехидцей задал классический вопрос: «И как же ты выжил, а точнее — почему?!» После чего Азаркевич отказался давать ему показания и пошел жаловаться на него комиссару дивизии. Следователя ему сменили, и через 20 дней он получил увольнение в город. А в декабре 1945 года он получил приказ о полной реабилитации и восстановлении воинского звания. Ему даже предлагали оставаться служить (охранять японских военнопленных в Улан-Удэ), но от этой чести он отказался и был благополучно демобилизован.

Посткриптум: компенсации

Честно говоря, до самого недавнего времени встречать живьем ни одного бывшего советского военнопленного еврейской национальности — не приходилось. Вероятность такой встречи, по изложенным выше соображениям, и впрямь была не слишком высокой.

Тем не менее чудеса случаются, и такая встреча все же состоялась — в декабре 2002 года, после того как меня разыскал А. С. Вигдоров из Москвы. В январе 2003 года состоялась встреча с еще одним таким военнопленным — Ф. Гисиним из Риги, ныне проживающим в г. Виттене в Германии. Оказалось, что еще несколько десятков человек до сих пор живы, проживают на просторах от Феодосии и Санкт-Петербурга до Ганновера, Хайфы и Нью-Йорка.

Все они, будучи в Германии и скрываясь под чужими именами, подвергались насильственной эксплуатации, но никто — не получил ни цента компенсации.

«Потому что Вы — военнопленный, а военнопленным, по закону, не положено», — бубнили им от имени немецкого законодателя постсоветские Фонды «Взаимопонимание и примирение», выплачивающие узникам компенсацию за принудительный труд... *«Потому что, к сожалению(sic!), Вы не были в концлагере хотя бы шесть или на худой конец в гетто хотя бы восемнадцать месяцев и не подпадаете под наши инструкции»,* — отрезало франкфуртское бюро Конференции по материальным претензиям евреев против Германии (так называемой Claims Conference), смысл деятельности которой должен быть ясен из ее названия.

В 2002 году, по просьбе берлинского адвоката С. Ташьяна, боровшегося в немецком суде за интересы бывших советских военнопленных из Армении, пишущий эти строки написал историческое заключение о правомочии последних на получение компенсации по Закону ФРГ о формировании Федерального фонда «Память, ответственность и будущее». Не желая или опасаясь признавать бывших советских военнопленных категорией жертв национал-социализма (уровень смертности которых уступает только евреям), не желая признавать очевидную разницу между ними и, скажем, английскими или французскими военнопленными и придерживаясь сугубо формальной интерпретации международного права, две инстанции Берлинского административного суда уже сказали истцам и их адвокату свое постыдное «нет»!

И даже в тех случаях, когда к ним обращались не совсем обычные советские военнопленные, а военнопленные-евреи — чудом оставшиеся в живых узники Холокоста, чья жизнь висела на волоске не менее тонком, чем жизнь узника гетто или концлагеря, — даже в этих

случаях упомянутые фонды, как и немецкое правосудие в целом, сохраняли олимпийское (но отнюдь не нейтральное) спокойствие.

Случай «не-компенсации» А. С. Вигдорова оказался на удивление хорошо документированным³¹⁹. Еще в 1994 году А. С. Вигдоров обратился в Российский фонд «Взаимопонимание и примирение» с просьбой о выплате «гуманитарного урегулирования», но получил отказ. 10 ноября 1994 года председатель Правления этого фонда В. А. Князев сообщил ему, что согласно межправительственной договоренности выплаты военнопленным не предусмотрены (за исключением тех из них, кто попал в лагеря за сопротивление нацистскому режиму).

Вигдоров затребовал протокол Экспертной комиссии и 11 июля 1995 года, — то есть почти через год после запроса, — он получил, наконец, выписку из Протокола № 28 Экспертной комиссии фонда от 20 октября 1994 года (за подписью Н. Г. Зубковой, ставшей к этому времени ее председателем).

Непосредственно в заседании Комиссии участвовали ее тогдашний председатель С. С. Гамора, его заместитель Н. Г. Зубкова, секретарь Пакова Л. К. и члены — Т. С. Драмбян, В. И. Белова, Т. Я. Жванецкая, Е. В. Дракин, И. А. Мельникова и А. Я. Френкель. Из 80 дел, рассмотренных комиссией в тот день, случай Вигдорова был единственным отказом, причем мнения членов Комиссии разделились: шестеро проголосовали за отказ, один воздержался (по всей видимости, это была Т. Жванецкая), а двое — Т. С. Драмбян и А. Я. Френкель — не только проголосовали против, но и настояли на включении в протокол своего особого мнения. Подчеркивая факт добровольного поступления А. С. Вигдорова в народное ополчение, его участие в боях и ранения, а также то, что благодаря содействию врачей, — как они пишут, «истинных русских патриотов», — он сумел «избежать неминуемой смерти, уготованной всем лицам еврейской нации», они поддержали стремление Вигдорова «считать его жертвой фашизма» и предложили Экспертной комиссии просить Фонд о выплате ему компенсации — «в порядке исключения»: размер же должна бы была определить та же комиссия. Однако даже к этой разумной, гуманной, обоснованной и компромиссной точке зрения большинство членов комиссии не захотело прислушаться, в результате чего Вигдоров, повторим, получил официальный отказ.

После этого Вигдоров обратился к послу ФРГ в России Эрнсту Йоргу фон Штудницу. Тот в письме от 21 декабря 1994 года выразил свое сожаление и сообщил, что на процедуру распределения средств Правительство ФРГ влияния не имеет.

Только тогда он апеллировал в Кассационную комиссию РФВП, но все тот же С. С. Гаморра (sic!), ставший к этому времени председа-

телем Кассационной комиссии, и в новом своем качестве подтвердил свое же старое решение, что, по всей видимости, является довольно грубым нарушением административной этики, а возможно и административного кодекса.

Относительно компенсации по линии германского фонда «Память, ответственность и будущее» Вигдоров обратился в тот же самый Российский фонд и снова получил отказ. После чего 9 апреля 1999 года он обратился в Кассационную комиссию Фонда, откуда 8 июля 1999 года получил следующий цитируемый ниже ответ:

«В апелляции Вы обосновываете свое право на получение немецкой компенсации тем, что случайно оставшиеся в живых бывшие военнопленные еврейской национальности, которые находились в заключении и подвергались самым жестким нацистским преследованиям — этническому геноциду или Холокосту, имеют право получить такую же компенсацию, как и другие узники, отнесенные ко второй категории лиц.

Так как компенсация начисляется в соответствии с Положением об условиях и порядке выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, то по имеющимся в деле документам можно установить:

к первой категории Вы не можете относиться по возрасту (1923 г.р.);

ко второй категории не можете относиться, так как не содержались в концлагерях, тюрьмах, гетто;

к третьей и четвертой категории относятся лица из числа гражданского населения, вывезенные на принудительные работы. На момент пленения Вы были военнослужащим. Следовательно, также не можете быть отнесены ни к одной из этих категорий.

“Положение” определяет условия и порядок выплаты компенсаций лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, при этом не делает каких-либо ссылок на изменение условий выплаты компенсаций по национальному или какому-либо другому признаку.

На основании изложенного Кассационная комиссия поддержала решение Экспертной комиссии и отказала Вам в начислении компенсации, как военнослужащему, оказавшемуся в годы Великой Отечественной войны в немецком плену и находившемуся в лагерях для военнопленных (протокол № 35 от 9 июня, пункт 5).

Председатель Кассационной комиссии С. С. Гамора».

Интересно, что в ответе Фонда даже не упоминается Указ Б. Н. Ельцина, изданный еще в 1995 году и имеющий прямое отношение к рассмотренному случаю.

Следующим шагом А. С. Вигдорова стало обращение от 10 сентября 1999 года к профессору В. А. Карташкину, в то время председателю Комиссии по правам человека при Президенте РФ. В нем А. С. Вигдоров так комментирует процитированное выше решение Кассационной комиссии РФВП: *«...Кассационная комиссия, наконец, называет истинную причину, по которой меня лишили права на получение компенсации... Из текста следует, в то время как тяжесть нацистских преследований в решающей степени определялась национальностью жертв, сформулированные в Положении условия и порядок выплаты компенсации полностью игнорирует их национальную принадлежность»*. Он интерпретирует это решение как отрицание Холокоста и оправдание осужденного в Нюрнберге нацизма³²⁰.

В. А. Карташкин ответил Вигдорову 25 ноября 1999 года: *«Уважаемый А. С. Вигдоров. Комиссия по правам человека при Президенте РФ является совещательным и консультативным органом, все ее члены работают на общественных началах. Каких-либо властных полномочий Комиссия не имеет, также как и прерогативы принятия окончательных решений по изложенным в Ваших заявлениях вопросам. Действия Фонда «Взаимопонимания и примирение», которые Вы считаете незаконными, Вы вправе обжаловать в суде по месту Вашего жительства или местонахождения Фонда. С уважением, председатель В. Карташкин»*.

Как ни странно, это трусливая чиновничья отписка воодушевила Абрама Соломоновича, в логике мировосприятия которого очень не хватало одного звена — права обжалования неправомочных действий по выплатам компенсации в суде. И вот теперь он получил подтверждение того, что это возможно!

Но еще 1 октября 1999 года, то есть за два месяца до того, как ответить самому Вигдорову, В. А. Карташкин переслал его обращение в Минтруд, откуда оно было спущено... все в тот же Фонд «Взаимопонимание и примирение». Таким образом круг переписки замкнулся: отвечать «жалобщику» пришлось тем, на кого Вигдоров жаловался.

Отводя от РФВП даже тень ответственности за что бы то ни было, его тогдашний зам. председателя П. М. Маргиев 7 декабря 1999 года посетовал А. С. Вигдорову на то, что Правительство РФ не может изыскать источники финансирования для реализации Указа Ельцина: нету средств. Далее Маргиев, как это ни удивительно, встал в позицию... — «несправедливо обиженной» стороны — и решил написать адресату следующее:

«Теперь по поводу лиц еврейской национальности — бывших военнопленных, которые, как Вы утверждаете в своем письме, подвергаются в Фонде дискриминации по национальному признаку. Нет более голословного и оскорбительного для нас утверждения. Может быть, Вы

сможете назвать хотя бы одного человека — бывшего военнопленного нееврейской национальности, которому фонд выплатил компенсацию? Какое у Вас основание обвинять Фонд в дискриминации евреев?.. В Фонде взаимопонимания и примирения вопросы компенсационных выплат всегда решалась и решаются независимо от национальности, вероисповедания или партийной принадлежности жертв нацизма, обращающихся в фонд. Это было и остается незыблемым правилом работы Фонда взаимопонимания и примирения».

Что же, это письмо полностью подтвердило диагноз, ранее поставленный фонду все тем же А. С. Вигдоровым: глубокое непонимание (или нежелание понять) или непризнание существования Холокоста как целенаправленного геноцида против не абстрактной фикции — «советских людей», а против представителей совершенно конкретного народа — евреев, вытекающего из всей человеконенавистнической и антисемитской политики гитлеровской Германии. Допускать возможность простого незнания истории преследования нацистами евреев, в том числе и военнопленных, применительно к чиновнику компенсационного фонда в конце 1999 года, — уже не представляется возможным³²¹.

Вместе с тем именно соотносимость судьбы Вигдорова с проблемой Холокоста, с постоянно над ним висевшей угрозой быть расстрелянным без суда и следствия только из-за того, что откроется его истинная национальность, ставила этот случай в совершенно особенное положение — даже в контексте общей трагической судьбы всех советских военнопленных и постыдной для России истории с недопущением их к получению компенсаций за принудительный труд.

Те казуистические аргументы, которые приводятся в оправдание такой политики, за которыми стоит отказ признать советских военнопленных особой группой преследовавшихся при нацизме, а не просто разновидностью военнопленных, в конкретном случае А. С. Вигдорова не имеют под собой даже своего общего формального основания.

В преамбуле Закона об учреждении Фонда «Память, ответственность и будущее» говорится о сознании того, что «...национал-социалистическое государство депортацией, лишением свободы, эксплуатацией, вплоть до физического уничтожения принудительным трудом, и множеством других нарушений прав человека совершило по отношению к поработанным и подневольным работникам тяжкую несправедливость».

В § 2, ст. 1 говорится, что «...цель Фонда состоит в предоставлении через партнерские организации финансовых средств бывшим подневольным работникам и **пострадавшим от иного произвола в годы национал-социализма лицам** (выделено мной. — П. П.)».

Не признавать за бывшими советскими военнопленными еврейского происхождения постоянно висевшей над ними смертельной угрозы и не рассматривать такую угрозу в качестве произвола и преследований неприемлемо не только мораль, но и некорректно исторически.

Так или иначе это признается и большинством партнерских организаций (ПО), в том числе и на практическом уровне, в частности, в формулировках категорий лиц, правомочных на получение компенсаций в рамках так называемой «открытой клаузулы», где национальным ПО предоставляется значительная свобода рук.

Так, в частности, в польской ПО правомочными считаются: *«Лица, преследовавшиеся из расистских соображений (вне гетто, концлагерей и аналогичных учреждений)»*. Объем компенсации — 5000 DM. Чешская ПО признает правомочие *«жертв национал-социалистических преследования и др. неправомочных национал-социалистических мероприятий, ограниченных в свободе перемещения (лиц, вынужденные скрываться)»*. Объем компенсации — 3750 DM.

Белорусской ПО признаются правомочными *«евреи и цыгане, которые были вынуждены скрываться на оккупированной территории по причине национал-социалистических преследований»*. Объем компенсации — 5000 DM.

Мало того, прямые указания на неуместность применения к бывшим советским военнопленным еврейского происхождения общих мерок содержатся и в документах, имеющих непосредственное отношение к проблеме компенсации военнопленным.

Так, в письме г-на Тюксена (Министерство финансов ФРГ) от 9 августа 2000 года (в ответ на обращение Вигдорова от июня 2000 года), сообщается: *«В случае если в рамках плена имело место особенно вредоносное антиеврейское преследование (как то помещение в концлагерь, истязание и т.д.), то их последствия покрываются Вторым соглашением (имеются в виду компенсации в рамках Claims Conference. — П. П.): иными словами, выплата компенсации возможна в том случае, если причиненный ущерб заметно превышает страдания, связанные с пленом вообще»*³²².

Как известно, боевые приказы Гейдриха не предусматривали для военнопленных евреев никаких иных градаций наказания, средних или промежуточных между жизнью и смертью. Поэтому требовать от спасшихся доказательств помещения в концлагерь или применения к ним пыток нельзя.

Далее, в письме Райнера Тюрмера (Rainer M. Türmer), министра-директора Министерства финансов ФРГ, направленном

адвокату С. Ташьяну 5 июня 2002 года, читаем: «Я не могу согласиться с Вашей аргументацией в вопросах компенсации бывших советских военнопленных. Согласно §11, статьей 3 Закона об учреждении Фонда «Память, ответственность и будущее», пребывание в плену не является основанием правомочия получения компенсации. Исключения возможны только в особенных случаях, если, например, военнопленный стал жертвой дополнительных и особо тяжелых акций преследования, например, на основании расовой идеологии»³²³.

Не менее интересным с этой точки зрения является письмо к самому Вигдорову чиновника Министерства финансов ФРГ Тикселя (привожу его полный перевод в Приложении к этой записке) от 9 августа 2000 года. Оно содержит в себе один момент, чрезвычайно интересный именно с юридической стороны: трактует вопросы другого вида компенсаций (пенсии, выплачиваемые JCC евреям — жертвам нацизма из стран Восточной Европы в порядке реализации Статьи второй Соглашения между JCC и ФРГ от 29 октября 1992 года). До недавнего времени Вигдорову отказывали и в этой компенсации тоже, однако в 2003 году положение «неожиданно» изменилось, и теперь он получает такую пенсию — более того, ему и некоторым другим бывшим военнопленным ее выплатили за несколько прошлых лет. Объяснение этой «смене вех» и содержит письмо Тюксена, даром что оно датировано более ранним временем, когда JCC отказывало Вигдорову и нескольким десяткам аналогичных узников в тех самых выплатах, правомочие на которые сегодня, следовательно, JCC признается.

Цитирую: «В случае же, если во время плена имело место **особо вредоносное антиеврейское обращение** (например, пребывание в концлагере, издевательства и т.п.), то этот ущерб покрывается Соглашением по Статье второй. Таким образом предоставление выплат в случаях ущербов, выходящих за рамки ущербов от обычного пребывания в плену, в принципе возможно». Обращают на себя внимание оба предложения: второе фиксирует общетеоретическую допустимость компенсации также и для военнопленных, а первое конкретизирует это положение, причем в качестве основания может служить не только пребывание в концлагере, что записано и в тексте Закона «Об образовании фонда “Память. Ответственность. Будущее”» от 2000 года, но и другие особо тяжелые виды преследования и издевательства, что в этом законе не записано. Факт распространения на бывших советских военнопленных еврейского происхождения «особо тяжелых видов преследования и издевательства» не вызывает сомнения ни у кого (при необходимости можно предоставить специальное историческое

заклучение на эту тему): они были поголовно обречены смерти, а те из них, кто смог уцелеть, были вынуждены скрывать и изменять свою идентичность, находясь под постоянным страхом смерти или разоблачения.

Для интерпретации же всего вышесказанного в духе непризнания за бывшими советскими военнопленными-евреями правомочия на компенсацию требуется не столько юридическая подкованность, сколько изрядная политическая воля, причем весьма специфического — бюджетосберегающего — толка.

Нет, это не обязательно антисемитизм, но это всенепременно равнодушие и трусливое нежелание ссориться с фондом в Берлине, упорно усматривающим в советских военнопленных заурядных военнопленных, наподобие американских, английских или французских, а не жертв национал-социалистических преследований, чем они на самом деле были.

До самого недавнего времени ту же «страусиную» политику проводила и «Clames Conference», прятаясь за параграфами регламента компенсаций по так называемому Фонду «Статьи второй»³²⁴. Совершенно очевидно, что составители этого регламента, ориентированные на трагический опыт немецких и западноевропейских евреев, явно не учли вышеупомянутые приказы и произведенные, направленные против евреев из СССР. Их исполнение, собственно, означало практический переход Третьего рейха от политических, финансовых и иных преследований евреев к их геноциду.

В начале 2003 года руководство «Clames Conference» пересмотрело свою позицию, и правомочие бывших советских военнопленных-евреев на получение компенсаций по фонду «Статьи второй», наконец-то, было признано (по крайней мере де-факто, ибо де-юре расхождения с буквой инструкций по-прежнему сохраняются³²⁵). В середине лета 2003 года немногие оставшиеся в живых еврейско-военнопленные, и в их числе Абрам Вигдоров, эту компенсацию, наконец, получили.

Немецкий и австрийский Фонды компенсации за принудительный труд советским военнопленным дружно и твердо отказали.

И без различия национальностей — дискриминации в этом благородном деле нет!

**Подлинные имена и псевдонимы советских
военнопленных-евреев**

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Абрамович Мойша Абрамович	Илюбин Александр	ЦАМО, № 110489
Азаркевич Исаак Евсеевич	Коршунов Сергей Григорьевич, он же Кулагин Сергей Григорьевич	Личное сообщение
Анваер Софья Иосифовна	Анджапаридзе Софья (фамилия однокурсника)	ПОЛЯН, 2002.
Безумский Израиль Наумович	Саркисов, армянин	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 171–172
Бейненсон Алескандр	Гамалюк Е. Павлович	USHMM, Data Base Survivors
Беликов Борис Ильич	Беликов Борис Иванович	Личное сообщение
Белкин Э.	Малдагазиев Асан	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 170
Бенционов Матвей Исаакович	Кравченко Григорий Михайлович	Личное сообщение
Блуштейн Израиль	Зарбеков Ибрагим	Марьяновский, Соболь, 1997. С. 34
Бовшевер Давид Абрамович	Дурнякин Серафим Петрович	ЦАМО, № 150944
Богданов Гирш Янкелевич	Богданов Григорий, армянин	Яд Вашем (сообщено А. Шнеером)
Богорад Яков Залманович	Христюк Иван Данилович	Яд Вашем (сообщено А. Шнеером)
Бокалинский Григорий	Бондаренко Григорий	USHMM, Data Base Survivors

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Бружалский Марк	Ахмедов Саид Али-Мамедович	
Бружеставицкий Израиль Моисеевич	Бружа Леонид Петрович	Личное сообщение
Вейгман Александр	Арбеков Николай Петрович, татарин	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 168, 292–298
Вигдоров Абрам Соломонович	Викторов Алексей Семенович	Личное сообщение
Гелевский Давид Яковлевич	Пустовой Иван Андреевич	Букалов, 1996. С. 157 (это стало препятствием для получения им гуманитарного урегулирования из Германии)
Гелер (Гейлер) Петр Иванович	Чорномизий	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 272
Генкин Яков	Токарчук Яков	USHMM, Data Base Survivors
Герценштейн Давид Исаевич	Григорьев Дмитрий Иванович (из-за уже имевшейся татуировки «ДИГ»)	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 207–208
Гетман Иосиф Яковлевич	Зайцев Захар Яковлевич, Зайнуллин	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 176–177
Гитерман Иосиф Меерович, окруженец	Ефимов Николай Захарович	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 266–267
Гликштейн (Гитерман) Хвиля Абрамовна	Марченко Валентина	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 267–268
Гольдин Александр Яковлевич	Правдин Александр Яковлевич	Марьяновский, Соболь, 1997. С. 34
Голдфарб Игорь	Маргынов Петр	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 177–178
Городинский Нисим	Кадимов Леонид Александрович	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 170–171

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Гриншпун Семен Григорьевич	Гриненко (на Украине), Гринев (в России)	Гриншпун, 1993. С. 132
Гройсман Борис	Моисеев Владимир Антонович	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 31; ЦАМО, № 270581
Губерман Григорий	Колокольцев Николай (имя друга)	Сообщено Ж. И. Гольденфельд (Иерусалим)
Додин Давид Исаакович	Додин Давид Иванович	Видеоинтервью Фонду С. Спилберга от 04.05.1998.
Жуков Анатолий Наумович	Жуков Анатолий Николаевич	Личное сообщение
Заславский Владимир	Минченко Василий	USHMM, Data Base Survivors
Зенгин Захарий Исаакович	Зитулаев Зикирия, крымский татарин	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 168
Кагаловский Яков Самойлович	Новиков Андрей Иванович	Личное сообщение
Каганзон Ц. И.	Козубенко Петр Иванович	Барвинок, Евселевский и Пустовойт, 1979. С. 82–83.
Кандов Нерия, бухарский еврей	Касымов	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 168–169
Каплун Абрам Абрамович	Демкин Александр Семенович	ЦАМО, № 0201026
Каутов Давид Львович	Григорьев Владимир Петрович, русский (псевдоним выбран «с потолка»)	Личное сообщение
Кацперовский Самуил Ефимович, р. Мелитополь	Карасев Виктор Андреевич, р. Ижевск	Личное сообщение. Живет в Ганновере, имя Виктор он себе «оставил»
Киммельман Наум	Шаликов Виктор	Воронин, 1970.

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Клиних Мойше Самсонович	Фоклинишвили Шота	ЦАМО, № 1211581
Котляр Леонид Исаакович	Котлярчук Леонтий Гаврилович	Котляр Л. И. Моя солдатская судьба (Рукопись)
Коэн Яков	Шипов Иван	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 173
Кригер Семен	Криков Семен	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 34
Кудрявацкая Аля	Суровская Александра Соломоновна	Личное сообщение
Ланин Лазарь	Тихоненко Виктор Иванович	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 17
Ланцман Григорий Семенович	Коваленко Гриц	Яд Вашем (сообщено А. Шнеером)
Лейках Мойша	Лейках Мартин	USHMM, Data Base Survivors
Лернер Мойша Хаймович	Полищук Михаил	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 171, 228–230
Меламед Михаил	Татарин	Krakowski, 1992. P. 228
Меламед М. И.	Конжаров М. И., аджарец	Krakowski, 1992. P. 228–229; СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ ПИШУТ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ..., 1993. С. 135–136.
Минц Макс Григорьевич	Минаков Михаил Григорьевич	ИВАНЦОВ, 1980. С. 57, 60.
Орштейн Семен Алексеевич	Семенюк Василий Кузьмич (лучший друг, раненый за 2 дня до плена)	Личное сообщение

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Папиров Семен	Коваленко Семен	USHMM, Data Base Survivors
Пинт Григорий Михайлович	Пузанов Павел Дмитриевич	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 34
Пинхусевич Борис Самойлович, партизан	Пинчук Григорий Борисович	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 322–323
Погребецкий Абрам	Азербайджанец из Баку; Крайнов Владимир, русский	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 264–266
Подольский Исая Яковлевич, окруженец	Тросницкий Анатолий Игнатьевич	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 276–283
Полищук Яков Михайлович	Савицкий Александр	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 243–245
Простерман Лев Яковлевич	Просторов Алексей (из созвучия)	Личное сообщение
Райзман Лев	Разинов Леонид / Козлов Леонид	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 34
Рабинович Моисей	Рыбин Михаил	USHMM, Data Base Survivors
Резниченко Абрам	Резенко Аркадий Ильич	Резниченко, 1993. С. 392–394.
Розенгард Лев	Лобанов Леонид Николаевич	Розенгард, 2004
Саг Хаим	Садовский Ефим Акакиевич, армянин	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 172
Сандовский Осип (Иосиф)	Садовский Михаил, Садков	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 260–262
Сигал Яков Исаакович	Сегалов Яков Петрович	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 34
Сирота Нухим	Сирота Наум/Николай	Марьяновский, Соболев, 1997. С. 34
Соломонов Шломо	Салманов, азербайджанец	Krakowski, 1992. P. 227.

Настоящее имя	Имя в плену	Источник
Сосин Эммануил Николаевич	Зарин Михаил Николаевич	Личное сообщение
Тартаковский Исай Моисеевич	Борисов Григорий Павлович (сообразно фальшивому паспорту на это имя)	Воспоминания И. М. Тартаковского (сообщено А. Шнеером)
Тругман Марк	Тамарин Дмитрий, адыгейский князь	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 299–300
Фельдман Иосиф	Фесенко Григорий	Марьяновский, Соболь, 1997. С. 30
Фишман Наум Абрамович	Васильев Михаил	Личное сообщение
Франк Ида	Франк Ирина	Марьяновский, Соболь, 1997. С. 34
Френкель Илья	Грушко Эрнест, фольксдойче	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 179–180.
Фридман Борис	Пейко Борис	Фридман, 2000. С. 173
Фуке Борис Григорьевич	Фука Байрам, турок(?)	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 224–225.
Фурман Михаил	Фурманов Михаил	USHMM, Data Base Survivors
Хизгилов Мигдар (Мугдаши) Яхьевич	Абдулалиев Мигдар (Мугдаши), азербайджанец	Яд Вашем (сообщено А. Шнеером)
Цирюльников Алексей Иосифович	Меняйлов Алексей (имя друга детства)	Личное сообщение
Шерешевский Наум Львович	Коля, татарин	Сообщено А. Шнеером
Шифрин Моше	Шадрин Михаил	ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 173
Шихерт М. П.	Альбердовский Иосиф Харитонович	Марьяновский, Соболь, 1997. С. 31
Штейнгардт Бейнес Менделеевич	Никитин Николай Михайлович	Сообщено А. Шнеером

На краю Холокоста: уничтожение евреев на Северном Кавказе и на Ставрополье

1

Если считать Ростовскую область частью Северного Кавказа (а именно так воспринимают ее географы), то немецкие войска вторглись на Кавказ еще осенью 1941 года.

Первым крупным городом на Северном Кавказе в их руках стал Таганрог. Он был занят войсками генерал-полковника (впоследствии фельдмаршала) фон Эвальда Клейста³²⁶ 17 октября 1941 года. Вскоре убийцы из ЗК-10а под командованием оберштурмбанфюрера К. Кристмана покинули Мариуполь и передислоцировались в Таганрог.

Не прошло и двух недель после оккупации, как они уже приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» в Таганроге. Под предлогом «переселения в другую местность» на сборном пункте было сосредоточено около 1500 чел., в основном стариков и женщин с детьми.

Начиная с 26 октября, приступили к расстрелам в урочище «Петрушинская балка» на окраине Таганрога (часть жертв привозили на машинах, часть пригоняли пешком). Перед расстрелом людей заставляли раздеваться, а одежду собирали впрок; чтобы исключить саму возможность прикрыть материнским телом детей, — детей же убивали первыми и буквально на руках матерей. Расстрелы продолжались в течение нескольких дней.

По разным данным, число расстрелянных составило от 6500 чел.³²⁷ и до 7–8 тыс. чел.³²⁸ В любом случае, как отмечает И. Альтман, это был первый столь массовый расстрел на территории РСФСР³²⁹.

Дневниковые записи жителя г. Таганрога Николая Григорьевича Саенко начинаются 2 октября 1941 года и завершаются 1 сентября 1943 года — иными словами, аккуратно охватывают весь оккупационный период³³⁰. В записи от 29 октября он сообщает: «...*Всем евреям приказано собраться на Красную площадь для выселения, но неизвестно куда. Велено взять харчей и сколько можно на себе унести багажа*». А вот запись на следующий день (за 30 октября): «*За городом за аэродромом 31 завода расстреляны евреи, все собранные в городе старики и дети*».

Зафиксировал летописец и вторую волну еврейских расстрелов. Так, 23–24 апреля 1943 года Саенко записал: «*За эти дни гестапо, как видно, старалось разгрузиться к празднику, вывезло на Петруши-*

ну балку 60 человек, собранных по городу и по затону, женщин-евреек, бывших замужем за русскими, комсомолок, активисток и партийных, а также расстреляно большое количество немецких солдат, дезертировавших с фронта».

Летом 1942 года немецкая армия, вторично взяв Ростов, перешла в новое масштабное наступление. Но стратегический гений Гитлера явно изменил ему, когда целью летне-осеннего наступления он поставил недостижимое: прорыв к Волге у Сталинграда и к нефтяным промыслам Грозного и Баку. Для этого была сформирована группа армий «А», которой, по линии эсэсэвского спецобслуживания, была придана «Айнзатцгруппа D», до этого прошедшая по югу Украины, Крыму и Ростовской области.

Но, перемешав и расставив фигуры, Гитлер двинул войска вперед!

Красная армия оборонялась и отступала: ее Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция проходила с 25 июля по 31 декабря 1942 года³³¹. Между концом июля и сентябрем немцы стремительно овладели всей территорией теперешних Ставропольского и Краснодарского краев, а также остававшейся не оккупированной части Ростовской области. Осенью вермахт продвинулся еще немного восточнее и захватил, хотя и не полностью, Кабардино-Балкарию и Северную Осетию³³². Эта часть советской земли и стала последним завоеванием врага, а само немецкое наступление — последним крупным военным успехом вермахта (по крайней мере на Восточном фронте).

Сталинградский котел, вобравший в себя обмороженные остатки 6-й армии фельдмаршала Паулюса, стал той пружиной, что раскрутила весь маховик «Восточной кампании» — в противоположную сторону. «Drang nach Osten» сменил вектор и вскоре превратился в «драп на запад».

Самый южный фланг советского — и, как водится, зимнего — контрнаступления являла собой Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция «Дон», проходившая с 1 января по 4 февраля 1943 года. В ее ходе Красная армия нанесла крупное поражение группе армий «А», вновь вышла к Ростову и Кубани, но основные немецкие силы отступили в Донбасс и избежали полного разгрома³³³.

В этот полугодовой промежуток между началами двух Северо-Кавказских операций — оборонительной и наступательной — уместились все события, о которых пойдет речь. Все эти месяцы — с августа 1942 года по январь 1943 года — подразделения СД, СС, вермахта, полевой жандармерии и местной полиции, а главное «Айнзатцгруппа D» (АГ «D») без усталости занимались выявлением и уничтожением «подведомственного» им еврейского населения.

Штаб-квартира АГ «D» на Северном Кавказе базировалась в Ворошиловске (Ставрополе)³³⁴. В ее составе действовали две зондеркоманды – ЗК-10а (начальник – оберштурмбаннфюрер Зецен) и ЗК-10б. По признанию Отто Олендорфа (бывшего начальника группы «D»), только с июня 1941 по июнь 1942 года его подчиненные уничтожили 90 тыс. чел. Как установила краевая ЧГК, только в Ставропольском крае на их «лицевом счету» не менее 30 тыс. загубленных душ. Среди рядовых членов группы «D» были и фольксдойче – немцы советского гражданства (выявлено шесть человек, дела двоих – А. А. Райха и И. Ф. Ланга – из них были завершены следствием и 15–17 марта 1961 года рассмотрены Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа).

2

Холокост на Северном Кавказе имел ряд особенностей. К ним нужно отнести смешанный характер еврейского населения населения: к местным (автохтонным) евреям за год войны добавилось значительное количество евреев, эвакуированных из уже оккупированных или угрожаемых оккупацией областей СССР.

Автохтонное еврейское население на Северном Кавказе, судя по переписи 1939 года, было, по сравнению с полосой бывшей черты оседлости, не таким уж и многочисленным (см. табл. 1):

Таблица 1

Еврейское население СССР и Северного Кавказа (1939)

Регионы	Еврейское население (чел.)			Доля евреев в общем населении (%)
	городское	сельское	всего	
Ростовская область	32112	912	33024	1,2
Краснодарский край (в т.ч. Адыгея)	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Орджоникидзевский край	5577	2214	7791	0,4
Дагестанская АССР	9999	933	10932	1,2
Кабардино-Балкарская АССР	3113	301	3414	1,0
Северо-Осетинская АССР	1569	145	1714	0,5
Чечено-Ингушская АССР	4062	372	4434	0,6
ИТОГО: СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ	56432	4877	61319	
РСФСР	854334	102265	956599	0,6
СССР	1631694	102265	2028538	1,7

Источники: ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ..., 1992; ALTSHULER, 1998. P. 221, 246–250 (данные по Орджоникидзевскому и Краснодарскому краям в этом издании, к сожалению, не приведены).

Примечания: из них 27 023 в самом Ростове (ALTSHULER, 1998. P. 221, 246–250).

На Северном Кавказе в руки убийц попали не только местные, но и многие тысячи не-местных евреев, прибывших сюда по государственной эвакуации. На Ставрополье, например, их разместили по всему краю — в городах, райцентрах и даже в сельской местности Северного Кавказа скопились огромное количество эвакуированных советских граждан, прежде всего из Молдавии, Украины, Крыма, а также из центральных и северо-западных областей РСФСР, включая и тысячи ленинградцев, вывезенных зимой 1941/1942 года по ладожскому льду из кольца блокады.

Значительную часть всех этих контингентов составляли евреи. Преобладали среди них пожилые люди и женщины с детьми, но были среди них, особенно среди ленинградцев, и немало мужчин — представителей творческой и научной интеллигенции.

По состоянию на начало января 1942 года, в Орджоникидзевском крае (включая и те немногие районы края, что не попали под оккупацию) насчитывалось 122 413 зарегистрированных эвакуированных³³⁵. Еще 10 февраля 1942 года на заседании Бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б) и Исполкома Крайсовета депутатов трудящихся рассматривался вопрос о размещении эвакуированного населения из Ленинграда³³⁶. В соответствии с указом СНК СССР от 6 февраля 1942 года, научных сотрудников, эвакуированных из Ленинграда, было постановлено размещать только в городах и селах-райцентрах края — «в порядке уплотнения» на квартирах рабочих, служащих и колхозников. Среди последних предписывалось вести разъяснительную работу — *«так, чтобы рабочие, служащие, колхозники, домохозяйки добровольно предоставляли жилищную площадь, проявляя заботу, радушный прием и уход за эвакуированным населением из Ленинграда»*³³⁷.

На бумаге учитывалось и чрезвычайно слабое и болезненное физическое состояние эвакуированных. Так, секретарь Орджоникидзевского Крайкома ВКП(б) И. Золотухин и председатель Исполнительного Крайсовета депутатов трудящихся В. Шадрин издали директиву, где есть и такие слова: *«В связи с тем, что часть эвакуированного населения по состоянию здоровья (упадок питания) требует особого ухода и питания под наблюдением врачей в течение 1,5–2 недель после прибытия и, возможно, некоторые будут госпитализированы, обязать исполкомы Советов и горрайисполкомы 40–45 % эвакуированных*

в первый период разместить в специально для этого оборудованных стационарах в помещениях учреждений, клубов, вузов, техникумов, больниц и, в исключительных случаях, школ»³³⁸.

Были назначены краевой уполномоченный по эвакуации (т. Майоров) и районные уполномоченные. Вместе они должны были разработать и представить на утверждение исполкома Крайсовета перечень мероприятий по приему и трудоустройству эвакуированных из г. Ленинграда.

Уже 8 февраля 1942 года председатель Орджоникидзевского крайисполкома В. А. Шадрин в телеграмме зам. председателя СНК РСФСР К. Д. Памфилову о подготовке городов и районов края к приему и расселению эвакуируемых ленинградцев подтверждал готовность расселить 23 тыс. ленинградцев, из них 7 тыс. чел. кочных (нуждающихся в специальном уходе) и 16 тыс. — с размещением в квартирах в порядке уплотнения в городах и крупных райцентрах³³⁹. 10 февраля вопрос о размещении эвакуированного населения из Ленинграда рассматривался на заседании Бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б) и Исполкома Крайсовета депутатов трудящихся. Значительную часть эвакуированных контингентов составляли евреи, в основном, пожилые и женщины с детьми, но были среди них, особенно среди ленинградцев, и немало мужчин — представителей творческой и научной интеллигенции. Точных сведений о числе евреев среди них не имеется, но оценка в 25–30 тыс. чел. не представлялась бы нам завышенной.

Накануне и по ходу немецкого наступления в августе 1942 года³⁴⁰ небольшой части из них удалось, вместе с местным населением, эвакуироваться вторично. Эвакуация из Ставрополя была организована так, что первыми вывозились денежные и материальные ценности, затем скот и обслуживающий персонал, и лишь в самую последнюю очередь выручались люди. Так, огромная «пробка» из 32 эвакуационных и санитарных поездов образовалась 8–9 августа на станции Георгиевск: вокзал и все пути, кроме третьего, были в корень разбомблены³⁴¹. Эвакуация детских учреждений края началась с опозданием и проходила плохо: в Ташкент, Фрунзе, Чарджоу, Семипалатинск, Барнаул и др. города был вывезен всего 31 детдом с 4146 детьми. Тем не менее общее число официально эвакуированных и реэвакуированных из Северного Кавказа в один только Дагестан составляло около 120 тыс. чел., в т.ч. из городов Кавминвод — 60, из Ворошиловска — 20 и из сельской местности 40 тыс. чел.³⁴², число «самоэвакуировавшихся» беженцев, по всей видимости, было гораздо большим.

Другая особенность Холокоста на Северном Кавказе заключалась в полной и объективной информированности как еврейского, так и не-еврейского населения о немецкой политике поголовного

уничтожения попавших в их руки евреев³⁴³. Казалось бы, это создавало предпосылку для адресной (еврейской) и заблаговременной эвакуации с Северного Кавказа. Но в действительности все произошло с точностью до наоборот — а именно так же, как и в первые недели войны: внезапность и стремительность немецкого наступления, коллапс транспортной системы, бездарность советской бюрократии и собственное бессилие перед лицом всех этих обстоятельств не позволили многим евреям эвакуироваться и спастись.

Так, большая «пробка» из 32 эвакуационных и санитарных поездов образовалась 8–9 августа на станции Георгиевск: вокзал и все пути, кроме третьего, были в корень разбомблены, и для восстановления единственного пути потребовался многочасовой героический труд³⁴⁴.

Первыми в СССР всегда эвакуировались денежные и материальные ценности, затем — скот и обслуживающий персонал, и уже в самую последнюю очередь — люди. Так, эвакуация детских учреждений Орджоникидзевского края проходила с 22 августа (Ворошиловск) и до 22 сентября. Эвакуировано было всего 4146 чел., отправленных в Ташкент, Фрунзе, Чарджоу, Семипалатинск, Барнаул и др. города³⁴⁵.

Тем не менее общее число официально эвакуированных и реэвакуированных из СК в один только Дагестан составляло ок. 120 тыс. чел., в т.ч. из городов Кавминвод — 60, из Ворошиловска — 20 и из сельской местности 40 тыс. чел.³⁴⁶, число «самоэвакуировавшихся» беженцев, по всей видимости, было гораздо большим.

3

Еще одной северокавказской особенностью, на которую так же обратил внимание И. Альтман, было то, что нацисты, словно понимая, что времени у них в обрез, практически отказались здесь от геттоизации, предпочтя концентрации евреев в гетто максимально быстрое их уничтожение, особенно в больших городах: *«Практически везде, где численность евреев превышала несколько сот человек, они были уничтожены в первые недели оккупации (за исключением оставленных после первой акции в живых еще на полтора месяца около 500 евреев в Ессентуках)»*³⁴⁷.

Каратели из АГ «D» учли свой предыдущий — прежде всего крымский — «опыт» и с максимальным вероломством и интенсивностью использовали авторитет самих еврейских лидеров при регистрации, обмане и сборе евреев. Еще одной «технологической» особенностью Холокоста на Северном Кавказе, по Альтману, явилось массовое использование машин-«душегубок». Все это привело к тому, что и количество жертв Холокоста в этом регионе было исключительно высоким.

Жертвы Холокоста на Северном Кавказе (различные оценки), чел.

Регионы	Оценки			Число автохтонных евреев (1939)
	Альтман-минимум	Альтман-максимум	Полян, Бельтран	
Ростовская область	22000	26800		33024
Краснодарский край (в т.ч. Адыгея)	20500	22000		Нет сведений
Орджоникидзевский край	19700	25000	ок. 35000	7791
Кабардино-Балкарская АССР	30	50		3414
Северо-Осетинская АССР	3000	3300		1714
ИТОГО: СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ	65230	77150		

Источники: ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ..., 1992; АЛЪГМАН, 2002. С. 286.

Однако в действительности, по нашим — в случае Ставропольского края — более полным данным и расчетам, их было еще больше!

Но всем этим особенности Холокоста на Северном Кавказе не исчерпываются и не ограничиваются. Продолжим их скорбный перечень.

Оккупированная часть Северного Кавказа оставляла сравнительно мало шансов на спасение евреев местным русским населением (или хотя бы с его помощью). Большинство тут составляли казаки, на чей бытовой антисемитизм и привитый советской властью антибольшевизм прекрасно ложился пропагандистский хит Геббельса о тождественности московского большевизма и еврейства. И хотя совесть (или же материальный интерес) вербовали людей в корпус «праведников мира» и здесь, но это были как раз те самые исключения, что так хорошо оттеняли правило.

Еще одной региональной особенностью стало то, что ликвидаторы еврейства столкнулись здесь с горскими евреями, этнически не-евреями, что давало им, в согласии с буквой немецкой расовой политики, право на то, чтобы не быть уничтоженными. В действительности все было немного сложнее, но об этом мы поговорим отдельно³⁴⁸.

4

Согласно данным ЧГК, немцы уничтожили на территории СК 31 645 чел. гражданского населения и 277 военнопленных, причем подавляющее большинство, несомненно, пришлось на евреев³⁴⁹.

И. А. Альтман оценивает их число в 19 700 и рассматривает эту оценку как минимально возможную; А. И. Круглов, автор упоминаемой И. А. Альтманом неопубликованной рукописи «Уничтожение евреев на Северном Кавказе», в которой учтены материалы судебных процессов над нацистскими преступниками, — в 23 500 чел.; добавляя к оценке Круглова условно еще 1500 чел. беженцев, Альтман получает максимально возможную, по его мнению, оценку — 25 000 чел.³⁵⁰ Однако в одних только городах края, по сведениям ЧГК, погибло около 24 тыс. евреев, а с учетом приблизительно 5 тыс. еврейских жертв в сельских районах Орджоникидзевского края, величина приближается к 29 тыс. чел. Вместе с тем данные ЧГК, особенно по сельской местности, нередко таковы, что отделить еврейские жертвы от нееврейских практически невозможно; это заставляет нас предложить поправку в 2 тыс. чел. на устранение влияния этого фактора в целом по краю. Величины 29 и 27 тыс. чел. можно рассматривать как максимальные и минимальные оценки жертв Холокоста на Ставрополье³⁵¹.

Сумевшие уцелеть: горские евреи на Северном Кавказе

Понятие Холокост тесно связано с национал-социалистической интерпретацией еврейства — расово-этнической по своему содержанию. Оно погружает нас в проблематику и заставляет заново переосмысливать многообразие еврейской самоидентификации, в особенности, отношение между этнической и конфессиональной идентичностями. Конечно, на практике убийцы из айнзацкомандо не слишком интересовались теоретическими тонкостями расизма, но тем не менее: иранское (и, стало быть, не-еврейское) происхождение горских евреев оказалось достаточным основанием для того, чтобы хотя бы часть из них, оказавшихся на Северном Кавказе под немецкой оккупацией на волосок от гибели, все же смогла уцелеть.

Перипетии этого — в нижеследующих заметках.

1

На Северном Кавказе, а также в Крыму под политику уничтожения нацистских оккупантов попали горские евреи — маленькая веточка персидского еврейства, сохранившаяся на территории СССР. Ареалом их исконного проживания является Восточный Кавказ — южный Дагестан и северный Азербайджан (в прошлом — территория бывшего Кубинского, а отчасти и Шемахинского и Шекинско-го ханств). Жили они в горских аулах и в обособленных городских

кварталах на равнине. Обязанность жить в черте оседлости на них не распространялась (для этого в свое время им пришлось доказывать свое этно-антропологическое отличие от «ашкеназим» — восточно-европейских евреев), и их крупнейшие общины издавна базировались в мусульманских городах — в частности, в азербайджанских Баку, Кубе и Огузе (бывшем Варташене³⁵²) и дагестанских Дербенте, Махачкале и Буйнакске (Темир-Хан-Шуре). В середине XIX в. заметные общины горских евреев сформировались и на Северном Кавказе: в Нальчике, Грозном и ауле Джегонасс на Кубани. В годы Гражданской войны аул Джегонасс был уничтожен белоказаками генерала Шкуро и оставшиеся в живых горские евреи из этого аула рассеялись по Северному Кавказу, часть из них осела в Моздоке³⁵³.

Со временем они широко расселились по Северному Кавказу и Крыму, в том числе в 1930-е годы, когда в ходе еврейского колхозного строительства и, отчасти, в порядке планового переселения они появились в Ставропольском и Краснодарском краях. Значительные общины горских евреев сформировались в Нальчике и Моздоке.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов горские евреи из Моздока, ряда городов и аулов Северного Дагестана, а также из Нальчика и Грозного переселились на земельные фонды КОМЗЕТ на территории современного Курского р-на Ставропольского края, где были созданы горско-еврейские переселенческие поселки Богдановка и Ганштаковка (в конце 1930-х годов переименовано в с. Менжинское). Тогда же на земельные фонды КОМЗЕТ около Евпатории в Крыму переселились горские евреи из Кубы (Азербайджан).

Изначально горские евреи говорят на джухури — еврейско-татском диалекте татского языка, принадлежащего к иранской языковой группе (на нем говорят и таты-мусульмане, и таты-христиане — последователи армянской григорианской церкви, проживающие в обособленных аулах в Азербайджане). Поэтому их нередко называли и сознательно отождествляли с татами, что исторически и этнографически неверно.

Принадлежность всех татов, независимо от вероисповедания, к единому татскому народу была одной из мифологем, навязывавшихся горским евреям в советское время. Около 20 тыс. татов, зарегистрированных переписью 1979 года, скорее всего в большинстве своем — это горские евреи. Перепись 1989 года зафиксировала 18,5 тыс. горских евреев — эмиграция не давала этой цифре расти. К этому времени около трети горских евреев насчитывались в Азербайджане, а остальные — в России: при этом перевес Дагестана (3600 чел.) над Кабардино-Балкарией (3200 чел.) и даже Чечено-Ингушетией (2600 чел.) был уже не так значителен. И сегодня горские евреи еще

заметны в России, в частности, в Москве, Санкт-Петербурге и Пятигорске, но большинство их уже в Израиле.

Ареалом довоенных переселений горских евреев стал запад Северного Кавказа, в частности Краснодарский и Ставропольский края, а также Крым. Эта территория со значительным горско-еврейским населением оказалась под немецкой оккупацией, и многие из них пали жертвами нацистского геноцида евреев в годы Второй мировой войны. В частности, полностью погибли горско-еврейские общины колхоза им. Шаумяна в Крыму и селений Богдановка и Менжинское в Орджоникидзевском (ныне — Ставропольском) крае³⁵⁴ (во всех этих местах горские евреи проживали сравнительно недолго — последние 10–15 лет перед войной).

Весной 1942 года в Крыму прошла первая «акция» против горских евреев. В колхозе им. Шаумяна, располагавшемся в 4 км от крымской деревни Порфирьевки (в районе Евпатории), жило и работало 114 горских евреев, переселившихся сюда в 1939 году. Колхоза даже не было на картах, и в маршрутах эйнзацгрупп СС его тоже долгое время не было. Но в марте 1942 года от односельчан поступил соответствующий «сигнал», и «упущение» было быстро исправлено³⁵⁵.

Что касается Богдановки и Менжинского, то оба эти села расположены в современном Курском районе — одном из самых отдаленных и глухих сельскохозяйственных районов на востоке нынешнего Ставрополя (при этом они располагались в непосредственной близости от Моздока, включенного впоследствии в состав Северной Осетии). Возможно, именно этим объясняется то, что в сельской местности со сравнительно малочисленным и разрозненным еврейским населением карательные операции против евреев часто проходили с большим «опозданием» против сроков городских зондераций.

Так, село Менжинское было оккупировано еще 20 августа 1942 года, а операция по уничтожению евреев была произведена двумя месяцами позже — 19 октября. Здесь проживало около 40 горско-еврейских семей и еще по десятку семей армян и сектантов-субботников, занятых сельским хозяйством³⁵⁶. Евреев (а поначалу и субботников) собрали и объявили, что их отправляют в райцентр для последующей отправки в Кисловодск и что им можно взять с собой по 40 кг лучших вещей и продуктов на семью. В тот же день в количестве 75 человек их действительно доставили на подводах в райцентр (некоторым по пути удалось бежать).

В Курской же к этому времени уже было собрано около 250 евреев из райцентра и прилегающих сел, и всем им так же было заявлено о Кисловодске, только допустимый вес здесь был объявлен несколько ниже — не 40, а 32 кг. Собранные таким образом вещи были складированы в одном месте, а их бывших хозяев погрузили в автомашины и

отвезли за станицу к кирпичному заводу политотдельской машинно-тракторной станции (в 1,5 км от станицы). Там их всех — в том числе и мужчин — расстреляли; детей же отравляли³⁵⁷ и закапывали живыми. Горско-еврейское население села Богдановка, оккупированного 22 августа, было гораздо многочисленнее: здесь проживало несколько сот человек, составлявших до 90% населения села³⁵⁸. Их убийство произошло гораздо раньше уничтожения евреев Менжинской. Каратели прибыли сюда 24 сентября на пяти автомашинах и оцепили село. Комендант собрал всех вместе с ценностями и вещами в клубе и сначала отправил мужчин ремонтировать старые колодцы в 1,5 км к северу от села.

По всей видимости, именно там назавтра и произошла казнь, описание которой сохранил другой источник. Первыми, на глазах обезумевших детей и женщин, расстреляли мужчин, вторыми — на глазах детей — женщин, детей убивали последними и иначе: смазывая им губы отравляющим веществом, отчего они погибали от удушья; грудных детей сбрасывали в яму живыми. Живыми закапывали и недобитых раненых: *«очевидцы рассказывают, что на месте этой казни еще на второй день земля словно дышала, как живая, то поднимаясь, то опускаясь...»*³⁵⁹

По другому свидетельству, расстреливали прямо за околицей села, у вырытой евреями-мужчинами ямы, причем убито было 470 человек, а несколько десятков человек спаслись. После освобождения Богдановки те, кто спаслись, установили на месте казни памятник и навсегда покинули это место.

Всего в двух селениях проживало и трудилось в колхозах около 850 горских евреев. Строго документированным, однако, является убийство половины из них — приблизительно 425 чел.³⁶⁰ Несколько человек смогли не только уцелеть, но и записать свои свидетельства.

К. Феферман сообщает, что приблизительно в сентябре–октябре 1942 года было расстреляно еврейское население пос. Ганштаковка (колхоза «КИМ») Моздокского района Орджоникидзевского края, где погибло, по одним данным, ок. 300 чел., а по другим (с которыми солидаризуется и он сам) — 1400 чел.³⁶¹

Несмотря на неточность в сигнатуре у К. Фефермана, источник первой из цифр удалось разыскать: *«Гитлеровцы установили систему поголовного уничтожения еврейского населения. Немцы расстреляли 300 человек евреев, жителей хутора ГАНШТАКОВКА. Убивали всех от мала до велика, вначале детей, затем отцов, матерей и стариков. Такая же трагедия была повторена гитлеровцами в с. Степное, расположенном в 50 км от Моздока, где все еврейское население тоже было расстреляно...»*³⁶². Источником второй цифры оказалась книга И. Альтмана³⁶³.

Но главная поправка все же не в прояснении источников. Главная поправка в том — что селение Менжинское, центр колхоза им. Менжинского, и хутор Ганштаковка, центр колхоза «КИМ» — это одно и то же селение («КИМ», собственно, и означает колхоз им. Менжинского)³⁶⁴, что требует внесения соответствующих корректив и в приводимую коллегой статистику жертв.

Как нам представляется, из около 4200 горских евреев, оказавшихся в оккупации, жертвами Холокоста, с учетом единичных рассеянных семей, стали как минимум 1100 чел., остальные 3100 спаслись.

Приглядимся же к тем, кто спасся.

2

Это две горско-еврейские общины на оккупированной немцами территории — в Нальчике и в Моздоке. В Нальчике горским евреям удалось спастись лишь благодаря тому, что им в очередной раз удалось доказать, — на этой раз немцам, — что они таты и, таким образом, не евреи, а персы.

Вот как это описывает российский востоковед немецкого происхождения Николай Поппе, застигнутый немецкой оккупацией в Микоян-Шахаре, служивший у немцев переводчиком и вызванный в ноябре 1942 года в Нальчик в качестве эксперта-этнографа (там же и в том же качестве он встретил профессора Дитерса из Боннского университета, специалиста по Кавказу). Столкнулись две точки зрения — оберштурмбанфюрера СС Алоиза Перстерера, командира зондеркоманды 10-б, предлагавшего не делать различий между горскими и негорскими евреями и расстрелять и тех и других, и коменданта Нальчика капитана Теодора Оберлендера³⁶⁵. Поппе написал заключение, в котором подтвердил, что в царской России горские евреи рассматривались не как евреи, а как прочие горцы, и что их правомернее вовсе рассматривать как разновидность татов — народа иранского происхождения³⁶⁶. Дополнительные аргументы принес праздник с горскими песнями и плясками, на который горские евреи пригласили немцев: после этого даже эсэсовец не возражал против того, чтобы подарить танцорам жизнь³⁶⁷.

В изложении самого Т. Оберлендера³⁶⁸ вся история выглядела несколько иначе (ни Поппе, ни Дитерса он не упоминает). Незадолго до Рождества 1942 года, примерно на третьей неделе декабря, к нему обратился Перстерер с просьбой выделить роту особого войскового соединения «Бергман» для помощи в расстреле 2000 нальчикских горских евреев. Оберлендер пригласил Перстерера и его заместителя Германа Рашхофера на ужин, во время которого убедил их отказаться от расстрела горских евреев. Помимо того аргумента, что они являются евреями лишь по религиозным убеждениям, а во всем остальном

ничем не отличаются от других горских народов, фигурировал еще и другой — практическая польза от горских евреев, известных своим искусством шитья одежды и головных уборов из овчины. Кроме того, Оберлендер предложил Перстереру и его начальнику оберфюреру СС Вальтеру Биркампу (командиру айнзатгруппы D, от которого, вероятно, и исходили приказы о ношении горскими евреями шестиконечной звезды и об их расстреле) совершить инспекционную поездку и ознакомиться с ситуацией на месте. Такая инспекция состоялась буквально накануне Рождества (по-видимому, ее и подразумевает Поппе, когда сообщает о празднике с песнями и танцами), и ее следствием было указание Биркампа более не трогать горских евреев³⁶⁹.

По приводимому М. Альтшулером свидетельству В. Рейнольдса, данному им на суде над военными преступниками, даже группенфюрер Вальтер Биркамп (с июля 1942 года — командир эйнзатгруппы D), придерживался мнения, что горские евреи не должны подлежать уничтожению: тем не менее именно он первоначально издал приказ о ношении ими еврейского знака³⁷⁰.

Таким образом спаслись около 3200 горских евреев, оказавшихся в оккупации, а жертвами Холокоста стали около 700 чел.

3

Существует еще одна версия той же истории. Нальчикский адвокат Селим Шадов, председатель созданного 6 декабря 1942 года Национального совета Кабардинской области, рассказывал после войны американскому историку А. Даллину о том, как к нему приходила делегация горских евреев во главе с Шабаевым и рассказала об опасениях за свою жизнь. Тогда Шадов обратился в Кисловодск к фельдмаршалу фон Клейсту и заявил, что горские евреи — это таты, такая же горская народность, как кабардинцы или балкарцы. Была создана комиссия, которая в конце концов согласилась с этим утверждением и даже освободила нальчикских горских евреев от обязанности носить нашивку с еврейской шестиконечной звездой. Тем не менее как и повсюду на оккупированных территориях, был создан еврейский совет (юденрат), в который и вошли Шабаев и Ханукаев³⁷¹.

Именно это обстоятельство — принадлежность к юденрату как к организации, подчинявшейся оккупантам и, стало быть, сотрудничавшей с ними, — привело к тому, что некоторые из руководителей спасшейся еврейской общины были привлечены к ответственности советскими органами правосудия.

4

25 января 1952 года в общественный секретариат ЦК ВКП(б) поступило коллективное письмо от 38 семей горских евреев г. Моздо-

ка, заканчивавшееся словами: «*Мы, граждане, прилагая свои подписи, уверены, что Вы, наш вождь, с присущей Вам справедливостью, вынесете правильное свое решение*». 31 января оно поступило в Генеральную Прокуратуру СССР³⁷².

Речь идет о деле Иосифа Агаевича Бакшиева. Он родился в 1892 году в Хасавюрте, рос, жил и работал в Моздоке, в том числе с 1920 года — по кожевенному делу в различных районах нынешнего Ставропольского края (Туркменском, Курском и др.).

12 сентября 1951 года в Дзауджикау (нынешний Владикавказ) 59-летний Иосиф Бакшиев был арестован, а 21 декабря Верховный суд СО АССР осудил его по статье 58-3 и 58-10 к 25 годам ИТЛ (срок отсчитывался от 15 сентября 1951 года) с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет и конфискацией имущества. Следователь считал, что Бакшиев остался в Моздоке добровольно и являлся пособником немецких властей в проведении их мероприятий, в частности, просил у немцев разрешения открыть кожевенный завод; клеветал на советскую власть, арестовавшую четверых его братьев, и восхвалял власть немецкую. Верховный суд РСФСР, разобрав кассационную жалобу, 10 января 1952 года утвердил приговор. 27 февраля 1952 года были осуждены и родственники Бакшиева — Шубаев Виктор Шахманович (бухгалтер кожцеха), Соломонов Михаил Давидович и Левиев Миитул Нафталиевич (каждому за 70 лет) были осуждены той же инстанцией по ст. 58-10 к 10 годам лишения свободы.

Родственники осужденных обращались повсюду, в том числе к Сталину, Берия, Кагановичу, Швернику и т.д., но безрезультатно. В вину осужденным было инкриминировано, что в конце 1942 года во время немецкой оккупации они открыли кожевенный цех и в нем работали около 180 евреев.

В августе 1942 года Моздок был захвачен немцами. Из-за нехватки транспорта многие, в том числе горские евреи, не успели эвакуироваться. Вскоре начались убийства евреев: около 200–250 семей расстреляли за городом, в Богдановке, в колхозах им. Менжинского и Кагановича Здисейского стансовета, несколько семей были закопаны живыми. В сентябре бургомистр Моздока Тупицын вызвал к себе горских евреев и велел им открыть кожевенную мастерскую, иначе они будут расстреляны.

Дав свое согласие, мастера Бакшиев и Шубаев организовали кожевенный цех, в котором числились даже те, кто не имел ни малейшего понятия об этом ремесле. Благодаря этому 38 горско-еврейских семей, в том числе 101 ребенок, уцелели и дождались прихода Красной армии: они даже сохранили выработанные кожтовары и сдали их 27 февраля 1943 года по акту советским властям³⁷³.

8 апреля 1952 года свое заключение дала Прокуратура СО АССР по спецделам, в частности, пом. Прокурора СО АССР младший советник юстиции Лесневский и зам. прокурора СО АССР советник юстиции Дубцов³⁷⁴. Лесневский нашел, что изложенные в жалобах родственников утверждения не соответствуют действительности и опровергаются показаниями как свидетелей, так и осужденного. Поэтому в ходатайстве об опротестовании приговора он отказал за отсутствием основанием для протеста. 26 апреля датировано заключение по делу М. Левиева³⁷⁵.

Интересно, что 8 апреля 1952 года датирована и жалоба И. Бакшиева Генеральному прокурору СССР Сафонову, где он начисто отрицал все обвинения и утверждал, что свои признательные показания давал под пытками: следователь МГБ СО АССР г. Дзауджикау старший лейтенант Агаджаков бил его до потери сознания и сажал его на 40 суток в сырой подвал со льдом³⁷⁶. В конце мая аналогичную жалобу он отправил и Берии (то же самое сделали тогда Шубаев и Соломонов).

Эти все жалобы поступили в конечном счете к Лесневскому с Дубцовым, и те вновь не нашли ни малейших оснований для протеста. Так же без удовлетворения оставлена была и жалоба Агая Бакшиева к председателю ВС СССР К. Е. Ворошилову: 29 апреля 1953 года об этом ему сообщил заместитель начальника отдела по спецделам, старший советник юстиции Сучков. Таким же был ответ и от Генпрокурора: 20 мая 1953 года официальный ответ подписал исполняющий обязанности начальника отдела по спецделам государственный советник юстиции 3 класса Камочкин. Он же 2 июня подписал и ответ на жалобу, адресованную Ворошилову.

2 июля из лагеря (наказание они отбывал в Печорском ИТЛ, а потом в Воркуте, где он болел туберкулезом шейной железки, склерозом сердца и грудной жабой — в отправке на юг для излечения ему отказали) написал Ворошилову и Иосиф Бакшиев — письмо на семи страницах убористым почерком. Заканчивалось оно так: *«Прошу Вас искать правду и спасти меня от неправды. Учти, нас казнили и расстреливали везде. Неужели смерть не является уважительной причиной?»* Но и на это все тот же А. Сучков 24 августа и 5 октября отвечал, что проверкой дела установлено, что он осужден правильно.

Агай Бакшиев не прекращал своих усилий. Писал не только он, но и его родственники, а также родственники других подельников. Первым хотя бы частичного успеха добился Шibaев, которому снизили меру наказания — в июле 1954 года двадцать пять лет срока ему заменили на девятнадцать³⁷⁷, а 7 апреля 1955 г. дело вовсе прекратили. Дело Левиева прекратили 30 августа 1956 г. — даже без конфискации

и поражения в правах. Тем же днем датировано и смягчение приговора по делу Соломонова, 1894 г.р.: вместо десяти лет он получил пять.

5

Р. С. Пишущий эти строки занимается этой темой уже довольно давно и все это время воздерживался от публикации промежуточных результатов — в надежде на то, что удастся раздобыть новые и дополнительные источники, которые позволят ответить на остающиеся неотвеченными вопросы. Источники находились, но они несли с собой все новые и новые вопросы — и проблема оставалась.

На примере публикаций коллег (в частности, Кирилла Фефермана), автор понял, что и они стоят перед подобными дилеммами, и что перспективнее всего — диалог и совместное продвижение вперед. Так, внесение ясности в вопрос о Ганштаковке представляется одним из шагов на этом пути. Предстоит еще разбираться, например, с вопросом о колхозе им. Кагановича Здисейского стансовета, упоминавшемся в ходе послевоенных судебных преследований бывших членов юденрата.

Как видим, стадия эмпирического анализа и накопления знаний о горских евреях в холокостном контексте еще не миновала.

В общем же плане важно подчеркнуть своего рода педантизм и теоретическую «последовательность» палачей: верные расистским установкам своего антисемитизма, они должны были бы признать носителей «всего лишь» конфессиональной еврейской идентичности не подлежащими уничтожению. И — как это произошло в случаях не только с горскими евреями, но и с караимами и субботниками, — признавали.

Но происходило это, однако, не автоматически и требовало своевременного подключения ученых экспертов, что имело место не везде и не всегда: тому подтверждением — жертвы как минимум трех горско-еврейских поселений!

Примечания

¹ Автор сердечно благодарит Р. Оверманса (Франкфурт-на-Майне, Фрайбург), Х. Бема (Фрайбург), С. Вылканову (Франкфурт-на-Майне), Ж. Дери (Ганновер), С. Ильенкова (Подольск), Р. Келлера (Ганновер), К.-Д. Мюллера (Дрезден), Д. Поля (Мюнхен), Ф. Ремера (Майнц) и А. Шнера (Иерусалим) — за щедрую помощь в разработке этой темы. Отдельная благодарность бывшим советским военнопленным, откликнувшимся на обращение автора и поделившимися своими воспоминаниями и суждениями, — И. Е. Азаркевичу (Нью-Йорк), М. И. Бенционову (Сураж Брянской обл.), И. М. Бружеставицкому (Тверь), А. С. Вигдорову (Москва), Ф. Гисину (Вит-

тен), А. Н. Жукову (Москва), Д. И. Додину (Санкт-Петербург), Я. С. Кагаловскому (Днепропетровск), Д. Л. Каутову (Санкт-Петербург), В. Е. Кацперовскому (Ганновер), И. С. Кубланову (Феодосия), А. С. Малофееву (Луганск), С. А. Орштейну (Славута Хмельницкой обл.), Л. Я. Простерману (Харьков), Ю. Б. Раунштайну (Херсон), Э. Н. Сосину (Москва), Н. А. Фишману (США) и А. И. Цирюльникову (Москва). Их письма или краткие протоколы бесед и интервью с ними хранятся в архиве автора.

² О геноцидальном (а точнее стратоцидальном) характере политики Германии по отношению к советским военнопленным как к контингенту в целом см. прежде всего: STREIT, 1978; ПОЛЯН, 1996; ПОЛЯН, 2002; GERLACH, 1999. Эта политика была дифференцированной в этническом плане (так, украинцы, белорусы, грузины, представители северокавказских народов, не говоря уже о фольксдойче, были привелигированы в целом ряде отношений), но предпринятая К. Беркофом попытка придать этой политике в целом еще и этноцидальный — направленный на русских как этнос — характер (Berkoff, 2001) не представляется нам убедительной. Единственным этносом в составе красноармейцев, уничтожавшемся поголовно, были евреи (сведениями о селекции и уничтожении военнослужащих-цыган не располагаем).

³ Krakowski, 1992. См. также: Krakowski Sh. The fate of Jewish Prisoners of War in the September 1939 Campaign // Yad Vashem Studies. Vol. 12. Jerusalem, 1977. P. 297–333.

⁴ Ploski, 1946; BARTNICZAK, 1978.

⁵ См., например: HILBERG, 1999. S. 352–357 (какая-нибудь четверть процента объема его капитальнойнейшего труда!) и LONGERICH P., 1998. P. 411–413.

⁶ Резниченко, 1993; Шейнман, 1993.

⁷ АЛБГМАН, 2002. Эта главка, к сожалению, не только непропорционально мала, но и вторична по своему материалу.

⁸ ДУГАС, ЧЕРОН, 1994. С. 118–121.

⁹ СВЕРДЛОВ, 1996.

¹⁰ ЧЕРНАЯ КНИГА, 1980. С. 437–442.

¹¹ ГОЛУБКОВ, 1958 и 1963; БОНДАРЕЦ, 1960; Воронин С. Двойник Виктора Шаликова // Советская торговля. 12.12.1970 (Перепеч.: УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ..., 1991. С. 290–191). Барвинок Г., Евселевский Л., Пустовойт П. Слышишь, Днепр! Документальный очерк. Харьков, 1979. (Перепеч.: УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ..., 1991. С. 299).

¹² УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ..., 1991.

¹³ СОКОЛОВ, 2000.

¹⁴ АНВАЕР, 2005.

¹⁵ ПОЛЯН, 1996; ПОЛЯН, 2002. С. 83–91.

¹⁶ ШНЕЕР, 2003. В 2004 году в издательстве «Гешарим» вышло 2-е, несколько сокращенное, ее издание.

¹⁷ Полный перечень выпущенных текстов приводился в приложениях.

¹⁸ КАЦПЕРОВСКИЙ, 2003; ЯНТОВСКИЙ, 1995.

¹⁹ Эго-документы о пребывании евреев-военнопленных в румынском плену составителям неизвестны, если не считать сообщения З. А. Зенгина

о том, что в Николаевском лагере охранниками были не немцы, а румыны. Кстати, есть свидетельства о советских евреях-военнопленных в Норвегии, но там полностью, хотя и своеобразно, хозяйничали немцы.

²⁰ Первые два раздела составили эго-документы самих военнопленных-евреев (первый — их воспоминания и дневники, второй — небольшие по объему письма, документы, интервью и заметки), в третьем же представлены свидетельства советских военнопленных не-евреев.

²¹ См. ее подробное описание в: Ильенков, Мухин, Полян, 2000.

²² Интересно и удивительно, но статья О. Ю. Старкова «Они не сдались», посвященная теме побегов советских военнопленных из плена и базирующаяся на этой картотеке (ВИЖ. 1989. № 12. С. 81–84), осталась практически незамеченной (в том числе и мной).

²³ Тогда же я высказал и сформулировал и саму идею объединения усилий немецких и российских историков, с одной стороны, и финансовых ресурсов заинтересованных организаций различных немецких земель, с другой, для осуществления совместного проекта по научному освоению картотеки.

²⁴ Keller R., Otto R. Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd. 57. Nr. 1. S. 149–180; Ильенков, Мухин, Полян, 2000.

²⁵ Эту реконструкцию реальных событий приходится приводить здесь в силу «неспортивного», но последовательного замалчивания руководителями проекта К.-Д. Мюллером и Р. Отто усилий и роли российской стороны в становлении этого проекта. В многочисленных устных и письменных презентациях промежуточных результатов проекта вышеперечисленные усилия, к сожалению, или замалчивались или давались в сознательно искаженном свете.

²⁶ Марьяновский, Соболев, 1997. С. 29.

²⁷ Ссылки на эту базу данных в работе даются следующим образом: ЦАМО, № (где № — номер отсканированного изображения). В настоящее время техническая обработка обеих картотек ЦАМО (офицерской и солдатской) завершена и они вводятся в научный оборот.

²⁸ СВЕРДЛОВ, 2002. С. 214, без учета еще нескольких сот человек, призванных на военную службу, начиная с сентября 1944 года, в армии Румынии и Болгарии (источник сведений, к сожалению, не указан). В другом месте тот же Ф. Д. Свердлов называет цифру в 450–470 тыс. евреев в Красной армии; ее же повторяет и А. Арад (1990) и А. ШНЕЕР (2003. Т. 2. С. 28).

²⁹ Цифра 550 тыс. приводится и Ш. Краковским. М. Бардом называется даже 600 тыс. (BARD, 1992. P. 131).

³⁰ См.: Марьяновский, Соболев, 1997. С. 13, 30. Практически та же цифра (501 тыс. чел.), но со ссылкой на ЦАМО, приводится в издании: ШАПИРО, АВЕРБУХ, 1997. Т. 3. С. 466–477.

³¹ ШАПИРО, АВЕРБУХ, 1997. Т. 3. С. 448, 466–477.

³² Ф. Д. Свердлов приводит иную цифру погибших в боях — 150 тыс. чел. В 200 тыс. чел. он оценивает боевые потери евреев-воинов в целом (СВЕРДЛОВ, 2002. С. 214).

³³ ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 29, со ссылкой на: ШТЕЙНБЕРГ М. Евреи в войнах тысячелетий. Очерки военной истории еврейского народа. [США], 1995. С. 220–221. Это соответствует около 40% общих безвозвратных потерь (против 25% по Красной армии в целом).

³⁴ См.: Марьяновский, Соболев, 1997. С. 14–15. По этому показателю евреи занимают третье место вслед за русскими и украинцами, притом, что по численности населения они были накануне войны лишь седьмыми. См. также: ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 41–42.

³⁵ Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. II / Hsg. Israel Gutman. München – Zürich: Piper Verlag, o.D. P. 814.

³⁶ Впрочем, отдельные устные оскорбления в адрес евреев от случая к случаю все же имели место.

³⁷ Bard, 1992. P. 132–133.

³⁸ См. об этих страхах, например, у того же М. Барда (BARD, 1992. P. 131).

³⁹ Данных об их числе не имеется, но едва ли оно превышало 10–15 тыс. чел. (см. DOERY, 2004. P. 25).

⁴⁰ ВА-МА, RW 6, №. 270. Bl. 2–7. Сама дата этой сводки – 16.6.1941 – наводит на мысль, что данный вопрос, возможно, заново обсуждался в ОКВ в свете антиеврейской составляющей в подготовке нападения на СССР. Ср. также в аналогичной сводке ОКВ № 11 от 11.3.1942: «5. *Касательно: обозначение евреев. Особо пометить евреев звездами является мероприятием немецкого правительства для их опознания на улицах, в магазинах и т.п. Еврейские военнопленные не получают никакой еврейской звезды, однако их следует насколько возможно отделить от остальных*». Az.2 f 24.73o Kriegsgef. Allg.(Ia) Nr. 2140/42 (ВА МА, RW 6, №. 270. Bl. 68 RS).

⁴¹ СОКОЛОВ, 2000. С. 159. Под «русскими», естественно, подразумеваются все остальные советские военнопленные.

⁴² Это обращение 06.10.1941 было переправлено выше, в Берлин, в Отдел военнопленных ОКВ (ВА-МА. RH 53-17/186).

⁴³ DURAND, 1994. S. 213f.; DOERY, 2004. P. 25.

⁴⁴ Жорж Скальпини был назначен правительством Виши во главе Дипломатической службы по делам военнопленных (Service Diplomatique des Prisonniers des Guerre) на правах посла (см.: DOERY, 2004. P. 22).

⁴⁵ DURAND, 1994. S. 203.

⁴⁶ DURAND, 1994. S. 214.; DOERY, 2004. P. 25.

⁴⁷ Так, 27.02.1942 Г. Рейнекке приказал своим подчиненным в военных округах при высвобождении из плена больных и раненых французских офицеров не распространять это на офицеров-евреев (см.: Jacobsen, 1967. S. 230. Dok. 40).

⁴⁸ См.: DOERY, 2004. P. 27–33.

⁴⁹ Например, в штрафное отделение офлага ХС в Любеке (см.: CHRISTOPHE, CHRISTOPHE. 1974. S. 259).

⁵⁰ FAVEZ, 1989. P. 282.

⁵¹ FAVEZ, 1989. P. 282.

⁵² См.: ŠTARK A.-O.; ŽENI L.; KRAUS V.; MONTAG M.; PIJADE R.; VIG V. A Memorial of Yugoslavian Jewish Prisoners of War. Half a century after Liberation. 1945–1995. Tel-Aviv, 1995. 96 p.

⁵³ Письма им разрешалось писать только по-немецки, дабы облегчить работу лагерных цензоров, но в начале 1942 года ответы и посылки из дома

перестали приходить (почему — объясняли сообщения в газетах о расстрелах в Белграде коммунистов и евреев, а также просачивающиеся сведения о депортациях).

⁵⁴ См.: ДАТНЕР, 1963. С. 19.

⁵⁵ Krakowski, 1992. P. 217.

⁵⁶ Krakowski, 1992. P. 217–218.

⁵⁷ ДАТНЕР, 1963. С. 20.

⁵⁸ См. выше о судьбе евреев-военнослужащих из польских соединений в составе французских войск в 1940 г.

⁵⁹ Krakowski, 1992. P. 219.

⁶⁰ Krakowski, 1992. P. 219. III. Датнер писал, что причины такого чудесного избавления евреев-офицеров остаются невыясненными (ДАТНЕР, 1963. С. 20.).

⁶¹ АЛБГМАН, 2002. С. 193.

⁶² См. выдержки из этой речи: КЛОКОВА Г. В. История Холокоста на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Пособие для учителя. М.: Научно-просветительский центр «Холокост», 1995. С. 23.

⁶³ Впрочем, намерение депортировать из Западной Польши *всех* евреев не было осуществлено.

⁶⁴ HIRSCHFELD G. (Ed.). The policies of Genocide. Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany. London: The German Historical Institute, 1986. P. 148–153.

⁶⁵ ВА-МА, RH 26-123/143 (сообщено Ф. Ремером).

⁶⁶ ВА-МА, RH 20-6/489. Bl.279 (сообщено Ф. Ремером).

⁶⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 185. Л. 39–40.

⁶⁸ См. соответствующие отчеты в: Jakobsen, 1965. S. 192–193. Dok.15. См. также: Fgrster, 1983. S. 434–440.

⁶⁹ ВА-МА, RH 20-4/681 (сообщено Ф. Ремером).

⁷⁰ По существу, эта АК была наскоро собрана из местных полицейских (см.: LONGERICH, 1998. S. 296–351).

⁷¹ ANGRICK, 2003. S. 131.

⁷² Впрочем, в Каунасе погромничали люди из АК-1.

⁷³ REJESTR MIEJSC I FAKTÓW ZBRONI POPPEŁ NIONYSH PRZEZ OKUPANTA HITLEROWSKIEGO NA ZIEMACH POLSKICH W LATACH 1939–1945; Województwo Łomżyńskie / Informacja wewnętrzna nr. 66/23. Warszawa: Główna komisja badania zbrodni hitlerowskich w Polsce; Instytut pamięci narodowej, 1985. 249 s. С. 58, 61, 97–101, 118 и др. (нам сообщено Д. Полем).

⁷⁴ АЛБГМАН, 2002. С. 193.

⁷⁵ Longerich, 1992. S. 85.

⁷⁶ Подробнее см. у Штрайма (STREIM, 1981) и Огоррека (OGORRECK, 1996).

⁷⁷ ВАВ, R 58. Nr. 214–221. В общей сложности они насчитывают примерно 2900 машинописных страниц! Впрочем, заметим, что «Сообщения...» составлялись в Берлине на основании более детальных отчетов с мест, поступавших не всегда регулярно и синхронно, — тем более поэтому синхронизировать их удавалось на всегда.

⁷⁸ Здесь имеется в виду преобладающая тенденция: уже отмечалось, что отдельные чисто немецкие операции по ликвидации евреев имели место уже и в это время.

⁷⁹ Определенный временной лаг-отставание был тем более неизбежен и в деятельности зондеркоммандо, действовавших в ближайшем тылу отдельных сухопутных соединений.

⁸⁰ Longerrich, 1992. S. 85–89.

⁸¹ См.: ПОЛЯН, 2002. С. 127.

⁸² Jacobsen, 1967. S. 143–144.

⁸³ Капитана кавалерии.

⁸⁴ Далее следуют уже генерал-губернаторство и собственно Рейх.

⁸⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 121. См. также: VERBRECHEN DER WEHRMACHT..., 2002. S. 57. Факсимиле, со ссылкой на: РГВА. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 41. Л. 41.

⁸⁶ Гитлер, как записал в своем дневнике Гальдер, еще раз повторил их 17.03.1941 на встрече с Гальдером, Вагнером и начальник оперативного отдела ОКХ полковником Хойзингером, подчеркивая, что ангажированная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена.

⁸⁷ Erlassentwurf zur «Regelung des Einsatzes der Sicherheitspolizei und des SD im Verbands des Heeres» (OGORRECK, 1996. S. 27–28, со ссылкой на: ВА-МА, RW 4/v. 575, Bl. 43–45).

⁸⁸ См. об организации тыла вермахта в СССР в: DALLIN, 1958. S. 106–107.

⁸⁹ GERLACH, 1999. S. 540.

⁹⁰ IMT. Doc. NOKW 2080 (Рус. перевод: НАУМОВ, 1998. Кн. 2. С. 122–123, № 417).

⁹¹ Такой отказ получил, в частности, из штаба 11-й армии начальник АГ «D» О. Олендорф, рвавшийся как можно скорее на Кавказ (см.: OGORRECK, 1996. S. 43–44).

⁹² За исключением случая с Кретингой.

⁹³ См. подробнее в: OGORRECK, 1996. S. 27–42.

⁹⁴ GRAINER, Helmuth. Die oberste Wehrmachtsführung 1939–1943. Wiesbaden, 1951. S. 371.

⁹⁵ См.: OGORRECK, 1996. S. 39–40; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungsstab). 1940–45. Bd. 1–4 / (Hg.) Schramm P. E. Frankfurt-am/Main, 1965. S. 337 (запись от 30.03.1941).

⁹⁶ Förster, 1983. S. 436.

⁹⁷ Запись в его дневнике от 6.5.1941 (цит. по: Förster, 1983. S. 436).

⁹⁸ Förster, 1983. S. 436, со ссылкой на: ВА-МА. Alliierte Prozesse 9, NOKW-486.

⁹⁹ См. материалы к докладу генерала Варлимонта «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» от 12.05.1941 (ВА-МА, RW 4/V.577). Рус. перевод см.: Советские военнопленные: бухгалтерия... С. 30–31.

¹⁰⁰ Материалы к докладу генерала Варлимонта «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» от 12.05.1941 (ВА-МА, RW 4/V.577). Рус. перевод см.: Советские

военнопленные: бухгалтерия... С. 30–31. А 3.4.1941, не дожидаясь конца дискуссий, в ОКХ просто вычеркнули политкомиссаров из перечня советских военнопленных, подлежащих хоть какому-нибудь централизованному питанию (Besondere Anordnungen für die Versorgung. Teil C. v. 03.04.1941, unterzeichnet von Halder (см. в: OGORRECK, 1996. S. 40–41). См. также другой экз-р в: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 122).

¹⁰¹ ВА-МА. LVI АК, 17956/7а (Рус. перевод: НАУМОВ, 1998. Кн. 2. С. 151. № 432). Интересно, что даже в таком однозном по своей откровенности документе как приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на Востоке» от 10.12.1941 фигурирует уже не «большевистско-еврейская», а «азиатско-еврейская» и даже просто «азиатская» опасность и угроза.

¹⁰² См.: Jacobsen, 1965. Dok. 5a. S. 175–176. Предыстория и результаты осознанно противоправной политики вермахта по отношению к советским военнопленным представлена также и трудах К. Штрайта, А. Штрайма и Р. Отто (STREIT, 1978; STREIM, 1981; 1982; OTTO, 1998).

¹⁰³ Соответствующий приказ по ОКВ был выпущен Кейтелем назавтра, 14.5.1941.

¹⁰⁴ См.: Jacobsen, 1965. Dok. 8. S. 181–184. См. его русский перевод с датой 13.05.1941: Первые дни войны в документах... 1989. № 5. С. 52–54. Со ссылкой на: ЦАМО. [Ф. 500.] Оп. 12462. Д. 564. Л. 23–26.

¹⁰⁵ См.: Jacobsen, 1965. Dok. 11. S. 187–188.

¹⁰⁶ Jacobsen, 1965. S. 188–191. Юридическим основанием для расстрелов политкомиссаров служил как раз Указ Кейтеля от 14.05.1941 об освобождении от судебной ответственности в зоне «Барбаросса».

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 44. Л. 15а, 15б (собственноручные показания и перевод, без даты).

¹⁰⁸ Förster, 1983. S. 436, со ссылкой на: ВА-МА. RH 19. III. Nr. 722.

¹⁰⁹ В этом принимал посильное участие и вермахт, на листовках которого еще в 1935 году «господа комиссары и партруководители» назывались не иначе как «грязные жида» (Förster, 1983. S. 440). Что уж говорить о листовках, разбрасывавшихся в 1941 году: «Бей жида-политрука — морда просит кирпича» — и так далее!

¹¹⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 10.

¹¹¹ Browning, 1989. P. 780. Интересно, что в самом начале войны, при вступлении вермахта на бывшие польские территории, задача ликвидации польской интеллигенции была отставлена — в том числе и вследствие использования в собственных целях как польского антикоммунизма, так и польского антисемитизма, о чем прямо писал Гейдрих в своем «Приказе № 2» от 1.7.19417 (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 109).

¹¹² Jacobsen, 1967.

¹¹³ Förster, 1983. S. 438.

¹¹⁴ Förster, 1983. S. 439, со ссылкой на: ВА-МА. RH 26-22. Nr. 66 и 67.

¹¹⁵ Лужеренко, 1989. С. 173.

¹¹⁶ Другими задокументированными разновидностями «расширенной интерпретации» этого приказа явились его распространение на военнопленных-женщин и на раненых. См., в частности, в показаниях рядового вермахта М. Шарте: Лужеренко, 1989. С. 173–174.

¹¹⁷ Förster, 1983. S. 439, со ссылкой на: VA-MA.RH 26-454/ Nr. 6.

¹¹⁸ Показания К. фон Остеррайха от 28.12.1945 (ВИЖ. 1991. № 3. С. 39–40. Со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 103. Л. 137–144. Публикаторы: С. В. Биленко, А. В. Костенецкий).

¹¹⁹ IfZ, München. Gn 02.42. Vorermittlungsverfahren 319 AR – Z 46/76 – AOK 17.

¹²⁰ Jacobsen, 1967. S. 223–225. Dok. 36–37, 40.

¹²¹ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 116, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 68 Армии. Оп. 3064. Д. 105. Л. 116.

¹²² См.: ПОЛЯН, 2002. С. 59.

¹²³ См.: OGORRECK. 1996. S. 47–52.

¹²⁴ GERLACH, 1999. S. 774–775.

¹²⁵ См., например: ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 158, со ссылкой на YVA. M.41/1011. На самом деле доля евреев в комиссарском корпусе Красной армии была хотя и высокой, но уступала геббельсовской «цифре» в 4–5 раз.

¹²⁶ См. русский перевод: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 1–12.

¹²⁷ См.: Jacobsen, 1967. S. 203. См. также рус. перевод: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 8–11.

¹²⁸ IfZ. Dok. PS-078. Bl. 1–3.

¹²⁹ Интересно, что вместе с проектом инструкции — и под тем же номером — хранится «Дополнение» к ней, содержащее ссылку на окончательную редакцию инструкции и подчеркивающее особую важность задачи по выявлению среди военнопленных лиц вызывающих доверие и могущих быть в интересах Рейха так или иначе использованными (IfZ. Dok. PS-078. Bl. 4–6).

¹³⁰ См. рус. перевод: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 12.

¹³¹ См.: Jacobsen, 1965. S. 205–207.

¹³² Впрочем, у политруков из не-евреев в отличие от евреев еще оставался «шанс» уцелеть: спасительной могла бы стать (а могла и не стать) их готовность к «сотрудничеству» с оккупантами и степень заинтересованности в этом последних.

¹³³ Незначительное и, как правило, временное исключение могли составлять военнопленные евреи-врачи.

¹³⁴ Последний раз оно легло на бумагу, подписанную Кейтелем 12.9.1941, — но это были гражданские евреи из новозаятых советских областей, иметь с которыми дело военнослужащим вермахта строжайше не рекомендовалось (Jacobsen, 1967. S. 207. Dok. 27).

¹³⁵ Такие лоскуты практиковались в Кальварии (Шейнман, 1993. С. 468).

¹³⁶ Согласно показаниям Эрвина Лахузена, данным им в 1947 г., это совещание состоялось в конце лета (HILBERG, 1999. S. 354–356. Со ссылкой на документ NO-2894).

¹³⁷ Было, в частности, постановлено производить казни на расстоянии не менее 500 м от лагерей. См. допрос свидетеля Э. Лахузена 30.11.1945 на Нюрнбергском процессе: НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС, 1990. С. 170–180. Позиция Брейера из этого допроса не прочитывается, но из других материалов можно скорее предположить его солидарность с позицией Абвера.

¹³⁸ См., например: Antrag des OKH an das OKW v. 23.09.1941 auf Überprüfung der Notwendigkeit des Komissarbefehls, mit Ablehnung (Факсимиле: STREIM, 1982. P. 226–228. Dok. II.2).

¹³⁹ В соответствующем циркуляре от 02.06.1942 начальник РСХА и СД приказывал в дальнейшем проводить селекцию на территории генерал-губернаторства, отказавшись при этом от практики селекции политкомиссаров и политруков: «*В остальном все остается по-старому (евреи, преступники и т.д.)*» (Jacobsen, 1967. S. 229. Dok. 40). Интересно, что вскоре в СССР был ликвидирован и сам институт военных комиссаров — 9.10.1942 их упразднили в Красной армии, а 13.10.1942 — на Военно-Морском флоте (см.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 38).

¹⁴⁰ Процесс подготовки и осуществления такой «военно-судебной» реформы подробно раскрыт в исследованиях А. Штрайма и Р. Отто (STREIM, 1981; ОТТО, 1998).

¹⁴¹ РСХА состояло из тайной полиции (гестапо), уголовной полиции (крипо), полиции безопасности (зипо) и СД. В геноциде евреев активнейшее участие приняли также основные и резервные батальоны полиции правопорядка (Ordnungspolizei).

¹⁴² См.: STREIT, 1991. S. 32; STREIM, 1981. S. 72–73.

¹⁴³ См.: KLEIN, 1996. S. 19.

¹⁴⁴ OGORRECK, 1996. S. 46, со ссылками на: ВА-МА, RH 2/2082, Bl. 130–139.

¹⁴⁵ HILBERG, 1999. S. 307.

¹⁴⁶ См.: ПОЛЯН, 2003. С. 97–98.

¹⁴⁷ ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ..., 1993. С. 334, со ссылкой на: ВА, RH-23/5-155, RH-53-23/65, R-41/168, H-3/729. Впрочем, известен случай перевода военнопленного литовской национальности в статус гражданского иностранного рабочего (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 28. Л. 65а).

¹⁴⁸ Polizeiverordnung über die Kenntlichmachung der im Reich befindlichen Ostarbeiter und Ostarbeiterinnen vom 19.6.1944. См.: GATTERBAUER R. H. Arbeitseinsatz und Behandlung der Kriegsgefangenen in der Ostmark während des Zweiten Weltkrieges (Dissertation). Salzburg, 1975. S. 174, со ссылкой на: Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes in Wien, Akt Nr. 8394.

¹⁴⁹ См.: ВА-МА, RH 3/v. 180.

¹⁵⁰ KIRSCHNER K. (Hg.). Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus Deutschland 1941. Erlangen, 1987. Bd. 10. S. 160.

¹⁵¹ См. запрос отдела труда гебитскомиссариата Белоруссии бургомистру Койдановского района о двух бежавших из лагеря освобожденных военнопленных от 08.10.1942 (БЕЛОРУССКИЕ ОСТАРБАЙТЕРЫ-1. С. 199, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 43. Л. 25).

¹⁵² То есть практически одновременно с распространением указанной листовки!

¹⁵³ PFAHLMANN H. Fremdarbeiter und Kriegsgefangen in der Deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945 // Beiträge zur Wehrforschung. Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GmbH, [1968]. Bd. XVI–XVII.

¹⁵⁴ См.: ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ, 1993. С. 334, со ссылкой на: ВА, RH-23/5-155, RH-53-23/65, R-41/168, H-3/729. По состоянию на 1.04.1942, их число составляло 292 702 чел., в подавляющем большинстве украинцы (ВА-МА, RH 3/v.180, Bl. 27).

¹⁵⁵ Применительно к Житомирскому лагерю и со ссылкой на Л. Б. Берлина такой случай, датированный сентябрем 1941 г., описывает М. Шейнман (1993. С. 467).

¹⁵⁶ Резниченко, 1993. С. 393.

¹⁵⁷ Об этом зашла речь и на допросе Э. Лахузена 30.11.1945 на Нюрнбергском процессе (см.: НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС., 1990. С. 178.)

¹⁵⁸ См.: Малофеев, 2010. С. 239.

¹⁵⁹ Попутно замечу, что в нацистской среде было распространено мнение, культивируемое грузинскими шовинистами и разделяемое некоторыми немецкими «экспертами» в Берлине, что армяне, подобно евреям, были левантийскими торговцами и к тому же, в отличие от грузин, не являлись арийцами. С «научной» точки зрения эта проблема так и осталось без разрешения, а вот с практической ответом явилось то, что обхождение с армянскими военнопленными и беженцами было существенно хуже, чем, например, с грузинскими (см.: DALLIN, 1958. S. 241).

¹⁶⁰ Гриншпун, 1993. С. 128–130.

¹⁶¹ Выражение Б. Н. Соколова. Об эмоциях русских людей, заподозренных или могущих быть заподозренными в еврействе или в укрывательстве евреев см. ниже.

¹⁶² См.: Шульга, 1998. С. 325, со ссылками на: Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 6210 (Фильтрационный фонд). Оп. 1. Д. Оф. 18167. Л. 4–5.

¹⁶³ См.: Шульга, 1998. С. 331, со ссылкой на: Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 6210. Оп. 1. Д. Оф. 10302. Л. 4, 9.

¹⁶⁴ См., в частности, воспоминания А. Резниченко (1993). Впрочем, вопрос об участии лагерных полицаяв расстрелах евреев-военнопленных остается недостаточно исследованным.

¹⁶⁵ ВАВ. R 70. SU, 26. Bl. 1–3.

¹⁶⁶ Krakowski, 1992. P. 229 (см. также: Encyclopedia of Holocaust. Tel Aviv, 1990. P. 1181).

¹⁶⁷ Arad Y. Soviet Jews in the War against Nazi Germany // Yad Vashem Studies. Vol. XXIII. Jerusalem, 1993. P. 125.

¹⁶⁸ Г. М. Зусманович (1899–1944) был заместителем командующего 6-й армии по тылу (командарм — генерал-лейтенант И. Н. Музыченко). Как и многие другие, Зусманович скрывал свою национальность, выдавая себя за украинца и говоря с немцами только по-украински. Был в лагерях в Холме, Нюрнберге, с 1943 — в Вайсенбурге, где осенью 1944 г. умер (Свердлов, 2002. С. 342–344).

¹⁶⁹ АЛБГМАН, 2002. С. 31. Первая оценка принадлежит А. Араду (АРАД, 1990. С. 30), а вторая А. Шнееру (ШНЕЕР. 2003. Т. 2. С. 91). К сожалению, методика их получения в публикациях не раскрыта.

¹⁷⁰ Устное сообщение в ноябре 2004 г. в Иерусалиме.

¹⁷¹ HILBERG, 1999. S. 357.

¹⁷² Otto R. Sowjetische Kriegsgefangene. Neue Quellen und Erkenntnisse // «Wir sind die Herren dieses Landes». Ursachen, Verkauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion / Quinkert B. (Hrsg.). Hamburg: VSA-Verlag, 2002. S. 133.

¹⁷³ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 20, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 28-й армии. Оп. 8423. Д. 84. Л. 141.

¹⁷⁴ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 12, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 65-й армии. Оп. 10510. Д. 113. Л. 22.

¹⁷⁵ Об этом сообщалось в ежедневном бюллетене РСХА «Отчет о событиях в СССР» (Ereignismeldung UdSSR. Nr. 58. 20.08.1941).

¹⁷⁶ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 12–16, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 65-й армии. Оп. 10510. Д. 113. Л. 13, 16, 20, 26, 34–35.

¹⁷⁷ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 8–9 и 33, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 183. Л. 36; Ф. 31-й армии. Оп. 8599. Д. 218. Л. 60–61.

¹⁷⁸ Ploski, 1946. P. 266. Ответственным за их выявление был лейтенант Фридрих Хоффман из абвера, а за их уничтожение унтерштурмфюрер СС Адальберт Бенда (Adalbert Benda), возглавлявший специальное подразделение (так называемая «команда Бенда»). Ш. Краковский указывает на материалы процесса над военными этого лагеря (Krakowski, 1992. P. 224–225, со ссылками на: YVA, TR-10/631; Zentralstelle Ludwigsburg, VI 302, ARZ, Bd. II).

¹⁷⁹ Личное сообщение, 2004. По всей видимости, имеются в виду Форт VII и/или Форт IX, где происходили массовые расстрелы также и гражданского еврейского населения.

¹⁸⁰ VERBRECHEN DER WEHRMACHT..., 2002. S. 239.

¹⁸¹ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 60, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 28-й армии. Оп. 8523. Д. 84. Л. 44–45.

¹⁸² Резниченко, 1993. С. 393.

¹⁸³ VERBRECHEN DER WEHRMACHT..., 2002. S. 154–159. Со ссылкой на: Lagerbericht der Ortskommandatur I/253(V) in Kriwoj Rog v.15.10.1941 (ZStdIV, Dokumentation, UdSSR III, Bl. 779–789).

¹⁸⁴ VERBRECHEN DER WEHRMACHT..., 2002. S. 157. Со ссылкой на: Landesarchiv Schleswig-Holstein, Kiel. Abt. 352. Nr. 2477.

¹⁸⁵ 20.1.1943 некоторые из палаток были захвачены в плен советскими войсками, 16.4.1943 — арестованы и 2.6.1943 преданы суду Военного трибунала своей бывшей части — 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, приговорившего их, по совокупности совершенных преступлений, к расстрелу или длительным срокам в ГУЛАГ (См. сам приговор: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 13. Л. 1–6).

¹⁸⁶ 2-я рота 783-го батальона полиции правопорядка (Landeschutz).

¹⁸⁷ VERBRECHEN DER WEHRMACHT..., 2002. S. 245. Против капитана Гарбе (Garbe) и фельдфебеля Кемпфа (Kempf) было возбуждено дело, и в 1967 г. в Ганновере состоялся суд (Krakowski, 1992. P. 223–224, со ссылками на: YVA, TR-10/689, TR-19/1184Z).

¹⁸⁸ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 58, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 19. Л. 73.

¹⁸⁹ Из письма автору от 13.06.2003.

¹⁹⁰ Krakowski, 1992. P. 227, со ссылкой на оперативный отчет № 132 АК 4а от 12.11.1941. При этом существенно указание на сравнительно небольшое — по сравнению с еврейскими жертвами — число ликвидированных за это время политработников, активных коммунистов, саботажников и т.д.

¹⁹¹ BARTNICZAK, 1978. P. 66–67, 85.

¹⁹² ДАТНЕР, 1964.

¹⁹³ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 79. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 19. Л. 38. Расстрел производился 19.10.1941, причем непосредственно в лагере, на глазах у остальных 300 военнопленных.

¹⁹⁴ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 77, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 39-й армии. Оп. 9087. Д. 138. Л. 3.

¹⁹⁵ ГОЛУБКОВ, 1958.

¹⁹⁶ См. ниже.

¹⁹⁷ См. акт ЧГК о злодеяниях оккупантов в Курском районе Ставропольского края от 19.07.1943 (ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 2–2 об.).

¹⁹⁸ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 80–81, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 68-й армии. Оп. 3064. Д. 105. Л. 42.

¹⁹⁹ АЛЬТМАН, 2002. С. 301.

²⁰⁰ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 48, 58.

²⁰¹ Из письма автору.

²⁰² Он родился в Иране, его детство прошло в Баку. В мае 1942 г. он попал в плен под Харьковом, прошел через различные дулаги и шталаги на Украине, в Польше и в Германии, пока не попадает в июне 1943 г. в Райхенау. Отсюда он бежал в Швейцарию, где до конца войны содержался в лагере для интернированных. После войны работал переводчиком при советской репатриационной миссии в Швейцарии и Лихтенштейне. В конце 1945 г. он вернулся в СССР, а через год, в декабре 1946 г. был арестован СМЕРШ и осужден особым совещанием по статье 58.1 к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, а после повторного осуждения — еще к 15 годам! В 1955 г. освобожден и был сослан в Караганду на поселение. Ныне проживает в Переславле-Залесском (см.: АСТАХОВ, 2005).

²⁰³ АСТАХОВ, 2005. С. 73–75.

²⁰⁴ БЕДНЯЕВ Г. Операция «Оскол». Нижний Новгород, 1999. С. 13. Самого Бедняева как политработника не разоблачили лишь потому, что из-за плохой интендантской службы у него не было ни алых металлических звездочек на пилотке, ни матерчатых звезд на левом рукаве гимнастерки. А по четыре треугольника в каждой петлице носили, кроме замполитов, еще и старшины.

²⁰⁵ АНДРЕЕВ П. Война глазами солдата. Шарья, 2002. С. 25–26.

²⁰⁶ Терентьев И. Воспоминания. (В архиве автора.)

²⁰⁷ Малофеев, 2010. С. 239.

²⁰⁸ Копылов Н. Р. Мои скитания // Пожившие в Гулаге: Сборник воспоминаний / Сост. А. И. Солженицын. М.: Русский путь, 2001. С. 224.

²⁰⁹ СОКОЛОВ, 2000. С. 71, 57–58.

²¹⁰ Резниченко, 1993. С. 392.

²¹¹ АНВАЕР, 2005. С. 20–21.

²¹² Шейнман, 1993. С. 465.

²¹³ См. свидетельство ст. лейтенанта С. Гриншпуна в письме к И. Эренбургу (Гриншпун, 1993. С. 130; письмо опубликовано также в: Krakowski, 1992. P. 228–229). Название лагеря не приводится.

²¹⁴ Свидетельство бывшего солдата-красноармейца и еврея Эриха Шлехтерера, взятого в плен в августе 1941 под Харьковом (Jacobsen, 1967. S. 229–230. Dok. 40).

²¹⁵ КОТЛЯР Л. И. Моя солдатская судьба (неопубликованная рукопись).

²¹⁶ Тутов, 2010. С. 154–155.

²¹⁷ С. Анваер (см. выше) и М. Шейнман (1993. С. 465) сообщают это применительно к лагерям в Рославле и Житомире, а А. Резниченко (1993. С. 393) — в Хороле. А. Резниченко описывает случай, когда разоблаченного еврея опустили вниз головой в чан с горячей баландой и несколько минут держали так за ноги. После чего чан опрокинули, и обезумевшая толпа бросилась к луже с мертвецом слизывать и сгребать остатки этого пойла.

²¹⁸ БОНДАРЕЦ, 1960. Сама по себе селекция в строю со спущенными штанами происходила с каждым новым транспортом и в Славуте (Шейнман, 1993. С. 466).

²¹⁹ Тут немцы, видимо, просчитались: многие военнопленные, особенно русские, резонно воспринимали расправу над евреями не иначе как первый этап: мол, расправятся с евреями, примутся за русских.

²²⁰ АЛБГМАН, 2002. С. 302, с отсылкой на Центральный государственный архив общественных организаций Украины: Ф. 2. Оп. 23. Д. 525. Л. 25.

²²¹ Случаи сравнительно продолжительной работы военврачей-евреев в шталагах зафиксированы и в картотеке ЦАМО (см. Приложение 2).

²²² Возможно, это связано с массовой отправкой в это время на фронт необученных евреев-добровольцев. Для сравнения: из 23 бывших советских военнопленных-евреев, зарегистрированы при Московской Ассоциации узников фашистских концлагерей, 14 попали в плен в 1941 г., по 2 — в 1942 и 1943 гг. и 4 — в 1944–1945 гг. (Марьяновский, Соболев, 1997. С. 33).

²²³ См.: STREIM, 1981. S. 71–72.

²²⁴ Dok. NO-3422. См.: STREIM, 1981. S. 72. Интересно, что получатели приказов № 8 и 14 обязывались их по ознакомлении уничтожить.

²²⁵ Для убедительности и научности прилагался еще и составленный в министерстве обзор народов и народностей СССР (STREIM, 1981. S. 72).

²²⁶ См.: Jacobsen, 1967. S. 226.

²²⁷ См.: Jacobsen, 1967. S. 228.

²²⁸ Родился в Ростове 29.08.1908.

²²⁹ ЦАМО, № 110730 (сообщено Р. Келлером).

²³⁰ Оба они попали в плен практически в один день (23–24.07.1941), оба прошли через одни и те же лагеря, где вне всякого сомнения были знакомы (дугаг 202, откуда они были отправлены — 8 и 18 марта 1942 — в шталаг XVII А, а уже оттуда в Маутхаузен). Еще одна «пара» в этой выборке — капитан Бовшевер и врач Абрамович, почти параллельно прошедшие через шталаг III В (12.11.1943 и 16.11.1943) и вместе переданные в Заксенхаузен 03.02.1944. Третья «пара» — врачи Аген и Гриц, 21.10.1942, оба переведенные

в шталаг III В, а 12.01.1943 — переданные через гестапо г. Фюрстенберга-на-Одере в Заксенхаузен.

²³¹ Неточность. Правильно: Sicherheitsdienst (Служба безопасности).

²³² СОКОЛОВ, 2000. С. 144–148.

²³³ Из письма автору от 13.6.2003.

²³⁴ ПОЛЯН, 1996. С. 298 и 312.

²³⁵ Иные из них после фильтрации даже попадали в спецлагеря НКВД, как, например, Михаил Израилевич Фрейдин, 1918 г.р., уроженец Глухова и житель Конотопа: он служил солдатом в неназванном немецком войсковом формировании, за что, по заключению следователя СМЕРШ Нозурачева, и угодил в спецлаг Фюрстенвальде (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 604. Л. 119).

²³⁶ БРУЖЕСТАВИЦКИЙ, 2006.

²³⁷ Цит. из видеointервью, данного Фонду С. Спилберга 18.11.1997.

²³⁸ АЛБТМАН, 2002. С. 302.

²³⁹ КОТЛЯР Л. И. Моя солдатская судьба (неопубликованная рукопись).

²⁴⁰ В частности, фимоз — патологическое сужение отверстия крайней плоти, не позволяющее обнажить головку полового члена. См. ниже случай Губермана.

²⁴¹ См. Приложение 1.

²⁴² Род. 09.05.1922 в д. Верещаки Горьковского р-на Могилевской обл.

²⁴³ Видеointервью Фонду С. Спилберга от 04.05.1998. Тем не менее в том, что он еврей, он все же признался нескольким вызывавшим его доверие людям, в том числе немецкому пастору-фельдфебелю.

²⁴⁴ См. Приложение 1.

²⁴⁵ Из письма автору от 13.06.2003.

²⁴⁶ АНВАЕР, 2005. С. 19–21.

²⁴⁷ См. Приложение 1. Тут мы расходимся с оценкой А. Шнеера, утверждающего, что славянские идентичности были не столь популярны и брались лишь тогда, когда военнопленный-еврей не имел ярко выраженных еврейских черт.

²⁴⁸ Д. Б. Ломоносов сообщает о еврее-москвиче Михаиле, попавшем в плен летом 1944 г. Выучив в эвакуации узбекский язык, он и назвал себя при регистрации Михаилом Ходжаевым, узбеком. Бывшие в лагере настоящие узбеки говорили с ним по-узбекски и не выдали его (Ломоносов Д. Б. Исповедь узника гитлеровских лагерей // Военно-исторический архив. 2002. № 11).

²⁴⁹ ШНЕЕР, 2003. Т. 2. С. 172–181.

²⁵⁰ Имел боевые награды — орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Сталинграда».

²⁵¹ Семейный архив С. И. Липкина. См.: Нерлер П. Последняя воля. На смерть поэта Семена Липкина, прожившего тяжелую и долгую жизнь // Еврейская газета (Берлин). Июнь 2003. С. 32.

²⁵² Черненко, 1997. С. 22.

²⁵³ До дня побега 04.11.1943 он проработал в шталаге Белая Церковь фельдшером Конжаровым. См. его письмо И. Г. Эренбургу от 10.05.1944, отправленное с фронта в Румынии (СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ ПИШУТ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ..., 1993. С. 135–136).

²⁵⁴ Родился 20.07.1922 в Мелитополе, среднюю школу окончил в Симферополе. В 1939–1941 гг. — студент ИФЛИ. С 09.08.1941 г. — в Красной армии: в составе 147-й стрелковой дивизии 62-й армии воевал на Сталинградском фронте (радист и зам.политрука роты). 09.05.1945 он был освобожден войсками 1-го Украинского фронта. Снова был призван в армию и снова служил радистом (под своим именем). Как студент вуза демобилизован в октябре 1945. В 1949 г. окончил истфак МГУ, распределился в Тверь, где с тех пор и живет, работал в сфере культуры. В 1967–1983 гг. — директор Калининского обл. краеведческого музея, а в 1978–1983 гг. — генеральный директор Калининского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея. В 1998 г. написал «Воспоминания бывшего директора музея (1967–1983)», в составе которых две подробные главы посвящены плену (см. Бружеставицкий, 2006).

²⁵⁵ Ср. в его воспоминаниях: *«Еще одна деталь: издавна товарищи называли меня “Бружа”, укоротив фамилию. Эта кличка прицепилась ко мне и переходила со мной из школы в ИФЛИ, из ИФЛИ в Красную армию, в Красной армии из части в часть, потом в плен и, по существу, превратилась в фамилию».*

²⁵⁶ Там был специальный изолированный холм, где содержались перед казнью евреи.

²⁵⁷ Бружеставицкий, 2006. С. 116–117.

²⁵⁸ Как слабосильного, его отдали к крестьянину Вернеру Венку, у которого он и проработал до освобождения. Убегать не было сил и было некуда.

²⁵⁹ Несколько таких случаев описаны в книге А. Шнеева: например, истории Елены Воротчик и Якова Мейлаха или Ванды Можейко и Исаака Ривкинда (ШНЕЕВ, 2003. Т. 2. С. 191–195).

²⁶⁰ Шейнман, 1993. С. 468.

²⁶¹ Сообщена его сестрой, Ж. И. Гольденфельд (Иерусалим). Зауряд-врач — формально не доучившийся медик, как правило, выпускник 4-го курса мединститута.

²⁶² Родился 14.05.1923 в Ростове. Уже 3 июля 1941 г., будучи 18-летним первокурсником Ленинградского технологического института, вступил добровольцем в Красную армию (ополчение). После принятия 30 июля военной присяги служил рядовым в 1-м стрелковом полку 3-й Фрунзенской дивизии.

²⁶³ Об этом лагере М. Шейнман пишет, что немцы выявляли в нем евреев через свою агентуру (Шейнман, 1993. С. 467).

²⁶⁴ См.: Вигдоров, 2006. С. 304–305. В 1944 г. лагерь эвакуировали в Рейх, и Вигдоров попал в Висбаден-Бибрих, где работал на кирпичном заводе Didier-Werke. Освобожден был 28.03.1945 в Аллендорфе-на-Лунде, находился в лагере для перемещенных лиц в г. Гиссен, и уже в июне был переведен в Магдебург, откуда вновь призван в армию (16 запасной полк), а затем в 10 отдельном рабочем батальоне — работал чернорабочим в тресте «Копейск-уголь», прошел фильтрацию при Копейском горотделении НКВД. На родину вернулся 29.08.1945. В сентябре 1946 г. был восстановлен (по суду) студентом ЛТИ им. Ленсовета, проходил повторную фильтрацию в Управлении НКВД г. Ленинграда и области. В аспирантуру поступил с 3-й попытки и в порядке исключения — за выполнение архисложного задания в г. Березники.

²⁶⁵ 9.05.1945 освобожден Красной армией; вновь призван и служил минометчиком, уже под своим настоящим именем. В мае 1946 г. демобилизовался и приехал к родителям, которые вернулись из эвакуации и жили в с. Пено Калининской обл. Поступил на заочное отделение педагогического института. Работал учителем математики, 17 лет — директором школы рабочей молодежи и еще 11 лет — завучем средней школы. После войны 3 раза вызвали на допрос в КГБ (один раз еще в армии и дважды, когда работал учителем), но в целом — власть его не очень-то прижимала.

²⁶⁶ Личное сообщение, 2004.

²⁶⁷ Записано с его слов в 1997 г. в Бад-Киссингене (Германия).

²⁶⁸ Бауман, 1991. Еще один случай: Давид Яковлевич Гелевский, жил и работал под вымышленной фамилией Иван Андреевич Пустовой, что само по себе стало препятствием для получения им гуманитарного урегулирования из Германии (см.: Букалов, 1996. С. 157).

²⁶⁹ Krakowski, 1992. P. 228, со ссылкой на: YVA, 03/4018.

²⁷⁰ Krakowski, 1992. P. 228, со ссылкой на: YVA, Testimony Abugov.

²⁷¹ Якова Самойловича Кагаловского судьба, проведя по 16 лагерями, к концу войны привела во Францию.

²⁷² Бурение всухую двухметровым бурами, от скальной пыли невозможно было дышать; расчистка тоннелей после проходческих взрывов — грузить щебень на вагонетки, большие глыбы разбивать.

²⁷³ Первым с ними связался Шведский Красный Крест: лекарства, питание. До августа они окрепли, поправились, их одели в английскую форму.

²⁷⁴ Запись в архиве автора. К сожалению, попытки восстановить источник записи пока ни к чему не привели.

²⁷⁵ МЕНЬШАГИН Б. Г. Воспоминания о пережитом. 1941–1943 гг. (Неопубликованная рукопись).

²⁷⁶ Так называемая «спорка» (см.: СОКОЛОВ, 2000. С. 39–40).

²⁷⁷ Письмо автору, 2002 г.

²⁷⁸ Ряд таких случаев описывает и А. Шнеер (2003. С. 185–196).

²⁷⁹ Освободили их американцы и передали советской миссии. В сборном репатриационном пункте Цирюльников поработал месяца 2–3. Потом — проверочный пункт, две недели фильтрацию, там он и заявил о своей фамилии. Снова его мобилизовали, и в Пуркендорфе под Веной он служил еще год. Летом 1946 г. его перевели в Венгрию, потом в Румынию и Молдавию, где он и демобилизовался.

²⁸⁰ КОТЛЯР Л. И. Моя солдатская судьба (неопубликованная рукопись).

²⁸¹ Она же — Александра Соломоновна Суровская, родилась в 1926 г. в г. Мстиславле Могилевской области; после войны переселилась в Москву.

²⁸² Вот окончание ее письма: «В 46 г. я завербовалась в Ленинград на завод. Притеснения я не замечала, относились хорошо. В 1949 г. переехала в Москву. Здесь жили родственники и брат. Родные не разглашали, что я была в оккупации. Боялись и в тайне от меня уничтожили все документы и фото. Извините если я что не так написала. Очень трудно все ворошить. Всего доброго, дай Бог не знать всего этого, что мы пережили».

²⁸³ См.: Idsikowskaja, 1995.

²⁸⁴ МАЛОФЕЕВ, 2010. С. 254.

²⁸⁵ Марьяновский, Соболев, 1997. С. 30–31.

²⁸⁶ Krakowski, 1992. P. 228, со ссылкой на: YVA, 033C/959.

²⁸⁷ Андреев А. Все круги ада. Советские военнопленные во Второй мировой войне // Независимая газета. 1999. 7 мая.

²⁸⁸ См.: ИВАНЦОВ Д. Во власти безумия: Воспоминания. Новозыбков, 1980. С. 53, 57, 60. Напрямую автор не называет ни национальности Минца, ни обстоятельств, вызвавших появление его псевдонима, что связано, скорее всего, со временем выхода этих воспоминаний в свет.

²⁸⁹ Эта деятельность в лагере помогла ему пройти через послевоенную фильтрацию без осложнений.

²⁹⁰ Видеоинтервью Фонду С. Спилберга от 04.05.1998. Он, в частности, оказывал помощь участникам побегов (обувью, задержкой доклада о побеге и т.п.). Во главе подпольной организации в этом шталаге стоял Степан Павлович Злобин, впоследствии описавший эту деятельность в романе «Пропащие без вести».

²⁹¹ Подробнее см. в главах: «Чернорабочие смерти: зондеркомандо в Аушвице-Биркенау» и «Возвращение в тему: Россия и историографические парадоксы глобального исследования Холокоста» в настоящем издании.

²⁹² См.: Jacobsen, 1965. Dok. 23. S. 198.

²⁹³ Во главе гражданской администрации в Одессе был поставлен профессор Георги Алексяну.

²⁹⁴ АЛБГМАН, 2002.

²⁹⁵ Dutu, Dobre, Loghin, 1999. P. 329–341. Сведения без указания источника в данном подразделе восходят к этой публикации.

²⁹⁶ Для сравнения: англо-американских пленников было 1100 чел.

²⁹⁷ Небольшая коллекция, посвященная советским военнопленным в Румынии, имеется в РГВА. Это фонд 1512 «Румынские концлагеря для советских военнопленных», состоящий из одной описи и 40 единиц хранения. Материалы, датированные временем с 1941 по 1944 г., охватывают следующие 12 номерных румынских шталагов, но и их список все же несколько отличается от сети, описанной румынскими историками: № 1. Слободзия-Ялоница; № 2. Фельдиора-Брашов; № 3 Галац (лагерь «Индепенденца», или «Независимость»); № 4. Васлуй; № 5. Тирасполь (Бессарабия); № 6. Дорнешты; № 7. Бельун (Бессарабия); № 8. Болград (Бессарабия); № 9. Вулкан; № 10. Александрия; № 11. Тирасполь (Бессарабия); № 12. Тимишоара.

²⁹⁸ См.: ЛЕВИНСКИЙ, 2005. Это обстоятельство, равно как и отсутствие большого лагеря Будешти в официальном перечне румынских лагерей, а также то, что в январе–феврале 1942 всех уцелевших к этому времени начали спешно вывозить из Будешти в Австрию, то есть в Рейх, заставляет задуматься, а не являлся ли этот лагерь частью не румынской, а немецкой транзитной инфраструктуры для военнопленных, даром что на румынской территории?

²⁹⁹ ЛЕВИНСКИЙ, 2005.

³⁰⁰ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2772. Д. 30. Л. 281–286 (цит. по фотокопии, хранящейся в USHMM).

³⁰¹ О том, как начальство лагеря «Фельдиора» готовилось к таким посещениям, см. в упомянутом Акте.

³⁰² ПОЛЯН, 2002. С. 489, со ссылкой на: ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175.

³⁰³ Dutu, Dobre, Lokhin, 1999.

³⁰⁴ Это подтверждается и данными финских архивов, в частности, Военного архива (см. в письме М. Янзена Н. Малышевой и А. Войкову от 29.08.2003).

³⁰⁵ ДУГАС, ЧЕРОН, 1994. С. 59, со ссылкой на: ROSCHMANN ДУГАС, ЧЕРОН, 1994. С. 59, со ссылкой на: ROSCHMANN Н. Gutachten zur Behandlung und zu den Verlusten sowjetischer Kriegsgefangener in deutscher Hand von 1941–1945 und zur Bewertung der sogenannten «Documents NOKW 2125» (Nachweisung des Verbleibs der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stande vom 1.5.1944). — Ingolstadt: Zeitgeschichtliche Forschungsstelle Ingolstadt, 1982. 54 s. По советским данным, число репатриированных военнопленных практически совпадает: 42 778 чел. (см табл. 5.6.1). За время боевых действий финская сторона потеряла 60 тыс. убитыми и всего 3,4 тыс. пленными, из них 1,4 тыс. (или 41,1% — тоже чудовищная цифра!) умерли в плену (Малми, 1996. С. 134). Еще несколько цифр для сравнения: число убитых и умерших во время санитарной эвакуации в 1939–1940 гг. — 65 384 чел., а число пропавших без вести (читай: пленных) — 19 610 чел.; из них репатриировалось — 5468 чел. при 99 добровольно в Финляндии оставшихся (ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ, 1993. С. 99–100).

³⁰⁶ См.: ПОЛЯН, 2003. С. 489.

³⁰⁷ Малми, 1996. С. 134. См. также: Галицкий В. П. Репатриационная политика советского правительства во второй мировой войне и после нее // ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА. Красногорск, 1996. С. 110–112.

³⁰⁸ Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. 1995. № 12. С. 101.

³⁰⁹ ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ, 1993. С. 99–100.

³¹⁰ Существенно все же заметить, что такого рода передачи касались не только евреев, но и других военнопленных. Общее количество переданных составляло около 2958 чел. (см.: Spiegel, 2003. Nr. 48).

³¹¹ Первая партия состояла из 7 человек, при этом известны имена трех из них: это парикмахер и «агитатор» Залман Кузнецов, преподаватель марксизма-ленинизма и полковой комиссар Александр Малкис и др., портной и «агитатор» Хаим Ошеревич Лев.

³¹² Личное сообщение, 2004.

³¹³ Черненко, 1997. С. 22.

³¹⁴ Записано с его слов в 1997 г. в Бад-Киссингене (Германия).

³¹⁵ Марьяновский, Соболев, 1997. С. 33.

³¹⁶ Видеоинтервью Фонду С. Спилберга от 04.05.1998.

³¹⁷ После этого допроса Кубланова отправили в отдел кадров Ярославского шинного завода, где определили работать слесарем-сантехником. И только в марте 1947 ему впервые разрешили уехать из Ярославля в отпуск к матери в Караганду, где она жила в эвакуации. А в августе 1948 он переехал в Феодосию, где у него была семья — жена и дочь: в сентябре 1948 он устроился на работу в автопарк, где и проработал 40 лет.

³¹⁸ См.: ПОЛЯН, 2002. С. 90.

³¹⁹ Он затрагивает компетенцию РФВП, тогда как случай Ф. Гисина — компетенцию ЖСС.

³²⁰ Кроме того, Вигдоров резонно указал и на юридическую слабость «Положения». В перечне категорий лиц, не имеющих права на получение компенсации, — добровольные уехавшие на работу в Германию, в том числе и уехавшие с ними дети, а также лица, совершившие преступления против Родины или человечества. Военнопленных же в этом перечне не имеется.

³²¹ Хотя лично и могу засвидетельствовать крайне низкий уровень информированности об этой материи первого председателя РФВП В. А. Князева. Своими личными достижениями в самообразовании (первая половина 1999 года) он обязан исключительно инициативе еврейских жертв принудительного труда и их американских адвокатов, благодаря которым в атмосфере неожиданно запахло новыми и довольно большими деньгами.

³²² Архив А. С. Вигдорова.

³²³ Архив С. Ташьяна.

³²⁴ См.: ПОЛЯН, 2002. С. 606–612.

³²⁵ Поразительно и вместе с тем симптоматично то, что ознакомиться с этой «буквой» текстуально — практически невозможно, так как сами по себе тексты соглашений между «Claims Conference» и правительством ФРГ содержатся в тайне.

³²⁶ Генерал-фельдмаршал Эвальд Клейст (1881 — 21 ноября 1942 г.) — главнокомандующий группы армий «А». Был передан в СССР 06.03.1949 из Югославии, где в августе 12948 был осужден к 15 годам лишения свободы за военные преступления на ее территории. 21.2.1952 Военная коллегия Верховного суда СССР на основании статьи 2.3б Закона № 10 Контрольного совета в Германии и статьи 1 УПВС от 13.4.1943 приговорила Клейста за совершенные им преступления по совокупности к 25 годам лишения свободы, считая от 6.3.1949.

³²⁷ В том числе 1500 детей (АЛЬГМАН, 2002. С. 274, со ссылкой на: Оперштейн Т. Евреи Таганрога. Таганрог, 1999. С. 92).

³²⁸ Свидетельство рабочего кожзавода Михайлова (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 40. Д. 11. Л. 3, 4, 55).

³²⁹ АЛЬГМАН, 2002. С. 274.

³³⁰ Саенко, 2006. Печатается по оригиналу. ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 40. Д. 632. Копия дневника имеется также в Государственном архиве Ростовской области.

³³¹ Операция проводилась войсками Южного (до 28.07.42), Северо-Кавказского и Закавказского фронтов при содействии сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Она состояла из Тихорецко-Ставропольской, Армавирско-Майкопской, Новороссийской, Моздок-Малгобекской, Туапсинской и Нальчикско-Орджоникидзевской фронтовых оборонительных операций, в которых участвовало 603 200 чел. боевого состава, из них на потери пришлось 373 911 чел, в том числе 192 791 чел., или 31,9%, — безвозвратные потери (РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА... С. 279–280).

³³² Линия фронта остановилась почти что перед Грозным (район Карпинского кургана), но на территорию Чечено-Ингушской АССР враг так и не

проник (за исключением г. Малгобека, в то время заселенного нечеченским населением).

³³³ Операция проводилась войсками Закавказского, Южного и Северо-Кавказского фронтов при содействии сил Черноморского флота. Состояла из Сальской, Моздок-Ставропольской, Новороссийско-Майкопской и Тихорецко-Ейской фронтовых наступательных операций. В них принимало участие 1 145 300 чел. боевого состава, в том числе на потери пришлось 154 539 чел, из них 69 627 чел., или 6,1% — безвозвратные потери (РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА... С. 279–280).

³³⁴ До этого ее штаб размещался последовательно в Николаеве и Симферополе.

³³⁵ СТАВРОПОЛЬЕ — ПРАВДА ВОЕННЫХ ЛЕТ..., 2005. Док. № 19, со ссылкой на: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 26–27.

³³⁶ См. выписку из протокола № 153 заседания Бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б) и Исполкома Крайсовета депутатов трудящихся от 10.2.1942 (ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 29. Л. 70–71).

³³⁷ См. выписку из протокола № 153 заседания Бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б) и Исполкома Крайсовета депутатов трудящихся от 10.02.1942 (ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 29. Л. 70–71).

³³⁸ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 29. Л. 70–71.

³³⁹ СТАВРОПОЛЬЕ — ПРАВДА ВОЕННЫХ ЛЕТ..., 2005. Док. № 23 и 24, со ссылкой на: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 23 и 29.

³⁴⁰ Территория современного Ставропольского края подверглась почти полной оккупации, продолжавшейся в общей сложности более 5,5 месяцев — со 2.8.1942 года по 21.1.1943.

³⁴¹ СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД..., 2000. С. 8–9, Док. № 1.

³⁴² ЛИНЕЦ, 2003. С. 92.

³⁴³ См. об этом также: АЛБГМАН, 2002. С. 272–287.

³⁴⁴ СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД..., 2000. С. 8–9 (док. № 1).

³⁴⁵ СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД..., 2000. С. 21–22 (док. № 7).

³⁴⁶ ЛИНЕЦ, 2003. С. 92.

³⁴⁷ АЛБГМАН, 2002. С. 273.

³⁴⁸ См. главу «*Сумевшие уцелеть: горские евреи на Северном Кавказе*» в настоящем издании.

³⁴⁹ ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 1–85, Л. 60–61, где число убитых и замученных — 31 615 чел.

³⁵⁰ АЛБГМАН, 2002. С. 276–281. К этой же оценке без единого комментария присоединяется и Е. А. Войтенко (ВОЙТЕНКО, 2005. С. 162–167).

³⁵¹ В разработке материалов ЧГК по Ставрополью и оценке еврейских жертв участвовал В. Бельгран.

³⁵² По устному сообщению профессора В. Дымшица, отнесение варташенских евреев к горским неточное: они образуют самостоятельную группу неашкеназского еврейства, восходящую к ширванским (персидским) евреям и более нигде на территории СССР не представленную.

³⁵³ Устное сообщение М. С. Куповецкого.

³⁵⁴ После освобождения эти поселения оказались в составе Ставропольского края.

³⁵⁵ См.: ГОРСКИЕ ЕВРЕИ: история, этнография, культура, 1999. С. 89. 15 колхозников-мужчин были расстреляны 1 марта 1942 г. в Феодосии, а 4 марта еще 98 чел. были казнены полевой жандармерией и СД прямо на месте.

³⁵⁶ См. полный список из 75 имен: ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–4 об. Среди убитых — семейства Розиева, Соломонова, Нусуева, Насимова, Гилядова, Измаилова и др.

³⁵⁷ Детям, согласно отчетам ЧГК, смазывали губы неустановленным веществом. Загадка этого способа умерщвления детей (по всей видимости, стрихнином) до сих пор не разгадана: никаких инструктивных материалов с такого рода предписаниями в немецких архивах не обнаружено. Тем не менее игнорировать немалочисленные свидетельства тоже нельзя: кроме Ставрополя, этот или сходный способ детоубийства (например, пропитанные ядом марлевые повязки) применялся в Ростове и Каменске-Шахтинском, Элисте и Керчи. См.: АЛБГМАН, 2002. С. 275, 276, 378, 387).

³⁵⁸ Кишеевы, Шамилевы, Мордахаевы, Мотаевы и др. — всего 348 чел., согласно списку (ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 5–9).

³⁵⁹ СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД., 2000. С. 81–82, со ссылкой на: ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 359. Л. 13–15, 20.

³⁶⁰ См. также интервью 1995 г. с Н. П. Болдыревым, главой Богдановской сельской администрации, в отчете о Терско-Кульской экспедиции СГПУ (Ставропольский государственный педагогический университет, ныне Ставропольский государственный университет). В задачи экспедиции входил сбор информации о ситуации в восточных районах края во время ВОВ (Ставропольский государственный объединенный музей им. Прозрителева. Ф. 231. Оп. 1. Д. 118. О. ф. 28949. Л. 30).

³⁶¹ Feferman K. Nazi Germany and Mountain Jews: was there a policy? // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. № 1. P. 112, fn. 57.

³⁶² Акт о гитлеровских злодеяниях на хуторе Русский Первый Моздокского р-на Орджоникидзевского края от 7.1.1943 (ЦАМО. Ф. 51. Оп. 958. Д. 52. Л. 51).

³⁶³ АЛБГМАН, 2002. С. 284.

³⁶⁴ Благодарю Е. Войтенко (Ставрополь) и А. Пуциева (Владикавказ), но в особенности М. Куповецкого (Москва) за помощь в уточнении этого вопроса.

³⁶⁵ До войны Т. Оберлендер был профессором университетов в Данциге, Кенигсберге и Грайфсвальде. В 1943 г., после увольнения из вермахта, он некоторое время был профессором в Пражском университете. После войны на государственной службе: госсекретарь правительства Баварии (1950–1953) и федеральный министр по делам изгнанных, беженцев и пострадавших от войны.

³⁶⁶ См. также: Löwenthal R. The Judeo-Tats in the Caucasus // Historica Judaica. 1952. Vol. XIV. P. 61–82; Dallin, 1958. S. 259. Интересно, что того же мнения придерживался и генерал СС Кестринг, курировавший армию Власова и все добровольные соединения вермахта и СС, частично состоящие из советских граждан. Свою позицию он аргументировал тем, что горские евреи

в царской армии имели право служить офицерами, что категорически не допускалось по отношению к остальным евреям (см.: Herwarth Hans v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt am Main, 1989. S. 270 ff.).

³⁶⁷ Пестерер, в передаче Поппе, якобы сказал: «Нас не интересует их комическая религия. Если они хотят следовать еврейской вере, не наше дело. Мы против только этнических евреев» (POPPE N. Reminecences / Ed. By Henry G. Schwarz. Bellingham, Wash.: Western Washington University, 1983. P. 166). См. в пересказе также: ЧЛЕНОВ М. Кто такие – эти «горские евреи»? // Горские евреи... С. 10–11.

³⁶⁸ Сохранились его дневники и письма жене (благодарю профессора Э. Оберлендера, сына Т. Оберлендера, за это и другие ценные сообщения).

³⁶⁹ О посещении Биркампом района Нальчика и горских евреев сообщается в письме Бройтигама Розенбергу от 26.12.1942 (Wachs, 2000. S. 1212, со ссылкой на: Bundesarchiv Koblenz (BA), R 6/65, Nr. 233; ZStI 213 AR 1899/66).

³⁷⁰ Wachs, 2002. S. 120.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 90–94 (благодарю Я. Златкис, обратившую мое внимание на это дело).

³⁷² Там же. Л. 1.

³⁷³ Там же. Л. 18.

³⁷⁴ Там же. Л. 75–76.

³⁷⁵ Там же. Л. 88–89.

³⁷⁶ Там же. Л. 97.

³⁷⁷ См. решение Комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных на территории Северо-Осетинской АССР за контрреволюционные преступления, от 14.7.1954 г.

ПОСРЕДИ ПРЕИСПОДНЕЙ: ЗАЛМАН ГРАДОВСКИЙ И ЗОНДЕРКОММАНДО

И в конце тоже было слово... (о Залмане Градовском и его записках)

*«...Последние евреи догорали.
Сияло небо, словно высший Зритель
Хотел полюбоваться на Конец».*

(И. Каценельсон.
Сказание об истребленном народе)

*«Холокост нельзя рассматривать <...> как
большой погром, как случай, когда история
в своем движении поскользнулась. Никуда не
 деться, приходится рассматривать Освенцим
как последнюю станцию, на которую Европа
прибыла после двух тысячелетий построения
этической и моральной культуры...»*

(И. Кертеш. Из Нобелевской речи¹)

«Дорогой находчик, ищите везде!..»

(З. Градовский. Письмо из ада)

1

Залман (Залмен²) Градовский родился в 1908 или 1909 году в польском городе Сувалки недалеко от Белостока. Его отец, Шмуэл Градовски, владел магазином одежды на улице Лудна. Он обладал очень хорошим голосом и служил кантором главной городской синагоги, а также учителем талмуда. Мать, Сорэ, — скромная, гостеприимная женщина. Ее дед, раввин Авром-Эйвер Йоффе, был выдающимся знатоком и толкователем Закона (гаоном) и почтенным талмудистом, автором книг «Махазе Авраам» («Видение Авраама»), а отец — Йегуда Лейб — автором другого толкования «Эвен Лев» («Камень сердца»), выпущенных в Вильно в 1900 году³.

Все три сына — Залман (Хаим Залман), Авром-Эйвер и Мойше — учились в ломжинской ешиве, двое старших занимались и общественной работой, были лидерами в молодежных организациях (в частности, в Союзе «Слава Юношей Сувалок»). Залман участвовал и

в объединении, снабжавшем еврейских солдат польской армии, служивших в Сувалках.

Залман получил еврейское и общее образование, знал европейские языки и европейскую литературу, много читал на идиш и польски⁴. У него была явная склонность к писательству: уроженец Сувалок, он писал на белорусско-литовском диалекте идиш⁵. Градовский обладал волевым и амбициозным характером, был физически силен и, в то же время, необычайно сентиментален.

Незадолго до начала Второй мировой Градовский женился на Соне Апфельгольд⁶, портновской дочке из местечка Лунно под Гродно, с которой случайно познакомился в Лососно около Гродно. На фотографии, сделанной, видимо, вскоре после свадьбы, у обоих (но особенно у Залмана) нежное выражение лица, какое только и бывает у молодоженов, еще не познавших ни счастья, ни морщин родительских чувств, но уже полностью приутожившихся к ним. Соня хорошо пела, и ее глубокий грудной голос, украшавший молитву, совершенно созрел и для колыбельных.

Но когда разразилась война и Сувалки оказались под угрозой немецкой оккупации, то было уже не до детей: молодые сочли за благо стать беженцами и перебраться к свекру — в Лунно, сулившее им безопасность. Местечко находилось в 40 км к юго-востоку от Гродно и находилось не под немцами, а под Советами⁷.

Лунно расположилось на удивление живописно — на берегу Немана и в окружении лесов. Оно как бы срослось в одно целое с другим местечком — Воля, отчего их иногда и воспринимали и называли как синонимы, а иногда и объединяли топонимически (Лунно-Воля)⁸.

Славилось местечко своими сапожниками и портными, да еще частыми пожарами. Событиями всемирно-исторического значения летопись Лунно не перегружена: в 1812 году через него на восток прошла армия Наполеона, а в Гражданскую войну веком позже на короткое время здесь стоял со штабом Лев Троцкий.

Перед войной в Лунно насчитывалось около 2 тыс. жителей, большинство — около 300 семей — евреи. В целом местечко было из бедных, но Апфельгольды были одними из самых зажиточных: тестю Градовского, портному по основной профессии, принадлежали также продуктовый магазин и лавка канцелярских товаров.

Сам Градовский работал здесь конторским служащим, но, ощущая в себе и литературное призвание, и тоску по Земле Обетованной, писал возвышенные статьи о своей любви к Сиону. Его зять — писатель-коммунист Довид Сфард⁹ (кстати, единственный из всей семьи, кто, подавшись в Москву, уцелел!¹⁰) — вспоминал позднее об идеологических спорах с Градовским и о его первых литературных опытах, которые тот приносил ему на суд¹¹.

Палестина была его давней мечтой: туда он стремился перебраться всей семьей! Один из его шуринов, Волф, уже было согласился, но другой шурин, Сфард, все колебался и все тянул с решением. На размышления он взял себе год, но никто и не подозревал, что этого года про запас ни у кого из них уже не будет.

В сентябре 1939 года на Польшу с двух сторон напали сразу оба заклятых соседа — Германия и Россия. Лунно располагалось восточнее линии Керзона и досталось Советам. Полтора года новая власть «воспитывала» польскую элиту, а заодно и миллион с лишним новообетенных евреев, но Залмана Градовского и его семьи эти репрессии не коснулись. К моменту нападения Германии на СССР ему было 32 или 33 года.

Граница была так близко, а немцы наступали так стремительно, что ни о какой эвакуации на восток и речи быть не могло. И, хотя все предчувствовали эту войну и ждали ее, но никто и подумать не мог, что Красная армия сдаст Гродно так легко и так быстро. Тихо и без боя немцы вошли в город уже 23 июня, на второй день войны!¹²

Лунно-Воля была оккупирована 25 июня¹³, и в первый же день здесь было расстреляно несколько евреев по подозрению в связях с советской разведкой. В начале июля в Лунно был создан юденрат под председательством бывшего главы общины Якова Вельбеля: юденрат, по определению, был призван не столько защищать евреев, сколько быть инструментом оккупационной политики в их адрес, заключавшейся, собственно, в беспроблемном ими управлении, в обеспечении немецких интересов рабочей силой, в заполучении различных сборов и контрибуций и только после этого — в их уничтожении. В числе членов юденрата был и Залман Градовский: он отвечал за санитарно-медицинские вопросы¹⁴.

В сентябре 1941 года все евреи из Лунно-Воли были согнаны в гетто, располагавшееся в Воле¹⁵. За все время существования гетто каких-то чрезвычайных событий в нем самом не произошло: очевидцы припоминают только убийство одного еврея-сумасшедшего и «ведерную повинность» — когда замерз водопровод, каждого еврея обязали принести по три ведра воды из Немана.

В окружной столице, в Гродно, было на порядок больше евреев и на порядок больше проблем. 29 июня в Гродно прибыла Einsatzkommando № 9 и сразу же принялась «за дело»: на завтра в Городе уже был сколочен юденрат во главе с директором еврейской школы Давидом Бравером. Давид Кловский¹⁶ пишет в книге «Дорога из Гродно», что поговаривали, будто бы Бравер и немецкий комендант Гартена¹⁷ — старые приятели, когда-то вместе учились в одном университете в Германии и что, мол, благодаря этому гродненских евреев оккупационные власти первое время «не слишком притесняли». Однако это

«не слишком притесняли» не могло быть ничем иным, как самоиронией¹⁸: уже в июле 1941 года здесь расстреляли первые 80 евреев¹⁹.

Дóма, среди своих, — последнее место, где еврей хотя бы немножечко (пусть и ненадолго) но еще ощущал себя человеком. Но в конце октября 1941 года для многих наступила пора попрощаться и со своими жилищами: немцы выгородили в Гродно два гетто. Первое — «украшенное» сторожевыми башнями, располагалось в самом центре города, в пределах улиц Переца, Виленской, Найдуса и Замковой, а второе — на Скидельской и соседних с ней улицах²⁰. Всего в Гродно перед войной жило около 30 тыс. евреев — цифра не малая, хоть и не идущая ни в какое сравнение с Белостоком, Лодзью, Люблиным или Варшавой: около 20 тыс. было приписано к первому и еще 7–8 тыс. ко второму гетто.

Каждый прожитый в гетто день мог оказаться для любого еврея последним — по приказу коменданта, обершарфюрера СС Курта Визе, их вешали или расстреливали за малейшую провинность. Рассказывали, что он и сам любил поупражняться в стрельбе по движущимся живым мишеням с желтыми нашивками на груди²¹. А потом выяснилось, что точно так же вели себя и Стреблев с Хинцлером — коменданты второго гродненского и третьего — келбасинского — гетто²².

Линия фронта удалялась от Лунно и Гродно так стремительно, что уже начиная с 17 июля они попали в зону гражданского управления, став частью Рейхскомиссарианта Остланд. Но 18 сентября 1941 года город Гродно вместе с северными и юго-восточными окрестностями был включен в состав так называемого Белостокского дистрикта, в свою очередь, еще 15 августа, переданного под внешнее управление гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха, то есть де факто (но все-таки не де юре!) присоединенного к Рейху²³. Эта административная деталь на протяжении более чем года служила лучшей защитой проживавшим в округе евреям: в то время как большинство восточно-польского, белорусского и украинского еврейства уже систематически расстреливалось айнзацгруппами СД — «белостокских» раскидали по гетто и долгое время почти не трогали²⁴.

Но в конце 1942 года добрались и до них. Между 2 ноября 1942 года и началом марта 1943 года немцы проводили во всем Белостокском дистрикте акцию «Judenrein»²⁵ — одну из операций по зачистке оккупированной территории. Еврейское население из 116 городов и местечек этого дистрикта сселялись в пять крупных транзитных полугетто-полулагерей, располагавшихся в Белостоке (в казармах 10-го уланского полка польской армии), Замброве, Богушеве, Волковыске и Келбасине²⁶ — гродненском пригороде, что всего в нескольких километрах от Гродно по Белостокскому шоссе²⁷.

У лагеря в Келбасине своя предыстория. С 21 июля и по ноябрь 1941 здесь велось строительство — и одновременно эксплуатация — огромного (площадью около 50 га!) лагеря для военнопленных²⁸: военнопленным поначалу было еще хуже, чем евреям, — в лагере содержалось до 36 тыс. чел., половина погибла непосредственно в лагере. До сентября 1942 года этот огороженный колючей проволокой барачный лагерь функционировал как дулаг, то есть транзитный лагерь исключительно для военнопленных. Но затем, ненадолго, его превратили в так называемый лагерь военнопленных и гражданского населения. А это означало лишь одно: на короткие сроки в отдельные бараки сюда загоняли и гражданских, — перед тем как их отправить куда-нибудь еще на работы или, если обнаружатся среди них партизаны, евреи или окруженцы, то и расстрелять.

Третьей сменой этого лагеря и стали в ноябре 1942 года евреи: здесь, в бывшем дулаге, разместилось одно из пяти областных «транзитных гетто». Евреи в них задерживались совсем ненадолго: по мере заполнения бараков и поступления вагонов, их обитателей систематически отправляли в Аушвиц. Немцы же и юденрат с его полицейскими деликатно называли это «эвакуацией» и все твердили об отправке евреев на какие-то работы в Германию. Начальником лагеря был обешарфюрер СС Карол Хинцлер, сильный, атлетического сложения, человек. Как и многие эсэсовцы в схожем положении, в его натуре постепенно брал верх садист: он лично избивал и убивал узников — безо всякой причины, просто так.

Первыми в Келбасин стали свозить евреев из окрестных местечек — Индура, Сопоцкина, Скидлы и еще многих-многих других²⁹. Понятно, что и евреям из чуть более отдаленной Лунно-Воли также было не миновать этой судьбы. 1549 евреев оттуда были депортированы в Келбасин 2 ноября 1942 года, среди них и Залман Градовский со своими домашними³⁰. Барак, в котором разместили их и еще три сотни человек, был наполовину вкопан в землю: в сущности, большая землянка. Окна забиты, и внутри всегда, даже днем, стоял полумрак. Теснота, смрад, грязь — и в то же время холод и земляночная сырость пробирали насквозь: отопления и электричества не было. «Сколько же людей здесь успело перебивать! — наверняка думал каждый, кто сюда попадал. — И где они — все те, кто тут был до нас?..»

Остальные условия в Келбасине были соответствующие: так, единственный источник воды — ручной колодец — находился вне лагеря и почти ежедневно выходил из строя. Впрочем, для питья эта вода все равно не годилась. Еда? Пайка — 170 грамм почти несъедобного хлеба плюс пара картофелин на человека, через день — теплая тюря-суп.

В лагере появились и распространились болезни: люди заболели быстро — «мусульмане», дистрофики. В лагере, однако, была больница, отданная под тифозников. В ней работал и доктор Яков Гордон, имя которого еще встретится в этом повествовании.

Кладбище заменяла огромная открытая яма, куда сбрасывали трупы умерших, слегка пересыпанные известью. Возможно, что и в Келбасине, как и в Лунно, Градовский входил в состав санитарной команды³¹.

В этом угрюмом лагере он и его близкие провели около месяца. Раз или два в неделю с близлежащей станции Лососно — той самой, где Градовский познакомился со своей женой! — уходили эшелоны с «эвакуированными» (места эвакуации предусмотрительно не назывались, особенно Треблинка, к это времени уже ставшая притчей во языцех; Аушвиц же к этому времени еще не завоевал своей «славы»). Когда 5 декабря³² — на третий день Хануки — им объявили об их новой «эвакуации», жена Залмана Градовского, прекрасная певица, вдруг затянула «Maos Zur» — песню, подобающую этому дню³³.

Охрана построила евреев из Лунно в колонну по пять и вывела ее за ворота Келбасино. На станции Лососно их погрузили в ожидавший поезд, а сами вернулась в Келбасин, где уже ждали «следующие»³⁴. Сам Келбасинский лагерь закрыли 19 декабря: в нем к этому времени оставались одни гродненские евреи числом самое большое на один эшелон — около 2000 чел. В основном, все из «полезных евреев» — представителей профессий, потребных в местном хозяйстве, и членов их семей: для слабосильных и больных даже подали подводы!³⁵

Эшелон с Градовским, проследовав через Белосток, подошел к Варшаве, но налево, в направлении Треблинки, не повернул: Треблинка была у всех на слуху, ее все боялись. Но радоваться было решительно нечему: миновав Катовиц, поезд прибыл в Аушвиц. Произошло это 8 декабря 1942 года.

В Аушвице их «встречали», и на рампе³⁶ — этом эсэсовском чистилище — произошла заурядная для этих мест селекция: 796 слабых и непригодных к труду женщин, стариков и детей до 14 лет составили две длинные шеренги; слева (отдельно женщины с девочками и отдельно пожилые или слабые мужчины с мальчиками), а 231 крепкий и здоровый мужчина — еще одну шеренгу, но покороче, справа³⁷.

Тех, кто оказался слева, затолкали, не церемонясь, в крытые брезентом грузовики, и в тот же день все они, — а стало быть и мать, жена, две сестры, тесть и шурин Градовского, — погибли. Грузовики привезли их в местность чуть ли не идиллическую — внешне напоминающую польский хуторок. После разгрузки всех заставили раздеться в легкой постройке и, дав по кусочку мыла, запустили в переоборудованную

из крестьянского дома «баню» с на удивление массивными дверями с небольшим круглым окошком, — на самом же деле в газоню.

С недоумением смотрели все наверх, на совершенно сухие крапы, — обещанную воду все никак не пускали, а когда невидимые им люди в газовых масках вбросили сверху в «душевую» какие-то зеленые пористые кристаллы, жить им оставалось всего несколько минут, — правда, очень мучительных. Этот незримый, без цвета и запаха, газ — циклон Б³⁸ — не знал жалости: перекрывая (буквально) человеческим тканям кислород, пары синильной кислоты начинали свое действие с невыносимой горечи во рту, затем царапали горло, сжимали грудину, вызывая головную боль, рвоту, судороги и одышку, — так что можно было только позавидовать тем, кто оказывался ближе всего к упавшим сверху кристаллам — вслед за короткими судорогами счастливчик терял сознание и уже не чувствовал, как наступал паралич всей дыхательной системы. Искореженные страданием, вцепившиеся друг в друга, окровавленные и перепачканные испражнениями трупы извлекали, грузили на вагонетки и сбрасывали в огромные и никогда не остывавшие ямы-костры... (Не забыв, разумеется, перед тем заглянуть им в рот и вырвать золотые зубы, а у женщин — еще и выдрать сережки и срезать волосы).

2

...Отныне в живых из всей семьи оставался только он один — Залман Градовский, человек из правой шеренги³⁹. Крепкий и здоровый, он был нужен Рейху покамест живым!

Всю их шеренгу пешком отконвоировали в Биркенау, в гигантский новый лагерь в нескольких километрах от старого. Там их ожидали «формальности»: регистрация в 20-м блоке (для чего всех отобранных на рампе заставили выстроиться по алфавиту) и получение номеров, затем — в так называемой «Сауне» — вытатуирование номеров, состригание волос, душ и полная перемена одежды и обуви, и уже после этого — ночевка в холодном 9-м блоке⁴⁰.

Назавтра поздно вечером — еще одна селекция и, как оказалось, в зондеркоммандо: теперь было отобрано от 80 до 100 чел. из их партии (а всего в новую зондеркоммандо — около 450 чел.). Всех разместили во 2-м блоке⁴¹ — вместе с остававшимися в живых старожилками зондеркоммандо. А утром 10 декабря, то есть фактически без соблюдения трехнедельного карантина, конвоиры-эсэсовцы с собаками уже выводили «новеньких» на работу...⁴²

Итак, не спрашивая его согласия, Градовскому «оказали доверие» и включили в лагерную Sonderkommando⁴³ — что и говорить, в совершенно особую команду, почти сплошь состоящую из заключенных ев-

реев и обслуживавшую весь конвейер смерти (только самое убийство немцы не могли доверить евреям и оставляли за собой). Именно они, члены зондеркоммандо, извлекали трупы из газовен, сбрасывали их в костры или загружали в муфели крематориев, ворошили их пепел и хоронили, выкапывали и перезахоранивали — бранный пепел сотен тысяч людей, убитых на этой фабрике смерти.

Надо ли говорить, каким потрясением и какой контузией для Градовского и его товарищей было осознание их новой «профессии»! Особенно угнетала, конечно же, их собственная роль в процессе убийства — их, пусть навязанное, но все же и принятое *пособничество* этому процессу.

Есть свидетельства того, что всякий раз, когда «работа» была сделана и «зондеры» возвращались в свой барак, Градовский, как, наверное, и многие другие, мысленно творил кадиш по душам усопших, а если обстоятельства позволяли, то доставал из укрытия талес, закутывался в него, надевал тфиллин и читал кадиш уже по-настоящему, плача и всхлипывая⁴⁴.

Оба кошмара — кошмар самого убийства и кошмар пособничества ему⁴⁵ — мучили и терзали Градовского, в конечном счете пополнившись мотивом малодушия, стали основным моральным стержнем его повествования. Кажется, он был чуть ли не первым из числа тех, кого впоследствии огульно будут считать и даже называть коллаборантами, кто сформулировал для себя эту умопомрачающую проблему и кто заговорил о ней сам: ей посвящены, быть может, самые потрясающие строки в его записках.

Замаранный этой «работой», он истово мечтал или о самоубийстве, на которое не оказался способен, или о восстании, которое кровью смоет этот и другие грехи — его собственные и всех остальных⁴⁶. И, наверное, он был в этих мучительных мыслях не одинок.

Как никто другой хорошо, члены зондеркоммандо представляли себе, что и как здесь происходит, и никаких иллюзий относительно собственного будущего ни у кого из них тоже не было. Так что не случайно именно в их среде вызрело и 7 октября 1944 года — на пятый день праздника Суккот — вспыхнуло беспрецедентное в своем роде восстание в главном лагере смерти — в Биркенау, где денно и ночью горели 4 из 5 аушвицких крематориев.

Символический его смысл понятен, но был ли еще и практический? Казалось бы, что толку в этом обреченном на неуспех бунте, все участники и даже тайные помощники которого все равно наверняка будут убиты или казнены?

Один из ответов на этот вопрос дает сам Градовский в своих записках.

В голове его не укладывалось: почему так бездействуют союзники? Почему с юга, с американских аэродромов в Италии, или тем более с востока (начиная с июля 1944 года, Красная армия стояла всего в 90 км от знаменитой брамы с пресловутой сентенцией!⁴⁷) — почему же не прилетают американские или советские самолеты и не бомбят эти печи и эти газовни, этот не знающий передышек конвейер смерти с суточной производительностью около четырех с половиной тысяч мертвецов?!⁴⁸ Почему?!..

Как раз в августе 1944 года заместитель госсекретаря Министерства обороны США Джон Мак-Клой был вынужден отвечать на аналогичный запрос, поступивший из еврейских кругов. Не без лукавства и цинизма Мак-Клой тогда им отказал⁴⁹.

Градовский словно прочел эту позорную переписку! Он словно заглянул в холодные и равнодушные глаза врагов своих врагов — и не нашел в них ни лучика понимания или сострадания!

Что ж, нельзя не поразиться точности и тонкости восприятия Градовским геополитической ситуации в мире, поистине невероятной в таких условиях. Но не менее точны и справедливы, хотя и очень горьки, выводы, к которым он, после такого анализа, приходит: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожить и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Создается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны страшной участью нашего народа».*

Что ж, членам зондеркоммандо оставалось полагаться только на себя, и они это делали. Запасались не только оружием, но и взрывчаткой, — а когда восстали, то первым делом они взорвали и подожгли крематорий IV⁵⁰, который так больше и не заработал. Вспыхнув — буквально — только на одном из крематориев, восстание сумело перекинуться еще на один — на II, а по некоторым сведениям и на остальные крематории.

Одним из руководителей восстания и был Залман Градовский, работавший на мятежном IV крематории и героически погибший в перестрелке с эсэсовцами, в неравном бою. Некоторые очевидцы называют его даже главным руководителем восстания⁵¹.

Но еще за месяцы до восстания он совершил два других своих подвига — подвиг летописца и подвиг конспиратора. Много месяцев вел он дневник и другие записи, в которых детально описал важнейшие процессы и события того ада, в котором оказался.

Шломо Драгон, постоянный дневальный барака зондеркоммандо, так описал Градовского и его летописание: *«Залман Градовский из Гродно расспрашивал различных членов зондеркоммандо, работавших на разных участках, и составлял списки людей, которых отравили га-*

зами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория III⁵². <...> Градовский описал весь процесс уничтожения. Мало кто знал, что он вел эти записи; только я как штубовый знал это. Мы старались создать ему условия для ведения записей, потому что обстановка, честно сказать, этому не способствовала. Его постель была у окна, чтобы у него было достаточно света для писания. Это мог только штубовый обеспечить <...> Он говорил нам, что миру нужно оставить свидетельство о происходившем в лагере. Когда он начал записывать, мы уже точно знали, что наши шансы на выживание равны нулю. Всякий раз немцы убивали членов зондеркомmando, и кто же знал, что кто-то из нас сумеет уцелеть. <...> Градовский был среди нас и делал то же самое дело, что и мы. Хочу напомнить, что среди нас был еще один еврей, которого мы звали судьей — «магид» из Макова, Макова-Мазовецкого [Лейб Лангфус. — П. П.]. Он тоже писал, как и Градовский, оба спали на одних и тех же нарах. Градовский писал в тетрадках, которые заготавливал я. Для схронов он разработал целую методику: он клал бумаги в стеклянные емкости, напоминающую термосы...»⁵³

О том, что Градовский и «магид» писали по ночам свои дневники, которые потом прятали в бутылки, залепляли воском и закапывали, вспоминал и Э. Айзеншмидт⁵⁴.

Еще один уцелевший узник Аушвица — Яков Фреймарк из Сувалок, работавший на складах команды «Канада»⁵⁵ и потому бывавший «по служебной надобности» в крематориях⁵⁶, — также подтвердил, что лично видел, как Градовский, начиная с лета 1943 года, вел самые различные записи и прятал их в пепле⁵⁷.

Залман Градовский сумел не только засвидетельствовать все происходящее (что и само по себе в условиях концлагеря было героизмом), — он сумел еще и надежно сохранить их для потомков, точно рассчитав даже то, где со временем вероятней всего пройдут раскопки. «Я закопал это в яму с пеплом, как в самое надежное место, где, наверное, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших», — писал он в записной книжке⁵⁸.

В этих словах — уверенность в поражении зла, — уверенность, не смотря ни на что. Так поступить и так написать мог только человек с колоссальным историческим самосознанием и с поистине выдающимся человеческим оптимизмом!

Об исторической ценности записок Градовского можно и не говорить: он нисколько не преувеличивал, когда писал сразу на четырех языках: «Кто заинтересуется этим документом, тот получит богатый материал для истории». Вместе с записями других членов зондеркомmando, это прямой репортаж из самой утробы фабрики уничтожения — и, тем самым, нечто иное, как центральный документ Катастрофы.

Его письменного свидетельства совершенно достаточно для того, чтобы прекратить все пошлые дебаты о том, «был» или «не был» Холокост⁵⁹. Тем поразительней, что ни в одной из центральных экспозиций Шоа — ни в Иерусалиме, ни в Вашингтоне, ни в Берлине и ни в Париже — фигуре и деяниям Градовского не нашлось не просто заслуженного, а вообще никакого места!

3

После того как 27 января 1945 года Красная армия освободила концлагерь Аушвиц-Биркенау со всеми его филиалами и ушла дальше на запад, на территории концлагеря остались полевые, а затем тыловые госпитали, а также представители ЧГК — Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений. В марте здесь были организованы различные лагеря для немецких военнопленных и интернированных поляков, но на протяжении практически всего февраля территория лагеря была предоставлена на откуп кладоискателям-мародерам из местных жителей.

На большую часть территории доступ никем не охранялся, и ничто не мешало местному населению бродить по лагерю, заходить в бараки и служебные помещения, где можно было найти кучи разных вещей, протезов, игрушек, мешки с женскими волосами, склянки с эмбрионами, извлеченными из маток беременных женщин и т.д. Особенно волновала этих «черных археологов» из Освенцима зона бывших газовых камер и крематориев в Биркенау. Именно туда, как на охоту, ходили те, чей стяжательский энтузиазм питался исключительно мечтами о кладах с еврейским золотом и драгоценностями, которые жиды, — а как же иначе? — повсюду аккуратненько поназакапывали здесь прежде, чем принять причитающуюся им смерть.

Едва ли эти омерзительные чаяния оправдались, а если вдруг и нашелся где-то золотой зуб, то и об этом мы едва ли узнаем.

Но иногда кладоискатели натыкались в пепле или в земле на фляжки, банки или бутылки, внутри которых что-то действительно было. Это «что-то» чаще всего оказывалось ничемными рукописями на непонятном жидовском языке, — и скорее всего их разочарованно выбрасывали на помойку⁶⁰. Кое-кто, однако, успел сообразить, что и на этом можно сделать деньги, и предлагал эти находки тем, кто мог их и прочесть, и купить — а именно уцелевшим евреям, чаще всего местным, освенцимским, или же бывшим узникам, которых тянул к себе, которых звал этот остывший ад, — Ад, который они пережили, а большинство — нет.

Были среди них и бывшие члены зондеркоммандо: они-то знали наверняка, где надо копать, и по их наводкам было действительно

обнаружено несколько закладок с рукописями. Первая такая находка⁶¹ — ею как раз и оказалась рукопись Градовского! — была сделана еще в марте 1945 года, когда ни музея в Освенциме, ни самого польского государства еще не было: как вещдок она попала в фонды ЧГК, и пролежала в запасниках Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге чуть ли не четверть века — пока на нее не упал глаз историка!

В самом же бывшем концлагере некоторое время находились лагерь для немецких военнопленных и для так называемых «силезцев» — интернированных польских граждан немецкой национальности.

Уже в марте 1945 года фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 22, находившийся в ведении 4-го Украинского фронта, был передислоцирован в Освенцим из Самбора и Ольховцов⁶². Здесь же обосновались и два спецгоспиталя — № 2020 и №1501, обслуживавших перевозку немецких военнопленных вглубь СССР. А в апреле Освенцим, к которому подходят ветки как западноевропейской, так и советской колеи, стал узловым местом сосредоточения и перевалки военнопленных перед отправкою их на восток; поблизости оказались и склады с топливом, вещевым имуществом и эшелонным оборудованием. В результате в уцелевшую и отчасти восстановленную барачную инфраструктуру бывших Аушвица и Биркенау с их суммарной остаточной емкостью вплоть до 50 тыс. чел. в апреле–мае 1945 года были передислоцированы еще два лагеря — фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 27 из Подебрад и сборно-пересыльный пункт № 5 из Оломоуца⁶³. В мае номер лагеря изменился (из № 22 он стал № 87), но сама дислокация в Освенциме была подтверждена и в июне⁶⁴.

По всей видимости, деятельность этих лагерей продолжалась на протяжении всего лета 1945 года, при этом в Освенциме застревали те, кто не был годен к транспортировке и физическому труду в советских лагерях⁶⁵. Осенью 1945 года лагерь для «силезцев» был переведен в Явожно.

В конце 1945 года было принято решение о возвращении территории бывшего концлагеря Польской народной армии и о создании в Освенциме и Бжезинке государственного музея. В апреле 1946 года был назначен его первый директор-организатор — д-р Тадеуш Войсович, бывший узник Аушвица и Бухенвальда. Фактическое открытие музея состоялось 14 июня 1946 года, в 7-ю годовщину прибытия в Аушвиц-1 первого транспорта с первыми заключенными-поляками⁶⁶.

Но не надо думать, что, как только музей в Освенциме был создан, музейщики занялись активными и целенаправленными раскопками: самые первые археологические экзерсисы музея состоялись только

спустя 15 лет — в начале 1960-х годов — и то под давлением бывших узников из зондеркоммандо. Такая «пассивность» прямо вытекала из послевоенной политики стран восточного блока по отношению к Холокосту и памяти о нем.

В преломлении концепции Освенцимского музея это выглядело примерно так: «Дорогие посетители, Вы находитесь в самом чудовищном из существовавших при нацизме концентрационных лагерей... Здесь сидели многие десятки тысяч польских патриотов. Как всем хорошо известно, мы, поляки, мужественно и героически боролись с эсэсовцами и тяжело за это страдали... — Что-что, евреи? Да-да, евреи здесь тоже были, да, правда, миллион или больше, да, правда, их тоже обижали, да, часто, но все же главные жертвы и главные герои — это мы, поляки!»

...В результате из нескольких десятков закладок, спрятанных зондеркоммандо в пепле и земле вокруг крематориев, были обнаружены и стали достоянием истории и историков всего восемь.

И две из них — рукописи Залмана Градовского⁶⁷.

4

Расскажем о них поподробнее — и о том, как их нашли, и о том, что с ними случилось, какая архивная и какая издательская судьба выпала этим слизанным временем и силезскими дождями свидетельствам — центральным, если задуматься, документам в истории Холокоста!⁶⁸

«Дорогой находчик, ищите везде!...», — взывал к потомкам Залман Градовский. Но первый же из находчиков его рукописей в точности знал, где надо искать — и нашел! Им был Шломо Драгон, бывший узник Аушвица (№ 80359) и товарищ Градовского по зондеркоммандо. 18 января 1945 года, во время массовой эвакуации лагеря («марша смерти») ему удалось уцелеть, бежав из колонны в районе Пшины. В конце января он вернулся в Польшу — сначала в свой родной Журомин под Варшавой, а оттуда — в свой бывший концлагерь и находился в нем все время, пока там работала советская ЧГК. 5 марта 1945 года, во время раскопок — в точности там, где их предвидел Градовский! — в одной из ям с пеплом возле крематория IV в Биркенау он и обнаружил схрон Градовского⁶⁹.

Раскопки велись в присутствии представителей ЧГК полковника⁷⁰ Попова и уголовного эксперта Н. Герасимова. Попову Ш. Драгон и передал свою находку⁷¹ — обернутую резиной алюминиевую немецкую полевую фляжку с широким горлом (по польски — «менажку»). Передача и осмотр фляги были запротоколированы⁷². Протокол же гласит:

«При осмотре установлено:

Фляга алюминиевая широкогорлая, немецкого образца, длиной 18 см, шириной 10 см. Горлышко в диаметре 5 см. Фляга закрыта алюминиевой завинчивающейся крышкой, внутри которой имеется резиновая прокладка. На одном боку фляга имеет вмятину и небольшое отверстие, через которое во фляге виден сверток бумаги.

При открытии фляги через горлышко извлечь содержимое не представилось возможным. С целью извлечения содержимого фляга была рассечена и содержимое извлечено.

При осмотре содержимого выявлено: записная книжка размером 14,5 x 10 см, в которой на 81 листе имеются записи на еврейском языке. Часть книжки оказалась подмоченной. В книжке вложено письмо на еврейском языке на двух листах. Книжка и письмо завернуты в два чистых листа бумаги. В чем и составлен протокол».

Итак — первая весть от Залмана Градовского! Его записная книжка со вложенным в нее письмом, плотно закатанная в широкогорлую, но все же очень узкую солдатскую флягу, немного поврежденную, вероятнее всего, лопатой самого Ш. Драгона! Сам текст на идиш, по его же свидетельству, был немедленно переведен бывшим узником Аушвица д-ром Яковом Гордоном⁷³.

За чисто медицинские аспекты нацистских преступлений в ЧГК «отвечал» профессор М. И. Авдеев, организовавший в годы войны систему учреждений военной судебно-медицинской экспертизы, которую сам и возглавлял до 1970 года⁷⁴. Он, в свою очередь, позаботился о том, чтобы «менажка» и рукописи попали в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР⁷⁵.

В музее поступление было зарегистрировано под четырьмя отдельными сигнатурами: № 21427 — это процитированный протокол осмотра алюминиевой фляги, № 21428 — сама фляга, № 21429 — письмо З. Градовского (рукопись и перевод на русский язык) и № 21430 — записная книжка З. Градовского, 82 листа⁷⁶.

Два последних номера соответствуют «Дороге в ад» и «Письму из ада» — двум различным документам, находившимся во фляжке.

Немного о самой книжке. В обложке из черного колленкора, размером 148x108x10 мм, она была исписана синими и черными чернилами. Из ее первоначальных 90 страниц сохранились 81 — остальные были вырваны (и, скорее всего, самим Градовским — для того, чтобы облегчить ее заталкивание в тесную фляжку).

Большинство листов использовано только с одной стороны, но несколько последних листов (с 73 по 79) заполнены с обеих сторон. На страницах с 1-й по 39-ю текст написан на каждой строке, на страницах с 40-й по 73-ю — через строку, а с 74-й по 81-ю — снова на каждой строке. Каждая страница насчитывает от 20 до 38 строк.

Те же страницы, что сохранились и дошли до нас, изрядно пострадали от пребывания в сырой земле — они сильно подмочены и местами совершенно не читаемы⁷⁷. По оценке переводчика, хорошо читаются только около 60 процентов текста на каждой странице, остальное размыто: больше всего пострадали верхняя часть страниц (от 2 до 17 строк) и самая нижняя строка, а также левый край всех страниц рукописи.

На фоне такой сохранности записной книжки не может не вызывать удивления отличное состояние письма. Вероятней всего Градовский, опасавшийся за герметичность схрона с записной книжкой, выкопал ее и перезахоронил в обернутой в резину фляжке, вложив в нее и наскоро написанное «Письмо потомкам»⁷⁸.

К оригиналам были приложены и имевшиеся в наличии переводы⁷⁹.

Самое первое в СССР упоминание о документе проскользнуло (иначе не скажешь) в 1980 году — в составленном В. П. Грицкевичем каталоге «Воспоминания и дневники в фондах [Военно-медицинского] музея»⁸⁰. Вскоре после этого в музей приезжали сотрудники журнала «Советише геймланд», переписавшие среди прочего и записки З. Градовского, но публикация в журнале, насколько известно, не состоялась⁸¹.

Однако еще в конце 1961 года или самом начале 1962 года сведения о рукописи Градовского и даже ее текст достигли Польши. Старший научный сотрудник ВММ в Ленинграде, кандидат медицинских наук А. А. Лопатёнок⁸² обратился к директору Института еврейской истории в Варшаве Бер Марку⁸³ с письменной просьбой опубликовать дневник Градовского, для чего к письму были приложены микрофильм «Дневника» и, видимо, фотокопия перевода письма на русский язык.

Антон Адамович Лопатёнок родился 20 сентября 1922 года в Ульяновске, где в длительной командировке находилась его семья, и уже в двухлетнем возрасте вернулся в Ленинград. По окончании школы в 1940 году поступил в Военно-Морскую медицинскую академию в Ленинграде, которую окончил в 1945 году. Курсантом участвовал в Великой Отечественной войне, имел боевые награды. В 1948 году окончил Ленинградский филиал Всесоюзного юридического заочного института, а с 1951 по 1954 г. обучался в адъюнктуре при кафедре судебной медицины Военно-Морской медицинской академии. Защитил кандидатскую диссертацию. В то же время тесно сотрудничал с Военно-медицинским музеем в работе над созданием зала жертв фашизма.

В 1950-е годы служил врачом на Балтийском и Черноморском флотах, а с 1960 по 1969 г. — в Группе советских войск в Герма-

нии в городах Потсдам и Магдебург, где сотрудничал с немецкими коллегами. По возвращении из ГДР продолжил службу в Военно-медицинской академии в Ленинграде, где возглавил редакционно-издательский отдел, активно занимался преподавательской и научно-просветительной работой. Службу в Вооруженных силах закончил в звании полковника медицинской службы, на пенсии занимался вопросами истории медицины, в конце 1980-х гг. был научным сотрудником ВММ МО СССР.

Умер 9 февраля 2003 года, похоронен на Богословском кладбище в Петербурге⁸⁴.

Уже в марте 1962 года работа над переводом текста Градовского на польский была закончена, и на заседании Польского исторического общества в Варшаве Б. Марк прочитал доклад о еврейском Сопротивлении, а также проинформировал собрание о Градовском и его дневнике.

В мае 1962 года воследовали две публикации Б. Марка в газете «Фольксштимме» («Голос народа»), выходившей в Варшаве на идише. Первая из них (анонимная, но авторство Б. Марка не вызывает ни малейших сомнений) содержала бульшую часть текста письма⁸⁵, сделанные при этом купюры явно цензурные⁸⁶.

В 1963 году Бер Марк ездил в Ленинград, где он, первым из исследователей Холокоста, познакомился с оригиналом и в 1964 году усовершенствовал свой перевод Градовского на польский язык⁸⁷.

Затем польский востоковед д-р Роман Пытель проверил и заверил его перевод, стилистически его отредактировал и даже сумел прочесть несколько не прочитанных Марком фрагментов.

С упомянутой анонимной заметки в «Фольксштимме», являющейся по сути обратным переводом с русского перевода на идиш⁸⁸, и с двух купюр в процитированном полностью письме (в качестве подарков от польской цензуры) и повела свой отсчет история публикаций текстов Залмана Градовского. Впервые текст записных книжек и полный текст письма был опубликован на польском языке — в переводе и с предисловием Б. Марка — только в 1969 году, в выпуске «Бюллетеня Еврейского исторического института» в Варшаве за второе полугодие 1969 года.

Самого Б. Марка к этому времени уже не было в живых, и публикацию к печати готовила его вдова — Эдварда (Эстер) Маркова. И делала она это, скорее всего, под большим идеологическим нажимом: текст ее публикации, увы, существенно отличался от оригинального перевода, подготовленного Б. Марком. Так, были сделаны изъятия и даже изменения цензурного свойства, при этом купюры на тексте никак не были обозначены и нигде не сообщалось хотя бы то, что публикуемый текст — не полный.

Лишь после того, как Э. Маркова оказалась на Западе, она сумела опубликовать текст Градовского корректно и полностью — сначала, в 1977 году, в оригинале (то есть на идише), а затем и в переводах: в 1978 году — на иврит, в 1982 — на французский, в 1985 — на английский и в 1997 году — на испанский языки⁸⁹.

Указанные дефекты, однако, не были исправлены в публикациях Государственного музея Аушвиц-Биркенау. В 1971 году на польском языке вышел специальный выпуск «Аушвицких тетрадей», посвященный извлеченным из пепла рукописям зондеркоммандо. Текст Залмана Градовского представлен в нем лишь фрагментами, касающимися собственно Аушвица, а внутри публикации вмешательство цензуры оставлено без изменений.

В 1972 году этот же выпуск был повторен на немецком языке, а в 1973 — на английском. С существенными дополнениями по составу он вышел на немецком языке еще раз — в 1996 году, но все, что касается текста Градовского, осталось без изменений: «иерусалимская» рукопись из собрания Х. Вольнермана даже не упомянута, а дефекты в переводе «ленинградского-санктпетербургского» текста не исправлены.

Первые публикации Градовского на русском языке (и только «Письмо потомкам»!) состоялись в январе–марте 2005 года, в связи с 50-летием освобождения Освенцима, — до этого ни одной строчки на русском языке не появлялось⁹⁰, да и самое имя Градовского в то время оставалось практически неизвестным даже лучшим специалистам.

5

Куда менее ясны обстоятельства, при которых была найдена вторая рукопись Градовского, носящая авторское заглавие «В сердцеvine ада» и содержащая его наблюдения и мысли об Аушвице и событиях, происходивших в нем.

Судьба этой рукописи оказалась неотрывной от судьбы Хаима Волнермана — человека, который ее спас для истории.

Саму рукопись, по одной версии, нашел молодой польский крестьянин — один из освенцимских «кладоискателей», имя которого осталось для истории неизвестным, а по другой — столь же безымянный советский офицер⁹¹. Обе версии «сходятся» на покупателе: им стал Хаим Волнерман — местный, ушпицинский, то есть освенцимский⁹², еврей, вернувшейся сюда в марте 1945 года⁹³.

Он родился 12 декабря 1912 года в семье знатных бобовских хасидов. Отец — Йойсеф Симхе, мать — Эстер; поженились они еще во время обучения отца в иешиве. Назвали его в честь прадедушки, Хаима-Цви Купермана, который примерно 40 лет был председателем

религиозного суда (бейс дина). После хедера Хаима послали учиться в бобовскую ешиву, и он до конца своих дней оставался пламенным и верным хасидом Бенциона Халберштама (4-го бобовского реббе). Занятий Торой Хаим не бросал никогда, но из-за экономических трудностей, антисемитизма и с благословения ребе Хаим начал работать прорабом на «Рапапорт-френкл» — знаменитом текстильном заводе Абэла Раппопорта в Билице. Одновременно занимался общественной работой: был одним из основателей филиала «Поалей агудат Исраэль» (религиозной сионистской партии) в Ушпицине-Освенциме и организатором курсов для будущих эмигрантов в Палестину (изучение Торы, истории еврейства, профессиональные навыки в различных областях), а также курсов по оказанию первой медицинской помощи и помощи раненым (что весьма пригодилось ему самому в испытаниях Холокоста: немцы приказали ему организовать медпункты в лагерях, где он был, — в Живице и Бунцлау).

Уцелев, Волнерман вернулся в Ушпицин и пошел в те чудовищные лагеря, что окружали его родной город. Он и представить себе не мог того, что увидел в них, как не мог представить и того, насколько глобальным было уничтожение евреев. Первое время он ходил по лагерю в поисках хоть каких-нибудь следов своих близких, но потом понял, что среди бесчисленного числа погибших в Аушвице людей разыскать следы отдельной семьи просто невозможно.

И тут-то — после того, как он это понял, — к нему подошел некий гой (по одной версии — поляк, по другой — русский офицер) и предложил купить у него что-то, что тот нашел под крематорием в Биркенау. Это были четыре тетрадки, запечатанные в проржавевшую металлическую емкость (не то банку, не то ящик), и каждая тетрадь была испещрена записями на идиш убористым почерком. Пролистав рукопись, Волнерман сразу же понял, что именно он держал в руках: аутентичное свидетельство о том, что и как происходило в Аушвице-Биркенау! Не торгуясь, он купил все тетрадки.

Да, это было поистине потрясающее приобретение! Многие месяцы Хаим посвятил прочтению и переписыванию рукописи. Часть ее было невозможно расшифровать, потому что бумага крошилась в руках от недавней влажности; в части доставало слов или целых предложений (в таких случаях он помечал: «не хватает»).

Вскоре в одном из лагерей в Нижней Силезии он нашел жену. Они мечтали уехать как можно скорее в Израиль, но получить нужные бумаги сразу после войны было исключительно тяжело: пришлось задержаться. Волнерман занялся торговлей и осел в городке Лауф близ Нюрнберга, где обзавелся пропусками во все союзнические зоны. Затем в Мюнхене он одно время был секретарем главного раввина Германии Шмуэла Або Шнейга.

Все свое свободное время он разбирал записки Градовского и переписывал их на идиш в свою записную книжку. Расшифровка шла с трудом и заняла много времени. Волнерман даже разгадал одну из загадок рукописи: числа, стоящие в скобках в конце одного из предисловий, — это гематрия (числовое значение) имени автора: Залман Градовский⁹⁴. Дойдя до адреса А. Иоффе — американского дяди Градовского, он написал ему в Нью-Йорк письмо и вскоре получил от него в ответ письмо с фотографиями Градовского. Захотев показать Иоффе весь текст записок племянника, Волнерман даже отказал Еврейскому музею в Праге, обратившемуся к нему с предложением о приобретении рукописи⁹⁵.

В 1947 году, так и не дождавшись легальных документов, Волнерманы обзавелись фальшивыми — сертификатами возвращающихся в Палестину ее «жителей». Они упаковали весь свой багаж в ящики, но в самый последний вечер, когда Хаим с женой ушли праздновать свой отъезд с друзьями, их обокрали. Они лишились всего: среди украденного был и оригинал дневников Градовского! Чудом уцелели всего лишь пять листов оригинала и, полностью, собственноручная копия Волнермана⁹⁶.

Сразу по прибытии в Палестину Хаим стал работать в больнице Хадасса в Иерусалиме. Жизнь эмигрантская, даже если ты приехал в Сион — на чужбину, столь долгожданную и родную, — исключительно тяжела и требует от новичка всего и сразу. Так что, переехав в Израиль в 1947 году, Волнерман смог снова вернуться к Градовскому только в 1953 году.

Однажды он взял все, что у него уцелело, — оригиналы Градовского и полную собственноручную копию — и отнес показать их в Яд-Вашем. Там ему не поверили и чуть ли не обвинили в подделке!

Позже, когда обнаружилась другая рукопись Градовского, ситуация изменилась. Но неизменным оставался результат: извлеченные из пепла, записки еще долго не могли дойти до читателя.

Начать с того, что никто не брался за перевод. Все, к кому Волнерман ни обращался (Эрих Кулка и Эли Визель, например), говорили, что это решительно невозможно — адекватно передать *такое* на другом языке.

Во-вторых, не находилось и заинтересованного издателя. Даже Яд Вашем, по словам Волнермана, не мог найти денег хотя бы на публикацию. Не мог или не хотел? Ведь эти записки не слишком вписывались в «героическую»⁹⁷ концепцию музея! Уж больно покорными и обреченными смерти представляли в них евреи. Да и по отношению ко всем членам зондеркоммандо тогда еще преобладали черно-белые краски.

Прошло еще двадцать два (!) года, пока, наконец, в 1977 году Волнерман не смог осуществить это издание сам, на свои средства!⁹⁸ Тогда же в 1977 вышла и другая книга Волнермана — и тоже на собственный счет: книга памяти местечка Освенчим, над которой он работал всю жизнь. Тиражи обеих привезли одновременно — 10 декабря, а через два дня — в день своего 65-летия и в последний день Хануки — Волнерман умер!

Иначе как катастрофой нельзя назвать и судьбу оригинала этой рукописи, и судьбу ее первоиздания в Израиле. На протяжении тех долгих лет, пока Волнерман и Яд Вашем вели друг с другом безуспешные переговоры, копия рукописи находилась во владении семьи Волнермана. Там же, по сообщению Иосифа Волнермана (сына Х. Волнермана), находится она и сейчас.

Поскольку ознакомление с самой рукописью оказалось затруднено, источниками текста для нашей публикации служат микрофильм, сделанный с оригинала и хранящийся в архиве Яд Вашем⁹⁹, а также книжное издание на идиш 1977 года.

Но потребовалось еще раз 22 года, пока эти записки Градовского дождались своего перевода на европейские языки¹⁰⁰. Впрочем, ее служебный — для нужд сотрудников музея в Освенциме — перевод на польский язык был сделан еще в конце 1970-х годов, но полностью, кажется, он и до сих пор не опубликован.

В марте 1999 года «В сердцевине ада» впервые выходит на немецком языке — в сборнике «Терезинцы: материалы и документы», приуроченном к 55-летию уничтожения семейного лагеря в Аушвице¹⁰¹. Увы, и эта публикация была избирательной и частичной. В нее вошла лишь повествующая об этом глава «Чешский транспорт» (в прямом переводе с идиша, с примечаниями и предисловием Катерины Чапковой; к публикации была впервые приложена фотография Залмана Градовского и его жены). Первая же и третья части рукописи Градовского («Лунная ночь» и «Расставание») были вовсе опущены, а вторая («Чешский транспорт») давалась со множеством купюр, сделанных по критерию их «уместности» в разговоре о сугубо чешском транспорте¹⁰².

Этот провинциальный «патриотизм» явился сквозной и малопривлекательной особенностью первых восточно-европейских публикаций. Если публикация готовилась в терезинском контексте, — то печатался только фрагмент про «семейный лагерь», если же в аушвицком — то только про Аушвиц (и даже обозначающие купюры отточия представлялись не всегда!).

Просто поразительно, насколько все перечисленные публикаторы были равнодушны к тому *чуду*, что находилось в их руках! Даже бросающаяся в глаза художественность, с которой написан текст Градов-

ского, вызывала у той же К. Чапковой чуть ли не сомнение: а мог ли *такое и так* описать какой-то там член зондеркомандо?!¹⁰³

Иными словами, повсюду Градовский становился жертвой различных идеологических конструкций и музейных «концепций».

И вот, повторяюсь, сухой остаток: ни в одной из крупнейших экспозиций мира, посвященных ШОа, вы и сегодня не найдете его имени!

6

Первым переводчиком текстов Залмана Градовского на русский язык был врач *Яков Абрамович Гордон*.

Он родился в Вильно 30 июня 1910 года. В момент нападения Германии на СССР работал врачом в местечке Озеры близ Гродно. 13 июля 1942 года вместе с братом его схватило гестапо и обвинило в помощи партизанам, совершившим накануне успешный налет на Озеры. Братьев зверски избили, но ни признания в соучастии, ни сведений о местах, где скрывались партизаны, от них не добились. Из Озер их доставили в тюрьму Гродно, возили в гестапо на Народомещанскую улицу, но и здесь они не признали обвинения. Наконец, 12 ноября 1942 года их перевели из тюрьмы в лагерь Келбасин, где Гордон встретил своих родителей и где он снова стал работать врачом¹⁰⁴. После ликвидации лагеря 19 декабря Гордон вернулся в Гродненское гетто пешком вместе с последними 2000 евреев, избежавшими участи большинства; в Гродно он встретил свою жену и детей. Спустя месяц, 19 января 1943 года, началась ликвидация гетто, продлившаяся пять дней. Евреев согнали в синагогу, и оттуда снова конвоировали в Келбасин-Лососно, но прямо для погрузки в вагоны.

Эшелон с Гордоном и его семьей отправился из Лососно 21 января в 18.00 и уже через сутки с небольшим его встречали ашвицкая рампа, прожекторы, овчарки, палочное битье — одним словом, селекция. Своими глазами он видел, как его жена и дети залезали в грузовик... Сам он, после всех процедур в приемном 22-м и ночи или двух в распределительном 19-м блоках, попал 25 января в 26-й рабочий блок со специализацией на строительстве дорог: дробление камней кайлом, укладка гравиево-щебневой подушки — тяжелейшая физическая работа в сочетании с побоями, недоеданием и антисанитарией. В марте, дойдя до веса в 38 кг и как врач понимая, что долго он так не протянет, Гордон обратился в 12-й блок — лазарет, где рассказал врачу Каролу Ордовскому, что он тоже врач и попросил о трудоустройстве по профессии. Гордона, уже почти «доходягу», перевели сначала в 22-й (приемный) блок, где он проработал

до середины апреля 1943 года, а потом в 3-й («резервный») блок, где находились выздоравливающие узники, выписанные из больницы. Все это происходило в секторе Б лагеря Биркенау, но 9 августа 1943 года Гордона перевели в 21-й блок базового лагеря в Аушвице-1, в хирургическое отделение больницы. Здесь ситуация в целом была получше (имелась вода, гигиена и т.д.), но вместо зондеркомmando по-соседству оказался штрафкомандо — знаменитый 11-й блок с его знаменитой «Стеной смерти», где жизнью и смертью заключенных заправляло политическое управление лагеря.

В 21-м блоке Гордон оставался до самого освобождения 27 января 1945 года, сумев избежать и общей эвакуации лагеря, и ликвидации оставшихся. Он входил в состав комиссии, в тот же день составившей первый акт о национал-социалистических преступлениях в концлагере Аушвиц. Его имя как врача, свидетельствующего о преступных медицинских экспериментах над узниками Аушвица, упоминается в «Сообщении ЧГК о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме» от 8 мая 1945 года¹⁰⁵.

Наконец, 5 марта 1945 года Яков Гордон не только скрепил своей подписью факт обнаружения III. Драгоном рукописей Залмана Градовского, написанных на идише, но и с листа перевел на русский язык его «Письмо из ада», или «Письмо потомкам»¹⁰⁶.

Записную же книжку он лишь бегло пролистал и пробежал глазами: полный ее перевод, даже самый скорый, потребовал бы куда большего времени. Этот перевод более нигде не всплывал, как и сведения о самом докторе Якове Гордоне.

Вторым по счету переводчиком стал *Меер (Меир) Львович Карп* (1895–1968) — советский генетик и знаток еврейских языков.

С детства он жил в Киеве, в юности (после революции) побывал в Палестине, а, вернувшись, жил в Крыму, в еврейской коммуне Войя-Нова; тогда же организовывал на Украине детские дома для беспризорных еврейских детей. С 1930 года он обосновался в Москве, где окончил Тимирязевскую академию, аспирантуру по генетике на биологическом факультете МГУ и защитил кандидатскую диссертацию. После защиты работал в Институте животноводства, а затем в Институте генетики, у Н. И. Вавилова. После ареста Н. И. Вавилова в 1941 году и прихода в институт Т. Д. Лысенко ушел из института и был принят в Институт ботаники АН УССР, но после войны вернулся в Москву, а в 1948 году, после известной сессии ВАСХНИЛ, был принят в Ботанический институт АН СССР в Ленинграде. Главной сферой его научных интересов была генетическая теория селекции.

В еврейских кругах М. Карп считался знатоком идиша и иврита, одно время даже работал над собственным учебником иврита. В начале февраля 1953 года его арестовали и осудили за сионизм на 10 лет (и это уже после смерти Сталина и отмены дела врачей!), которые он провел в Тайшете, освободившись в 1956 году, но не по реабилитации, а как тяжело больной. Через несколько лет с него сняли судимость, но сам за реабилитацией он обращаться не стал. Последние годы жил под Ленинградом (как не реабилитированный, он не имел права вернуться в город), а потом под Москвой. Умер в Москве и похоронен на Востряковском кладбище.

Как, когда и при каких обстоятельствах им был выполнен этот перевод остается загадкой: ни архивисты, ни члены его семьи не располагают об этом никакими данными. Самой поздней и крайне маловероятной датой могло бы быть начало 1953 года: в феврале М. Л. Карп был арестован. Материалы Градовского были переданы в ВММ МО РФ, предположительно, в 1948 году: заказ учреждением Министерства обороны в этот и последующие годы перевода с еврейского языка именно Карпу был едва ли возможен. Поэтому наиболее вероятная гипотетическая дата этого перевода — 1948 год, когда М. Л. Карп впервые поселился в Ленинграде.

Третьей была переводчица ЧГК Миневиц (23 июля 1962 года), автор 16-страничной машинописи, представляющей собой «...более-менее точный перевод нескольких первых листов, за которым следует контаминация отдельных фрагментов из середины и конца записной книжки. Текст, к сожалению, недостоверен (порой переводчица явно домысливает то, чего не смогла прочесть в рукописи), изобилует ошибками и содержит огромное количество лакун»¹⁰⁷.

Наконец, четвертой переводчицей Градовского на русский язык стала Александра Леонидовна Полян, чья работа, выполненная в 2007–2008 годах, впервые увидела свет в 2008 году в журнале «Звезда»¹⁰⁸. Эта журнальная версия стала, по сути, первой в мире сводной и полноценной публикацией всех текстов Залмана Градовского — без каких бы то ни было изъятов и искажений.

7

Открывают корпус текстов Градовского записные книжки, названные нами «Дорога в ад». Они описывают, в сущности, депортацию из Келбасина в Аушвиц и первые дни пребывания в Аушвице. Едва ли они писались как нормальный дневник или путевые заметки — по дороге и «день за днем». Записи начались уже в лагере, писались явно по памяти, но все говорит за то, что попытки осознать происходящее начались очень рано.

Своеобразным ключом к этим заметкам явилось введение в их ткань риторической фигуры некоего друга, которого автор, вызывающийся по отношению к нему своего рода «Вергилием», зовет себе в свидетели и попутчики.

«Дорога в ад» открывается посвящением-перечислением всей погибшей семьи Градовского. Последнее сродни зачинам: трижды — перед каждой главой — оно встречается и в следующей части, в «В сердцевине ада», играя тем самым роль своеобразного рефрена всей книги¹⁰⁹.

В дальнейшем текст записных книжек делится на две части. В первой описывается переселение семьи автора из Лунно в Келбасин, вплоть до погрузки в вагоны поезда, отправляющегося в Аушвиц. Во второй — описание дороги и самых первых дней пребывания в концлагере. Записки обрываются вскоре после того, как автора зачислили в члены зондеркоммандо¹¹⁰.

Первоначальный же текст Градовского — «В сердцевине ада»¹¹¹ — состоит из трех глав: «Лунная ночь», «Чешский транспорт» и «Расставание»¹¹². Каждая посвящена явлениям или событиям, потрясшим Градовского. О таком вечном «событии», как луна, еще будет сказано ниже, два же других — это ликвидация 8 марта 1944 года так называемого семейного лагеря чехословацких евреев, прибывших в Аушвиц из Терезиенштадта ровно за полгода до этого¹¹³, и очередная селекция внутри зондеркоммандо, проведенная 24 февраля 1944 года¹¹⁴.

На первый взгляд, странно, что среди таких ключевых событий нет ни одного, относящегося к целому 1943 году. Как и то, что из всех событий в их число не попала стахановская ликвидация венгерских евреев, — но почему, собственно, странно? Ведь речь идет главным образом о внутренних кульминациях индивидуального восприятия Градовского. И потом: разве у нас на руках полный, завизированный автором корпус всех текстов Градовского?

Все три главы «Посреди преисподней» начинаются практически одинаково — с обращения к «Дорогому читателю»¹¹⁵ и скорбного перечисления своих близких, уничтоженных немцами (иногда они начинаются с упоминания матери, иногда с упоминания жены).¹¹⁶ Дважды повторяется и адрес нью-йоркского дяди Градовского. Это придает каждой главке, с одной стороны, некоторую автономность, а с другой — имеет и литературно-композиционный смысл, выполняя роль своего рода еще одного рефрена, скрепляющего все части законченного в разных местах «издания» воедино.

Поинтересуемся хронологией создания всех трех текстов. Самый ранний из них — «Дорога в ад»: он был написан (или завершен?) спустя 10 месяцев после прибытия Градовского в Аушвиц, то есть в ок-

тябре 1943 года. Нет сомнений в том, что тогда же соответствующая записная книжка и была впервые спрятана в земле. Но, скорее всего, Градовскому пришлось ее выкопать и перезахоронить вместе с самым поздним из трех текстов — «Письмом к потомкам», датированным с точностью до дня: 6 сентября 1944 года. Датировке поддается и «В сердцевине ада», причем выясняется, что первой была написана третья ее глава («Расставание»), посвященная селекции зондеркоммандо: 15-месячный срок со времени прибытия в Аушвиц указывает на апрель, а 16-месячный, маркирующий главу «Чешский транспорт», на май 1944 года. Недатированной (и, по-видимому, строго не датированной) остается лишь первая из глав «Лунная ночь»: но все же представляется, что она написана позже обеих последующих глав, то есть летом 1944 года. Серьезно отличается от нее зачин «Лунной ночи», стилистически приближающийся к «Письму к потомкам»: возможно, она и писалась в конце августа или в начале сентября 1944 года, в момент установления Градовским композиции всей вещи.

Основание для такого предположения, однако более чем зыбкое: и прежде всего — это попытка реконструкции фаз душевного состояния Градовского. Он и сам запечатлел тот первый шок, который пережил сразу же по прибытии в лагерный барак, когда узнал и, главное, осознал ту горькую правду, что близких его убиты, что их уже нет в живых и что его самого пощадили лишь для того, чтобы заставить ассистировать убийству сотен тысяч других евреев — точно таких же, как он сам и его семья!¹¹⁷

В этот момент человек еще НЕ член зондеркоммандо: он может и сам довершить селекцию, сам отрешиться от жизни и присоединиться к своим близким. Несколько таких случаев известны (люди даже сами бросались в огонь!), но то были единицы — против тысячи с лишним подписавших этот контракт с дьяволом в своей душе. Что же заставляло большинство так хотеть жить? Ведь мгновенная смерть враз прекращала все самое тяжелое — и сатанинский физический труд, и нравственные мучения и ответственность?!

И все-таки верх брали непреодолимое желание жить и, почти иррациональная, воля (точнее, полуволя-полунадежда) выжить — в результате какого-нибудь чуда, например¹¹⁸. Цена этого выбора не была низкой: уровень человеческого в таком зондеркоммандо предуготовывался и впрямь особенным — отрицательным или нулевым. И то: почти все уцелевшие вспоминали, как они становились и как пребывали бездушными роботами и что без этой автоматической ипостаси выжить бы они не смогли¹¹⁹.

Это заторможенное состояние во многом сродни душевной болезни, — отсюда и некоторые опасения в психической нормальности даже Градовского, возникавшие в связи с самой ранней из трех глав —

с «Расставанием». Так, по мнению А. Полян, вторая и третья части «В сердцевине ада» написаны «...Уже Душевно Больным Человеком, Находящимся После Двух Лет Работы При Газовых Камерах На Грани Помешательства»¹²⁰. Опасения, в общем оправданные, но в случае Градовского — напрасные. Интеллектуальным ли усилием или как-то иначе, но он явно избежал и сумасшествия, и пресловутой стадии «робота», — иначе он не смог бы ни взяться за свои записки, ни готовить восстание.

Поэтому столь интенсивное и столь экспрессивное переживание селекции и, как следствие, неминуемой смерти группы из зондеркоммандо в главе «Расставание», на первый взгляд, может даже удивить: ведь ежедневно перед Градовским проходят сотни и тысячи еврейских жертв! Так много, настолько много, что даже самый чувствительный человек, а не робот-зондеркоммандо, просто не в состоянии воспринять гибель каждого из них обостренно-индивидуально.

Образ семьи занимает в текстах Градовского центральное место: разделение семьи, селекцию, он сравнивает с хирургической операцией. Когда с надеждой на чудо спасения собственной семьи пришлось окончательно распротиться, те же понятия Градовский перенес на лагерное сообщество, на свое зондеркоммандо — отсюда и обращение к товарищам как к братьям и многое другое.

Да, они стали его «семьей», его опорой и некоторой промежуточной инстанцией, примиряющей его собственное «я» с космосом еврейства, истребляемого на его глазах и не без помощи его рук. И пусть это была не семья, а ее суррогат, но чувство ее, хотя бы частичной, утраты заменило ему переживание смерти настоящих своих близких. И недаром он, не оплакавший, по его же словам, и смерть горячо любимой жены, впервые за все свое время в Аушвице обнаружил в себе слезы и, буквально, оплакал другую гибель — еще не наступившую, но неизбежную смерть двух сотен товарищей, с большинством из которых у него наверняка не было и не могло быть никакого осязательного личного контакта!..

Члены зондеркоммандо, и Градовский в их числе, слишком хорошо представляли себе всю механику смерти, и секретов от них у нее не было. Кроме, может статься, главного ее секрета — момента превращения живого и горячего тела в заледеневший труп. Градовский — единственный, кто пытается хотя бы передать и это¹²¹.

Да и в целом о «нормальности» всех членов зондеркоммандо говорить не приходится. Уровень же человечности, — а, стало быть, и уровень этой не-нормальности, — регулировался каждым самостоятельно. Оказалось, что он напрямую зависел от готовности (не говоря уже о способности) сопротивляться обстоятельствам, в том числе сопротивляться буквально.

И лучшим лекарством от душевного недуга, несомненно, оказалась сама идея восстания, не говоря уже о счастье его практической подготовки. То, что Градовский оказался в самом узком кругу заговорщиков и руководителей восстания, наилучшим образом сказалось на его психическом самочувствии¹²²: уже в «Чешском транспорте», не говоря о «Лунной ночи», перед нами не призрак, тупо уставившийся в открытую печь, а человек, настолько хорошо ориентирующийся и отдающий себе отчет в происходящем, что может позволить себе и «роскошь» чисто художественных задач.

А в «Письме потомкам» перед нами уже человек и вовсе в состоянии, прямо противоположном состоянию робота. Это человек осознанного и прямого действия, точнее, — человек накануне действия; он всецело предан подготовке восстания, скорым исходом которого он и взволнован, и, независимо от исхода, счастлив.

Этот текст завершает корпус Градовского. Он, повторим, написан самым последним из сохранившихся, — 6 сентября 1944 года, то есть всего за месяц до восстания зондеркоммандо. Он и писался как явное послание потомкам, *urbi et orbi* — «городу и миру», — всем-всем-всем на земле. Начинающееся с описания топографии ям с пеплом и, соответственно, зондеркоммандовских схронов вокруг всех крематориев, оно переходит к призыву искать эти схроны везде, где только можно (призыву, увы, после войны не столько не услышанному, сколько проигнорированному).

8

Интересна и проблема подписи и авторского имени под тремя текстами. Под написанным последним «Письмом к потомкам» Градовский прямо поставил свое имя. «Дорога в ад» и отдельные части «В сердцевине ада», наоборот, анонимны и сверхосторожны, однако не настолько, чтобы читатель, в том числе и потенциальный читатель из лагерного гестапо, не мог бы идентифицировать автора по косвенным признакам. Впрочем, в «Дороге в ад» называются и Келбасин, и Лунно, а также время прибытия в Аушвиц.

В «В сердцевине ада» — произведении вполне законченном — имя автора не проставлено ни на одном из привычных мест — ни в начале, ни в конце. Вместе с тем сама проблематика авторской подписи вовсе не чужда Градовскому: имя свое в веках ему явно хотелось бы сохранить. Поэтому зачин второй главки подписан его инициалами, в другом месте — в конце предисловия к главе «Расставание» — метрий (числовым значением имени автора) — (7)(30)(40)(50) — (3)(200)(1)(4)(6,6)(60)(100)(10)¹²³. В зачине к третьей он прямо просит идентифицировать себя с помощью нью-йоркского дяди и подписать записки подлинным именем их настоящего автора.

Можно предположить, что такая анонимность была вызвана соображениями конспирации и боязни того, что записки попадут в руки врагов и могут стоить автору или кому-то еще жизни. Но почему тогда тот же страх не остановил Градовского 6 сентября 1944 года, когда он подписывал свое «Письмо потомкам»? Только ли то, что восстание («буря», как он называет его в другом месте) могло вспыхнуть в любой момент!

Думается, что свой скромный вклад в проблему авторского имени у Градовского внесло жанровое разнообразие его произведений. Если внимательно посмотреть, то понимаешь, что каждое из них написано в совершенно особом жанровом ключе!

«Дорога в ад» — это, в сущности, реконструированный дневник, пусть и попеременно с литературой; записи делались если и не по ходу действия, то в согласии с реальной последовательностью событий. То, что рельефно выступит в «В сердцевине ада» — обобщающая сила и художественность, здесь еще только обозначено (риторическая фигура «Друга», например, в «В сердцевине ада» доросшая до не менее риторической «Луны»).

В «В сердцевине ада» художественность и эпичность сгущаются уже настолько, что заметно теснят событийность и летописность, — это уже настоящая поэзия, отрывающаяся от фактографии как таковой. Поэтому «В сердцевине ада» представляется нам поэмой в прозе, пусть неровной и несовершенной, но все же поэмой¹²⁴. Она эпична, но эпос ее скорее не дантовский, не драматический, а скорее античный или библейский — по-эсхиловски трагический.

А вот «Письмо из ада» — это политическое воззвание, это письмо потомкам, героический выкрик перед смертью или перед казнью, причем выкрик не только в лицо врагам, но и в лицо союзникам! Этому жанру анонимность противопоказана, если только это не безлично-массовая листовка.

9

Впечатляет уже сама идея создать именно художественное, а не документальное произведение¹²⁵. Уже в «Дороге в ад», а тем более в другой вещи — «В сердцевине ада» — Градовский применяет сугубо литературные приемы. Прежде всего это обращение к читателю как к другу и свободному человеку, приглашение последовать за ним и запечатлеть трагические картины происходящего¹²⁶. Этот «читатель» — не просто «лирический герой», а alter ego автора; если автор погибнет (в чем сам он ни на секунду не сомневается), а рукопись сохранится, то вместе с ней уцелеет и «читатель»: он примет от автора эстафету и передаст ее дальше.

Градовский умеет находить точные слова, например, для самого Аушвица как единого целого — «резиденция смерти». Он знает скрепляющую силу стежков-повторов и охотно к ним прибегает. Ему, как правило, удаются анафорические построения (прекрасный пример — зачин поминальной главки «Снова в бараке...» из «Расставания»). Каждая отдельная данность бытия — луна, кровать, барак, бокс (отсек) в бараке, — становится у Градовского де факто персонажем.

Он пытается обобщать не только свой личный опыт (в том числе свои детские воспоминания), но и опыт других людей: так, будучи сам ко времени начала войны бездетным, он много пишет о детях, представляя себе их переживания, их доверчивость, трудности их воспитания и т.п. — все то, что он видит вокруг себя или слышит от других. Привлекая воображение и для того, чтобы еще более оттенить ужас происходящего в Аушвице, он моделирует различные жизненные ситуации, прямым свидетелем которых сам он, может, и не был, но мог быть (например, главка «Он и она» в «Чешском транспорте» или, почти аллегорическая, характеристика влюбленности в «Лунной ночи»: *«Два сердца плели золотую нить — и изверг безжалостно разорвал ее»*). Понятно, что такая установка Градовского-писателя на практике нередко оборачивается патетичностью.

В то же время он не избегает и обличительных, публицистических нот: жестко и беспощадно чеканит он фразы о преступном бездействии части союзников или о бытовом антисемитизме части поляков: *«...Мы жили среди поляков, большинство из которых были буквально зоологическими антисемитами. Они [только] с удовлетворением смотрели, как дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице и с радостью в сердце они выслушивали ужасные душераздирающие сообщения о новых жертвах — сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. <...> Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду [им] отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними выростала железная стена, они — евреи — оставались одни под открытым небом, — и враг легко мог поймать их. <...> Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания. Знаешь, почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности».*

Вольно нам поправлять Градовского сегодня, когда мы знаем о тысячах поляков — Праведниках мира, спасавших, несмотря на риск, евреев, но в индивидуальном опыте Градовского — ни в Лунно, ни в Келбасине, ни в Аушвице — такие случаи, по-видимому, не запечатлелись.

Не щадит он и «своих» — евреев. Так, он был поражен трусостью и предсмертной покорностью мужчин из «семейного лагеря». Как «старожилы» Биркенау, те не могли питать никаких иллюзий относительно того, что произойдет с ними и с их женами, но, в отличие от всех остальных, прыгивавших с подножки поезда прямо в газовню, у них было и время, чтобы подготовиться к этому и оказать хоть какое-то сопротивление (судя по всему, его «опасения» разделяли и эсэсовцы). И, хотя он же сам и поясняет механизмы, парализующие евреев в такие минуты, он явно разочарован, и примирительности в его тоне не было слышно.

Как и не щадит он и «своих» из зондеркоммандо, хотя и именует их всех в главе «Расставание» из «В сердцевине ада» исключительно «братьями». И здесь — точно такой же «несостоявшийся героизм» евреев, прекрасно понимающих суть происходящей селекции в своих рядах, но расколотых ею надвое¹²⁷ и не способных перешагнуть через черту личной безопасности, одни, и черту личной обреченности, другие. Это относится и к нему, Залману Градовскому, лично, и он полностью признается в своей слабости и признает свой индивидуальный позор, смыть который смогло бы только восстание.

Очень интересен эпизод о некоем «покровителе» Келбасинского гетто — вероятнее всего, об его коменданте, — отбирающем у евреев последние ценные вещи. Даже этот грабеж, эта экспроприация материального добра, воспринимается евреями по-особому — еще и как некий лучик надежды, который, как знать, еще отзовется по-доброму на их положении. Именно так — не за деньги или миску баланды, а за лучик надежды — евреи и трудятся на врага. Надежда (и прежде всего — надежда выжить) превращается в некий товар, в обмен на который можно и нужно что-то заплатить; в сочетании с наивностью и доверчивостью к врагам она оборачивается инструментом их закабаления и поддержания среди них покорности и дисциплины.

Как уже отмечалось, язык Градовского — это литературный идиш с отдельными немецкоязычными вкраплениями: так, узников он называет только немецкими «нуммер» или «хефлинг» («номер» или «заключенный»). Часто используются слова «бокс», «барак», «блок» и «кейвер» — могила¹²⁸.

Между тем история Холокоста знает еще одно художественное произведение, которое можно поставить в один ряд с поэмой Залмана Градовского. Это «Сказание об истребленном народе» Ицхака Каценельсона.

Судьба самого Каценельсона (1896–1944) и его поэмы так же беспримерны. Известный еврейский поэт и драматург из Лодзи, он уже в

сентябре 1939 года попадает сначала в лодзинское, а затем в варшавское гетто, где 19 апреля 1943 года участвует в восстании. 20 апреля 1943 года Каценельсон и его сын Цви бегут из гетто, прячутся в арийской части города, и с купленными гондурасскими паспортами покидают Варшаву с необычным заданием: написать поэму!.. Они попадают в *Vorzugs-KZ* (концлагерь для привилегированных евреев), размещавшийся в Виттеле в Эльзасе. И — где-то между 3 октября 1943 года и 18 января 1944 года — Каценельсон поэму создает! Спустя три месяца, 18 апреля 1944 года, отца и сына депортируют сначала в Дранси, а 1 мая 1944 года — в Аушвиц, куда они прибыли 3 мая и где вполне могла состояться «встреча» Каценельсона с Градовским¹²⁹.

Но что же стало с рукописью поэмы? Ее судьба не менее поразительна: сохранились оба ее экземпляра! Первый (оригинал) еще в марте 1944 года был разложен в три бутылки и закопан под деревом в Виттеле. В августе 1944 года Мириам Нович откопала бутылки и передала их Натану Экку¹³⁰, который был вместе с Каценельсоном в Виттеле и ехал вместе с ним в Аушвиц, но сумел выпрыгнуть из поезда и спастись. Уже в феврале 1945 года он написал предисловие к книге и начал искать автора — в надежде на то, что и Каценельсон каким-нибудь чудом остался жив. В конце 1945 года, так и не разыскав его, Экк опубликовал поэму в Париже в виде маленькой книжки. У него к этому времени оказался и 2-й экземпляр поэмы, который он сам и переписал зимой 1944 года на папиросной бумаге, купленной на черном рынке. Стопку листов с поэмой зашили в ручку чемодана, с которым Рут Адлер¹³¹, вооруженная уже не гондурасским, а английским паспортом, в 1945 году добралась до Палестины, — а с нею и поэма!¹³²

Перед Каценельсоном и Градовским стояли, в общем-то, схожие задачи, — выразить в слове всю трагическую невыразимость катастрофы, постигшей евреев.

Пой вопреки всему, наперекор природе,
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!
Спой песнь последнюю о гибнущем народе, —
Ее безмолвно ждет последний иудей.

<...>

Пой, пой в последний раз. От ярости зверея,
Они растопчут все, что создал твой народ,
В последний раз воспой последнего еврея, -
Евреев больше нет, и Бог их не спасет.

Пой — вопреки всему! Гляди померкшим взором
В пустые небеса, где прежде был Творец.
Взойди к ним по костям народа, о котором
Лишь ты поведаешь оставшимся, певец.

<...>

Кричите, мертвые, зарытые в траншеи,
Кого глодали псы, кто стал добычей рыб;
На весь кричите мир, убитые евреи,
Да оглушит живых немой предсмертный крик.

Земля не слышит вас. Небесная гробница
Безмолвна и черна. И солнца тоже нет.
Оно погасло, как фонарь в руке убийцы...
Погас и мой народ, дававший миру свет¹³³.

Горечь от предательского бездействия Бога переходит у Каценельсона не в громогласный упрек, а почти что в Иово богоборчество, в усомнение в самом существовании Того, кто смог это все допустить:

...Пой! Голос подними!
Пусть ОН услышит, если
Там наверху, ОН, есть...¹³⁴.

У Градовского еще больше оснований для подобного выяснения отношений со Всевышним, но, отчаявшись, он не вызывает его на спор, просто не связывается с ним, ибо не связывает с Ним и упований: если он и ждет спасения, то не сверху, а с востока — от Советов.

Бросается в глаза еще одно важное сходство между двумя поэмами. Девятая песнь «Сказания об истребленном народе» названа «Небесам» и посвящена небесам — она играет у Каценельсона точно такую же роль, что и глава «Лунная ночь» у Градовского¹³⁵. Оба адресуются к небесам, недоумевая, почему те — видя то, что творится внизу — мирятся с этим и не бросают на убийц громы и молнии. Поэт разочаровывается в них («*Я верил вам, я верил в вашу святость!..*») и, в конце концов, просто отказывается смотреть наверх, на небеса — лживые и бесстыдные. Если евреи — все те же, что и 3000 лет назад, то небеса стали другие: лживые, бездушные, предательские. В такие небеса остается только одно — плюнуть. И тут догадка посещает поэта — «нет Бога там, на небе...»!¹³⁶ Нет потому, что Он умер, что Он тоже умер, умер, как и Его народ, что и Он — «с гурьбой и гуртом» — тоже убиенная жертва, а с ним погибло и нечто, еще более значительное для евреев, — идея единобожия!

О, небеса мои, вы опустели,
Вы — мертвая, бесплодная пустыня.
Единый Бог здесь жил, — теперь он умер.
Всевышнего утратил человек.
Наш Бог — один, но людям показалось,
Что мало одного, что лучше трое;
Ни одного на небе не осталось...
Да будет проклят этот гнусный век!¹³⁷

Эта своеобразная Иовова традиция — традиция разочарования и крайнего отчаяния, вплоть до усомнения и богоборчества, — восходит еще к поэмам Бялика, автора поэмы о кишиневском погроме: «*Небеса, если в вас, в глубине синевы Еще жив старый Бог на престоле...*») ¹³⁸.

И все же, у Градовского, Луна — это не предательница, а свидетельница, и в вину ей он ставит лишь ту абсолютную бесстрастность, с какою она это делает.

11

Залман Градовский не только одна из самых героических фигур еврейского Сопротивления, не только летописец, конспиратор и оптимист — он еще и литератор! Его произведения — единственные из свидетельств всех остальных авторов-членов зондеркомmando, не были ни дневником, ни письмом, ни газетным репортажем «с петлей на шее» из «ануса Земли», как назвал Аушвиц один из эсэсовцев ¹³⁹.

И, хотя не найти в мире места, более не приспособленного для литературных экзерсисов и пестования литературных талантов, чем поздний Аушвиц-Биркенау периода крематориев и газoven, установка самого Градовского была именно литературной!

Он недаром сравнивает свой «дом творчества» с преисподней. Ад, в котором пребывал и о котором поведал Градовский, неизмеримо страшнее дантовского своей вящей реальностью, заурадной обыденностью и голой технологичностью. Но, в отличие от великого флорентийца, Залману Градовскому не довелось вернуться из этой преисподней живым.

Ни на «вынашивание замысла», ни на «работу с источниками» или над «замечаниями редактора» времени и возможности у Градовского не было. Еще до войны он показывал свои очерки главному писателю в их семье — зятю Довиду Сфарду — и все волновался: что-то он скажет о его писаниях? Тот, наверное, поругивал своего младшего родственника, — по-видимому, за неистребимый сплав сентиментальности и патетики.

Этот сплав присутствует и в публикуемых текстах. Литературным гением, в отличие от Данта, Градовский не был. Но его слово, его стилистика и его образность, изначально сориентированные ни много ни мало на еврейское духовное творчество, на позднепророческие lamentации в духе Плача Иеремии, посвященного разрушению Храма в 586 году до нашей эры, удивительно точно соответствуют существу и масштабу трагедии. Просто уму непостижимо, как он это почувствовал, как угадал, но строки Градовского пышут такой уверенностью, что писать надо так и только так, что его поэтическое слово достигает порой поразительной силы и, вопреки всему, красоты! ¹⁴⁰

Его записки, — в точности так, как и рассчитывал Градовский, — были найдены одними из первых почти сразу же после освобождения Аушвица-Биркенау, и это чудо стало каденцией его беспримечной жизни и смерти. Наконец-то он получил возможность быть услышанным и прочитанным.

В том числе — и впервые полностью — и на русском языке...

Чернорабочие смерти: зондеркомандо в Аушвице-Биркенау

«Были мы люди, а стали людьве...»
(О. Мандельштам)

«Умри ты сегодня, а я завтра...»
(Гулаговская поговорка)

«Я тогда вообще не был человеком. Если бы я им был, то не уцелел бы и секунды. Мы только потому выстояли, что в нас не оставалось ничего человеческого.»

(Высказывание члена зондеркомандо)

1

В Аушвице убивали всегда. Убивали жестоко, беспощадно, садистски. Но поначалу — в рутинные времена «старого» концлагеря — как-то нетехнологично. Забить плеткой, расстрелять во дворе тюремного «бункера» и даже вколоть в больнице фенол в сердце подходящей жертве эксперимента, — все это как-то слишком индивидуально, как-то неуместно по-любительски и как-то чересчур нерационально.

Тогда еще не было селекций, каждый узник был зарегистрирован и именовался не иначе как *Schützhäftling* — «заключенный под защитой»¹⁴¹. «Он ли» находился под защитой, от «него ли»? Историческая ирония этого оксюморонного словосочетания не ускользала от тех, кого это напрямую касалось: «*Быть “подзащитным заключенным” (Schützlingshäftling) в величайшем лагере уничтожения парадоксально, это ирония судьбы, сознательной судьбы. Убийцы, садисты защищают нас! Мы пребываем под защитой, что означает предание нас произволу таких людей, таких воспитателей, которые и сами прошли соответствующее обучение — окончили аспирантуру высшего садистского знания, и все ради того, чтобы иметь возможность нас соответствующим образом “защищать”!*»¹⁴²

Несостоятельность и неуместный романтизм персонифицированной смерти стали очевидны перед лицом поставленной однажды лагерю задачи — посылить помочь в разрешении еврейского вопроса в Европе и перейти на принципиально новый вид убийства — массовый, безымянный и, в пересчете на один труп, недорогой.

Чуть ли не здесь же, в Аушвице, и догадались о самом оружии такого убийства — химическом: дешевый инсектицид циклон А, уже применявшийся тут же в сельском хозяйстве, для дезинфекции одежды и помещений и для борьбы со вшивостью, идеально для этого подходил.

После серии «успешных» экспериментов в «бункере» 11-го блока и в мертвецкой крематория I в сентябре 1941 года в качестве оптимального орудия убийства был признана разновидность газа циклон А — газ циклон Б.

Это была отдельная разновидность яда, перенацеленная на людей. Для удушения 1000 человек парами содержавшейся в циклоне Б синильной кислоты было достаточно всего четырех килограммов вещества (то есть четырех килограммовых банок). Эффективное испарение начиналось при температуре около 12 градусов по Цельсию. Поэтому помещения газовых камер — даже летом — немного протапливали, чтобы газ в них лучше расходился и быстрее вершил бы свою работу.

Понятно, почему одним из синонимов зондеркоммандо, бывшим в ходу у самих узников Аушвица, было газкоммандо. Именно под этим «псевдонимом» фигурировали они и на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками¹⁴³.

Чрезвычайно желательным было и спокойное состояние и поведение жертв. Так что к «технологии» отнормировались и успокоительные мероприятия, или, как сказали бы сейчас, операции прикрытия, — для чего привлекались и члены зондеркоммандо как «свои».

«Операцией прикрытия» было и бессознательное употребление символики Красного Креста. Именно красный крест красовался на так называемых «санкарах» — легковых санитарных машинах, на которых на каждую операцию приезжали и уезжали дежурный врач и эсэсовцы-палачи. Красные кресты были нашиты или намалеваны краской и на синих шапках у зондеркоммандо — их спецодеждой были не казенные полосатые робы, а обыкновенная гражданская одежда¹⁴⁴, вызывавшая у жертв минимум подозрений.

Непосредственно палаческую работу выполняли эсэсовцы среднего звена. В их выездах к газовням их обязательно сопровождал врач¹⁴⁵, наблюдавший за всем из машины: не дай бог что-нибудь случится с палачами, рискующими своей жизнью во имя великой цели!¹⁴⁶ У последних, конечно же, были противогазы, которые они

из геройства не всегда одевали, и еще специальные приспособления для открывания больших банок с гранулами. Вбрасывая гранулы в газовые камеры сквозь специальные отверстия-окошечки¹⁴⁷ сверху или сбоку, они посмеивались и переговаривались друг с другом о пустяках. После чего закрывали окошки цементными или деревянными ставнями-втулками. Но иногда они, вопреки инструкции, даже не закрывали их, а смотрели, сквозь стекла противогазов, с любопытством и торжеством, как там внизу все происходит: как люди, карабкаясь друг по другу, кидались к этим окошкам, и первыми умирали те, кто оказывался внизу, может быть, и не от удущья еще (сама агония отнимала не менее 6–7 минут), а от того, что их раздавили, — то были, в основном, инвалиды и дети. Перед смертью люди цеплялись, вгрызались ногтями в исцарапанные уже и до них стены...

Налобовавшись и закрыв ставни, они садились в свои машины с флажками и красными крестами, нарисованными на боках, и, продолжая трепаться, уезжали...

Кстати, место циническому веселью и палаческому юмору находилось везде. Шутники-немцы говорили раздевшимся детишкам, чтобы они не забыли взять с собой мыло и чтобы обязательно связали сандайки или туфельки шнурками. «Готово!», — говорил врач, поглядывая то на часы, то в глазок двери газовой камеры. «Камин» — вот ласковая кличка, данная эсэсовцам крематориям. «Himmelskommando» («Небесная команда») — пошучивали эсэсовцы по адресу не то уничтоженных евреев, не то живых еще зондеркомандовцев. «Угощайтесь», или «Жрите», — говорили они, вбрасывая в душевые камеры газ. «Рыбам на корм», — шутили о пепле, загружаемом в грузовики для сбрасывания в Вислу или Солу.

Если жертв было немного (по разным свидетельствам, верхней границей этого «немного» было 100 или 500 чел.)¹⁴⁸, то циклон Б на них не тратили, а убивали пистолетными выстрелами в затылок. Происходило это во дворе крематория, а иногда и в его внутренних помещениях. В таких случаях степень соучастия членов зондеркомандо в процедуре убийства становилась на порядок нагляднее и очевидней: нередко двоим из них приходилось держать жертву за руки и за уши, пока палач не спускал курок¹⁴⁹. И хотя непосредственным убийцей оставался немец-эсэовец, еврей-зондеркомандовец в этом случае уже никак не мог не ощущать своего прямого соучастия в происходящем¹⁵⁰.

Огненной ямы или крематория из жертв не избегал никто, и в конечном счете от 70–75-килограммового человека оставалось около килограмма темно-серого пепла; правда, берцовые кости почти никогда не прогорали до конца, и их приходилось потом дробить на специальных устройствах.

Иными словами, узким местом конвейера смертоубийства была не сама смерть, а заметание ее следов — как можно более скорое и полное сгорание трупов и уничтожение пепла.

Впрочем, и тут можно было не сомневаться в том, что применяемые технологии — самые совершенные, благо в области кремации и соответствующего печестроения Германия была мировым лидером.

2

...Свою первую в Аушвице кремационную печь эрфуртская фирма «*Torf und Söhne*» установила в августе 1941 года. В середине августа она уже была введена в строй, получив со временем обозначение Крематорий I.

Этот крематорий постоянно развивался и, начиная с 15 декабря 1941 года, имел уже четыре действующие муфельные печи, работавшие на коксе, а вскоре их стало шесть. Изначально пропускная способность этого мини-крематория, по словам Ф. Мюллера, была скромной — всего 54 трупа за час¹⁵¹.

Когда в Берлине или Ваннзее было принято решение о превращении концлагеря Аушвиц в ультрасовременный комбинат по уничтожению евреев, стало ясно, что Крематорию I такие задачи не по плечам, а точнее, не по печам. Уж больно скромной и неэффективной была самодельная газовая камера при нем. Но окончательно он был остановлен только в июле 1943 года, после чего его зажигали лишь изредка, по особым случаям.

Заказы на второй и третий крематории воспоследовали в ноябре 1941 и осенью 1942 годов: соответственно, в марте–июне 1943 года крематории один за другим становились в строй (первым — Крематорий IV, за ним Крематории II и V). Последним, в конце июня, был запущен Крематорий III. Теперь именно им, крематориям фирмы «*Тёпф и сыновья*» предстояла большая работа и предназначалась центральная роль, — но не в утилизации отходов и не в профилактике эпидемий, а в окончательном решении еврейского вопроса, в уничтожении раз и навсегда всей этой вражеской еврейской плоти.

Карл Прюфер и Фриц Зандер, ведущие инженеры фирмы, ощутив громаде задач, соревновались друг с другом в поиске новых решений и технологий, могущих обеспечить прорыв в печном деле по утилизации трупной массы. В своих усилиях они далеко превзошли аппетиты даже своего кровожадного заказчика! Так, Прюфер разрабатывал идею круговых печей, а Зандер — своего рода огненного «конвейера», способного работать практически безостановочно. В письме Зандера руководству своей фирмы от 14 сентября 1942 года прямо говорится, что речь идет об эффективной массовой кремации в условиях войны,

не оставляющих место какому бы то ни было пиетету, чувствительности или сентиментальности по отношению к трупам¹⁵², зато, в условиях конкуренции, делающей остро необходимым оформление на его изобретение патента¹⁵³.

Между тем первая пробная топка принесла «неутешительные» результаты: сгорание трупов (по три в каждой из пяти пущенных печей) протекало чрезвычайно медленно, аж целых 40 минут, после чего технические эксперты фирмы-производителя рекомендовали поддерживать пламя непрерывно в течение нескольких дней. Уже в марте 1943 года в газовой Крематории II был впервые умерщвлен целый еврейский эшелон — партия из Краковского гетто.

Крематории II и III были настоящими печными монстрами: они имели по 15 топков (5 печей, каждая на 3 муфеля), тогда как крематории IV и V — всего по 8. Их суточная пропускная способность составляла, согласно немецким расчетным данным, по 1440 и 768 трупов, соответственно. В горячие дни работа на них была круглосуточной, двухсменной, и пропускная способность скорее всего перекрывалась реальностью.

И для природной эсэсовской наблюдательности, сноровки и рационализаторства тоже находилось достойное место: так, ущерб от того, что трупы кидались в печи немного сырыми (поскольку перед этим их волокли по цементному полу, периодически обдаваемому водой из шланга — тогда трупы скользили, и их легче было подтаскивать к печам) с лихвой перекрывался тем, что мужские трупы клались посередине, детские сверху, а женские (в них, как правило, больше жира) — по бокам¹⁵⁴.

А куда крематории в Биркенау еще только строились, их подменяли два других временных цеха аушвицкой фабрики смерти, расположенные поблизости. Два крестьянских подворья (до этого и для этого их польских хозяев принудительно выселили) были переоборудованы в центры по умерщвлению людей с помощью газа — в так называемый бункер № 1, или «Красный домик», с двумя бараками-раздевалками, и бункер № 2, или «Белый домик», с четырьмя. Поблизости располагались склады для одежды, а также так называемые Effektenlager, или хранилища для «отходов производства» — золотых коронок, драгоценностей, одежды, личных вещей и даже волос убитых людей¹⁵⁵. Сами трупы первоначально закапывались в глубокие рвы, что позднее было признано не слишком удачной идеей — из-за опасности отравления грунтовых вод¹⁵⁶ трупными ядами¹⁵⁷.

В конце сентября 1942 года массовые захоронения¹⁵⁸ были вскрыты, все трупы эксгумированы, а их останки сожжены на кострах в огромных ямах. Во время венгерской запарки вновь обратились к практике сжигания трупов на кострах, но тогда ямы были пригото-

лены просто гигантские — 50 м в длину, 8 м в ширину и 2 м в глубину, к тому же еще и специально оборудованные (например, желобками для стекания жира — для лучшего горения)¹⁵⁹. Вплоть до пуска в строй в Биркенау в 1943 году четырех новеньких, с иглолочки, крематориев трупы из газовен подвозили к этим ямам-костровищам на тележках, передвигавшихся по импровизированным рельсам. В помещениях, прилегающих к газоvням, были устроены сушилки для волос и даже золотая плавильня.

Поистине — образцовая фабрика смерти и ее цеха!

Гитлер с Гиммлером — как рачительные хозяева, а евреи — как дешевые чернорабочие и одновременно как недорогое сырье. Местное или импортное — неважно: на транспорте тут не сэкономили!

3

Все это, однако, требовало организации постоянных рабочих команд, обслуживавших эти чудовищные комплексы.

Уже августом 1941 года датируется и первое обозначение «Kommando Krematorium» в таблице рабочих команд концлагеря. Устно она называлась еще и «Коммандо-Фишл», по имени Голиафа Фишла, ее капо¹⁶⁰. Эта команда была очень небольшой и состояла из 12, а позднее из 20 чел.¹⁶¹ — трех, а позднее шести поляков (в том числе капо Митек Морава) и из девяти, а позднее 15 евреев. Контакт с другими узниками более не допускался: для надежности евреев-зондеркоммандо поселили в подвале 11-го блока, в камере 13 (польские же члены зондеркоммандо жили в обыкновенном 15-м блоке, то есть в контакте с остальными узниками).

Всех поляков расстреляли в самом конце — в Маутхаузене, а вот двое из евреев каким-то чудом уцелели во всех чистках зондеркоммандо и дождались освобождения!¹⁶² Настоящие «бессмертные»!

Один из этих двоих — Станислав Янковский. Его настоящее имя — Альгер Файнзильбер¹⁶³. Воевал в Испании, выдавая себя за поляка-католика, а имя Станислав Янковский взял себе во Франции, чтобы скрыть свое еврейство, но хитрость не помогла. Он был арестован французской полицией и идентифицирован ею как еврей: это предопределило его маршрут — сначала в сборный еврейский лагерь в Дранси, оттуда в транзитный лагерь в Компьен, и уже из Компьена — 27 марта 1942 года, в составе транспорта из 1118 чел. (сплошь взрослые мужчины, без женщин и детей), он прибыл в Аушвиц 30 марта.

Из 11-го блока основного лагеря — пешим маршем по хлопьяющей болотистой дорожке — весь транспорт целиком попал в Биркенау, где Файнзильбера-Янковского, собственно, впервые зарегистрировали и поместили в 13-й блок. Начальником блока был эсэсовец, старостами

немцы-заключенные, по любому случаю избивавшие рядовых узников и докладывавшие на утро начальнику блока о том, сколько их за ночь окочурилось. Тот бывал доволен или не доволен в зависимости от цифры: 15 — это как-то мало и не солидно, а вот 35 — хорошо.

Вскоре Файнзильбера-Янковского, как плотника, вернули из Биркенау в Аушвиц, где выживать было несравненно легче. Но в ноябре 1942 года профессию пришлось круто поменять: его включили в первый состав новой зондеркоммандо и направили истопником в Крематорий I — загружать в печи трупы умерших или убитых.

Работа на Крематории I начиналась в 5 утра и кончалась в 7 вечера, с 15-минутным перерывом на обед, но, по сравнению с тем, что вскоре их ожидало в Биркенау, работы было сравнительно немного. Кроме трупов не прошедших селекцию евреев, умерших и убитых сжигали в самом Аушвице I, а также в Аушвице III (Buna-Werke в Моновице). Расстреливали здесь, как правило, «чужих», не из самого концлагеря, — специально сюда для экзекуции привезенных (чаще всего ими были советские военнопленные), но иногда все же и «своих», в том числе — и чуть ли не еженедельно — по 10–15 все тех же советских военнопленных из подвалов 11-го блока¹⁶⁴, вечно что-нибудь священное нарушавших. Трупы, в том числе женщин и детей и часто расчлененные, привозили и от «медиков» — из 10-го блока («экспериментальной лаборатории» Менгеле), из 19-го, где тоже велись эксперименты, но с бактериями, а также из 13-го блока — из еврейской больнички. По пятницам принимались трупы из окрестных поселений¹⁶⁵.

Несколькими неделями позже, в мае 1942 года, в Аушвиц попал и второй из «бессмертных» — Филипп Мюллер — словацкий еврей из городка Серед, по профессии скрипач¹⁶⁶.

Ко времени его прибытия в лагере находилось всего лишь 10 629 заключенных, главным образом поляков и немцев. Были среди них и 365 советских военнопленных — жалкие остатки тех 11,5 тысяч, что попали сюда между июлем 1941 и мартом 1942 года: 2 тысячи обошлись безо всякой регистрации — они пали жертвами первых экспериментов по удушению газами, а остальные 9,5 тысяч хотя и были зарегистрированы, но умерли или были убиты почти все!

С них, с советских военнопленных, начался и «послужной список» Ф. Мюллера. При этом он описывает и свое первое «грехопадение», когда он жадно поедал хлеб, найденный им в одежде убитых. После убийства на его глазах трех его товарищей, которых, еще дышащих, ему же пришлось и раздевать, и готовить к кремации, он дошел до самого дна отчаяния. Дошел — и остановился: броситься сам в печь он тоже не мог! Все что угодно, но только не смерть: «Я желал только одного: жить!...». И только с таким настроением да еще с надеждой когда-

нибудь и как-нибудь вырваться отсюда, собственно говоря, и можно было пробовать уцелеть в этом аду. К страстной жажде уцелеть примешивалась еще и робкая надежда на то, чтобы, если выживешь, рассказать обо всем, что тут было¹⁶⁷.

Когда Мюллера перевели в Биркенау, в группу из 200 человек, работавшую на Крематориях II и III (позднее его перевели на Крематорий V), с ужасом слушал он зажигальщика Юкла (Вробеля?), показывавшего ему устройство крематория-монстра с его газовыми камерами, сушилкой для волос и 15 печами с пропускной способностью в целый эшелон (а ведь рядом еще такой же!).

Дважды через этот крематорий пропускали «своих» — уже мертвых членов зондеркомmando: 80 человек — ее первый состав — еще в 1941 году расстрелял лично Отто Моль, в то время начальник бункера в основном лагере.

Таким образом, первый состав зондеркомmando, весьма небольшой, был закреплен за Крематорием I.

Второй состав зондеркомmando — 70–80 чел. (в основном, словацкие евреи) — уже с начала 1942 года работал в Биркенау, на бункере 1: поначалу он состоял из собственно зондеркомmando, работавших с трупами и газовой камерой, и «похоронной команды», обеспечивавшей предание трупов земле в огромных рвах¹⁶⁸.

Очень быстро с ними произошла отчасти штучная (убийства эсэсовцами на рабочем месте), отчасти массовая «ротация»: уже в январе или феврале 1942 года второй состав зондеркомmando был доставлен из Биркенау уже в другой бункер — в политическую тюрьму в Аушвице I. Здесь их, по некоторым сведениям, расстрелял лично Отто Моль, едва ли не главный садист всего Аушвица и в то время начальник этого бункера.

Третий же состав зондеркомmando — под командованием оберштурмфюрера Франца Хесслера — насчитывал уже около 200 чел.! Поначалу работа оставалась неизменной — раздевалка, газовые камеры, рвы-могильники, но в июле, после визита Гимmlера и по его приказу, произошла резкая перепрофилизация: трупы отныне не закапывали в землю, а сжигали в огромных ямах с решетками.

Уже к сентябрю число членов зондеркомmando достигло 300 чел.¹⁶⁹ Эти 300 чел. занимались тем, что раскапывали уже заполненные братские могилы и сжигали, вместе со свежими, еще и полуразложившиеся трупы. Конечно же, опасались заражения грунтовых вод и эпидемий, но главное было в другом: в свете грандиозности предстоящей «задачи» (а крематории в это время всюю строились!) для предания земле просто-напросто не хватило бы самой земли!

Когда, наконец, к декабрю эксгумировали и сожгли всех (а это, по некоторым прикидкам, порядка 110 тысяч трупов), наступил черед и самой зондеркоммандо. На этот раз была уже не «ротация» (то есть полное уничтожение), а «селекция» (частичное).

9 декабря 1942 года в газовой камере Крематория I было удушено около 200 чел. — якобы за подготовку побега¹⁷⁰. В основном это были словацкие и французские евреи: среди них штабовой Шмуэль Кац, а также несколько человек, все из Трнавы, о которых сообщают Р. Врба и А. Ветцлер (Александр и Войцех Вайсы, Феро Вагнер, Оскар Шайнер, Дезидье Ветцлер и Аладар Шпитцер)¹⁷¹.

Одновременно срочно набирался новый состав зондеркоммандо. Вот тогда-то и наступил черед Градовского и всех тех, кто прибыл в Биркенау в конце первой декады декабря: ими — в нарушение всех правил, безо всякого карантина — быстро заменили убитых. Оправившись от первого шока, они приступили к исполнению своих обязанностей на обоих бункерах, а начиная с середины марта — стали переходить и на крематории, вводившиеся в это время в строй один за другим.

Между 6 и 10 декабря 1942 года из новых узников, размещенных на лагерном участке ВIb, были сформированы новые зондеркоммандо — на этот раз, в основном, из польских евреев. До середины июля 1943 года они размещались в изолированных 1-м и 2-м блоках лагеря «В» (ВIb) в Биркенау.

С апреля по июнь 1943 года число членов зондеркоммандо удвоилось. В начале июля их было уже 395 чел., в основном евреи из Цеханува и Келбасино, а также французские евреи польского происхождения из Дранси и — совсем понемногу — голландские, греческие, а так же словацкие евреи¹⁷². Все они работали в две смены на пяти участках: две бригады на Крематориях II и III — по 100 чел., две на крематориях IV и V — по 60 чел., а пятая на уничтожении следов — человеческий пепел откапывали из ям и сбрасывали в Вислу.

Но в середине июля после того, как в этих бараках разместился женский лагерь, их перевели в изолированный 13-й блок сектора «D» в Биркенау (ВIIId) — подальше от Крематориев II и III и поближе к Крематориям IV и V. Именно сюда, в 13-й блок, прибывало и последующее пополнение¹⁷³. Позднее, когда в 13-м стало тесно, вновь прибывающих подсажали также в 9-й и 11-й блоки.

Этот блок был отгорожен от соседнего барака стеной, возле дверей которой всегда стоял охранник. Но, как писал Ф. Мюллер, несмотря на эту особенную атмосферу изолированности, коррупция открывала любые двери. Истинными специалистами по черному рынку рекомендовали себя сыновья капо Шлойме (Кирценбаума). Даже свида-

ния с женщинами оказывались не невозможными для обитателей барака зондеркоммандо.

Была в этом бараке и небольшая «больничка» — лазарет на 20 мест, где с 1943 года врачом был 35-летний д-р Жак Паш, из Франции. Была и своя «синагога» — во всяком случае своя религиозная жизнь, свой даян и раввин (из Макова — крепкий, примерно 35 лет): все свободное время они молились! Поначалу с ними спорили, отказывая Богу в справедливости, и в существовании, но даяна все равно уважали и слушали. Один его бывший ученик бросил даяну в лицо: «Нет твоего Бога. А если бы был, то он болван и сукин сын»¹⁷⁴.

Еврейскими капо были Айцек Кальняк из Ломжи (на Крематории V, затем в сушилке для волос на Крематории III), Шлойме Кирценбаум из Макова (капо дневной смены на Крематории V), Айцек Новик из Лунно (капо дневной смены на Крематории V), Хайм-Лемке Плишко из Червона-Бора (унтеркапо на на Крематории III¹⁷⁵), а также некто Элиазер (Лайзер) — капо на Крематории IV¹⁷⁶. Капо был и Даниэль Обстбаум из Варшавы-Дранси, сосед Мюллера, Янковского и Ферро Лангера по нарам (капо на Крематории IV)¹⁷⁷.

Однако самую «высокую карьеру» сделал Яков Каминский: родом из Скидлы или Соколки¹⁷⁸, уже в январе 1943 года ставший капо на Крематории III, а с декабря 1943 по август 1944 года — он обер-капо на Крематории II. Врач А. Гордон, лечивший Каминского до войны, случайно встретил его в Биркенау: от конца апреля до середины июля 1943 года их бараки (блоки № 2 и 3) были рядом, и Каминский, испытывая к нему уже проверенное жизнью доверие, часто и подробно рассказывал о том, чем приходится заниматься зондеркоммандо и какие там царят отношения. Совестьливый и заслуживающий к себе уважения еврей, Каминский плакал, когда рассказывал об этом. Общее количество еврейских жертв он оценивал в 2,5 миллиона. Если бы стены Крематорий могли бы говорить, то после войны в живых осталось бы совсем мало немцев.

Каминский был капо зондеркоммандо, а оберкапо этого состава поначалу был немец-уголовник Брюк, в начале 1943 года переведенный сюда из Бухенвальда. В бараке командовал блоковый Серж Савиньский, 32-летний французский еврей польского происхождения, бывший торговец текстилем (по другим сведениям — сутенер) в Париже¹⁷⁹.

В январе 1944 года неудачей закончился побег капо Даниэля Обстбаума¹⁸⁰ из Франции, штубового Майорчика из Варшавы, Ферро Лангера из Словакии и еще двоих членов зондеркоммандо. В порядке возмездия около двухсот из них были отправлены 24 февраля 1944 года в Майданек, якобы в помощь тамошним коллегам. Но 16 апреля 1944 года пополнение прибыло, наоборот, оттуда — 19 со-

ветских военнопленных и Карл Конвоент, немец-капо из Майданека, — и от них все узнали, что аушвицкая «бригада», действительно, была в Майданеке, но была там ликвидирована¹⁸¹.

Начиная с середины мая 1944 года, когда в Аушвиц массами начали поступать венгерские евреи, численность зондеркоммандо увеличилась до 873–874 чел., не считая 30, занятых на разгрузке угля или дров (из них 450 венгерских, 200 польских, 180 греческих, 5 немецких, 3 словацких и 1 голландский еврей, а кроме того — 19 советских военнопленных, 5 польских уголовников и 1 немец-капо)¹⁸².

Всего в Биркенау в разгар «венгерской акции» было четыре автономных зондеркоммандо, посменно (дневная и ночная смены) и круглосуточно занимавшиеся сжиганием трупов. Каждая — численностью приблизительно в 170 чел. и каждая под своим номером — 57 (Крематорий II), 58 (Крематорий III), 59 (Крематорий IV) и 60 (Крематорий V).

При этом в июне 1944 года их жилые помещения перевели поближе к «работе»: тех, кто обслуживал Крематории II и III, разместили буквально на печках — на чердачных этажах, а тех, кто обслуживал Крематории IV и V, — разместили еще более символично: в одной из раздевалок перед газовой камерой Крематория IV!

Между населением 4 крематориев были отличия, зафиксированные цепким глазом патологоанатома: Миклош Нижли отметил, что на Крематории IV большинство из них составляют польские и греческие евреи, а также сотня венгерских, тогда как на крематории V — польские и французские¹⁸³.

24 сентября 1944 года, после завершения «венгерской операции», 200 членов зондеркоммандо отобрали якобы для перевода в лагерь-филиал Глейвиц: в действительности же их отправили в дезинфекционную камеру в Аушвице I, а затем привезли в мешках для сожжения в Биркенау, причем сжигали на этот раз сами эсэсовцы.

Следующее «сокращение» было намечено на 7 октября — уже существовал список на 300 имен. Отсюда — и дата восстания, в котором приняли участие зондеркоммандо как минимум из трех крематориев. В результате подавления восстания погибли 250 чел. и еще 200 чел. были в тот же день расстреляны. К 9 октября в живых оставалось всего 212 чел.

Крематории I, II и III так и не заработали, в одной из газовен предприимчивые немцы устроили кроличью ферму. Работу продолжал только Крематорий V¹⁸⁴, при этом Менгеле не прекращал там и своих экспериментов над трупами.

Следующая и последняя массовая селекция состоялась 26 ноября 1944 года: 170 чел. увели с зоны, из них 100 чел. расстреляли в «сау-

не», а оставшиеся 70 были задействованы на каменоломне. Их даже переименовали (в Abbruchkommando) и вернули ВП d, но не в старый барак зондеркомmando (№ 13), а в обыкновенный (№ 16).

Остальные 30 чел. продолжали жить в крематории V¹⁸⁵. Они занимались довершением его разрушения и демонтажом оборудования. Окончательно Крематорий V был взорван только 26 января 1945 года, то есть буквально за день до освобождения лагеря.

В число этих 30 попали Элеазер Айзеншмидт и Филипп Мюллер, с ними же были еще и еврейские врачи¹⁸⁶. Источники их подкормки давно закончились, и теперь они спускали свои бриллианты и доллары, обменивая их на хлеб, колбасу и сигареты с постовыми эсэсовцами. Дантист Фишер додумался до способа приумножить обменную базу: из латуни, которую можно было извлечь из развалин, он начал делать фальшивые золотые зубы.

Таким образом ко дню эвакуации лагеря 18 января 1945 года в живых оставалось около 100 членов зондеркомmando.

В этот день, 18 января, повсюду дым и огонь от сжигаемых картошек и документации. Зондеркомmando на Крематории V глаз не спускали со своих начальников — Горгеса, Куршуса и еще одного. Но никто не вел их расстреливать, а вечером пришел блокфюрер и командовал: «Всем в лагерь». Там они встретились с остальными 70.

В ту же ночь, снежную и холодную, начался марш смерти. Члены зондеркомmando не стали дожидаться утра и, словно тени, выбравшись из своего неохраняемого барака, они смешались в утренних сумерках с толпой. Несколько дней пешего хода до железнодорожной станции Лослау, а оттуда еще несколько дней до Маутхаузена в открытых вагонах. Четырём удалось убежать еще по дороге в Маутхаузен (Г. Таубер, Ш. Драгон, С. Янковский и Г. Мандельбаум).

Логично было предположить, что по прибытии в Маутхаузен их станут искать для того, чтобы ликвидировать. Но поначалу никто не интересовался носителями едва ли не самой страшной из тайн. Но на 3-й день маутхаузенский начальник рявкнул на аппеле «Все члены зондеркомmando — шаг вперед!» Но ни один из них (в том числе оба капо — Шлойме и Лейзера) не двинулся с места. Позднее он столкнется лицом к лицу и с шарфюрером Горгесом, но тот не выдал его и, наоборот, принес хлеба¹⁸⁷.

Впрочем, в Маутхаузене все же состоялась и последняя в истории зондеркомmando «селекция» — на сей раз были ликвидированы шестеро польских членов зондеркомmando: капо Мечислав Морава, Вацлав Липка, Йозеф Пложак, Станислав Слемяк, Владислав Бикуп и Ян Агрестовский.

От чего зависело, попадет человек в зондеркомmando или нет?

От сочетания многих причин.

Прежде всего — селекция на рампе. Ее, как правило, вел лагерфюрер Шварцхубер, и он же отбирал в члены зондеркомmando, учитывая не только силу и здоровье, но и физиономию человека, то есть, отчасти, его психологию¹⁸⁸.

Если ты выглядишь здоровым и ведешь себя скромно, покорно, не вызывающе — то ты остаешься жить. Тебя не увозят на грузовике в газовню, а строят и конвоируют в барак, запускают в настоящий, а не в ложный душ и держат 3–4 недели в карантине (ВПбЗ)¹⁸⁹, обривают, фотографируют, регистрируют и накалывают тебе на левую руку номер¹⁹⁰.

Но главным признаком отбора все равно оставались здоровье и физическое состояние: кандидаты в зондеркомmando по сути должны были пройти через еще одну селекцию — серьезную медицинскую комиссию, освидетельствовавшую их на предмет пригодности для этой каторжной работы¹⁹¹.

Получившим номера гарантировались жизнь и работа.

Но какая? В каких случаях люди требовались именно в зондеркомmando?

Только в одном — если рук в зондеркомmando не хватало. А вот нехватка возникала уже в двух ситуациях: или когда членов зондеркомmando становилось меньше (иными словами, когда их самих или их часть отправили в печь или назначили для этого определенный день) или когда «работы» становилось больше: так оно было весной 1944 года, когда эшелон за эшелонам (иногда по несколько эшелонов в день!) начали поступать венгерские и греческие евреи.

Примером первого варианта служит судьба самого Залмана Градовского или братьев Драгонов — Шлоймо и Абрама, двух евреев из Жиромина, попавших в Аушвиц 9 декабря 1942 года с транспортом из Млавинского гетто¹⁹². Тогда крематориев в Биркенау еще не было. В ходу были только ямы у двух бункеров, — это оттуда пахло горелым мясом и это их низкое пламя было видно издалека, оно особенно зловеще выглядело в ночи...

Как и Градовский, братья попали сначала в карантинный блок № 25 зоны Б в Биркенау, но буквально на несколько часов, так и не отбыв положенные по регламенту три карантинные недели. В тот же день их перевели во 2-й блок, где до них жил предыдущий состав зондеркомmando¹⁹³. Уже назавтра, 10 декабря, новичков вывели на работу к одному из бункеров. Потрясенный увиденным, Шлоймо попытался перерезать себе вены осколком от бутылки. Но назавтра его

(а заодно и его брата) из-за этого пожалели и оставили в бараке штурбовыми. После этого всю команду перевели в блоки 11 и 13, в блоке 11 братья они прожили около года, пока их не перевели в блок № 13 (в блоке 11 размещалась штрафкоммандо), а летом 1944 года — непосредственно в крематории.

Примерами второго варианта могут послужить случаи Леона Когена и Йозефа Заккара¹⁹⁴.

Л. Коген родился 15 января 1920 года в Салониках, получил светское образование, но учил иврит в воскресной школе. Уцелел в Аушвице, он после войны он вернулся в Грецию, а в 1972 году переехал в Израиль.

В Аушвиц он попал 11 апреля¹⁹⁵, прошел селекцию и получил № 182492. После карантина, его перевели в Биркенау и включили в состав зондеркоммандо. Его выдуманная профессия — дантист — оказалась необычайно востребованной на новом месте: он вырывал у жертв золотые зубы и протезы. Работал сначала на бункере, потом на Крематории IV, а затем на Крематории III, — благодаря чему и уцелел. Его рабочее место как «дантиста» было поистине теплым — всего 3 метра от ближайшей печи. Раскрыть рот (клещами!), осмотреть ротовую полость, вырвать зубы и все — кивок головой: следующий! И так до 60–75 трупов за 10 минут!¹⁹⁶

Йозеф Заккар, родом из греческого городка Арт, был схвачен 24 марта 1944 года и привезен в лагерь Хайдари, что под Афинами, где пробыл до 2 апреля. Назавтра его самого, его отца, мать и сестер среди вместе с другими посадили в товарные вагоны и 14 апреля — накануне Пасхи — привезли в Аушвиц. Родителей он больше уже не увидел, а с сестрами расстался позднее.

При регистрации он получил № 182739. 12 мая в карантинном бараке провели еще одну мини-селекцию, но более строгую, с медицинским осмотром, после чего отобрали 200 или 300 чел.¹⁹⁷ Среди них оказались и его греческие соотечественники — братья Венеция, братья Коген, братья Габай из Афин, Шаул Хазан, Михаил Ардетти, Пеппо-Йозеф Барух, Марсель Надьяри, Даниэль Бен-Нахмиас, Менахем Личи и др.

Всех новичков перевели в блок 13 лагеря D. Узники, которые уже там были, «пожалели» новичков и не стали им ничего рассказывать и объяснять, — сказали только, что в еде и всем прочем недостатка не будет, но что работа будет тяжелая и что будет ее много. Что именно за «работа» их ожидала, стало ясно из «экскурсии» назавтра к бункерам — к огромным кострам на открытом воздухе, где полыхали на политых мазутом дровах еврейские трупы.

Как и Коген, он начал на Крематории IV, а через три дня был переведен на Крематорий III, где и проработал до скончания самого концлагеря Аушвиц.

О себе И. Заккар говорил, что он, как и все другие, вскорости стал автоматом, машиной, что он был *«всего лишь маленьким винтиком в механизме фабрики смерти»*¹⁹⁸. Он твердил заученные слова, успокаивал ими себя. Если бы он мог плакать — плакал бы, не переставая, а так можно сказать, что он плакал без слез, море его слез навсегда пересохло. И после Аушвица уже и вовсе никогда не плакал¹⁹⁹.

Упомянутые Закарром братья Габай из Афин — Самуил, Дарио и Яков (все, кстати, итальянские граждане)²⁰⁰ — прибыли из Салоник тремя днями раньше его — во вторник, 11 апреля, в 10 часов утра. Из их эшелона в 2500 чел. первоначальную селекцию на рампе прошли около 700 чел. А далее история Якова Габая (№ 182569) в точности совпадает с закарровской — с разницей лишь по месту работы — на Крематории III.

5

Задумаемся над самим феноменом зондеркомmando.

Многосложная этическая проблематика сопровождала каждого ее члена буквально на всем его лагерном пути.

Вот некоего узника N. во время селекции отобрали в члены зондеркомmando, разумеется, ни слова не сказав ему о его будущей деятельности: эту мерзкую информационную миссию, как правило, брали на себя все те же уцелевшие от ротаций и селекций старожилы — после того, как надзиратели привели новобранцев в их общий барак.

И вот новичка ввели в курс дела, наконец, до него доходит, что его близких — жены, отца, матери, детей — уже нет в живых. А если почему-то с их убийством вышла заминка, то не исключено, что ему еще придется «обслуживать» и их убийство!

Понятно, что он шокирован, оглушен, контужен... А что дальше? Как должен он реагировать на весь этот непередаваемый ужас? Ведь любая форма отказа или хотя бы возмущения, несомненно, была бы самоубийством.

Кстати, такого рода самоубийства или хотя бы покушения на них, конечно же, случались, но были они большой редкостью²⁰¹. Я. Габай рассказал о Менахеме Личи, действительно прыгнувшем в огонь²⁰².

Пусть не в первый свой день, но то же сделал и Лейб-Гершл Панич, застреливший в день восстания ээсовца²⁰³. Э. Айзеншмидт сообщает сразу о трех известных ему случаях: два — это еврейские врачи во время восстания в октябре 1944 года, а третий — некий бывший полицейский из Макова, проглотивший 20 таблеток люминала, но его все равно спасли²⁰⁴. Об аналогичном случае на Крематории V с капи-

таном греческой армии подробно вспоминает и М. Нижли²⁰⁵, его спаситель. Кальмин Фурман²⁰⁶, земляк Градовского по Лунно, пытался повеситься после того, как один раз поучаствовал в сожжении трупов своих близких, но спасли и его²⁰⁷.

Есть свидетельства и о гипотетических (в любом случае — не реализованных) намерениях совершить самоубийства²⁰⁸. Так, Ш. Драгон хотел перерезать себе вены бутылочным осколком, а Ф. Мюллер тоже хотел было присоединиться к своим жертвам, но те, как он пишет, упростили его остаться в живых и все рассказать²⁰⁹.

Но рассказ Даниэля Бен-Нахмиаса о четырехстах греческих евреях из Корфу и Афин, отобранных в зондеркомmando для «обслуживания» венгерских евреев на Крематории II и дружно, как один, отказавшихся от этой чести, после чего их самих всех казнили и сожгли, — этот рассказ не вызывает к себе доверия²¹⁰. Ибо нет правил без исключения, но тем более нет правил, состоящих из одних исключений!

Гораздо ближе к реальности рассказ М. Надьяри, прибывшего в Аушвиц тем же транспортом, что и Бен-Нахмиас: *«Жар возле печей был невероятный. Этот жар, потоки пота, убийство стольких людей, выстрелы Молля не давали даже осознать до конца, что происходит. Молль уже застрелил первого из нас, грека, потому что тот не понял его приказ. Еще один, не пожелавший иметь с происходящим ничего общего, бросился сам в печь²¹¹. Oberшарфюрер Штейнберг застрелил его, чтобы он не мучался и чтобы мы не слышали его криков. В тот вечер все мы решили умереть, чтобы покончить с этим. Но — мысль о том, что мы могли бы организовать атаку, побег и отомстить — [взяла верх]. С этого момента и началась наша конспирация...»²¹²*

Следующая моральная дилемма возникла сразу же, в раздевалке, при первом же контакте с жертвами: говорить или не говорить им о том, что их ждет? А если спросят? Понятно, что такого рода предупреждения и вообще разговоры были строго-настроено запрещены²¹³. Если бы они заговаривали, спрашивали и узнавали больше о жертвах, хотя бы их имена²¹⁴, — это легло бы страшной дополнительной нагрузкой на их психику и стало бы непереносимо. Но если бы они не заговаривали, то они не знали бы многого из того, что знали о прибывших транспортах. Да и совсем молча было бы не справиться со своей главной задачей в раздевалке — с тем, чтобы подействовать на жертв успокоительно, с тем, чтобы они как можно быстрее разделись и мирно проследовали бы в «банное отделение». Можно сколько угодно рассуждать и заговаривать себя тем, насколько же легче было несчастным жертвам провести свои последние минуты в «мирном общении» «со своими», но от этого ничего не изменится в полном осознании того, насколько же **подла** эта «главная задача»!

Тут же, кстати, возникала и еще одна проблема — проблема женской наготы, а ведь практически все партии были смешанными — мужчины и женщины вместе. Женщины плакали от стыда из-за необходимости раздеваться перед посторонними (при этом на мужчин из зондеркоммандо столь острое чувство не распространялось — они воспринимались как некий приданный бане медицинский персонал).

После того как последний человек заходил в газовую камеру и массивная дверь закрывалась, облегчение испытывали не только эсэсовцы, но и члены зондеркоммандо. Некому уже было заглянуть им в глаза, и моральная проблематика, весь стыд и ужас уходили на задний план. В дальнейшем — и уже очень скоро — им предстояло иметь дело только с трупами, да еще с добром и пожитками покойников.

О добре и пожитках. По негласной условленности все съедобное и весь алкоголь, что были в вещах, доставалось зондеркоммандо, служа серьезной добавкой к их казенному рациону и наделяя их своеобразной «валютой», весьма котировавшейся во всем лагере²¹⁵, в том числе и у эсэсовцев-вахманов.

Что касается денег и ценных вещей, то их присваивать себе было категорически запрещено как зондеркоммандо, так и СС: тем не менее это происходило, хотя делал это не каждый из работавших в раздевалке — некоторые из страха быть пойманными, единицы — из моральных соображений. Частично деньги шли на подкуп СС и на финансирование восстания. Но был еще и черный рынок.

Что же касается трупов, то — несмотря на всю сакральность мертвого тела в еврейской религии — очень скоро от почтения к ним ничего не оставалось. Иные члены зондеркоммандо позволяли себе ходить по ним, как по вздувшемуся коврику, сидеть на них и даже перекусывать, облокотившись, в перекур.

Да они и сами были будущими трупами — чего уж тут церемониться: все свои!..²¹⁶

6

Другое обвинение, которое выдвигается против членов зондеркоммандо, — это категорическая несовместимость статуса их работы и статуса их личностей с универсальным статусом человека.

Для того чтобы ответственно и не рискуя жизнью выполнять порученное им эсэсовцами, нужно прежде всего — самим перестать быть людьми. Отсюда правомерность и другого тяжелого обвинения в их адрес — неизбежное в их ситуации озверение, потеря ими человеческого облика.

Это отчасти проявлялось и во внешнем виде членов зондеркоммандо, но резче всего — в их внутреннем состоянии: многие сталки-

вавшиеся с ними узники воспринимали их как грубых, опустошенных и опустившихся — неважно, что опущенных другими — людей.

Люся Адельсбергер так характеризовала членов зондеркоммандо: *«То были уже не человеческие создания, а перекошенные, безумные существа»*²¹⁷. Или вот Врба и Ветцлер, чей побег, кстати, был бы невозможен без предметов, раздобытых зондеркоммандо и полученных от них, не скупятся на обличающие эпитеты: *«Члены зондеркоммандо жили изолированно. Уже из-за чудовищного запаха, исходившего от них, с ними не возникало желания контактировать. Всегда они были грязные»*²¹⁸, *абсолютно потерянные, одичавшие, жестоко подлые и готовые на все. Не было редкостью, если они убивали друг друга»*²¹⁹.

К ним примыкает даже не свидетельство, а настоящий приговор, или диагноз, — слетевший с уст Сигизмунда Бенделя, одного из врачей зондеркоммандо: *«В людях, которых я знал, — в образованном адвокате из Салоник или в инженере из Будапешта — не оставалось уже ничего человеческого. То были дьяволы во плоти. Под ударами палок или плеток СС они бегали как одержимые, чтобы как можно скорее выполнить полученное задание»*²²⁰.

А вот свидетельство еще одного специалиста-врача: *«Члены зондеркоммандо болели редко, их одежда была чистой, их простыни свежими, пища хорошей, а иногда и исключительно хорошей. Кроме того, все это были молодые люди, отобранные именно вследствие их силы и хорошего телосложения. Если у них и была склонность, то к нервным нарушениям, так как колоссальной тяжестью для них было осознавать что их братья, их жены, их родители — вся их раса целиком — мученически погибали здесь. День за днем они брали тысячи тел и своими руками бросали их в печи крематориев. Последствиями этого были тяжелые нервные депрессии и, часто, неврастения»*²²¹.

Некоторые, несомненно, просто сошли с ума, но остальные, движимые инстинктом выживания, становились апатичными и бесчувственными, эдакими **роботами** — рабочими механизмами без души и эмоций, что, впрочем, не мешало их дисциплинированности и «готовности на все».

На вопрос, что он чувствовал, когда слышал предсмертные крики задыхающихся людей за дверями газовой, Леон Коген ответил:

«Я должен Вам сказать что-то ужасное. Но это правда. Мы были тогда как роботы. Мы не могли позволить себе предаться силе чувств, которые возникали у нас по ходу нашей работы. Человек же эти чувства, являющиеся составной частью его работы, вынести не может! Мы же чувствовали себя “нормальными людьми” только тогда, когда мы эти свои чувства на корню подавляли, только тогда наши действия принимали личину “работы”, которую мы должны были выполнить согласно указаниям немцев. Так это выглядело. Мы не думали об ужасном

в нашей “работе”, у нас не было по этому поводу эмоций. Собственно говоря, у нас не было и чувств. Мы их задушили еще в зародыше»²²².

Когену буквально вторил Яков Габай:

«Поначалу было очень больно быть обязанным на все это смотреть. Я не мог даже осознать того, что видели мои глаза — а именно: от человека остается всего-лишь какие-то пол-килограмма пепла. Мы часто об этом задумывались, но что из этого всего толку? Разве у нас был выбор? Побег был невозможен, потому что мы не знали языка. Я работал и знал, что вот так же погибли и мои родители. Что может быть хуже? Но через две, три недели я к этому уже привык. Иногда ночью, присев отдохнуть, я опирался рукой на труп, и мне уже было все равно. Мы работали там как роботы. Я должен был оставаться сильным, чтобы выжить и иметь возможность все рассказать, что в этом аду происходило. Действительность такова, что человек ужаснее зверя. Да, мы были звери. Никаких эмоций. Иногда мы сомевались, а осталось ли в нас еще что-то человеческое? <...> Мы были не просто роботы, мы были звери. Мы ни о чем не думали»²²³.

Так, неужели на самом деле ни в ком из них не оставалось ничего человеческого? Были среди них нормальные, не озверевшие люди?..

Были!

Наверное, все они мечтали о мести, но некоторые — всерьез задумывались о сопротивлении и о восстании. Настолько всерьез, что однажды это восстание даже состоялось. Думается, что именно восстание и все, что с ним и с его подготовкой связано, — сыграло решающую роль на пути возвращения многих членов зондеркоммандо из Биркенау к ментальной и душевной нормальности.

Свое человеческое начало всем им пришлось доказывать по самому высшему счету, и они его доказали! И не только, точнее, не столько самим восстанием, не только тем, что в считанные часы отвоеванной ими последней свободы они сумели разрушить и вывести из строя одну из четырех фабрик смерти в лагере.

Они доказали это прежде всего тем, что некоторыми из них — пусть и немногими — владело призвание стать последними свидетелями — и, может статься, первыми летописцами — последних минут жизни многих сотен тысяч соплеменников. Такое осознание придавало им моральную силу, и такие люди, как Градовский, Левенталь или Лангфус, в апатию или не впадали, или умели из нее выходить.

Они оставили после себя свои СВИДЕТЕЛЬСТВА — аутентичные и собственноручные записи с описаниями лагеря и всего того, чем им пришлось здесь заниматься — эти поистине центральные документы Холокоста! (Берегли они и свидетельства третьих лиц, как, например, рукопись о Лодзском гетто).

Бесценны и десятки других свидетельств тех членов зондеркоммандо, что чудом остались в живых. Независимо от того, в какой форме они были сделаны — в форме ли показаний суду или при расследовании преступлений нацистов, в форме ли интервью²²⁴ или в форме отдельных книг (как М. Нижли, Ф. Мюллер или М. Надьяри).

«Мы делали черную работу Холокоста», — как бы подытожил за всех Яков Габай²²⁵.

7

Уже в лагере, изолированные от всего мира, члены зондеркоммандо все же сталкивались с тем отторжением и ужасом, которые они вызывали у других евреев — прежде всего у самих жертв.

Лейб Лангфус честно признается: «А вот случай из конца 1943 года. Из Шауляя прибыл транспорт с одними детьми. Распорядитель казни направил их в раздевалку, чтобы они могли раздеться. Пятилетняя девочка раздевает своего годовалого братишку, к ней приблизился кто-то из коммандо, чтобы помочь. И вдруг девочка закричала: “Прочь, еврейский убийца! Не смей прикоснуться к моему братику своими запачканными еврейской кровью руками! Я теперь его добрая мамочка, и он умрет вместе со мной на моих руках”. А семи- или восьмилетний мальчик, стоящий рядом, обращается к нему же: “Вот ты — еврей и ведешь таких славных детишек в газ — но как ты сам можешь жить после этого? Неужели твоя жизнишка у этой палаческой банды тебе и впрямь дороже, чем жизни стольких еврейских жертв?..”»²²⁶.

Дети шарахались от зондеркоммандо, для детей они были своего рода «персонификацией смерти»²²⁷.

В уста Галевского, одного из руководителей восстания в Трешлинке 2 августа 1943 года, Жан-Франсуа Штайнер, автор художественного произведения «Трешлинка», вкладывает следующие слова: «В это и корень необычайной силы нацистской системы. Она оглушает своих жертв, как это делают некоторые пауки. Она оглушает людей и убивает оглушенных. Кажется, что это довольно хлопотно, но в действительности иначе ничего бы не получилось. <...> Мы, пособники пособников и служители смерти вегетируем в совершенно новом мире, мире посередине между жизнью и смертью, скомпрометированные настолько, что мы своей жизни можем только стыдиться»²²⁸.

Когда палач и жертва находятся по разную сторону плахи — это хотя бы понятно. Зондеры же были принуждены соучаствовать в конвейере убийства и выполнять задания, о которых немцы, представители народа-господина, сами не хотели мараться.

За это они оставляли их на некоторое время в номинальных живых. Но, оставляя в живых, а, точнее, в дышащих, бранные тела сво-

их подручных, эсэсовцы убивали, а точнее, брали в заложники нечто большее — их души.

Члены зондеркомандо были самые информированные заключенные во всем лагере, и поэтому — самые охраняемые. И поэтому же — самые обреченные.

По поводу своей судьбы они не строили никаких иллюзий и прекрасно понимали, что принадлежность к зондеркомандо — не что иное как разновидность смертного приговора, но с временной отсрочкой приведения его в исполнение и без указания точного срока.

Иными словами, то, за что они боролись своим каждодневным трудом, — было даже не жизнью, а всего лишь отсроченной смертью.

Так что же тогда двигало ими? — природное жизнелюбие? надежда на чудо? универсальный принцип, раньше всех и лучше всего сформулированный в Гулаге: «Умри ты сегодня, а я завтра!»?

8

Находя и опрашивая немногочисленных оставшихся в живых членов зондеркомандо, Г. Грайф предпринял попытку «...понять границы морали тех, кто физически ближе всего находился к эпицентру убийства — месту, для которого немцы, казалось бы, исключали существование любых гуманитарных ценностей»²²⁹. Саму же методологию — и методику — принуждать одних жертв убивать других он по праву называет дьявольской²³⁰.

Сатанинской назвал ее в 1961 году и Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в “советах старейшин” — “юденратах”. Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо²³¹ смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но, в конце концов, и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...»²³².

Но и самое существо деятельности членов зондеркомандо было однозначно чудовищным. Настолько чудовищным, что их как коллаборантов высшей пробы обвиняли в прямом пособничестве и чуть ли не со-палачестве — в непосредственном соучастии в убийстве!²³³

И отказать обвинителям в праве называть зондеркомандо пособниками и коллаборантами нельзя. В видах собственного, хотя бы

и кратковременного, спасения они соучаствовали в этноциде целого народа, своего народа!

Ханна Арендт на этом основании даже желала бы распространить на них израильский закон 1950 года о наказании нацистских преступников — закон, по которому в 1960 году арестовали и судили Адольфа Эйхмана²³⁴.

Арендт, правда, писала не столько о зондеркомmando, сколько о юденратах в гетто и их роли в Катастрофе. Именно юденраты с Кестнером и Румковским были в центре общественного дискурса в Израиле в первые десятилетия существования страны. Как ни парадоксально, но на каждого пережившего Холокост в Израиле смотрели тогда не столько с сочувствием, сколько с подозрительностью и готовым сорваться с уст вопросом: «А что ты делал во время Холокоста?». Это отношение необычайно сродни советско-смершевскому: «И как это ты, Абрам, жив остался?!..»²³⁵

Рудольфа Кастнера, главу венгерских евреев, обвиняли в сделке с дьяволом и в предательстве интересов венгерской еврейской общины ради шкурного спасения 1700 человек еврейской элиты (в том числе себя и своих близких) в так называемом «Поезде Кастнера», проследовавшем в два присеста из Будапешта в Швейцарию. Он стал объектом ненависти в Израиле, в его дочерей в школе кидали камнями. Сам же Кастнер, осужденный на первом своем процессе (1955), был оправдан на втором (1958), но не дожил до этого: в марте 1957 года он был застрелен мстителями-экстремистами.

Хайм Румковский железной рукой правил Лодзинским гетто и не боялся играть в шахматы с самим дьяволом. Ставкой были жизни, и, не колеблясь, отдавая фигуры за качество, он посылал на заклатание все новые и новые тысячи еврейских душ. Но, в конечном итоге, проиграл, ибо в Лодзи уцелело лишь несколько сот человек²³⁶.

Так что зондеркомmando, как и еврейская полиция в гетто и еврейские функциональные узники в концлагерях, как выкресты-полицаи и берлинские «грайферы», рыскавшие по городу по заданию гестапо в поисках соплеменников²³⁷, как даже весь целиком лагерь-гетто для привелегированных в Терезине — все это лишь части того сложного и противоречивого целого, к которому в Израиле поначалу выработалось особое — и весьма негативное — отношение. Молодое еврейское государство испугалось своей предыстории и не захотело, а отчасти не смогло разобраться в страшнейших страницах из прошлого. Идеологически поощрялся лишь героизм, особенно тот, что исходил от убежденных сионистов.

Но даже это «не помогло» мертвому герою восстания в Аушвице — убежденному сионисту Градовскому — получить заслуженное признание. Принадлежность к зондеркомmando — как Каинова пе-

чать, и именно этим объясняется нежелание некоторых из уцелевших ее членов пойти на контакт с историками и дать интервью²³⁸. Этим же объясняется и зияющее отсутствие этой темы (в том числе и в форме глухого, через губу, «присутствия») в музейных экспозициях по Шоа.

Спрашивается: а возможно ли вообще сохранить в концлагере жертвенническую «невинность»? Каждый из правого ряда на рампе виноват уже тем, что не оказался в левом, ибо только эти жертвы — чистейшие из чистейших. Все остальные, если дожили до освобождения, наверняка совершили какое-нибудь «грехопадение». Выжил — значит, пособничал, выжил — значит, виноват.

На этом послыле и построено то уродство в общественной жизни Израиля, о котором упомянуто выше. В точности то же самое было и в СССР, для которого каждый репатриированный бывший остарбайтер и бывший военнопленный был чем-то в диапазоне между предателем и крайне подозрительной личностью. Добавим к этому, что СССР был единственной страной в мире, требовавшей от своих военнослужащих ни в коем случае не сдаваться в плен врагу, а биться до предпоследнего патрона, последним же патроном — убить себя!

В любом случае нацисты преуспели еще в одном: убив шесть миллионов, они вбросили в еврейство другой яд — яд вечного раздора и разбирательства, не исторического исследования, а бытового противостояния и темпераментной вражды.

Только этой общественной конъюнктурой можно объяснить такие обвинения в адрес членов зондеркоммандо, как их прямой «интерес» в прибытии все новых и новых транспортов, то есть в как можно более продолжительном и полном течении Холокоста. Только это, мол, страховало их жизни и сытость.

Так, Г. Лангбайн цитирует некоего Э. Альтмана, «вспоминающего» явно мифическое высказывание одного из зондеров (так иногда называли членов зондеркоммандо): «Ага, снова неплохой эшелончик прибыл! А то у меня уже кончается жратва». (Как мог член зондеркоммандо заранее знать, что прибыло и как мог Э. Альтман все это от него услышать: в пабе после работы?)²³⁹

Но этому, однако, нет ни одного подтверждения. Понимать связь явлений — это одно (и такое понимание имело место), а паразитировать на еврейской смерти и молиться на нее — это, согласитесь, другое.

Признавая на суде свои «ошибки», но так ни разу и не покаявшись сам, Хёсс однако нашел слова для ехидного осуждения евреев из зондеркоммандо: *«Своеобразным было все поведение зондеркоммандо. Исполняя свои обязанности, они совершенно точно знали, что после окончания [Венгерской] “операции” их самих ожидает точно такая*

же участь, как и их соплеменников, для уничтожения которых они оказали столь ощутимую помощь. И все равно они работали со рвением, которое меня всегда поражало. Они не только никогда не рассказывали жертвам о том, что им предстоит, но и услужливо помогали при раздевании и даже применяли силу, если кто-нибудь ерепенился. <...> Все как само собой разумеющееся, как если бы они сами принадлежали к ликвидаторам»²⁴⁰.

Эти признания, возможно, послужили толчком (и уж во всяком случае — пищей) для теоретических построений итальянского историка и философа Примо Леви, самого пережившего Аушвиц.

До известной степени Примо Леви поддается на провокацию эсэсовцев, о которой он сам предупреждал: *«Те, кто перетаскивает еврейские трупы к муфелям печей, обязательно должны быть евреями, ибо это и доказывает, что евреи, эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. <...> С помощью этого института [зондеркоммандо] делается попытка, переложить вину на других, и самих по себе жертв, с тем чтобы — к собственному облегчению — их сознание уже никогда не стало бы безвинным»²⁴¹.*

И все же по существу Примо Леви не слишком сгущает краски, когда называет случай зондеркоммандо экстремальным в коллаборационализме²⁴². Он обратил внимание и на такой феномен как своеобразное «братание» эсэсовцев, работавших на крематориях, с членами зондеркоммандо: первые держали вторых как бы за «коллег», отчего — несмотря на свои истинно арийские котурны — эсэсовцы не считали для себя зазорным играть с ними в футбол²⁴³, поддерживать сообща черный рынок и даже вместе выпивать²⁴⁴.

Быть может, самым ярким проявлением этого Kameradschaft («сотоварищества») являлись отношения Менгеле и Нижли. Врач-эсэсовец, член партии, приказал (а на самом деле — доверил!) презренному жиду Нижли (тоже врагу) сделать аутопсию застрелившегося эсэсовского полковника²⁴⁵. Подумать только: врач-еврей, которому, согласно нюрнбергским законам, и приближаться к немецкому пациенту запрещено — кромсает скальпелем драгоценную арийскую плоть! И где? — в Аушвице!

9

Утонченная интеллектуальная констатация Леви феномена «братания» и состояния условной коллегиальности между членами СС и зондеркоммандо не рассчитана на то, чтобы стать методологией. Уж больно она эксклюзивна и выведена из исторического контекста, в котором различие между теми и другими настолько огромно,

что само это наблюдение и его эмпирическая подоснова едва-едва различимы.

Однако именно как методологию воспринял ее ученица Леви Регула Цюрхер из Берна: встав на ее рельсы, она и докатилась, пожалуй, дальше всего. Ничтоже сумняшесь, она просто соединила членов зондеркомmando и эсэсовцев на крематориях в некое общее, по-будничному звучащее, понятие — «Персонал установок по массовому уничтожению в Аушвице»²⁴⁶. Конечно, разбирая по пунктам их «работу», их «быт», их «менталитет» и т.д., она рассматривает их отдельно, как подгруппы этой группы, но черта уже перейдена, и рельсы сами ведут куда надо. Возьмем критерий антисемитизма: у СС — он есть, а у зондеркомmando — нет. А вот критерии «жажды выжить», «стремления к обогащению»: эти критерии, видите ли, есть у обоих подгрупп этого «персонала»! И еще они отличаются по степени «развязанности рук»²⁴⁷. И так далее...

Вместе же взятые, единые в этом и различные в том, они все равно формируют пресловутый «Персонал». Так профанируется методология учителей!

Р. Цюрхер предлагает различать среди членов зондеркомmando четыре подгруппы: а) потенциальные самоубийцы, б) борющиеся за жизнь любой ценой, но оправдывающие это тем, что им предстоит рассказать обо всем миру, в) организаторы подполья и повстанцы и г) «роботы», не сохранившие никаких человеческих чувств. Вместе с тем это никакие не типы, а разные состояния все одного и того же — состояния души членов зондеркомmando. Каждый из них, может быть, прошел через ту или другую комбинацию этих состояний, ставших для него своего рода этапами.

Результат же, к которому приходят Леви и его ученица, банален: наряду с «черной зоной» — местообитанием абсолютного зла, существует, оказывается, некая «серая зона», которую, со стороны СС, манифестирует, например, Курт Герштейн²⁴⁸, а со стороны зондеркомmando, надо полагать, подготовители восстания.

Итак, в глазах многих евреев на членах зондеркомmando, как и на членах юденратов, — лежит Каинова печать предательства и соучастия в геноциде.

Именно эта установка на многие десятилетия была определяющей в отношении к зондеркомmando со стороны широкого еврейского общества, а отчасти и со стороны историков. Развиваясь по законам черно-белого мифотворчества, это обстоятельство, безусловно, отразилось и на истории публикации их бесценных рукописей.

Но настоящей «серой зоной» была та общественная атмосфера, которая их обволакивала.

...Разве перед селекцией на рампе и в бараке спрашивали у Градовского или Лангфуса: а не хотели бы они попробовать себя в такой новой для себя и аттрактивной профессии как член зондеркоммандо (с приложением должностных инструкций)? Выбор, который им тогда все еще оставался, — это не выбор между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой, а выбор между жизнью и смертью, между принятием навязываемых условий и прыжком в пылающую яму или гудящую печь!²⁴⁹

И я не знаю, что сделали бы всеми уважаемые Примо Леви или Ханна Арендт, если бы они оказались на месте этих проклятых предателей и сопалачей? Прыгнули бы они в печь?..

Осмелюсь напомнить, что именно члены зондеркоммандо — они одни и только они — долго вынашивали и в конечном счете пусть спонтанно, но осуществили единственное в истории Аушвица-Биркенау восстание, все участники которого геройски погибли!

Что одним действующим крематорием после восстания стало меньше!

Что именно они оставили — написали и спрятали — самые многочисленные и самые авторитетные свидетельства о том, что там происходило (и не их вина, что до нас дошло всего лишь восемь из них)!

Зондеркоммандо — это не штабная, а штрафная рота, и ее члены — это штрафники, но рвущиеся в бой и надеющиеся на то, что кровью смоют с себя тот подлый позор, на который их обрекли враги, и еще на то, что весь мир признает и зачтет им не только их малодушие и преступления, но и их подвиги!

Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания

1

Диспозиция сопротивления: польский и еврейский центры

Как непосредственные носители главного людоедского секрета Третьего рейха члены зондеркоммандо были априори еще более обреченными смерти, чем их жертвы. Прямых инструкций, предписывающих менять зондеркоммандо, скажем, каждые четыре месяца или полгода, не было — иначе бы немцы их строго исполняли, а в самих акциях исполнения прослеживалась бы более строгая периодичность,

нежели это было на самом деле. Но угроза висела над ними каждый день, каждый час и каждую минуту.

При этом немцы, конечно, ценили их опыт²⁵⁰ — живыми они были им все же полезнее, чем безвреднее мертвыми: да и обучать новеньких в самый разгар запарки с венгерскими евреями было некогда.

Отсюда тактика, она же стратегия, самой зондеркоммандо: выбрать момент, — восстать, — вывести из строя печи и газовни, — перерезать проволоку и прорваться за пределы лагеря, а там, там — на волю! В Татры, в Бескиды, например! К партизанам!

Иными словами, достойной целью восстания представлялся именно массовый и успешный побег²⁵¹. То же самое, к слову, было и в других лагерях смерти — Треблинке и Собиборе.

Кстати, о побегах. Сами по себе еврейские побегии были сравнительной редкостью — шансов на успешный побег у них практически не было. Без больших надежд на сочувствие и помощь со стороны окрестных поляков у евреев (даже у польских) не было и серьезных шансов уцелеть²⁵².

Не случайно едва ли не все успешные еврейские побегии пришлось на 1944 год. 5 апреля — вместе с настоящим эсэсовцем Виктором Пестиком!²⁵³ — бежал переодетый в эсэсовскую форму Витеслав Ледерер, прибывший в Аушвиц из Терезина в декабре 1943 года: он добрался до Чехословакии, связался с подпольщиками, жил в укрытиях в разных городах и несколько раз тайно посещал Терезин. Там он встречался с членами еврейского Совета старейшин и рассказал им о том, что их ожидает в Аушвице. Но они не верили ему, а только качали головами и совали ему почтовые карточки из мифического «Ной-Беруна» с датой 25 марта: столь недостоверными и нелепыми байками они решили 35 тысяч евреев не волновать²⁵⁴.

7 апреля 1944 года убежали словацкие евреи Рудольф Врба (настоящее имя Вальтер Розенберг, и Альфред Ветцлер, оба работали в Биркенау регистраторами²⁵⁵. Переждав три дня в заранее подготовленном укрытии, они пошли все вверх и вверх вдоль Солы, пересекли границу со Словакией и, благодаря помощи случайно встреченных людей, 25 апреля благополучно добрались до Жилины²⁵⁶.

Следующую пару составили Чеслав Мордович и Альфред Розин, причем Розин (№ 29858) — бывший член зондеркоммандо и, наверное, единственный, кому удалось от этой «чести» откупиться (он прибыл в лагерь 17 апреля 1942 года и, после нескольких недель на строительстве лагеря в Биркенау, был включен в зондеркоммандо, но, благодаря действию взятки, был переведен в блокэльтесте барака № 24). Они бежали 27 мая 1944 года — примерно по той же схеме, что Ветцлер и Врба, только из несколько другого места. 6 июня их даже арестовали в словацкой деревушке Недеца, но приняли за контрабан-

дистов (у них были с собой доллары) и отпустили, вернее, позволили местной еврейской общине выкупить их из тюрьмы и спрятать все в том же Липтовски Святы Микулаше²⁵⁷.

Время от времени члены зондеркомандо пытались бежать и со своих рабочих мест, но всегда неудачно. Особенно громким был провал побега пятерых во главе с французским евреем-капо Даниэлем Остбаумом, подкупившим охрану. Их поймали и, вместе с подкупленным охранником, которого Остбаум выдал, казнили²⁵⁸. Этот побег был использован как повод для очередной ликвидации зондеркомандо в феврале 1944 года, — и это та самая селекция, о которой пишет Градовский в «Расставании»²⁵⁹.

Были и другие задокументированные случаи еврейского сопротивления или коллективного неповиновения в лагере. Так, ночью 5 октября 1942 года около 90 евреек-француженок были убиты во время «кровавой бани», устроенной эсэсовцами и немками-капо (из уголовниц) в бараке женской штрафной роты в лагерном отделении Аушвица в Будах (близ Биркенау). Шестеро из их особенно рьяных убийц были даже казнены 24 октября после проведенного политотделом расследования²⁶⁰.

Встречался и еврейский самосуд — правда, только по отношению к «своему», к еврею-коллаборанту: так, «незарегистрированные» евреи из Лодзи якобы забили до смерти ненавистного им председателя юденрата Румковского прямо перед их общей газацией²⁶¹.

А вот история, которая облетела весь концлагерь, ибо — с небольшими вариациями — ее рассказывали десятки человек. 23 октября 1943 года в Аушвиц (вместо Швейцарии) прибыл транспорт с так называемыми «евреями на обмен» из Берген-Бельзена, в основном богатыми евреями из Варшавы. Их заставили раздеться, и тогда одна женщина, красавица-артистка, улыбнувшись, хлестнула только что снятым бюстгалтером по лицу стоявшего рядом высокопоставленного эсэсовца (Квакернака), выхватила у него револьвер и двумя выстрелами смертельно ранила рапортфюрера Шиллингера, стоявшего рядом с Квакернаком²⁶², а также самого Квакернака или унтершарфюрера СС В. Эмериха. После этого и другие женщины набросились на эсэсовцев в попытке выхватить у них оружие, но всех их перестреляли на месте. Своего рода Массادا посреди Холокоста!

Спонтанное сопротивление демонстрировали иногда и члены зондеркомандо: два греческих и три польских еврея транспортировали однажды пепел к реке под конвоем всего лишь двух эсэсовцев. Греки — оба флотские офицеры и оба из Афин — напали на них, одного утопили, и переплыли на другой берег, где вскоре и были пойманы (все трое польских евреев при этом стояли и безучастно смотрели)²⁶³. Одним из двух греков был кадровый офицер Альберто (в других ис-

точниках — Алессандро, или Алекс) Эррера, имя которого фигурировало и в связи с подготовкой восстания, что позволяет датировать это событие скорее всего августом или сентябрем 1944 года²⁶⁴. Отчаявшись дожидаться общего восстания, Эррера не преминул воспользоваться предоставившимся случаем и «восстал» самостоятельно.

Примером не спонтанной, а длительной и рафинированной подготовки может послужить еще один — и, увы, тоже неудачный — побег шести польских евреев из Аушвица, состоявшийся 28 сентября 1944 года. Беглецы прикинулись двумя ээсовцами, сопровождавшими четырех стекольщиков к определенной стройке. Всех их нашли — поймали или расстреляли, но те, кто встал под пули палачей, выкрикивали здравницы в честь Сталина и свободной Польши (вся эта акция была бы совершенно невозможна без опоры на польское подполье²⁶⁵).

На более успешных побегах из Аушвица и Биркенау²⁶⁶ «специализировались» два других контингента — советские военнопленные и польское Сопротивление. Бежали они совершенно по-разному: первые — как-то безоглядно, на авось и не считаясь с «ценой вопроса», а вторые — не бежали, а именно, устраивали побег: долго и осторожно, и то лишь после того, как была отменена, — из соображений сбережения трудовых ресурсов, — коллективная ответственность за них. Бежали в основном, к «своим» — к партизанам из Армии Крайовой: связь с ними у польского подполья была действительно налаженной²⁶⁷.

Во главе лагерного подполья стояли поляки (Юзеф Циранкевич, Збышек Райноч и Тадеуш Холуй), австрийцы (Хайнц Дюрмаер, Эрнест Бургер, Герман Лангбайн) и немцы (в частности, Бруно Баум, заменивший Бургера). Но в организации состояли и русские, и евреи²⁶⁸. А вот французы и бельгийцы не примкнули к общей организации, предпочтя маленькие, но свои очажки. Своя автономная организация, судя по всему, была и в чешском лагере.

До февраля–марта 1942 года, когда начали поступать первые еврейские эшелоны, Аушвиц был почти исключительно польским лагерем, и, несмотря и на то, что в 1943 евреев было уже втрое, а в 1944 году даже вчетверо больше, чем поляков, именно польское Сопротивление было наиболее организованным и сильным. Поляки постепенно вытесняли даже немцев-рейхсдойче со всех важных внутрилагерных постов²⁶⁹.

Строго говоря, какого-то общепольского Сопротивления в контексте Второй мировой войны не было и не могло быть: не если между «аковцами» и «аловцами»²⁷⁰ где-то и возникало какое-то единство, то как раз в тяжелых и чрезвычайных ситуациях, таких, например,

как во время Варшавского восстания или в жестких обстоятельствах концлагеря.

Свою деятельность подпольщики из Аушвица 1 понимали прежде всего как постепенный захват ключевых позиций — должностей так называемых «функциональных узников» (капо, форарбайтеров, штубендистов и др.) и систематическое вытеснение с них политических соперников, вытеснение любой ценой. Подкармливание и облегчение режима для своих, нередко помещение их в изоляторы к «своим» врачам, иногда — создание фальшивых документов и даже смена номеров. Начиная с 1943 года, подпольщики регулярно слушали радио и раз в неделю — по принципу радио, но «сарафанного» — проводилась своего рода политинформация. Искались и находились различные пути для взаимодействия с другими лагерными отделениями и, что особенно трудно и важно, с волей: за время существования лагеря наружу было переправлено около 1000 касиб! И это, наверное, самое серьезное из того, что эти заговорщики могут поставить себе в заслугу: на основании этих касиб в Кракове выходила даже летучая газета «Эхо Аушвица»!²⁷¹

Наконец, изыскивался и припрятывался (на чердаке дезинфекционного барака) инструментарий для будущего восстания, например, ножницы для взрезывания колючей проволоки, оружие, но добытое оружие, похоже, ушло обратно на «черный рынок», ибо Баум говорит о членах зондеркомmando, как о неплохом вооруженном воинстве.

И надо признать: многое у подпольщиков из Аушвица-1 было вполне «налажено»: какой контраст по сравнению с тем, чем располагали члены зондеркомmando! Даже оружие для зондеркомmando подпольщики из «Боевой группы Аушвиц» были в состоянии раздобыть и поставить, пусть и не бесплатно (благо у зондеров была прочная репутация «платежеспособных» — особенно котировались их доллары и лекарства!).

Кроме «рыночных» имелись и союзнические отношения: члены зондеркомmando передавали подпольщикам в центральный лагерь списки эшелонов и даже фотографии процесса уничтожения, а центр, в свою очередь, снабжал их не менее существенными сведениями, например, заблаговременной — и потому жизненно важной — информацией о сроках предстоящих селекций среди зондеркомmando. Роль связных при этом выполняли отдельные мастеровые (например, электрики) или узники, работавшие на складах «Канады», соприкасавшиеся и с основным лагерем, и с зондеркомmando²⁷².

На фоне ротационной динамики заключенных в Биркенау и Мовнице жизнь заключенных в основном лагере в Аушвице, если только она проходила не в «Бункере» и не в медико-экспериментальных

«лабораториях», могла считаться верхом размеренности и стабильности.

А у прошедших сквозь рампу евреев, даже если их и зарегистрировали, счет подаренной им лагерной жизни, по некоторым оценкам, шел не на годы, а на первые месяцы: с такую средней продолжительностью им просто не доставало времени не то что на вынашивание планов сопротивления, но и для того, чтобы элементарно оглядеться.

Как возможное исключение и источник надежды смотрелся семейный терезинский лагерь — эта имитация классического гетто, но уже как бы отдепортированного куда надо. Всего в двух шагах от него плескался кровавый океан то быстрой, то замедленной еврейской смерти — и, оглядевшись, просто невозможно было предполагать, что тут могут быть исключения. Но, как показала жизнь (а точнее смерть), именно ощущение собственной исключительности сковывало терезинцев по рукам и ногам — привязанность к своим близким, жизни которых при всяком сопротивлении ставились бы на кон, и ничем не объяснимая уверенность в том, что их «островок еврейского счастья» — неприкасаем.

Намеки Градовского на то, что между зондеркомандо и «терезинцами» было что-то вроде соглашения о намерениях (если вторые восстанут, то первые к ним присоединятся), подтверждается Врбой и Ветцлером. Кто-то из них двоих был тут связующим звеном, другим был директор еврейской школы «терезинцев» Фреди Хирш: не сумев организовать такое выступление, он покончил с собой²⁷³.

Возможность оглядеться была, разумеется, у самих членов зондеркомандо, а вот уверенности в завтрашнем и даже сегодняшнем дне, у них не было совершенно. Не было у них и «обремененности семьями», а после беспроblemного уничтожения семейного лагеря, чему они были как минимум свидетелями, среди них сложилось и все более крепко ощущение, что им уже не на кого полагаться — только на самих себя. Все это и делало их группой, максимально заинтересованной в восстании — и чем раньше, тем лучше²⁷⁴.

Непременной частью их планов было уничтожение самого узкого звена аушвицкого конвейера смерти — крематориев. Похоже, что зондеркомандо были единственной в мире силой, кто вознамерился вывести из строя хотя бы часть инфраструктуры Холокоста. Красная армия была еще далеко, а никому из союзников с их воздушными армадами это, кажется, так и не приходило в голову.

Независимо от исхода восстания, сама подготовка к нему — это то, что примиряло члена зондеркомандо с ужасом происходящего и возвращало его в рамки нормальности и моральности, давая шанс искупить вину и реабилитироваться за все ужасное, что на их совести. И тут «неудачи» решительно не могло быть — удачей было бы уже

умереть по-человечески, а может быть и героически, в борьбе — умереть людьми!..

В этом смысле восстание членов зондеркомmando в Биркенау сродни обоим Варшавским восстаниям: шансов на победу никаких, но боевой и моральной дух они подняли исключительно!

Но это шло решительно вразрез со стратегией (она же тактика) польского руководства «Боевой группы Аушвиц»: никаких резких движений, выжить любой ценой, поелику возможно информировать внешний мир и лишь тогда поднимать восстание, когда будет ясно, что СС хочет всех уничтожить, или когда Красная армия постучится прямо в ворота.

Как известно, никакого восстания, разработанного подпольем основго лагеря, так и не состоялось. Приводимое Баумом описание его плана настолько мутное, что впору усомниться как минимум в значительной роли самого Баума в их разработке. Весь пар ушел в хитроумную организацию неудавшихся экстравагантных побегов, разбившихся о банальные предательство, невезенье и превентивную эвакуацию немцами на запад показавшихся им подозрительными лиц²⁷⁵.

Удивительно, но Баум при этом не постеснялся, с одной стороны, упрекать зондеркомmando в бездействии, когда они не поддерживали обреченных, догадавшихся у дверей газовой камеры о предстоящей ликвидации и начинавших спонтанно бунтовать и не повиноваться, а с другой удерживал членов зондеркомmando от выступления и предупреждал прочих узников Биркенау о неразумности присоединения к восстанию зондеркомmando, если таковое случится²⁷⁶. В то же время четырех евреек — работниц фабрики «Унион», с риском для жизни добывших и доставивших на крематории порох для гранат и принявших, когда это раскрылось, героическую смерть на виселице, Баум причисляет к «своей» организации, упомянув зондеркомmando лишь мельком и сквозь зубы²⁷⁷.

Исчерпывающим выражением уверенности, что немцы позаботятся о том, что бы ни один еврей не вышел из концлагеря живым, а оставшиеся в живых поляки — о том, что и правда о погибших не вышла наружу, является следующий пассаж из Залмана Левенталя: *«История Аушвица-Биркенау как рабочего лагеря в целом и как лагеря уничтожения миллионов людей в особенности будет, полагаю, представлена миру недостаточно хорошо. Часть сообщений поступит от гражданских лиц. Между прочим я думаю, что мир и сегодня уже кое-что об этом знает. А остальное расскажут, вероятно, те поляки, что по воле случая останутся в живых или же представители лагер-*

ной элиты, которые занимают лучшие места и самые ответственные должности, или же, в концов концов, и те, чья ответственность не была столь большой...»²⁷⁸

Давая евреям обещания, которые они и не собирались выполнять, поляки добивались и поначалу добились только одного — максимальной отсрочки восстания.

Тем не менее однажды оба центра сумели договориться, при этом поляки потребовали большие деньги за помощь восстанию²⁷⁹: согласовали и общий срок выступления — одна из пятниц в середине июня 1944 года: скорее всего, 16 июня. Судя по всему, переговорщиками — через курьеров — были Циранкевич и Бургер, с польской стороны, и капо Яков Каминский, с еврейской²⁸⁰. Однако перенеся этот срок в последнюю минуту и в одностороннем порядке, польская сторона не только сбила боевой настрой еврейской стороны, но и во-многом деконспирировала ее, что не могло не иметь последствий и, возможно, стоило жизни руководителю еврейского штаба — капо Каминскому. В начале августа его застрелил лично Моль.

После этого фиаско евреи, по выражению Левенталья, «сцепили зубы, но промолчали». А после сентябрьской селекции в зондеркомандо²⁸¹ они окончательно разочаровались в перспективах сотрудничества с поляками, отчего и решились на мятеж-соло²⁸².

Уже после разгрома восстания — и в самом конце своей рукописи (и своей жизни) — Левенталь обвинил поляков в сознательной недобросовестности и коварстве, решительно отказав им в праве на уважение и доверие: *«У них было только одно желание — обделать свои собственные, личные дела за счет наших усилий и ценою наших жизней. <...> [Поляки] использовали нас по-всякому, мы же передавали им все, чтобы они только ни просили — золото, деньги, деликатесы — ценою в миллионы. И самое главное: мы поставляли им документы и материалы обо всем, что здесь происходило... Все, вплоть до самых мелочей, передали мы им о том, что здесь творилось и чем когда-нибудь заинтересуется весь мир. Конечно, всем будет любопытно и захочется узнать, что же тут у нас творилось, но без нас никто не узнает, что именно происходило и когда. <...> Мы делали все что только могли, ничего не прося взамен, но оказалось, что поляки, с которыми мы стояли в связи, они нас попросту обдурили. И все, что они у нас забрали, они использовали для своих целей. И даже материалы, которые мы им пересылали, они приписывали себе. Наши имена они совершенно замолчали, как если бы мы тут совершенно ни причем... <...> Во всем они нас обманули и бросили на произвол судьбы. <...> Но все равно мы будем делать свое дело и постараемся все это сохранить для мира. Мы будем все просто закапывать в землю. И если кто-то захочет это*

найти, он обязательно найдет <...> во дворе нашего Крематория²⁸³, но не в сторону дороги с противоположной стороны, [а] с другой стороны, там вы многое найдете, потому что таким образом мы должны предъявить миру накануне надвигающихся событий и все это с помощью системы летописца, как это положено, описать все так, как это развивалось. Отныне мы все будем прятать в земле...»²⁸⁴

Увы, слова Левенталья оказались во многом справедливыми и пророческими: «Евреев из зондеркоммандо, — писал Збигнев Соболевский, — в Польше при коммунистах всегда выставляли предателями, коллаборантами, но в моих глазах это были герои, ибо, имея пусть и небольшие но шансы на выживание, они вчистую пожертвовали ими и разрушили крематорий единственно ради того, чтобы сократить смертоносный потенциал Аушвица»²⁸⁵.

2

Подготовка восстания: планы, сроки и руководители

Когда Залман Градовский в «В сердцеvine ада» писал, что все члены зондеркоммандо составляли как бы одну большую семью, он все-таки выдавал желаемое за действительное. На самом деле лишь часть из них кипела жадной мести и восстания, другие, которых было не меньше, цеплялось за любой дополнительный час своей жизни, а третьи, большинство, — были «совершенно апатичны. Им все было все равно, они были не люди, а роботы»²⁸⁶. Были и другие оси, испытывавшие социум зондеркоммандо на прочность, например, и в аду сохранившийся антагонизм между евреями-ашкеназами и евреями-сефардами!²⁸⁷ Он, несомненно, достигал своего апогея во время селекций: сефарды были бесспорно первыми кандидатами в списки, составлять которые входило в обязанность капо-ашкеназов. Не были дружелюбными и отношения поляков с русскими²⁸⁸. Просто чудо, что среди всей этой неоднородной еврейской массы, — по крайней мере, накануне и во время восстания, — предателей, в сущности, не оказалось!²⁸⁹

Но так, без предателей, обходилось не всегда: как правило, они находились. Мы очень мало знаем о той зондеркоммандо, на замену которой и отбирали Градовского со товарищи. Она была ликвидирована 3 декабря 1942 года, и одним из поводов к ликвидации послужили ее намерения, а возможно и действия по подготовке к восстанию²⁹⁰. Их предали и убили, а содержание их плана так и осталось неизвестным.

Залман Левенталь в своих записках и Ф. Мюллер в своих воспоминаниях описали первоначальный план восстания, которое, соглас-

но Х. Тауберу и Ф. Мюллеру, намечалось на одну из пятниц в середине июня 1944 года²⁹¹. Важно подчеркнуть, что этот разработанный Каминским план относится ко времени и ситуации, когда вся зондеркомmando проживала вместе — в отдельном 13-м бараке, посреди мужского лагеря (расщепление команды и ее изолированное от Биркенау расселение по крематориям впоследствии произошло в конце июня²⁹²).

План же был примерно такой: в четыре часа дня, еще до вечернего апшеля, 140 членов зондеркомmando на Крематориях IV и V захватывают и ликвидируют²⁹³ «своих» эсэсовцев (7 чел.) и перерезают телефонные линии. То же самое — и на Крематориях II и III, где было даже 180 зондеркомmando (против 10 эсэсовцев). Когда придет смена для СС, то захватывают и их, причем завладевают и их оружием, и их формой. В руки восставших тогда попадало бы и автоматическое оружие. Важная роль отводилась лагерным зонам «Сауна» и «Канада», располагавшимся между двумя крематорными комплексами: они должны были соединить два очага восстания в один.

Вечером, когда снимается большая охранная цепь СС вокруг лагеря, переодетые в форму СС повстанцы, «эскортируют» 10 человек с пилами и прочим инвентарем в лагерь, снимая по пути постовых мелкокалиберным револьвером с глушителем, перерезают телефонные провода и, при входе в барак, ликвидируют блокочных эсэсовцев. Далее восстание перекидывается на весь лагерь Биркенау, а оттуда и на Аушвиц-I. Заключенные нападают на своих блокочных, на больничное отделение, на женский и на мужской лагеря, поджигают бараки...

В это же самое время группа из Крематория II-III, где хранился порох, перерезает проволоку в женский лагерь и взрывает один за одним все крематории. Для колючей проволоки были заготовлены ножницы с резиновыми ручками, для крематориев — взрывчатка (точнее, порох — запрятанный в Крематории II), каждый крематорий — без исключения — должен был быть взорван и подожжен!

Все понимали, что большинство все равно погибнет, но именно такой смерти каждый и искал, хотя каждый в душе все же надеялся, что не попадет в это большинство и уцелеет.

И вот наступил оговоренный день и приближался оговоренный час — 9 часов вечера. Все было наготове, — но в 2 часа дня прибыл связной от поляков с извещением: «Отбой, товарищи! все переносится по непредвиденным обстоятельствам, надо еще немного подождать».

Это ввергло всех в шок.

А в конце июня Моль, он же Циклоп²⁹⁴, перевел практически всех членов зондеркомmando, кроме лазарета, непосредственно на территорию лагерей (чердаки Крематориев II и III, раздевалка Крематория IV), из-за чего решительно все многократно осложнилось. Члены зондеркомmando, за исключением врачей и разных монтеров,

оказались не только ближе к своим жутким рабочим местам, но и в полной изоляции от большого лагеря. Разработанный и едва было не запущенный план восстания можно было смело забыть.

Интересно, что существует и еще одна версия того несостоявшегося восстания — версия Леона Когена, не отличающаяся от только что изложенной деятельностью и еще одним — сроком ее проведения. Вместо середины июня в ней фигурирует середина августа²⁹⁵, и именно это заставляет думать о ней все же как об аберрации памяти, поскольку переезд из барака на крематории в любом случае состоялся тогда, когда он состоялся — в конце июня²⁹⁶.

Но саму версию нелишне изложить: она содержит немало подробностей, проливающих свет и на версию № 1, в частности, на совершенно иную — гораздо более активную — роль заключенных с «Канады» и «Сауны».

План восстания составлялся летом: сначала его назначили на 19 августа, а потом передвинули на 15-е. Сначала — когда охранники сменяют друг друга, эсэсовцам предполагалось вколоть аутопсию. Вторая стадия: в 16.00 оператор пара в дезакамере не ослабит, а наоборот поднимет давление пара до максимума — это приведет к взрыву здания. Работники «Канады» все там подожгут, телефоны отключат, проволоку в женский лагерь взрежут и выпустят всех женщин на волю. Своих раненых решили пристреливать, чтобы они не попали в руки эсэсовцам. Леон Коген, вместе с еще четырьмя, должен был поджечь крематорий.

Но 12–13 августа вдруг послышалась канонада. Русские?.. Русские так близко?.. А ежели так, стало быть — восстание не нужно! После чего многие отказались от этого плана — многие, но не все.

Весьма трудную задачу являет собой определение первоначальной даты предполагавшегося восстания; в то же время от даты многое зависит в понимании всей цепочки событий, приведших к реальному бунту 7 октября 1944 года.

А. Килиан отвечает на этот вопрос достаточно однозначно: пятница, 28 июля. При этом он базируется на сочетании трех факторов, приходящегося на этот и только на этот день: а) восстание могло состояться лишь только после того, как «венгерская акция» была позади (а это произошло вскоре после 11 июля), б) оно намечалось на пятницу и в) случайно оно пришлось на день, когда в Аушвиц прибыл эшелон из Майданека с весьма сильным эскортом СС²⁹⁷.

Если эшелон прибыл на рампу Биркенау, то повстанцы из зондеркомандо с крематориев II и III во главе с оберкапо Яковом Каминским могли лицезреть его собственными глазами²⁹⁸. В таком случае

приказ о переносе сроков восстания отдал именно Каминский, безо всякой просьбы или директивы от «Боевой группы Аушвиц».

Вместе с тем создалась чрезвычайно неприятная и хрупкая ситуация: многие из членов зондеркомmando, от которых сама подготовка восстания скрывалась, были уже предупреждены о нем, и опасность предательства возросла в разы.

Каминскому же оставалось жить всего одну неделю. 2 августа его застрелил (и самолично сжег его труп) Циклоп-Молль, обвинив его, правда, не в подготовке восстания, а в подготовке им покушения на другого ээсовского изверга Мусфельдта²⁹⁹. По другой версии, его схватили на Крематории II, где он жил, и отволокли, избивая, на Крематорий IV, где убили и сожгли³⁰⁰. По третьей (по Л. Когену) Каминского убили 14 августа — в то время, когда он решил обойти свою территории — с целью предупредить об очередной отсрочке³⁰¹.

Все же маловероятно, что дело тут вовсе не в восстании: Политический отдел, возможно, напал на его след и первым нанес превентивный удар — но такой, чтобы «производственный процесс» не пострадал (переезд на крематории стал вторым таким ударом, а сентябрьская селекция — третьим; несостоявшаяся октябрьская — должна была стать сокрушительным четвертым).

Согласно тому же Л. Когену, 15 августа зондеркомmando построили, обе смены, и ээсовцы стали допытываться: «Где ваше оружие и патроны?» Они увели с собой четверых русских...³⁰²

Капо Яков Каминский — вплоть до своей смерти — и был главным стратегом и организатором восстания на крематориях. Большим подспорьем ему была та относительная свобода передвижений по лагерю, которой он как капо (а одно время и оберкапо) пользовался. У него был личный контакт с женским лагерем (в частности, с Р. Роботой), с польским лагерным подпольем, а через него — и с партизанами снаружи.

После смерти Каминского руководство подготовкой восстания и самим восстанием перешло к другим — скорее всего, к нескольким лицам сразу. (Подчеркнем, что одним из этих «других» определенно был и Градовский³⁰³.) Но один свидетель — Элеазер Айзеншмидт — в качестве единоличного руководителя восстания называет советского военнопленного-еврея, майора по званию и артиллериста по военной специальности, воевавшего еще в Сталинграде³⁰⁴. Его имя, увы, так и осталось неизвестным.

Залман Левенталь, светский человек с очень левыми взглядами, много страниц посвятил восстанию и его подготовке. Особенно проникновенно он пишет о Йоселе Варшавском, которого лично знал еще в 1920–1921 гг. как коммуниста и одного из вожаков рабочего профсоюзного движения всей Варшавы. Позднее Йосель переехал в

Париж, где сотрудничал в коммунистической прессе. Левенталь характеризует его как *«очень интеллигентного человека, выделявшегося своим хорошим спокойным характером. Вместе с тем его душа пылала от готовности к борьбе»*. Имя «Иосиф Варшавский» было его конспиративным псевдонимом еще со времен классовой борьбы в Варшаве (другим его прозвищем было «Йоселе ди маммеле» — «маменькин сынок»), а по настоящему его звали Иосиф Доребус. Он родился в 1906 году в Жирардуве. Его лучший друг, дамский парикмахер и тоже коммунист — Янкель Гандельсман, — родился в 1908 году в Лейпциге, жил в Радоме, учился в ешиве в Сандомире, за что его в шутку звали «коммунистом-ешиботником» или «социалистом еврейского вероисповедания». В поисках работы оба эмигрировали в 1931 году во Францию и, оставаясь польскими гражданами, приняли, оба, участие во французском Сопротивлении. Оба были арестованы и интернированы, а 2 марта 1943 года депортированы из Дранси³⁰⁵ и прибыли в Аушвиц 4 марта³⁰⁶. Как одного из лучших во всей зондеркомmando упоминает Левенталь и Залмана Градовского из Сувалок³⁰⁷.

По сведениям Дануты Чех³⁰⁸, организаторами и лидерами восстания были уже упомянутые И. Варшавский и Я. Гандельсман, а также Лейб Лангфус из Макова-Мазовецкого, Айцек Кальняк и Лейб Панич (Гершко) из Ломжи, Залман Градовский из Сувалок³⁰⁹ и Иосиф Дерезинский из Лунно. Ф. Мюллер приводит еще три имени — Юкл, Врубель и польский капо Владек³¹⁰, а Э. Минак и Д. Шмулевский³¹¹ еще одно — Давида Финкельштейна. Имя Хенрика Фуксенбруннера из Кракова, хорошо знавшего местность, называет Ш. Драгон³¹².

Есть множество свидетельств и об участии в подготовке и проведении восстания советских военнопленных и греков. Так, согласно Лангбайну, в выработке плана восстания участвовали два греческих офицера, одного из которых звали Александр (по сведениям — Альберто) Эррера из Ларисы³¹³. Исаак Кабели, впоследствии профессор Афинского университета, называл и такие имена: капитан Йозеф Барух, Вико Брудо, Рауль Яхон³¹⁴, Карассо и Ардите.

О Барухе вспоминает и Я. Габай, но он же говорит и о советском военнопленном майоре (еврее по национальности) из Крематория II³¹⁵, а Ш. Драгон — об одном русском «полковнике»³¹⁶ и еще об одном французе с опытом испанской войны за плечами³¹⁷. С русским майором, по Левенталю, установились особенно тесные отношения, но что-то помешало им укрепиться. О том, что организатором восстания был некий советский военнопленный с Крематория II, вспоминал и Л. Коген³¹⁸. Скорее всего во всех этих свидетельствах подразумевается одно и то же лицо — тот самый майор-артиллерист, о котором говорили Э. Айзенштадт и Я. Габай.

Интересно, что Левенталь упрекает русских примерно в том же, в чем польское подполье упрекало еврейское — в дефиците терпения и политической мудрости, в пренебрежении конспирацией, в неумении держаться согласованного плана, в недопонимании целого. Левенталь, тем не менее, писал, что русские, хотя и спровоцировали отчасти выступление в том виде, каким оно произошло, но все же были лучшим элементом восстания. В то же время Д. Пайсикович называет их не иначе как ни на что не годными пьяницами³¹⁹.

3

Подготовка восстания: оружие и порох

К восстанию готовились, запасались оружием. В арсенале у заговорщиков имелись 3 гранаты из Аушвица-I, несколько парабеллумов и 6,35-мм пистолетов — все, кроме нескольких револьверов, найденных случайно в багаже какого-то из чешских транспортов³²⁰, — было «организовано» у поляков, то есть куплено за доллары или обменено на лекарство³²¹. В ход шли и шабатные тупые ножи для разрезания халы: их затачивали³²².

Одной из главных целей восстания был подрыв крематориев, для чего была необходима взрывчатка. Недалеко от базового лагеря, в цехах, в свое время построенных Крупном, разместились, начиная с 1 октября 1943 года заводы Weichel Metall Unions Werke Verl, передислоцированные сюда из Украины и производившие взрыватели для бомб. Там работала группа еврейских девушек, но под таким пристальным надзором, что даже установить с ними контакт было практически невозможно.

Но это сумела сделать 21-летняя Роза Робота из Цеханува, член сионистской организации «Хашомер Хацер» и член центральной подпольной организации в Аушвице (у нее была важная должность в «Канаде»). Ей и было поручено раздобыть несколько небольших порций взрывчатки. Порох в хранилище похищали четыре еврейских девушки: бельгийская еврейка Элла (Аля) Гэртнер (по другим данным она была из Сосновца), Регина Сафир (или Сафирштейн) из Беджина и две сестры Вайсблум из ассимилированной варшавской семьи — Эстер (Тося) и Ханка, 19 и 15 лет. Порох выносили с завода в обуви, небольшими порциями по 250 грамм и в течение многих месяцев³²³. Другим звеном этой цепи была девушка Хадасса, забиравшая эти минипорции в условленном укромном месте и передававшая их через Розу Роботу и Марту Биндигер, работавших в Канаде³²⁴. Собственно ручные гранаты изготовлял русский пиротехник Боро-

дин³²⁵, заполнявший пустые консервные банки взрывчаткой и нужными химикалиями, в частности, фосфорными взрывателями.

Та же Роза Робота доставляла порох — в потайных кармашках в подоле своего платья — и в Биркенау, при этом связным между ней и зондеркоммандо был электрик Айгер, передававший порох Каминскому и оставивший об этом собственные воспоминания³²⁶.

III. Драгон, дневальный (штубовый) 13-го барака, прятал и хранил взрывчатку, а затем распределял гранаты по крематориям. Сам III. Драгон, по его словам, хранил их в своем матраце или же во внутренней части верхнего контрфорса на чердаке крематория (по другим данным, члены зондеркоммандо прятали их в ведрах, где у них хранилось мыло). Всего было сделано около 30 гранат, которые он пронесил по одной-две всякий раз, когда ходил из блока 13 в крематории (туда же он пронес и фотоаппарат!)³²⁷.

4

Ход восстания

По новому плану, восстание должно было начаться на Крематориях IV и V — и начаться по-тихому. В тележке для перевозки кокса планировалось привезти оружие на крематории II и III, но даже это не вышло — вероятно, из-за предательства поляков или немцев из зондеркоммандо³²⁸.

6 октября 1944 года шарфюрер СС Буш, один из начальников на Крематориях IV и V, собрал капо этих крематориев и велел им в течение 24 часов составить список на селекцию, в общей сложности на 300 человек. Список этот составлялся ночью, и, начиная с этой же ночи, судорожно перебирались в уме все те куцые возможности к сопротивлению, что еще оставались.

Сохранилось несколько описаний начала, хода и подавления восстания.

Наверное, первым по времени описанием восстания было то, что дал Миклош Нижли в книге 1960 года. Для него оно началось не 7, а 6 октября с приказа Менгеле сделать аутопсию трупа советского военнопленного офицера, застреленного еще утром при попытке к бегству. На Крематории-II была обычная работа, но во всем поведении зондеркоммандо было много необычного — неторопливость, теплая одежда, разговоры шепотом. Оказалось, что с завтра-на-послезавтра ожидается селекция зондеркоммандо³²⁹ и что на завтра, на 6 часов утра, в пересменок, намечено выступление, целью которого было прорваться до Вислы, пересечь ее по низкой октябрьской воде вброд и уйти в партизанские леса, начинавшиеся уже в 8 км на том берегу

и тянущиеся до словацкой границы. Однако уже в час ночи раздался взрыв и послышались автоматные очереди: все крематории были окружены эсэсовцами, но на Крематориях II и IV они встретили вооруженный отпор, причем Крематорий IV был то ли взорван, то ли подожжен.

В живых на Крематории II оставили только семерых — инженера вентиляторов газовых камер, оберкапо и некоего Пипеля, судя по описаниям — штубового на Крематории II, а также, по приказу Менгеле, самого Нижли и его трех ассистентов. От Пипеля Нижли узнал, что ночью эсэсовцы из политического отделения концлагеря прибыли на Крематорий IV и приступили к селекции: сотню венгерских евреев даже отправили в 13 барак зондеркомmando сектора D. Затем отобрали греческих евреев, но когда начали выкликать номера польских — в эсэсовцев полетели бутылки с зажигательной смесью. Те открыли — в том числе и по грекам — шквальный огонь из автоматов, но польские евреи забаррикадировались в крематории и подорвали его. Всех греческих и венгерских евреев на Крематории IV расстреляли, как расстреливали и всех остальных на всех четырех крематориях.

К восставшим присоединился — и то не сразу — только Крематорий II: именно здесь было основное оружие восставших, и оно было пущено в ход. Показал себя и Крематорий V: там было выведено из строя все оборудование. Но в неравном бою погибли или были сразу же после боя расстреляны все, кроме упомянутой семерки на Крематории II, и еще 12 беглецов, сумевших форсировать Вислу, но выданных польским крестьянином. Их окружили и перестреляли. Согласно Нижли, в этот день погибли 850 членов зондеркомmando и 70 эсэсовцев, в том числе 18 офицеров.

Версия М. Нижли серьезно расходится с последующими в весьма существенных деталях, например, по времени суток (согласно Нижли, это была глубокая ночь), способе получения повстанцами оружия (согласно Нижли, его поставляли польские партизаны во время лихих ночных налетов на лагерь, в действительности никогда не имевших места) или в количестве жертв³³⁰.

Так что примем за основную версию ту, что, обобщая многие свидетельства, рисует Андреас Килиан с соавторами в книге «Свидетельства из мертвой зоны. Еврейская зондеркомmando в Аушвице», но дополним картину деталями, встречающимися в свидетельствах, или не учтенных или же оставленных им без внимания.

Воскресным утром 7 октября стояла солнечная, безоблачная погода. В обед на Крематории II собрался штаб восстания, и это засек оберкапо Карл Конвоент, пригрозивший всех заложить, за что и был схвачен и брошен живым в печь. В середине дня (примерно

в пол-второго) обершарфюрер СС Хуберт Буш, унтершарфюрер СС Йоханн Горгес и шарфюрер Куршус появились на территории Крематория V и приступили к намеченной селекции, двигаясь по списку от больших номеров к меньшим. К Крематорию IV было приписано 170, а к Крематорию V — 154 человек, но на построение вышло только 286, так как 8 человек из Крематория V — и среди них Яков Зильберберг и Генрих Мандельбаум — были заняты дроблением непрогоревших костей, а еще около 30 человек были отобраны еще до начала селекции в строю и заперты в одном из помещений Крематория IV (среди них Элиазер Айзеншмидт и два венгерских врача — Гаваш и Петер, во избежание пыток покончившие свою жизнь самоубийством).

Когда до конца списка осталось уже немного, вдруг обнаружилось, что части людей из списка в строю нет — эсэсовцы бросились их искать, а в это время на них набросился с молотком польский еврей Хайм Нойхоф, один из самых старых в зондеркомmando (около 50 лет). Его поддержали другие — с молотками, топорами и камнями, а также с криками «ура». А в это время уже загорелся Крематорий IV: забросав его самодельными гранатами, это сделал Йосель из Беджина³³¹.

В 13.50 зазвучала общелагерная сирена. В это время эсэсовцы, к которым прибыло подкрепление из казармы, уже давно стреляли из безопасных укрытий: многие из тех, кто находился во дворе Крематория V, погибли³³². Но части восставших все же удалось достичь близлежащего леска и приготовиться к бою, часть перерезала колючку (она была не под напряжением) и ушла в сторону «Канады», один даже влетел в сортировочный барак № 14, но был схвачен тамошним охранником.

Овладев ситуацией сначала на Крематории V, эсэсовцы согнали всех еще находившихся там и в Крематории IV зондеров во двор и заставили лечь рядами ничком³³³. После того, как они расстреляли здесь каждого третьего лежащего, в живых из 324 человек из двух малых Крематориев осталось всего 44. Оцепив территорию вокруг горящего крематория, эсэсовцы начали стрельбу в направлении леска, где скрылась часть восставших.

На двух же других крематориях, согласно Д. Чех, не происходило решительно ничего — несколько странное утверждение само по себе, если учесть, что, по одной из версий (Ф. Мюллера и др.), там-то — с убийства ненавистного оберкапо — все и началось. Не происходило же ничего отчасти потому, что выступление на Крематорий IV было настолько спонтанным, что другие крематории не были предупреждены, а отчасти потому, что эсэсовцы быстро, в течение получаса, взяли ситуацию под контроль.

Увидев горящий вдалеке крематорий и услышав стрельбу, члены зондеркоммандо 57 (Крематорий II) — и, в первую очередь, русские — решили, что общее восстание началось. Они разоружили охранника-эсэсовца и бросили его, вслед за ненавистным майданекским оберкапо Карлом Конвоентом, в горящую печь³³⁴. После этого пути назад уже не было ни у кого. Поджечь свой Крематорий им не удалось: может быть, отсырел порох. Они разоружили второго охранника, перерезали колючку и побежали по дороге, ведущей к женскому лагерю V1b. Они перерезали проволоку и там, но никто из женщин-заключенных даже не понял, что произошло³³⁵. Беглецы же продолжили свой путь, прихватив по дороге одного узника из команды, работавшей на очистных сооружениях, — брата капо Лемке Плишко.

Тем временем эсэсовцы подтянулись к большим крематориям. Тем, кто совершил побег из Крематория II (около 100 человек), отрезали путь в Райско. Тогда они забаррикадировались в конюшне и приготовились к сопротивлению, но в ней-то большинство и погибло — после того, как эсэсовцы ее забросали гранатами и подожгли.

Но бежали из Крематория II не все: оставались четверо врачей во главе с М. Нижли, а также несколько других узников, в том числе трое (во главе с Элущем Малинкой) пытавшихся взорвать крематорий. В живых, после вмешательства Менгеле, были оставлены только врачи. Остальные 171 члена зондеркоммандо с этого крематория погибли во время восстания или были расстреляны.

По ходу восстания, в неравном бою погибли все организаторы восстания, кроме Я. Гандельсмана. Последний наблюдал за ходом восстания из Крематория III, вместе с З. Левенталем, Л. Лангфусом, М. Буки, Ш. Венеция и другими членами Зондеркоммандо 58³³⁶. Дов Пайсикович, дневальный на Крематории III, и еще шестеро человек, уйдя в этот день в лагерь Биркенау за супом, принесли в канистрах не суп, а бензин³³⁷. Но употребить бензин по назначению, кажется, не удалось. Всех членов зондеркоммандо, во главе с капо Лемке³³⁸, общим числом 85, заперли в тесном помещении сецессионной комнаты Менгеле.

Тогда-то Левенталь и взял на себя роль настоящего хрониста и, перейдя в режим дневника, к 10 октября описал все существенные события этого героического и нескольких предыдущих и нескольких последующих дней³³⁹. При этом он начал с подчеркивания той особенной, хотя и неоднозначной роли, которую во всем сыграли русские, в частности, со случая, когда один из советских военнопленных был застрелен унтершарфюрером СС после того, как, напившись, напал на эсэсовца с доской. После этого прошел слух, что дни остальных русских членов зондеркоммандо сочтены — их лик-

видируют вместе с ближайшей порцией подлежавшей «сокращению» зондеркоммандо³⁴⁰.

Согласно Л. Когену, Я. Габаю, Ш. Венеция и другим, Крематорий III фактически не принял никакого участия в восстании³⁴¹, их даже никак не наказали, но заставили сжечь трупы зондеркоммандо, погибших в Крематории II³⁴². Однако внимательное чтение Мюллера и Левенталья наводит на мысль о том, что был не только третий очаг «восстания» — Крематорий V, с селекции на котором все и началось, но и четвертый — Крематорий III (обстоятельство, которое всегда ускользало от внимания исследователей).

В ночь с 8 на 9 октября оставшиеся в этом крематории повстанцы во главе с Я. Гандельсманом и Ю. Врубелем (всего 14 человек) все же попробовали воспользоваться имевшейся у них взрывчаткой и взорвать собственный крематорий — по-видимому, вместе с собой³⁴³. После того, как это им не удалось (возможно, что, как и на Крематории II, их подвел отсыревший порох), они были схвачены и брошены в гестаповский Бункер главного лагеря. Это могло произойти только 8 или 9 октября, а не 10, как об этом всегда писали, поскольку запись Левенталья от 10 октября говорит о нем, как об уже сидящем в Бункере, а Р. Робота ко времени своего ареста уже знала, что Врубеля нет в живых.

Для тушения пожара на крематории из центрального лагеря Аушвиц-I прибыла пожарная команда, состоявшая из 9 узников³⁴⁴. Они стали невольными свидетелями последней фазы подавления восстания и расстрела захваченных его участников. Позднее пожарников направили в Райско для тушения и конюшни³⁴⁵.

Вечером расстрелянных участников восстания привезли на территорию Крематория IV, куда согнали и остальных членов зондеркоммандо. Еще 200 чел. из восставших зондеркоммандо расстреляли тут же. Представитель лагерного начальства произнес речь, в которой угрожал расстрелом всем в случае попыток повторения восстания. После чего на Крематориях II, III и V приступили к работе³⁴⁶.

От рук восставших в тот день пало три эсэсовца — унтершарфюрер СС Рудольф Эрлер, унтершарфюрер СС Вили Фризе и унтершарфюрер СС Йозеф Пурке. Еще 12 эсэсовцев было ранено³⁴⁷. В середине октября пятеро эсэсовцев получили боевые железные кресты — за геройство при предупреждении массового выступления: первый случай награждения ими среди персонала концлагерей³⁴⁸.

Вот несколько других свидетельств о восстании, каждое из которых содержит какие-нибудь детали, отсутствующие у других.

Так, Дов Пайсикович³⁴⁹ показал в Нюрнберге в 1964 году, что были подготовлены взрывчатка, гранаты и оружие и что существовал общий план восстания для всех четырех крематориев. Однако

восстание началось на Крематории IV спонтанно — при свете дня и прежде намеченного срока, без согласования и координации с другими. Поэтому к другим прибыло СС и преспокойно заперло всех в помещениях³⁵⁰.

Меир Пшемысловский³⁵¹ описывал восстание со слов члена зондеркоммандо Генеха (Еноха) Кадлобски. Сигналом к бунту якобы послужила брошенная граната, которой был убит эсэсовец, выгонявший членов зондеркоммандо на работу. Потом сожгли живым немецкого капо (после чего восставшие ворвались в лагерь и стали призывать поляков присоединиться к мятежу, но призыв остался без ответа). Из 900 членов зондеркоммандо в восстании приняли участие 200,140 из них погибли в перестрелке, некоторые убежали или утонули, переплывая через ров, окружавший лагерь, некоторые были убиты (снаружи лагерь охранялся и находился под постоянным наблюдением: непосредственно вокруг лагеря жили не поляки, а немцы), спаслись только 12 человек, а остальные были казнены³⁵².

День восстания пережили 169 узников из Крематория III, но спустя несколько дней было арестовано и замучено в Бункере 14 чел. Таким образом, по состоянию на 10 октября, в живых оставалось 198 человек, в том числе 155 из Крематория III и 44 из Крематориев IV и V. Один находился в бегах, но был схвачен позднее. Общее же число погибших повстанцев составило 452 человека³⁵³.

Еще одним сообщением о том, что кому-то из членов зондеркоммандо удалось уйти от преследования и спастись, является свидетельство Курта Хэккера, утверждавшего, что именно греки около 2 часов отстреливались от эсэсовцев, обороняя крематорий, который они частично взорвали: 15 из них удалось прорваться сквозь все преграды на волю, но 13 из них — уже будучи ранеными. Раненых, конечно, поймали и уничтожили, но двоих так и не нашли³⁵⁴. О беглом участнике восстания — советском военнопленном Иване, схваченном и доставленном в Аушвиц только спустя две недели после 6 октября, вспоминал Ш. Венеция³⁵⁵. Я. Габай утверждал (заведомо неточно), что из узников Крематория IV в живых остался единственный — капо Элиазер³⁵⁶.

По довольно странному мнению В. Ренца, аушвицкое восстание с трудом подпадает под категорию героического: мол, восстали зондеркоммандовцы-евреи от отчаяния, от безысходности — жизнь им не светила ни так, ни эдак³⁵⁷.

Бруно Баум и Рауль Хильберг упрекали их еще и в случайности мятежа, точнее, в его спонтанности. И еще, если хотите, в шкурности: мол, только когда запахло их собственной смертью, они бросились в

бой, но никто из них не «мятежничал» из солидарности с жертвами газовой!

Упрекал зондеркомmando и Г. Лангбайн — за их хотя и героическое, но все же изолированное и неподготовленное, на его взгляд, выступление. Это восстание хотя и подняло моральный дух еврейских узников, но почему-то сильно понизило боевую мощь польских подпольщиков. Сорвался и побег Эрнста Бургера — 27 октября 1944 года. Неудачей закончился и другой побег: Веселы, Фримеля и еще двух поляков схватили и назавтра всех и повесили, пятый поляк, Райнох, принял яд³⁵⁸. В результате — неожиданно заключает Лангбайн — в январе 1945 года в Аушвице, несмотря на то, что в лагере было пусть примитивное, но оружие, все оно осталось нетронутым — его никто ни разу не употребил!

Как это мило — делать евреев ответственными еще и за это!

5

После восстания

На следующий день, 8 октября, отдел трудового использования дал точно такую же численность членов зондеркоманд, что и накануне — 663 чел., в том числе по 169 человек на каждый крематорий (по 84 истопников на дневную и 85 на ночную смены)³⁵⁹. Видимо, сведения о восстании еще не поступили в этот отдел. Но уже 9 октября статистика резко меняется: во всех 8 сменах значится всего 212 узников, а начиная с 10 октября — 198 чел. При этом если 9 октября на каждый крематорий было выделено по 53 чел. (по 26 истопников на дневную и 27 на ночную смены), то, начиная с 10 октября, на Крематории IV уже никто не работает, а за остальными тремя командами закреплено по 66 чел., по 33 чел. на дневную и вечернюю смены³⁶⁰.

Но Крематорий IV более не заработал и в ежедневных разнарядках уже не упоминался: 14 октября зондекомmando, согласно Лангфусу приступила к разборке его разрушенных во время восстания стен.

Общее число трудозадействованных сократилось на 451 чел., живыми убежать, судя по всему, не удалось никому. Впрочем, несколько членов зондеркомmando из восставших крематориев каким-то чудом пережили восстание. Первым был доктор Миклош Нижли из Крематория II, непосредственно в это время находившийся в просекторской (впрочем, его статус был, видимо, несколько иной, нежели у зондеркомmando). Вторым был Филипп Мюллер — из Крематория V: он укрылся в яме и переждал шум и стрельбу, а затем спрятался в Крематории IV и, после того, как все утихло, перебрался обратно в

Крематорий V³⁶¹. Третьим был С. Файнзильбер-Янковский, накануне собравшийся бежать в одиночку и поэтому во время восстания прятавшийся в другой части лагеря: там его и обнаружили, наказав палочными ударами³⁶². А вот греческому еврею Раулю Яхуну из Крематория IV повезло меньше: по свидетельству Шаула Хазана, он перебежал на Крематорий III к своему брату, но на переключке его обнаружили и тут же расстреляли³⁶³.

Между тем началось многодневное расследование, которое — со всей суровостью и подобающими пытками — вели следователи Дразер и Брех. 10 октября был арестован Врубель — в составе 14 узников зондеркоманд он был доставлен в бункер 11-го блока в Аушвице-I³⁶⁴. Среди арестованных были Янкель Гандельсман и 5 советских военнопленных³⁶⁵. Живыми оттуда уже ни один зондеркомандовец не вышел.

Райя Каган, работавшая в штандесамте лагеря³⁶⁶ и еще переводчицей при допросах, вспоминала о легших на ее стол 96 свидетельствах о смерти повстанцев 7 октября: каждая бумажка — каждая судьба — вызывала у нее благоговение. Имен она не запомнила, но помнит, что были там евреи из Гродно и из Салоник, а также несколько русских³⁶⁷.

А между тем оставшиеся и оставленные в живых зондеркомандовцы вовсю трудились на новом для себя направлении: начиная с 14 октября — на разрушении стены Крематория IV, изрядно пострадавшего во время восстания. Разве не к этому же стремились и восставшие?..

Другим направлением дознания была взрывчатка: откуда порох в самодельных ручных гранатах?

Имя предателя назвал Гутман: Ойген Кох, полу-еврей из Чехословакии³⁶⁸. Первыми 10 октября арестовали Эстер Вайсблум и Регину Сафин, но поначалу все обошлось, и они отделалась 25 ударами палками: по данным регистрации, все сходилось, и никакой недостачи пороха не было (ее не было только потому, что девушки закладывали в бомбу только половину пороха). Поэтому их отпустили. Но потом взяли Эллу Гэртнер, и она не выдержала пыток: после чего взяли Розу, потом Регину и потом — снова Эстер³⁶⁹.

В тот же день в женском лагере Аушвиц-II были арестованы еще две еврейки, через которых была передана взрывчатка, украденная Эллой Гэртнер. Одна из них, Роза Робота, работала в Effektenlager, примыкавшему к территории Крематория IV; именно она передавала порох узнику зондеркомандо Юклу Врубелю³⁷⁰. Узнав, что Врубеля уже нет в живых, Роза призналась в том, что передавала ему порох.

После ареста Р. Роботы своего ареста ждали и Гутман с Лауфером (страшась не столько смерти, сколько пыток, они даже готовились к самоубийству). Розу дважды в день проводили мимо них из Бункера в СД. Якоб, капо Бункера, устроил Лауферу даже свидание с Розой — та, когда пришла в сознание, сказала, что всю вину она кладет на тех, кого уже нет в живых (Врубель) и что она нас не выдаст. Он даже принес записку от Розы — ее последнее слово: «Хазак ве-амац» — «Будьте сильными и храбрыми!»³⁷¹

5 января 1945 года всем кто работал на Юнионе, не только еврейкам, было приказано кончить работу раньше обычного — это никогда ничего хорошего не предвещало. На этот раз была не селекция, а казнь — публичная казнь четырех героических девушек³⁷². Их повесили — как бы в две «смены»: двоих (ими были Аля и Эстер) около 4 часов дня и еще двоих (Розу и Регину) около 10 часов вечера — в назидание обеим рабочим сменам лагеря. Оба раза перед казнью Хёсс зачитывал приговор Верховного суда в Берлине и добавлял: «Так будет с каждым...». (Так, кстати, стало и с ним!)

В этот день падал снег, и запорошенные тела висели три дня³⁷³.

Некоторое недоумение вызывает столь поздняя дата казни: почему? Легенда утверждает, что лагерный палач, Якоб Колечник, или «Бункер Якоб» якобы отказывался их вешать до тех пор, пока не придет официальное подтверждение из Берлина.

**Хроника событий, связанных
с зондеркомандо в Аушвице-Биркенау³⁷⁴**

Даты	События
1939	
9 сентября	Оккупация Освенцима (Аушвица) немецкими войсками
1940	
27 апреля	Приказ Г. Гиммлера об организации на месте артиллерийских казарм в Аушвице концлагеря
20 мая	Прибытие в Аушвиц из Заксенхаузена первых 30 узников – немецких уголовников – будущих «функциональных узников»
Май–июнь	Около 300 еврейских рабочих из г. Аушвиц заняты на работах по оборудованию будущего концлагеря
14 июня	Прибытие в Аушвиц 728 польских узников из тюрьмы в Тарнуве
19 июня	Насильственное выселение первых 500 поляков, живших в непосредственной близости от будущего концлагеря
Сентябрь	Ввод в строй крематория в концлагере Аушвиц (Крематорий I)
1941	
1 марта	1-е посещение концлагеря Г. Гиммлером
17 марта	Приказ о депортации из Аушвица, Биркенау, Райско и ряда других сельских поселений в его окрестностях части польского (800 чел.) и всего еврейского (250 чел.) населения в гетто
Конец марта–апрель	Депортация евреев Освенцима в Сосновец и Бенджина (большинство из них погибло летом и осенью в 1942 г. в лагере уничтожения Белжец)
Август	Установка фирмой «J. A. Topf und Söhne» в Аушвице-1 первого крематория
Август	Р. Хёсс принимает участие в конференции еврейского отдела РСХА (Referat IV B 4) под руководством А. Эйхмана
Конец августа	Возможно, первые эксперименты с удушением людей газом циклон Б: сначала 30 чел., потом 100 чел.

Даты	События
3–5 сентября	По приказу начальника лагеря Фритцша — пробная газация 600 советских военнопленных и 250 больных поляков в подвале блока 11 с последующими транспортировкой и сжиганием их трупов в Крематории I. Формирование из поляков и евреев первой команды по обслуживанию Крематория (Leichenträger, переносчики трупов, фактически — первая зондеркомандо; капо — поляк М. Митек)
15 сентября	Организация в Аушвице-1 отдельного рабочего лагеря для русских военнопленных
16 сентября	Пробная газация 900 советских военнопленных в переоборудованной мертвецкой Крематория I
22–25 сентября	Переговоры и переписка с фирмой «J. A. Topf und Söhne» о технических деталях новых крематориев
Сентябрь	Посещение Аушвица А. Эйхманом, отобравшим в качестве будущих мест массовой газации евреев два крестьянских подворья около Биркенау (будущие бункеры 1 и 2)
Октябрь	Начало строительство лагеря 2-й очереди концлагеря Аушвиц в Биркенау
Осень	Посещение Р. Хёссом Трешлинка, где практиковалось убийство узников двуокисью углерода (выхлопными газами)
17 ноября	Первое упоминание убийства газом в касибах (контрабандных письмах) польского подполья
1942	
20 января	Ванзейская конференция
15 февраля	Начало массового уничтожения евреев. Первая группа (предположительно, немецкие евреи из Бойтена, без регистрации) была удушена в газовой камере Крематория I
27 февраля	Визит в Аушвиц Х. Камлера — нач. группы по строительству Центрального экономического управления СС. Решение о переносе строительства Крематория II из Аушвица в Биркенау
20 марта	Ввод в действие изолированной газовой камеры — т.н. Бункера 1 («Красного домика»). Трупы убитых сжигались в гигантской яме, вырытой на лугу. Формирование первого состава зондеркомандо

Даты	События
26 марта	Первые еврейские транспорты из Словакии, а также из женского концлагеря Равенсбрюк
30 марта	Первый еврейский транспорт из Франции
Апрель	Ликвидация 80 членов первого состава зондеркомmando (их доставили в больницу и убили уколами фенола)
2-я пол. апреля — начало мая	Формирование второго состава зондеркомmando, состоявшего почти сплошь из словацких евреев: сначала — 45 чел. из транспорта, прибывшего 17.4. Расширено до 200 чел., в т.ч. 50 чел. использовалось на Бункере 1 и 150 — на рытье новых ям
4 мая	Первая селекция на территории лагеря Биркенау
Около 5 мая	Первый еврейский транспорт из польских гетто
Июнь–ноябрь	Эпидемия тифа
Конец июня	Ввод в действие еще одной изолированной газовой камеры — т.н. Бункера 2 («Белого домика»)
Начало июля	Увеличение числа членов зондеркомmando до 300, а затем до 400 чел.
17 июля	Первый еврейский транспорт из Голландии
17–18 июля	Второе посещение Аушвица и Биркенау Гиммлером. Осмотр Бункера 2
Август	Перевод женского лагеря из Аушвица в Биркенау
Август	Газация около 80 членов зондеркомmando
5 августа	Первый еврейский транспорт из Бельгии
Ок. 15 августа	Решение о строительстве Крематориев II, III и IV
18 августа	Первый еврейский транспорт из Югославии
Конец лета	Восстание евреек — узниц женской штрафной роты в Будах близ Биркенау. Около 90 узниц погибло, их убийцы — 6 немецких уголовниц — были казнены в конце октября
Сентябрь	Введение в официальный лагерный словооборот термина зондеркомmando
21 сентября – конец ноября	Раскопки братских могил, эксгумация и сжигание трупов (ок. 107 тыс.), сбрасывание пепла в Солу и Вислу
28 октября	Первый еврейский транспорт из Терезиенштадта

Даты	События
1 декабря	Первый еврейский транспорт из Норвегии
3, 7 и 9 декабря	Побеги, в общей сложности, 12 членов зондеркоммандо, из них 6 — успешные
3, 10 и 17 декабря	Почти полная ликвидация в газовой камере при крематории Аушвиц-I зондеркоммандо — уничтожено ок. 390 чел. (оставлены в живых словацкие евреи — блокэльтесте Арност Росин, Ф. Мюллер и др.)
6–12 декабря	Экстренное (без карантина!) формирование нового состава зондеркоммандо (по-видимому, порядка 200–300 чел.). Самые первые из «новичков» — 200 польских евреев из Макова и др. мест (транспорт из Млавы от 6.12.1942 и др.). 2-я волна — транспорты из Келбасина (8.12.1942) и Малкинии (10.12.1942), затем — пополнения за счет транспортов из Кракова (19.1.1943) и Дранси (2–4.3.1943), затем — в течение 1943 года — несколькими порциями добавлялись евреи из Греции и др. стран
10 декабря	Первый вывод на работу нового состава зондеркоммандо: по 100 чел. работало на Бункере 1 и 2
1943	
Январь–апрель	Эпидемия тифа
19 января	Пополнение зондеркоммандо за счет транспорта с польскими евреями, прибывшего из Кракова
Конец января	Переговоры строительного управления СС с фирмой «Torf und Söhne» о строительстве Крематория VI
Начало года	Организация мини-лазарета в бараке для зондеркоммандо
2–4 марта	Пополнение зондеркоммандо за счет транспорта с французскими евреями, прибывшего из Дранси. Суммарная численность зондеркоммандо насчитывала уже 400 чел. (количество, которое поддерживалось вплоть до февраля 1944 г.)
4 марта	Пробная топка на Крематории II. Было сожжено 45 трупов: время сгорания — около 40 мин. вместо ожидаемых 30. Среди 12 чел. первой рабочей смены — Хенрик Таубер
5 марта	Перевод из Бухенвальда немецкого заключенного Августа Брюка, предназначенного для работы оберкапо на крематориях Биркенау

Даты	События
9 марта	Побег 2 членов зондеркомmando — Белы Фельдиша и неизвестного. Их вскоре поймали, доставили в штраф-блок 11, где пытали и 16.3.1943 убили
13–14 марта	Неофициальный пуск Крематория II: первые жертвы — 1492 евреев из Гетто В в Кракове
20 марта	Первый еврейский транспорт из Греции
22–23 марта	Пуск и приемка Крематория IV с пропускной способностью 768 трупов в сутки
31 марта	Приемка Крематория II с пропускной способностью 1440 трупов в сутки
4 апреля	Приемка Крематория V с пропускной способностью 768 трупов в сутки
19 апреля	Начало восстания в Варшавском гетто
Май	Эпидемия тифа в цыганском лагере
22 мая — ок. 20 июня	Остановка Крематория II для ремонта внутренней облицовки трубы и дымоходов
9 июня	Апробация газовых камер при Крематориях IV и V
25–26 июня	Приемка и пуск газовой камеры и Крематория III с пропускной способностью 1440 трупов в сутки (апробация на евреях из Дранси и Бендсбурга)
12 июля	Перевод зондеркомmando в Биркенау из блоков 1 и 2 в зоне ВIb в блоки-конюшни 13 и 11 в зоне ВIId. Перевод польских членов зондеркомmando, но в блок 2
19 июля	Остановка Крематория I в Аушвице-I
12 августа	Восстание в лагере смерти Трешлинка
16–21 августа	Восстание в Белостокском гетто
8 сентября	Создание семейного лагеря для евреев из Терезиенштадта
14 октября	Восстание в лагере смерти Собибор
23 октября	Прибытие из Берген-Бельзена транспорта с «евреями на обмен», обладателями южноамериканских паспортов. Одна из находившихся в нем узниц застрелила в раздевалке Крематория обершарфюрера СС Шиллингера
23 октября	Первый еврейский транспорт из Италии
3 ноября	Расстрел около 17 тыс. евреев в концлагере Майданек

Даты	События
11 ноября	Оберштамбанфюрер СС А. Либехеншель сменил Р. Хёсса на посту коменданта концлагеря Аушвиц. Организация 3 обособленных лагерей – Аушвиц (Stammlager), Биркенау (Frauenlager) и Моновиц (Nebenlager)
Начало декабря	Переезд зондеркоммандо из блока 2 в секторе Б, отданном под женский лагерь, в блок 13 в секторе D
14 декабря	Завершение строительства «Эффектен-камеры», т.е. зоны для складирования, обработки и хранения имущества узников и убитых (т.н. «Канада»)
27 декабря	Смерть от тифа оберкапо Августа Брюка (его преемником стал Яков Каминский)
1944	
Сер. февраля	Неудавшийся побег Даниэля Обстбаума, Ферро Лангера и еще 3 членов зондеркоммандо, с подкупом СС
24 февраля	Селекция 200 членов зондеркоммандо. Их отправили в Майданек и там расстреляли. Им на замену отобрано около 100–150 греческих евреев, прошедших карантин; их поселили в бараке 13
29 февраля	Инспекция лагеря А. Эйхманом
7 марта	Ликвидация «чешского лагеря»
4 апреля	Первая аэрофотосъемка концлагеря Аушвиц союзниками
10–15 апреля	Прибытие в Аушвиц эшелонов (гл. образом из Греции), из состава которых спустя месяц сформируют обновленные зондеркоммандо
16 апреля	Из концлагеря Люблин (Майданек) прибыли члены местного зондеркоммандо – 19 советских военнопленных и 1 немец-оберкапо – Карл Конвоент. Они привезли с собой новости о расстреле в Майданеке 17 тыс. евреев 3.11.1943, а также членов зондеркоммандо из Биркенау, «эвакуированных» 24.2.1944
2 мая	Прибытие первых транспортов из Венгрии: начало «венгерской операции» (или «Операции Хёсс»)
Между 3 и 8 мая	Посещение Аушвица-Биркенау А. Эйхманом

Даты	События
9 мая	В связи с «венгерской операцией» Хёсс приказал подъездной железнодорожный путь, подводивший к территории Биркенау, дотянуть практически до Крематориев II и III, и построить там разгрузочную рампу. Начальником над всеми крематориями назначен гауптшарфюрер СС Отто Моль
15 мая	Увеличение численности зондеркоммандо на 100 чел. и первый выход новичков на работу
15 или 16 мая	Посещение Крематория II в Биркенау Г. Гимлером
16 мая	Попытка ликвидации цыганского лагеря. Попытка не удалась, т.к. цыгане были накануне предупреждены
16 мая	В Биркенау прибыло сразу три эшелона с венгерскими евреями
До сер. мая	Численность зондеркоммандо — ок. 414 чел.: из них по 121 чел. — на Крематориях II и III и по 86 — на Крематориях IV и V
2-я половина мая	Выход из строя всех 8 печей Крематория IV и 6 печей Крематория V (скорее всего — в связи с начавшимися перегрузками из-за увеличившегося объема работы)
Около 10 (по др. данным — конец 10) июня	Перевод зондеркоммандо из барак 11 и 13 в секторе ВІІІ в помещения непосредственно в крематориях — на чердаки Крематориев II и III и в раздевалку Крематория IV
16 июня	Первоначальный дата общего восстания, согласованная с Польским подпольем
16 июня	Посещение Аушвица обергруппенфюрером СС Полем. Он приказал усилить маскировочные мероприятия на территории крематориев
16 июня	В передаче радио Би-Би-Си сообщено об убийстве части евреев из Терезиентштадта 7 марта 1944 г. и о планирующемся убийстве другой части около 20 июня
20 июня — 20 июля	Мелкие ремонтные работы на Крематории II
21 июня	Старейшина еврейского гетто в Терезине Якоб Эдельштейн, его семья и его ближайшие сотрудники расстреляны и сожжены на Крематории III
23 июня	Посещение Аушвица делегацией Международного Красного Креста

Даты	События
26 июня	Каждый из крематориев получает приспособление для просеивания пепла с целью отделить непрогоревшие человеческие останки
26 июня	Аэрофотосъемка Аушвица союзниками
Конец июня	Перевод д-ра Миклоша Нижли (венгерский еврей) из лагеря Моновиц на Крематорий IV в качестве ассистента д-ра Менгеле
7 июля	Первая бомбардировка производств в Блешхаммере, в 25 км от Аушвица
10–11 июля	Ликвидация ок. 4000 мужчин, женщин и детей — обитателей «семейного лагеря»
11 июля	Прекращение массовых депортаций из Венгрии
20 июля	Покушение на Гитлера. Назначение Гимmlера командующим войсками Резерва
24 июля	Освобождение концлагеря Люблин (Майданек) советскими войсками
28 июля	Дата восстания зондеркомmando
29 июля	Личный состав зондеркомmando достиг своего максимума — 873 чел, не считая 30 чел., работавших на разгрузке дров
1 августа	Начало Варшавского восстания
2 августа	Селекция и ликвидация цыганского лагеря. Часть цыган была переведена в Бухенвальд
2 августа	Убийство оберкапо Я. Каминского О. Модем
7 августа	Первая бомбардировка производств в Тржбине, в 20 км от Аушвица
15 августа	Прибытие транспорта из Лодзинского гетто. Среди прибывших — Э. Хиршберг с летописью событий в Лодзи
21 июня	На запрос связного Армии Крайовой о возможности взорвать крематорий и газовую камеру, дан положительный ответ при условии, если будут поставлены взрывные материалы
20 августа	Бомбардировка американской авиацией завода ИГ Фарбен Индустри в Моновице
Август	Посещение Аушвица и Крематория III Муссой Абдаллой эль Хусейни, племянником муфтия Иерусалима Хаджиамина эль Хусейни

Даты	События
6 сентября	Дата под «Письмом к потомкам» З. Градовского
7–8 сентября	Возможная дата восстания
13 сентября	Бомбардировка американской авиацией завода ИГ Фарбениндустри в Моновице. Несколько бомб случайно упали на Биркенау, в районе «Мексика», убив несколько человек и повредив грунтовую дорогу, ведущую к крематориям
21(22) сентября	Попытка побега члена зондеркомmando грека А. Эрреры
23 сентября	Внутренняя селекция зондеркомmando якобы для работ в Глейвице: сокращение личного состава с 873 до 661, отобранных убили в душевой «Канады»
2 октября	Капитуляция Варшавского восстания
5 или 6 октября	От зондеркомmando, работавших на Крематориях IV и V, потребовали список еще на 300 чел.
7 и 8 октября Суббота и воскресенье	Восстание на Крематориях IV и II. Всего погибло 451 чел. В живых остались – 212 чел. Зондеркомандовцев из Крематориев III и V разместили вместе на чердаке Крематория III
11–13 октября	Уничтожение нескольких тысяч евреев (из Словакии, Бухенвальда, Терезина) на Крематориях II и III
12 октября	Комендант Баэр объявил в приказе № 26/44 о гибели 3 эсэсовцев во время восстания и о награждении 5 других Железными крестами
14 октября	Начало работ по разрушению стен Крематория IV
20 октября	Сожжение в печи для мусора Крематория III части архива и картотеки лагеря
20 октября	Убийство 600 (по другим сведениям – 1000) еврейских мальчиков в возрасте от 12 до 18 лет
25 октября	Начало демонтажа Крематория II (в первую очередь вентиляторного оборудования)
30 октября	Последняя газация в Крематории V (жертвы – доходяги из Биркенау)
3 ноября	Прибытие последнего еврейского транспорта (из Середы в Словакии). Всех прибывших, без селекции, зарегистрировали
6 ноября	Остатки зондеркомmando перевели в общий лагерь, все в тот же изолированный блок 13

Даты	События
25 ноября	Начало демонтажа Крематория II и III (вентиляторы)
26 ноября	Около полудня — селекция еще 100 чел., направляемых якобы в концлагерь Гросс. Среди них оказался и Л. Лангфус — в этот же день сделавший свою последнюю запись. Около 15 чел. спаслись. Среди них Лемко Плишко, Хенрик Таубер, Давид Ненсил и Мориц Кессельман. Кессельман видел отобранных в «Сауне». Оставшиеся: 30 чел. (среди них Ф. Мюллер), работавшие на Крематории V, там же и были размещены. Там же некоторое время работал и врач Миклош Нижли (см. 1.6.1944) 70 чел. были возвращены в мужской лагерь, но уже в не изолированный барак 16
1 декабря	Формирование команды по разрушению крематориев (Abbruchskommando). Кроме членов зондеркомmando к работам (в т.ч для ликвидации ям) привлекаются и др. узники, в т.ч. 100 женщин, а с 5.12. — еще 100 женщин
Декабрь	Остановка Крематория V
1945	
5 января	Эвакуация 6 польских членов зондеркомmando в Маутхаузен
6 января	Казнь 4 евреек, работавших на Юнион-Верке и обеспечивших восставших порохом для гранат
14 января	Последний выход на работу команды по разрушению крематориев
18 января	Эвакуация основной части узников, среди них и около 100 членов зондеркомmando, некоторым из которых удается бежать
20 января	Подрыв Крематориев II и III
26 января	Подрыв Крематория V
27 января	Освобождение концлагерей Аушвиц и Биркенау
Конец января — начало марта	Раскопки в зоне бывших крематориев, предприятия местными жителями в поисках зарытых еврейских «кладов», и первые находки рукописей членов зондеркомmando
3 апреля	Расстрел 6 польских членов зондеркомmando в Маутхаузене

**Свитки из пепла.
История обнаружения и краткое содержание рукописей,
найденных в Биркенау**

«Некоторые, способные к письму, узники записывали хронику зондеркомандо, которую упаковывали в свинцовые банки и закапывали в надежде, что когда-нибудь кто-то их выкопает и прочтет»

(Филипп Мюллер)

«Дорогой находчик, ищите везде!..»

(Залман Градовский)

История обнаружения, изучения, хранения и публикации текстов Залмана Градовского неотрывна от истории обнаружения, изучения, хранения и публикации других свидетельств «из первых рук» — рукописей, написанных бывшими членами зондеркомандо в Биркенау и обнаруженными после войны.

В сжатом виде сведения о времени и месте обнаружения и о современных местах хранения оригиналов и копий обнаруженных рукописей приводятся в нижеследующей таблице. Более детальные сведения о каждой из находок содержатся в специальных описаниях каждой из них в отдельности (см. далее).

Таблица 1

**Сведения об обнаружении и местах хранения рукописей членов
зондеркомандо**

Авторы текста	Дата и место обнаружения	Место хранения оригинала	Место хранения аутентичных копий
XX	Сер. февраля 1945, Крематорий IV	Нет данных (предположительно в Париже)	АРМАВ
ЗГ1	5–3.1945, Крематорий IV	Семья Вольнерман (5 листов)	Семья Вольнерман
ЗГ2	2–3.1945, Крематорий IV	ВММ МО РФ	Яд Вашем, ЖИИ, АРМАВ
ЛЛ1	11.1952, Крематорий IV	Не установлено	АРМАВ

Авторы текста	Дата и место обнаружения	Место хранения оригинала	Место хранения аутентичных копий
ЛЛ2	4.1945 / 11.1970, Крематорий IV	АРМАВ	
ЗЛ1	28.7.1962, Крематорий III	АРМАВ	
ЭХ	28.7.1962, Крематорий III	IPN	
ЗЛ2	17.10.1962, Крематорий III	АРМАВ	
МН	24.10.1980, Крематорий III	АРМАВ	

Сокращения: ХХ – Х. Херман, ЗГ – З. Градовский, ЛЛ – Л. Лангфус, ЗЛ – З. Левенталь, ЭХ – Э. Хиршберг (автор лодзинского дневника), МН – М. Надьяри.

Лейб Лангфус, один из авторов таких рукописей, обращался к потомкам в одной из тех немногих, что были найдены:

«Я прошу собрать все мои разные и в разное время закопанные описания и записки с подписью J.A.R.A. Они находятся в различных коробочках и сосудах на территории Крематория IV, а также два более длинных описания — одно из них, под названием «Выселение», лежит в яме с кучей остатков костей на территории Крематория III, а описание под названием “Освенцим”³⁷⁵ между размолотыми костями на юго-западной стороне того же двора. Позже я сделал с этого копию и дополнил и закопал отдельно в пепле на территории Крематория III. Я прошу все это вместе собрать и под названием “В сердцеvine ужасного преступления” опубликовать. <...>

Сегодня 26 ноября 1944 года»³⁷⁶.

Хенрик Порембский, электрик, обслуживавший крематории по электрической части, доверенное лицо и связной зондеркомmando, осуществлявший связи с подпольщиками в Аушвице-1, утверждал, что ему лично известно о 36 схронах на территории крематориев³⁷⁷. Трижды приезжал он в Освенцим в надежде найти их и выкопать бесценные записи. Первый раз, в августе 1945 года, он опоздал — на территории крематориев хозяйничала комендатура лагеря для немецких военнопленных. Второй раз — в 1947 году — копать ему не разрешил уже музей, опасавшийся наплыва «черных археологов». И только в июле 1961 года санкция варшавского и музейного начальства была получена: раскопки начались 26 июля и увенчались 28 июля находкой проржавевшего немецкого солдатского котелка, внутри которого оказались плотно уложенные листы бумаги — записки из Лодзинско-

го гетто с комментариями З. Левенталя. Рядом с котелком в земле были остатки пепла и несгоревших человеческих костей — наверное, Левенталь почтил память автора записок персональным захоронением его условных останков³⁷⁸.

Станислав Янковский-Файнзилбер закопал в землю недалеко от крематория фотоаппарат, металлическую банку с остатками газа и заметки на идиш с расчетами количества убитых в Аушвице³⁷⁹. Кроме того, повар Леон закопал там же большую коробку с талесом, тфилином и молитвенником, подобранными у погибших³⁸⁰. Яков Габай утверждал, что он и несколько других греческих евреев закопали возле Крематория III несколько символических банок с как бы индивидуальным пеплом их родственников³⁸¹.

Еще об одном послании, причем коллективном, сообщает Миклош Нижли — его, по-видимому, главный инициатор. На трех из четырех пергаментных, большого формата листов, рукой парижского художника Давида Олере, описывалось все, что происходило на крематориях Биркенау, приводилась оценка числа жертв и назывались имена основных палачей. Четвертый лист занимали подписи почти 200 членов зондеркоммандо с Крематория II, где обретался и сам Нижли. Эти листы были прошиты шелковой нитью, свернуты в трубочку и вложены в специально изготовленный цинковый цилиндр, вскоре закопанный во дворе Крематория II. (У этого, так и не найденного после войны, послания был необычайно экстравагантный «двойник». Обершарфюрер СС Эрих Мусфельд приказал изготовить двухспальную кровать-рекамье и отправить ее багажом к себе домой, в Мангейм: члены зондеркоммандо изделие изготовили, но заложили между погруженных в шерсть и вату его пружин аналогичный цинковый цилиндр!)³⁸²

Известно, что члены зондеркоммандо вели свой учет прибывающих транспортов и регулярно передавали эти сведения польскому подполью в центральном лагере: именно таким документом является, судя по всему, список эшелонов, написанный поэтому по-польски Лейбом Лангфусом и найденный среди бумаг Залмана Левенталя.

Но, быть может, самое уникальное, что им удалось переправить на волю, — это свои групповые «автопортреты»: страшные фотографии живых членов зондеркоммандо на фоне лежащих на траве и сжигаемых на костре трупов.

Всего сохранилось четыре фотографии, сделанных в конце августа или начале сентября 1944 года сквозь квадратное окно или дверь какого-то временного укрытия близ костровища у Крематория V³⁸³. Польское подполье переправило пленку в Краков, а сопроводитель-

ная касиба Йозефа Циранкевича и Станислава Клодзинского к Терезе Ласоцкой-Эстрайхер от 4 сентября 1944 года достаточно точно датирует событие³⁸⁴.

Рамка фотографии и изображение находятся под некоторым углом друг к другу, что наводит на мысль о том, что фотографии делались лежа. Но, конечно, самое поразительное — то, что зондеркоммандо удалось еще и сфотографировать свое рабочее место!

Согласно сведениям, зафиксированным в экспозиции Государственного музея Аушвиц-Биркенау, автором фотографий был грек по имени Алекс, для которого через Аушвиц-1 был специально раздобыт фотоаппарат, пронесенный на Крематорий III Драгоном³⁸⁵. Согласно свидетельству членов зондеркоммандо Леймы Филишки и Аврома-Берла Сокола от 31 мая 1946 года, фотографировал и Лейб-Гершл Панич из Ломжи, нашедший в вещах погибших исправный фотоаппарат³⁸⁶. Но не исключено, что фотографов было не один, а двое.

Довид Нэнцел вспоминал также о закопанном в землю большом стальном ящике, в который были уложены фотографии, найденные у венгерских евреев, и заметки о каждом венгерском эшелоне, а также письма-отчеты Сталину, Рузвельту, Черчиллю и де Голлю, написанные на соответствующих языках³⁸⁷.

Те же Филишка и Сокол утверждали, что члены зондеркоммандо захоранивали свои рукописи и рисунки в термосах и флягах на территории всех крематориев, но в особенности часто на территории Крематория III — приблизительно в 20 метрах в сторону цыганского лагеря от него. Авторами этих документов, кроме Градовского, были Йосель Варшавский, Довид Нэнцел из Рифича, некий даян (судья) из Макова³⁸⁸, имени которого они не называли, и Леон Француз, или Давид Олере, из Франции, художник, старавшийся делать зарисовки со всего того, что он, к сожалению, видел³⁸⁹.

Много лет вел дневник и Яков Габай, но он не мог взять его с собой при эвакуации лагеря³⁹⁰. Греческие евреи, видимо, меньше интересовались мировой историей, нежели семейной. Поэтому они писали главным образом письма своим родным, закладывали их в бутылки и закапывали их на 30-сантиметровой глубине в пепле: и, как ни удивительно, одно такое письмо — от Марселя Надьяри — нашлось и «дошло»!

Если же и всех нас воспринимать в качестве адресатов, то в конечном итоге до нас дошло восемь таких свитков, и находки обеих рукописей Градовского входят в тройку самых ранних находок. Первой (по-видимому, в середине февраля 1945 года) была обнаружена рукопись, написанная по-французски и принадлежавшая Хайму Херману,

а последней — в октябре 1980 года! — рукопись Марселя Надьяри, написанная по-гречески. Остальные шесть рукописей писались на идиш (с минимальными вкраплениями на польском и немецком языках, а также на иврите).

Первые три находки от последней отделяют более, чем 35 лет!

Первые три были найдены практически одновременно (так что провозглашать чье бы то ни было «первенство» — не более, чем условность). Существенно, что все три первые находки случились в первые недели после освобождения Аушвица-Биркенау советскими войсками 27 января 1945 года. В феврале (а может быть, и в марте; да и самые последние числа января тоже не исключены) — была найдена рукопись Залмана Градовского «В сердцеvine ада», а 5 марта 1945 года — фляжка с другой его рукописью³⁹¹.

В 1952 и 1970 годах были обнаружены рукописи Лейба Лангфуса, а в 1962 году, 28 июля и 17 октября, одна за другой, две рукописи Залмана Левенталья. Последней находкой — в 1980 году! — стала рукопись Марселя Надьяри, написанная по-гречески. Сам он — единственный из авторов обретенных рукописей, о ком достоверно известно, что он уцелел и прожил после войны еще четверть века.

Говоря об истории обнаружения рукописей, следует начать с истории их не-обнаружения.

Из восьми найденных рукописей только четыре были обнаружены вследствие целенаправленного поиска государственных органов — первая рукопись Градовского в марте 1945 года (комиссия ЧГК), одна рукопись Лейба Лангфуса в 1952 году (партийная комиссия) и обе рукописи Левенталья, обнаруженные в 1962 году в рамках целенаправленной экспедиции Государственного музея «Аушвиц-Биркенау» (правда, под большим давлением со стороны двух бывших узников, утверждавших, что знают, где надо копать).

Но почему же с самого начала не копал сам музей? Ведь в земле сыро, и никакая банка или фляжка от сырости целее не становится. Почему же не копали ни с самого начала, ни потом?

А вот предприимчивые «частники»-поляки в 1945 году копали — копали и находили! Искали они, правда, не еврейскую память, а еврейское золото: эдакий Клондайк у подножия крематориев! Когда находили рукопись с еврейскими буквами — выбрасывали, и никто не призывал их продавать находки в музей. Только один молодой поляк, имени которого история, к сожалению, не сохранила, найдя рукопись Градовского, догадался предложить ее оказавшемуся по соседству земляку-еврею. Волнерман торговаться не стал и рукопись у него купил.

Местонахождение и краткое содержание каждой из рукописей, найденных в Аушвице

Итак, от нескольких десятков рукописей, адресованных потомкам и историкам, до нас дошло всего восемь. Присвоим каждой свой номер и охарактеризуем их все, каждую по отдельности и в порядке их обнаружения.

№ 1. РУКОПИСЬ ХАИМА ХЕРМАНА

Дата обнаружения: середина февраля 1945 г.

Местонахождение оригинала: не установлено. Предположительно — в его семье или в Национальном архиве Франции (Фонд Министрства по делам ветеранов и жертв войны — ?)

Фотокопия: АРМАВ.

Дополнительные материалы: АРМАВ. Oświadczenia. Bd.70. Bl.212 f. (Отчет д-ра А. Заорского, март 1971.)

Сама рукопись была обнаружена в середине февраля 1945 Андже-ем Заорским из Варшавы, тогда еще студентом-медиком и членом добровольного корпуса Польского Красного Креста в Кракове. Этот корпус прибыл тогда в Освенцим для того, чтобы помочь разместить там госпиталь для бывших узников концлагеря³⁹². После нескольких дней напряженной работы в головном лагере Заорский с коллегами совершили «экскурсию» в Биркенау. В пепле за Крематорием IV он случайно обнаружил пол-литровую бутылку обычного стекла, внутри которой виднелись листки бумаги. Открыв бутылку, он вынул стопку листов бумаги в клеточку, хорошо сохранившихся и сложенных ввосемь, как будто это письмо. На самом верхнем из листов стоял адрес Польского Красного Креста (ну не поразительно ли, что бутылку нашел сотрудник именно этой организации?!), а на его обороте — собственно почтовый адрес лица, которому предназначалось письмо, — адрес во Франции.

Остальная бумага была написана мелкими строчками на французском языке: то было письмо мужа жене, в котором он описывал свою трагическую судьбу и переживания человека, работающего в команде при крематории. Он ясно осознал, что вскоре погибнет, как уже погибли многие его товарищи по чудовищной работе, и отдавал жене последние распоряжения. Он, в частности, просил ее как можно скорее выйти замуж и ни при каких обстоятельствах не возвращаться и не приезжать в Польшу³⁹³. А. Заорский сохранил это письмо и передал его в марте 1945 года во французскую миссию в Варшаве. 10 февраля 1948 года французский министр по делам бывших военнопленных и

жертв войны передал машинописную копию этого письма председателю Союза бывших узников концлагеря Аушвиц во Франции³⁹⁴, а в 1967 году Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме получил фотокопии этой машинописи и сопроводительного к ней письма из упомянутого министерства³⁹⁵. Местонахождение оригинала не установлено. Наиболее вероятные места: фонд Министерства по делам бывших военнопленных и жертв войны (в Национальном архиве Франции в Париже), Союз бывших узников концлагеря Аушвиц во Франции или семья Х. Хермана.

Только после этого удалось установить личность писавшего: им был Хаим Херман — польский еврей, родившийся 3 мая 1901 года в Варшаве, сам или с родителями переехавший в начале века во Францию. Собственно французский язык, которым написано это письмо, не слишком хорош, что и типично, и даже простительно для эмигранта в первом поколении: но интересно, однако, что Херман не захотел писать жене на идиш³⁹⁶.

2 марта 1943 года его депортировали из Дранси в Аушвиц, куда он прибыл 4 марта. Он получил № 106113 и был зачислен в зондеркоммандо. Уже при разгрузке их эшелона № 49 в составе 1132 человек были первые мертвецы и сошедшие с ума, около ста человек были отобраны для работы, остальные — на смерть. С тем же самым транспортом в Аушвиц прибыли и также были отобраны в зондеркоммандо упомянутые в письме Давид Лахана, торговец кожами из Тулузы³⁹⁷, а также не упомянутые Янкель Хандельсман и Иосиф Доробус, он же Иосиф Варшавский³⁹⁸. К тому моменту, когда Херман написал это письмо, то есть спустя 20 с небольшим месяцев пребывания в Аушвице, из той сотни оставалось в живых всего двое. Интересно, что свой адюв труд в зондеркоммандо он сравнивает со службой в «Хевра кадиша» (Chevra Kadischa) — еврейском похоронном товариществе, пекущемся в первую очередь о больных и умирающих, а также о проведении похорон и помощи родственникам усопших.

Само письмо датировано 6 ноября 1944 года: к этому времени Хаим Херман работает в зондеркоммандо уже больше 20 месяцев, и еще месяца не прошло со дня восстания! Оно является как бы ответом на письмо, полученное автором от его родных в начале июля. Накануне своей вероятной смерти, — а в точности мы не знаем, попал он или не попал в число жертв последней селекции, — он сетует, что не смог обеспечить свою семью материально и надеется, что после войны, когда наступит нормальная жизнь, его близкие сумеют прокормить себя самостоятельно. Тем не менее он просит жену обратиться к президенту Общества еврейской взаимопомощи (возможно, это и есть г-н Рис, которого упоминает вслед за этим).

К своей дочери, Симоне, он обращается с надеждой на то, что она сумеет продолжить свою социальную и политическую жизнь и что она выйдет замуж за еврея, с которым родит много детей. Он пишет, что, раз судьба отказала ему в счастье продолжения рода и передачи фамилии по мужской линии, то от нее, Симоны, зависит, назвать своих детей его именем и именами их погибших варшавских родственников. У жены он просит прощение за бывшие пустяшные разногласия, за то, как мало ценил он в их былой жизни нежность бытия. *«Я знаю, ты еще молода и должна снова выйти замуж, я даю тебе эту свободу, мало того, я очень тебя прошу не погружаться в траур, но в то же время я не хочу, чтобы у нее был отчим. Постарайся же отдать ее как можно скорее замуж, пусть она откажется от учебы в университете, и тогда ты свободна».*

Вот еще несколько цитат: *«Не смей даже подумать о возможности возвращения в Польшу, на эту, для нас проклятую, землю. Пусть для любви и поддержки послужит земля Франции (в крайнем случае, какая-нибудь еще, но только ни при каких обстоятельствах не Польша)».*

Он пишет и о себе: *«Вот уже 20 месяцев прошло с тех пор, как я здесь, но мне они кажутся целым столетием, просто невозможно передать все испытания, через которые я прошел. Если Вы будете живы, то прочтете немало трудов, которые еще напишут о нашем зондеркомmando. Но я прошу вас, никогда не судить меня слишком строго. Если были среди нас хорошие и плохие, то я, несомненно, не был среди последних. Без страха перед риском и опасностью я делал в эту эпоху все, что только было в моих возможностях для того, чтобы смягчить судьбу несчастных, а политически — то, о чем я не могу в этих записках даже написать, — так что моя совесть чиста, и накануне собственной смерти я могу этим гордиться».*

Из концовки письма: *«Мое письмо подходит к концу, моя жизнь тоже — так что я шлю вам свое самое последнее прости; это навсегда, это напоследнейший привет, в последний раз я обнимаю вас крепко-крепко и прошу вас в последний раз верить мне, что я легко покину этот мир, зная, что вы живы, а наш враг проиграл. Как знать, может быть, из истории зондеркомmando вы когда-нибудь узнаете день моего конца — я нахожусь в последней бригаде из 204 человек, мы ликвидируем Крематорий 2, и, говорят, что [после этого] в течение этой недели ликвидируют и нас»³⁹⁹.*

И последнее: *«Простите мне мой хаотический текст, а также мой французский. Если бы вы знали, при каких обстоятельствах я его пишу. Пусть меня простят все друзья, которых я по недостатку места не назвал и которым я пересылаю мой последний, мой прощаль-*

ный привет. Одновременно я хочу вам [им?] сказать: отомстите за ваших братьев и сестер, безвинно погибших на эшафоте.

Адье, моя дорогая жена и любимая моя Симона, исполните мои пожеланья и живите в мире, да защитит вас Бог.

Тысяча поцелуев от вашего мужа и отца.

P.S. По получении этого письма прошу вас сообщить г-же Germaine Cohen (Жермэн Коэн), Union Bank в Салониках (Греция), что [ее] Леон разделил мою судьбу, как он делил и мои страдания. <...>»

№ 2. РУКОПИСЬ ЗАЛМАНА ГРАДОВСКОГО «В СЕРДЦЕВИНЕ АДА»

Дата обнаружения: февраля 1945 г.

Местонахождение оригинала: неизвестно (так как он был украден, осталось только отдельные листы)

Рукописная копия с оригинала: семья Х. Вольнермана, Иерусалим

№ 3. РУКОПИСЬ ЗАЛМАНА ГРАДОВСКОГО. ПИСЬМО И ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Дата обнаружения: 5 марта 1945 г.

Местонахождение оригинала: Центральный военно-медицинский музей, Санкт-Петербург. № 21427, 21428, 21429 и 21430.

Копии и дополнительные материалы: в 1962 г. микрофильм оригинала был передан в Главную комиссию по расследованию гитлеровских преступлений в Польше; а фотокопия — в Институт еврейской истории, Варшава.

№ 4. РУКОПИСЬ ЛЕЙБА ЛАНГФУСА

Дата обнаружения: ноябрь 1952 г. (возле Крематория IV).

Вероятное местонахождение оригинала: Главная комиссия по расследованию нацистских преступлений в Польше. Известно, что некоторое время оригинал находился в Институте еврейской истории в Варшаве.

Копия и дополнительные материалы: АРМАВ: Syg. Wsp. /Autor neznaty / Tom 73. Nr. 420a (фотокопия); (Mikrofilm Nr. 462). Инв. № 156644. Л. 1–28.

История обнаружения и передачи этой рукописи — наименее ясная из всех: из материалов, оказавшихся нам доступными⁴⁰⁰, следует, что сама рукопись была обнаружена в ноябре 1952 года (по другим

данным — в начале 1953 года) в результате раскопок, инициированных чуть ли ни Катовицким отделением Польской объединенной рабочей партии. Однако из «Служебной записки» Яна Куча, являющейся, собственно, пересказом обращения в бюро некоего Владислава Баруса, жителя г. Кракова⁴⁰¹, вырисовывается несколько иная картина. Саму рукопись обнаружил житель Освенцима Франциск Ледвонь, косивший траву в районе Крематория IV; рукопись была запечатана в закрытую стеклянную банку светло-голубого или зеленого цвета и размером со школьную реторту. Эту рукопись хотел выкупить у Ледвоня освенцимский еврей Леон Шенкер, владевший фабрикой «Агрохимия» в Освенциме-Круке, но Ледвонь отказался. Вместо этого он передал рукопись своей сестре Марии Боровской, проживавшей в Варшаве, и ее мужу Станиславу Вальчику, партийному работнику. Барусу было известно, что они намеревались передать рукопись в Институт истории партии⁴⁰². Кроме того, Эдмунд Хабер из Катовице, сотрудничавший с Институтом еврейской истории в Варшаве, утверждал, что рукопись находилась в свое время в этом Институте. Сам Хабер намеревался продолжить поиски еврейских рукописей и получил на это разрешение Министерства культуры и искусства Польши. Его группа, в составе 8 человек, провела двухнедельные раскопки на территории концлагеря Биркенау; ей, в частности, удалось найти «банку с различными интересными предметами», которая была затем передана в Государственный музей Аушвиц-Биркенау⁴⁰³.

Вскоре после своего обнаружения оригинал (или, в крайнем случае, его хорошая фотокопия) некоторое время находился в Институте еврейской истории в Варшаве, в официальном органе которого и был впервые опубликован⁴⁰⁴.

Эта рукопись долгое время фигурировала как рукопись «Неизвестного автора». Однако еще в начале 1960-х годов она впервые была атрибутирована профессором Б. Марком, ее первым публикатором, как принадлежащая неустановленному магиду (судье) из Макова-Мазовецкого. В 1966 году Б. Марк умер, а его вдова, Эстер Марк, сопоставив различные свидетельства, сумела идентифицировать и его личность⁴⁰⁵.

Им оказался Лейб Лангфус, даян (по другим сведениям — магид) из Макова-Мазовецкого. Выпускник известной иешивы в Суцмире (Сандомире), он был исключительно религиозным человеком. Он родился в Варшаве около 1910 года. В 1933 или 1934 году он женился на Деборе Розенталь, дочери Шмуэля-Иосифа Розенталя, Маковского раввина. У них родился сын. Незадолго до немецкого нападения на Польшу его тесть переехал в Варшаву, и Лейб стал фактически духовным лидером Маковской общины. Еще до войны он утверждал,

что Гитлер хочет физически уничтожить всех евреев, но никто ему не верил⁴⁰⁶. 18 ноября 1942 года обитателей гетто в Макове депортировали в Млаву, а через три недели (7 декабря) оттуда — в Аушвиц. Эшелон прибыл в Биркенау 10 декабря, из примерно 3000 человек селекцию прошли только 523, из них 70 особо крепких и здоровых — попали в зондеркоммандо.

В зондеркоммандо он был на легкой работе: мыл и сушил женские волосы. Он был известен как человек, собирающий информацию обо всех новостях. Без упоминания его имени, он описывается в рукописи З. Левенталя и, судя по всему, в рукописи З. Градовского, в книге Миклоша Нижли⁴⁰⁷, а также в свидетельствах Абрахама и Иды Гарфинкелей (его земляков, помнивших его еще по гетто), Мордехая Цехановера (члена зондеркоммандо) и Шмуэля Тауба (члена санитарной команды)⁴⁰⁸. Встретив последнего на территории «своего» крематория (III) в самом начале октября, Лангфус быстро рассказал ему о планах восстания и о том, что ему, Лангфусу, предстоит взорвать крематорий и себя вместе с ним, поэтому он просит его запомнить как можно больше, а также запомнить то, что в различных местах в земле вокруг крематориев спрятаны емкости с рукописями. Однако восстание развивалось не по плану, и в итоге принять в нем активное участие Лангфус не смог.

Сама рукопись состоит из двух частей — «Дневника» и «Заметок».

В тексте «Дневника» говорится, в частности, о прибытии транспорта из Сосновца и Бедзина (что, вероятней всего, имело место в первой декаде августа 1943 года) и о равнине, который, раздевшись, спустился в бункер с танцами и песнями.

О том, как два венгерских еврея, узнав от члена зондеркоммандо о том, что им пора читать «виддуй» (покаяние о совершенных грехах), открыли бутылки водки и стали ее распивать, заставив отказывавшегося зондеркоммандовца присоединиться к ним, а потом и зарыдать.

О том, как в середине лета 1944 года обершарфюрер Мусфельд расстрелял 200 молодых венгерских евреев.

О группе изможденных евреев, отсыранных в одном из рабочих лагерей и присланных в Биркенау для ликвидации. Они попросили хлеба, и им принесли много хлеба. Глаза людей загорелись. Так они и спускались в раздевалку по ступенькам, с горящими глазами, ослепленными голодом и с куском хлеба в руках.

О случае в конце 1943 года. Группа польских подпольщиков и группа отобранных на смерть голландских евреев, уже голые, встретились в газовой камере. Юная полька обратилась к ним с зажигательной речью и здравицей во имя Польши, а к членам зондеркоммандо — с заклятием не забыть свой долг и рассказать братьям и сестрам о происходящем

и отомстить за них. После чего поляки запели свой национальный гимн, а евреи — хатикву, сплавив воедино две мелодии, два языка и два текста. После этого все вместе они запели Интернационал. Пока они пели, подъехала машина Красного Креста, и эсэсовцы высыпали порошок циклона Б.

О случае, бывшем летом 1944 года. Люди из словацкого транспорта разделись и уже спускались вниз, как вдруг одна женщина заходя в камеру, громко произнесла: *«А может быть, все-таки случится чудо?!..»*

А вот случай из лета 1943 года (на самом деле — 2 сентября). Группа евреев из Тарнува, узнав о том, что с ними произойдет, вдруг остановились и запричитали, произнося, каждый свой «виддуй». Перед лицом смерти они очищали свою совесть. После чего один юноша вскочил на скамейку и попросил внимания: он говорил о том, что не может же быть, что их сейчас убьют, говорил так страстно и проникновенно, что все поверили ему и совершенно успокоились. А между тем убийцы высыпали гранулы с газом им на головы...

На пасху 1944 года прибыл транспорт из Виттеля во Францию. Среди прибывших было много почтенных людей — раввинов и других патриархов⁴⁰⁹. Когда оберштурмфюрер приблизился к раввину, уже голому, тот двинулся на него и, схватив его за мундир, словно рыкающий лев, громогласно произнес по-немецки: *«Вы, подлые чудовища и убийцы человек, и не думайте, что вам удастся известить наш народ. Еврейский народ будет жить вечно и никогда не сойдет с арены мировой истории. Но вы, немцы, вы, гнусные убийцы, вы дорого заплатите за все — за каждого безвинно убитого еврея десятью немцами! Придет день расплаты. Пролитая кровь будет взывать об отмщении. Наша кровь не успокоится, пока горящий гнев уничтожения не затопит ваш народ и не уничтожит его, самый звериный из народов!»* После чего он надел свою шляпу и закричал: «Шма Исраэль!»

В конце 1944 года прибыл транспорт из Кошице (возможно, уже упоминавшийся выше). Старая жена раввина сказала громко: *«Я вижу тут кровь венгерских евреев. Правительство предлагало им спастись, а они спросили раввина, и раввин посоветовал им несмотря ни на что остаться. А теперь верхушка еврейства венгерского спаслась, а мы все здесь. Да прости Бог этим “спасшимся” их великие грехи.»*

В конце 1943 года из Шяуляя прибыл транспорт с одними детьми. Распорядитель казни направил их в раздевалку, чтобы они могли раздеться. Пятилетняя девочка раздевает своего годовалого братишку, к ней приблизился кто-то из команды, чтобы помочь. И вдруг девочка закричала: *«Прочь, еврейский убийца! Не смей прикоснуться к моему братику своими запачканными еврейской кровью руками! Я теперь его добрая мамочка, и он умрет вместе со мной на моих руках».* А семи-

или восьмилетний мальчик, стоящий рядом, обращается к нему же: *«Вот ты, еврей, и ведешь таких славных детишек в газ — но как ты сам можешь жить после этого? Неужели твоя жизнишка у этой палаческой банды тебе и впрямь дороже, чем жизни столько еврейских жертв?..»*

А вот случай из начала 1943 года. Газовая камера переполнена, и один еврейский мальчик остался снаружи. К нему подошел унтершарфюрер и стал убивать его стэкком. Он избивал его самым чудовищным образом, кровь брызгала во все стороны, изуродованное тельце его уже не шевелилось. Но вдруг словно пружиной поднялось это тельце на ноги, и мальчик молча и спокойно посмотрел в глаза своему чудовищу-убийце. А тот только расхохотался цинично, вынул револьвер и застрелил мальчика.

Гауптшарфюрер Отто Моль⁴¹⁰ строил людей в ровные шеренги по четверо и одним выстрелом убивал целую шеренгу. Если кто-то в шеренге пробовал уклониться, он бросал того живым в печь. Если кто-то артачился и не шел в камеру, того он бросал на цементный пол и добивал ногами. Он же встречал транспорты и, становясь на скамейку и скрестив руки на груди, вежливо объяснял слушателям, что им сейчас надо в баню, а потом всех распределял по рабочим местам. Если кто-то высказывал сомнение в справедливости его ласковых слов, Моль свирепел и тут же забивал его, лишая воли и ориентации остальных.

Или вот обершарфюрер Форст. Он встречал множество транспортов и трогал за половые органы всех проходивших мимо него молодых женщин. Бывали и такие случаи, что эсэсовцы любых степеней засовывали туда свои гнусные пальцы.

В конце 1942 года прибыл транспорт из Пржемысля⁴¹¹. Были у них с собой ножи, и они хотели наброситься на эсэсовцев, но их вожак, молодой врач, удержал их от этого — в надежде, что немцы сохранят за это жизнь ему и его жене. Когда все разделись и зашли в камеру, то в камеру втолкнули и его.

Далее следует вторая часть рукописи, или так называемые «Заметки», описывающие совсем недавние события. Самая ранняя дата — 10 октября, самая поздняя — 26 ноября 1944 года (скорее всего, в этот день он стал жертвой самой последней селекции зондеркоммандо).

Так, 14 октября руками зондеркоммандо начали разрушать стены Крематория IV, изрядно пострадавшие во время восстания за неделю до этого; 20 октября грузовик привез для сожжения картотеки и горы документов; а 25 октября начали демонтировать и Крематорий II (при этом в первую очередь демонтировали вентиляторный мотор и трубы — для того, чтобы установить их в других лагерях — в Маут-

хаузене и Гросс-Розене — таких моторов в Крематориях IV и V не было — значит, немцы хотят продолжить свое дело в других местах).

Под конец автор называет свой псевдоним — J.A.R.A. и просит собрать его рукописи: *«Сейчас мы идем в Зону. 170 еще оставшихся людей⁴¹². Мы уверены, что они поведут нас идем на смерть. Они отобрали 30 человек, которые остаются на Крематории V. Сегодня 26 ноября 1944 года».*

Далее он описывает свои (!!!) рукописи и места, где он их спрятал. Одна из упомянутых рукописей называется «Gerusz» («Депортация»).

№ 5. РУКОПИСЬ ЛЕЙБА ЛАНГФУСА

Дата обнаружения: первоначального — апрель 1945 года, вторичного — ноябрь 1970 года.

Местонахождение оригинала: АРМАВ. Syg. Wsp. / Autor nieznamy / 449a.

Рукопись поступила в ноябре 1970 года от Войцеха Боровчика из Освенцима. История ее такова: в апреле 1945 года ее нашел возле руин Крематория III его старший брат Густав Боровчик, впоследствии офицер Польской народной армии, 1923 г.р., проживавший в Катовицах. В октябре 1970 года, после того как их мать умерла в Освенциме в 1969 году, младший брат наткнулся на чердаке дома на эту рукопись, после чего передал ее прямо в Музей⁴¹³.

Рукопись представляет собой 52 карточки формата 11x17 см, написанные с обеих сторон. Ряд страниц (особенно в конце) не читается. Пагинация на рукописи — д-ра Романа Пытеля (с 1 по 128, из них последняя страница с текстом — 114-я).

Название авторское: «Der Gerusz» («Депортация»). Судя по сохранившейся нумерации глав, рукопись сохранилась неполностью, хотя перерывов в пагинации и нет. Возможно, это и сокращенная версия; автор же при переписке не менял нумерации глав. После оккупации (район Цихенау был присоединен к Восточной Пруссии и, стало быть, к Рейху; с декабря 1940 по март 1941 года евреев из Цихенау переселяли в Любим и Радом). Гетто в Макове-Мазовецком долго не трогали, но где-то между 31 октября и 18 ноября 1942 года ликвидировали и его, депортировав жителей в транзитный еврейский лагерь в Млаве, откуда их уже и доставили в Аушвиц.

Примерное содержание рукописи (в скобках № листов оригинала): Гл. 1. Первое предупреждение (л. 1–30); Гл. 6. На марше (л. 30–46), гл. 10. В день перед депортацией (л. 46–49), гл. 11. Изгнание (л. 50–55), гл. 12. Млава (л. 55–83), гл. 17. На железную дорогу (л. 83–101).

Дальнейших подглавок и разбиения нет, но содержание последней из глав шире ее названия. Начиная с л. 88, в ней фактически описывается прибытие эшелона из Млавы на рампу перед Аушвицем-1 и селекция (л. 88–93): тогда было отобрано 450 работоспособных и 525 неработоспособных. Первыми на автобусах увезли женщин и детей, во вторую очередь — стариков и слабосильных мужчин. Остальных мужчин повели пешком в Биркенау.

Когда они спросили, куда увезли их близких и что с ними будет, эсэсовцы им вежливо ответили, что их везут в специальные бараки, где они будут жить и где потом можно будет с ними видаться по выходным дням. Далее следует описание барака и сцена в газовой камере бункера, обслуживать который его поставили. В группе убитых в его первый рабочий день были, как он узнал впоследствии, его жена и дети. От всего их транспорта осталась лишь небольшая горка полусгоревших костей, которую отбросили в сторону лопатой.

Лангфусу принадлежат еще и три фрагмента из рукописи Залмана Левенталя — «3000 нагих девушек» и «600 мальчиков», а также лист на польском языке с перечнем эшелонов, прибывших в Аушвиц между 9 и 24 октября 1944 года.

№ 6. РУКОПИСЬ ЗАЛМАНА ЛЕВЕНТАЛЯ

*Дата и место обнаружения: 28 июля 1962 г., возле Крематория III.
Местонахождение оригинала: APMAB. Syg. Wsp. / Pat. 1961 / 420.
Местонахождение оригинала «Лодзинской рукописи» Э. Хиришберга: IPN. GK 166/1113 (Sammlung «Z»)*

Рукопись Залмана Левенталя была обнаружена во время поисковых работ, проводившихся 26–28 июля 1961 года сотрудниками музея и Главной комиссии по изучению нацистских преступлений в Польше на территории, примыкающей к Крематорию III. В поиске участвовал Хенрик Порембский, с апреля–мая 1942 года работавший в Аушвице в бригаде электриков и осуществлявший конспиративную связь между подпольщиками в Аушвице-1 и членами зондеркомmando.

Лицом, с которым Порембский непосредственно контактировал, был оберкапо зондеркомmando Яков Каминский, еврей из Соколка⁴¹⁴. В обмен на медикаменты, которые поступали к «своим» врачам, польское подполье обеспечивало вынос за пределы лагеря письменных документов, находившихся в одежде узников. Но в середине 1944 года, после побега связного, этот канал прикрылся, и оставалось только одно — схроны в пепле жертв. Сам Порембский, по его сло-

вам, чуть ли и не закапывал все это — в чем ему помогали Мечислав (Митек) Морава, польский капо Крематория III⁴¹⁵, и польский еврей Давид, не то из Сосновца, не то из Лодзи⁴¹⁶.

Это была уже не первая попытка Порембского. Но и в 1945 году, когда он застал в бывшем «своем» лагере лагерь для немецких военнопленных, и в 1947 году, когда раскопки только привлекли ненужное внимание охотников за еврейскими ценностями, он ничего не смог найти. Но на этот раз попытка была удачной.

28 июля 1961 года, на третий день поисков, в яме, заполненной остатками человеческого пепла и перемолотых костей, был найден кирпич, а под ним металлический контейнер — сильно проржавевший и искривившийся армейский котелок, по которому к тому же ударила лопата находчика. В котелке находилась пачка туго свернутых и отчасти склеившихся листов бумаги, сплошь исписанной на идише. Бумага отсырела и частично заплесневела. Но, усилиями музейного реставратора, находка была спасена: в общей сложности было обнаружено 342 листа бумаги длиной от 26 до 29 и шириной от 10 до 11 сантиметров, исписанных с одной стороны (на обороте листов, вырванных из конторской книги), а также 6 нумерованных листов бумаги формата от 17–20 на 10–11 см. Все последующие усилия и сверх-усилия восстановить текст — химически, с помощью просвечивания или контрастной пересъемкой — привели к тому, что лишь 50 из 342 листов решительно не поддались прочтению, тогда как 124 поддались полностью, а остальные 174 — частично.

Было установлено, что указанные записи посвящены исключительно событиям в гетто Лодзи (Литцманнштадта). Они были оформлены как последовательно продолжавшиеся письма автора к другу, причем имя самого автора нигде не было названо. К записям были приложены шесть дополнительных листов, являвшихся своеобразным комментарием к рукописи: они были подписаны Залманом Левенталем, говорившим как бы от имени всей зондеркоммандо.

Лодзинский дневник прерывается на 15 августа 1944 года. В этот день 2000 лодзинских евреев прибыли в Аушвиц, и только 244 мужчины из этого транспорта уцелели, пройдя селекцию и получив номера от В-6210 до В-6453. Остальные были в тот же день убиты и сожжены, и в их числе и автор дневника, обнаруженного, по всей вероятности, уже среди его вещей, оставленных в «раздевалке». Впоследствии удалось установить, что им был Эммануэль Хиршберг, писатель и поэт из Лодзи⁴¹⁷.

Начало дневника написано в форме писем автора к некоему Вилли, оно содержит общие сведения о лодзинском гетто, но ближе ко второй половине начинаются записи в хронологическом порядке⁴¹⁸.

Автор комментария, Залман Левенталь, пребывал явно в большой спешке: он читал и писал буквально всю ночь, с 19.15 вечера до 8.44 утра, опасаясь быть застигнутым за этой работой. К тому же на эти дни первоначально планировалось восстание, и как знать — если бы кто-то из своих выдал бы эти планы, не сдобровать никому: надо было торопиться.

В главной концепции автора — во всем виноват юденрата и его король Хайм Первый, то есть председатель Хайм Румковский — Левенталь усматривает интересный и исторически ценный психологический изгиб, но относится к ней критически. Такая концепция, в его глазах, заслоняет главное — неизбежность депортации и последующего за ней убийства, а эта паволока в глазах не позволяет тем, кого это касается, подготовиться хоть к какому-то сопротивлению. Лодзинскому гетто он противопоставляет Варшавское, дерзнувшее на восстание и уже потому победившее, что доказало всем и прежде всему самим себе способность биться и сражаться со своими убийцами. Это для Левенталья главное, а все остальное, как он пишет, он *«передоверяет историкам и исследователям»*. Как и Градовский, Левенталь поражается тому, что даже то, что русские стоят у ворот Варшавы, а американцы и англичане у ворот Парижа, не способно отвлечь немцев от главного — от тотального уничтожения евреев! *«Отражение правды, — заканчивает свой комментарий Левенталь. — это еще не полная правда. Вся правда гораздо трагичнее и гораздо ужасней...»*

Сам Залман Левенталь родился 5 января 1918 года в Цехануве, 4-м ребенком в семье с 7 детьми. Ко времени начала войны учился в йешиве в Варшаве, откуда поспешил вернуться в Цеханув. Дальнейшее он описал сам: в Аушвиц прибыл 10 декабря 1942 года из пересыльного лагеря Малкиния и сразу же попал в зондеркомmando, обслуживавшую газовые камеры и Крематории II и III. Дов Пайсикович вспоминает о Левентале следующее: на вид около 35–37 лет, штубендинст (освобожден от тяжелых работ), кривая походка⁴¹⁹.

№ 7. РУКОПИСЬ ЗАЛМАНА ЛЕВЕНТАЛЯ

Дата и место обнаружения: 17 октября 1962 г., возле Крематория III.

Местонахождение оригинала: АРМАВ.

В приложенных к лодзинским материалам комментариях Левенталья указаны места, где были спрятаны различные материалы членов зондерокомmando и где в 1962 году действительно были сделаны новые находки, в том числе и его, Залмана Левенталья, собственный дневник.

Это произошло 17 октября 1962 года близ руин Крематория III. Представитель Комиссии М. Барцишевский и бывшая узница лагеря Мария Езерская обнаружили на глубине около 30 см пол-литровую стеклянную банку, обернутую листовым железом. В ней находился бумажный ролик, в который, как в полотенце, был завернут разодранный на листы блокнот размером 10 на 15 см. Блокнот вместе с листами был схвачен скрепкой, сильно проржавевшей, в т.ч. несколько разброшюрованных листов того же размера (исписаны синими чернилами) и 1 лист большего размера, исписанный карандашом и только с одной стороны. Всего там было 75 страниц, считая и 10 пустых. Зато страницы записной книжки исписаны с двух сторон, по 18–19 строк на страницу, при этом сначала он исписал книжку до конца на одной стороне, потом вернулся и продолжил ее же снова с начала. Примерно 40% текста прочтению не поддавалось. То же, что поддавалось, оказалось написанным на идише, причем, по мнению переводчика, не всегда идеальном, зато ивритские элементы (обращения и цитаты из Талмуда) — были безукоризненны. Одна-единственная страница (из числа разброшюрованных) записана по-польски — это суммирующий список транспортов и уничтоженных евреев в октябре 1944 г.

При просушке рукописи случилось непоправимое: листы перепутались, и сегодня мы вынуждены иметь дело исключительно с реконструкциями. Первая реконструкция-перевод принадлежит З. Голштынскому, его работу правил и редактировал (в том числе, по-видимому, и с идеологических позиций) Ш. Датнер. Вторая реконструкция — Б. Марка.

О содержании рукописи можно судить из следующего внутреннего оглавления: Гетто в Цехануве и депортация (л. 1–5), транзитный лагерь в Малкинии (л. 6–8), транспорт из Малкинии в Аушвиц (л. 9), прибытие в Аушвиц, рампа (л. 10), водворение в лагерь после селекции, попадание в зондеркомmando (л. 11–13), речь Молля перед членами зондеркомmando (л. 14), описание сцен, разыгрывавшихся на рампе и возле бункеров, трагедия зондеркомmando, (л. 16–21), анализ состояния духа и души членов зондеркомmando (л. 22–36), «3000 обнаженных» (л. 37–46), описание удушения газами (л. 46), заботы о подлинном представлении истории Аушвица-Биркенау всему миру (л. 47–51), образы отдельных членов зондеркомmando, попытки побегов (л. 52–59), попытки организовать восстание, план подготовки восстания и его отзыв, мероприятия, по соединению этого восстания с общелагерным восстанием. Непредвиденное начало восстания 7 октября 1944 года (л. 60–92), общие соображения по поводу восстания, обвинения в адрес польских узников и справка о местах, где

зондеркомандовцы спрятали своих рукописи (л. 93–99), «600 мальчиков» (л. 100–102).

Бер Марк, знакомившийся с оригиналом одним из первых, первым подметил, что два фрагмента принадлежат не Э. Левенталю, а тому же самому неизвестному автору, чью рукопись он уже однажды пытался атрибутировать. Следующий шаг — полную атрибуцию — уже после смерти мужа довершила Эдварда Марк, «добавившая» к двум указанным рукописям — кандидатам на переатрибуцию — еще и третью: единственный листок на польском языке (приготовленный, вероятно, для передачи польским подпольщикам в Аушвице-1).

Вот небольшая цитата из рукописи Левенталя: *«История Аушвица-Биркенау как рабочего лагеря в целом и в особенности история лагеря уничтожения миллионов людей будет, как я думаю, представлена миру недостаточно хорошо. Часть сообщений будет принадлежать гражданским лицам. <...> А остальное расскажут, вероятно, поляки, которые по случаю останутся в живых или же представители лагерной элиты, занимающие лучшие из мест и исполняющие ответственные функции, или же те, чья ответственность не была такой большой. В противоположность им, поляки, а также евреи, из числа тех, кто здесь в лагере работал и кто видел, как планомерно сотни тысяч людей по приказу уничтожали руками собственных братьев...»* (л. 47).

№ 8. РУКОПИСЬ МАРСЕЛЯ НАДЬЯРИ

Дата обнаружения: 24 октября 1980 г., на территории близ Крематория III.

Местонахождение оригинала: АРМАВ. Sygn. Wsp. / Nadjar Marcel.

Копия и дополнительные материалы: перевод на польский язык — АРМО. Собрание воспоминаний. Т. 135. (Перевод Т. Алексиу).

Марсель Надьяри родился 1 января 1917 года в Фессалониках, по профессии электрик. До отправки в Аушвиц содержался в лагере Хайдар. В Аушвиц был отправлен 2 апреля 1944 года транспортом из Афин: на место прибыл 11 апреля, был зарегистрирован под № 182669⁴²⁰. Примерно через месяц, после карантина, был зачислен в зондеркомандо (вместе с Леоном Когеном и др.). По всей видимости, входил в состав последней команды по разрушению крематориев и газовых камер⁴²¹. В Биркенау⁴²², ему, по-видимому, удалось переместиться из одной колонны в другую, смешаться с другими узниками и уцелеть. 25 января 1945 года (за 2 дня до освобождения лагеря!) был эвакуирован в Маутхаузен, где был еще раз регистри-

рован (под № 119116), 16 февраля 1945 года был переведен на работы в Гузен.

В 1947 году Марсель Надьяри женился (на Розе Надьяри), а в 1951 году, вместе с ней и маленьким сыном, он переехал в США, в Нью-Йорк, где и умер в 1971 году. Перед смертью он написал воспоминания, фрагмент из которых впервые был опубликован 22 апреля 1982 года на греческом языке в газете *Risospasti*. См. также его книгу на английском языке: MARSEEL NATZAPH. XRONIKO. 1941–1945. IΔRYMA ETΣ AXATM. ΦEΣΣAΛONIKH, 1991. 66 с. [рукопись, размноженная на гектографе]⁴²³. В этих воспоминаниях есть и такие слова: *«Я не о том жалею, что умираю, а о том, что не смогу отомстить так, как я этого хочу и как могу...»*. И такие: *«Каждый день задумываемся над тем, есть ли еще Бог, и, несмотря ни на что, я верю, что он есть и что все, чего Бог хочет, есть его воля»*.

Рукопись, написанная М. Надьяри, была обнаружена спустя 9 лет после его смерти: 24 октября 1980 года, при раскорчевке местности около руин бывшего Крематория III, на глубине примерно 30–40 см. Ученик Лесного техникума в г. Бринке Леслав Дурц⁴²⁴ нашел стеклянную колбу от термоса, закрытую пластмассовой пробкой и завернутую в кожаную сумку. В колбе была рукопись — 13 страниц формата 20x14 см, вырванных, по всей видимости, из блокнота. Текст написан убористым почерком, на греческом языке. Рукопись подверглась воздействию сырости, ее состояние и, соответственно, читаемость очень плохие.

Довольно быстро слух об этой находке дошел и до Розы Надьяри, перебравшейся к этому времени в Париж. 7 марта 1982 года она обратилась в Освенцимский музей с просьбой выслать ей копии. Ей не только выслали фотографии рукописи, но и вернули подлинную сумку, в которой нашли рукопись.

Post-Scriptum

До недавнего времени мне не приходилась даже слышать о том, чтобы на местах других лагерей смерти были сделаны находки наподобие тех, что были обнаружены в Аушвице. Но, как выясняется, записки на идише были обнаружены и в других местах, по меньшей мере, в Хелмно⁴²⁵.

В самом же Аушвице и Биркенау, помимо рукописей, написанных и упрятанных членами зондеркоммандо, существовали и были обнаружены еще и другие «схроны» — «бутылки», брошенные в море.

Самый яркий пример — это единственный текст на идиш, обнаруженный в самом Биркенау и датированный 3 января 1945 года. Жанр, в котором он написан, настолько неожидан, что невольно хочется себя уцеплюнуть: это — предисловие к антологии художественных со-

чинений на идиш и иврите, написанных несколькими еврейскими авторами из... Биркенау! Если Градовский и другие писатели из зондеркоммандо в своих записках были сконцентрированы на том, как евреи здесь умирали, то авторы антологии — на том, как они здесь жили. Но сама антология не выжила, погибла, а уцелели единственно предисловие к ней и его автор, Авром Левит!⁴²⁶

Положение, в котором в Аушвице оказался он сам и все остальные прошедшие селекцию евреи, он сравнивает с положением полярников, погибающих в арктическом безмолвии: они обречены, никто не спасет их, но остается еще слабая надежда оставить свидетельств о своих последних днях. И замерзающие пальцы все водят и водят карандашом по страницам дневника...

Для Левита принципиально важно оставить именно свое, еврейское, свидетельство об еврейской трагедии, ибо свидетельству не-еврейскому он заранее отказывает в легитимности и непредвзятости: *«Да, кое-кто выйдет отсюда живыми: не-евреи. Что расскажут они о нашей жизни? Что знают они о наших бедах? Что знали они о еврейских страданиях даже в нормальное время? Они знали, что все мы дети Ротшильда. Они станут усердно собирать маргариновые обертки и сосисочные кожицы и логично доказывать [с их помощью], что не так уж плохо этим евреям в этом лагере жилось...»*

Другой пример — книга с именами цыганских узников, закопанная Т. Яхимовским, И. Петржицом и Х. Порембским летом 1944 года. Найденная вскоер после войны, она была опубликована только в 1993 году⁴²⁷.

Еще случай — негативы идентификационных фотографий СС, сделанных с узников (около 390 тысяч!), снимки, документирующие строительство лагеря, газовых камер и др. Их тоже нашли после войны⁴²⁸.

Ну и, конечно, тысячи касиб!⁴²⁹ Тысячи касиб, переправленных польско-еврейским сопротивлением на волю, среди них и немало сведений, полученные от зондеркоммандо, а также несколько ледяных сердец фотографий.

Рукописи Градовского, как и другие рукописи, восставшие из пепла, — это тоже своего рода касибы, посланные к нам, но не через проволоку и не по воздуху, а через землю, напитанную кровью, обожженную и сырую.

Но не менее трудной и вязкой средой, сопротивлявшейся просачиванию этих грунтовых слов к читателю, оказалась погруженная во время человеческая память. Точнее, антипамять, чья леденящая сила, словно вечная мерзлота, на многие десятилетия сковала естественные желание человека знать и намерение помнить.

И все-таки — вопреки всему — они, эти касибы, однажды и случайно уцелев, начинают до нас доходить...

История перевода и публикации рукописей членов зондеркомmando, найденных в Биркенау

История выхода в свет «свитков из пепла» начинается с публикации в «Бюллетене Еврейского исторического института» в 1954 году текста рукописи «Неизвестного автора», впоследствии идентифицированного Бером Марком и Эстер Марк как Лейб Лангфус.

Примечательно, что первые переводы — гораздо старше первоизданий: это переводы З. Градовского на русский язык, сделанные Я. Гордоном (1945), П. Карпом (1948?) и Миневич (1962).

Самые первые публикации, как правило, выходили на польском языке. Исключениями стали только «В сердцевине ада» и «Письмо из ада» З. Градовского, впервые (в 1977 г.) опубликованное на идиш.

Спецвыпуск «Освенцимских тетрадей», составленный из рукописей членов зондеркомmando в переводе на польский язык, стал их первую сводкой (1971). К сожалению, дефекты перевода рукописей Градовского, например, при этом не были исправлены. За ней последовали сводные публикации на немецком (1972) и английском (1973) языках, опиравшиеся на польское издание. К сожалению, дефекты польской публикации переключались и в эти переводные, но опубликованные в Польше книги. В 1975 году воспоследовало новое, несколько расширенное, сводное издание на польском языке, а в 1996 году — и на немецком языке (в обоих случаях — без учета атрибуции Б. Марком и Э. Марк авторства Л. Лангфуса в тексте, печатавшемся как «рукопись неизвестного автора»).

Издание 1996 года легло в основу целого ряда других изданий, например, итальянского 1999 года (забавно, что, в отличие от своего «источника», последнее даже не упоминает ЦВММ МО как местонахождения одного из текстов!)

Первое научное издание корпуса текстов З. Градовского вышло в 2008 году в России, в трех — с июля по сентябрь — номерах выходящего в Санкт-Петербурге журнала «Звезда». В том же году тот же корпус впервые вышел в книжной версии и впервые на голландском языке. Книжным дебютом Градовского на русском языке стало выпущенное в мае 2010 года первое издание книги «Посередине ада», вошедшее в себя лишь часть подготовленного составителем научного аппарата (см. «От составителя»).

ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В БИРКЕНАУ

Языки, на которых выходили тексты	Тексты, написанные и найденные в Биркенау										
	ЗГ-1	ЗГ-2	ЗГ-3	ЗЛ-1	ЗЛ-2	ЛЛ-1	ЛЛ-1	ЛЛ-1	Х.Х.	М.Н.	
Английский	1973; 1999	1985	1973; 1999	1973		1973*	1973	1973	1973	1991	
Голландский	2008	2008	2008							1982	
Греческий											
Иврит	1978	1978	1978; 1988?		1988	1954*					
Идиш		1977	1982								
Испанский	1997?	1997?	1997?	1997?							
Итальянский	1999; 2002	1999; 2002	1999; 2002	1999	1999	1999*	1999	1999	1999	1999	
Немецкий	1972; 1996; 1999	1979; 1996	1972; 1996	1972; 1973; 1996	1967; 1995?; 1996	1962*; 1972*; 1979*; 1996*	1973; 1996	1972; 1996	1971; 1975	1996	
Польский	1969; 1974; 1975		1969; 1974; 1975	1968; 1971	1965; 1971	1954*; 1971*; *1975	1971; 1975	1971; 1975	1971; 1975		
Русский	2005; 2008; 2010	2008; 2009; 2010	2008; 2010								
Французский	1982	1982; 2001	1982	1982	2005	2005					
Чешский		1994									

Сокращения: ЗГ – 3. Градовский (1 – «Дорога в ад», 2 – «В сердцевине ада», 3 – «Письма из ада»), ЛЛ – Л. Лангфус (звездочкой выделены публикации, где он фигурирует как «неизвестный автор»), ЗЛ – 3. Левенталь, МН – М. Надьяри, ХХ – Х. Херман.

Публикации рукописей членов зондеркоммандо и сопроводительные материалы к ним

Библиография

1954

(Польск.) W otchłani zbrodni (Kronika oświęcimska nieznanego autora) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa, Styczeń – czerwiec 1954. Nr. 9–10. S. 303–309.

С примечанием «От редакции»: «Найдено в ноябре 1952 г. Написано на идиш. Последняя дата в тексте – 26 ноября 1944, авторское название: “W Otchłani Zbrodni”» (Р. 303)

(Идиш) In Greuel fun retzkihe // Bleter far Geschichte. 1954. Vol. VII. No. 5. P. 100–107.

Записки неизвестного автора,. В предисловии рассказано о находке. Идентификации автора как Лейба Лангфуса еще нет. Включает в себя разделы: «Подробности»; «Записки» и «Садизм». Последний раздел относится к Белжецу и не вошел в Освенцимское издание.

1957

(Иврит) Anashim va efer: Sefer oshvits-birkenau [Люди и прах. Книга га Аушвица-Биркеная] / Ed. I.Gutman. Merhavia, 1957.

1962

(Нем.) [Неизвестный член зондеркоммандо] Im Abgrund des Verbrechens // (Hrsg.) H. G. Adler, H. Langbein, E. Lingens-Reiner. Köln – Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1962. S. 94–97.

Переводчик не указан, но им являлся Б. Марк. По сравнению с первопубликациями 1954 г., отсутствует глава «Садизм».

(Идиш) [Без подписи]. [В ленинградском медико-военном музее находятся записки Залмана Градовского из Освенцима] // Folksztyme. Warszawa. 1962. № 68. 3 мая. С. 3.

В заметке упоминаются книжка и письмо Градовского, найденные во время раскопок недалеко от 3-го [4-го] крематория. Приведен и текст письма, что, в сущности, является первой публикацией не только самого письма, но и вообще первой публикацией З. Градовского. Автор неподписанной заметки (она не подписана, но вероятнее всего им был Б. Марк) поясняет: *«Из текста на последней странице записной книжки явствует, что Залман Градовский сначала закопал книжку в одном месте, потом*

выкопал ее и спрятал в другом. Оказалось, что бутылка, в которой были спрятаны записная книжка и письмо, закрывалась негерметично, и в нее попала вода, поэтому часть текста оказалась уничтожена» (что объясняет хорошую сохранность письма: Градовский вложил письмо во фляжку уже после того, как извлек из земли фляжку с записной книжкой).

(Идиш) [Марк Б.Новый потрясающий документ. Освенцимский дневник Залмана Гродовского] // *Folksztyme*. Warszawa. 1962. № 72. 10 мая. С. 3–4.

1965

(Польск.) *Rękopis Zelmana Lewentala* [Рукопись Зельмана Левентала] / Прочтение на иврите и идише: L. Brenner, A. Wein; пер. на польск. яз.: S. Datner // «Szukajcie w popiołach». *Papiery znalezione w Oświęcimiu* [«Ищите в пепле». Рукописи, найденные в Освенциме]. [Główna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce]. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1965. S. 125–130.

1967

(Нем.) *Der Bericht Zelman Leventhal* / Пер.: P. Lachmann u. A. Astel // *Briefe aus Litzmannstadt* / Hrsg. von J. Gumkowski, A. Rutkowski und A. Astel. Köln: F. Middelhaue, 1967. S. 89–96.

1968

(Польск.) *Zelman Lewental. Pamiętnik członka Sonderkommando Auschwitz II* / Предисловие: A. Rutkowski; перевод: A. Rutkowski i Adam Wein // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. Warszawa, styczeń – czerwiec 1968. Nr. 65–66. P. 211–233.

Дефектная публикация (см. выше).

1969

(Польск.) *Zalmen Gradowski. Pamiętnik* / Предисловие и примечания: B. Mark. *O pamiętniku Zalmena Gradowskiego, członka Sonderkommando w obozie koncentracyjnym Oświęcim*. Подготовка текста: E. Mark // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. Warszawa, lipiec–grudzień 1969. Nr. 71–72. P. 172–204.

Дефектная публикация (см. выше). Публикатор благодарит А. А. Лопатёнка из ВММ МО в Ленинграде за предоставленную в 1962 г. возможность ознакомления с записками и протоколом комиссии Попова и Герасимова.

1971

(Польск.) Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkommando / Zeszyty Oświęcimskie. Numer specjalny 2, 1971.

(Польск.) Czech D. O komentarzu Załmena Lewentala // Bezwińska J.; Czech D. (ed). Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkommando. Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1971. 287 s.

(Польск.) Załmen Lewental. [Komentarz] / Oderzytal z jidysz A. Wein. Przetłumaczył S. Datner // Bezwińska, Jadwiga; Czech D. (ed). Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkommando. Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1971. S. 182–186.

(Польск.) Bezwińska J.; Czech D. O rękopisie Załmena Lewentala // Bezwińska J.; Czech D. (ed). Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkommando. Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1971. S. 187–190.

(Польск.) Załmen Lewental [Pamiętnik] / Oderzytal z jidysz Seweryn Załmen Gostynski. Przetłumaczył Roman Pytel // Bezwińska J.; Czech D. (ed). Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkommando. Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1971. S. 191–241.

1972

(Нем.) Inmitten des grauensvollen Verbrechens: Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos / Auswahl und Bearbeitung: J. Bezwińska, D. Czech; Beglaubigung der Entzifferung der Handschriften aus dem Jiddischen: Roman Rytel; Nachwort: Władysław Bartoszewski; Übersetzung: Hertha Henschel // Hefte von Auschwitz. Sonderheft (I). Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museums, 1972. 220 s.

(Польск.) Lejb [Langfus] // Zeszyty Oświęcimskie. 1972. Nr. 14.

1973

(Англ.) Bezwińska J.; Czech D. (ed). Amidst a nightmare of crime: Notes of Prisoners of Sonderkommando. Oświęcim: Publications of State Museum at Oświęcim, 1973. 208 p.

(Нем.) Lejb [Langfus]. Handschrift / Vorwort: J. Bezwińska, D. Czech; Übers. Von R. Pytel // Hefte von Auschwitz. Heft 14. 1973. S. 5–72.

1975

(Польск.) Czech D. O komentarzu Załmena Lewentala // Bezwińska J.; Czech D. (ed). Wsryd koszmarnej zbrodni: Notatki więźniyw Sonderkom-

mando. Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1975. 287 S. РАСШИРЕННОЕ издание — ДОБАВЛЕН НЕИЗВ. АВТОР И ЛЕЙБ ЛАНГФУС

1977

(Идиш) Salmen Gradowski. In Harts Fun Gehenem [В сердцеvine ада] / Ch. Wolnermann. Aroyfnir [Предисловие]; D. Sfar. Eynike zikhroynes fun Salmen Gradowski [Некоторые воспоминания о Залмане Градовском]; Y. Wigodsky. A wort fun a gewezenem osir in Oyshwitz [Слово бывшего узника Аушвица]. Jerusalem, [1977].

(Идиш) Ber M. Megillah Oyshvits [Свиток Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 472 p.

1978

(Иврит) Ber M. Megillat Auschwitz [Свиток Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1978. 284 p.

1979

(Нем.) [Неизвестный член зондеркоммандо] Im Abgrund des Verbrechens // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte / Hg. von H. G. Adler, H. Langbein, E. Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln — Frankfurt-am-Main: Europäische Verlagsanstalt, 1979. S. 75–77.

1982

(Фр.) Ber M. Des voix dans la nuit. La résistance juive a Auschwitz-Birkenau. Paris: Libraire Plon, 1982. 362 p.

Пер. кн.: Ber M. Megiles Oyshvits [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 472 p.

(Греч.) Marcell Nadjari / Publ. J. Litios // Risospasti. 22.4.1982.

1985

(Англ.) Zalman Gradowski. Writings / Пер. с иврита: Sh. Neemani // Ber M. The Scrolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved Publishing House, 1985. P. 173–205.

1988

(Иврит) Gradowski, Zalman. Reshimot. [Записи] / Tel-Aviv: Sifriyat-Poalim, 1988.

1991

(Αγγλ.) ΜΑΡΣΕΛ ΝΑΤΖΑΡΗ. ΧΡΟΝΙΚΟ. 1941–1945. ΙΔΡΥΜΑ ΕΤΣ ΑΧΑΤΜ. ΦΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1991. 66 σ. [рукопись, размноженная на гектографе] Ρ. 3–7.

1994

(Чешск.) Krýstyna O. Svědectví vězňů ze zonderkomanda – Salmen Gradowski // Terezínský rodinný tábor v Osvětimi-Birkenau. Praha, 1994. Str. 92–104.

1996

(Нем.) Inmitten des grauensvollen Verbrechens: Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos / Auswahl und Bearbeitung: J. Bezwinska, D. Czech; Beglaubigung der Entzifferung der Handschriften aus dem Jiddischen: R. Rytel; Nachwort: W. Bartoszewski; Übersetzung: Hertha Henschel // Hefte von Auschwitz. Sonderheft (I). Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museums, 1996. 220 s.

(Нем.) Handschrift von Salmen Gradowski // Inmitten des Grauensvollen Verbrechens. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Verlag des Staatlichen Auschwitz-Birkenau Museums, 1996. S. 138–172.

(Нем.) Bernard M. Über die Handschrift von Salmen Gradowski // Inmitten des Grauensvollen Verbrechens. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Verlag des Staatlichen Auschwitz-Birkenau Museums, 1996. S. 133–137.

(Нем.) Salmen Gradowski. Der Brief // Inmitten des Grauensvollen Verbrechens. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Verlauf des Staatlichen Auschwitz-Birkenau Museums, 1996. S. 137–139.

(Нем.) Salmen Gradowski. Tagebuch // Inmitten des Grauensvollen Verbrechens. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Verlauf des Staatlichen Auschwitz-Birkenau Museums, 1996. S. 139–172.

1997

(Исп.) Ber M. Paginas de Auschwitz. Montevideo, 1997.

1999

(Нем.) Čapkova K. Das Zeugnis von Salmen Gradowski // Theresienstädter Studien und Dokumente. 1999 / Hg. Von M. Karny u R. Kemper. Edition Theresienstädter Initiative Academia. Prag, 1999. S. 105–111.

(Нем.) Gradowski Salmen. Im Herzen der Hölle // Theresienstädter Studien und Dokumente. 1999 / Hg. von M. Karny u R. Kemper. Edition Theresienstädter Initiative Academia. Prag, 1999. S. 112–140.

Фрагменты из всех трех произведений.

(Ит.) La voce die sommersi. Manoscritti ritrovati di membri del Sonderkommando di Auschwitz / A cura di Carlo Soletti, prefazione die Frediano Sessi, poatzfazione di Franciszek Piper // Venezia: Marsilio editori, 1999. 254 p., appendici.

Перевод с нем. издания 1996 г. (р. 33–80: З. Градовский; р. 81–146: Л. Левенталь; р. 147–211: Неизвестный автор; р. 212–225: Х. Херман; р. 237–244: М. Надъяри).

2001

(Фр.) De voix sous la cendre. Manuscripts des Sonderkommando d'Auschwitz-Birkenau / Revue d'histoire de la Shoah, 2001 / 171.

(Фр.) Gradowski Zalmen. Au coer de l'enfer. Document écrit d'un Sonderkommando d'Auschwitz – 1944 / Edition dirigée et présentée par Philippe Messnard et Carlo Soletti; traduit du yddish par Batia Baum. Paris: Edition Kimé, 2001. 170 p.

Составитель благодарит Хайма и Йетту Волнерман.

2002

(Ит.) Gradowski, Salmen. Sonderkommando. Diario da un crematorio di Auschwitz, 1944 / A cura di Philippe Mesnard e Carlo Soletti. Venezia, 2002.

2003

Макарова Е., Макаров С., Неклюдова Е., Куперман В. Крепость над бездной. Терезинские дневники. 1942–1945. Иерусалим – Москва: Гешарим – Мосты культуры, 2003. С. 220–221 [Впервые – фрагмент на русском языке].

2005

(Фр.) Des voix sous lu cendre. Manuscrts des Sonderkommandos d'Auschwitz-Birkenau. Paris: Calmann-Lévy / Mémorial de la Shoah, 2005. 442 p.

Полян П. «В последнее время они начали замечать следы». Письмо из Освенцима. В России публикуется впервые / Публ. и после-

слово (под заглавием «Кто такой Залман Градовский») // Известия. 2005, 28 января. С. 4.

Полян П. Записка из пепла // Еврейское слово. 2005. № 5 (2–8 февр.). С. 7.

Полян П. «Дорогой находчик, ищите везде!» Эти слова одного из узников Освенцима, оставившего документальные свидетельства Холокоста, звучат сейчас как голос из бездны // Еврейская газета (Берлин). 2005. № 3 (март). С. 26.

2008

Полян П. И в конце тоже было Слово... // Звезда. 2008. № 7. С. 91–108.

(Публ.) Залман Градовский. <Письмо к потомкам>. <Дорога в ад> // Звезда. 2008. № 7. С. 109–140.

(Публ., примеч.) З. Градовский. <III>. Посреди преисподней // Звезда. 2008. № 8. С. 152–187 (примеч. совместно с А. Полян, перевод с идиша А. Полян).

(Публ., примеч.) З. Градовский. <III>. Посреди преисподней // Звезда. 2008. № 9. С. 146–161 (примеч. совместно с А. Полян, перевод с идиша А. Полян).

Полян П. Чернорабочие смерти. Зондеркоманда в Освенциме // Звезда. 2008. № 9. С. 146–161.

(Голл.) Zalmen Gradowski. In het hart van de hel. Sonderkommando in de gaskamers en crematoria van Auschwitz [В сердце ада. Зондеркомандо в газовых камерах и крематориях Аушвица] / Vertaling manuscripten vanuit het Jiddish v. A. Zwiers and J. van de Kamp; Enleiding v. Ph. Masnard a. C. Saletti . Laren: Verbum, 2008 (Ser.: Verbum Holocaust Bibliotheek). 263 p.

2009

Полян П. И в конце тоже было слово... Как был создан один из самых потрясающих документов Холокоста // Еврейская газета (Берлин). 2009. № 6 (июнь). С. 21.

Градовский З. Посреди преисподней... Из записок, найденных в пепле у печей Освенцима / Публ. П. Поляна. Пер. с идиш А. Полян // Еврейская газета (Берлин). 2009. № 6 (июнь). С. 21.

ЗАЛМАН ГРАДОВСКИЙ. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / Сост., предисл. и редакция П. Поляна. Пер. с идиш А. Полян и М. Карпа. М.: Гамма-пресс, 2010. 224 с.

Рец.: Швыдкой М. Сколько длится смерть? // Росс. газета. 2010. № 106. 19 мая.

Примечания

¹ Цит. по: Еврейская газета (Берлин). 2008. Июль. С. 29 (перевод М. Шейнбаума).

² Фонетически правильное — Залмен, но в русской традиции общепринятым является — Залман. Полное имя Градовского было двойным: Хаим-Залман (YIZKOR-BOOK SUWALK, 1961. P. 369).

³ Обе книги были выпущены в Вильно в 1900 г. См.: Yofe A., Makhaze Avraham. Wilno, 1900; Yofe E., Even Lev. Wilno, 1900. В 1962 г. в Нью-Йорке вышли переиздания обеих книг (см.: <http://www.hebrewbooks.org/14761>, <http://www.hebrewbooks.org/14760>).

⁴ И. Выгодский в предисловии к первоизданию «Посреди преисподней» на идише, вышедшем в 1977 г. в Иерусалиме, усматривал в текстах Градовского следы стилистической близости к популярному польскому писателю и журналисту начала XX века Стефану Жеромскому (1864–1925).

⁵ Сувалки, как и несколько других пунктов на северо-востоке Польши, в отличие от остальных польских городов, входят в ареал распространения северного диалекта идиш. Орфографию своего текста он пытается приблизить к уже складывавшемуся в то время литературному стандарту правописания, но влияние его родного диалекта все же довольно сильно (Полян А. От переводчика // ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 64).

⁶ Б. Марк (1962) утверждает, что ее настоящая фамилия была Злотеяблко (Zlotejablko), что является польской калькой с фамилии «Апфельгольд».

⁷ Greif, 1999. S. 277–278. По его же сведениям, Соня Апфельгольд родилась в Макове-Мазовецком. В то же время Я. Фреймарк сообщал в мае 1962 г., что Градовский переехал в Лунно пусть и незадолго, но еще до начала войны (Яд Вашем. М. 03-2270).

⁸ Этимологически Лунно — слово балтского происхождения, означающее «трясина, низинная местность»; в русском языке не склоняется (в польском склоняется). В настоящее время здесь проживает около 1000 чел., среди них ни одного еврея. О евреях напоминают только фрагменты кладбища, в 2000-е годы приведенные в порядок американскими волонтерами, да памятный знак, установленный в начале 2006 года: «*Вечная память 1459 жителям местечка Лунно, безвинно убитых в годы Великой Отечественной войны*». Надпись на идиш, так что о еврейском происхождении этих жителей догадаться нетрудно, но прямого указания на это в тексте надписи, как и в старые советские времена, — все же нет (Новы час. Минск. 2007. № 4). См. сайт «Было когда-то местечко под названием Лунно», созданный Р. Маркус: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna

⁹ Писатель-коммунист Довид Сфард родился в 1903 или 1905 г. на Вольни. После советской аннексии Восточной Польши перебрался в Москву, где работал в кругах, близких к Коминтерну. В СССР женился во второй раз. После войны вернулся в Польшу, а в 1969 г. переехал в Израиль, сотрудничал с Яд Вашемом. Умер в 1981 г. в Иерусалиме (Nalewajko-Kulikow J. Na brzegu Sambationu. Burzliwe życie żydowskiego komunisty // Midrasz. 2006. No. 3. P. 24–33).

¹⁰ Помимо тех, кого убили в Аушвице, в семье Градовского погибли также: Циля, жена Д. Сфарда, вместе с сестрой Градовского Фейгеле — они находились в начале войны в гетто в Отвоцке, близ Варшавы, обе погибли в Треблинке. Отец Градовского, Шмуэл, 20 июня 1941 г. уехал в Литву повидать двух других своих сыновей — Аврома-Эйвера и Мойше; его отца схватили в Вильно (где немцы были уже 24 июня), а братьев — в Шауляе (26 июня). Их дальнейшая судьба неизвестна, хотя и очевидна.

¹¹ Публикации его литературных опытов не выявлены.

¹² Гродно сходу взял 8-й корпус 9-й армии и, не останавливаясь, пошел дальше. Территорию же заняла 403-я дивизия охранения тыла под командованием Вольфганга фон Дитфурта, установившая в городе полевую комендатуру № 815 (См. донесения дивизии: ВА-МА-РН26-403).

¹³ В литературе встречаются и другие даты (24 и 28 июня).

¹⁴ См. свидетельство Э. Айзеншмита в: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna

¹⁵ В это же гетто были перемещены и евреи из близлежащего местечка Вольпа, сильно пострадавшего от июньских бомбардировок (Berachowicz-Kosowska E. Grodner Aplangen, 1948. No. 2).

¹⁶ Кловский Даниил Давидович (1929, Гродно — 2004, Самара). Вместе с отцом он был депортирован сначала в Штутхоф, а затем в Аушвиц (№ 171819), был и в Бухенвальде. После войны сумел поступить в Ленинградский электротехнический институт связи. Заведующий кафедрой теоретических основ радиотехники и связи Куйбышевского электротехнического института связи (ныне Поволжской государственной академии телекоммуникаций и информатики), заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор. Автор замечательной книги «Дорога из Гродно» (Самара, 1994; англ. перевод 2003).

¹⁷ Начиная с сентября 1942 г. амтскомиссаром города был майор Георг Штайн (сообщено И. Рабин). Кто был его предшественником пока не уточнено. Имя же окружного Гродненского комиссара — фон Плетц (Мараш Я., Плешевеня А. Гродненское гетто // Политический собеседник. 1991. № 7. С. 51–53. Сообщено Л. Смиловицким).

¹⁸ Ср.: *«Безвыходность, готовность снести любое унижение и обиду, это жизнь без собственного достоинства. Ходить — только по проезжей части и только съездившись и только с желтыми звездами, нашитыми одна на груди, другая на спине. Они прожигали рубашку, они опаляли кожу как жгучие клейма, как выставленные напоказ знаки <...> позора»* (КЛОВСКИЙ, 1994. С. 26). Кловскому, например, даже стало казаться, что он стал меньше ростом.

¹⁹ См., например, в: (Ed.) Rabin D. Encyclopedia of Jewish Diaspora. Memorial Book of Counties and Communities. Vol. IX. Jerusalem, 1973. P. 521. Впрочем, Гиммлеру, посетившему вместе с Гейдрихом Гродно именно в эти дни,

деятельность айзатцкомандо показалось преступно «пассивной» (Klein P. Die Einsatztruppen in der besetzten Sowietunion, 1941–1942. 1997. S. 321).

²⁰ См.: Кловский, 1994. С. 30–31; Абкович И. № 77722, пепел Освенцима // Последние свидетели. М.: Фонд «Ковчег», 2002. С. 10–22.

²¹ Одной из последних его жертв стал сам Д. Бравер (по другим сведениям, Бравер совершил самоубийство).

²² Бежать из гетто было практически невозможно, но несколько побегов все же было. Если беглецов ловили, то кончалось все публичной казнью — расстрелом или повешением.

²³ См.: Moll M. (Hg.) «Führer-Erlasse» 1939–1945. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 106

²⁴ Впрочем, до присоединения к Восточной Пруссии — «трогали» и еще как. Так, 9.7.1941 по еспзье приказу Гимmlера, посетившего в этот день Белосток, и по письменному приказу Баха-Залесского, подразделениями полиции безопасности здесь было расстреляно от 1200 до 3000 евреев-мужчин (Ogorreck R. Die Einsatzgruppen und die «Genesis der Endlösung». Berlin: Metropol, 1996. S. 122–123).

²⁵ Букв.: «Без евреев» (нем.).

²⁶ Другое встречающееся название — Лососно (по ближайшей к лагерю железнодорожной станции).

²⁷ Указом президента Белоруссии от 24.4.2008, Келбасин, как, впрочем, и железнодорожная станция Лососно, были включены в городскую черту г. Гродно (www.news.tut.by/society/10780)

²⁸ Шталаг 324.

²⁹ См.: Лагеря советских военнопленных в Белоруссии 1941–1944: Справочник. Минск, 2004. С. 123, со ссылками на: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 86. Д. 34. Л. 15–17; Д. 39. Л. 2–6; НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 6. Л. 48–49, 54–55; Государственный архив Гродненской области. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 75. Л. 2–33.

³⁰ Сильванович С. А., Сильванович И. Н. Холокост в истории Лунно. Лунно: Лунненская средняя школа им. Героя Советского Союза И. Шеремета, 2008. С. 8 (рукопись). По свидетельству Мордехая Цирульницкого, в тот же день в Келбасин пригнали и евреев из Острина (Цирульницкий, 1993. С. 452–453).

³¹ См. свидетельство Э. Айзеншмидта: Greif G., 1999. S. 236.

³² М. Цирульницкого и других евреев из Острина, прибывших в Келбасин в тот же день, что и Градовский, посадили в предыдущий эшелон, отошедший из Лососно 2 декабря (Цирульницкий, 1993).

³³ См. свидетельство Э. Айзеншмидта: Greif, 1999. S. 238.

³⁴ В конце ноября и начале декабря сюда стали поступать евреи и из самого Гродно: накануне отправки в Келбасин партию отобранных евреев обыкновенно собирали в синагоге, где и держали до утра. Оба городских гетто, по мере опустошения и опустения, ликвидировались: сначала 2-е (в ноябре 1942 года), а за ним и 1-е (в январе–марте 1943 года).

³⁵ Помимо Кловского, об этом свидетельствует и Я. А. Гордон, сопровождавший эту необычную колонну как врач (см. ниже).

³⁶ Широкая платформа между двумя железнодорожными путями в Аушвице, а затем и в Биркенау, на которой оказывались, выбравшись из вагонов,

новоприбывшие жертвы (от франц. *gampe* — наклонная площадка между двумя разными уровнями, служащая для перемещения транспортных средств на железнодорожных платформах, на складах и т.п.).

³⁷ Мужчины получили № от 80764 до 80994 (Czech, 1989. S. 354). По воспоминаниям Э. Айзеншмидта, получившего первый из этих номеров, селекцию прошли 315 чел., одни мужчины, в том числе его отец и один из братьев (Greif, 1999. S. 240). Интересно, что Я. А. Гордон, получивший при регистрации № 92627, сообщает не о трех, а о четырех селекционных шеренгах во время «обработки» эшелона, с которым он сам прибыл в Аушвиц 22.1.1943: прошедшие селекцию трудоспособные мужчины и трудоспособные женщины составляли *две разные шеренги* (см. его показания от 17.5.1945 — АРМАВ. Dpr.-Hdl1. Process Höss. F.1a. S. 158–176).

³⁸ Циклон Б (Zyklon B) — пестицид и инсектицид, разработанный немецким химиком еврейского происхождения Фрицем Хабером (1868–1934) — «отцом немецкого химического оружия» и открывателем нитроудобрений, лауреатом Нобелевской премии по химии за 1918 г. Производился фирмой «Degesch» (Deutsche Gesellschaft für Schädlingsbekämpfung mbH), отделением фирмы Degussa. Представлял собой пропитанные синильной кислотой гранулы инертного пористого носителя зеленоватого или голубоватого цвета (диатомитовая земля, прессованные опилки). В Аушвице циклон Б использовался и по первоначальному назначению — как дезинфицирующее средство против вшей.

³⁹ По свидетельству Э. Айзеншмидта, в члены зондеркомmando из числа их земляков из Лунно, кроме него и Градовского, попали также Нисан Левин, Кальман Фурман, Залман Рохлин и Берл Беккер. Общение в бараке, однако, не сводилось к принципу землячества. Вечерами велись долгие беседы втроем со Шлоймэ Де-Геллером, светловолосым адвокатом из Волковыска, и Лейбом Лангфусом, худощавым и длинным магидом из Макова. Он старался соблюдать кашрут, что было несложно: свинины не предлагали. На Пасху 1944 г. они даже пекли мацу, раздобыв муку на кухне у советских военнопленных (Greif, 1999. S. 276–277).

⁴⁰ Заметим, что внутрилагерный маршрут братьев Драгонов, прибывших на рампу одним днем раньше, был другим: они попали сначала в карантинный барак № 25 сектора В, там состоялась вторая селекция, после чего братья попали в тот же блок № 2, что и Градовский.

⁴¹ Имеются в виду 9-й и 2-й блоки сектора В в Биркенау. Перевод зондеркомmando в блоки 11-й и 13-й сектора D состоялся позднее.

⁴² При этом почти сразу их разделили на две, видимо, неравные порции — зондеркомmando 1 и зондеркомmando 2 — в зависимости от того, на каком из двух так называемых «Бункеров» — 1 или 2 — им предстояло работать. В первой, куда попал и Э. Айзеншмидт, было 130–150 чел. Вместе с четырьмя евреями из города Маков и еще одним он попал в шестерку грузчиков, которые закидывали трупы на большую вагонетку и катили ее к яме, где их предстояло сжечь. Вагонеток было шесть, и на каждой умещалось от 10 до 15 трупов. Самая страшная работа в этом конвейере, — одев противогазы, извлекать трупы из газовой камеры и подтаскивать их к вагонеткам — досталась другой шестерке (Greif, 1999. S. 240–245).

⁴³ Иногда их называли еще Totenkommando — команда смерти, или как в Треблинке, например: Leichenkommando — трупная команда. Встречается и такое обозначение: Gaskommando.

⁴⁴ Он плакал даже тогда, когда расспрашивал Фреймарка о судьбе своих родителей: *«Он сказал, теперь не бойся, я буду о тебе заботиться как о родном брате. Ты должен знать, что мы делаем для евреев все, что только можем. К несчастью, мы попали в зондеркомандо, но мы хотим спасти тех, кто остался в живых. Я и для незнакомых евреев делаю все, что мог»* (Яд Вашем. М 03-2270).

⁴⁵ См.: ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 185–218.

⁴⁶ Об этом свидетельствуют, в частности, Фреймарк (в передаче Б. Марка) и Яков Эйбшиц (YVA. М 99/944).

⁴⁷ *«Die Arbeit macht frei!»* — *«Через труд на свободу!»* (нем.).

⁴⁸ Э. Айзеншмидт сообщает что зондерокомандовцы, отвечавшие за поддержание огня, старались ночью подбрасывать побольше угля, чтобы пламя было лучше видно с самолетов (Greif, 1999. S. 255).

⁴⁹ См. в главе *«Что и когда союзники знали об Аушвице»*.

⁵⁰ Принятая в настоящем издании (вслед за «Календириумом» Дануты Чех) индексация крематориев римскими цифрами охватывает пять крематориев Аушвица и Биркенау и начинается с самого первого, расположенного возле основного лагеря в Аушвице-I: остальные четыре крематория, с запада на восток, получили номера с II по V.

⁵¹ Например, члены зондеркомандо Лейме Филишка и Авром-Берл Сокол (см. их свидетельства от 31.5.1946 в: ZIH, Relacje № 301/1868, на идише).

⁵² Имеется в виду Крематорий IV.

⁵³ Greif, 1999. S. 167–168.

⁵⁴ Greif, 1999. S. 276–279.

⁵⁵ Это название в сущности фольклорное — оно происходит от представления о «Канаде» как об очень богатой стране — в противоположность «Мексике», как стране очень бедной и хаотичной. По другой версии, Канада — это искаженное Ханаан, медово-молочная земля.

⁵⁶ Фреймарк Яков (он же Янек Гандлевский; 1924 — ?) По сведениям «Книги памяти Сувалок» (Yzkor-book Suwalk and the Vicinity: Baklerowe, Wizshan, Yelinewe, Saini, Punska, Psherosle, Filipowe, Krasnopole, Ratzk / Ed. Berl Kahan. New York: The Suwalk and Vicinity Relief Committee of New York, 1961), он работал в зондеркомандо. Имеется видеосвидетельство с ним, выполненное фондом А. Спилберга (Interview Code 39160). Фреймарк вспоминал, что снабжал Градовского бумагой (Zeugen..., 2002. S. 265).

⁵⁷ Фреймарк, по-видимому, отозвался тем самым на заметку Б. Марка о новонайденной рукописи З. Градовского в выходящей на идиш в Варшаве газете «Фолксштиме» (В ленинградском медико-военном музее находятся записки Залмена Градовского из Освенцима // Folksztyme. Warszawa. 1962. № 68. 3 мая. С. 3). В этой заметке упоминаются книжка и письмо Градовского, найденные во время раскопок недалеко от крематория IV. Приведен и текст письма, что, в сущности, является первой публикацией не только самого письма, но и вообще публикацией З. Градовского. Автор неподписанной заметки (вероятнее всего им был Б. Марк — см. ниже) поясняет: *«На*

первой странице записной книжки находится обращение к тому, кто найдет записную книжку, написанное на польском, русском, французском и немецком языках // Из текста на последней странице записной книжки явствует, что Залман Градовский сначала закопал книжку в одном месте, потом выкопал ее и спрятал в другом. Оказалось, что бутылка, в которой были спрятаны записная книжка и письмо, закрывалась негерметично, и в нее попала вода, поэтому часть текста оказалась уничтожена» (что объясняет хорошую сохранность письма: Градовский сложил книжку трубочкой, а письмо вчетверо, после чего вложил письмо в книжку, а книжку во фляжку — и все это уже после того, как извлек из земли другую емкость — вероятно, бутылку — с записной книжкой).

⁵⁸ Есть указания и на то, что зондеркомандовцы прятали в пепле также и кульговые принадлежности, в том числе и свитки Торы.

⁵⁹ Не случайно отрицатели Холокоста, оспаривающие чуть ли не любое высказывание о нем, фактически «не замечают» свидетельств Градовского и других зондеркомандовцев. См. об этом: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 21–102.

⁶⁰ Ср.: «Если бы тогда в “зоне смерти” в Биркенау были проведены систематические раскопки, то, вероятно, были бы обнаружены записки не только Градовского, но и многие тайные рукописи других членов зондеркомандо. Большинство этих бесценных документов, по-видимому, было безвозвратно утрачено вскоре после освобождения лагеря, когда сюда устремились бесчисленные мародеры из окрестностей. Они ископали всю землю вокруг крематориев в поисках золота и драгоценностей, поскольку по окрестным деревням прошел слух, что евреи перед смертью закапывали в землю золото и драгоценности. Мародеры искали золото, а разные там бумаги не представляли для них ценности. Так что наиболее вероятным местом, куда попадали рукописи зондеркомандо, была помойка» (FRIEDLER, SLEBERT, KILLIAN, 2002. S. 309).

⁶¹ Если не считать находок мародеров-«черных археологов», сделанных скорее всего в феврале 1945 г. (среди них вполне могла быть и вторая из найденных рукописей З. Градовского).

⁶² См. в докладной записке начальника отдела НКВД по делам о военнопленных при начальнике тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова начальнику ГУПВИ генерал-лейтенанту Кривенко от 2.4.1945 о состоянии фронтальной сети по приему военнопленных за март 1945 г. (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 84–86).

⁶³ См. доклад Мочалова Кривенко от 16.7.1945 о работе фронтальной сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за апрель–июнь 1945 г. (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 184–192).

⁶⁴ См. донесение начальника отдела НКВД по делам о военнопленных Управления тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова начальнику ГУПВИ комиссару госбезопасности Ратушному от 10.6.45. Емкость лагеря составляла 7000 чел., его начальником был полковник интендантской службы Маслобоев (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 147).

⁶⁵ См. в докладе Мочалова Кривенко от 19.7.1945 о работе фронтальной сети по приему военнопленных 4УФ за 1-е полугодие 1945 г.: «Военнопленные, поступавшие после капитуляции фашистской Германии, по физическому состоянию в значительном числе не стоят того, чтобы катать их на 1000 ки-

лометров в тыл СССР, так как трудовое использование их не может дать никакого эффекта. Много престарелых, подростков, инвалидов, ослабленных хроников» (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 193–204).

⁶⁶ Формально же музей открылся только 2.7.1946, когда польский парламент принял соответствующий закон.

⁶⁷ Сколько же всего схронов заложил Градовский в аушвицкий грунт мы не знаем и не узнаем уже никогда.

⁶⁸ Интересно, что рукописи Градовского были обнаружены в той же очередности, что и были написаны и найдены.

⁶⁹ Ср. в позднейшем интервью, взятом у Ш. Драгона Г. Грайфом, историографом зондеркоммандо: «Залман Градовский из Гродно расспрашивал различных членов зондеркоммандо, работавших на разных участках, и вел записи о людях, которых отравили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле Крематория III. Я откопал эти записи сразу после освобождения и передал их советской комиссии... Комиссия забрала все материалы в Советский Союз. Я знаю, что там лежат еще и другие схроны с дневниками и рукописями погибших. Искать их надо напротив печей крематория. Точное место назвать не могу, так как после взрыва крематория местность изменилась» (Greif, 1999. S. 167).

⁷⁰ По другим сведениям — военного следователя, капитана юстиции.

⁷¹ Об этом сообщается в материалах процесса против Хесса, бывшего команданта концлагеря Аушвиц (АРМАВ. НöВ-Prozess. Bd.11. Bl. 113).

⁷² ВММ МО РФ. № 21427. Соответствующий протокол осмотра «фляги, обнаруженной при раскопке пепла в районе Крематория № 3», составили и подписали военный следователь, капитан юстиции Попов и двое понятых — Мищенко и Штейнберг.

⁷³ Greif. 1999. S.167. См. об этом ниже.

⁷⁴ Авдеев Михаил Иванович (1900–1977), главный судебно-медицинский эксперт СССР и начальник Центральной судебно-медицинской лаборатории Центрального военного управления Министерства обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в работе ЧГК.

⁷⁵ Сообщено Валентином Петровичем Грицкевичем, одним из старейших научных сотрудников музея.

⁷⁶ Кроме того, без №№ были зарегистрированы три экземпляра перевода записной книжки объемом в 16 страниц (из них 1-й экз. был отправлен в Москву), а также три катушки пленочных негативов и два 92-страничных комплекта отпечатков с этих негативов.

⁷⁷ Исключительную ценность представляют усилия по прочтению непрочитанной части рукописи с помощью современных технических средств. В настоящее время ведутся соответствующие переговоры.

⁷⁸ Первоначальный схрон был, вероятно, бутылочным.

⁷⁹ См. подробнее: Полян А. От переводчика // ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 63–65.

⁸⁰ Это, как явствует из письма В. П. Грицкевича П. М. Поляну от 26.1.2005, потребовало от него известной настойчивости и даже мужества.

⁸¹ Сведениями о том, состоялась ли такая публикация в этом журнале или нет, В. П. Грицкевич не обладает. Позднее, в 1990-е гг., по его словам, с

документом знакомилась и М. Я. Савоняка, исследовательница Холокоста из Белоруссии.

⁸² Б. Марк и его вдова, Э. Марк, всегда с благодарностью упоминали А. А. Лопатёнка *«за предоставленную в 1962 г. возможность ознакомления с записками и протоколом комиссии Попова и Герасимова»* (см.: Zalmen Gradowski. Pamiętnik / Предисловие и примечания: Bernard Mark. O pamiętniku Zalmena Gradowskiego, członka Sonderkommando w obozie koncentracyjnym Oświęcim. Подготовка текста: Edwarda Mark // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa, lipiec–grudzien 1969. Nr. 71–72. P. 172–204; Ber Mark. The Scrolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved Publishing House, 1985. P. 156–158).

⁸³ Профессор Бернар Бер Марк (1908–1966), польский историк и публицист еврейского происхождения, в 1949–1966 гг. — директор Еврейского исторического института в Варшаве. Он был едва ли не первым ученым с именем, кто всерьез заинтересовался публикацией, атрибуцией и анализом ашвицких рукописей.

⁸⁴ Справка предоставлена его сыном, А. А. Лопатёнком.

⁸⁵ [Без подписи]. [В ленинградском медико-военном музее находятся записки Залмана Градовского из Освенцима] // Folksztyme. Warszawa. 1962. № 68. 3 мая. С. 3.

⁸⁶ Купюра № 1: *«Эта записная книжка, как и другие, лежала в ямах и питалась кровью иногда не полностью сгоревших костей и кусков мяса. Запах можно сразу узнать»*. Купюра № 2: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожить и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Складывается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны нашей страшной участью. Перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы дожидаться свободы. Где только приближается опасность для варваров, что они должны будут уйти, там они забирают остатки еще оставшихся и привозят их в Биркенау-Аушвиц или Штутгоф около Даницга — по сведениям от людей, которые так же оттуда прибывают к нам»*.

⁸⁷ Mark B. Über die Handschrift von Salmen Gradowski // Inmitten des Grauens. Verbrechen. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Verlaß des Staatlichen Auschwitz-Birkenau Museums, 1996. S. 134. По его словам, та часть записной книжки, что поддается прочтению, — читается легко, а сам текст написан на очень хорошем литературном идише. В то же время он отметил в стиле Градовского склонность к германизмам и определенной цветистости.

⁸⁸ Установить это позволила характерная неточность в этой заметке, на которую обратила внимание И. Рабин: «Гродовский» вместо «Градовский». Точно такая же ошибка имеется и в машинописной копии русского перевода М. Карпа (в самом автографе М. Карпа написано правильно: «Градовский»), что, в свою очередь, и устанавливает «источник» Б. Марка, по состоянию на май 1962 г. Отметим, что и русский «дайджест-перевод» Миневич был выполнен в июле 1962 г. и, следовательно, начат скорее всего в июне или весной. Налицо явный всплеск внимания к документу, вчистую проигнорированному советской стороной на Нюрнбергском процессе и пролежавшему безо

всякого движения, изучения или иного употребления около 18 лет. Что послужило причиной или поводом для такого всплеска — неизвестно, но можно предположить, что в связи с начавшейся подготовкой первого из четырех так называемых «аушвицких процессов», состоявшегося в 1963 году.

⁸⁹ См. Приложение 4.

⁹⁰ Единственное исключение — небольшой фрагмент об уничтожении семейного лагеря: Макарова Е., Макаров С., Неклюдова Е., Куперман В. Крепость над бездной. Терезинские дневники. 1942–1945. Иерусалим — Москва: Гешарим — Мосты культуры, 2003. С. 220–221.

⁹¹ Именно так представлял дело Иосиф Вольнерман, сын Х. Волнермана (сообщено И. Рабин, беседовавшей с ним осенью 2008 г.).

⁹² Евреи произносили Освенцим как Ушпицин (вариант: «Ушпизин»), что означает «гости в Суккот». Согласно Каббале, в Суккот к евреям приходят, как в гости, души предков.

⁹³ В сентябре 1941 г. вместе с другими освенцимскими евреями он был переселен в Сосновицкое гетто, где чудом сумел уцелеть. После войны в Освенцим вернулось еще несколько евреев, в том числе и последний председатель предвоенной еврейской общины Леон Шенкер (Leo Schönker), которого еще в ноябре 1939 г., вместе с главами других общин В. Силезия, вызывал к себе в Берлин сам А. Эйхман, заинтересованный в резком усилении еврейской эмиграции из нее. После войны Шенкер вернул себе фабрику «Агро-Химия» в Освенциме-Круке, окончательно национализированную только в мае 1949 г., и, по-видимому, целенаправленно собирал еврейские реликвии времен Аушвица. (см. об этом в Приложении № 3). Сведениями о том, насколько он в этом преуспел, мы, увы, не располагаем. В 1955 г. Л. Шенкер с женой и детьми эмигрировал из Польши в Австрию, откуда в 1961 г. перебрался в Израиль. См. о нем в мемуарах его сына, Генриха Шенкера: SCHÖNKER, 2008, а также Szyndler F. Olan ocalenia // Karta. 2008. Nr. 56. S.136ß139; Szarota T. Zydzi u Eichmanna // Rzech polspolita. 9–10.6.2008. S. 10–11).

⁹⁴ Подробнее см.: ГРАДОВСКИЙ, 2010. с. 185–187.

⁹⁵ Какие-либо следы таких переговоров в этом архиве не обнаружены (сообщено А. Париком).

⁹⁶ Из этих трех листов два находятся у сына Вольнермана дома, а один лист Хаим отдал в Яд Вашем.

⁹⁷ Перевод полного названия Яд Вашем — Музей катастрофы и героизма еврейского народа.

⁹⁸ Волнерман называет людей, которые помогли ему на разных этапах: д-р. Азриэль Карлибах (редактор газеты «Маарив»), Довид Флинкер (редактор газеты «Тог-Форвертс») и д-р Йосеф Кармиш, сотрудник Яд Вашем.

⁹⁹ YVA. MJ/3793 (имеется и микрофильм с нее). Оригинал был представлен Волнерманом для микрофильмирования 9.5.1961 г.

¹⁰⁰ Особняком стоит история их перевода на русский язык — см. ниже.

¹⁰¹ То есть массовой ликвидации 8 марта 1944 года евреев из гетто Терезина, привезенных в Аушвиц в сентябре 1943 года.

¹⁰² Сами купюры, правда, обозначены на тексте.

¹⁰³ Отмечая, что в тексте Градовского встречаются неудачные, а также трудночитаемые пассажи, она их ему, начинающему писателю, великодушно прощает: ах, ведь у него не было достаточно времен для художественной

обработки! Главное для нее — это непреходящее значение текста как документального свидетельства, отсюда и ее нелепый упрек: вместо того чтобы сосредоточиться на фиксации происходящего, он, видите ли, позволял себе художественно домысливать факты, которым не был свидетелем (например, то, что происходило в бараках накануне уничтожения)! К тому же, она не нашла ничего лучшего, как защищать «своих» терезинцев от «нападок» Градовского, ожидавшего, что терезинцы, поняв, что их ждет, обязательно восстанут! (Другой их «защитник» — Мирослав Карный с такими примерно тезисами: как могли терезинцы положиться на зондеркомmando, если они ничего друг о друге не знали? и почему члены зондеркомmando сами не понимали восстание, а только ожидали его от других?). Обо всем этом можно и размышлять, и рассуждать, но разве можно против этого «протестовать»?

¹⁰⁴ О Я. Гордоне в Келбасине вспоминал и М. Цирульницкий, добавляя, что встретился с ним и в Аушвице, где тот входил в активисты сопротивления (Цирульницкий, 1993. С. 452–453).

¹⁰⁵ Красная звезда. 1945. 8 мая. 6 июня 1945 года это «Сообщение...» было опубликовано в Москве отдельной брошюрой и в том же году переиздано еще раз — в Ульяновске.

¹⁰⁶ См. протокол свидетельства Я. Гордона от 17–18.5.1945 (АРМАВ. Process Höss. F.1a. S. 158–176).

¹⁰⁷ См.: Полян А. От переводчика // ГРАДОВСКИЙ З. 2010. С. 63.

¹⁰⁸ Звезда (Санкт-Петербург). 2008. № 7, 8 и 9.

¹⁰⁹ Возможно, эти «рефрены» и вовсе не одновременны главам, которым они предпосланы; при этом весьма вероятно, что они писались позднее текстов глав и одновременно — или хотя бы незадолго — до «Письма потомкам».

¹¹⁰ Последняя страница записной книжки обрывается на фразе «Только недавно я...», — иными словами, текст, возможно, не завершен.

¹¹¹ В настоящей книге мы воспользовались обоими вариантами перевода названия: «В сердцевине ада» закреплено за соответствующим текстом, а «Посреди преисподней» — в целом за разделом, посвященном З. Градовскому и зондеркомmando в Биркенау. Это же название носила и журнальная публикация в «Звезде».

¹¹² Две последние главы разбиты автором еще и на внутренние главки, снабженные авторскими же названиями. Но в «Лунной ночи», не говоря о «Дороге в ад», такого членения нет. Тем не менее принцип внутренней структуризации выдержан — в данном случае составителем — и в них: отдельные смысловые блоки разделены друг от друга спусками.

¹¹³ Само создание этого лагеря чаще всего объясняют необходимостью пустить пыль в глаза возможной инспекции Международного Красного Креста. Из этого контингента выжили только 23 человека, в основном, близнецы, которых отобрал Менгеле.

¹¹⁴ Обращает на себя внимание следующий — и, вероятно, не преднамеренный — параллелизм композиции «Дороги в ад» и «В сердцевине ада»: в обоих случаях их завершающим элементом является *селекция*.

¹¹⁵ Формально первое предисловие обособлено и играет, тем самым, роль предисловия ко всему тексту. Но для того чтобы действительно им являться, оно слишком мало отличается от двух других.

¹¹⁶ Это имеет еще и сугубо практический автор не знал, какую из его рукописей и куда он закопает, какая из них сохранится, и оттого время от времени он перемежал изложение такими «визитными карточками».

¹¹⁷ В точности тот же самый шок пережил и Залман Левенталь, например.

¹¹⁸ И действительно, около ста человек из зондеркоммандо уцелели! Для них эта надежда сбылась!

¹¹⁹ Эта бесчувственность, согласно Краузу и Кулке, имела и внешнюю форму проявления, а именно черты особой жесткости в выражении лица (Kraus O., Kulka E. Die Todesfabrik Auschwitz. Berlin, 1991. S.201).

¹²⁰ Полян А. От переводчика // ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 64.

¹²¹ Этим наблюдением я обязан И. Рабин.

¹²² И тут прослеживается параллель с состоянием З. Левенталь.

¹²³ Согласно традиции, каждая буква еврейского алфавита имеет свое числовое значение, поэтому распространен способ записи чисел буквами (он до сих пор используется при обозначении дат по религиозному календарю, при нумерации страниц религиозных книг и в эпитафиях). Кроме того, распространена техника подсчета числового значения того или иного слова (гематрия). Градовский выписывает подряд гематрию своих имени и фамилии: числовые значения всех букв, их составляющих. Две цифры 6, написанные через запятую, обозначают диграф, состоящий из двух букв *вов* (числовое ее значение — 6), читающийся как [в] (ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 186, примечание А. Полян).

¹²⁴ По мнению А. Полян, это собрание произведений разных жанров.

¹²⁵ Как точно заметила И. Рабин, «очевидно одно — если человек был творческим, он творил в любом уголке ада» (в письме к автору от 6.1.2008). При первой малейшей возможности эти обитатели ада писали стихи, рисовали картины и, как это было в Терезине или Каунасском гетто, даже создавали оперы!

¹²⁶ К аналогичным приемам относятся и многократные повторы вводных фраз (например, «Кто знает...»).

¹²⁷ Здесь, как и в «Чешском транспорте», снова появляется дихотомия «мы» — «они», только носит она теперь внутриврейский характер.

¹²⁸ Подробнее см.: Полян А. От переводчика // ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 64–65.

¹²⁹ Косвенным подтверждением того, что такая встреча действительно состоялась, является рассказ Л. Лангфуса о французском раввине, прибывшем из Виттеля.

¹³⁰ Впоследствии историк, сотрудник Яд Вашема, в 1960 годы редактор издания «Известия Яд Вашем».

¹³¹ Рут Адлер (1919–?), немецкая еврейка из Дрездена, с 1935 г. — в Палестине. Начало войны застало ее у родителей в Париже: родителей и младшую сестру отправили в Аушвиц, а саму Р. Адлер интернировали и содержали в лагерях Безансон и Виттель, где она и познакомилась с И. Каценельсоном. Став частью одной из обменных акций между воюющими сторонами (гражданские лица, главным образом евреи, в обмен на немецких военнопленных), она сумела тайно вывезти и сохранить часть архива поэта.

¹³² Обе рукописи — и «бутылочная», и «чемоданная» — в настоящее время хранятся в Музее Воинов Варшавского гетто, что в кибуце Lochamej Hagetaot на севере Израиля.

¹³³ КАЦЕНЕЛЬСОН, 2000. С. 17, 19, 21.

¹³⁴ КАЦЕНЕЛЬСОН, 2000. С. 17.

¹³⁵ Кстати, луна есть и у Каценельсона, но это всего лишь часть небес, причем специфическая: он попросту называет ее лицемеркой и даже прости-туткой, выходящей ночью на панель.

¹³⁶ КАЦЕНЕЛЬСОН, 2000. С. 111.

¹³⁷ КАЦЕНЕЛЬСОН, 2000. С. 111.

¹³⁸ На это указывает Е. Г. Эткинд, переводчик Каценельсона, в своем пре-дисловии к русскому ее изданию (КАЦЕНЕЛЬСОН, 2000. С. 12).

¹³⁹ Эссэсовский врач И. Кремер (см. Kremers Tagebuch, 1971).

¹⁴⁰ Образцом иного писательского поведения могут послужить записки другого члена зондеркоммандо — Залмена Левенталя, имеющие с записками Градовского много общего (восходящая к гетто экспозиция, шок от осозна-ния того, что происходит в Аушвице с евреями и от собственной роли при этом и многое другое), но отличающиеся от последних своими подчеркнуты-ми приземленностью и фактографичностью, вплоть до называния — вопреки конспирации — десятков имен.

¹⁴¹ Различались следующие разновидности: «Erziehungshäftling» («за-ключенный в порядке перевоспитания») — это узник, помещаемый в концла-герь на фиксированное время и «BVer», или Befristete Vorbeugungshäftling («узники в порядке профилактики»; позднее: Berufsverbrecher — нарушите-ли профессии). Кроме того, юридически выделялись также «Polizeihäftlinge» («полицейские заключенные») — узники, формально находившиеся во вла-сти полиции, а не СС. Так, в Аушвице-1 такие узники содержались в печаль-но известном «бункере», или «11-м блоке», но формально находились под юрисдикцией Каттовицкого гестапо, полицейский суд при котором фор-мально выносил приговоры, исполнявшиеся тут же, в расстрельном дворе «бункера».

¹⁴² Из свидетельства Иды Мессер от 2.5.1945 (ZiH. Relacja 301/287/2).

¹⁴³ Обозначение зондеркоммандо встречается в материалах процесса около 30 раз, но главным образом имеются в виду зондеркоммандо СД, за-нимавшиеся убийствами и узаконенным разбоем в тылу вермахта. Зондер-коммандо в том значении, как оно сложилось в Аушвице-Биркенау, упо-минается всего несколько раз: впервые — как газкоммандо — на утреннем заседании 28.1.1946 г. Marie-Claude Vaillant-Couturier рассказала о блоке 25 как о преддверии смерти, о разворачивавшихся перед ее глазами (сама она — обитательница барака 26 в женском лагере) селекциях на рампе да и о самих газациях довольно точно. 8.2.1946 г. вопроса о зондеркоммандо вскользь кос-нулся Руденко, главный обвинитель от СССР. Упоминались они и в цитате из обращения Комитета бывших узников Аушвица.

¹⁴⁴ Красные масляные «лампасы», согласно Э. Айзеншмидту, полагалось иметь также на брюках и верхней одежде (Greif, 1999. S. 261–262).

¹⁴⁵ В ранге ефрейторов медицинской службы (Sanitätsdienstgfreiter), со-гласно М. Нижли (Nyiszli, 1960. P. 50).

¹⁴⁶ Именно в этом качестве участвовал в зондеракциях и доктор И. Кремер, автор «знаменитого» эсэсовского дневника (Kremer's Tagebuch, 1971).

¹⁴⁷ На крематориях II и III с их подземными газовыми отверстия располагались фактически «под ногами» газаторов, в крыше, а на крематориях IV и V они располагались в верхней части стен газовых камер, и газаторам для того, чтобы сделать свое дело, даже приходилось приставлять к стене небольшую лесенку.

¹⁴⁸ Именно такими нередко были партии доходяг, регулярно образовывавшиеся в результате неустанных внутренних селекций в лагере.

¹⁴⁹ NYISZLI, 1960. P. 87–88, 126. Удерживание за уши, как свидетельствует Ш. Венеция, диктовалось следующей технологией: от тех, кто держал жертвы за уши, требовалось сразу же вслед за выстрелом резко наклонять голову к земле — чтобы кровь не фонтанировала и не запачкала сапоги и одежду убийц (VENEZIA, 2008. S. 119–123).

¹⁵⁰ Об этом прямо пишет Ш. Венеция (VENEZIA, 2008. S. 123).

¹⁵¹ На прогорание трех трупов в одном муфеле уходило, согласно Ф. Мюллеру, 20 минут, при наличии 6 печей — 18 трупов.

¹⁵² Надо полагать, что под «пиэетом» и т.д. имелась в виду банальная сегрегация персонального пепла для выдачи родственникам.

¹⁵³ См. это письмо в каталоге выставки «Технологи “окончательного решения”»: Topf und Söhne — строители печей в Аушвице», а также на сайте: http://www.sonderkommando-studien.de/artikel.php?c=ausstellung/topf_hintergrund.

¹⁵⁴ При этом детские трупы можно было добавлять по ситуации, но укладывать их надо было так, чтобы они не проваливались сразу вниз.

¹⁵⁵ Эта сокровищница получила в лагере неформальное, но весьма прижившееся обозначение — «Канада», восходящее к представлению о Канаде как о необычайно богатой стране, где буквально все есть. Этим обозначением в разговорах пользовались даже эсэсовцы.

¹⁵⁶ А они здесь очень высоки.

¹⁵⁷ Опасений в исходе войны и, стало быть, и потребности в уничтожении следов еще не возникало.

¹⁵⁸ По свидетельству Хёсса — на 107 тыс. чел.!

¹⁵⁹ MÜLLER, 1979. S. 207–209.

¹⁶⁰ Капо был и М. Митек, так что Мюллер пишет о своеобразном двоевластии в команде.

¹⁶¹ Позднее их число возросло до 20 (Pezzetti, Marcello. Die Shoah, Auschwitz und das Sonderkommando // VENEZIA, 2008. S. 252).

¹⁶² См. свидетельство Станислава Янковского.

¹⁶³ Его лагерный номер очень ранний — 27675. Снятие его показаний состоялось 16.4.1945 в окружном суде Кракова.

¹⁶⁴ В Аушвице I.

¹⁶⁵ В том числе однажды и обезглавленный труп бургомистра г. Аушвица Юлиуса Грюнвелера (Julius Grünweller).

¹⁶⁶ Он был одним из свидетелей на Нюрнбергском трибунале (см.: MÜLLER, 1979).

¹⁶⁷ MÜLLER, 1979. S. 30.

¹⁶⁸ К нему впоследствии присоединили и первый состав.

¹⁶⁹ По другим сведениям — 400 (Olexy K. Salmen Gradowski — ein Zeuge aus dem Sonderkommando // Theresienstädter Studien und Dokumente. 1995. Prag, 1999. S. 122). В то же время Й. Гарлинский, не давая никаких ссылок, утверждает, что 80 человек из первого состава зондеркомmando были газваны в августе 1942 года (GARLINSKI, 1975. P. 245).

¹⁷⁰ Формальным поводом послужила записка о том, что они готовили побег, но их, согласно Ф. Мюллеру, выдал штубовый. Б. Баум пишет о 160 чел., которых якобы перевели для организации зондеркомmando в концлагере Гросс-Розен, а на самом деле удушили газами в некоей камере недалеко от лагеря (BAUM, 1962. S. 5–76).

¹⁷¹ Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // LONDON HAS BEEN INFORMED., 2002. P. 213. Они же сообщают довольно позднюю дату селекции (17 декабря), не вполне согласующуюся с другими данными.

¹⁷² Их польские «коллеги» — капо Морава, а также Ильчук и Липка жили в бараке для знаменитостей (блок 2).

¹⁷³ По словам Ш. Драгона, около 200 греческих и около 500 венгерских евреев (Greif, 1999. S. 169). Сами цифры относятся скорее в 1944 году, но и в этом случае преувеличены.

¹⁷⁴ MÜLLER, 1979. S. 104.

¹⁷⁵ VENEZIA, 2008. S. 127–128.

¹⁷⁶ Об этом пишет А. Габай.

¹⁷⁷ MÜLLER, 1979. S. 88–89.

¹⁷⁸ О Каминском не раз сообщалось, что он был из Цеханува. Свидетельство Я. Гордона решительно этому противоречит. Это снимает с него и подозрения в отождествлении с «капо из Цеханува», подвергавшего ужасным издевательствам Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 269).

¹⁷⁹ Он прибыл из Компьена еще в мае 1942 года, носил очки. М. Надьяри характеризует его как человека крупного, всегда свежесбритого и ироничного (MARΣΕΛ NATZAPH. HRONIKO. 1941–1945. IΔRYMA ETΣ AXATM. ΦΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1991. P. 41–42).

¹⁸⁰ Д. Обстбаум был старый лагерник (с номером приблизительно 38000). Польский еврей и коммунист, перебравшийся во Францию и служивший во Франции в Иностранном легионе — крепкий, но очень сентиментальный человек. Он покровительствовал Э. Айзеншмидту из-за его комсомольско-бейтарского прошлого (Greif, 1999. S. 268–269).

¹⁸¹ Некоторые из новичков были облачены в одежду погибших. При этом, по некоторым сведениям, зондеркомmando в Майданеке, кстати, существенно отличались от аушвицких: до половины их численности составляли советские военнопленные, среди капо преобладали немцы — Хофманн, тот же Конвоент. В задачи зондеркомmando в Майданеке входило и прямое соучастие в убийстве жертв.

¹⁸² MÜLLER, 1979. S. 143. Один из 5 немецких евреев был некий Цанлер из Берлина, тесть одного из эсэсовцев.

¹⁸³ NYISZLI, 1960. P. 77.

¹⁸⁴ На нем работал Э. Айзеншмидт первоначально грузчиком, а позднее — электриком.

- ¹⁸⁵ М. Нижли, вероятно, ошибочно полагал, что эти 30 чел. — совершенно новый состав зондеркомандо.
- ¹⁸⁶ Э. Айзеншмидт вспоминает о двух (Greif, 1999. S. 284–286), а Нижли указывает на то, что их было четверо.
- ¹⁸⁷ MÜLLER, 1979. S. 276–277.
- ¹⁸⁸ Параллельную селекцию вел еще Менгеле или кто-то из его заместителей: они отбирали «материал» для своих экспериментов — и прежде всего близнецов.
- ¹⁸⁹ В случае с теми, кто влился в зондеркомандо в декабре 1942 г. (З. Градовский, братья Драгон и др.) карантин не было.
- ¹⁹⁰ На участке между локтем и запястьем, ближе к локтю, а то и вовсе около сгиба левой руки. Номер писался в направлении от запястья к локтю.
- ¹⁹¹ При наборе в феврале 1943 г. их даже обучали «ремеслу», причем 10 обучающихся по ходу обучения просто-напросто умерли, точнее, погибли от рук учителей.
- ¹⁹² См. интервью с ними: Greif, 1999. S. 109–188.
- ¹⁹³ По слухам, они разработали план восстания, но их предали. После этого вся зондеркомандо была поголовно ликвидирована. Именно поэтому, возможно, новую команду сколачивали так спешно, без карантина.
- ¹⁹⁴ См. интервью с ними: Greif, 1999. S. 329–361 и 59–108.
- ¹⁹⁵ Сам он полагал, что в конце ноября 1943 г.
- ¹⁹⁶ Greif, 1999. S. 349–351. Золото затем очищалось и переплавлялось в небольшие слитки. Часть золота заначивалась и ложилась в основу вну-трилагерной торговли с эсэсовцами (те взамен предлагали еду, алкоголь и одежду).
- ¹⁹⁷ Форарбайтерами были Л. Р. (очевидно, Лемке Плешке) и В. М. (Милтон Буки?), с удовольствием избивавшие других членов зондеркомандо (Greif, 1999. S. 88).
- ¹⁹⁸ Greif, 1999. S. 101.
- ¹⁹⁹ Greif, 1999. S. 60.
- ²⁰⁰ См. интервью с ним: Greif, 1999. S. 189–232.
- ²⁰¹ KRAUS, KULKA, 1991. S. 202.
- ²⁰² GREIF, 1999. S. 198.
- ²⁰³ ZIH. Relacje 301/1868.
- ²⁰⁴ GREIF, 1999. S. 257.
- ²⁰⁵ NYISZLI, 1961. P. 108–109. М. Нижли (1901–1956), лагерный номер А-8450. Д. Чех, в противоречии с книгой самого Нижли, утверждает, что сначала он работал врачом в Моновице, откуда примерно через месяц был выписан Й. Менгеле для работы в лаборатории на Крематории III (Czech. 1989. S. 788).
- ²⁰⁶ Лагерный № 80810.
- ²⁰⁷ Ср. почти аналогичный рассказ Ф. Мюллера или рассказ Эли Визеля о его друге Беле Каце, попавшем в члены зондеркомандо и вынужденном «обслужить» собственного отца.
- ²⁰⁸ Несомненно, что все такие случаи были результатом жесткого шока от самого первого соприкосновения с чудовищной сущностью работы, отныне предстоявшей новобранцам.

²⁰⁹ Впрочем, этот последний рассказ едва ли правдоподобен. Для того чтобы решиться все запомнить и рассказать, вовсе не надо, чтобы кто-то тебя упрасивал об этом, тем более жертвы: ощути в себе дух летописца, отыщи, чем и куда писать — и пиши! И еще думай, как все написанное спрятать и сберечь!

²¹⁰ Bowman, 1993. P. XVIII. Ссылка на «Календариум» Д. Чех, согласно которому из транспорта с греческими евреями, прибывшего 20.6.1944, селекцию прошли 436 мужчин и 131 женщина, еще не является подтверждением этой легенды. Такой потрясающий случай, если бы он действительно произошел, был бы непременно отмечен другими уцелевшими узниками, хотя бы из числа самих греков.

²¹¹ По всей видимости, М. Личи.

²¹² ΜΑΡΣΕΛ ΝΑΤΖΑΡΗ. ΗΡΟΝΙΚΟ. 1941–1945. ΙΔΡΥΜΑ ΕΤΕ ΑΧΑΤΜ. ΦΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1991. [На англ.яз, рукопись, размноженная на гектографе]. P. 46.

²¹³ Кстати, Лейб Лангфус пишет о том, как однажды член зондеркоммандо предупредил жертв о том, что им предстоит. Те его тут же заложили, после чего на глазах у других членов зондеркоммандо его самого бросили в печь живьем (Возможно, что тут имеются в виду обезумевшая женщина из белостокского транспорта и Ицхак Деренский, которого живым бросили в печь). За то же и так же погиб однажды и Лео Штайн из Тавора (MÜLLER, 1979. S. 119, 127). В то же время Й. Гарлинский сообщает (как водится, без указания источников) об инциденте, якобы имевшем место в 1942 г.: предупрежденный членами зондеркоммандо транспорт с 1500 польскими евреями оказал отчаянное сопротивление немцам, причем к ним присоединились и 40 членов коммандо (GARLINSKI, 1975. P. 246).

²¹⁴ Но иногда они делали и это. Так, Градовский приводит имя Кешковской — женщины из Виленского гетто, рассказавшей ему о судьбе его отца.

²¹⁵ Иногда они подкармливали и членов собственных семей, если те находились в Биркенау, а также подкупали эсэсовцев.

²¹⁶ Еще менее сакрализованными были еврейские трупы для членов СС. После объявления и осознания государственной установки на физическое уничтожение евреев все евреи для них стали как бы трупами. Тем более трупами, покойниками, были для СС и сами члены зондеркоммандо.

²¹⁷ Langbein, 1995. S. 288.

²¹⁸ Αργορος грязные: члены зондеркоммандо — единственные во всем лагере узники, в чем распоряжении в любое время имелся горячий душ.

²¹⁹ См.: Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // LONDON HAS BEEN INFORMED., 2002. P. 214. Однако из предыдущего изложения выясняется, что, несмотря на все ужасы, общение, и довольно тесное, имело место быть (у Ветцлера в зондеркоммандо, судя по всему, работал брат): через зондеров в лагерь попадали продукты, одежда, медикаменты и даже валюта, найденная у убитых.

²²⁰ Langbein, 1995. S. 285. Поскольку общие больницы и лазарет были для зондеркоммандо недоступны, у них в 13-м бараке был своего рода медпункт, где, видимо, и работал Бендель. Решительно непонятно, почему его собственная роль в этом дьявольском конвейере казалась ему лучше или чище

других? То же относится и ко Врбе и Ветцлеру, до побега бывших на самом лучшем канцелярском счету не где-нибудь, а в политическом отделе всего Аушвица-Биркенау!

²²¹ NYISZLI, 1960. P. 70–71. Кстати, сам Миклош Нижли — интереснейший случай того же самого. В силу своего амплуа — ассистента Й. Менгеле — он был привелигированной фигурой даже на фоне зондеркомmando (не только своя постель, но и своя комната и т.д.). Бруно Беттельгейм, американский психолог, в своем предисловии к книге М. Нижли, попробовал было противопоставить коллаборантскому поведению Нижли поведение врача-психотерапевта Виктора Франкля, не помогавшего СС в его штудиях. Это верно, как верно и то, что и Франкль от этого вовсе не отказывался: просто никто ему этого не предлагал. Самого Беттельгейма больше волнует не Нижли, а коллективное поведение евреев: почему, несмотря ни на что, они продолжали свои обычные «гешефты» (business as usual), почему, как лемминги, они покорно и молча шли в крематории, почему они бездействовали? Но, приводя в качестве примера «правильного действия» своевременную эмиграцию, он даже не задается вопросом, а почему это люди, столетиями жившие, скажем, в Вене или Берлине и корнями в них вросшие, должны все бросить, взять и уехать?!

²²² GREIF, 1999. S. 346–347.

²²³ GREIF, 1999. S. 221–222.

²²⁴ И тут необходимо подчеркнуть роль Э. Кулки, Г. Грайфа и А. Килиана, разыскивавших бывших членов зондеркомmando по всему свету и бравших у них интервью.

²²⁵ Greif, 1999. S. 221.

²²⁶ INMITTEN DES GRAUVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 125.

²²⁷ Выражение М. Надьяри.

²²⁸ STEINER J.-F. Treblinka. Die Revolte eines Vernichtungslager. Hamburg: Gerhard Stalling Verlag, 1966. S. 123–124.

²²⁹ Greif, 1998. S. 1027.

²³⁰ Greif, 1998. S. 1023.

²³¹ Здесь, несомненно, имеется в виду СС.

²³² [Хаузнер Г.] 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. [Иерусалим:] Библиотека Алия, 1989. С. 31.

²³³ Например, Роберт Пендорф: *«Несомненно, что без сотрудничества с жертвами едва ли было бы возможно для нескольких тысяч человек, большинство из которых, мало того, трудилась в канцеляриях, ликвидировать сотни тысяч других людей... Эти евреи соучаствовали в процессе убийства с тем, чтобы спасти себя от угрозы немедленной смерти»* (PENDORF, 1961. S. 111).

²³⁴ Ср.: *«Хорошо известный факт, что как таковой труд палачей в центрах уничтожения обычно находился в руках еврейских команд был четко и прямо сформулирован в показаниях свидетелей обвинения — как они работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы и срезали с тел волосы, как они закапывали ямы с телами жертв, а потом снова их раскапывали, чтобы уничтожить следы; как еврейские инженеры строили газовые камеры в Терезиенштадте, где была основана такая еврейская автономия,*

что даже палач был евреем. Но все это было только ужасно, это еще не было моральной проблемой. Селекция и классификация рабочих в лагере осуществлялась СС...» (АПЕНДТ Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. С. 147).

²³⁵ См.: ПОЛЯН, 2006. С. 9–70.

²³⁶ Ту же игру и с тем же результатом вел и Якоб Генс в Вильне. Но если кто и уцелел, то не в гетто, а в партизанских лесах или в рабочих командах, куда евреев депортировали и где их не успели ликвидировать.

²³⁷ В Берлине задокументировано 6 таких грайферов, самые известные среди них — семейная пара Рольф Изаксон и Стэлла Гольдшлаг. Практиковались ли что-нибудь подобное в других столицах — неизвестно (нам сообщено И. Рабин).

²³⁸ А в имеющихся интервью бросается в глаза установка не столько на самооправдание, сколько на самооборону от возможных нападок.

²³⁹ «Байки» вокруг зондеркомmando формировались постоянно: так, лагерный врач Х. Фишер «вспоминал» о попойке зондеркомmando с начальником крематориев эсэсовцем Модем, после которой Моде якобы высыпал перед ними баночку циклона Б.

²⁴⁰ HÖSS, 1958. S. 195.

²⁴¹ LEVI, 1993. S. 50, 52.

²⁴² LEVI, 1993. S. 52f.

²⁴³ NYISZLI, 1960. P. 68.

²⁴⁴ Сюда же Леви относит и то, что эсэсовец Горгес передал зондеру Мюллеру хлеб в Маутхаузене — вместо того, чтобы выдать Мюллера местным палачам (MÜLLER, 1979. S. 276–277). Учитывая время и место события, думаю все же, что это гораздо более сложный случай.

²⁴⁵ NYISZLI, 1960. P. 79–83.

²⁴⁶ ZÜRCHER, 2004. Над ее рабочим столом была приколоты бумажка с цитатой из ментора, вынесенной ею в эпитафию к книге: «*Это совсем не легко и не приятно, прощупывать дно низости, но я тем не менее нахожу, что это необходимо делать...*» (S. 11).

²⁴⁷ ZÜRCHER, 2004. S. 216–219.

²⁴⁸ Случай с эсэсовцем Пестиком ей, видимо, не был знаком.

²⁴⁹ Вот аргументация уцелевшего члена зондеркомmando III. Венеция: «*Другие полагали, что мы ответственны за то, что происходило на крематориях. Но это же абсолютно неверно. Только немцы убивали. Мы же были насильно принуждены к пособничеству, тогда как под коллаборантами понимаются добровольцы. Важно подчеркнуть, что у нас не было выбора. Каждый, кто отказался бы, тут же получил бы выстрел в затылок. А для немцев это не составило бы проблемы: убив десяток из нас, они тут же набрали бы 50 новых. Для нас весь вопрос был в том, чтобы выжить, и другого выхода у нас просто не было. Ни у кого из нас. Кроме того, и мозг наш уже не был нормальным, мы не были в состоянии много размышлять о том, что произошло... Мы стали автоматами*» (VENEZIA, 2008. S. 151–152).

²⁵⁰ Особенно котировались врачи и, если верить Мюллеру, зажигальщики, к которым принадлежал и он — член зондеркомmando фактически с момента ее основания.

²⁵¹ В высшей степени недобросовестны попытки приуменьшить значение восстания утверждениями типа: да это они же «спасали свои шкуры», да они же хотели «всего лишь» убежать — как будто другие восстания имели своею целью взятие Берлина! Примером такой попытки является статья Тадеуша Ивашко: *Iwaszko T. Häftlingsfluchten aus dem Konzentrationslager Auschwitz // Hefte von Auschwitz. 1964. Nr. 7. S. 40–41.*

²⁵² Местное польское население охотно помогало польским беглецам, неохотно, но помогало — русским, а еврейских, как правило, выдавало.

²⁵³ Случай Пестика, кажется, единственный в своем роде. Впрочем, упомянем и дезертирство украинской охранной роты, откомандированной в Аушвиц в марте 1943 г. См.: IFZ. Fa 183/1. Bl. 229. См. также: Lasik A. Die SS-Besatzung des KL Auschwitz // Dlugoborski W., Piper F. (Hg.). Studien zur Geschichte des Konzentrations- und Vernichtungslager Auschwitz. Bd.I-IV. Oswiecim, 1999. S. 338.

²⁵⁴ Karny, 1999. S. 157–183.

²⁵⁵ После их побега все регистраторы-евреи лишились своих мест.

²⁵⁶ Swiebocki, 2002. P. 24–42.

²⁵⁷ См.: Report of Czeslaw Mordowicz and Arnost Rosin // LONDON HAS BEEN INFORMED..., 2002. P. 275–290. В частности: P. 212–214. О самих Ч. Мордовиче и А. Розине см.: Swiebocki, 2002. P. 42–53.

²⁵⁸ Одним из участников этого побега был варшавский еврей Майорчик.

²⁵⁹ Странно, что он не упоминает сам побег.

²⁶⁰ CZECH, 1989. S. 314–315, 323–324. Эти события отразились в воспоминаниях Хесса, в показаниях сотрудника политотдела Пери Броуда (KL Auschwitz in den Augen der SS: Höß, Broad, Kremer. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 1973. S. 77f, 162–168, 227) и в дневнике И. Кремера за 24.10.1942 (Kremer's Tagebuch, 1971. S. 50, 113).

²⁶¹ Жертвами самосуда жертв стали, если верить Б. Бауму, и некоторые узники основного лагеря Аушвиц-1, в частности, бельгийский еврей, выдавший гестапо десятки соотечественников, или — в новогоднюю ночь 1945 года — капо Шульц (BAUM, 1962. S. 102).

²⁶² См. комм. к «Чешскому транспорту» (ГРАДОВСКИЙ, 2010. С. 133). Мужчин из этого транспорта направили на Крематорий III, а женщин — на Крематорий II. Сообщения об этом случае весьма часты, причем не только у узников зондеркоммандо, но и у обычных заключенных. При этом, как правило, они весьма неточны в деталях. См., например, «свидетельство» Ш. Драгона, якобы присутствовавшего при этой сцене и находившегося всего в 5 метрах от женщины, застрелившей Шиллингера (Greif, 1999. S. 163–165). В лагере после этого даже распространялся слух, что остальных евреев из этой группы нацисты были вынуждены выслать живыми за границу (здесь — в передаче Аврома-Берла Сокола из Высоко-Мазовецка. См.: ZIH. Relacje 2250). Сообщают об этом инциденте и те, кто совершил удачный побег из Аушвица, в частности, И. Табо.

²⁶³ Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 282–283).

²⁶⁴ Bowman, 1993. P. XIX. Греческие историки датируют событие интервалом между 21 и 29 сентября (Там же). А. Килиан полагает, что селекция зондеркоммандо, состоявшаяся 23 сентября 1944 г., могла быть в том числе и

реакцией на побег А. Эрреры (FRIDLER, SLEBERT, KILLIAN, 2002. S. 266). В таком случае сама по себе попытка этого побега могла состояться только 21 или 22 сентября.

²⁶⁵ ZIH. Relacje 301/449. S. 1; АРМАВ. №. 13390.

²⁶⁶ Кстати, за все время существования концлагеря в Аушвице из него бежало 667 чел. Только 270 из них были пойманы и казнены (единственный не казненный — немец Otto Küsel), а остальные-то, стало быть, увенчались успехом! (См.: АРМАВ. №. 175036)

²⁶⁷ Одних только касиб (контрабандных писем) они вынесли более тысячи! Подробнее о польских побегах из Аушвица и о взаимодействии польского подполья в основном лагере с партизанами Армии Крайовой в окрестностях Аушвица см. в: GARLINSKI, 1975.

²⁶⁸ Среди них, кстати, и Израэль Гутман, например, — впоследствии известный исследователь Холокоста. Он был одним из связных между двумя группами сопротивления — польской в основном лагере (в которой сам он представлял еврейский компонент) и еврейско-зондеркомандовской в Биркенау (Gutman, 1979. S. 213–219). Б. Баум пишет о советском еврее Монеке Маевиче, работавшем в той же самой прачечной, что и сам Баум (BAUM, 1962. S. 79–80).

²⁶⁹ Havlini, 1979. P. 125–127.

²⁷⁰ От АК («Армия Крайова») и АЛ («Армия Людова») — польских движений вооруженного сопротивления, сориентированных, соответственно, на Лондон и на Москву.

²⁷¹ BAUM, 1962. S. 86–90.

²⁷² В качестве основного связного с Биркенау и с Крематориями Б. Баум называет австрийского коммуниста Симру (Simra), работавшего шофером (BAUM, 1962. S. 74).

²⁷³ См.: Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // LONDON HAS BEEN INFORMED..., 2002. P. 239–241.

²⁷⁴ Среди сотен членов зондеркомандо также были единичные советские военнопленные и поляки — первые были активнейшим элементом подготовки и проведения восстания, тогда как поляки — из опасений их предательства — ни во что не были посвящены.

²⁷⁵ BAUM, 1962. S. 86–90.

²⁷⁶ BAUM, 1962. S. 75–76.

²⁷⁷ BAUM, 1962. S. 100–102.

²⁷⁸ INMITTEN DES GRAUVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 155.

Пассаж, надо сказать, пророческий, — особенно если вспомнить, например, попытки Б. Баума приписать остановку и разрушение печей в Биркенау хищническому влиянию подпольной газеты «Эхо Аушвица», которую он якобы редактировал.

²⁷⁹ Свидетельство Э. Айзеншмидта. Он даже обвинил поляков в прямом предательстве, имея, однако, в виду польских членов зондеркомандо (Greif, 1999. S. 284–286).

²⁸⁰ Но не следует преувеличивать и масштабы этого сотрудничества. История Б. Баума и И. Гутмана про 20 кг взрывчатки, парашютированной союзниками польским партизанам и доставленной ими малыми дозами в ла-

герь, — это выдумка и сказка (Havlini, 1979. P. 129–130). Не парашютировать, а просто сбросить на крематории банальную авиабомбу союзники так и не удосужились!

²⁸¹ В сентябре 1944 г. 200 членов зондеркомmando были убиты в Аушвице-1.

²⁸² Havlini, 1979. P. 127.

²⁸³ Здесь: Крематорий III.

²⁸⁴ INMITTEN DES GRAUENVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 186–187.

²⁸⁵ Свидетельство Зигмунда Соболевского (YVA. 03/8410. P. 55–58). Кстати, после войны З. Соболевский и Христианско-еврейское общество Альберты, куда он переехал, хотели установить на этом месте памятный знак, но поляки буквально оцетинивались и даже слышать об этом не хотели.

²⁸⁶ Свидетельство Ф. Мюллера (Langbein, 1965. S. 131).

²⁸⁷ Так, Д. Бен-Амиас сообщал о том, что ашкеназы презирали сефардов, называли их cholera или kogva (от hwores — мерзавцы, ублюдки). См.: Bowman, 1993. P. XXI.

²⁸⁸ VENEZIA, 2008. S. 142–145.

²⁸⁹ III. Венеция полагает, что между членами зондеркомmando существовали в целом солидарные отношения, залогом которых была их относительная сытость и бытовая благополучность (VENEZIA, 2008. S. 150–151).

²⁹⁰ Langbein, 1979. S. 230.

²⁹¹ Ф. Мюллер уточняет: восстание намечалось на пятницу.

²⁹² Возможно, что эта мера была продиктована соображениями не только трудовой целесообразности, но и безопасности, об угрозе которой эсэсовцам стало известно (или стало понятно).

²⁹³ Согласно Л. Когену, убить их собирались фирменно по-эсэсовски — аутопсией (уколом фенола).

²⁹⁴ Происхождение клички связано, возможно, с тем, что он периодически закрывал глаза. Стриженный и коренастый блондин, он был настоящим монстром. Из развлечения он стрелял в живых людей, целясь с расстояния 15–20 м в определенные части тела, после чего бросал их — убитых или раненых — в печь (MARΣΕΛ NATZAPH. HRONIKO. 1941–1945. IDRYMA ETΣ AXATM. ΦΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1991. P. 45).

²⁹⁵ GREIF, 1999. S. 356–358.

²⁹⁶ А по некоторым данным (например, III. Венеция) и еще раньше.

²⁹⁷ О том, что восстание отложили из-за того, что через Биркенау прошла и на несколько дней здесь остановилась крупная немецкая военная часть, свидетельствует и Я. Габай (GREIF, 1999. S. 226).

²⁹⁸ Zeugen..., 2002. S. 258–261.

²⁹⁹ По некоторым сведениям, его предал Митек Моравя, антисемит и польский оберкапо на крематориях II и III. Обершарфюрер СС Эрих Мусфельдт (1913–1947) — в Аушвице с августа 1940 по ноябрь 1941 г., начальник крематория в Маутхаузене — с июня 1942 по начало апреля 1944 г., с 6.4.1944 снова в Аушвице — с 6.4.1944. Приговорен к смерти в Кракове 22.12.1947, приговор приведен в исполнение).

³⁰⁰ Kraus, Kulka, 1991. S. 351–353.

³⁰¹ По другим версиям, это произошло все же раньше — в начале августа или даже в июне.

³⁰² Cohen L. From Greece to Birkenau: the Crematoria workers uprising / Transl. from French by Jose-Maurice Gprmezano. Tel Aviv, The Salonika Jewry Research Center, 1996. 107 p. См. также: Greif, 1999. S. 356–359.

³⁰³ Л. Флишка и В. Сокол — правда, с чужих слов — называют даже Градовского единственным и главным руководителем восстания (ЗИН. Relacje 301/1868)

³⁰⁴ Свидетельства Я. Габая и Э. Айзеншмидта (GREIF, 1999. S. 222, 285). Кроме майора, восстание готовили еще три русских еврея.

³⁰⁵ Вместе еще и с Х. Херманом.

³⁰⁶ Номер Доребуса неизвестен, а номер Гандельсмана — 106112.

³⁰⁷ Левенталь пишет и еще об одном человеке — о Майорко Элуше из Гостынина: но он, готовясь к одиночному побегу, был выдан своими и ликвидирован.

³⁰⁸ Материалы процесса Р. Хлсса и др. источники.

³⁰⁹ Краус и Кулка называют его, наряду с Паничем, лидером восстания. О его записках эти авторы даже не подозревают (KRAUS, KULKA, 1991. S. 356–358).

³¹⁰ Он был связным с польским подпольем. Владек был польским капо еще со времен Аушвица-1. В Биркенау он жил в блоке 2 и мог свободно ходить по лагерю. Его дважды забирали в блок 11 основного лагеря, подозревая его в связи с коммунистами и с подпольем. Но во второй раз он попал в крематорий уже в мешке.

³¹¹ Нам сообщено В. Плосой (Освенцим).

³¹² GREIF, 1999. S. 172.

³¹³ Langbein, 1979. S. 227–238; Bowman, 1993. P. XXIX. См. также: VENEZIA, 2008. S. 127–128.

³¹⁴ Его застрелили Моль еще до восстания (VENEZIA, 2008. S. 1)

³¹⁵ GREIF, 1999. S. 222–223.

³¹⁶ GREIF, 1999. S. 175–176.

³¹⁷ Этот человек как раз и завербовал Ш. Драгона в ряды заговорщиков. Скорее всего, им был Альгер Файнзильбер (Станислав Янковский), воевавший в Испании (см. о нем выше).

³¹⁸ GREIF, 1999. S. 356.

³¹⁹ YVA. TR. 17 (папка JM. 3498).

³²⁰ ZIH. Relacje 301/335. S. 7.

³²¹ MÜLLER, 1979. S. 229–230.

³²² Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 285).

³²³ См.: In Honor of Alla Gertner, Róza Robota, Regina Safirztajn, Ester Wajcblum. Martyred Heroines of Jewish Resistance in Auschwitz, executed on January 5, 1945. Место и время издания, а также тираж не указаны [Wyd. A. Heilman] С добавлением страниц Анни Хейлман, адресованных Сати Фейнигер в Австралии. Получено в АРМАВ 4.5.1993 (Oświadczenia. T. 128. S. 127–162). Sygn.: Osw./Heilman/3077. P. 131–135.

³²⁴ In Honor of Alla Gertner. 1992. P. 135.

³²⁵ И. Гутман ссылается при этом на свидетельство Й. Айгера: Айгер И. Сопротивление в Аушвиц-Биркенау // From letzten khurban. München,

1948. № 10. С. 70–75 (на идиш). Среди русских узников Аушвица был советский военнопленный Иван Бородин, № 2535, родившийся в Сухолистах 27.12.1921, пекарь по профессии (АРМАВ). Увы, индивидуальная карточка советского военнопленного с таким номером не сохранилась, но, судя по номеру, он должен был бы поступить в Аушвиц в октябре 1941 г.

³²⁶ III. Венеция пишет, что роль связного исполнял человек по имени Альгер. Возможно, это Альгер Файнзильбер (см. выше), но скорее всего подразумевается все тот же Айгер (VENEZIA, 2008. S. 167–168).

³²⁷ GREIF, 1999. S. 172–175.

³²⁸ Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 284–285).

³²⁹ По мнению М. Нижли, никакая не селекция, а полное уничтожение: появившись на крематориях в апреле (или, по другим сведениям, в июне) 1944 г., он почему-то свято верил в то, что ротация зондеркомmando происходит каждые 4 месяца. Он даже пишет о 12-й, 13-й и 14-й зондеркомmando, с которыми соприкоснулся лично.

³³⁰ NYISZLI, 1960. P. 153–167. Происхождение этих различий довольно труднообъяснимо. Статус М. Нижли — придворного патологоанатома доктора Менгеле, весьма успешно справляющегося со всеми своими обязанностями — допускал довольно тесное общение с ним (например, на почве лекарств или последних новостей на фронтах, о которых Нижли знал из ежедневного чтения «Фелькише беобахтер»’а), но все же едва ли располагал заговорщиков к откровенности с ним в вопросах подготовки восстания.

³³¹ Свидетельство Э. Айзеншмидта (GREIF, 1999. S. 283–284). Скорее всего, тут подразумевается Йосель Варшавский (Доребус). Вместе с тем III. Драгон утверждал, что гранатами воспользоваться не удалось, поскольку помещения, где они были спрятаны, уже горели (GREIF, 1999. S. 177). В то же время Я. Габай утверждает, что подрыв Крематория IV — дело рук двух греков: Ицхака Барсилая и артиллерийского офицера по имени Рудо (GREIF, 1999. S. 224). Согласно А. Килиану, это сделал капо Шлойме Кирценбаум (Zeugner..., 2002. S. 271)

³³² Сам Ф. Мюллер пишет, что перебежал из Крематория V в Крематорий IV и спрятался в канале между печью и трубой. Дождавшись ночи, он попытался пробраться под ее покровом в сторону «Канады», но понял, что охрана усилена, и вернулся. Там же, в трубе, он и переночевал, а наутро его прикрыл капо Шлойме, и он притесался к его бригаде (MÜLLER, 1979. S. 251–255).

³³³ Ф. Мюллер сумел перебежать на Крематорий IV и спрятаться там; то же сделали и III. Драгон, и Таубер.

³³⁴ См. также: Langbein, 1979. S. 232. К. Конвоент сообщил о том, что знал, шарфюреру СС Буху, а тот передал дальше, что и привело к очень быстрой реакции СС. Вероятнее всего, прежде чем бросить в печь, его убили: в пепле нашли потом, согласно Э. Айзеншмидту, его ключ от крематория (GREIF, 1999. S. 286), а согласно III. Венеция — пуговицы от его пиджака (VENEZIA, 2008. S. 175–176). По другой версии, предателем был Макс Фляйшер (по-видимому, второй рейхсдойче, политический; он был капо на Крематории III).

³³⁵ Я. Габай приводит довольно фантастическую историю о своем двукратном посещении жены в 15-м бараке женского лагеря в зоне Б. Второй

такой визит, по его словам, состоялся 4.10.1944, когда ему, Габаю, уже было известно о приближающемся восстании, о чем он, как хороший муж и плохой заговорщик, чистосердечно предупредил и жену (GREIF, 1999. S. 214–215). Эта история строится на нескольких маловероятных допущениях: а) на допущении деконспирации восстания по легкомыслию, б) на разрешении праздных воскресных прогулок узников, живших в Крематории III, по территории Крематория II, где часть из них работала в остальные дни, в) на возможности петь и говорить так громко, что женщины в 15-м бараке женского лагеря (в третьем ряду от угла территории Крематория III, то есть в нескольких ста метрах) могли не только услышать эти звуки, но и отвечать на них, причем так, что г) содержание разговора понимали одни только беседующие!

³³⁶ В комментариях к публикации записок Левенталя сообщается, что имелась заблаговременная договоренность между крематориями, что ее зондеркомандо не принимает участия в восстании.

³³⁷ Zeugen..., 2002. S. 270.

³³⁸ За два часа до событий капо Элиезер Вельбель из Крематория IV предупредил Лемке о том, что выступления не будет.

³³⁹ INMITTEN DES GRAUVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 188–189 (сам текст «600 нагих» принадлежит Л. Лангфусу).

³⁴⁰ Согласно Ф. Мюллеру, восстание началось на Крематории IV, причем довольно спонтанно и неорганизованно, а именно с того, что советский военнопленный набросился на эсэсовца, прыгнул на его велосипед и покатил.

³⁴¹ III. Венеция, правда, говорит, что согласно разработанному плану он и один русский военнопленный, вооруженные топором и ножом, около двух часов поджидали за дверью появления немецкого охранника для того, чтобы наброситься на него и убить (VENEZIA, 2008. S. 171–172).

³⁴² GREIF, 1999. S. 359.

³⁴³ Л. Коген говорил Г. Грайфу, что в случае восстания на Крематории III, его задача состояла бы в поджоге крематория.

³⁴⁴ Свидетельство Зигмунда Соболевского (Yad Vashem Archive. 03/8410. P. 55–58).

³⁴⁵ З. Соболевский, вспоминает о подрыве крематория № 4 в Биркенау и об еврейках, сумевших пронести динамит с оружейного завода («Uppnawerke», выпускал ручные гранаты), где они работали, в зондеркомандо. Взрыв произошел в субботу, 7 октября, примерно в 12.15. Соболевский был начальником бригады пожарных из заключенных. Были еще пожарники и из эсэсовцев, в этот раз Соболевский впервые увидел их в шлемах. Когда они приехали, то крематорий уже практически сгорел. По этой причине нарушился производственный процесс в газовых камерах, около 450 евреев вывели из них, и обершаффиюрер Вильгельм Клаузен (большой покровитель спорта и рефери во время футбольных матчей и боксерских боев) лично расстреливал их тут же на месте, предварительно разбивая на группы в 5–6 человек и приказывая раздеться и лечь ничком («Hinlegen!»). Был он в резиновых сапогах, залитых кровью. Соболевский впервые стал непосредственным свидетелем убийства и ощутил под ложечкой неприятное чувство носителя опасной тайны (Geheimnis), — а, стало быть, и возможною будущей жертвой, так как он соприкоснулся с этим действием чересчур близко. Вдоль края

крематория лежала куча пепла высотой с большую свечу с несгоревшими костями и другими человеческими останками (куски пальцев и т.п.), слегка прикрытый брезентом — и он тоже вспыхнул от искр. Там же было решето типа тех, что применяли на стройках дорог для просеивания песка и отделения от гравия. В данном случае — вместо «гравия» были непрогоревшие человеческие пальцы и т.п. (Свидетельство З. Соболевского. YVA. 03/8410. P. 55–58). Еще один член зондеркомmando из Крематория III — фотоработник Милтон Буки вспоминал, что при подавлении восстания около 15 человек убили лично Стефан Барецки, блокфюрер барачков для зондеркомmando. Сам Барецки рисует совершенно другую картину: восстание началось у другого крематория — II. Барецки там был и выставил дозор у р. Сола, а потом поехал на Крематорий III и, выстроил и там оцепление, «прочищая» лес (Langbein, 1965, S. 130).

³⁴⁶ CZECH, 1989. S. 900. Со ссылкой на: АРМАВ. Dpr. ZO/26, Bl. 162. Свидетельство Хенрика Мандельбаума (№ 181970); KL Auschwitz in den Augen der SS... S. 188 f.

³⁴⁷ CZECH, 1989. S. 900. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aul-1, Standortbefehl Nr. 26/44 vom 12.10.1944; Dpr.- Hd./1, Bl.26f).

³⁴⁸ См. воспоминания Пери Броэда (KL Auschwitz in den Augen der SS: Höß, Broad, Kremer. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 1973. S. 77f, 162–168, 227).

³⁴⁹ Он работал на Крематории II.

³⁵⁰ Langbein, 1965. S. 131.

³⁵¹ Он бежал из гетто местечка Ошаков, благодаря связям с социалистическим подпольем получил поддельные документы и долгое время переходил из деревни в деревню, выдавая себя за поляка и живя на деньги, выручаемые мелкой работой по найму. Его выследили и схватили при облаве 18 ноября 1942 года, причем за фальшивые документы и подрывную деятельность ему как польскому подпольщику угрожал расстрел; испугавшись, он признался в том, что он еврей(!), после чего долгое время провел в тюрьмах и пережил многочисленные допросы и пытки. В январе 1944 г. попал в Освенцим (где получил номер 171701). Как этапированный из тюрьмы он был записан в картотеку прокуратуры и носил зеленый знак (уголовники), — так что он не проходил селекции, и его сразу определили в трудовую бригаду (ЗИН. Nr. Relacje 301/1904).

³⁵² ЗИН. Relacje 301/1904.

³⁵³ Zeugen..., 2002. S. 258–281.

³⁵⁴ ЗИН. Relacje 301/335. S.7.

³⁵⁵ VENEZIA, 2008. S.176.

³⁵⁶ GREIF, 1999. S. 224. Кстати, возможно, что этим капо, а не электриком был Э. Айзеншмидт, у которого (как, по его словам, у «электрика») в жилой зоне Крематория была своя отдельная комнатка.

³⁵⁷ Der Aufstand des Sonderkommandos im Auschwitz-Birkenau. Dossier zum 50. Jahrestag des jüdischen Sonderkommandos in Auschwitz-Birkenau // Eingeleitet und zusammengestellt v. Werner Renz. Frankfurt am Main, Oktober 1994. 37 S., ill. (Fritz Bauer Institut. Studien- und Dokumentationszentrum zur Geschichte und Wirkung des Holocaust. Dossier)

³⁵⁸ См. также: Kagan, 1979. S. 220–222.

³⁵⁹ CZEH, 1989. С. 900. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aull-3a/1, Inventar-nummer 29723.

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 20. Л. 3–4. См. также: CZEH, 1989. С. 901–902. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aull-3a/2, Inventarnummer 29722.

³⁶¹ Впоследствии он стал одним из главных свидетелей из уцелевших членов зондеркоммандо.

³⁶² Янковский находился в лагере до 18.1.1945, когда вместе с 7000 другими узниками их отправили пешим маршем на запад. Около Рыбника ему удалось бежать из транспорта. После 2-месячных скитаний и прятаний он прорвался к советской армии возле г. Водзислава.

³⁶³ Его брат, Генрих, умер позднее в Австрии от голода, не дожив до освобождения американскими войсками всего два часа! (GREIF, 1999. S. 322–324).

³⁶⁴ То, что не было вынесено никаких приговоров, говорит скорее всего о том, что все подследственные в ходе расследования погибли.

³⁶⁵ CZEH, 1989. С. 903. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aull-3a/2, Inventar-nummer 29722. Wsp./51, Bd. 1. S. 150; Douna Ourisson; Osw./252, Bd. 10; Kagan, 1979. S. 282–284; Michał Grinberg. Żydzi w rejencji ciechanowskiej 1939–1942. Warsaw, 1984. S. 126–127.

³⁶⁶ Отдел регистрации актов гражданского состояния.

³⁶⁷ Kagan, 1979. S. 220–222.

³⁶⁸ Gutman, 1979.

³⁶⁹ CZEH, 1989. S. 902. Со ссылкой на: АРМАВ. Dpr. ZO/29, Bl.107. Высказывания б. узницы Густавы Кинзелевской; Wsp./51, Bd. 1. S. 50–169/Dou-na Ourisson; Osw./252, Bd. 10. S. 49–60; Kagan. S. 279, 282, 284; Grinberg M. Żydzi w rejencji ciechanowskiej 1939–1942. Warsaw, 1984. S. 126 f.

³⁷⁰ CZEH, 1989. С. 903–904. Со ссылкой на: АРМАВ. D-AulII-3a/11c/349, FL Arbeitseinsatzlisten; Osw./252. Bd.10. S. 49–60; Kagan R. Frauen in Amt der Hölle.

³⁷¹ Gutman, 1979. S. 213–219.

³⁷² См.: IN HONOR OF ALLA GERTNER: С добавлением страниц Анни Хейлман, адресованных Сати Фейнигер в Австралии. Получено в АРМАВ 4.5.1993 (Oświadczenia. T. 128. S. 127–162). Sygn.: Osw./Heilman/3077.

³⁷³ In Honor of Alla Gertner. 1992. P. 131.

³⁷⁴ Составлена на основе: CZECH, 1989 и др. источников.

³⁷⁵ Так в тексте.

³⁷⁶ INMITTEN DES GRAUENVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 126–127.

³⁷⁷ Jezierska M. E. Archeologia oswiecimska //Tygodnik Powzsechny. No. 5. 3.2.1963. P. 1–2.

³⁷⁸ См. в анонимной преамбуле: Bergung der Dokumente // Briefe aus Litzmannstadt, 1967. S. 7–13.

³⁷⁹ INMITTEN DES GRAUENVOLLEN VERBRECHENS, 1972. S. 132–171.

³⁸⁰ Дов Пейсахович из Бессарабии знал об этом и даже пытался в 1965 г. разыскать нужное место, но так ничего и не нашел. См.: YVA. TR17. JM. 3498.

³⁸¹ GREIF, 1999. S. 201–202. Это свидетельство вызывает однако большое сомнение. Создатели крематориев из фирмы «Топф и сыновья» недаром говорили об отсутствии всякого пиетета к трупам, как принципиальной особенности их изделий: никакой технологической возможности отделить пепел одной жертвы от пепла другой в Биркенау просто не было.

³⁸² NYISZLI, 1960. P. 123–124. Многое, конечно, заставляет усомниться в полной достоверности этого сообщения. Даже в преддверие ожидавшейся ликвидации «старожилов зондеркоманд» самый сбор двухсот подписей был слишком самоубийственным мероприятием. К тому же почему о таком массовом поступке не вспоминает никто кроме Нижи, даже сам Д. Олере?

³⁸³ АРМАВ. № 280–282. В 1950-е гг. оригинальные пластины были утеряны, но сохранились негативы, сделанные с их пересъемок. Обычно публикуются первые две фотографии, причем отредактированные: на них изображены только люди и дым, без какой бы то ни было рамочной перспективы; гораздо реже печатается третья и почти никогда четвертая, где людей нет, а только пейзаж (см. подробнее: Stone, 2001. P. 131–148).

³⁸⁴ Вот текст касибы: «Срочно. Отправьте эти две металлические катушки с пленками (2,5 и 3,5 дюйма) как можно скорей. Возможно получить отпечатки. Мы шлем фотографии из Биркенау — люди, которых газировали. На фотографии костер из тел, сжигаемых снаружи. Тела сжигают снаружи тогда, когда крематории не справляются со сжиганием необходимого количества. На переднем плане тела, приготовленные для того, чтобы быть брошенными в костер. Другая фотография показывает одно из мест в лесу, где людям приказывают раздеться якобы для того, чтобы идти в баню, а на самом деле в газовую камеру. Отправьте катушки как можно скорей...» (Цит. по: Stone, 2001. P. 142).

³⁸⁵ См. свидетельство Д. Шмулевского (нам сообщено В. Плосой, Освенцим). Б. Ярош в связи с фотографиями упоминает целую фотобригаду в составе: Алекс-грек, Шлоймо и Йосель Драгоны, Шмуль Файнзильберг и Давид Шмулевский (Jarosch B. Les organosations de la résistance et leur activité et à l'extérieur du camp // Piper F. et Swiebocka T. (Ed.). Camp de concentration et d'extermination. Oświęcim, 1994. P. 248). Но не так уже и важно, кто именно нажимал на фотозатвор, а кто стоял «на стреме»: организация такого фотосеанса могла быть — и была! — только коллективной.

³⁸⁶ Сам Панич, застрелив в день восстания ээсовца, совершил самоожжение в печи (ЗИН. 301/1868. То же: YVA. М.11, папка 224, на идише).

³⁸⁷ FRIEDLER, SLEBERT, KILLIAN, 2002. S. 265–266.

³⁸⁸ Это, вне всякого сомнения, Лейб Лангфус.

³⁸⁹ О Довиде Нонцлэ и о Леоне Французе высказывается предположение, что они выжили.

³⁹⁰ GREIF, 1999. S. 205. 500-страничный дневник погиб, но Я. Габай подчеркивает, что уже одно его наличие тренировало его память, благодаря чему он прекрасно помнит не только события, но и многие даты.

³⁹¹ См. об этом подробнее в «И в конце тоже было слово».

³⁹² См. справку, выданную А. Заорскому 21.2.1945 в том, что он добровольно работал с 6 по 20 февраля в воинской части 14884 (начальник — майор Вейников) и по окончании работы проследовал в г. Краков (АРМАВ. D-RO XXIV. Photokolie grypsów. Nr. Mikrofilmu 1358/114)

³⁹³ АРМАВ. Oświadczenia. Bd. 70. Bl. 212 f. (Отчет д-ра А. Заорского, март 1971).

³⁹⁴ АРМАВ. D-RO XXIV. Protokolie grypsów. S. 91. В деле имеются также переводы письма на французский и польский языки.

³⁹⁵ АРМАВ. D-RO/147. Собрание документов о движении сопротивления. Т. XXIV. Л. 91. Остается все же не вполне ясным, «дошло ли» письмо непосредственно до адресата — жены автора письма.

³⁹⁶ Возможно, он полагал, что у текста на французском языке больше шансов достичь адресата во Франции, чем текст на идиш. Между тем каждый зарегистрированный узник любого немецкого концлагеря был вправе дважды в месяц получать и писать письма своим родным; принимались письма, написанные исключительно на немецком языке и как можно более стандартными фразами; письма цензуровались. М. Нижли сообщает даже о навязывании узникам в июне–июле 1944 г. почтовых карточек с обратным адресом «Am Waldsee» вместо Аушвица или Биркенау (NYISZLI, 1960. P. 113). А незадолго до ликвидации «чешского лагеря» его обитателям предлагалось разослать открытки с липовыми адресом отправителя «Ной-Берун» (то есть «Новое Биркенау») и липовой датой (25.3.1944).

³⁹⁷ Вместе с 200 членами зондеркоммандо он был вывезен 24.2.1944 в Майданек (Люблин) и там уничтожен.

³⁹⁸ Обоих упоминает З. Левенталь.

³⁹⁹ Из записей Лейба Лангфуса явствует, что это действительно произошло, но несколько позже — 26.11.1944.

⁴⁰⁰ Аннотация копии документа, хранящейся в Государственном музее Аушвиц-Биркенау, и приложенная к ней «Служебная записка» от 2 апреля 1974 г. магистра Яна Куча, сотрудника краковского регионального бюро Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений.

⁴⁰¹ О служебном положении В. Баруса в записке Я. Куча ничего не говорится, но, судя по всему, он работал на стыке партийной и культурной иерархий. В «Главную комиссию...» он обратился после того, как на глаза ему попала публикация «Рукописи неизвестного автора» в посвященном зондеркоммандо специальном выпуске «Аушвицких тетрадей», вышедшем на польском языке в 1971 г.

⁴⁰² Имеется в виду Польская объединенная рабочая партия (аналог коммунистической), обладавшая монопольной властью в стране до 1989 г.

⁴⁰³ Весьма вероятно, что здесь подразумеваются успешные раскопки с участием Я. Порембского в 1962 г.

⁴⁰⁴ Biulletin ZIH. 1954. Nr. 9–10. S. 303–309.

⁴⁰⁵ Mark, 1985. P. 166–170.

⁴⁰⁶ Mark, 1985. P. 168.

⁴⁰⁷ NYISZLI, 1960. P. 195–197. Нижли аттестует его как худого, слабого и черноволосого человека.

⁴⁰⁸ Эти воспоминания находились в архиве Б. Марка.

⁴⁰⁹ Возможно, именно с этим транспортом попал в Аушвиц и Д. Кацельсон.

⁴¹⁰ Отто Моль (1915–1945, Дахау), гауптшарфюрер СС, в Аушвице-Биркенау с 2.5.1941 по сентябрь 1945, начальник Бункера в центральном лагере с декабря 1942 по сентябрь(?) 1943 г., с мая по сентябрь 1945 г. — на-

чальник всех крематориев. О его зверствах см. также в свидетельстве Я. Габая (GREIF, 1999. S. 217–219).

⁴¹¹ Возможно, автор ошибается в дате, так как пршемысльский транспорт прибыл только в сентябре 1943 г.

⁴¹² На самом деле селекции и ликвидации подверглись только 100 чел.

⁴¹³ См. протокол приемки от 10.11.1970 (АРМАВ. F. 13. Wsp. 420.)

⁴¹⁴ По другим сведениям, из Скидл или из Цеханува. Капо (на Крематории III) он стал в январе 1943 г., а оберкапо — в середине апреля 1944 г. (FRIEDEL, SLEBERT, KILLIAN, 2002. S. 378).

⁴¹⁵ См. то же: «Szukajcír w ropiokach» (Lodz, 1965. P. 7). В то же время о нем как о ярме антисемите и садисте вспоминал А. Файнзильбер, а некоторые указывали и на то, что именно он донес на капо Каминского.

⁴¹⁶ См.: BRIFFE AUS LITZMANNSTADT, 1967. S. 7–13, 89–96.

⁴¹⁷ См. атрибуцию в: FUCHS, 1972. P. 184–185.

⁴¹⁸ Самая ранняя дата — около 16 сентября 1943 г.

⁴¹⁹ GREIF, 1999. S. 222.

⁴²⁰ Его имя встречается и в транспортном списке.

⁴²¹ Л. Коэн при этом выделяет его, как человека, отличившегося во время восстания в Крематории IV.

⁴²² АРМАВ. D-Mau-3/9/8. Zugänge vom KL Auschwitz. S. 90.

⁴²³ АРМАВ. Syg. Wsp./ Nadjar / 1073.

⁴²⁴ См. соответствующий протокол, подписанный Ф. Пипером 25.10.1984 (АРМАВ. Wsp. / Nadjar Marcel. Bd.135.)

⁴²⁵ Сообщено Н. Гальперин.

⁴²⁶ См. об этом подробнее: Suchoff D. A Yiddish Text from Auschwitz: Critical History and the Anthological Imagination //Prooftexts. 1999. No. 19. P. 59–68. Его издательская и читательская судьба оказалась несравнимо удачливее: летом 1945 г. А. Левит находился в лагере для перемещенных лиц под Штуттгартом. Там он передал свою рукопись каплану Морису Дербовицу. Через посредство профессоров Абрама Йешуа Хешеля и Макса Арцта из Еврейского теологического семинара в Нью-Йорке рукопись попала в JIVO и уже в 1946 г. увидела свет в его «Записках». В 1957 г. И. Гутман включил ее, в переводе на иврит, в книгу «Люди и прах» — антологию материалов об Аушвице и Биркенау (см. библиографию). Но еще до этого — 12 мая 1953 г. — тогдашний министр образования и культуры Израиля Бенцион Динур процитировал Левита в кнессете во время дебатов по поводу установления Дня памяти Катастрофы. Вскоре после этого текст вошел в обязательную программу израильской средней школы. Цитатой из А. Левита открывается новая экспозиция в музее Яд-Вашем.

⁴²⁷ См.: SWIEBOCKI, 1993.

⁴²⁸ См.: SWIEBOCKI, 1993. S. 128–131.

⁴²⁹ См.: SWIEBOCKI, 1993. S. 128–131.

ANUS MUNDI: АУШВИЦ И ПОБЕДИТЕЛИ

Что и когда союзники знали об Аушвице?

1

Англичане, еще в 1940 году раскрывшие радиокод Главного экономического управления СС, знали — или, при желании, могли узнать — всю правду об Аушвице с самого его начала. Начиная с 11 июня 1942 года информация о плановых расстрелах в концлагерях из «совершенно секретной» (*Geheime Reichssache*) была переведена в просто «секретную» (*Geheim*): так что же заменило ее в совершенном качестве? И неужели им не стало интересно понять, для чего вдруг коменданту лагеря Хёссу понадобились в ноябре 1942 года сразу 600 новых противогазов?.. И почему бы им не задуматься над нестыковкой эсэсовской статистики движения «населения» в концлагере Аушвиц с железнодорожной, явно предполагавшей совершенно другие объемы перевозок?..

Тадеуш Хчюк-Цельт (Chciuk-Celt), один из агентов польского правительства, выбросился с парашютом в тылу у немцев еще в декабре 1941 года: в середине июня 1942 года он сообщал о массовых уничтожениях в Аушвице и о наращивании соответствующей инфраструктуры. Другой агент, около года проживший непосредственно в городе Аушвиц, в октябре 1942 года сообщал о 95 тысячах евреев, не зарегистрированных и умерщвленных в местном концлагере (правда, наряду с газовыми, он называл еще и электрические и пневматические камеры)¹.

Еще в 1941 году в Лондоне на английском языке вышла книга Джона Эванса «Нацистский новый порядок в Польше», основанная на материалах лондонского правительства². В январе 1942 года само Польское правительство в изгнании выпустило свою «Черную книгу», озаглавленную «Немецкий новый порядок в Польше», содержащую главу о репрессиях против польских евреев в гетто. Тогда же, в 1942 году, польские подпольщики выпустили книгу Натальи Зарембиной «Лагерь смерти», написанную по канве рассказов узников и касиб из Аушвица³. Десятки свидетельств об Аушвице или из Аушвица, охватывающих события с 1940 по 1944 год увидело свет и в подпольной периодике — от «Информационного бюллетеня» Армии

Крайовой до социалистических «Баррикады свободы» и «Трибуны свободы»⁴.

Первые отдельные сообщения о массовом уничтожении людей в Аушвице стали проникать на волю еще в 1942 году. Так, делегатуры Международного Красного Креста достигла касиба⁵ от польских подпольщиков, датированная 29 августа 1942 года: в ней сообщалось о двух газовых камерах с пропускной способностью до 1200 трупов в сутки и о 300 тыс. человек, уже погибших к этому времени. 24 февраля 1943 года — новая статистика жертв: с момента основания лагеря и по 15 декабря 1942 года — 640 тыс. чел., из них 520 тыс. — евреи. Касиба от 22 сентября 1943 года говорит о 468 тыс. евреев, уничтоженных после сентября 1942 года⁶. Ряд сообщений, датированных 1944 годом, рассказывают о судьбе венгерских евреев, причем впервые сообщаемые цифры близки к реальности: по несколько (вплоть до 13) эшелонов поступают в лагерь ежедневно, в четырех газовых камерах ежедневно гибнут до 10 тыс. чел. В 1944 году венгерская контрразведка перехватила и передала немцам шифровки послов США и Великобритании в Швейцарии о гибели 1,5 млн евреев в Аушвице⁷.

Но и без этого немецкие экзерсисы в Аушвице как таковые не были для союзников тайной. Англия и США узнали о газовых камерах не позднее начала декабря 1942 года из меморандумов о двух миллионах уже убитых евреев, врученных Рузвельту и Черчиллю еврейскими лидерами, после чего воспоследовала опубликованная 18 декабря совместная Декларация правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, Советского Союза, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы — иными словами, о Холокосте⁸. Англичане же, раскрывшие радиокод СС, знали (или могли знать) об этом еще раньше⁹. Первая разведывательная аэрофотосъемка этой местности была сделана ВВС США еще 4 апреля 1944 года. Но оперативный интерес для воздушного флота при этом представляли не крематории в Биркенау, а завод IG Farbenindustrie в Моновице¹⁰.

Польское подполье докладывало в Лондон и напрямую — по радио и курьерами: 15 ноября 1942 года — о массовых газациях в Аушвице советских военнопленных и евреев, 23 марта 1943 года — о готовящемся здесь открытии новых крематориев с пропускной способностью до 3000 трупов в день, 18 мая 1943 года — новая статистика о 640 тыс. жертв Аушвица, из них 26 тыс. советских военнопленных, 65 тыс. поляков и 540 тыс. евреев¹¹. Тогда же, в мае, пришел отчет и о Трешлине, называвшейся крупнейшим центром уничтожения евреев. А в январе 1944 года в Лондон прорвалась некая Ванда с практически теми же цифрами — 645 тыс. жертв¹².

12 декабря 1942 года глава Польского правительства в изгнании генерал Сикорский обратился к правительству США с письмом, в котором обращал внимание на страдания польских евреев под немецкой оккупацией. В тот же день Шмуль Цигенбойм, член Национального совета евреев в Британии, выступил по ВВС и огласил некоторые сведения, полученные из рук Яна Карского от Варшавского Бунда. Он обратился к ООН с требованием спасти еще не погибших евреев. Вместе с 11 другими странами-союзниками по антигитлеровской коалиции Польша подписала 17 декабря «Совместную декларацию», посвященную оккупационной политике Рейха¹³.

Приходится констатировать известные потери и деформацию информации на ее пути наверх, к адресатам.

Польское подполье — главный поставщик сведений — не гнушалось прорезать и процеживать первичную информацию, которой располагало. Это наводило адресатов иной раз на весьма странные идеи. Так, в августе 1943 года, то есть тогда, когда ямы у двух идиллических сельских домиков-газовен хуторка Биркенау не гасли уже около полутора лет, правительство Сикорского, не моргнув, обратилось к англичанам с предложением бомбить не Биркенау, а Аушвиц, дабы создать там условия для массового побега польских узников из лагеря.

Наверное, самым известным контрабандистом сведений о том, что происходит в бывшей Польше с евреями, был Ян Карный — человек, лично удостоверившийся в том, что и как происходило с евреями в Варшавском гетто и в Белжецком лагере и в чьем курьерском багаже было немало документов и из Аушвица и об Аушвице. Человек, которому Сикорский и его люди не верили или не хотели верить ни в Париже, ни в Лондоне, демонстрируя в его адрес примерно тот же настрой, что и польское подполье в Аушвице-I по отношению к еврейскому в Биркенау.

Не менее важным источником информации стали беглецы из Аушвица, по крайней мере, те из них, чьи письменные «отчеты» достигли нужных глаз и ушей. Их было немного — в сущности, пятеро. Самый первый из них — бывший польский майор Ежи Веселовский (по кличке Ежи Табо), бежавший вместе с Романом Целишко из Биркенау 19 ноября 1943 года: из Закопане, куда они добрались, Табо переехал в Краков, где в декабре и сел за свои записки, ныне известные как «Отчет польского майора». По секретным каналам отчет был передан в Швейцарию, в Берн, где с ним ознакомились и дипломаты, и представители еврейских кругов¹⁴. Отчет этот весьма подробен и достоверен: он содержит описание технологии массового уничтожения и даже оценку числа жертв — около 1,5 млн человек. Вскользь, буквально одной фразой сообщалось и о еврейской зондеркомmando¹⁵.

Остальные четверо — евреи, две пары беглецов: Ветцлер и Врба и Мордович и Росин¹⁶. Первые двое 25 апреля 1944 года добравшиеся до Жилины в Словакии в тот же день встретились с Оскаром Нойманом, Оскаром Краснянским и Э. Штейнером — представителями местной еврейской общины и Словацкого еврейского совета. Беглецы особенно подчеркивали ту опасность, которая столь грозно нависла над венгерскими евреями. Было решено, что свой рассказ они зафиксируют на бумаге, что и было сделано в течение последовавших двух дней. Отчет был снабжен предисловием О. Краснянского и переведен на немецкий: отпечатанный на машинке, он составил 60 страниц. К нему были приложены чертеж одного из крематориев, сделанный советским военнопленным по имени Василий, и этикетка от газа Циклон Б, которую им передал Ф. Мюллер из зондеркоммандо. Еще в апреле отчет был получен Рудольфом Кастнером, председателем Венгерского Еврейского совета в Будапеште, но Кастнер, весь занятый спасением одной только еврейской элиты, положил его под сукно! В начале мая отчет получили братиславский раббин Мишель Дов Виссмандель, около 10 июня переправивший его в Швейцарию, и монсиньор Джузеппе Бурцио в Братиславе, представитель Ватикана в Словакии, в свою очередь переправивший его в Ватикан 22 мая. Сами Ветцлер и Врба жили после этого некоторое время в надежном месте в предгорьях Татр (Липтовски Святы Микулаш)¹⁷.

Другая пара — Чеслав Мордович и Альфред Розин. Их отчет представляет собой изложение событий в Биркенау, последовавших непосредственно за побегом Ветцлера и Врбы. Упоминается в нем и зондеркоммандо, состав которой, как пишут авторы, был увеличен до 800 человек за счет венгерских евреев из самых первых транспортов¹⁸. Во второй половине июня в Братиславе состоялась встреча Врбы и Мордовича с монсиньором Мортилоччи в монастыре Св. Юра под Братиславой.

Что же дальше происходило с этими свидетельствами¹⁹?

Все три отчета достигли Швейцарии не позднее начала июня 1944 года. Д-р Яромир Копецкий, постоянный представитель Чехословацкой Республики в Лиге Наций, разослал их копии или извлечения из них во все западные столицы, в том числе и своему лондонскому правительству, а также еврейским организациям и в Красный Крест. 14 июня телеграммой, подписанной вместе с представителем Чехословакии во Всемирном еврейском конгрессе д-ром Герхартом Ригнером, он информировал Лондон и, еще позднее, Вашингтон²⁰.

Уже 15 июня этот отчет в эфире «процитировала» ВВС, дав четкую информацию об убийстве 7 марта в Аушвице четырех тысяч терезинских евреев и о намерении уничтожить в ближайшее время остающиеся три тысячи²¹. В середине июня — кружным путем — че-

рез сальвадорского посла и английского журналиста Вальера Гаррета — сведения из отчета просочились и в швейцарскую прессу. В общей сложности было опубликовано около 400 заметок и статей, посвященных Аушвицу. Значительно позже — в ноябре 1944 года — все три отчета были выпущены в Вашингтоне отдельной брошюрой «Немецкие лагеря уничтожения — Аушвиц и Биркенау»²².

Предание гласности основных фактов об Аушвице и о судьбе венгерских евреев избавило от сдержанности и представителей официальных кругов. На адмирала Хорти, правителя Венгрии, обрушился вал требований спасти венгерских евреев: с этим к нему обратились папа Пий XII, Красный Крест, шведский король Густав V Адольф и правительства других нейтральных стран. Президент США Ф. Рузвельт попросту пригрозил Венгрии тем, что ее судьба будет иной, нежели у других стран, если Венгрия не остановит депортации: и, после массовой бомбардировки Будапешта 2 июля, депортации действительно были приостановлены 6 июля 1944 года²³.

Совершенно иной — прямо противоположной — была позиция союзников, когда они сами становились адресатами официальных и обоснованных просьб со стороны еврейских и некоторых других организаций. Просьбы эти касались главным образом бомбардировки Биркенау и подъездных путей к рампе. Адресатами выступали американские и британские военные. Так, Американский комитет по делам беженцев под председательством Джона Пеле неоднократно обращался с этим в Министерство обороны и к самому Рузвельту²⁴. Результат был всегда один и тот же: отказ, завернутый в фантик равнодушной вежливости и псевдопрагматизма. В основе лежали меморандум начала 1944 года и негласное правило — не бомбить невоенные объекты: правило, из которого, однако, делалось слишком много исключений (например, Дрезден, Хиросима, Нагасаки), чтобы на нем настаивать. Под псевдопрагматизмом я разумею ответы типа: наши ресурсы ограничены, и мы должны потратить их с максимальным толком. Кроме того, бомбежка только навредит узникам. Поэтому лучшее средство против Холокоста — это скорейшая победа над врагом!

Иными словами, евреи, жертвы массового и целенаправленного уничтожения, и тут — и как бы еще раз — приносились в жертву!

Примерно то же самое — и в Лондоне. 6 июля 1944 года, во время встречи с министром иностранных дел Энтони Иденом, представители Всемирного совета евреев Хайм Вейцман и Моше Черток просили о бомбардировке железных дорог на всем протяжении от Будапешта до Аушвица и крематориев в Аушвице. Назавтра Иден направил соответствующий запрос министру военно-воздушных сил Великобритании Арчибальду Синклеру и получил от него 15 июля довольно противоречивый, хотя и очень что-то напоминающий, ответ. Бомбар-

дировка практически невозможна, она принесет узникам только вред, а если это делать — то лучше всего попросить об этом американцев²⁵.

Что ж, была предпринята, как мы уже знаем²⁶, и эта попытка. 9 августа Арьех Леон Кубовицкий, руководитель Отдела по спасению евреев Мирового еврейского конгресса переадресовал заместителю секретаря Министерства обороны США Джону Мак-Клою сообщение Эрнеста Фришера из Чехословацкого Государственного совета: *«Я уверен, что разрушение газовых камер и крематориев в Освенциме посредством бомбардировки возымело бы сейчас серьезный эффект. Немцы в настоящее время эксгумируют и сжигают трупы в попытке скрыть следы своих преступлений. Это может быть предотвращено разрушением крематориев, после чего немцам, возможно, придется прекратить массовые уничтожения, особенно учитывая то, как мало времени у них осталось. Бомбардировка железнодорожных коммуникаций в этом же районе может иметь значение и в сугубо военном отношении»*.

Итак, бомбардировка цехов фабрики смерти, по убеждению авторов запроса, смогла бы пресечь или до крайности затруднить дальнейшие акции по уничтожению евреев.

В своем ответе от 14 августа Мак-Клой писал об имевших место консультациях с Комитетом по делам беженцев войны по вопросу о практичности этих предложений. Анализ показал, что такая операция потребует мобилизации самых различных ресурсов и их отвлечения от других оперативных задач. И все это — при столь большом сомнении относительно эффективности их использования, что в этом случае не стоит и рисковать! Закругляя отписку, он не постеснялся подобрать следующие слова: *«Относительно эффекта от предлагаемых мер в случае, если бы они даже были осуществлены, сложилось общее мнение, что они способны спровоцировать карательные акции со стороны немцев в еще большей степени. Министерство обороны полностью разделяет гуманитарные мотивы, лежащие в основе Вашего предложения, но по вышеизложенным причинам такая операция не будет или не может быть произведена, по крайней мере в настоящее время»*²⁷.

Лукавый цинизм этого ответа становится особенно очевидным, если вспомнить, что уже 20 августа американцы отбомбились именно в этом районе: их целью, однако, были не цеха фабрики смерти в Биркенау и даже не подъездные пути к ним, а фабричные корпуса в Моновице, расположенном всего в 5 км от Биркенау!..²⁸

Помимо отчетов беглецов весьма аутентичными сведениями и материалами их периодически снабжало по радио польское подполье. Так, 21 марта 1944 года состоялась знаменитая передача BBC (а так-

же польской радиостанции «Свит» из Лондона) с публикацией списка палачей и объявлением им смертного приговора²⁹. 10 октября в эфир вышла и передача о так называемом Плане Молля — предложении о бомбардировке Аушвица и Биркенау с воздуха немецкими самолетами³⁰.

Немаловажным источником информации об Аушвице и о Холокосте были и допросы немецких военнопленных, число которых в британском и американском плену особенно резко возросло за лето 1943 года³¹.

Как видим, информация о том, что происходило внутри и вокруг крематориев в Биркенау, у союзников имелась и была весьма достоверной и точной³².

2

Впервые Аушвиц — еще не окликнутый по имени! — попал на хорошо цензурируемые страницы советской печати еще 30 июля 1942 года. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) сообщило об экспериментальном отравлении газами 5 сентября 1941 года 1000 узников неназванного концлагеря под Тарнувом³³, но ведь именно такой эксперимент — практически день в день — был проделан над советскими военнопленными в подвале аушвицкого «Бункера»!

Первое печатное упоминание Аушвица под своим именем в СССР датируется 10 марта 1943 года, когда газета «Труд», вслед за сообщением в Англии и США, поместила заметку об Аушвице, упомянув и его «шесть печей», но не упомянув еврейскую адресность этих печей³⁴. 3 апреля тот же «Труд», сказав о трех миллионах жертв в этом лагере, из них несколько десятках тысяч — поляки, как бы намекнул этой разницей на евреев³⁵. Впрямую в связи с Аушвицем евреи были названы только 14 апреля 1943 года, когда, со ссылкой на агентство Рейтер, одновременно «Правда» и «Труд» сообщили о начале ликвидации еврейского гетто в Кракове: эшелоны увозили людей в Аушвиц, где их убивали газами или электричеством³⁶. Следующее упоминание Аушвица и, более глухо, еврейской трагедии отмечено К. Берковым только 27 октября, то есть спустя полтора года³⁷! Но уже 29 ноября «Правда» и другие советские газеты публикуют совершенно недвусмысленные выдержки из отчета Управления по делам беженцев в США, где, в частности, говорится о четырех крематориях и газовнях в Биркенау с общей пропускной способностью 6000 трупов в сутки и о примерно 1,7 млн евреев, убитых таким образом на протяжении последних двух лет³⁸.

Но помимо сведений, поступающих от союзников или циркулировавших в подцензурных газетах, СССР располагал и некоторыми иными, собственными, источниками информации. Так, 4-е Управле-

ние НКВД Украины докладывало руководству НКВД показания о концлагере Освенцим граждан СССР А. С. Пяцько и В. Я. Пегова, бежавших непосредственно из него в ноябре 1943 года³⁹.

16 марта 1944 года немецкий перебежчик Генрих Анис, сдавшийся в расположении 50-й армии, дал показания об Аушвице как о лагере уничтожения. Сам Г. Анис прослужил в лагере около 3 недель, после чего был отправлен на фронт. В допросе, снятом зам. начальника разведотдела штаба армии подполковником Блиновым, он сообщил абсолютно достоверные сведения о том, что происходило в этом чудовищном лагере, вплоть до ужасного запаха сжигавшихся трупов⁴⁰.

Весьма полные и достоверные данные о гитлеровских концлагерях вообще и чуть ли не о каждом из них в отдельности были получены при освобождении 3 июля 1944 года войсками 2-й Танковой армии 1-го Белорусского фронта Майданека, а также при освобождении таких концлагерей и пунктов уничтожения людей, как Треблинка, Собибор и Белжец. Захваченные в них документы и показания чинов администрации, узников и местных жителей дали возможность советским органам иметь необходимые данные о немецких концлагерях, об их сути, способах действий и применяемых средствах. На их основании в августе 1944 года НКВД Украины представил специальный обобщенный доклад о сведениях, добытых партизанами о концлагере Аушвиц⁴¹.

29 сентября 1944 года заместитель наркома внутренних дел комиссар ГБ 2-го ранга Круглов написал зам. министру иностранных дел А. Я. Вышинскому: *«По вопросу о немецком концентрационном лагере в Освенциме и массовом уничтожении в нем заключенных нами выявлены и допрошены военнопленные, знающие о существовании этого лагеря. По показаниям военнопленных, концлагерь в Освенциме организован немцами в 1940 году в зданиях, где ранее находились военные казармы. Лагерь расположен в 1,5 км южнее Освенцима (южнее Каттовиц). Вначале немцы сосредоточили в лагере евреев. В 1941–43 гг. в лагерь свозились в большом количестве русские, поляки, французы, голландцы. Лагерь вмещает до 40 тысяч человек и немцы систематически его заполняют взамен истребленных, доставляя заключенных в специальных эшелонах.*

Показания военнопленных о массовом уничтожении немцами заключенных, пытках, избиениях и т.п. характеризуют лагерь в Освенциме так же, как и “Майданек”.

До 1943 г. трупы убитых немцы сжигали в 2 специально для этого оборудованных печах. В 1943 году печей было уже 8. Таким образом истребление людей приняло в лагере массовый характер. Режим лагеря военнопленные, со слов своих знакомых и близких, характеризуют точно так же, какой существовал в “Майданеке”. Как утверждают

пленные, немцы уже уничтожили в этом лагере несколько сотен тысяч заключенных. От всех опрошенных военнопленных получены собственноручные заявления, копии которых и схема расположения лагеря в Освенциме — прилагаются.

Дальнейшая проверка военнопленных для выявления очевидцев зверств немцев в лагере Освенцим продолжается»⁴².

К письму были приложены выжимки или цитаты из показаний нескольких немецких военнопленных. Получив письмо, Вышинский начертил председателю ЧГК: «Тов. Шверник Н. М. Не стоило бы на основ[ании] этих материалов составить и опубликовать сообщение об этом месте Освенцим?»

Но ни осенью 44-го года, ни зимой 45-го такой отчет не был опубликован. Лишь 8 мая 1945 года — за считанные часы до немецкой капитуляции и спустя 3,5 месяца после освобождения Аушвица, «Красная звезда» напечатала сообщение ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме». Спустя еще месяц⁴³ это сообщение было размножено 50-тысячным тиражом в виде отдельной 34-страничной брошюры, выдержавшей еще одно издание в том же году⁴⁴.

Тем удивительнее, на первый взгляд, вывод Л. А. Безыменского: «...Войска 1-го Украинского фронта, как это вытекает из архивов штаба фронта и 60-й армии, перед началом Висло-Одерской операции в январе 1945 года не имели сколько-нибудь определенных данных об Освенциме и получили их лишь в ходе боев»⁴⁵.

Но удивление сходит, и начинаешь понимать: информация о таком необычном месте как Аушвиц, которыми уже располагала Ставка к началу Висло-Одерской операции, так и осталась под штабным сукном. Для проведения операций она показалась настолько ничтожной, что ее даже не сообщили фронту — хотя бы для принятия к сведению.

Освобождение Аушвица: еврейская катастрофа — без евреев!

«Евреи уничтожены полностью...»⁴⁶

К осени 1944 года, то есть к началу Висло-Одерской операции, в ходе которой был освобожден и Аушвиц, в Ставке в Москве имелись весьма достоверные и точные данные об Аушвице как о «фабрике смерти», причем смерти именно евреев⁴⁷. Таким образом и командование 1-го Украинского фронта, и 60-й армии, несомненно, могли бы

знать о существовании и о специфике концлагеря Освенцим, если бы этого захотела Москва.

Однако никаких мероприятий по заблаговременной подготовке к его освобождению никем не намечалось и не проводилось. Ни при подготовке войск к Висло-Одерской операции, ни в ее ходе до дня освобождения концлагеря не только общевойсковая «Красная звезда», но и фронтовые многотиражки — «За честь Родины» 1-го Украинского фронта, «Армейская правда» 60-й армии или «За Родину» 107-й стрелковой дивизии — ни словом не обмолвились о гитлеровских лагерях уничтожения, в том числе и об Освенциме.

О том, что даже командование 1-го Украинского фронта не имело данных о концлагере Освенцим до момента его освобождения, косвенно свидетельствует И. Конев в своих мемуарах: *«К 27 января фронт добился новых успехов: 21-я и 59-я армии ведут бой за Катовице, а 60-я армия овладела Освенцимом... Первые сведения о том, что представлял этот лагерь смерти, мне уже были доложены»*.

Остается предположить, что никакой ориентирующей информации по поводу «этого места» Главпура даже командующему фронтом не посылал.

Ведь если бы маршал Конев, его штаб и командование 60-й армии знали, что Освенцим — не просто польский городок районного масштаба, не представляющий собой какого-либо военного или экономического значения, а база самого чудовищного гитлеровского концлагеря, то как-то по-другому был бы составлен план Висло-Одерской операции⁴⁸.

Кстати, применительно к Майданеку анализ Петренко столкнулся с точно таким же «небрежением», как и в случае Аушвица. Сведения о Майданеке у Сталина были, но он ими «не грузил» командование 1-го Белорусского фронта, занятое в июле–августе 1944 года подготовкой и ведением операции «Багратион»⁴⁹.

2. Круг на карте: Висло-Одерская операция

Еще в ноябре 1944 года командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев докладывал план Висло-Одерской операции в Ставке. Очень внимательно все выслушав и обстоятельно изучив план, Сталин обвел пальцем на карте Верхнюю Силезию и только что и молвил сакраментально: «Золото!» Конев, конечно же, прекрасно все понял: освобождать Домбровско-Силезский промышленный район надо по-особому — так, чтобы максимально сохранить его уникальный промышленный потенциал.

Отдадим должное генералу Петренко. Пусть и задним числом, но он тоже понял генералиссимуса и упрекнул его за то, что тот, зная

об Аушвице и его прелестях, не обвел на карте вокруг него никакого круга и ничего другого сакраментального, — например: «Ужас!» — не произнес⁵⁰. Тогда бы Конев взял под козырек и со всей тщательностью и упорством перестроил бы свой план так, чтобы в первую очередь взять в клещи именно Аушвиц и упредить тем самым эвакуацию лагеря, начавшуюся еще в сентябре 1944 года и увенчавшуюся «маршами смерти» в январе 1945 года⁵¹.

Анализ директивы Ставки № 5614, полученной Коневым вечером 17 января 1945, как и анализ его, Конева, собственной директивы войскам фронта, отданной в 1 час 45 минут 18 января (к слову сказать — в день вывода большинства лагерного населения Аушвица на марш смерти!) и подписанной, в том числе и К. В. Крайнюковым — опытейшим политработником и членом Военного совета фронта, заставили В. Петренко пересмотреть свою собственную и искреннюю позицию, которую он как советский освободитель Освенцима много раз отстаивал в ряде послевоенных дискуссий. А именно: наша доблестная Красная армия, не щадя сил и ресурсов, рвалась на Запад и освободила Освенцимский лагерь смерти ровно настолько рано, насколько это было возможно.

Собрав и переосмыслив факты, он встал практически на сторону своих оппонентов: да, фактическое промедление с освобождением лагеря смерти имело место, да, оно шло с самого верха. Если бы директива № 5614 была выполнена буквально, то освобождение состоялось бы не раньше 2–3 февраля, и в таком случае бойцы 28-го корпуса, по мнению В. Петренко, *«увидели бы там только груды развалин, огромное, уже остывшее, пепелище и ни одного живого узника»*⁵². Этого не произошло только благодаря тому, что маршал Конев взял инициативу на себя и отошел от указаний Ставки: 23 января он развернул 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко, чье наступление в лоб на Одер захлебнулось, и пустил ее вдоль Одера с севера на юг, создав отчетливую угрозу окружением мощной верхнесилезской группировке противника. Немцы это тотчас же поняли и сняли с угрожаемых позиций сразу три стрелковые дивизии, что, собственно, резко облегчило и ускорило выполнение 60-й армией ее тактических задач. В результате, перегруппировавшись, 24 января она перешла в наступление, при этом 106-му стрелковому корпусу в составе 100-й, 148-й и 107-й стрелковых дивизий было приказано захватить Освенцим и Нейберун. Применительно к Освенциму это произошло 27 января, то есть дней на 7–8 раньше намечаемого, согласно директивам, срока — и, может быть, дней на 4–5 позже вероятного срока в том случае, если бы директивы были другими.

В то же время не правы и те, кто утверждал, что замедление темпов наступления накануне Висло-Одерской операции было намерен-

ным — ради того только, чтобы дать немцам возможность уничтожить в Аушвице как можно больше евреев. Такого дьявольского плана у Сталина, при всем его коварстве, не было. Все дело было именно в расстановке им сакраментальных акцентов и в вытекающей из них той самой пресловутой «попутности». Генералиссимусом двигал не антисемитизм, а стратегическая жадность: захватить как можно больше и как можно более целых индустриальных трофеев — вот чего он хотел в Силезии. А на то, что происходило с евреями где-то внутри начертанного им лакомого круга, ему было, по большому счету, наплевать.

3. Освобождение Аушвица и Биркенау — евреев нет

Освобождение Аушвица войсками Красной армии было лишь крохотной частью Висло-Одерской операции, проведенной с 12 января по 3 февраля 1945 года. Как точно и не без горечи отмечал один из освободителей лагеря — Василий Яковлевич Петренко⁵³, командир 107-й стрелковой дивизии, специальная задача освободить именно концлагерь Аушвиц-Биркенау перед 1-м Украинским фронтом никогда и никем не ставилась.

Эта задача решалась и была решена левым крылом фронта и, в частности, 60-й армией под командованием генерала П. А. Курочкина попутно, по ходу охвата Верхней Силезии с юго-востока и занятия важных опорных пунктов обороны немцев на Висле — Хшанува, Нейберуна и Аушвица (Освенцима)⁵⁴.

Первыми войскам этой армии стали попадаться восточные филиалы концлагеря. Так, 24–25 января войсками 106-го стрелкового корпуса⁵⁵, в частности, 100-й и 322-й⁵⁶ дивизиями, были освобождены сразу два филиала аушвицкого концлагеря — Моновиц⁵⁷ и Зарац, после чего, собственно, комкор и поставил перед 14-й и 107-й стрелковыми дивизиями задачу захватить Нейберун и, не останавливаясь, наступать на Аушвиц.

В эти же дни возле Биркенау немцы оказали особенно ожесточенное сопротивление, а между 23 и 25 января — правда, силами всего лишь одного полка, — даже пытались перейти в контрнаступление⁵⁸.

В одной из докладных записок начальника политотдела 60-й армии генерал-майора Гришаева начальнику политуправления Первого Украинского фронта генерал-майору Яшечкину, написанной 26 января 1945 года, читаем: *«На станции Лебионж юго-западнее Хшанува нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них — 30 евреев, остальные — венгры, французы, чехи, поляки и русские — все, кто успел укрыться на угольных шахтах,*

где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.

Один из них, еврей Левер, рассказал, что до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч евреев из многих стран Европы. Их свозили сюда непрерывно в течение четырех лет. Все, кто не мог работать, — женщины, старики, дети, больные — отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там их раздевали, потом в специальных камерах убивали газами, а трупы сжигали в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Левер считает, что число жертв-евреев составляло примерно 400 000 человек. В последние два года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150–200 граммов хлеба. От непосильного труда и голода люди обессиливали и умирали. Три раза в неделю врач осматривал заключенных, и неспособных к труду отправляли в газовые камеры. <...>. В декабре 1944 печи были немцами взорваны»⁵⁹.

Еще один филиал Аушвица — Явожно — был освобожден 286-й стрелковой дивизией 59-й армии не позднее 25 января. Этим днем датирован акт о его обнаружении, подписанный старшим инструктором по оргпарработе капитаном Курбатовым, старшим инструктором по работе среди войск и населения противника гвардии старшим лейтенантом Оруджевым и жителем города Явожно Станиславом Ярошевским. Этот акт содержит данные об этом лагере, записанные со слов освобожденных советских военнопленных, а также «венгров, французов, чехословаков, поляков и евреев западных стран». При этом сам освобожденный лагерь, организованный только в 1942 году и являвшийся отделением концлагеря Аушвиц, ошибочно поименован здесь как «Аусшвайц». Он был рассчитан на 3–4 тыс. заключенных, при этом на его территории или в подвалах было обнаружено свыше 200 трупов убитых или умерших от голода и около 350 человек оставшихся в живых, сумевших так или иначе укрыться от эвакуации, так как большинство его узников было угнано вглубь Германии⁶⁰.

На основании этого акта начальник политотдела 286-й дивизии подполковник А. Лушников направил 28 января члену Военного совета и начальнику политотдела 59-й армии, а также начальнику политотдела 115 стрелкового корпуса политдонесение, в котором писал: «При освобождении города ЯВОЖНО на шоссеиной дороге, ведущей на ДОМБРОВА, был обнаружен немецкий концентрационный лагерь, в котором фашисты содержали военнопленных русских, французов, чехословаков, евреев. Установлено, что лагерь этот организован в

1942 году и в нем периодически содержалось от 3 до 4 тысяч заключенных. При отступлении немцы лагерь эвакуировали, в нем было оставлено около 300 человек больных, которые в период боя разбежались, а затем перешли в освобожденные села. При осмотре в подвалах зданий и на территории было обнаружено большое количество трупов. Мною создана комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, которая в результате своей работы составила акт, который я Вам высылал раньше»⁶¹.

Около 3 часов дня 27 января 100-я стрелковая дивизия генерала Ф. М. Красавина⁶² освободила Аушвиц и Биркенау⁶³. Одним из первых и в город, и в лагерь ворвался штурмовой отряд 106-го стрелкового корпуса под командованием майора Анатолия Шапиро⁶⁴. Это его отряд разминировал подступы к лагерю, после чего майор Шапиро лично открыл ворота лагеря Аушвица-I и участвовал в подавлении сопротивления СС⁶⁵.

В этот день Совинформбюро сообщило: «Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта, продолжая наступление, 27 января овладели городами СОСНОВЕЦ, БЕНДЗИН, ДОМБРОВА ГУРНЕ, ЧЕЛЯДЗЬ и МЫСЛОВИЦЕ — крупными центрами Домбровского угольного района, а также с боями заняли на территории Польши города КОБЫЛИН, БОЯНОВО, ОСВЕНЦИМ и на территории Германии города ВОЛАУ, ДИХЕРНФУРТ, ОБЕРНИГК»⁶⁶.

Из аушвицких лагерей это было справедливо и для самого Аушвица-I. Но лагерь Биркенау был освобожден только назавтра, 28 января, — 107-й стрелковой дивизией под командованием полковника В. Я. Петренко, который накануне уже успел побывать «с экскурсией» у Красавина в Аушвице-I.

Тогда же и, по-видимому, там же, в Аушвице-I, был составлен и следующий акт⁶⁷:

АКТ

1945 года 27 января

Мы, нижеподписавшиеся майор ЧЕЛЯДИН Иван Петрович, капитан ТОМОВ Ф. П., ст. сержант РОССОЛОВ Георгий Петрович, ефрейтор ВАСИЛЕНКО Андрей Юрьевич, врач лагеря (из заключенных) АУШВИЦ ШТЕЙНБЕРГ Самуил Юльевич, врач ГОРДОН Яков Абрамович, врач ВОЛЬМА Яков Абрамович, доцент медицинских наук КАПУСТИНСКИЙ Станислав Ансельмович, профессор ЭПШТЕЙН Бергольд Вильгельмович (чехословак из Праги), учетчик лагеря ФОЛЬКЕНШТЕЙН Гуго Иосифович, составили настоящий акт о чудовищных зверствах немецко-фашистских извергов в концентрационном лагере Аушвиц, расположенном 57 км западнее города Кракова. Концентра-

ционный лагерь Аушвиц создан 15 июня 1940 года. На протяжении существования лагеря уничтожено от 4,5 до 5 миллионов человек. В большинстве уничтожались евреи всех оккупированных стран, русские военнопленные и угнанные на работу в Германию поляки, чехословаки, французы, бельгийцы, голландцы, цыгане и др. В лагерь привозились люди под видом использования на сельскохозяйственных работах, но по прибытии эшелонов людей сформировывали, молодых мужчин, физически здоровых, а также и женщин (совершенно ничтожное количество) посылали на работу, всех остальных мужчин, женщин и детей грузили на автомашины и везли их сразу на уничтожение в специально созданных подвалах, загоняя туда людей под предлогом санобработки, для чего раздевали, герметически закупоривали подвалы, которых было в лагере 5, вместимостью 2000–3000 чел. каждый, выкачивали воздух, а потом бросали через специальное отверстие в потолке газовые бомбы, начиненные синильной кислотой, от которой находившиеся люди в подвале через несколько минут погибали. После этого погибших сжигали в крематориях, коих было также пять, пропускной мощностью 2500–3000 чел. в сутки каждый, причем, не успевая сжигать в крематориях, фашистские звери производили сжигание в специально вырытых канавах, детей же бросали живыми в ров или в печь и сжигали. Те же люди, которые оставались в лагере при поступлении в таковой на руке у каждого татуировался очередной номер, таких номеров было за все время существования лагеря 253 700 мужчин и около 70 000 женщин. Но и те, которые оставались на работах, подвергались своеобразным изысканиям средств быстрого уничтожения. Во-первых, уничтожались путем голода, путем непосильной человеческой работы, разных методов пыток; лишения воды, избияния палками, прикладами, лопатой и т.п., бытовые условия были поставлены так, чтобы человек погиб — завшивленность, недоставание воды для мытья посуды, что приводило к эпидемическим заболеваниям (сыпной и брюшной тиф и дизентерия). Однако заболевших не лечили, а отбирали и уничтожали газом, впрыскиванием карболовой кислоты в сердце и физическим удушением. Кроме того, в лагере расстреливали, особенно в 11 блоке — политических заключенных, в большинстве поляков. В лагере также существовала своеобразная лаборатория опытов по стерилизации, кастрации, преследуя своей основной цели лишения славянского и вообще побежденных народов давать потомство. Кроме того, проводились опыты действия медикаментов, определения их смертельной дозы. Из числа 2 537 000 мужчин и 70 000 женщин, которые работали на разных работах, оставались в живых 27.1.45 48 342 заключенных мужчин, 16 403 женщины. В лагере находилось 16 000 военнопленных русских — осталось всего лишь 96 чел. живых. Характерно то, что к

пленным применялись особенно изысканные фашистские жестокие средства уничтожения, пыток. В первую очередь уничтожались офицерский состав и имеющие специальность учителя, врача, журналиста, инженера и другие. А всего на день вступления Красной армии в лагере осталось 4800 человек больных и частично работавших в лагере заключенных и обслуживающий персонал — остались только благодаря тому, что немецко-фашистские захватчики в связи со стремительным наступлением Красной армии не успели вывезти, а также уничтожить.

[Подписи:]

*n/n Майор — Челябин И. П.
Капитан — Томов Ф. И.
Ст сержант — Россолов Г. П.
Ефрейтор — Василенко
Врач лагеря — Штейнберг С. Ю.
Врач Гордон Я. А.
Врач Вольма Я. А.
Доцент мед. наук Капустинский С. А.
Профессор Эпштейн Б. В.
Учетчик лагеря Фолькенштейн Г. И.*

Позднейшее обобщение показало, что в момент освобождения на территории концлагеря и его филиалов было обнаружено около 650 трупов узников, в основном, женщин, или умерших от истощения, или расстрелянных эсэсовцами перед уходом. Дожили же до освобождения около 9 тыс. человек, из них 7 тыс. — в трех главных лагерях — Моновице, Биркенау и Аушвице⁶⁸.

А вот как то же самое выглядело глазами первого советского коменданта Аушвица-Освенцима Григория Давидовича Елисаветинского. Спустя неделю, 4 февраля, он описал жене то, с чем столкнулся:

«Моя Любушка, Ненуся!

Вот уже три дня как я тебе опять не мог написать. Но на этот раз причины необычные. Мало того, что мы в движении, так то, что я пережил за последние три дня не поддается никакому описанию. За три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, этого нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого устроено 9 лагерей, в которых в среднем 60–80 тыс. народа со всех сторон мира. Но туда достаточно зайти, не только там быть, и увидеть этих людей, чтобы лишиться рассудка. Здесь было четыре печи (крематории), в которых ежедневно сжигали по 15–25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать

людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек. Людей привозили сюда якобы для санобработки, раздевали и вводили в такие подвалы, расположенные над печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 чел., закрывалась дверь и туда пускали газы. Через 10–15 мин. умерщвленных людей подавали на верх, где и сжигали в печах. При этом эти изверги рода человеческого заставляли сжигать свои жертвы из числа обреченных на смерть. Больше того — отца заставляли сжигать своих детей; сына — родителей, а потом и самих исполнителей сжигали. Еще сейчас там картина потрясающая. Везде валяются столько трупов, что я тебе передать не могу. Входил в барак, где лежит в ряд 400 живых трупов. Эти люди лежат несколько дней, и никто к ним даже не входил. Никто им не давал ни есть, ни пить, и они лежали и ждали своей мучительной кончины. Можешь себе представить какой вой они поднимали, увидев живых людей, в которых они сразу почувствовали своих спасителей. Сейчас развернут там госпиталь (наш), куда уже свезли 4000 чел., но это только капля в море. А если бы ты видела, что делалось с людьми, когда они увидели хлеб, они ноги целовали, они выли (буквально выли, а не плакали), как безумные. В лагере имеется детский барак. Когда мы зашли туда, мои нервы больше не выдержали, у меня сперло дыхание и слезы меня начали душить. Туда свели еврейских детей разных возрастов (близнецов). На них, как на кроликах, производили какие-то эксперименты. Я видел парня лет 14, которому с какой-то «научной» целью впрыснули в вену керосин. Потом у него вырезали кусок тела и послали в Берлин в лабораторию, ему же вставили другой кусок тела. Сейчас он лежит в госпитале весь в глубоких гниющих язвах и ничего с ним сделать нельзя. По лагерю ходит красавица-девушка, молодая, но умалишенная. Я вообще поражаюсь как эти люди, которых мы видели, не сошли с ума все. Да, если до сих пор мы освободили лагерь смерти, то Освенцим можно по праву назвать «Город поголовного массового истребления неповинного народа». До 15 миллионов чел. они здесь истребили.

Ненуся, родиночная моя! Может я не должен был тебе писать этого, но поверь, я не могу не поделиться с тобой. Четвертый день, как не ем, спать не могу. Я даже смеяться перестал. Я серьезно заболел. Как жаль, что я не обладаю даром слова и не владею пером. А то бы я все то, что видел, описал бы в печать, чтобы все читали, чтобы все знали, что такое немец, ибо до сих пор мы еще, оказывается, по-настоящему не изучили этих двуногих зверей. Теперь я только убедился, как бледно описывают в печати наши репортеры все ужасы и кошмары, чинимые немецкими зверями. Ведь если описать простыми словами то, что я видел, так люди бы, читая, рыдали»⁶⁹.

Обратите внимание на то, что узники лагеря смерти и их освободители пользуются еще немецкими топонимами (Аушвиц, Биркенау), а советский комендант — уже польскими! Отныне на польские — Освенцим и Бжезинка — предстояло переучиваться всем!

28 января Гришаев докладывал Ящечкину, что в Освенциме и его филиалах осталась несколько тысяч узников из всех стран Европы: *«Все крайне истощены, плачут, благодарят Красную армию. Люди — многих национальностей, но евреев не встречал. Узники говорят, что все они были уничтожены <...> Картина страшная по своей трагичности»*⁷⁰.

С каждым днем тон становился донесений тверже.

На следующий день, 29 января: *«Специальной комиссией установлены ужасные злодеяния немецких извергов в лагере Освенцим, которые превосходят все известные нам зверства. По показаниям освобожденных, за 4,5 года уничтожено до 4,5 миллионов человек. Бывали дни, когда уничтожалось по 25–30 тысяч человек, в первую очередь евреи из всех стран Европы. Перед приходом Красной армии примерно 8 тысяч заключенных вывезено в Германию. Печи немцы взорвали, пепел развеяли по полям, ямы с сожженными трупами заровняли»*⁷¹.

А донесение от 30 января имело даже подзаголовок «Об освенцимском концлагере»:

«В радиусе 20–30 километров на территории Домбровского угольного района имеется 18 филиалов концлагеря. Каждый — до 10 квадратных километров. В лагере — до 80 бараков. Барак — на 200–300 узников. Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы. Узники — даровая рабочая сила на шахтах и заводах синтетического горючего. За 4,5 года в этих лагерях уничтожено 4,5 миллионов человек. Бывали дни, когда прибывало 8–10 эшелонов с заключенными. 5–10 % здоровых, годных для тяжелых работ, оставляли, остальных — уничтожали. 4 крематория имели по 10 камер для удушения людей газом и до 30 печей для сжигания трупов. Каждая камера вмещала до 600 человек. Крематории не справлялись с сжиганием трупов, и часть их сжигали в ямах 40х40 метров, обливая горючим.

*Одновременно в лагере было 25–30 тысяч человек. Режим быстро приводил к истощению, обрекая узников на смерть. Работали по 12 и более часов. Избиения, пытки, издевательства, расстрел на каждом шагу. В лагере Освенцим освобождено 2 тысячи узников, в Бжезинке 2,5 тысячи, в других по 500–800 человек. Евреи уничтожены полностью. 40% так истощены, что не могут двигаться. Их совсем не кормили уже несколько дней»*⁷².

Точные детали здесь перемешались с неточными, но представление о том, чем являлись Аушвиц-Освенцим и Биркенау-Бжезинка на самом деле и какую «роль» во всем этом играли евреи, на уровне политотдела армии и даже фронта было совершенно реалистичным: *«Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы... Евреи уничтожены полностью».*

Около 90% главных изделий этого конвейера смерти — человеческих трупов и пепла — пришлось на евреев: в абсолютном измерении, по оценкам серьезных ученых, это составляет 900–960 тысяч жертв из общего числа в 1,0–1,1 миллиона⁷³.

4. Освенцим и Бжезинка — евреев не стало еще раз

От Яшечкина из политуправления 1-го Украинского фронта сообщения об Освенциме ушли еще выше — в ГлавПУРККА, а оттуда — еще выше, в ЦК ВКП(б): 9 февраля 1945 года заместитель начальника Главного политического управления РККА Шикин доложил в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову содержание донесений начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора Яшечкина об освобождении Освенцима и, по-видимому, приложил копии некоторых из процитированных выше документов.

Это письмо отделяет от последнего из донесений Гришаева всего 10 дней, но по мере подъема по этой вертикалей представление об Освенциме за эту декаду трансформировалось до неузнаваемости. Цитируем ту часть письма, которая касается Освенцима целиком:

«ЦК ВКП(б)

Тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г. Ф.

Начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор тов. Яшечкин донес ГлавПУРККА следующее:

1. Немецкий концентрационный лагерь в Освенциме состоял из 22 филиалов, размещавшихся вокруг города. В лагере имелось до 80 барачных корпусов, в каждом из них содержалось 300–400 человек. Главное назначение лагеря — массовое истребление людей, свозимых со всех оккупированных немцами стран Европы.

Француз — офицер армии де-Голля, находящийся и сейчас в Освенциме, капитан Лео Морис, бывший заключенный, имевший лагерный порядковый номер 185930, заявил: “Я видел своим глазами прибывающие в лагерь транспорты с людьми. Царивший в лагере внешний по-

рядок и музыка вначале обманывали людей. Однако сильный трупный запах и быстрая молчаливая сортировка прибывавшим внушали тревогу. Обреченные на казнь уже больше не видели друг друга. Я никогда не забуду эти страшные дни в моей жизни”.

Хирург Штейнберг, француз, который провел в Освенцимском лагере три года, сказал: “Лагерь в Освенциме страшнее лагеря в Майданеке, он раньше отстроен и дольше существовал. В нем впервые немцы применили новые средства уничтожения людей”.

Адам Курилович, бывший председатель профсоюза железнодорожников Польши, находившийся в лагере с 26 июня 1941 года, лично знавший многих заключенных, рассказал: “С первых же дней я понял, что лагерь создан для истребления людей. Орудия истребления были тогда самые примитивные. Конвоиры, сопровождавшие нас на работу во время рытья земли, ударяли заключенного лопатой по голове, человек падал. Немец поворачивал его, ставил лопату на горло и нажимал на нее ногой. Ослабевших людей сталкивали в канавы, где они гибли.

15 сентября 1941 г. для испытания только что построенной газовой камеры загнали в нее 80 русских и 600 поляков. Все они были умерщвлены в течение трех дней. Мы выносили и взрывали их трупы, так как кремационных печей в то время не было. Заключенных расстреливали ежедневно. Лагерный палач немец Лалич хвастался, что он расстреливал за день 280–300 человек”.

Венгерский ученый профессор Мансфельд, заключенный в лагерь за участие в международном физиологическом конгрессе в Москве и спасенный нашими войсками, заявил: “С начала 1942 года немцы стали практиковать впрыскивание раствора карболовой кислоты в вены, затем в аорты и наконец в сердце. Человека с завязанными глазами усаживали в кресло и вонзали шприц между ребер в сердце. Смерть наступала мгновенно. Однажды таким способом сразу было убито 140 подростков-поляков. Палачи исследовали на заключенных различные способы умерщвления. На моих глазах одному больному впрыскивали в ногу керосин, а потом отрезали куски тела для исследования изменений происходящих в тканях. На заключенных применялись так же различные способы стерилизации людей”.

Умерщвление людей при помощи газовых камер было признано немцами самым рентабельным. В 1942 г. в лагере № 2 Бжезилька⁷⁴ были пущены 4 газовых камеры и 8 крематориев, по пятнадцати печей. К началу 1943 г. подвели железнодорожную ветку, по которой ежедневно подавались эшелоны смертников. Истребление людей проводилось круглосуточно. 3 тысячи штатных палачей работали под звуки оркестра, заглушавшие предсмертные вопли жертв. Всего сожжено в печах, на кострах, замучено и расстреляно более 4 миллионов человек.

27 января войска армии, где начальником политотдела тов. Гришаев освободили несколько тысяч заключенных, которых гитлеровцы не успели угнать в глубь Германии. В числе освобожденных белорусская женщина из колхоза “Затишье” Верняк Мария Николаевна, сосланная сюда вместе с дочерью за помощь партизанам; украинка Дьяченко Ольга, бывшая студентка Харьковского химтехникума, пытавшаяся убежать с германской каторги; чешка Скалова Анастасия, схваченная гестаповцами в селении Лидице вблизи Праги, югославка Коваль Фаня, арестованная за участие сыновей в партизанском отряде; француз-женка Мотте Маддена; итальянка Матеуси и многие другие. Среди освобожденных около 3000 больных и истощенных людей, не способных самостоятельно передвигаться и которых администрация лагеря не успела уничтожить.

Больные лежали в комнатах-казематах на трехэтажных нарах, тесными рядами. В последние дни их совсем не кормили. Сейчас больные и истощенные размещены просторнее. Им оказывается медицинская помощь и организовано питание⁷⁵.

<...>

Заместитель начальника Главного политического управления
Красной армии ШИКИН»⁷⁶.

Как видим, события, напрямую касавшиеся почти исключительно евреев, в донесении упоминаются, а вот сами евреи — ни разу! Интересно, на каком из этажей сконструировали эту «заглушку» — на уровне армии или на уровне ГлавПУРККА?

Мало того — бумага стерпела еще и не то! 22 апреля 1945 года инструктор капитан Рыбаковский опросил несколько узников концлагеря Аушвиц, находившихся на пересыльном пункте в Кракове. В донесении, посланном начальнику отделения по работе среди польского населения, он привел следующее «свидетельство» инженера-строителя из Киева Н. А. Курского⁷⁷: «Акт отравления газом и сожжения трупов до VIII м[еся]ца 1944 г. производили евреи, которые знали хорошо немецкий язык и надеялись стать впоследствии немцами. С VIII м[еся]ца, когда Красная армия перешагнула польскую границу, евреи все были сожжены, а их место заняли поляки, которые приспособивались к немцами и очень сильно тиранили русских, украинцев и вообще граждан СССР, не скрывая, что они ненавидят русских за отнятые у Польши Зап. Украину и Зап. Белоруссию»⁷⁸.

Отчеты, сделанные своими по освобождению филиалов Аушвица и самого Аушвица в конце января 1945 года, мало что добавили к этой картине. Относительно числа жертв разные донесения давали разные цифры — от 400 тыс. до 4–4,5 млн жертв⁷⁹.

Примечательно, что уже в этом отчете не было ни малейшего намека на еврейство, как, впрочем, и указаний на советских военнопленных.

Тем более не было их в более поздних документах. Так, в заключении госсоветника юстиции Д. И. Кудрявцева, эксперта и представителя ЧГК на процессе над военными преступниками — служебным персоналом КЛ «Освенцим», представленном Верховному трибуналу ПНР 13 декабря 1947 года, слово «еврей» вообще ни разу не прозвучало. Более того, очевидные случаи преступлений, совершенных против греческих евреев, например, характеризуются в заключении как преступления против греков⁸⁰.

Желание вытравить этническую компоненту из всего того, что происходило в Аушвице, — более чем очевидно.

Заключительным аккордом стало сообщения ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме», опубликованное в «Красной звезде» накануне Дня Победы — 8 мая 1945 года. В нем говорится, что, «...за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран**».

Если немецкие нацисты-жидогубы изводили циклоном Б именно еврейскую расу и упивались именно еврейской кровью, то интернационалисты-большевики главпуровской перекисью постарались вытравить именно этническую компоненту чудовищного преступления, совершавшегося в Аушвице или Бабьем Яру.

Подумать только — Шоа мирных советских граждан!

И еврейская катастрофа, — но как бы без евреев!

**ANUS MUNDI:
что освободители увидели в Аушвице
(Документы)**

<1>

<Не позднее 9 октября 1944 года>

Зам. наркома иностранных дел СССР
ВЫШИНСКОМУ

По вопросу о немецком концентрационном лагере в Освенциме и массовом уничтожении в нем заключенных нами выявлены и допрошены военнопленные, знающие о существовании этого лагеря. По показаниям военнопленных, концлагерь в Освенциме организован немцами в 1940 году в зданиях, где ранее находились военные казармы. Лагерь расположен в 1,5 км южнее Освенцима (южнее Каттовиц). Вначале немцы сосредоточили в лагере евреев. В 1941–43 гг. в лагерь свозились в большом количестве русские, поляки, французы, голландцы. Лагерь вмещает до 40 тысяч человек, и немцы систематически его заполняют взамен истребленных, доставляя заключенных в специальных эшелонах.

Показания военнопленных о массовом уничтожении немцами заключенных, пытках, избиениях и т.п. характеризуют лагерь в Освенциме так же, как и Майданек. До 1943 г. трупы убитых немцы сжигали в 2 специально для этого оборудованных печах. В 1943 году печей было уже 8. Таким образом истребление людей приняло в лагере массовый характер. Режим лагеря военнопленные, со слов своих знакомых и близких, характеризуют точно так же, какой существовал в Майданеке. Как утверждают пленные, немцы уже уничтожили в этом лагере несколько сотен тысяч заключенных. От всех опрошенных военнопленных получены собственноручные заявления, копии которых и схема расположения лагеря в Освенциме — прилагаются.

Дальнейшая проверка военнопленных для выявления очевидцев зверств немцев в лагере Освенциме продолжается.

Зам. наркома внутренних дел
комиссар гб 2-го ранга

КРУГЛОВ

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36.

Письмо за № 1/18747. К письму приложены выжимки или цитаты из показаний нескольких нем. военнопленных. Получив письмо, Вышинский написал резолюцию председателю ЧГК: «т. Шверник Н. М. Не стоило бы на основе этих материалов составить и опубликовать сообщение об этом месте Освенцим?» 9.10.1944 отв. секр. ЧГК П. Богоявленский направил копию этого письма в НКВД, т. Грибанову.

<2>

<4 марта 1945 года>

АКТ

1945 года, марта 4-го дня

Комиссия, в составе: председателя — капитана интендантской службы ГЕНШКОВИЧА Х. Д. и членов: капитана юстиции ПОПОВА Д. А., граждан НАСАЛЯ Евгениуша, РАДЧЕНКО П. Н. и профессора медицины ЛИМУЗЕН Генрика, произвела осмотр зданий, сооружений и построек, расположенных на территории бывшего освенцимского⁸¹ концентрационного лагеря.

При осмотре и обследовании зданий комиссия выявила следующее:

I

В чердачном помещении здания в юго-западной части лагеря, площадью в 2301 кв. мтр. обнаружен склад нижнего и верхнего мужского платья, бывшего в употреблении. Готовое платье лежит на полу навалом, подготовленное к сортировке, так как на всем протяжении чердачного помещения оборудованы специальные полки для сортировки готового платья.

На значительном количестве верхней одежды нашиты стандартно изготовленные знаки в виде шестиугольной звезды с надписью внутри звезды «Иудэ».

На мужских пиджаках имеются рекламные ярлыки портных разных стран (Франция, Бельгия, Голландия, Венгрия, Румыния и т.д.).

Комиссия установила, что в чердачном помещении имеется 219 429 единиц мужской одежды (пиджаки, брюки, жилетки, куртки, пальто, плащи, верхние сорочки, рубашки нательные, кальсоны и проч.).

II

В 150–200 метрах южнее указанного склада обнаружена огромная яма, в которой сложено разной металлической и эмалированной посуды (кастрюли, кружки, миски, чашки, горшки, кувшины, сковоро-

ды, чайники и проч.), бывшей в употреблении, общим количеством 52 061 штука, что составляет 9 вагонов.

На указанной посуде имеются фабричные марки разных европейских стран.

III

В северо-западной части лагеря обнаружены два складских помещения (каменный и деревянный), в которых выявлено:

а) каменный склад — площадь 468 кв. мтр. Склад завален навалом женской верхней и нижней одежды, бывшей в употреблении. Склад оборудован специальными полками для сортировки одежды, причем на некоторых полках обнаружена отсортированная женская одежда, упакованная в пачки.

В указанном складе имеется, по подсчету комиссии, 836 225 единиц женской одежды (платья, юбки, пижамы, джемперы, пуловеры, чулки, бюстгальтеры, трико, трусы, сорочки, блузки и т.п.).

б) Деревянный склад — площадь 180 кв. мтр. Обнаружена, насыпью на полу, разная детская нижняя и верхняя одежда, бывшая в употреблении, а также поношенная женская обувь.

Установлено наличие детской одежды — 115 063 единицы (распашонки, рубашечки, чулочки, рукавички, платяница, штанишки, матроски, курточки, детские джемпера, пальто, носочки, пижамки и проч.).

Обнаруженная детская одежда — размерами на детей от грудного возраста до 10–11 лет.

Женской обуви (туфли, ботинки, полуботинки) выявлено 5525 пар.

Оба указанные склада (деревянный и каменный) расположены в 25–30 метрах от газокамеры, где производилось уничтожение людей.

В одной из комнат при указанных складах, служившей канцелярией, обнаружена книга записи и учета отгруженных вагонов с одеждой.

Записи в книге отражают: дату отгрузки, номера вагонов и их тип, наименование отгруженных вещей, станцию назначения и наименование грузополучателей. По каждому вагону в книге имеется штамп ж.д. станции Аушвиц о приеме к отгрузке данного вагона.

Книга начата 12.12.1944 года (очевидно, является продолжением других книг) и записи прерываются 18.1.1945 года.

За указанный период, т.е. за 37 дней, как видно из записей в книге отгружено 116 вагонов разной одежды и носильных вещей.

IV

В южной части лагеря, в одном из корпусов, на чердаке обнаружен склад мужской верхней одежды (пиджаки, брюки, пальто), бывшей в употреблении, лежащей навалом на полу. Площадь чердака 189 кв. мтр.

Наличие мужской одежды на указанном чердаке составляет 27 401 единица.

V

В восточной части лагеря обнаружены три двухэтажные корпуса, каменные, специально приспособленные под складские помещения и сортировочные цеха.

При осмотре указанных корпусов выявлено:

1. Швейных машин разных марок и фирм	376 шт.
2. Постельного и столового белья (наволочки, полотенца, простыни, скатерти и проч.)	68 054, или 3 вагона
3. Металлической и эмалированной посуды	17787
4. Фаянсовой посуды	2 вагона
5. Щетки сапожные, одежные, головные	49865
6. Помазков для бритья	7837
7. Столовых ножей, вилок и ложек	14693
8. Бритв безопасных	4353
9. Зубных щеток	9892
10. Расчески разные	2739
11. Камни для бритья (дезинфекционные)	1165
12. Зеркала карманные и ручные	421
13. Ножницы разных размеров	2368
14. Мясорубки	23
15. Термоса малые	180
16. Пудреницы	116
17. Очки разные	12910
18. Матрацев мягких	592
19. Ковров, дорожек, покрывал	13964
20. Одеял ватных, байковых и суконных	9205
21. Талесов (для молитв)	5508
22. Чемоданов разных	3162
23. Обувь мужская без подошв	38000 пар
24. Мыло стирочное (разных фабрик)	25 тн.

Все перечисленные предметы и вещи домашнего обихода, судя по внешнему их виду, были в употреблении и на ряде вещей (посуда, чемоданы, мыло и проч.) имеются фабричные марки разных европейских стран (Франция, Бельгия, Голландия, Венгрия и т.д.). На многих чемоданах имеются ярлыки гостиниц разных городов разных европейских стран.

Складские помещения всех корпусов оборудованы специальными полками для сортировки и временного хранения, с наличием на каж-

дой полке ярлыков, надписей и вывесок, для какого рода вещей они предназначены.

В складах, на стенах, имеются специальные доски с записями мелом количества и наименования имущества, завезенного в склад для сортировки и хранения.

Записи сделаны по состоянию на 17.1.1945 года.

При складах обнаружены швейная и сапожная мастерские, предназначенные для ремонта и реставрации одежды и обуви для последующей отправки в Германию.

Также выявлены при складах специальные комнаты, предназначенные для складывания загрязненных вещей, доставляемых в склады для сортировки из газокамер, крематориев и с мест массового истребления людей.

VI

При осмотре помещений и складов выявлено всего разных носильных вещей и предметов домашнего обихода, бывших в употреблении:

1. Мужской нижней и верхней одежды	246820 шт.
2. Женской нижней и верхней одежды	836225 «
3. Детской нижней и верхней одежды	115063 «
4. Женской обуви разной	5525 пар
5. Мужской обуви без подошв	38000 «
6. Посуды металлической и эмалированной	69848 шт., или 12 вагонов
7. Посуды фаянсовой разной	2 вагона
8. Постельное и столовое белье	68054 шт.
9. Ковров, дорожек, покрывал	13964 «
10. Одеял разных	9205 «
11. Щеток разных	49865 «
12. Щеток зубных	9892 «
13. Помазки для бритья	7837 «
14. Камни для бритья	1165 «
15. Бритв безопасных	4358 «
16. Ножей, вилок, ложек	14693 «
17. Мясорубок	28 «
18. Зеркал разных	492 «

19. Расчески, гребни	2739 шт.
20. Ножниц разных	2368 «
21. Матрацы	592 «
22. Пудреницы	116 «
23. Термоса	180 «
24. Талесы молитвенные	5508 «
25. Чемоданы	3162 «
26. Очки разные	12910 «
27. Швейных машин	376 «
28. Мыло стирочное	25 тн

Судя по устройству специальных полок для сортировки, наклейкам, ярлыкам и надписям на полках, наличию комнат, предназначенных для складывания загрязненных вещей, наличию рекламных ярлыков портных на костюмах, фабричных марок на посуде и чемоданах, ярлыков гостиниц на чемоданах, наличию книги учета отгруженного имущества, а также судя по тому, что женская, детская одежда складывались навалом в склады, находящиеся и непосредственной близости от газовых камер, где уничтожались люди, — комиссия устанавливает, что:

1. Все обнаруженные вещи и предметы домашнего обихода принадлежали бывшим заключенным, привезенным с разных стран Европы, истребленным в Освенцимском концентрационном лагере.

2. Ограбленные у уничтоженных людей вещи и предметы домашнего обихода подвергались сортировке, ремонту и реставрации и вывозились в Германию.

Председатель комиссии

Капитан интендантской службы:

(ГЕНШКОВИЧ)

Капитан юстиции

(ПОПОВ)

Члены Комиссии

(НАСАЛЬ)

(РАДЧЕНКО)

Профессор медицины

(ЛИМУЗЕН)

Strzelecki A. Der Raub des Besitzes der Opfer des KL Auschwitz // Hefte von Auschwitz. Nr. 21. Oswiencim, 2000. S. 95–99. Со ссылкой на: АРМАВ. ИЗ-1/3. Собрание документов Советской комиссии. Л. 22–28. Оригинал — в неустановленном архиве в Москве.

<8 марта 1945 года>

АКТ

1945 года, марта 8-го дня

Мы, нижеподписавшиеся: главный судебно-медицинский эксперт 1-го Украинского фронта подполковник медицинской службы доцент ГРЫЖИН Ф. Ф., судебно-медицинский эксперт 60-й армии майор медицинской службы ЧУРСАНОВ М. Г., эксперт-криминалист Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной армии лейтенант административной службы ГЕРАСИМОВ Н. И., по предложению помощника военного прокурора Военной прокуратуры 1-го Украинского фронта майора юстиции ПОХОМОВА Л. Н., произвели осмотр склада волос, находящихся в цехе кожевенного завода Осьвенцимского лагеря. При осмотре оказалось, что в складе находится 293 мешка волос весом в среднем по 20 кг каждый и 12 мешков весом в среднем по 88 кг. Произведено раскрытие 12 малых мешков, волосы тонким слоем разложены на полу, где и произведен их подробный осмотр, причем оказалось: в мешках волосы плотно спрессованы, в виде отдельных плоских клубков, набитых слоями, с весом каждого клубка от 0,5 до 1–1,5 кг. При осмотре клубков разволокнение его оказалось, что в каждом клубке имеются пучки волос различных цветов. Если с этой точки зрения оценить волосы, выложенные из 12 мешков, то можно насчитать такие цвета, как темно-русые, светлорусые, седые, рыжие, черные с ясным преобладанием русых волос. При разборе волос на отдельные пучки одного и того же цвета оказалось, что большинство пучков имеет длину 20–30–50 см. Указанные представляют собой то рыхлые пучки, то сплетенные косы, то похожие на парики. При тщательном осмотре отдельных пучков волос в некоторых из них найдены женские гребешки, шпильки, заколки, а на периферическом конце кос завязанные тесемки, ленточки. На одном пучке найдена сетка из тонкой коричневой нитки. Кроме вышеуказанного, в пучках волос и между слоями пучков обнаружены мелкие деревянные стружки, комки и пластинки штукатурки, сетчатые кусочки от мешковины, обертки от конфет и бритвенные лезвия, а также обертки от бритвенных лезвий, тоненькие ветки хвои и комочки грязи. Волосы в большей своей части производят впечатление чистых, без специфических на них отложений. При детальном осмотре концов волос, особенно пучков, видно, что центральные концы

их ровные (отрезаны), такой же отчетливый вид отрезанных концов имеют и другие разрыхленные пучки. Коротких волос не попадалось. Клубки волос разобраны на отдельные компактные пучки, принадлежащие как бы одному человеку, и взвешены. Подобных пучков взвешено около трех штук. Средний их вес выражался в таких цифрах: 40–45–50 гр., только отдельные пучки имели вес до 100 грамм.

Следственными органами произведен точный подсчет всего количества и веса мешков, причем оказалось, что в этом складе имеется 293 мешка со средним весом 20 кгр каждый и 12 мешков по 88 кгр, что при соответствующем подсчете дает общее количество волос свыше 7000 кгр. Мешки малого размера — из грубой бумаги, а мешки большие — из обычной мешковины (типа матрацев). На каждом мешке имеется обозначение «КЛ Ау» (что обозначает концентрационный лагерь Аушвиц).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из свойств обнаруженных волос: длины, цвета, толщины, внешнего их вида, характера пучков, заплетенных кос с наличием в них дамских гребешков, заколок, шпилек, тесемок и ленточек — следует заключить, что означенные волосы являются человеческими и почти исключительно женскими.

Учитывая, что в женских волосах обнаружены предметы дамского обихода — шпильки, заколки, гребешки, а в косах — тесемки и ленточки, следует полагать, что волосы отрезались от трупов, т.е. возможно в крематории и в частности после умерщвления газом перед сжиганием, что подтверждают и свидетели, бывшие заключенные ТАУБЕР Г., МАНДЕЛЬБАУМ, ДРАГОН, работавшие в зондеркоманде.

Если ориентировочно во внимание средний вес отделенных волос с головы в 50 гр. с одной головы, то условно можно считать, что волосы в количестве 7000 кгр. могли быть сняты со 140000 женщин.

ГЛАВНЫЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ
1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ПОДПОЛКОВНИК
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ДОЦЕНТ (БРЫЖИН)

Strzelecki A. Der Raub des Besitzes der Opfer des KL Auschwitz // Hefte von Auschwitz. Nr. 21. Oswiencim, 2000. S. 149–151. Со ссылкой на: АРМАВ. ИЗ-1/3. Собрание документов Советской комиссии. Л. 31–34. Оригинал в неустановленном архиве в Москве.

<4>

НКО СССР
Секретно
Экз. № 1

Главное политическое управление
Рабоче-крестьянской Красной армии
21 апреля 1945 г.
№ 229746
г. Москва, ул. Фрунзе, 19

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ИХ СООБЩИКОВ
тов. ШВЕРНИКУ Н. М.

Направляю Вам поступившие в ГлавПУРККА материалы химразведки Штаба 4-го Украинского фронта, произведенной на территории концентрационных лагерей в Освенцим, а также акт технической экспертизы Правительственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Приложение: упомянутое на 25 листах, только адресату.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

(ШИКИН)

Отп. 2 экз.
20.IV.45 г.

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36. Л. 5. Оригинал.

На тексте надпечатка: «Чрезвычайная Государственная комиссия. Спецотдел. Входящий ш-172с. 24.4.1945. Количество листов 26 л.» и резолюция: «т. Никитину. Подпись [нрзб]. 24.IV».

<5>

НКО СССР
Секретно
Экз. № 1

Технико-химическое Управление
4-го Украинского фронта
16 марта 1945 г.
№ 0488

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА

В результате химразведки на территории концентрационного лагеря в ОСВЕНЦИМ 12.2.45 был обнаружен ряд аппаратов для тща-

тельной проверки противогазов, кислородных изолирующих приборов и других средств противохимической защиты.

Характер аппаратов указывает на то, что в ОСВЕНЦИМЕ находилась немецкая солидно оборудованная стационарная химическая лаборатория, где испытывались средства ПХЗ обслуживающего персонала лагерей, который производил уничтожение заключенных отравляющими веществами.

Для тщательной разведки района лагерей мной был направлен офицер фронтовой лаборатории инженер-майор ЛАВРУШИН, вошедший в состав Правительственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в качестве технического эксперта.

В результате 25-дневной работы получены следующие данные.

С 1941 г. и до момента подхода к ОСВЕНЦИМУ частей Красной армии немцы производили массовое истребление заключенных с помощью отравляющего вещества — синильной кислоты, входившей в состав препарата ЦИКЛОН (кизельгур, пропитанный синильной кислотой) в специально построенных газокамерах.

По минимальным подсчетам, в течение всего периода немцы уничтожили только этим способом около 4 000 000 людей.

В отделении РЕЙСКО существовала лаборатория, возглавлявшаяся тремя немецкими офицерами — специалистами в области химии и медицины (капитан Бруно ВЕБЕР, ст. лейтенант ДЕЛЬМОНТ и лейтенант Ганс МЮНХ).

Сотрудники лаборатории в количестве 51 человека состояли из заключенных ученых и производственников (преимущественно специалистов-химиков и медиков).

Среди различных работ, проводимых в лаборатории, отмечено широкое проведение различных экспериментов над людьми (искусственное оплодотворение, стерилизация, искусственные роды, прививание рака и др.).

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36. Л. 5. Оригинал.

На тексте надпечатка: «Канцелярия нач. штаба фронта. Входящий № 249с. 18.3.1945 и резолюция: «Нач[альнику] Полит[ического] управления. Ознакомьте с документом руководящий состав полит[ического] Управл[ения] фронта. Документ вернуть через пару дней. 18.3.45. Подпись [нрзб]».

РАСЧЕТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ
КОЛИЧЕСТВА ЛЮДЕЙ, УНИЧТОЖЕННЫХ НЕМЦАМИ
В ЛАГЕРЕ ОСВЕНЦИМ

На основании следственных материалов можно установить, что немцы, тщательно заматывая следы своих преступлений и злодеяний в концентрационном лагере Освенцим, уничтожили все документы и данные, по которым можно было бы более или менее точно установить количество людей, погибших в лагере от рук гитлеровских палачей.

Так, например, уничтожены немцами данные прибытия железнодорожных эшелонов с людьми в лагерь, уничтожены данные учета людей в лагере, уничтожены данные о количестве вывезенных из лагеря женских волос, очков, одежды и т.п. показателей, которые при использовании статистических методов исчисления могли бы пролить свет на фактическое количество погибших здесь людей. Несмотря на это, считаем возможным произвести расчет для определения порядка числа, характеризующего масштаб массового истребления немцами заключенных лагеря.

Для расчета выделяем наиболее характерные периоды:

Период 1 — конец 1941 г. — март 1943 г. — продолжительность 14 мес.

Период 2 — март 1943 г. — май 1944 г. — продолжительность 13 мес.

Период 3 — май 1943 г. — октябрь 1944 г. — продолжительность 6 мес.

В первом периоде функционировал крематорий № 1 и газовые камеры № 1 и 2 и костры при них.

Во втором периоде — крематории № 2, 3, 4 и 5. В третьем периоде — крематории № 2, 3, 4 и 5, газовая камера № 2 и костры при ней.

Начнем с третьего периода, когда в лагерь стали интенсивно прибывать эшелоны с людьми. В этот период немцы уже не удовлетворялись мощными крематориями № 2, 3, 4 и 5. Они снова прибегли к газовой камере № 2 и кострам. Таким образом очевидно, что крематории в это время полностью загружены. Допуская на весь этот период неравномерность работы и недогрузку крематориев в среднем в 10 проц[ентов], получаем коэффициент загрузки = 0,9. Пропускная способность крематориев № 2, 3, 4 и 5 в месяц 270 000, за шесть месяцев — $270\,000 \times 6 = 1\,620\,000$, с учетом коэффициента — $1\,450\,000$.

Для определения процента загрузки крематориев во второй период мы не располагаем точными данными, однако можно исходить из того, что немцы не сооружали бы таких мощных установок, если бы не рассчитывали на их более или менее полное использование, поэтому во всяком случае крематории использовались не менее чем на 50 процентов. Принимая для этого периода коэффициент 0,5, имеем:

$$0,5 \times 270\,000 \times 13 = 1\,750\,000 \text{ человек.}$$

Принимая тот же коэффициент использования 0,5 для первого периода, имеем:

$$0,5 \times 9000 \times 14 = 63\,000 \text{ человек.}$$

Таким образом немцами при помощи крематориев было уничтожено за все время не менее 3 263 000 человек.

Принимая в третьем периоде работы газовой камеры № 2 со средней нагрузкой только 50 процентов и ограничиваясь ее возможной пропускной способностью только в 3000 человек в сутки, имеем

$$0,5 \times 90\,000 \times 6 = 270\,000 \text{ человек.}$$

Принимая, что в первом периоде эта газовая камера была загружена еще меньше, чем в третьем периоде, порядка 25 проц[ентов], и что такой же процент загрузки имела газовая камера № 1 — имеем

$$0,25 \times 305\,000^{82} \times 14 = 525\,000 \text{ человек.}$$

Таким образом при помощи отдельных газовых камер и костров немцами за все время было уничтожено не менее $270\,000 + 525\,000 = 795\,000$ человек,

что в сумме с выше подсчитанными слагаемыми дает

$$3\,263\,000 + 795\,000 = 4\,000\,000 \text{ (округленно)}$$

как количество людей, которые по самым скромным подсчетам было немцами уничтожено в концентрационном лагере Освенцим за период его существования.

ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДАВИДОВСКИЙ)
ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДОЛИНСКИЙ)
КАНДИДАТ ХИМИЧЕСКИХ НАУК,	
ИНЖЕНЕР-МАЙОР	(ЛАВРУШИН)
ИНЖЕНЕР-КАПИТАН	(ШУЕР)

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36. Л. 6–8. Оригинал.

На тексте резолюция: «ПУ. Генерал-полковнику тов. Мехлис. Подпись [нрзб]».

АКТ

1945 года, февраля 14 — марта 8 дня, г. ОСВЕНЦИМ

Экспертная техническая комиссия в составе профессора доктора-инженера ДАВИДОВСКОГО Романа из города КРАКОВА, профессора доктора-инженера ДОЛИНСКОГО Ярослава из города КРАКОВА, кандидата химических наук инженер-майора ЛАВРУШИНА Владимира Федоровича и инженер-капитана ШУЕРА Абрама Моисеевича в результате детального изучения чертежей и документации, обнаруженных в концентрационном лагере ОСВЕНЦИМ, подробного исследования остатков взорванных крематориев и газовых камер, на основании следственных материалов, особенно показаний свидетелей из числа заключенных, работавших при газовых камерах и в крематориях, — установили:

В концентрационном лагере ОСВЕНЦИМ немцы организовали огромного размера комбинат массового уничтожения людей, преимущественно путем умерщвления отравляющим веществом ЦИКЛОН и последующего сожжения в крематориях или на кострах. Из всех стран, оккупированных немцами, — Франции, Бельгии, Голландии, Югославии, Польши, Греции и др. — в ОСВЕНЦИМ прибывали эшелоны с людьми, предназначенными для уничтожения. Лишь незначительная часть наиболее здоровых людей, временно используемых как рабочая сила на военных заводах и как подопытные, оставались в лагере для разного рода медицинских экспериментов, оставались в лагере для последующего уничтожения.

За период существования лагеря ОСВЕНЦИМ с 1940 по январь 1945 года в нем функционировали сверхмощные крематории, имевшие общим числом 62 отдельных реторты для сжигания трупов. При крематориях, а также отдельно от них в гигантских масштабах производилось отравление людей ядовитым газом в специально оборудованных и усовершенствованных газовых камерах. Наряду с этой совершенной техникой уничтожения людей, производилось сожжение трупов также в огромных количествах на специальных кострах. Здесь, в концентрационном лагере ОСВЕНЦИМ, немецкие мракобесы развивали и рационализировали способы и масштабы массового истребления людей.

Построенный в 1941 году первый крематорий на шесть реторт вскоре перестал удовлетворять аппетиты гитлеровских палачей, и небывальными темпами проектируются и строятся в отделении лагеря в БИРКЕНАУ еще четыре крематория.

I. ТЕХНИКА ЛЮДОЕДОВ – ГАЗОВЫЕ КАМЕРЫ И КРЕМАТОРИИ

а) Крематорий № 1

В начале 1941 года вступил в действие в отделении ОСВЕНЦИМ крематорий, называемый № 1. Крематорий имел две 2-ретортные печи, отапливаемые четырьмя коксовыми генераторами. В конце 1941 года (сентябрь, октябрь) в этом же помещении построена третья 2-ретортная печь такого же типа, как и две первых. В каждую реторту одновременно загружалось 3–5 трупов, сжигание которых продолжалось полтора часа, а количество сжигаемых в сутки трупов достигало 300–350. При этом крематории существовала газовая камера, имевшая с обоих противоположных сторон газогерметические двери со смотровыми окошками и четыре плотно закрывающихся люка в потолке. Через эти люки забрасывался ЦИКЛОН для умерщвления людей.

Крематорий № 1 функционировал до марта 1943 года, просуществовав таким образом два года.

б) Строительство новых крематориев

После инспекторского посещения концлагеря ОСВЕНЦИМ летом 1942 года рейхсфюрером СС ГИММЛЕРОМ им было приказано расширить до гигантских размеров и технически усовершенствовать существовавшие устройства по отравлению и уничтожению людей (письмо от 3. 8.1942 г. за № 11450/ 42/ Ви/ГА/). Строительство мощных крематориев поручается фирме «ТОПФ и СЫНОВЬЯ» в ЭР-ФУРТЕ. Сразу же после этого в отделении БИРКЕНАУ начинается строительство четырех крематориев, обозначенных на общем плане лагеря (чертеж 2216) цифрами 2 и 3, 4 и 5. Из БЕРЛИНА требовали ускорения строительства крематориев и окончания всех работ в начале 1943 года (письмо из ОСВЕНЦИМА фирме «ТОПФ и СЫНОВЬЯ» от 22.12.1942 года за № 20420/42/Ер/Л/), письмо от 12 февраля 1943 года, письмо от 29 января 1943 года.

в) Крематории № 2 и 3

Крематории 2–3 являются одинаковыми (строительные планы № 932 и 933 от 28.1.1942 г.) и построены симметрично по обе стороны дороги. Осенью 1943 года там же был проведен железнодорожный подъездной путь, непосредственно примыкающий к крематориям и предназначенный только для подачи эшелонов с людьми прямо в крематорий. Кокс и другие материалы доставлялись автотранспор-

том. Каждая из 10 печей обоих крематориев была 3-ретортная с двумя полугенераторными топками. В одну реторту загружалось от трех до пяти трупов, сжигание которых продолжалось от 20 до 30 минут. Таким образом в 30 ретортах двух крематориев при полной загрузке сжигалось около 6000 трупов в сутки. Для форсировки хода печей, кроме естественной тяги, были устроены дополнительные дымососные устройства. Производительность такого дымососа равнялась 10 000 м³ в час отходящих печных газов. Однако эти дымососы работали недолго, так как при столь форсированной работе печей последние могли быстро выйти из строя. Поэтому дымососы были демонтированы и в дальнейшем пользовались только естественной тягой. Расход кокса на один крематорий составлял две тонны в сутки. В каждом крематории за дымоходом имелась еще одна печь, обозначенная на одном чертеже «Для сжигания мусора» (чертеж № 963 от 19.1.1942 г.), а на другом — «Для сжигания одежды» (чертеж № 932 от 28.1.1942 г.). В этих печах, по показаниям свидетелей, сжигались малоценные вещи отравленных людей.

Крематорий № 2 функционировал с марта 1943 года по октябрь 1944 года, т.е. 1 год и 7 месяцев. Крематорий № 3 — с апреля 1943 года по октябрь 1944 года, т.е. всего 1 год и 6 месяцев.

Оба крематория 2 и 3 имели подземные помещения, именуемые на планах «Подвал для трупов», которые в действительности были предназначены для отравления людей газами.

Прибывающих из эшелонов людей немцы насильно направляли в подземные раздевалки, обозначенные на чертеже № 932 и 933 («Подвал для трупов 2»). Раздевалка имела 50 метров длины, 7,9 метра ширины (площадь 395 м²) и 2,3 м высоты (объем 910 м³). Второе подземное помещение, обозначенное «Подвал для трупов 1», длиной 30 м, шириной 7 м (площадь 210 м²) и высотой 2,4 м (объем 504 м³). На крыше этого помещения имелись четыре люка размером 45×45 см, расположенные в шахматном порядке, над ними выступала низкая труба высотой 30 см, которая герметически закрывалась слоем войлока и массивной бетонной крышкой. Внутри помещения от каждого люка и до самого пола располагались пустые внутри фальшивые колонны, поверхность которых была сделана из сетчатого железа. Кроме того, с потолка свисали фальшивые душевые распылители.

По данным следствия, эти помещения, т.е. «Подвал для трупов 1», в обоих крематориях являлись газовыми камерами для отравления людей газами. В газовой камере была устроена приточно-вытяжная вентиляция. Вытяжной вентилятор имел мотор в 3,5 лошадиных силы и обладал производительностью 8000 м³ в час. Нагнетающий вентилятор с мотором в 7,5 лошадиных сил обладал нагнетательной способностью 16 000 м³ воздуха в один час.

При значительном уплотнении людей, принимая 10 чел./м², в такую камеру могло вместиться одновременно 2000–2100 человек.

г) Крематории № 4–5

Крематории 4–5 имели каждой по одной 8-миретортной печи (всего 16 реторт). Эти крематории построены в отделении БИРКЕНАУ на расстоянии 750 метров от вышеописанных крематориев № 2 и 3 и расположены симметрично. В каждую реторту загружалось от 3 до 5 трупов, сжигание которых продолжалось 30–40 минут. Таким образом в 16 ретортах этих двух крематориев, при полной их загрузке сжигалось порядка 3000 трупов в сутки.

Крематорий № 4 функционировал с конца марта 1943 по август 1944 года, т.е. 1 год и 5 месяцев. Крематорий № 5 работал с мая 1943 по январь 1945 года, т.е. всего 1 год и 8 месяцев, в том числе 1 год 6 месяцев с отравлением людей газом, т.к., по данным следствия, немцы после октября 1944 года прекратили в отделении БИРКЕНАУ работу газовых камер и стали проводить мероприятия по разборке газовых камер и крематориев. При крематориях № 4–5 была пристройка длиной около 20 м, шириной 12 м, всего 240 метров в квадрате. Внутри пристройка эта была стенами разделена на три отделения, каждое из которых было газовой камерой. Для забрасывания ЦИКЛОНА в наружных стенах газовой камеры на высоте около двух метров были устроены люки с решетками, закрывающиеся герметически крышками. Через эти люки забрасывался в камеру ЦИКЛОН. В каждой газовой камере имелось по две герметически закрывающихся двери. Газовые камеры разделялись коридором от помещения раздевалки, равного по площади газовым камерам, вместе взятым.

Характерно, что в официальной переписке немцы газовые камеры называли «Банями особого назначения» (письмо № 12115/42/Ер/Га. от 21.8.48 г.)

II. СЖИГАНИЕ ТРУПОВ НА КОСТРАХ

а) Газовая камера № 1 с кострами

Вскоре после пуска газовой камеры при первом крематории осенью 1941 года устраиваются в лесу, на некотором отдалении от лагеря БИРКЕНАУ, еще две газовых камеры. Первая газовая камера, размером 8 × 10 м с общей площадью 80 м² имела двери для входа и выхода. На входных дверях с внешней стороны была надпись на немецком языке «Для дезинсекции», а на выходных дверях с внутренней стороны «Для купания». Возле дверей и боковой стены были устроены люки для забрасывания ЦИКЛОНА. Кроме того, имелось

два деревянных барака стандартного образца, предназначенные для раздевания. Такая камера при насильственных способах уплотнения людей, применяемых немцами, вмещала до 800–1000 человек одновременно.

Принимая, что на раздевание, отравление людей и выгрузку трупов из камер, по данным следственных материалов, немцами затрачивалось 5–7 часов, следует, что в течение суток можно было провести три таких операции. Таким образом при полной загрузке немцы с помощью газовой камеры № 1 могли отравить в сутки не менее 2500 человек.

Пятью вагонетками по узкоколейке трупы отвозились к четырем канавам, длиной 25 × 30 м, шириной 4–6 м и глубиной 2 м, где они укладывались послойно с дровами и сжигались. Данная газовая камера и костры при ней действовали около полутора лет и были ликвидированы немцами в марте–апреле 1943 года.

б) Газовая камера № 2 с кострами

Вторая газовая камера была размером 9 × 11 м с общей площадью 100 м². Устроена она была по типу газовой камеры № 1. Немцы при полной загрузке отравляли в этой газовой камере 3000 человек, принимая за исходные те же расчетные данные, что и для первой газовой камеры.

Четырьмя вагонетками по узкоколейке трупы отвозились к кострам, количество которых в разное время было от 4 до 6. Работа во второй газовой камере и на кострах при ней прекращалась в апреле 1943 года, затем снова была возобновлена в мае 1944 года и продолжалась до октября 1944 года. Таким образом эта газовая камера и костры при ней функционировали в общей сложности 1 год и 10 месяцев.

в) Костры при крематории № 5

С мая до октября 1944 года в крематории № 5 были остановлены печи, и трупы отравленных людей сжигали на трех кострах, расположенных на территории крематория.

г) Отдельная газовая камера

В отделении ОСВЕНЦИМ, возле главной котельной центрального отопления, также обнаружена газовая камера. На герметического устройства дверях помещалась надпись на немецком языке — «Ядовитый газ». При входе в помещение «Опасно для жизни». Камера размером 16 × 8,7 × 3 м без окон, с тремя пропеллерными вентиляторами, имеющими плотно закрывающиеся крышки с войлочными

прокладками. У стен находятся три комнатных печи, отапливаемые с внешней стороны здания. Эта камера использовалась для дезинфекции одежды, а также и для умерщвления людей, как это имело место в августе 1944 года, когда газами были отравлены 200 человек из особой команды по обслуживанию крематориев, периодически уничтожаемых с целью устранения свидетелей чудовищных преступлений немцев.

III. ПРОЦЕСС МАССОВОГО ОТРАВЛЕНИЯ НЕМЦАМИ ЛЮДЕЙ В ЛАГЕРЕ ОСВЕНЦИМ

После исследования остатков взорванных крематориев, раскопок костров и на основании следственных материалов, техническая экспертиза установила методы и способы умерщвления немцами людей отравляющими веществами, в частности, ЦИКЛОНОМ.

Подобно тому, как это принято в промышленности, немцы подвели подъездные железнодорожные пути непосредственно к месту сосредоточения крематориев. По этим путям эшелоны с людьми, предназначенными для уничтожения, подавались на разгрузочную рампу при крематории. В них находилось по 2–3 тыс. человек. Таких эшелонов в отдельные периоды поступало до пяти и более в сутки. Здесь же на рампе происходил первый отбор наиболее трудоспособных людей для направления их в лагерь, а остальные направлялись в крематории, под предлогом необходимости прохождения бани и дезинфекции. Отбор производили немецкие врачи. Люди, предназначенные в лагерь, шли в баню, находившуюся неподалеку от крематория, где производилась дополнительная выборка из раздевшихся донага людей. Здесь для уничтожения отбиралась еще часть людей. Однако, сплошь и рядом, люди из эшелонов полностью попадали в крематории. Почти целый эшелон в несколько тысяч человек направляли в раздевалку, при входе в которую имелась надпись «Баня и дезинфектор». Из раздевалки голых людей гнали в газовую камеру. В газовых камерах СС-овцы уплотняли людей при помощи собак и дубинок. После заполнения людьми закрывались газогерметические двери и затем через специальные люки всыпали внутрь газовой камеры ЦИКЛОН. Вскрытие коробок ЦИКЛОНА при помощи специального ключа, забрасывание его в газовые камеры и последующее закупоривание люка производил СС-овец в противогазе. Смерть наступала в течение первых 3–8 минут, но для полной гарантии экспозиция выдерживалась до 20 минут, после чего проветривали газовую камеру и выгружали трупы, которые находились в стоячем положении.

У трупов, извлеченных из газовых камер, вынимали золотые зубы, снимали перстни, серьги, часы и женщинам стригли волосы. Все это

собиралось в специальные ящики. После этого трупы сжигались в крематориях или на кострах. Пепел от сожжения трупов немцы вначале закапывали в землю, а затем, стремясь замести следы своих преступлений, пепел вывозили и выбрасывали в реки ВИСЛА и СОЛА.

По данным следствия и вещественным доказательствам, обнаруженным в лагере ОСВЕНЦИМ: химико-аналитического прибора для определения синильной кислоты в воздухе, двух дверных ключей с биркой ЦИКЛОН, ящиков с ЦИКЛОНОМ и пустых банок из-под ЦИКЛОНА следует, что немцы в газовых камерах применяли для массового уничтожения людей ЦИКЛОН. В связи с этим приводим некоторую характеристику его свойств и действия на человека.

При производстве ЦИКЛОНА для целей дезинфекции к нему прибавляют раздражающие вещества, дабы исключить возможность случайного отравления. Об этом имеется указание в технической литературе, как, например, в книжке профессора ГЕРГАРДТА «Основы фармакологии и токсикологии», стр. 311, 1944 год, Мюнхен.

Найденный в лагере ЦИКЛОН и тара от него был без этих примесей, о чем написано на этикетке банок. «Осторожно. Без предостерегающего вещества». Обнаружены банки разных размеров с обозначением на этикетке 500, 1000 и 1500 гр. содержания синильной кислоты. ЦИКЛОН представляет собой кусочки кизельгура (или другой пористой массы), пропитанные синильной кислотой. Синильная кислота — легко подвижная жидкость, кипящая при 27°С. Смертельная концентрация для человека — 0,2–0,3 гр. на куб. мтр. Действие общедовитое и проявляется моментально. Коробка ЦИКЛОНА с содержанием, например, 500 гр. синильной кислоты достаточно для создания смертельной концентрации 1700 куб. мт. объема воздуха.

IV. ДАННЫЕ О РАБОЧЕЙ СИЛЕ ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ КРЕМАТОРИЕВ, ГАЗОВЫХ КАМЕР И КОСТРОВ

Для обслуживания крематориев, газовых камер и костров немцы создали специальную команду — зондеркомmando, — из заключенных лагере. За период существования лагеря число таких рабочих колебалось от 200 до 1000 человек. Так, с марта–апреля 1943 г. было в зондеркомmando всего 400 человек. Они распределялись по крематориям следующим образом:

В крематориях № 2–3	240 человек
В крематориях № 4–5	120 человек
Вольных и на разных работах	40 человек

В феврале 1944 года осталось 180 человек. В мае 1944 года добавили до 1000 человек, так как с этого времени при крематории № 5 стали сжигать трупы в кострах, была восстановлена и пущена отдельная газовая камера № 2 и костры при ней. Указанные 1000 человек зондеркоммандо были распределены для работы следующим образом:

Крематорий № 2	120 человек (по 60 чел. в смену)
Крематорий № 3	120 человек
Крематорий № 4	60 человек
Крематорий № 5	300 человек
Отдельная газовая камера № 2 и костры при ней	300 человек

В каждом из крематориев № 2–3 работало две смены рабочих по 12 часов каждая. В одну смену было обычно до 60 человек, при форсированной работе немцы увеличивали число рабочих. По выполняемой работе они распределялись следующим образом:

1	Уборка вещей, оставшихся в раздевалке, погрузка их на автомашину, уборка помещения	15 чел.
2	Выгрузка из камеры трупов и подноска их к т.н. подъемнику	15 чел.
3	Укладка на подъемник	2 чел.
4	Парикмахеры (стрижка женских волос с трупов)	4 чел.
5	Дантисты (удаление золотых зубов у трупов)	2 чел.
6	Для обслуживания генераторов	2 чел.
7	Обслуживание подъемника для трупов	2 чел.
8	Уборка трупов с подъемника	2 чел.
9	Подноска трупов к муфелям (ретортам)	2 чел.
10	Загрузка в муфеля (две группы по 5 человек)	10 чел.
11	Помощник надсмотрщика	4 чел.

В крематориях № 4–5 работало в смену при нормальной работе по 30 человек. На все 4 крематория было, кроме этого, по 3 человека золотых дел мастеров, которые переплавляли золотые зубы.

V. ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ КРЕМАТОРИЕВ, ГАЗОВЫХ КАМЕР И КОСТРОВ

Пропускная способность крематориев, газовых камер и костров в ОСВЕНЦИМЕ неизменно возрастала, и ее динамика выражается в следующем:

а) До марта 1943 года функционирует крематорий № 1, при суточной производительности 300 трупов, имел пропускную способность $300 \times 30 = 9000$ в месяц. Тогда же функционировали газовые камеры № 1 и 2 с кострами с общей пропускной способностью не менее 5000 человек в сутки, или в месяц $5000 \times 30 = 150\,000$ чел.

б) От марта 1943 года до 1 мая 1944 года функционировали крематории № 2, 3, 4 и 5 общей пропускной способностью 9000 трупов в сутки, или 270 000 в месяц.

в) От мая до октября 1944 года кроме указанных четырех крематориев работала газовая камера № 2 с кострами, что увеличивало общую пропускную способность до 12 000 в сутки, или 360 000 в месяц.

VI. НЕМЦЫ УНИЧТОЖИЛИ В ОСВЕНЦИМЕ МИЛЛИОНЫ БЕЗВИННЫХ ЛЮДЕЙ

Тщательно заметая следы своих преступлений, немцы принимали все меры к тому, чтобы скрыть все данные, могущие показать миру количество уничтоженных ими в ОСВЕНЦИМЕ ни в чем не повинных людей. Однако сооруженная ими в ОСВЕНЦИМЕ мощная техника уничтожения изобличает палачей в том, что здесь были отравлены и сожжены миллионы людей.

Только по одним крематориям за все время их существования немцы могли уничтожить:

Наименование	Продолжительность существования (в месяцах)	Пропускная способность (трупов в 1 месяц)	Пропускная способность (трупов за весь период существования)
Крематорий № 1	24	9000	216 000
Крематорий № 2	19	90000	171 000
Крематорий № 3	18	90000	161 800
Крематорий № 4	17	45000	765 000
Крематорий № 5	18	45000	81 000

При учете применения немцами в широких масштабах костров для сжигания трупов общая пропускная способность существовавших в концлагере ОСВЕНЦИМ и находящихся в распоряжении гитлеровских палачей сооружений для уничтожения людей выразится в значительно большем размере. Гитлеровские заправилы, совершенствуя и рационализируя свою людоедскую технику, ускоренными

темпами сооружая в ОСВЕНЦИМЕ все новые и новые крематории, успели эту технику использовать в значительной степени.

Базируясь на следственных данных, можно установить, что немцами за период существования лагеря ОСВЕНЦИМ было уничтожено не менее 4 миллионов человек, и вполне вероятно, что фактическое количество людей, погибших здесь от руки немецких палачей, достигло еще более потрясающих масштабов.

ВЫВОДЫ

1. Немецко-фашистские мракобесы, одержимые идеей истребления народов, в концентрационном лагере ОСВЕНЦИМ построили гигантский комбинат массового уничтожения людей.

2. За период существования лагеря — с 1940 года по январь 1945 года — функционировало пять крематориев на 52 реторты с производительностью около 270 000 трупов в месяц.

3. При каждой крематории была своя газовая камера, где происходило отравление безвинных людей отравляющим газом ЦИКЛОН. Производительность газовых камер значительно превышала пропускную способность печей и обеспечивала самую предельную нагрузку при работе крематориев.

4. Кроме того, существовали отдельно две газовых камеры, при которых немцы сжигали трупы на грандиозных кострах. Обе эти газовые камеры имели пропускную способность не менее 150 тысяч человек в месяц.

5. Немецко-фашистские людоеды в концентрационном лагере ОСВЕНЦИМ, по самым скромным подсчетам, отравили в газовых камерах и сожгли в крематориях и на кострах не менее 4 миллионов человек.

ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДАВИДОВСКИЙ)
ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДОЛИНСКИЙ)
КАНДИДАТ ХИМИЧЕСКТИХ НАУК,	
ИНЖЕНЕР-МАЙОР	(ЛАВРУШИН)
ИНЖЕНЕР-КАПИТАН	(ШУЕР)

Верно: пом. Нач. химотдела 4-го Укр. фронта по разведке гвардии майор Реутов

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36. Л. 19–28. Заверенная копия.

*Выдержка из сообщения ЧГК «О чудовищных преступлениях
германского правительства в Освенциме»*

8 мая 1945 г.

<...>

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Норма крематориев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность крематория по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№ 1	24	9000	216000
№ 2	19	90000	1710000
№ 3	18	90000	1620000
№ 4	17	45000	765000
№ 5	18	45000	810000
ВСЕГО		279000	5121000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные их простои, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионов граж-**

дан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

<...>

О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников // Красная звезда. 8.5.1945.

То же — отдельной брошюрой: Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. М.: ОГИЗ, 1945. 34 с. (2-е изд.: Ульяновск, 1945. 24 с.)

Примечания

¹ Breitman, 2004. P. 185.

² Evans J. The Nazi New Order in Poland. London, 1941.

³ Zarembina N. Oboz smierci. 1942. В 1943 г. ее переиздали по-польски в Лондоне, а в 1944 г. Выпустили по-английски в Лондоне и Вашингтоне.

⁴ Подробнее см.: Swiebocki, 2002. P. 70–72.

⁵ Обозначение писем из тюрем, попавших на волю тем или иным нелегальным способом.

⁶ PIPER, 1993. S. 75–77. Все цифры относительно реальности сильно завышены, но тут важен сам факт коммуникации вовне лагеря.

⁷ PIPER, 1993. S. 78–81. Эти данные, за исключением последней цифры, весьма близки к действительности. Их источником, по всей видимости, были сообщения нескольких узников, кому в 1944 г. удалось бежать из концлагеря.

⁸ См. также в заявлении Информбюро Наркомата иностранных дел СССР «Осуществление гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы» от 19.12.1942 (Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 329–336).

⁹ Так, из Funk-Abwehr-Berichte — сообщения Службы прослушивания радиостанций противника — от 16.6.1944 (по копии в АРМАВ) явствует, что в Лондон сообщили о немецких планах уничтожить в Аушвице еще около 3000 чешских евреев из Терезиенштадта — очевидно в дополнение к уничтожению 5-тысячного семейного лагеря из Терезиенштадта, ликвидированного ранее, 8.3.1944 г.

¹⁰ Разведывательная аэрофотосъемка осуществлялась также 31 мая, 26 июня, 25 августа, 13 сентября и 21 декабря 1944 г. Впервые она была проанализирована на любительском уровне в 1979 году. В конце 1990-х гг. Кэрролл Лукас, специалист-аналитик ЦРУ, проанализировал ее снова и в полном объеме, отметив как наличие крематориев и мест массовых захоронений возле них, так и следы работ по ликвидации соответствующих ям. См.: ZIMMERMAN, 2000.

¹¹ См. факсимиле в: Swiebocki, 2002. P. 77.

¹² См.: Breitman, 2004. P. 185–194.

¹³ Swiebocki, 2002. P. 82–8.

¹⁴ Swiebocki, 2002. P. 13–24. Табо, посланный через Будапешт в Лондон для личного доклада об Аушвице, был вынужден вернуться в Краков из-за оккупации Венгрии.

¹⁵ См.: Report of Jerzy Tabeau // LONDON HAS BEEN INFORMED..., 2002. P. 99–168. В частности, о зондеркоммандо: P. 143–144. О самом Е. Табо см. в том же издании: P. 13–24.

¹⁶ Об их побегах см. в главе «Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания».

¹⁷ См.: Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // LONDON HAS BEEN INFORMED..., 2002. P. 169–274. О самих А. Ветцлере и Р. Врбе см. в том же издании: P. 24–42.

¹⁸ См.: Report of Czeslaw Mordowicz and Arnost Rosin // LONDON HAS BEEN INFORMED..., 2002. P. 275–290. В частности, о зондеркоммандо: P. 212–214. О самих Ч. Мордовиче и А. Розине см. в том же издании: P. 42–53.

¹⁹ В. Ледерер утверждал, что он также отправлял свои материалы в Швейцарию: в мае 1944 г. — письмо, а в ноябре — подробный отчет, но никаких следов этого М. Карни не обнаружил (Карпу, 1999. S. 157–183).

²⁰ Через Аллена Даллеса, в то время американского резидента в Швейцарии, Леланда Гаррисона, посла, и Розвелла Мак-Клеланда, представителя Комитета США по вопросам беженцев войны.

²¹ См. ее текст в: Swiebocki, 2002. P. 55–56. См. также: Funk-Abhör-Bericht Nr. 1603-7 Va von 16.6.1944 (APMAV. D-20/132. Materialy Ruchu Oporu, t. XXIV. S. 3). В течение нескольких дней это сообщение перепечатали все важнейшие английские и американские газеты.

²² GERMAN EXTERMINATION CAMPS — AUSCHWITZ AND BIRKENAU. Washington, 1944. 59 p.

²³ Swiebocki, 2002. P. 62–63.

²⁴ Swiebocki H. Auschwitz: What Did the World Know During the War? // London has been informed... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002. P. 63–66.

²⁵ Wasserstein B. Britain and the Jews of Europe 1939–1945. London, 1979. P. 309–312.

²⁶ См. главу: «И в конце тоже было Слово...»

²⁷ См.: Wyman D. S. (ed.). America and the Holocaust. The Abandonment of the Jews. Vol. 12. Bombing Auschwitz and the Auschwitz Escapees Report. New York and London: Garland Publishing, Inc., 1990. P. 164–165 (Documents 54, 55). Оба документа экспонируются в Мемориальном музее Холокоста в США.

²⁸ Цели, расположенные в 20–25 км от Биркенау, бомбили еще 7 июля и 7 августа.

²⁹ Swiebocki H. Die lagernahe Widerstandsbewegung // Hefte von Auschwitz. 1995. Nr. 19. S. 164–184.

³⁰ Об этом предупреждали, в частности, С. Клодзинский и Й. Циранкевич. См. также: Swiebocki, 2002. P. 86–93.

³¹ Tyas S. Allied Intelligence Agencies and the Holocaust Information Acquired from German Prisoners of War // Holocaust und Genocide Studies. Vol. 22. Nr. 1. Spring 2008. P. 1–24.

³² Так что генерал Мак-Клой был хорошо осведомлен о сути вопроса, вступая в переписку со Всемирным еврейским конгрессом по этому поводу.

³³ Чудовищные преступления гитлеровских палачей в Польше // Труд. 1942, 30 июля. С. 4 (здесь и далее сведения о газетных публикациях, кроме оговоренных, приводятся по: Berkhoff K. «Total Annihilation of the Jewish Population». The Holocaust in the Soviet Media, 1941–45 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Winter 2009. No 1. P. 79, 94).

³⁴ Чудовищные преступления гитлеровских палачей в Польше // Труд. 1943. 10 марта. С. 1.

³⁵ Страдания и борьба польского народа // Труд. 1943. 3 апреля. С. 4.

³⁶ Зверства гитлеровских людоедов в Польше // Правда. 1943. 14 апреля. С. 4. То же и тогда же — в «Труде».

³⁷ Лагерь смерти в Освенциме // Правда. 1943. 27 октября. С. 4. То же и тогда же — в «Известиях» и «Труде».

³⁸ Сообщение американского управления по делам беженцев о зверствах немцев в Польше // Правда. 1943. 29 ноября. С. 4.

³⁹ Информационный бюллетень Научно-просветительного центра «Холокост». 1995. № 4. [с. 2]. Публ. Г. В. Костырченко.

⁴⁰ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 109–110. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 110. Л. 289.

⁴¹ ПЕТРЕНКО, 2000. С. 99.

⁴² Письмо за № 1/18747 (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 38). 9.10.1944 ответственный секретарь ЧГК П. Богоявленский направил копию этого письма в МИД, т. Грибанову.

⁴³ Подписано в печать 6 июня 1945 г.

⁴⁴ См.: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 381–382.

⁴⁵ Цит. по: Петренко, 2000. С. 99–100.

⁴⁶ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 115–116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 165–171.

⁴⁷ См. в главе «Что и когда союзники знали об Аушвице».

⁴⁸ ПЕТРЕНКО, 2000. С. 100.

⁴⁹ ПЕТРЕНКО, 2000. С. 103.

⁵⁰ Петренко, 2000. С. 90–91.

⁵¹ Эвакуировались не только люди, но и вещи. Так, между 1.12.1944 и 16.1.1945 г., или в последние 1,5 месяца функционирования концлагеря, в вещевом складе «Канада» было переработано и подготовлено для отправки 99 992 штуки детского платья и белья, 224 269 штуки мужского платья и белья, и 192 652 штуки мужского платья и белья, итого 516 843 штук платья и белья. Уже к 9.1.1945 г. 96 310 штук различных видов одежды было разослано по концлагерям во внутренней Германии — больше всего в Маутхаузен и Гросс-Розен, но кроме того и в Дахау, Равенсбрюк, Миттельбау-Дора, Нейенгамме, Заксенхаузен, Штуттоф и Флоссенбург. (Strzelecki A. Der Raub des Besitzes der Opfer des KL Auschwitz // Hefte von Auschwitz. Nr. 21. Oswiecim, 2000. S. 92–94.)

⁵² Петренко, 2000. С. 93.

⁵³ Петренко Василий Яковлевич (1912–2003), генерал-лейтенант. До и после Освенцима — профессор, бывший начальник кафедры военного искусства Академии имени Фрунзе.

⁵⁴ Петренко, 2000. С. 86–88.

⁵⁵ Командир — генерал П. Ф. Ильиных.

⁵⁶ Командир — генерал П. И. Зубов.

⁵⁷ По другим данным, освобождение Моновица состоялось только утром 27 января (СЗЕН, 1989. С. 993–994).

⁵⁸ Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 52. Л. 3 об.)

⁵⁹ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 111–112. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 70–73. Воспроизведено также в: Петренко. 2000. С. 108–109. (Со ссылкой на ЦАМО, но без указания сигнатуры и без упоминания Ф. Д. Свердлова). См. также: «Трагический урок» [Интервью с генералом В. Я. Петренко] // Лехаим, 2001. Февраль. № 2.

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 34–35 (нам сообщено Д. Полем и М. Ульмом, обнаружившим этот документ). В акт включены свидетельства С. Ярошевского и бывших советских военнопленных Н. К. Сафонова, К. А. Казаринова. Последний, в частности, рассказал, что в городе Явожно был и обособленный лагерь английских военнопленных, эвакуированных немецким командованием вглубь Германии за два месяца до прихода Красной армии.

⁶¹ ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 26–27.

⁶² Начальник штаба полка полковник Дегтярёв.

⁶³ В донесении Гришаева Ящечкину от 27.1.1945 говорится об освобождении и Аушвица, и Биркенау; в этом донесении, при всей путаности и фантастичности некоторых его данных, сообщенных узниками, действительно упоминаются признаки обоих лагерей (ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 82–83). Однако, по другим сведениям, Биркенау освободили только назавтра, 28 января. См.: Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 52. Л. 3 об.).

⁶⁴ Шапиро Анатолий Павлович (1913, Константиноград Полтавской губ. — ок. 2005, США) — в 2006 президент Украины В. Ющенко присвоил ему звание Героя Украины с вручением ордена Золотая звезда. Автор книги «Зловещий марафон» (2005).

⁶⁵ В боях за освобождение концлагеря и его филиалов погиб 231 красноармеец (СЗЕСН, 1989. С. 994–995).

⁶⁶ См. на сайте «Наша победа», подготовленном РИА «Новости»: <http://9may.ru/27.01.1945/inform/m2931>.

⁶⁷ ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 20–21 (нам сообщено Д. Полем и М. Ульмом, обнаружившим этот документ).

⁶⁸ СЗЕСН, 1989. С. 995.

⁶⁹ Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И. Альгман и Л. Терушкин. М.: МИК, 2007. С. 299.

⁷⁰ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 113–114. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 85. Последняя переключка, проведенная 17.1.1945 в трех Аушвицких концлагерях и их филиалах, дала следующий результат (чел.): Аушвиц-I — 10 030, Аушвиц-II — 11 576 и Аушвиц-III — 33 045, всего 54 651 чел., в т.ч. 96 советских военнопленных (KRAUS, KULKA, 1991. S. 370–371).

⁷¹ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 114. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 201–202.

⁷² СВЕРДЛОВ, 1996. С. 115–116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 165–171.

⁷³ См. в главе «Демография и статистика Холокоста».

⁷⁴ Так в тексте.

⁷⁵ В самом Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь № 2692. Начальник госпиталя — майор медицинской службы, доктор медицинских наук Маргарита Александровна Желинская (сообщено А. П. Казыриным и А. Ю. Валькович). Позднее там были развернуты медицинские учреждения и Польского Красного Креста.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 1–5. За № 257200 с и с пометой: «В архив. 8/III».

⁷⁷ Лагерный № 183830. В Биркенау Николай Курский попал из Майда-нека 13.4.1944. Он зафиксирован в документации Института гигиены СС в Аушвице среди лиц с диагнозом «подозрение на туберкулез дыхательных путей» за 8, 18 и 20.9.1944 (АРМАВ. Segr. 48. SS. 1387; Segr. 49. S. 754; Segr. 50. S. 677).

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 26. Л. 4.

⁷⁹ СВЕРДЛОВ, 1996. С. 111–116. Различные отчеты начальника политотдела 60-й армии, освобождавшей Освенцим. См. их сводку в: Полян П. М. Первые советские оценки численности жертв лагеря смерти Аушвиц // Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем // КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 359–382.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 38.

⁸¹ Так в тексте.

⁸² Явная арифметическая ошибка или опечатка. Надо: 9375 чел.

И ВСЕ-ТАКИ ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ: СТАТИСТИКА И ДЕМОГРАФИЯ ХОЛОКОСТА

«Я написал это, находясь в зондеркоммандо... Я хотел оставить это, как и многие другие записки, на память для будущего мирного мира, чтобы он знал, что здесь происходило. Я закопал это в яму с теплом, как в самое надежное место, где, наверное, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших. Но в последнее время они начали замечать следы...»

(Залман Градовский. Письмо к потомкам¹)

«...В 1942, не помню в августе или сентябре, пришел приказ фюрера: служба в Аушвице — это фронтовая служба. Это значит, другими словами, что тот, кто тут служит, не может просить о переводе в другое место. С фронта никакой солдат проситься не может...»

(Из интервью Йозефа Эрбера, начальника женского лагеря в концлагере Биркенау²)

«...Чтобы описать все зверства, виденные мною... в Освенциме, нужен был бы новый Дант».

(Из донесения венгерского врача Дьюлы Галя от 22 марта 1945 года³)

Жертвы Холокоста — кто они?

...Во-первых, никаких дискуссий о еврейской идентичности! Про этот «спор жидов между собой», про Галаху, про «йиддише мама», про гиюр, — убийцы и знать ничего не желали об этом. Еврейский отец — такое же несчастье, как и еврейская мать. И тех, и других — к чертовой матери! В расход!

— Смешанные семьи, мишлинги? Думать надо было, прежде чем жениться! — Поживите пока, а там разберемся, нам подумать надо. Все, подумали: долой, в расход!

– Неверующий, говоришь? Светский? Атеист? В синагогу не ходишь? Ну а мне-то что? Еврей, доннер веттер, — это же раса, а не конфессия. — В расход! В камин!

– Конвертит? Ренегат? Православный! Католическая монахиня? Будущая святая? — Да хоть архиепископ парижский, да хоть папа римский! Не имеет значения — все равно жида! За версту несет! — Долой, в топку!

– А ты, славянская сволочь, всю жизнь с жидом прожила, вон сколько детей ему нарожала! С ним и с ними все ясно, а с тобой мне что делать? Что-то ты смотришь как-то вызывающе, без благодарности. Жить не хочешь? Где же твоя благодарность, где приветливость? Ах, негу? — Дура! В расход!

– А ты, чернявый, кто будешь? Политрук? Еврей? Ну, скажи «куруза», ну, покажи нам свой хер! Нет, вроде не жид. Но ведь похож, ну до чего же похож! А, может, все-таки жид? А я вот Мыколу спрошу: он-то местный, он-то ваших знает, отличает, чувствует! Видишь, он кивает — жид, значит... — Сгинь, в расход!

О да!.. При дефиниции круга своих еврейских жертв нацисты не мелочились. Евреи — это раса, это нация, места для действительности галахических установлений не остается, и времени тоже. Смерти прохлаждаться некогда.

Заметим: в число еврейских жертв Холокоста вошли не только гражданские лица, но и военнослужащие, но не те, что пали на поле боя, а и те, кого враг взял в плен, и, в соответствии с людоедскими приказами Гейдриха, — расстрелял.

Но не вошли в их число те, кто, «чуя грядущие казни» или попробовав на себе все прелести расистского кнута, бежали от нацистов, будь то еврейско-немецкие эмигранты в Принстоне или советские эвакуированные в Чистополе. Как не войдут в их число и еврейские жертвы Ленинградской блокады: здесь финско-немецкие клещи были направлены не против евреев, а против всех, кто задышался и подыхал внутри.

Чего не скажешь про Аушвиц-Биркенау. Эти газовни и крематории никто бы и строить не стал, когда бы ни нужда окончательно порешать один-единственный, но все еще не порешенный вопрос!

Что ж, палачи заставили нас ориентироваться на иные — собственные — представления о евреях, на свои понятия о том, кому быть и кому не быть их жертвами. Да, увы, они нас не спрашивали — они их нам навязали, — если угодно, они изнасиловали нас!

Но не надо делать вид, что ничего не было, — от этого уже никуда не деться!

И надо задуматься над тем, что все это значит...

Демографический баланс еврейского населения лагеря Аушвиц

1

Ареал Холокоста в точности следует контурам Второй мировой войны на европейском театре боевых действий. Немецкие и румынские военные и карательные органы, — не без помощи добровольных энтузиастов из оккупированных ими областей, — хватали и убивали евреев на просторах от Лапландии до Крита и от Амстердама до Нальчика. Если бы танки Роммеля не увязли бы в песках Аламейну, прорвались бы на запад и вошли бы в Иерусалим, то за айнзатцгруппой дело не стало бы: она была уже сформирована и сидела на рюкзаках в Италии...

Но центральным местом этой незримой империи человеконенавистничества, своего рода «резиденцией» смерти⁴, являлся лагерь в Аушвице (ныне Освенцим). Здесь, прибегая к словечку *Lebensentziehung*⁵ из терминологии палачей, была «отрешена от жизни» каждая шестая жертва Шоа!

Поэтому, прежде чем обратиться к демографии Холокоста в целом, рассмотрим поучительную историю и динамику оценок числа жертв этого места — быть может, самого зловещего места на всей земле.

Обзор соответствующих источников приводится в многочисленных исследованиях, выходящих на всех языках и по всему миру. Весьма обстоятельные первичные сведения, базирующиеся на уцелевших концлагерных архивах, можно почерпнуть из неперIODических аналитико-документальных сборников «Освенцимские тетради» и других изданий, выпущенных научным отделом мемориального музея в Освенциме. Компактное, но весьма цельное описание таких источников Франтишек Пипер дал в своей монографии «Количество жертв Аушвица на основе источников и исследований, выполненных в 1945–1990 гг.»⁶

Концлагерь Аушвиц был освобожден 27 января 1945 года войсками 3-го Украинского фронта, на его территории работал целый ряд советских государственных комиссий. Перед оставлением и эвакуацией лагеря немцы систематически уничтожали лагерные архивы. Тем не менее в руки освободителей попал весьма значительный блок архивных материалов⁷. 26 марта 1945 года они были направлены в Главное архивное управление НКВД СССР, где их привели в порядок, систематизировали и отчасти изучили. Та часть лагерного архива, что попала в Советский Союз, со временем была распределена между тремя хранилищами — ГА РФ, РГВА и ЦВММ.

Большинство документов относилось к находившемуся на территории лагеря Центральному строительному управлению войск СС и полиции безопасности в Аушвице: эти материалы поступили для анализа, каталогизирования и оперативного использования в так называемый Особый архив НКВД СССР, где аккумулировались трофейные архивные материалы (позднее он стал составной частью РГВА).

Другая — меньшая — часть документов оказалась частью архива комендатуры концентрационного лагеря Аушвиц, а также архива: их оригиналы были переданы в ЦВММ МО в Санкт-Петербурге для изучения медицинских аспектов жизни и смерти в концлагере. Позднее к ним добавился и один из центральных документов по истории Холокоста — рукопись на идиш, написанная Залманом Градовским, польским евреем из-под Гродно, одним из зондеркомандовцев и руководителей их восстания 7 октября 1944 года⁸.

Наконец, в ГА РФ, в фонде ЧГК⁹, отложились, главным образом, материалы, сформировавшиеся во время работы в бывшем концлагере Аушвиц различных советских и советско-польских комиссий по установлению преступлений национал-социализма. Поскольку эти комиссии в значительной степени привлекали к подготовке своих отчетов и обнаруженный на месте архивный материал, то в ГА РФ отложилось немало копий тех документов, что впоследствии осели в РГВА и ЦВММ. Среди них встречаются и материалы, непосредственно относящиеся к демографическим оценкам Холокоста — в частности, самые первые оценки количества жертв Аушвица, датированные еще 16 марта 1945 года¹⁰.

Основополагающее значение имела система регистрации узников этого концлагеря — система, вошедшая в историю под названием СЕЛЕКЦИЯ. Аушвицкая коннотация этого мирного и позитивного слова, в довоенном сознании увязанного скорее с агрономией и Мичуриным, отныне и навсегда подмяла под себя все остальные его смыслы.

Одних узников, пригодных для принудительного труда, медицинских экспериментов и еще каких-нибудь целей, могущих родиться только в национал-социалистских головах, ставили по одну сторону ramпы, других — старых, больных, инвалидов, малых детей — по другую.

Первыми никто, правда, не восхищался, никто не гладил их по головке, но их регистрировали и везли в карантин, и со временем — вот еще одно сугубо аушвицкое ноу-хау — им накалывали на запястьях их персональные номера. Им как бы говорили: «Ты нам еще нужен, мы тебя будем даже кормить — будь паинькой, поживи пока».

А вот другим, — тем, которых, как правило, на ramпе было подавляющее большинство, — посылался другой сигнал: «Для чего нам всех вас регистрировать? вы же не к нам, вам совсем в другой лагерь —

мы вам сейчас наврем, наплетем про трудовые лагеря на востоке, про баню и про дезинфекцию, а вы уж, пожалуйста, не волнуйтесь, проходите в раздевалку и делайте, что вам говорят. Очень жаль, конечно, что вы не к нам, но ничего не попишешь, очень жаль!»

В каком-то смысле все это правда. Не прошедшим селекцию — не место в концлагере, в его великолепных утепленных бараках и на его восхитительных, на его роскошных нарах! Его ждет совершенно другой лагерь, расположенный, правда, тут же, в двух шагах. (Злые языки назовут его позднее не вполне уважительными словами — «лагерь уничтожения», «фабрика смерти» и т.п.) А ведь это по-своему совершенное предприятие, новаторское, конвейерного типа, — плод идеологической и инженерной мысли лучших национал-социалистских умов! Все здесь до мелочей продумано и технологично: например, приспособления для подогрева воздуха в газовых камерах, благодаря чему синильная кислота из гранул одного дезинфицирующего спецсредства испаряется быстрее, и смерть не заставляет себя долго ждать, или эти желобки для ускоренного стекания жира, или эти сита для просеивания не прогоревших костей, или эти совершенно особые «санитарные» машины с красными крестами на бортах для перевозки банок с теми самыми гранулами и обслуживающих его сотрудников в противогазах, ежедневно и героически рискующих своей жизнью во имя высокой и очистительной цели — обезьеживания Европы!¹¹

Концлагерь Аушвиц, — поначалу всего лишь один из многих в сети концлагерей СС, — стал, наряду с Люблином-Майданеком¹², едва ли не единственным из них, что попытался совместиться с иной ипостасью, административно нигде не зафиксированной, хотя, в сущности, и основной — с *отрешением евреев от жизни*.

Нет, он не слишком стыдился или таился — этот *лагерь в лагере!* Это двери *его* газовен втягивали в свое драконово чрево шевелящиеся ленты еще дышащих очередей, тянущиеся от рампы; это *его* костры и трубы *его* крематориев дымились или светились пламенем и днем, и ночью, и никакая рошица вдоль дальней кромки огромного лагеря, не могла заслонить собой эти жуткие отблески или защитить от сладковато-тошняка запаха горелого человеческого мяса. Через таинство селекции проходили все — и те, и *эти*. И когда трудоспособные счастливики из настоящего концлагеря — в полосатых робах и с вытатуированными номерами, наконец, догадывались о связи всех этих явлений, то больше они уже не спрашивали о судьбе своих близких, с которыми навсегда распростились на рампе...

Общее количество эфемерных узников этого второго — незримо — лагеря насчитывало, согласно Ф. Пиперу, 880 тыс. чел. Подавля-

ющее их большинство — 98% — евреи, остальные 2% приходятся на часть советских военнопленных, поляков, а также на неустановленных узников других концлагерей, привезенных в Аушвиц с той же гуманной целью — в видах экономного умерщвления.

Или же умерщвления экспериментального. Собственно говоря, экспериментом поначалу была и сама газация: именно с опыта двух тысяч советских военнопленных, — а вернее, опыта над двумя тысячами советских военнопленных, — все и началось. Их привезли в концлагерь Аушвиц в начале сентября 1941 года (а возможно, что несколько сотен поступили и погибли, как кролики, еще в августе). Привезли из окрестных шталагов, где незадолго до этого их тоже подвергли *селекции* и вывели-таки на чистую воду — разоблачили как политруков или как евреев. На территории Рейха в шталагах их расстреливать не полагалось, вот и везли их, в точном соответствии с «Боевыми приказами» начальника РСХА Гейдриха, в их последний путь — в специально отведенные для этого места. Расстрелять их никогда не поздно, но не лучше ли принести их в жертву во имя науки, — науки, определенно центральной в этом Рейхе, — науки убивать людей?

Так, с советских военнопленных, предназначенных для пробных экзекуций с удушением газами, — и начинаются все три основополагающие аушвицкие практики, сыгравшие определяющую роль в судьбе евреев, — практика *селекции*, практика *не-регистрации* и практика *убийства в газовых камерах*¹³. Кроме того, использовались они еще и для дезинформации и маскировки подлинных целей палачей: обозначение всего лагеря в Биркенау (Аушвиц-2) лагерем для военнопленных вместимостью в 125–200 тыс. чел., вероятно, должно было послужить формальным оправданием и прикрытием для строительства гигантских камер по борьбе со вшивостью и крематориев-монстров¹⁴. Демаскирующим эту попытку является и то, что организацией, курирующей крематории, была не комендатура лагеря Биркенау и не гигиеническая служба концлагеря в целом, а его политическое управление!¹⁵

Однако отсутствие регистрации и картотек еще не означает отсутствия иной документации. Так, многочисленны документы, связанные с транспортировкой заключенных в Аушвиц (эшелонные списки, списки прибывших эшелонов и т.д.). Особенно подробны сведения такого рода, документирующие депортацию сюда 437 402 венгерских евреев¹⁶. Кроме того, существовали отчеты наверх об итогах проведенных селекций, политический отдел концлагеря направлял их в РСХА в Берлин, а отдел трудового использования — в Ораниенбург, в отдел D II Главного управления концентрационных лагерей СС и полиции безопасности. Отчеты первого типа не сохранились, а вот

отчеты второго типа, — по крайней мере, три — уцелели. В одном из них, датированном 20 февраля 1943 года, сообщалось о трех эшелонах, прибывших из Терезиенштадта 21, 24 и 27 января 1943 года. Всего в них находились 5022 евреев, из них 930, в том числе 614 мужчин и 316 женщин, были отобраны для трудового использования, а прочие 4092 чел., в том числе 1422 мужчины и 2670 женщин и детей, были «устроены по-особому» (Sonderuntergebracht)¹⁷. В таких случаях еще более употребительными, нежели «особое обустройство» (Sonderunterbringung), были термины «особое обхождение» (Sonderbehandlung) и «особые мероприятия» (Sondermaßnahmen). Но смысл их был один и тот же — «ликвидация» и «убийство».

Нельзя пройти мимо и другого термина-эвфемизма, встречающегося в технической документации газовых камер и крематориев, а именно упоминавшегося уже выше Lebensentziehung — «жизнеотрешения», или «обезжизнение».

3

Сведения о самом лагере смерти, о его временных обитателях и их вечной трагедии, день изо дня столь рутинно и буднично разыгрывавшейся в Аушвице, достигали союзнических штабов, но, как правило, клались под стекло и на протяжении долгого времени в прессу упорно не попадали¹⁸. Первые сообщения об этом датируются не ранее, чем серединой 1944 года¹⁹. Так, 15 июня 1944 года ВВС сообщило о 4 тысячах чехословацких евреях, депортированных в Аушвиц из Терезиенштадта и убитых в газовых камерах 7 марта, а также о том, что все исполнители этого массового убийства известны поименно и скоро они получат по заслугам²⁰.

Комитет по делам военных беженцев при правительстве США предал гласности справку об уничтожении в Аушвице, по состоянию на ноябрь 1943 года, около 1,5 млн евреев. Альфред Ветцлер и Вальтер Розенберг, он же Рудольф Врба, называли еще большую цифру — в 1765 тыс. евреев, по состоянию на апрель 1944 года²¹. Эта цифра — максимальная из всех информации, поступивших от аушвицкого подполья. Она была сложена из еврейского населения следующих стран (в тыс. чел.): Польша — 900, европейские евреи, уже доставленные на территорию Польши, — 300, Франция — 150, Голландия — 100, Германия — 60, Бельгия — 50, Югославия, Италия и Норвегия — 50, Греция — 45, Литва — 30, Чехия, Моравия и Австрия — 30, Словакия — 30²². С учетом данных о смертности других национальностей, общее число убитых в Аушвице оценивалось подпольщиками приблизительно в 2 млн чел. И хотя многие оценки существенно завышены по сравнению с поддающейся верификации действительностью,

все же нельзя не подивиться тому вниманию, какое руководителями подполья уделялось такого рода подсчетам и оценкам, как и той тщательности, с которой каждая новая информация аккумулировалась и обрабатывалась в их руководстве.

Близкие цифры циркулировали и во втором центре подпольного сопротивления в Аушвице — среди еврейских активистов из зондеркоммандо. И Залмен Градовский, и Залмен Левенталь упоминали в своих сотрясающих душу записках «миллионы» евреев, прошедших буквально через их руки. Другие зондеркоммандовцы давали следующие оценки: Станислав Янковский, он же Альтер Файнзилбер — 2 млн чел., Яков Каминский — 3,5 млн чел. (по состоянию на август 1943 года и в передаче Якова Гордона), Генрих Таубер и Шлэймо Драгон — 4 млн чел., Генрих Мандельбаум — 4,5 млн чел.²³

Того же порядка — и оценки еврейских жертв нееврейскими узниками Аушвица. Поляк Казимир Смолен, работавший писарем в регистратуре политического отделения, утверждал, что из числа зарегистрированных узников концлагеря погибли не менее 300 тыс. чел., тогда как число незарегистрированных жертв составляло, по его оценке, 2,5 млн чел., итого — 2,8 млн чел. Там же работала и Станислава Рахвалова: она слышала о том, что число жертв — от 4 до 5 млн чел. Витольд Кула оценивал эту величину в 3,5–4,0 млн чел., Эрвин Ольшовка — в 4,0–4,5 млн чел., а Казимир Чижевский полагал, что их было от 4 до 5 млн чел. Немец Ганс Рот говорил о 4 млн, добавляя при этом, что это, мол, было известно каждому. Француз Бернар Шардибо, капо команды «Канада 1» в базовом лагере Аушвиц-1, давал максимальную из оценок такого рода — 5,0–5,5 млн чел.²⁴ Близкие цифры называли и два венгерских свидетеля — Бела Фабиан говорил о 5,1 млн чел. (11 апреля 1945 года)²⁵, а доктор Дьюла Галь — о 5 млн жертв, из них 3,5 млн евреев и 1,5 млн поляков и русских (22 марта 1945 года)²⁶.

И, как ни странно, того же порядка оценки — у большинства из представителей «палачей» (млн чел.): Пери Броуд и Фридрих Энтрес — 2,0–2,5, начальник политического отделения концлагеря Максимилиан Грабнер — не менее 3,0, Вильгельм Богер — не менее 4,0; Владзимеж Билан — 5,0–5,5²⁷. Особенно интересны в этой связи признания самого информированного из свидетелей — многолетнего коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хлсса.

В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он назвал 2,5 млн чел. как суммарную величину еврейских жертв в Аушвице, сославшись при этом на А. Эйхмана. При этом сам Хлсс находил эту оценку завышенной: «*Возможности уничтожения даже в Аушвице были не безграничны*». И когда он попытался восстановить по памяти число еврейских жертв по отдельным странам, то назвал следующий ряд

цифр (тыс. чел.), суммирующийся в 1,13 млн чел., хотя и явно неполный: Верхняя Силезия и Генерал-Губернаторство — 250, Германия и Терезиенштадт — 100, Голландия — 95, Бельгия — 20, Франция — 110, Греция — 65, Венгрия — 400, Словакия — 90²⁸. Что касается самого Эйхмана, то на своем процессе в Иерусалиме он отказался подтвердить или опровергнуть какую-либо конкретную цифру числа своих жертв в Аушвице²⁹.

4

Начальный этап определения количества жертв в Аушвице был напрямую связан с результатами деятельности советской ЧГК, приступившей к своей деятельности почти сразу же после освобождения лагеря. Была создана специальная Экспертная техническая комиссия³⁰, опросившая около 200 бывших узников и бывших сотрудников концлагеря; среди лиц, активно с нею сотрудничавших, были и трое бывших зондеркомандовцев, добровольно вернувшиеся на место бывшего лагеря, — Г. Таубер, Ш. Драгон и Г. Мандельбаум³¹. Комиссия основательно изучила также сохранившиеся чертежи и документацию о крематориях и газовых камерах Аушвица-Биркенау и их остатки на местности.

В печати, в частности, в «Красной звезде» (в предпоследний день войны — 8 мая 1945 года!³²) были опубликованы только окончательные выводы Комиссии по интересующему нас вопросу. Необычайно выразительно то, что евреи в тексте Сообщения ЧГК об Освенциме практически не упомянуты! Зато упомянуты — и напрасно! — граждане Румынии и Болгарии, отнюдь не характерные для контингента узников Аушвица (хотя часть румынских евреев из Трансильвании и, действительно, попала в Аушвиц — вместе с венгерскими евреями).

Выводы Комиссии базируются исключительно на технологических параметрах оборудования по уничтожению людей и содержат целый ряд мелких и крупных неточностей. Заметить и понять их помогает сравнение с промежуточными данными и результатами, впервые сведенными нами воедино и представленными в Приложении 5.

Так, в первом из своих расчетов — «Расчете по определению количества людей, уничтоженных немцами в лагере Освенцим» — Комиссия, разбив деятельность лагеря смерти на этапы и просуммировав поэтапные данные, пришла к выводу, что в Аушвице были убиты газами и сожжены 4058 тыс. чел., или, округленно, 4 млн чел. При этом она допустила несколько серьезных просчетов, в том числе и арифметических. Ориентируясь, по-видимому, не столько на технические параметры установок, сколько на показания зондеркомандовцев, они заложили в расчет явно завышенные (причем существенно — в

среднем в 1,5 раза) данные о суточной пропускной способности крематориев. Но самое главное: неравномерность работы крематориев хотя и учтена (с помощью поправочных коэффициентов), но очень существенно недооценена. Такой сверхнапряженной ситуации, как во время «венгерской операции» не было ни до, ни после нее³³. Не вполне точны и данные о количестве месяцев эксплуатации крематориев (отклонения от действительных составили от 1–3 до 11 месяцев!).

В окончательном «Акте» Комиссии³⁴ суммарный итог, взятый даже без учета костров при Газовой камере № 2³⁵, составил ощутимо большую, нежели 4058 тыс. чел., величину, а именно 5121 тыс. чел. С этим еще предстоит разобраться, но в качестве гипотезы выскажем предположение, что здесь не были учтены поправочные коэффициенты из первого расчета, учитывавшие фактическую заполняемость крематориев в разные периоды. Решительно непонятно, зачем нужно было приводить еще более высокую цифру, если официальный итог был назван все равно таким же, как и в предыдущем расчете, — не менее 4 млн чел.

В принципе, эти неточности вполне понятны и совершенно простительны для столь раннего этапа исследования лагеря — считанные недели спустя после его освобождения! Хуже другое: этот сырой — и уже тогда недостоверный — результат в 4 млн чел. был санкционирован идеологически и сразу же принят за истину в последней инстанции, а со временем и закреплен везде, где только можно, — в экспозиции музея, в путеводителях по нему и даже в памятных гранитных досках при входе...

Надпись на памятнике всем жертвам — на двадцати двух языках — гласила:

«Да будет на века криком отчаяния и предостережения для человечества это место, где гитлеровцы уничтожили около четырех миллионов мужчин, женщин и детей, большей частью евреев, из разных стран мира. Аушвиц, Биркенау. 1940–1945»³⁶.

Да и как же иначе? Ведь расхождений между официальной советской и официальной польской оценками числа жертв практически не было!..

Сразу же после окончания работы советской Комиссии к работе приступила польская, созданная в рамках Главной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Она могла уже опереться на ряд материалов, недоступных зимой и ранней весной 1945 года, в том числе и на показания Р. Хёсса. Тем не менее и она взяла за основу цифру, равную не менее 4 млн жертв. Та же цифра была затверждена и на Главном процессе над нацистскими преступниками в Нюрнберге³⁷. Так что не удивительно, что она же была высечена и

на мемориальных плитах, встречающих посетителя музея в Биркенау сразу же по его прибытии на рампу.

От этих 4 миллионов пусть ненамного, но все же отклонялись цифры Верховного народного суда Польши, приговорившего Р. Хёсса к смертной казни за ответственность в убийстве 300 тыс. зарегистрированных узников Аушвица, не поддающегося установлению числа, но никак не менее 2,5 млн незарегистрированных узников, главным образом евреев и 12 тыс. советских военнопленных. Интересно, что при обосновании приговора фигурировала в качестве наиболее вероятной следующая «вилка» вероятного числа жертв — не менее 3 и не более 4 млн чел. Относительно этих цифр суд заказал два заключения: одно — уже знакомому нам профессору Р. Давидовскому (оно мало чем отличалось от его прежних коллективных расчетов), а второе — Нахману Блументалу. Последний применил совершенно другой подход и оттолкнулся от общего количества польских евреев, убитых в Шoa. Эта цифра принималась в Польше равной 3 млн чел. Проанализировав данные о числе погибших польских евреев в других пяти лагерях смерти, а также о числе депортированных в Аушвиц евреев из других европейских стран, Блуменфельд пришел к выводу о том, что в Аушвице погибли от 1,3 до 1,5 млн евреев, в том числе около 1 млн европейских евреев, включая сюда и 450 тыс. венгерских³⁸.

Изложенные только что цифры и их обоснования представляли собой, по сути, демографический официоз (заключения международных и государственных организаций и судов). Еще долгое время, — вплоть до 1980-х, если не до 1990-х гг., — они оказывали сильное давление не только на мемориальную работу в музеях, но и на саму историческую науку, особенно в восточноевропейских странах.

Западные исследователи были много свободнее от такого гипноза, отсюда и большой разброс в соответствующих оценках — от 770 тыс. у Джеральда Рейтлингера до 2,5 млн у Аарона Вайса и Иегуды Бауэра. Кажется, лишь один из них один — Ойген Когон с его оценкой в 3,5–4,5 млн чел. — вписывался в систему советско-польских демографических взглядов³⁹.

Оценка Рейтлингера не только самая низкая, но и, как оказалось, наиболее точная. Но она еще и самая ранняя. Английское первое издание его классической книги «Окончательное решение. Попытка Гитлера уничтожить европейских евреев в 1939–1945 гг.» вышло в 1953 году⁴⁰. Позволим себе процитировать то место, от которого впоследствии отталкивались все будущие исследователи:

«Что касается общего количества евреев, признанных на рампы Аушвица и Биркенау для селекции, то их можно довольно точно сосчитать для западно- и центральноевропейских, а также для Балканских стран; чего не скажешь о Польше. Не за что уцепиться и в вопросе о

доле среди них тех, кого отправили в газовые камеры. Эта доля была сравнительно низкой до августа 1942 года и после августа 1944 года, но в промежутке она могла опускаться в отдельных случаях до 50% и тут же взвиваться до 100%. В нижеследующей таблице учтены транспорты из Франции и Греции, направлявшиеся в Майданек, 34 тысячи голландских евреев, перенаправленных в Собибор, а также различные транспорты в Терезиенштадт, Бельзен и Равенсбрюк:

Бельгия	22600
Хорватия	4500
Франция	55000
Великогермания (включая концлагеря и Протекторат, только прямые эшелоны)	*20000
Великогермания и Протекторат (через Терезиенштадт)	41500
Греция	50000
Нидерланды	62000
Венгрия (в границах военного времени)	380000
Италия	5000
Люксембург	2000
Норвегия	700
Польша и Балтийские страны	180000
Словакия (в границах 1939 г.)	20000
[ИТОГО]	843300

* Неточные данные

Лишь немногие из этого огромного количества в настоящее время живы; самое меньшее, 770 тысяч погибли в Аушвице до момента эвакуации лагеря в январе 1945 года. В газовых камерах Аушвица умерли сразу же по прибытии от 550 000 до 600 000 чел., однако из тех, по меньшей мере, 300 000, которые умерли уже после того, как поступили в один из лагерей-филиалов, многие нашли свою смерть именно в газовых камерах»⁴¹.

Такие исследователи, как Рауль Хильберг, Вольфганг Шеффлер и Эдвард Крэнкшоу исходят из 1 млн еврейских жертв в Аушвице⁴², Жорж Веллер — из 1352 тыс.⁴³, Мартин Жильбер — из 1,5 млн⁴⁴, «Энциклопедия Холокоста» — из 1,6 млн⁴⁵, Леон Поляков, Люси Давидович и Йозеф Биллиг — из 2 млн чел.⁴⁶, Иегуда Бауэр — из 2,5 млн⁴⁷, а Аарон Вайс — из вилки между 1 и 2,5 млн чел.⁴⁸

Однако, как это ни удивительно, чаще всего и за этими публикациями стоят не собственные исследования, а то или иное отношение — своего рода поправочные коэффициенты — к тому же самому официозу. Биллиг, например, получает свою цифру в 2 млн как... среднюю величину между оценками Хлсса и Эйхмана (затем он прибавляет к ним 230 тыс. зарегистрированных умерших узников-евреев).

По-настоящему оригинальной стала работа Жоржа Веллера, опубликованная в 1983 году. Он шел как бы по методическим следам Рейтлингера и заново проанализировал потоки депортированных в Аушвиц из отдельных стран. Опираясь на во многом уже уточненную эмпирику, он насчитал в общей сложности 1613 тыс. чел., депортированных в Аушвиц (см. табл. 1)⁴⁹.

Таблица 1

Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг., и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ж. Веллеру), чел.

КАТЕГОРИИ	ДЕПОРТИ- РОВАНО, чел.	УБИТО ИЛИ УМЕРЛО, чел.	ДОЛЯ ПОГИБШИХ, %
Итого	1613455	1471595	91,2
В том числе			
евреи	1433405	1352980	94,4
поляки и прочие	146605	86675	59,1
цыгане	21665	20255	93,5
русские	11780	11685	99,2

Дается по: PIPER, 1993. S. 178.

Иной подход продемонстрировал разве что Рауль Хильберг, исходивший, как и Н. Блументаль, из того, что всего в шести лагерях уничтожения на территории современной Польши погибли 3 млн евреев, из них более 1 млн в Аушвице, 750 тыс. — в Трешлинке, 600 тыс. — в Белжеце, 200 — в Собиборе, 150 — в Хелмно и 50 — в Майданеке.

Результаты и Веллера, и Хильберга поставил под сомнение Франтишек Пипер — один из польских ученых, в свое время довольно твердо державшийся демографических пропилеев 1945–1946 гг. Это не помешало ему — уже в 1990-е годы — проанализировать всю соответствующую литературу и отважиться как на ее критический пересмотр, так и на свою собственную оценку (см. табл. 2)⁵⁰.

Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг., и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ф. Пиперу), тыс. чел.

КАТЕГОРИИ	ВСЕГО	НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ	ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ
Итого	1305	905	400
в т. ч. убитые или умершие	1082	880	202
Евреи	1095	890	205
в т. ч. убитые или умершие	960	865	95
Поляки	147	10	137
в т. ч. убитые или умершие	74	10	64
Цыгане	23	2	21
в т. ч. убитые или умершие	21	2	19
Советские военнопленные	15	3	12
в т. ч. убитые или умершие	15	3	12
Остальные (чехи, русские, украинцы, белорусы, югославы, немцы, австрийцы и др.)	25	–	25
в т. ч. убитые или умершие	12	–	12

Рассчитано по: PIPER, 1993. S. 200, 202. Table 29, 31.

Исправляя неточности Рейтлингера и Веллера (но, к сожалению, не оговаривая их подробно), он дает свою вилку величины убитых в Аушвице евреев — от 960 тыс. до 1 млн чел. Однако новейшие разыскания Кристиана Герлаха и Геца Али показали, что около 105 тыс. венгерских евреев, депортированных в Аушвиц, были не уничтожены, а переброшены оттуда в другие лагеря⁵¹.

Поэтому в соответствующей поправке нуждается и суммарное число еврейских жертв в этом лагере: Дитер Поль оценивает его приблизительно в 900 тыс. человек⁵².

Очередную статистическую «революцию» — почти двукратное сокращение числа еврейских жертв в Аушвице — попытался произвести журналист из «Шпигеля» Фритьоф Мейер⁵³. Свою аргументацию он почерпнул из уже озвученных (во время процесса Д. Ирвинга

против Д. Липштадт в Лондоне в 2000 году) и опубликованных⁵⁴, но, по его мнению, недооцененных документов. Его первое журналистское «открытие» — в переписке между фирмой «Тёпф и сыновья» и СС вокруг строительства крематориев в Аушвице встречается внутреннее противоречие; если принять верными и универсальными данные о пропускной способности крематориев, то придется менять статистику. Само противоречие Мейер никак не анализирует, и все обстоятельства, аргументирующие иные цифры, а главное — документирующие иную практику, начисто игнорирует.

Второе его «открытие» — новое прочтение того эпизода из показаний Р. Хёсса, где он говорит, что крематории нельзя было держать в рабочем состоянии постоянно, так что их приходилось останавливать каждые 8–10 часов⁵⁵. Вывод: в крематориях 2 и 3 за 971 их рабочих дней могло быть сожжено не более чем 262 170 трупов, а в крематориях 4 и 5 за 359 рабочих дней — не более чем 51 696, итого — 313 866. Еще 107 тыс. были сожжены в ямах-кострах возле бункеров 1 и 2⁵⁶. А с учетом тех 12 тыс. трупов, что были, по Ф. Мейеру, сожжены в старом Крематории 1, он и приходит к искомому результату: в Аушвице были сожжены в общей сложности 433 тыс. трупов.

В действительности гипотеза о многократных остывании и разогреве крематориев, как и гипотеза о многодневных простоях крематориев 4 и 5 противоречит десяткам свидетельств, в том числе и из самых первых рук — от зондеркомандовцев и от эсэсовцев, а также ежесуточной отчетности о занаряживании рабочих команд в Биркенау, в том числе и зондеркомандо⁵⁷.

Тем «жупелом», который Ф. Мейер стремится опровергнуть, является последняя оценка количества жертв, представленная в работах историков из Освенцима, в частности, Франтишека Пипера. Цифры, к которым пришел Пипер, представлены в табл. 2: из 1305 тыс. депортированных в Аушиц 1095 были евреями, из них 205 тыс. были зарегистрированы, а 895 не были, причем из 960 тыс. погибших в Аушвице евреев 865 тыс. пришлось на не зарегистрированных и еще 95 тыс. — на зарегистрированных. Самое интересное, что на самого Ф. Пипера Мейер практически не нападает: он упрекает его лишь для близиру — в том, что количество венгерских евреев до сих пор не уточнено, а также в том, что 300 тыс. чел. как оценка депортированных из Польши это чересчур много⁵⁸. В качестве девочки для битья он берет коллегу Пипера — Дануту Чех, составительницу фундаментального «Календарiums Аушвица», где строго хронологически и весьма тщательно сведены воедино практически все основные сведения о том, что происходило в Аушвице, в том

числе перечислены все известные ей транспорты⁵⁹. Общее число депортированных в Аушвиц, без учета венгерских транспортов, оценивается ею, по словам Ф. Мейера, в 735 тыс. чел. Отнимая от этой цифры 400–405 тыс. чел. зарегистрированных узников⁶⁰, а также (и, кстати, по второму разу) 15 тыс. советских военнопленных, он получает цифру в 315 тыс. узников, оставленных без регистрации. Далее он суммирует тех, кто не погиб в Аушвице: 225 тыс. переведенных в другие лагеря⁶¹, 59 тыс. были эвакуированы в январе 1945 года и еще 8,5 тыс. остались в Аушвице и его филиалах, — все остальные, то есть 428 500 чел. (что крайне близко к рассчитанному Мейером только что числу трупов!), и суть погибшие в Аушвице!

Не подумайте только, что Мейер умолчал или забыл о венгерских евреях. Тут он даже опирается на данные Д. Чех (60 транспортов, около 180 тыс. чел., из них 29 тыс. — зарегистрированные): при этом, с одной стороны, он умалчивает о том, что эти данные неполные, а с другой не упускает случая указать, со ссылкой на К. Герлаха и Г. Али, что 110 тыс. из них были переадресованы в другие лагеря⁶². Таким образом для газовен остается всего лишь 40 тыс. венгерских евреев! И чем это занимались чуть ли не 800 человек зондеркомандовцев с мая по октябрь 1944 года — занимались, да так, что их даже переселили поближе к работе?!

Прибавив эти 40 тысяч к ранее уже полученным примерно 430 тысячам и накинув еще 30 тысяч на прочие, помимо газовых камер, способы жизнеотрешения (расстрелы, уколы, медицинские эксперименты), Ф. Мейер пришел к неожиданно круглой цифре в полмиллиона еврейских жертв в Аушвице (в самом конце он набросит еще 10 тыс.). При этом он неожиданно добавил, что только 356 тыс. из них погибли в газовых камерах⁶³: если до этого все его шаги были хоть как-то, но аргументированы, то здесь, радикально меняя структуру орудий уничтожения, он обошелся и без подпорок.

При этом у Ф. Мейера хватило бесстыдства глумливо заметить, что то обстоятельство, что неработоспособные люди после селекции отправлялись в камин, вообще-то нигде и никем не задокументировано⁶⁴: этот аргумент настолько не нов и настолько знаком, что делает трудно различимой разницу между отрицателями прошлых лет и «неоревизионистом» Мейером. Об отрицательской подстежке последнего говорит и глубоко презрительное и надменное отношение к жертвам, являющимся для него не более чем единицей измерения.

Впрочем, согласно Ф. Мейеру, последнее до него слово в деле оценки главной трудовой деятельности СС в Аушвице–Биркенау сказал

не Пипер, а Жан-Клод Прессак⁶⁵: количество убитых — не меньше 631 и не больше 711 тыс. чел., из них от 470 до 550 тыс. убитые в газовых камерах и не зарегистрированные евреи. Свой собственный результат Мейер конкретизирует так: 510 тыс. мертвецов, из них 356 тыс. умерщвленных газом. Статью же он заканчивает следующей красивой фразой: *«Этот результат не релятивирует варварство, но уточняет его истинные размеры — жесткое предупреждение против новой цивилизационной катастрофы»*.

В ней, как в капле воды, отразилась и методология всей статьи — запутать и оглушить читателя мнимой сенсационностью, — и идеология отрицательства в его новой, мимикрирующей под классическую историческую науку, версии — редукционалистской: мол, мы не будем больше отрицать сам факт Холокоста или существования газовых камер, но мы сведем его размеры до минимально возможного и выйдем табуретку хотя бы из-под «мифа о шести миллионах».

Демографический баланс европейского и мирового еврейства

1

Попробуем теперь взглянуть на демографию и статистику Холокоста в общеевропейском масштабе.

Интересно, что еще в 1940 году, то есть на до-людоедской стадии немецких депортаций евреев, речь шла не о метафизическом, а о физическом, точнее, географическом, перемещении членов этого нежелательного племени — *«путем переселения евреев из европейского экономического пространства на другую, еще не отведенную территорию. В рамках этого проекта дело идет о 5, 8 млн евреев»*⁶⁶. Иными словами, число объектов этого переселения неизвестно куда оценивалось почти что в 6 млн чел.⁶⁷

К концу 1941 года концепция переменилась, и на Ванзейской конференции, перенесенной с декабря 1941 на январь 1942 года, все участники уже знали или понимали, что именно имеется в виду под «переселением», под «окончательным решением», под «особым обхождением» и т.п. Узнали же они и о масштабах грядущей, а точнее, уже решавшейся задачи.

Вот таблица, которая, несомненно, была роздана участникам и которая фигурировала в протоколе конференции:

**Численность европейского еврейства
(оценки по состоянию на конец 1941 г.), чел.**

Страны	Количество
А. Рейх (старые территории)	131800
Остмарк	43700
Восточные территории	420000
Генерал-губернаторство	2 284000
Округ Белосток	400000
Протекторат Богемия и Моравия	74200
Эстония	Judenfrei
Латвия	3500
Литва	34000
Бельгия	43000
Дания	5600
Франция / Оккупированная территория	165000
Франция / Неоккупированная территория	700000
Греция	69600
Голландия	160800
Норвегия	1300
Б. Болгария	48000
Англия	330000
Финляндия	2300
Ирландия	4000
Италия, включая Сардинию	58000
Албания	200
Хорватия	40000
Португалия	3000
Румыния, включая Бессарабию	342000
Швеция	8000
Швейцария	18000
Сербия	10000
Словакия	88000

Страны	Количество
Испания	6000
Турция (европейская часть)	55500
Венгрия	742800
СССР	5000000
Украина	2994684
Белоруссия, без Белостока	446484
Итого	11000000

Источник: Таблица из протокола Конференции в Ванзее 20.1.1942. Дается по: RIPER, 1993. S. 175–176.

Примечания: А — соответствует оккупированным или зависимым территориям, Б — не оккупированным и независимым.

Таблица, надо сказать, весьма неточная: масштабы европейского еврейства здесь существенно преувеличены. Да и понятно: речь на конференции шла все же о более принципиальных вещах, нежели региональная цифирь, — об еврейском вопросе, об его окончательном решении и о природе это самой окончательности.

Весной и летом 1943 года один за другим входили в строй все новые и новые «цеха» Аушвицкой фабрики смерти — газовые камеры № 2, 3, 4 и 5 и крематории при них. Они возводились в ударном режиме, и, если бы не некоторые технические неточности, их печи запылали бы еще раньше. Их пропускная способность открывала совершенно новые горизонты, и Гимmlеру было важно как можно более точно знать, сколько же европейских евреев уже были уничтожены к этому времени.

Именно тогда (предположительно в апреле 1943 года) он и передал через своего адъютанта приказ инспектору СС по статистике *Рихарду Корхеру* (Richard Korherr) подготовить соответствующий, по состоянию на 31 марта 1943 года, отчет. В нем Корхер писал: *«Европейский баланс еврейства. Сокращение количества евреев в Европе должно составить не менее 4 миллионов голов. Значительные массы евреев насчитываются на Европейском континенте (помимо России около 4 млн) только еще в Венгрии (750 000) и Румынии (302 000), возможно, во Франции. <...> Ожидалось, что, начиная с 1933 года, иными словами, в первое десятилетие нахождения у власти национал-социалистов, европейское еврейство уменьшится в общей сложности вдвое. Однако половина этой половины, иными словами, четверть их общеевропейского поголовья в 1937 году разлетелась по другим частям*

Земли»⁶⁸. Разумеется, в распоряжении эсэсовского статистика был самый богатый цифровой материал — тот самый, который потом так тщательно уничтожался.

Собственно, отчетов Корхера не один, а два (наверняка были и другие).

Таблица 4

**Количество ликвидированных («эвакуированных») евреев
(по данным отчетов Р. Корхера), чел.**

Страны и регионы (в скобках даты их основания)	По состоянию на 31.12.1942	За 1.1.-31.3.1943
Старый Рейх (30.1.1933) с Судетской областью (29.9.1938)	100516	113015
Остмарк (13.3.1938)	47555	
Протекторат Богемия и Моравия (16.3.1938)	69677	
Восточные районы (9.1939) с Белостоком (6.1941)	222177	
Генерал-Губернаторство (9.1939) с Лембергом (6.1941)	1274166	
Франция (10.11.1942)	41911	7995
Нидерланды	38571	13832
Бельгия	16886	1616
Норвегия	532	158
Греция	–	13435
Словакия	56691	854
Хорватия	4927	–
Болгария	–	11364
Русские области, включая бывшие балтийские страны (6.1941)	633300	
	1873539	162269
ИТОГО	2506849	2669118

Источник: Wellers G. Die Zahl der Opfer der Endlösung und der Korherr-Bericht // Aus der Politik und der Geschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament» (Berlin). 1978. Nr. В 30/78. 29 Juli. S. 27.

Сведения из отчета Корхера, возможно, просочились в эсэсовскую среду. Во всяком случае, известно, что еще в 1943 году некоторые эсэсовцы называли в частных беседах цифру в 4–4,5 млн убитых евреев. Их собеседники им, конечно же, не верили или находили саму цифру хвастливо-завышенной⁶⁹.

13 мая 1944 года в газете «Данцигер Форпостен», органе данцигского крайкома Национал-социалистической рабочей партии Герма-

нии, на первой странице, вышла статья под интригующим заглавием: «Иуда перед своим концом». Автор — партайгеноссе Вильгельм Лебзак — писал: *«В различных частях Европы по еврейству нанесены ощутимые удары. Такие ключевые для еврейской устойчивости очаги концентрации, какие мы видели когда-то в Польше, в Варшаве или Люблине, уже нейтрализованы, и то же самое происходит сегодня с поселениями 1,5 миллионов евреев из Венгрии. Тем самым только лишь в двух этих странах нейтрализованы 5 миллионов евреев. Точно так же и в других европейских странах законы против еврейства, уже давно принятые, применяются все строже и строже. Именно с деятельностью этих евреев были связаны главные планы и надежды мирового еврейства. «Они являются нашим троянским конем в крепости врага. Тысячи евреев, живущих в Европе, являются главным фактором в деле уничтожения нашего врага. В них черпаем мы бесценную помощь для нашей победы», так высказался Хайм Вейцман, президент Мировой сионистской организации в своей речи 28 декабря 1942 года перед участниками Всемирного конгресса в Нью-Йорке. Эти слова лишь только значительнее от того, что Венгрия тогда была нашей союзницей, а Вейцман тем не менее был уверен в тамошних еврейских друзьях...»*⁷⁰.

Конечно же, это отнюдь не статистический источник, а пропагандистский пасквиль. Не забудем и даты этой кровожадной статьи: железнодорожный мост между Венгрией и Аушвицем был уже налажен. И пусть им проследовало втрое меньше евреев, нежели это себе представляет, облизываясь, данцигский людоед, но все же ужас и оторопь сопровождают это чтение.

После войны сведения о масштабах еврейского геноцида постоянно всплывали во время допросов или судебных заседаний, посвященных преступлениям национал-социализма. Так, 26 ноября 1945 года бывший майор СС и референт VI отдела Иностранной военной разведки РСХА Вильгельм Нетл, отвечавший в управлении за Юго-Восточную Европу, сообщил Нюрнбергскому трибуналу о своем разговоре в конце августа 1944 года в Будапеште с А. Эйхманом. Эйхман незадолго до этого составил для Гимmlера отчет и поделился с Нетлом полученными результатами: приблизительно 4 млн — в лагерях смерти и еще около 2 млн — расстреляны айнзатцкомандами во время наступления на Россию. Гимmlер, полагавший, что количество убитых евреев превышало 6 млн, остался недоволен⁷¹.

Спустя полтора месяца, 3 января 1946 года, на том же Нюрнбергском процессе, Дитер Вислицени, бывший близкий сотрудник Эйхмана, ответственный за массовые депортации евреев из Словакии, Греции и Венгрии, заявил, что Эйхман всегда говорил как минимум о 4 млн, а иногда называл даже цифру 5 млн.

Вислицени показал, что о числе убитых евреев Эйхман говорил с какой-то циничной гордостью: *«Он сказал, что с улыбкой прыгнул бы в яму, потому что ему особенно приятно то чувство, что на его совести 5 миллионов людей»*⁷². На другом, уже собственном, процессе — в 1961 году в Иерусалиме — Эйхман всячески пытался дезавуировать эти высказывания, но, тем не менее, ни самих этих слов, ни сообщенных размеров Холокоста, в общем, не отрицал⁷³. На допросе в Иерусалиме 6 июля 1960 года он так высказался о статистике своих жертв: *«Если мы теперь хотим говорить о цифрах вообще, миллион это или четыре миллиона или сто человек — это ведь в принципе безразлично <...> В конце войны я говорил моим офицерам о пяти миллионах — такое число мне туманно представлялось тогда. На языке конца света — или как его еще назвать? — эти точные цифры мне были совершенно не нужны. <...>»*⁷⁴. В эту цифру — пять миллионов, — по словам Эйхмана, входила статистика эмиграции и естественная смертность.

В обвинительном протоколе Нюрнбергского трибунала над главными военными преступниками судья Джексон привел цифру погибших евреев, равную 5 721 800 чел. Джексон тогда разъяснил: *«5,7 миллионов евреев исчезли из тех стран, в которых они раньше жили. Из них 4,5 миллионов невозможно объяснить ни их естественной смертью, ни их выездом, ни тем, что они были угнаны»*⁷⁵. В самом обвинительном заключении звучало следующее: *«Из 9600 тысяч евреев, которые на территории Европы оказались под властью нацистского режима, исчезли, по осторожной оценке, 5700 тысяч, из которых большинство было уничтожено нацистскими заговорщиками»*⁷⁶.

У Гимmlера и Гейдриха были не только палачи, но и статистики. Но в пору побед все делалось для того, чтобы пользоваться эзоповым языком и никаких письменных свидетельств не оставлять, а накануне поражения — чтобы замести следы и уничтожить то, что сохранялось и сохранилось.

У жертв Холокоста, разумеется, своих статистических служб не было. Но и они, как и куда могли, оценивали и документировали происходящее, при случае — копировали документацию палачей и делали все, что могли, для того, чтобы сохранить следы преступления. Но возможности их были минимальны.

В итоге, область демографии Холокоста, как никакая другая, оказалась крайне слабо задокументированной.

Тем ценнее, конечно, документы, которые чудом сохранились, такие, например, как отчеты айнзатцгрупп о своей деятельности на Востоке. Всего сохранилось 194 из 195 существовавших «Отчетов о событиях СССР» шефа охранной полиции и СД (за период с 23 июня 1941 года и по 24 апреля 1942 года), 55 «Отчетов из захваченных восточных районов», представленных шефом охранной полиции и СД

(за период с 1 мая 1942 по 21 мая 1943 года) и 11 сводных «Отчетов о деятельности и положении оперативных групп охранной полиции и СД в СССР» (за период с 22 июня 1941 по 31 мая 1942 года). Они документируют убийство как минимум 535 тыс. евреев. Это дало Х.-Х. Вильгельму основание осторожно, но утверждать, что уже в первые три месяца войны были ликвидированы не менее 700–750 тыс. советских евреев⁷⁷. Согласно А. Круглову, одному из лучших знатоков Холокоста на оккупированной территории СССР, общее количество евреев — жертв деятельности айнзацгрупп следует оценить в 670 тыс. чел.⁷⁸

2

Первые суммарные оценки потерь европейского еврейства датируются еще временем до Нюрнбергского трибунала. Так, еще в 1945 году американский статистик и демограф Яков Лещинский произвел и в 1946 году опубликовал расчеты, согласно которым количество еврейских жертв определялось в 5978 тыс. чел. Он же позднее проанализировал баланс еврейского населения в Европе: он подтвердил цифру в 9,5 млн евреев, проживавших в Европе в 1939 году, и установили их число, по состоянию на 1950 год, — 2,7 млн. В таком случае общее число жертв геноцида составляет более 6 млн.⁷⁹

В апреле 1946 года Англо-американский комитет по вопросам европейского еврейства и Палестины пришел к выводу, что нацисты уничтожили 5 721,5 тыс. евреев⁸⁰.

Одна из первых суммарных оценок еврейских потерь в годы Второй мировой войны принадлежит Евгению Кулишеру (1947): цифра, к которой он пришел, составила 5,5 млн чел.⁸¹

Оценка, которую, в опоре на данные на май 1946 года, дал в 1946 году «Джойнт», также равнялась 5,5 млн чел. (с поправкой на эмиграцию). Европейское еврейство сократилось за годы войны с 9740 тыс. до 3642 тыс. чел.⁸²

В 1947 году Леон Шапиро и Борис Сапир, статистики исследовательского отдела «Джойнта», несколько скорректировали эту цифру⁸³. От 9739,2 тыс. евреев, проживавших в Европе⁸⁴ в конце 1939 года, к 1948 году в Европе оставалось всего 3779,3 тыс., не считая тех более чем 200 тыс., что смогли успешно эмигрировать в США, Южную Америку или Палестину. Это выводит на число жертв Холокоста, равное 5,8 млн чел., что составляет около 3/5 европейского и более 1/3 мирового еврейства. При этом авторы откровенно предупреждают, что их расчеты основываются на данных и оценках самой различной степени надежности и аккуратности.

В конце 1940-х гг. нью-йоркский Институт еврейских отношений (Institute of Jewish Affairs) еще раз сопоставил еврейское насе-

ление в Европе до и после войны: в 1939 году оно составляло не 9,6, а 9,5 млн, а в 1945 году — 3,1 млн чел.⁸⁵ С учетом примерно 600 тыс. евреев, эмигрировавших из Европы после войны, получаем разницу в 5,8 млн чел. — разницу, которую невозможно проинтерпретировать иначе как общее число жертв национал-социализма.

Леон Поляков в своем исследовании из расчетов Лещинского взял число уничтоженных айнзатцгруппами СС, равным 1,5 млн, а у Главной комиссии по изучению немецких преступлений в Польше — общее количество евреев, отравленных газом в лагерях уничтожения Белжец, Собибор, Трелинка и Хелмно, равным 1,85 млн. Он так же взял число 200 тыс. убитых в Майданеке, но с сомнением отнесся к величине в 2,5 млн⁸⁶ отравленных газом в Аушвице — цифре, которую изначально называл комендант Аушвица Рудольф Хёсс. По расчетам Л. Полякова, их было 2 млн, а всего он получил в итоге число еврейских жертв, равное 5,5 млн.⁸⁷

В том же 1951 году, что и книги Лещинского и Полякова, появилось исследование Григория Фрумкина, единственного из всех, кто анализировал динамику населения Европы в целом в интервале между 1939 и 1947 гг., в том числе (а не исключительно) и еврейского ее населения. СССР из-за отсутствия удовлетворявших его однотипных данных, хотя и многократно упоминался в его книге, но из таблицы, излагавшей главные результаты анализа, был исключен⁸⁸. Число еврейских жертв, согласно Фрумкину, составляло, без учета СССР, 4371 млн чел. Для СССР он дает только огрубленную оценку в виде вилки от 0,7 до 1,1 млн чел. Соответственно, суммарная оценка, к которой он приходит, тоже является «вилкой»: от 5,1 до 5,5 млн чел.

«Мировой Альманах за 1952 год» Института еврейских отношений в Нью-Йорке оценивал потери еврейского населения Европы в 71% от его довоенной численности, из них 5,7 млн было убито и 200 тысяч погибли, сражаясь в армии⁸⁹.

Анализ многочисленных балансовых оценок количества жертв Холокоста⁹⁰, сделанных по принципу вычитания из того, что было, того, что осталось, и разного рода поправок на прямые военные потери и эмиграции, приводит к следующим наблюдениям и обобщениям. Все подобные расчеты основываются на данных и оценках самой различной степени надежности (точнее, ненадежности) и аккуратности, предусматривающих те или иные умозрительные допущения и грубые прикидки. И хотя разброс полученных результатов в общем-то не так уж и велик (минимальный — около 5,5 млн, максимальный — около 6 млн чел.), тем не менее все эти расчеты достаточно уязвимы для критического анализа. В том числе и для анализа отрицательского, нередко находящего слабые места тех или иных оценок и бьющего по ним. Другое дело, что всякий критический разбор вовсе не означает

дезаурирования результатов, а лишь побуждает к преодолению выявленных слабостей и к совершенствованию оценки.

Но самое главное — в другом: все балансные оценки строились, в основном, на конфессиональной еврейской статистике, тогда как Холокост как политическая программа метил в более широкую — расово-этническую — еврейскую идентичность. Именно здесь и находится тот демографический резервуар, который тянет цифры действительно погибших наверх.

Джеральд Рейтлингер стал первым исследователем, кто сознательно стремился к тому, чтобы получить не просто наиболее достоверное, а минимальное достоверное число жертв, относительно которого никто не мог бы заподозрить попытку его завысить⁹¹. Так, отвергнув обе оценки Р. Хёсса, коменданта Аушвица, о числе еврейских жертв этого лагеря (одна — 2,5 млн чел, другая — 1,135 млн), он за основу взял свою — и, как теперь точно известно, весьма заниженную величину: 750 тыс. В итоге он пришел к «вилке» между 4 194 200 и 4 581 200 чел. В то же время он не исключал, что его оценки, возможно, придется корректировать вверх, поскольку данные по СССР и Румынии представлялись ему слишком приблизительными⁹².

Пожалуй, дольше и интенсивней всего историей, — а стало быть, поневоле и демографией, — уничтожения европейских евреев занимался американский ученый Рауль Хильберг, автор фундаментального труда «Уничтожение европейских евреев. Общая история Холокоста»⁹³. Начав исследования еще в 1948 году, он впервые опубликовал свои фундаментальные результаты в 1961 году, надолго предопределив пути исследования Холокоста: итоговое число жертв, к которому он пришел, составило 5,1 млн чел., из них 3,0 млн чел. погибших в лагерях, 1,3 млн расстрелянных и 0,8 млн убитых в гетто⁹⁴. При этом, учитывая неполноту документации (прежде всего, по территории СССР), он рассматривал свой труд лишь как не вполне окончательную попытку⁹⁵.

Исследования Рейтлингера и Хильберга в историографии Холокоста по праву признаны классическими. Все последующие штудии во многом опирались на их методологию и на их результаты или же отталкивались от них в некоторых деталях.

Так, в 1975 году появилась новая оценка количества еврейских жертв, сделанная Люси Давидович — 5933,9 тыс. чел.⁹⁶, а в 1982 году Иегуда Бауэр дал еще одну оценку, составившую 5 820 960 чел.⁹⁷. Практически к такому же результату пришел в 2001 году и Джордж Фельдман — 5 820 250 чел.⁹⁸

В то же время ощущение демографии Холокоста как *desiderata* не покидало исследователей. Это ощущение еще более усиливалось

под все нарастающим напором отрицателей Холокоста, причем демографические аспекты были одними из центральных в их агрессивной аргументации.

3

Одним из первых «демографов» среди отрицателей был *Поль Рацинье*, утверждавший (правда, без единой ссылки), что жертвами Холокоста стали 1,5 млн евреев, а еще 4,5 млн эмигрировали из Европы между 1931 и 1945 г. *Артуру Бутцу* в его «Фальшивке двадцатого века» удалось даже установить, куда именно эмигрировали большинство тех евреев — в Советский Союз, где они стали жертвами сталинской деспотии! *Вильгельм Штеглиц* в своем «Мифе об Аушвице» положил много труда на то, чтобы развенчать все аргументы тех недалеких историков, кто еще не перестал сомневаться в сказках про Холокост. Своей концепции произошедшего он, правда, не предложил. С научно-демографической точки зрения все они были, в общем, дилетантами, хотя их стратегемы и не были забыты профессионалами, со временем — в начале 1980-х гг. — появившимися на этой сцене (один из них, правда, посмертно).

Первым профессионалом-демографом, внутренне присоединившимся к хору отрицателей, стал известный американский социолог и демограф, профессор *Фрэнк Ханкинс*⁹⁹. Написание очерка «Сколько же евреев было уничтожено нацистами? Предварительный обзор по этой проблематике» Ханкинса подвиг в 1958 году его давний друг и коллега по работе в Колледже Смита еще в 1920-е годы — профессор Гарри Элмер Бэрнс, чье имя вписано в историю отрицателей Холокоста как одно из самых уважаемых¹⁰⁰. Однако Ханкинс, как пишет в предисловии к посмертной публикации его труда *Кейт Стимли*, и сам уже давно сомневался в том, что он называл «тезисами о шести миллионах», и вынашивал планы расследования этого вопроса. Если так, то остается загадкой, почему же он не опубликовал эту работу сам и еще при жизни: ведь большого труда это ему бы не составило! Бутц, автор предисловия к книге *Вальтера Заннинга*, отвечая на этот вопрос, объясняет все это «характером того времени», когда книга писалась: «...*благоразумие не позволило Ханкинсу при таком подходе к теме связывать свое имя с этим исследованием, и оно осталось неопубликованным — его рукопись распространялась и распространяется до сих пор только в фотокопиях среди ограниченного числа тех, кто проявляет интерес к этой проблеме*»¹⁰¹. Объяснение крайне неубедительное, если учесть, что никакими гонениями отрицатели тогда не рисковали. Скорее всего, Ханкинс опасался, во-первых, придать гласности свой интеллектуальный антисемитизм¹⁰², который шел бы явно вразрез с его имиджем серьезного ученого-либерала.

Но коль скоро работа опубликована и даже легла в основание отрицательской демографии, то рассмотрим внимательно ее аргументацию.

Первый из тезисов Ханкинса: недостаточное, проблематичное и в целом разношерстное обеспечение статистическими данными. Он пишет:

«Наиболее очевидная трудность и главная помеха — дефицит данных переписей. Последняя довоенная перепись в некоторых областях проводилась в 1930, 1931 или 1933 годах. В районах с особенно высокой концентрацией евреев мы имеем: для Польши — перепись от 9 декабря 1931 года и “официальную оценку” от 1 января 1939 года; для России — переписи в 1926 году и в январе 1939 года (однако в них не был включен пункт о религии¹⁰³); для Румынии — перепись в декабре 1930 года и “официальную оценку” на декабрь 1938 года; а также “перепись” в апреле 1941 года; и, наконец, для Венгрии — перепись от 31 декабря 1930 года и “официальную оценку” на декабрь 1938 года. К этому можно добавить послевоенную перепись в Польше в феврале 1946 года, которая, подобно большинству других подсчетов населения первых послевоенных месяцев, давала главным образом выборку и грубую расчетную оценку. Иначе и не могло быть при тех массовых перемещениях населения, не прекращавшихся до конца 1946 года и даже позднее.

В результате оценки численности евреев в различных областях в переломном 1939 году сильно расходятся. Следует напомнить, что по всей Центральной Европе в 1939 году и позднее происходили беспрецедентные по своим масштабам перемещения населения, и еврейского и нееврейского, — сначала перед немецкими армиями, когда они рвались на восток после сентября 1939 года, и особенно после 22 июня 1941 года, и затем вслед российским вооруженным силам, наступавшим на запад, начиная с 1943 года. Когда немцы шли к востоку, за ними следовало множество людей, особенно из Германии; когда русские шли на запад, множество людей стремились вернуться в свои родные места. В этих движущихся многонациональных ордах многие, в том числе и евреи, умерли от военных тягот; еще миллионы людей разных наций, в том числе и евреев, были депортированы; кроме того, много миллионов во всех областях погибли под бомбежками или сражаясь в вооруженных силах. Данные о смертности и рождаемости за весь этот период неполны и недоброкачественны»¹⁰⁴.

Тут спорить не о чем. Работать приходится с теми данными, которые есть.

Второй тезис Ханкинса и он же, в сущности, главный: любая попытка определить точное число жертв предположительна и даже гадательна:

«Очевидно, что в такой ситуации все оценки численности населения в целом, и в особенности еврейского населения, обречены быть не более чем прикидками, пусть и основанными на каких-то данных. Это открывает дорогу для тенденциозности в расчетах. Знакомство с литературой вопроса показывает, что большие пробелы в исходных данных порождают крайнюю небрежность в обращении с цифрами. Есть много случаев, когда один и тот же автор на разных страницах дает разные оценки по одному и тому же пункту, как если бы разница в несколько тысяч человек не имеет значения по сравнению с ошибками, и без того молчаливо допущенными. Каждый статистический расчет неизбежно содержит статью, который Американское Бюро переписей именуется “разностью”, то есть число, необходимое для того, чтобы согласовать между собой наиболее вероятные цифры, от которых вы отправляетесь. Например, для 1939 года: вероятный рост населения при “обычной” рождаемости и смертности, вероятное число погибших по разным “экстренным” причинам, вероятное число тех, которые все же выжили. Эта “разность” открывает широкий простор для всевозможных манипуляций.

Так например, Бюро переписей населения, объясняя, почему невозможно подвести правильный баланс численности населения Польши в 1939–1945 гг, говорит: “[Даже после июля 1945 года] продолжалась беспорядочная миграция миллионов перемещенных лиц... Помимо этих добровольных мигрантов в других направлениях шли потоки миллионов беженцев, которых выселяли из их домов и т.д.” и “Военные потери простираются приблизительно от 2 до 7 миллионов человек. Любая из этих крайних оценок представляется маловероятной, но подлинную цифру военных потерь невозможно точно установить”¹⁰⁵.

Вот лишь некоторые из проблем, которые подстерегают даже самого добросовестного и компетентного исследователя, если он попытается получить достоверные данные об общей численности евреев в Европе в 1939 году, о числе тех, кто погиб во время войны по той или иной причине, о причинах их гибели, о том, сколько из тех, кто остался неуничтоженным, действительно погиб, и сколько их и теперь, быть может, живет “за железным занавесом”¹⁰⁶, в Израиле, в Соединенных Штатах или в других местах. Очевидно, что все эти неясности, представляя помехи на пути честного и объективного исследования, в то же время дают почти неограниченные возможности всем, кто пожелает манипулировать цифрами с целью преувеличить или, наоборот, преуменьшить численность евреев, погибших во время войны»¹⁰⁷.

Что ж, и с этим не приходится спорить, тем более что за образцами тенденциозности далеко ходить не надо. Заметим лишь, что этот тезис ровно настолько же «убийственен» для демографов Холокоста, как и самоубийственен для его отрицателей. Ведь критерии научности

и объективности никто не отменял, и поэтому еврейское, например, происхождение автора не может считаться основанием ни его принадлежности к мировому еврейскому демографическому заговору, ни существования такого заговора вообще. Гарантами же объективности, — если только и установление истины не считать опасной тенденцией, — могут быть единственно профессионализм и научность.

Ханкинс посвятил особую главу тем способам, с помощью которых евреи теоретически могли спастись. Таких способов, по его разумению три: а) подполье, б) подделка документов и в) ренегатство (обращение в христианство), причем статистически самым массовым является конфессиональное ренегатство, к которому он отчасти склонен относить и этническую ассимиляцию.

«При проведении переписи населения, каждый сам относит себя к какой-то национальности. Этот несколько неоднозначный термин может подразумевать этническое происхождение, страну рождения, страну проживания и гражданство. Таким образом, евреи могли причислять себя к евреям или какой-нибудь другой национальности, опираясь на такие данные, как страна рождения, внешность или родной язык. Тот, кто родился в Польше, но жил в Германии и свободно говорил по-немецки, мог записать себя евреем, поляком или немцем, в последнем случае ему иногда требовался новый набор документов. Еврей, родившийся в Германии, если он проживал в Польше, и говорил по-польски, имел аналогичный выбор. Этот старый способ укрыться от самых резких проявлений антисемитизма, по-видимому, широко использовался евреями под давлением нацистов и в обстановке интенсивной враждебности к ним в Польше и в других местах, особенно после 1933 года¹⁰⁸.

Вот некоторые иллюстрации: В докладе Американского бюро переписей о Польше содержится предположение, что “лишние” 900 тыс. поляков, которые появляются в их расчетах “были, возможно, неполяками, повторно причисленными к полякам и таким образом исчезнувшими из своей предыдущей категории”¹⁰⁹. Нет никакого способа узнать, сколько среди них было евреев, но очевидно, что именно у евреев имелись сильнейшие побуждения, чтобы использовать этот путь спасения, и трудно представить себе какую-нибудь другую расовую или национальную группу, которая таким образом изменила бы свою этническую принадлежность в столь крупном масштабе. В докладе того же Бюро переписей о Чехословакии отмечается¹¹⁰, что последняя довоенная перепись 1930 года зафиксировала 354 тыс. евреев по религии, но только 110 тыс. по национальности. Якоби¹¹¹ дает сопоставимые цифры, но с еще более сильным разбросом. В этом случае меньшее число евреев по национальности получилось за счет увеличения числа тех, кто определили себя как немцев. “Евреи в странах-

сателлитах Советского Союза”¹¹² утверждают, что “тысячи евреев в Польше пережили оккупацию под видом поляков”; в конце войны приблизительно 20 тыс. евреев, как считается, все еще проживали по поддельным документам.

Численность “евреев по религии” довольно стабильно оказывается больше, чем число таковых по национальности. Частично это объясняется еврейской традицией считать евреями всех членов еврейской общины независимо от их религиозных взглядов, а частично характером иудаизма, породившим эту традицию. Иудаизм — не универсальная религия, он идентифицирован с евреями как группой, связанной родством или общим происхождением. Однако, в чрезвычайных условиях военного времени крещение стало естественным выходом, спасением от окружающей евреев враждебности. Например: Венгерский статистический обзор за 1944 г., оценивает число христиан еврейского происхождения в Великой Венгрии приблизительно в 100 тыс.¹¹³ Кулишер замечает¹¹⁴, что число “евреев в Австрии снизилось с 222 тыс. в 1923 г. до 180 тыс. в 1938 г.,” и добавляет, что частично это было вызвано сменой религии.

Эти способы спасения могут объяснять значительную долю сокращения числа евреев в послевоенной Европе. Официальная еврейская статистика, которая на сегодня является почти единственным доступным источником для расчетов послевоенного населения, по-видимому, отражает численность лишь тех евреев, кто проживал в организованных общинах или конгрегациях. Многие из таких общин по разным причинам развалились, перестали существовать как устойчивые группы и их члены более или менее широко рассеялись по разным странам. Если они приняли “защитную окраску” и теперь классифицируются в других группах, то они могут еще долго не появиться в статистике»¹¹⁵.

Когда Ханкинс пишет о спасительных для евреев способах избежать гибели, он, в сущности, имеет в виду факторы, которые могли иметь следствием статистическое затушевание еврейства. Но все его три «способа» вместе взятые едва ли потянут больше чем на десятки или первые сотни тысяч людей, а списать на них Ханкинс хотел бы миллионы!

К тому же ни один из трех способов не был простым или хотя бы надежным. Действительно, католическая церковь пыталась быть щитом для «своих» еврейских конвертитов — пыталась, но не смогла: отсюда сведения о приблизительно 100 тыс. «мадьяризированных» евреев-католиков¹¹⁶, значительная часть которых, несмотря на все кардинальские протесты, с легкостью была уничтожена. (Папа же римский возмущался исключительно у себя в апартаментах за завтраком и то лишь перед обслугой, а так — помалкивал себе в тряпочку.)

Ханкинс рассуждает о «принятой у евреев» манере скрывать и даже модифицировать свою рискованную идентичность. Это, мол, отрицательно сказывается на статистике: некий еврей «сменил» свою национальность и, став поляком, чехом или даже немцем, тем самым, возможно, спасся и остался жив, но он перешел в другую статистическую графу, а из еврейской — выпал, оставаясь в ней как бы «пропавшим без вести». Иными словами, он указывает на феномен номинально-статистической мимикрии и навязанного евреям «беженства» от самих себя.

Однако влияние этого фактора никак не могло быть сколь бы то ни было широким, если только вспомнить, насколько не просто все это было проделать практически¹¹⁷. И уж тем более не могло быть спасительным: среди соседей или сослуживцев всегда находились желающие вывести такого «поляка» или такого «чеха» на чистую воду — иногда за «30 серебряников», а чаще всего и бесплатно, ради удовольствия. Так что еврею со средствами гораздо надежнее и практичнее было инвестировать их в какие-нибудь экзотические гражданства, например в гондурасское или сальвадорское, а евреям победнее никто (если бы и захотел) и ничто помочь уже не могли.

Иными словами, утверждая, что приводимые им «способы спасения могут объяснять значительную долю сокращения числа евреев в послевоенной Европе», Ханкинс игнорирует те реальные препятствия, что вставали перед теми евреями, кто захотел бы ими воспользоваться. А именно эти «препятствия» сводят реальное влияние его «ста способов уцелеть» до статистически маловесомого обстоятельства¹¹⁸.

Очень чувствуется, что работа писалась в разгар Холодной войны. С удовольствием (и без всякой критики источников) он берет на веру любые цифры, дискредитирующие то, что он называет «за Железным занавесом» — СССР: «...В начале 1940-х годов от 250 тысяч до 300 тысяч приблизительно евреев было направлено русскими в лагеря принудительного труда или сослано в Северную и Азиатскую Россию»¹¹⁹. Если вычитанного у коллег кажется ему недостаточно, то он щедро поправляет от себя. Так, если Е. Кулишер оценивает общее число эвакуированных в СССР в 12 млн чел., из них 1,2 млн евреев, то Ханкинс, не мелочась, тут же добавляет от себя еще 40 % — 800 тыс. душ: «Поскольку их эвакуировали для того, “чтобы спасти от немецких зверств”, разумно предположить, что, по крайней мере, 2 миллиона из них были евреями»¹²⁰. И это — после мелочных торгов о тысячах или десятках тысяч потаенных евреев!¹²¹ И далее, в полной гармонии с собственными опасениями о злоупотребительной тенденциозности, он пишет: «Лишний миллион евреев за Железным занавесом изменил бы картину для всей Европы»¹²².

Далее он переходит к вопросу о феномене повышения смертности и понижения рождаемости у евреев, пребывающих в состоянии решения Германией *их* — еврейского, а не какого-нибудь там еще — вопроса! Для начала Ф. Ханкинс выговаривает Г. Фрумкину за отнесение всех еврейских потерь в категорию «убитых», а не «пропавших без вести», например¹²³. Но главное не в этом: его праведный гнев и возмущение вызывает то, что в мартиролог заносится и не вычленяется та сверхсмертность («excess mortality», или «чрезвычайная смертность» как он ее называет), которую «...евреи разделяли, пусть и в увеличенном масштабе, с остальным гражданским населением»¹²⁴ и которую тем самым нельзя списывать на нацистов. Он даже не исключает того, что погибших под рубрикой «чрезвычайной смертности» было больше, чем «чисто» нацистских жертв. Да и в концлагерях «чрезвычайную смертность» никто не отменял: погибших от нее там, не исключает ученый, тоже было больше, чем жертв «прямого истребления». Немного подумав, он сообщает реалистический, на его взгляд, коэффициент сверхсмертности: 10%, или 0,1. Тем самым совесть у Гитлера, уничтожившего в Польше 3,5 млн евреев (а саму цифру лично Ханкинс не оспаривает!), облегчается сразу на 350 тыс. душ.

Ханкинс полагает, что «...численность еврейского населения, сосредоточенного в центре восточной зоны военных действий, должна была уменьшиться в той же пропорции, как и численность всего остального населения, даже если бы с ним обращались точно так же, как и со всеми остальными. В чрезвычайной смертности нельзя обвинять «нацистские убийства»»¹²⁵.

Браво, профессор!.. Но дело в том, что методологическая банальность, о которой он тут вспоминает, предусмотрительно была «отменена» Гитлером: в условиях окончательного решения еврейского вопроса она решительно не могла действовать! С еврейским населением на оккупированной немцами территории обращались вовсе не точно так же, как и со всеми остальными!

Если 70-летнюю старуху, которая, может быть, и так умерла бы через полгода, отправляют в газовую камеру, если беременную еврейку с грудничком на руках (а ведь младенец мог через неделю заболеть скарлатиной и умереть, а не рожденное еще дитя, как и она сама, запросто могли бы умереть и при родах) расстреливают у противотанкового рва, если над вчера еще крепким евреем-счастливчиком, прошедшим селекцию, издеваются, бьют его, морят голодом, изнуряют непосильным трудом, — то что это? — все еще «чрезвычайная смертность» от суровостей жизни в условиях войны или уже геноцид?!.. Ответ очевиден, — а 350 тысяч «душ» прошу незамедлительно вернуть!

Работа Ханкинса с источниками, увы, столь же «образцова». Излюбленный прием: взять нерелевантный источник, выдать его за релевантный и — с блеском его погромить¹²⁶. Иногда Ханкинс делает вид, что не до конца понимает смысла приводимых им же сами цифр: «Во-вторых, обстановка катаклизма, с массовыми перемещениями, высылками и эвакуациями, делает весьма вероятным некоторое дублирование в подсчете “пропавших” или “уничтоженных”. Эвакуируемые за “Железный занавес”, например, если они не вернулись, легко попадают в число последних, по крайней мере, в большей своей части. Тот, кого немцы вывезли в польские лагеря, легко мог быть зачислен в “потери” тех стран, из которых они были высланы и вновь внесен в список тех, кого убили в Польше. О том, что так бывало в некоторых случаях, сигнализирует тот факт, что по оценкам в Польше было убито больше 3,1 миллиона евреев — то есть больше всего еврейского населения этой страны в 1939 году»¹²⁷.

А ведь недоумевать тут не из-за чего — если только учесть роль польских лагерей уничтожения в уничтожении европейского, а не только польского еврейства. Другое дело, что опасность двойного счета действительно существует, но с нею вполне можно и побороться¹²⁸.

Не греша против истины, Ханкинс пишет, что ключевым для демографии Холокоста является ответ на вопрос «Сколько евреев было в Европе в 1939 году?» Его маршрут к собственному на него ответу пролегает через дискредитацию «ответов» своих оппонентов.

В частности, он приводит таблицы, в которых свел все оценки численности еврейского населения Европы и мира в 1939 году, содержащиеся в публикациях издаваемых Американским еврейским комитетом «Американских еврейских ежегодников». Вот целиком его «европейская табличка» и следующий за ней комментарий¹²⁹:

Год публикации	Год учета	Численность по этническому критерию	Численность по критерию религии
1939	1933	9494363	9494363
1941	1939	8939608	Отсутствует
1945	1939?	9372666	8939608
1949	1939	9739200	Отсутствует
1949	1947	3920100	Отсутствует

Каждый должен задаться вопросом: откуда взялось сокращение численности евреев между 1933 и 1939 годами почти в 555 тыс. Еще более поразительно увеличение цифры для 1939 года при сравнении вытисков “Мирового альманаха” за 1941 и 1949 года. Оно достигает

почти 800 тыс. (8 939 608 в выпуске 1941 года и 9 739 200 в выпуске 1949 года). Легко видеть, что подсчитанные потери намного сократились бы, если бы основой для расчетов послужили данные для 1939 года, опубликованные в 1941 году».

Из четырех столбцов этой крошечной таблички нет ни одного полностью корректного! В «Ежегодниках» публикуются, повторяясь десятилетиями, данные о еврейском населении отдельных стран (переписные или оценочные), относящиеся к самым различным годам. При таком подходе единой общеевропейской даты статистического учета в его выпусках (столбец 2) просто не может быть. Нет в «Ежегодниках» и раздельной оценки численности профессионального и этнического еврейства (столбец 4). Но самое существенное — систематические публикации «Ежегодников» вовсе не претендуют на то, чтобы давать читателю статистические сведения, совершенные во всех отношениях, и уже тем более на то, чтобы быть инструментом манипуляций.

А именно такое впечатление может создаться у читателей Ф. Ханкинса: сотни эмиссаров «Ежегодников» на всех континентах ведут учет как рождаемости и смертности, так и прибытия и убытия евреев во всех странах мира, все эти сведения поступают в какой-нибудь полузакрытый офис на Манхэттене, где дюжина пейсатых статистиков, собственно, и занимаются манипуляциями и фальсификациями данных.

Если бы Ханкинс захотел (а я и не подозреваю его в ленивости), то мгновенно заметил бы, что столь взволновавшее его сокращение еврейского населения Европы целиком и полностью — «на совести» Германии, где перепись 1939 года показала возделенное смягчение еврейского вопроса — с 691 до 240 тыс. чел. При этом разница составляет 450, а не 550 тыс. чел., как утверждает Ханкинс, проглядевший 100-тысячную описку в собственных выписках: в 1939 году «Ежегодник» давал для Европы оценку в 9 394 363, а не в 9 494 363 чел.

Далее Ханкинс приводит множество оценок уничтоженных евреев отдельно для Польши и для Европы в целом, демонстрируя тем самым их недопустимые хаотичность, разнობой и внутренние противоречия, а заодно подчеркивая исключительную «еврейскость» их авторов. Анализ серьезности каждой из этих оценок и путей их уточнения и совершенствования его явно не интересуют.

Называя цифры С. Шварца в одном месте «чистым предположением», Ханкинс как будто забывает, что только что он этой «липой» оспаривал и крыл расчеты Е. Кулишера. Не менее характерической является аттестация «еврейской» статистики как заведомо лживой — и это при том, что сам Ханкинс в начале признает, что другого источника для расчетов практически нет.

Итак, Ханкинс был, в сущности, первым отрицателем-демографом. Одним из первых он указал на методологические подводные камни этой проблематики — как на те, что лежат на поверхности (отсутствие, вернее, невозможность однозначно корректного учета, расплывающаяся идентичность объекта), так и на менее очевидные («чрезвычайная смертность», риски двойного счета и др.). Он же одним из первых (если не первым) осознал «перспективность» для отрицателей тем, связанных с логистикой Холокоста (непреодолимой узости тех или иных ресурсов или пропускных способностей) и еврейской эмиграции во время и после войны — тем, на которых и построит свое повествование Заннинг. Так, ему кажется, что одним утверждением о том, что необходимая для ликвидации евреев инфраструктура была подготовлена и запущена только в ноябре 1943 года, он выбивает табуретку из-под «традиционалистов». Что совершенно не так, ибо в столь важном деле как ликвидация еврейства подолгу нацисты не простаивали: в ожидании монтажа стационарных газовых камер и крематориев они научились обходиться импровизированными бункерами-газовнями, автомобилями-душегубками и гигантскими кострами.

Ханкинса, собственно, и отрицателем-то назвать нельзя. Он, скорее, уж *«релятивист»*, признающий фактические злодеяния Второй мировой своего рода материализацией фиктивных злодеяний Первой¹³⁰, и *«редукционист»* (то есть «приуменьшитель»), счастливый уже тем, что у одного из своих явных и сильных оппонентов — Джеральда Рейтлингера — он вдруг нашел цифру — 500 тыс. еврейских жертв, — цифру, с которой и он, Ханкинс, готов согласиться.

Вот только неясно, откуда он эту цифру взял. Ведь у Рейтлингера в книге «СС: Алиби народа. 1922–1945», на которую ссылается Ханкинс, такой цифры нет. В главе «Концентрационные лагеря: уничтожение работой» встречаем иное — 1,1 млн узников разных сортов — как будущий контингент всех немецких концлагерей (дата отсчета — начало августа 1944 года, когда в лагерях уже было 524 тыс. чел.), 363 тыс. — как число узников, зарегистрированных в Аушвице, а в главе «Лагеря смерти: эвтаназия» — приводится округленная оценка жертв и цифра совсем иная — 4 млн евреев (без учета СССР), которых не досчиталась Европа, из них половина приходится на лагеря смерти¹³¹. И другой оценки от Рейтлингера и быть не могло: ибо в 1953 году по-английски (и в начале 1956 года по-немецки) вышла его главная книга «Окончательное решение». В ней черным по белому приводится результат Рейтлингера по интересующему его и Ханкинса вопросу: количество еврейских жертв (причем без учета СССР) — не меньше 4 194 200 и не больше 4 851 200 чел.¹³²

В самом конце статьи Ф. Ханкинса содержится весьма любопытное наблюдение о возможных параллелях между «мифами» Первой и Второй мировой войн:

«Весьма вероятно, что более тщательный анализ статистики населения и новых показаний свидетелей, изучение того, как откуда возникли и как получили распространение обвинения в массовом истреблении, проверка этих обвинений на фактическом материале, и разоблачение фальшивок и подтасовок, словом, те же методы, которые лорд Понсонби¹³³ и Дж. М. Рид применили к мифам о злодеяниях Первой мировой войны, в конце концов, сведут утверждения о массовом уничтожении евреев нацистами к тому же самому уровню измышленный больного воображения и безответственных выдумок, если не прямой лжи, к которому свелись пресловутые зверства немцев в Бельгии после 1918 года. Конечно, за подлинность нацистской программы истребления никогда не ручался человек с таким престижем и репутацией, какие были у Джеймса Брюса в 1915 году¹³⁴. И конечно ни один разумный и информированный исследователь Второй мировой войны не станет оспаривать реальность многих неслыханно бесчеловечных злодеяний, как против евреев, так равно и против не-евреев, совершенных с обеих сторон в ходе войны, особенно в партизанской войне за линией фронта. Как хорошо выразил эту ситуацию один авторитетный и осведомленный источник, фиктивные злодеяния Первой мировой войны стали фактическими злодеяниями Второй»¹³⁵.

В сведениях аргументации против «существования Холокоста» к отсутствию среди современных его «приверженцев» фигуры масштаба и типа полузабытого Джеймса Брюса, собственно, и заключается рафинированное отрицательство редукционалиста Ханкинса.

4

Практически одновременно с публикацией статьи Ф. Ханкинса, в июне 1983 года, в тубингенском издательстве «Grabert» вышла в свет книга *Вальтера Н. Заннинга*. «Исчезновение восточноевропейского еврейства»¹³⁶. (В 1985 году в издательстве Института пересмотра истории вышел ее английский перевод¹³⁷.) Вальтер Заннинг — это не фамилия, а псевдоним, принадлежащий *Вильгельму Нидеррайтеру*, американскому ученому и бизнесмену немецкого происхождения, родившемуся в 1936 году в Бессарабии и переселившемуся во время войны в Ведлинген на Неккаре. Переехав в 1957 году в США и получив там высшее политологическое образование, он несколько лет преподавал экономику в университете Сиэтла, но в 1970 году вновь переехал в Германию¹³⁸.

Джон Циммерман назвал ее «самым изоциренным из всех когда-либо написанных отрицаний»¹³⁹. Впрямую в ней не говорится ни о Шоа, ни о конспирологии, ни даже о нацистах: Аушвиц не поминается, имеется обширный научный аппарат, в том числе десятки ссылок на «еврейские» источники!

Автор предисловия к книге, отрицательская звезда 1-й величины, Артур Р. Бутц, не скупился на похвалы: *«Книга Заннинга — результат многолетних тщательных изысканий, в ней использованы все последние новинки в технике и методике таких исследований. Все цифры были собраны и перепроверены, а сама книга написана на компьютере. Словом, она обещает стать итоговой в исследовании демографии еврейского населения Европы в период Второй мировой войны. С ее появлением все прочие исследования частного вопроса “Что произошло с “шестью миллионами”?” станут устаревшими и ненужными. Выводы автора не обрадуют господствующую школу сторонников “Холокоста”. Этому капитальному труду, обещающему стать “решающим словом” в дискуссии о данном предмете на все последующие годы с позиций ревизиониста...»*

Между автором книги и автором предисловия к ней — своеобразное распределение ролей. Заннинг, как, впрочем, и Ханкинс в своей статье, изо всех сил старается предстать перед читателем как вне- и надпартийный ученый, никак не связанный с отрицательской мишпухой, даже слово Холокост у него ни разу не встречается¹⁴⁰. Бутц же все ставит на свое место — не то самой книге, не то его предисловию предпослан эпиграф из «Американского Еврейского ежегодника»: *«...это не факт, что стоит принимать на веру неправдоподобные цифры из не слишком дружественного источника»*¹⁴¹. Бутц нажимает на то, что у нацистов и сионистов была общая цель — массовое переселение, выталкивание европейских евреев вон из Европы, что «окончательное решение» для одних и «репатриация» для других — это, в сущности, одно и то же¹⁴².

Обеспечив книге правильный для ее понимания контекст, Бутц возвращается к ее содержанию: *«Эта книга — первое всеохватное и серьезное исследование передвижений еврейского населения, связанных со Второй мировой войной. <...> Ее исходные пункты не новы, зато новы та широта и глубина, с которыми написан этот труд. <...> Вывод из всего этого в том, что односторонние легенды, заставившие заострять любые мысли и соображения, возникающие в связи с еврейскими аспектами Второй мировой войны, получили еще один сокрушительный удар — один из многих за последнее время»*¹⁴³.

Очень интересно: и что же за удар?

Тезис-удар Вальтера Заннинга заключается в том, что спор о количестве уничтоженных нацистами евреев бессмысленен, потому что большинство из европейских евреев вовсе не погибли — они живы! — или оставались в живых к концу войны! Они просто мигрировали, уехали из тех мест, где проживали, и если где их обижали и убивали, то уж во всяком случае не в «Великогермании», а там, куда они уезжали, — то есть в Палестине и в Америке, но главным образом в СССР — в «Красной империи», или в стране за «железным занавесом», как он его поочередно называет¹⁴⁴.

Чувствуете, куда клонит автор? Ведь если доказать, что у нацистов в руках столько евреев и не было, сколько им вешают на душу, и что они существуют себе, живые и здоровые (а хоть бы и больные), где-нибудь в Бруклине, Хайфе или Биробиджане, то тогда весь конспирологический накат отрицателей — не бред, а правда, и отрицатели, Заннингом так ни разу и не названные, могут торжествовать не только свою легитимность, но и свою правоту, то есть победу.

Но как же это можно доказать?

Перед Заннингом, как и перед Ханкинсом, — крепкий и все тот же демографический орешек: перед войной в мире насчитывалось 16,7 млн евреев, после войны их оставалось 11,0 млн. Вот она, не дающая юдофобам и германофилам покоя «еврейская сказка» о том, что разница и есть Холокост, — и она же должна быть дезавуирована и опровергнута!

Ханкинс попытался сделать это, заходя через естественное движение, — и потерпел фиаско. Заннинг же стал рыть в той же норе совершенно другие ходы — через миграцию! Подключение глобального миграционного подхода — это действительно новое слово в демографии Холокоста.

Для того чтобы эта новая стратегия заработала и концы бы сошлись с концами, нужно, чтобы совпали одновременно три условия: минимально возможное количество евреев перед войной, максимально возможное после, а также своего рода «барсучья нора» — система миграционных ходов, по которым евреи во время войны или сразу после нее¹⁴⁵ могли бы быстро разбрестись по свету.

В качестве своего рода палочки-выручалочки Заннинг пытается употребить Польшу, поделенную, согласно пакту Молотова–Риббентропа, между двумя заклятыми соседями — Германией и СССР.

При этом сама по себе предвоенная польская статистика естественного движения Заннинга не могла не огорчить: вместо искомой убыли — однозначный прирост. Так, по переписи от 9 декабря 1931 года, в Польше проживало 2732,6 тыс. этнических евреев. На 1 сентября

1939 года, по экстраполированной оценке Статистического ежегодника, их насчитывалось 3114 тыс. чел., а в действительности — даже больше: 3250 тысяч (по данным И. Маркуса¹⁴⁶) и 3351 тысяча (по данным Англо-Американского комитета европейского еврейства). Как видим, вместо того чтобы на радость отрицателям сокращаться перед войной, польское еврейство изрядно выросло.

Почему выросло, Заннинг и сам знает: *«Если и есть одна восточно-еврейская демографическая черта, на которой сходятся взгляды и национал-социалистов, и сионистов, то это, несомненно, способность быстро размножаться. Но если одни видели в этом угрозу, то другие находили в ней источник надежды»*¹⁴⁷. Причина этого, по убеждению Заннинга, проста — в низкой смертности как результате опережающего демографического перехода еврейского населения по сравнению с другими этносами: *«В целом более высокий образовательный уровень позволили ему (еврейству. — П. П.), народу-гостю, уменьшить свою смертность и раньше, и быстрее, чем окружающие народы-хозяева».*

Убедившись в том, что на естественном движении многого не достичь, Заннинг полностью переключается на механическое.

«Хотя известное всем переселение из Германии и Австрии, так же как и эмиграция в Палестину были учтены, но без внимания оставалось еще более многочисленное перемещение евреев из Восточной Европы! А о том, что Соединенные Штаты приняли более 400 тыс. еврейских беженцев и эмигрантов, стало известно только в 1943 году — из материалов одного неприметного слушания одной из комиссий Палаты представителей в Конгрессе. В то время, как новое еврейское население находило самое скромное отражение в статистике принимавших их стран, эмиграция из Восточной Европы осталась и вовсе почти не замеченной.

Это влекло за собой серьезные последствия при определении общего числа послевоенного еврейского населения, как и количества пропавших без вести, поскольку принимавшие евреев страны “официально” для довоенного и послевоенного времени показывали меньше евреев, чем в действительности их имели, а для оставленных евреями восточно-европейских стран были приняты цифры, более чем на 800 тыс. превышающие реальные! Наши специальные исследования, посвященные а) еврейству в странах, оккупированных немцами, и б) восточно-европейскому еврейству, позволяют назвать для нетто-эмиграции в довоенное и военное время, самое меньшее, 1121 тысяча чел. (См. табл. 6). Поскольку степень неточности данных по отдельным странам весьма велика, то вполне вероятно, что в этой цифре учтено и естественная убыль населения.

Еврейская эмиграция до начала и в течение Второй мировой войны, чел.

Германия и Австрия	442000
Польша	500000
Румыния	121600
Чехословакия	52300
Венгрия	5500
Всего	1121000

Источники: главы 1 и 6 наст. издания. Не учтены беженцы из Франции в 1940 году в количестве около 30 000, поскольку это, как правило, беженцы из Германии, Польши и Чехословакии, благодаря чему устраняется опасность двойного счета.

В седьмой главе¹⁴⁸ были «найжены» 1 059 000 евреев, которые бежали до или во время войны, возможно, в следующие страны — Палестину, Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Англию, Южную Африку, Францию и еще в семь латиноамериканских стран. Кроме них были еще несколько стран, которые тоже приняли по несколько тысяч человек.

Одновременно можно увидеть, что число бежавших евреев и число евреев, принятых в других странах до или во время войны примерно уравновешивают друг друга и этим лишний раз себя подтверждают»¹⁴⁹.

Итак, у В. Заннинга в наличии великолепное селективное зрение: более миллиона евреев, — пишет он, — покинули Европу перед войной, и еще около полумиллиона уже и так находились в тех европейских странах, которые никогда не были под немецким сапогом. Он напрягает зрение и обнаруживает сильную (400–500 тыс. чел.!) эмиграцию польских евреев в США в 1930-е годы¹⁵⁰. Еще одно усилие, и глаза закрываются, — а из поля зрения выскользает весьма солидный источник: согласно официальной польской статистике, изданной в 1940 году, суммарное число евреев, эмигрировавших из Польши в 1931–1937 гг., составляло 109 716 чел.¹⁵¹

Другой «источник» Заннинга, правда, не удостоенный корректной ссылки: заявление помощника Госсекретаря США *Брекенриджа Лонга* на слушаниях одной из комиссий Палаты представителей в Конгрессе в 1943 году. Лонг сказал, что большинство из 580 тыс. беженцев в США за время, начиная с 1933 года, были евреями¹⁵². Слово «большинство» Заннинг квалифицировал как 70% и получил объем еврейской иммиграции из Польши в США, равный 409 тыс. чел. А о таком пустяке как последовавшее вскоре дезавуирование этой

цифры самим Лонгом, уточнившим, что речь идет о 580 тысячах выписанных виз, а не въехавших людей, Заннинг не упоминает (как и о том, что слушания были посвящены не одной Польше, а всей Восточной Европе, тогда как сама по себе «польская квота» в США составляла 6524 чел. — негусто)¹⁵³.

Лежащий же на поверхности источник сведений именно о Польше — многократно упоминаемый Заннингом «Американский еврейский ежегодник» — в памяти как-то не всплыл: а ведь публиковавшиеся в нем в порядке ежегодной отчетности цифры говорят, в сумме, лишь о 9300 польско-еврейских иммигрантах за 1933–1943 гг., то есть лишь о нескольких сотнях эмигрантов в год¹⁵⁴.

Но не зря он напрягал зрение и вглядывался в миграционные потоки. Из указанных 3114 тысяч польских евреев, он взял и вычел сразу 550 тыс., которые, по Заннингу, в основном, эмигрировали в послепереписной период, и «оставил» Польшу накануне войны всего лишь с 2644 тысячами евреев (при приблизительно 3,2–3,3 миллионах на самом деле!). Иначе, как шулерством подобные манипуляции не назовешь!

Все это в предвоенное, но все еще в мирное время.

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года множество мирных польских граждан — преимущественно евреев¹⁵⁵ — бросили свои насиженные места и бежали от немцев на «спасительный» восток, в сторону СССР. Но 17 сентября в Польшу навстречу вермахту вступила и Красная армия. В результате беженцы оказались в руках не у первого друга-соседа, а у второго врага-агрессора. В этих изменившихся обстоятельствах часть беженцев сделала свой выбор не в пользу СССР и подала заявления на эвакуацию в немецкую зону, благо оба агрессора заключили друг с другом осенью 1939 года соглашение об обоюдной эвакуации некоторых групп населения¹⁵⁶.

По территориям, на которые распалась Польша, еврейское население, по Заннингу, распределилось так: 3/5 досталось Германии и 2/5 СССР, только рассчитаны эти доли не от 2644, а от 3114 тыс. чел. В частности, под немецким контролем проживали 1901 тыс. чел., из них 632 тыс. на землях, административно присоединенных к Германии, и 1269 тысяч в Генерал-Губернаторстве. СССР же «досталось» 1213 тыс. чел.¹⁵⁷ Другое дело, что еще с 1 сентября наметился устойчивый поток еврейских беженцев из западных польских земель на Восток (в СССР) и, отчасти, на Юг (в Румынию). Легко можно себе представить, что немцы с удовольствием разрешили бы всем польским евреям «бежать» от себя и уж никак не препятствовали бы движению евреев на Восток. Но заковыка была в том, что советская сторона вовсе не горела желанием заполучить сотни тысяч новых евреев и, как правило, заворачивала их обратно.

Не так известно предложение немецкой стороны существенно расширить масштабы этой «дружеской сделки» по обмену ненужного населения на нужное. В начале 1940 года берлинский и венский офисы Центрального управления по еврейской эмиграции, возглавлявшиеся, соответственно, А. Эйхманом и предположительно А. Шта-лекером или А. Брунером, обратились к советскому правительству с просьбой принять в СССР, в частности, в Еврейскую автономную область или на Западную Украину, около 1,8 млн польских евреев и в придачу еще 350–400 тыс. немецких евреев из самого Рейха¹⁵⁸. Надо полагать, что это соответствовало актуальным представлениям немецкого руководства о решении еврейского вопроса в Германии и Польше.

СССР тогда отказался, причем по сугубо формальным причинам, сославшись на то, что в советско-германском соглашении предусматривались обмены только немцами, украинцами, белорусами и русинами. Истинные мотивы отказа лежали, скорее, в другом — в патологической шпиономании сталинского режима и в самих колоссальных масштабах предложенной иммиграции.

Суммарное же количество западно-польских евреев, так или иначе, но сумевших перебраться в СССР, за вычетом тех из них, кто, вкусив советской реальности, решил вернуться и вернулся (себе на погибель!) в немецкую зону, составило около 250, самое большое — 300 тыс. чел.¹⁵⁹

Заннинга это не смущает, и он, конечно, не преминул воспользоваться столь удобным моментом для «списания» на СССР еще одной дополнительной порции польского еврейства. Какой именно? В 750 тыс. человек! При этом он основывался на единичных оценках частных лиц и игнорировал все другие, куда более достоверные.

Итого, вместе с беженцами, Советский Союз получил, таким образом, под свою юрисдикцию около 1,5 млн польских евреев¹⁶⁰. Кроме того, на аннексированных в 1940 году территориях проживали: в Литве (без Вильнюсского края) — 150 тыс., в Латвии — 95 тыс., в Эстонии — 5 тыс., в Бессарабии и Северной Буковине — 325 тыс. евреев.

10 ноября 1939 года Постановлением СНК СССР № 1855/486 была создана советская комиссия под председательством Л. П. Берии по вопросу учета и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы «обратной эвакуации» (то есть выдворению в Германию) неблагонадежных или нетрудоспособных беженцев. Около 25 тыс. отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западноевропейские страны: таких немедленно эвакуировали обратно, а некоторых из них арестовывали.

Другая часть приняла гражданство и даже завербовалась на работы вглубь СССР, но большинство попыталось осесть и закрепиться на новой советской и бывшей польской земле. Еще задолго до того, как это стало фактически возможно, комиссия запланировала депортацию беженцев на восток. 2 марта 1940 года была представлена и 10 апреля утверждена СНК инструкция НКВД, регламентировавшая самый порядок их депортации. Соответствующий контингент заранее получил наименование «спецпереселенцы-беженцы». Их, в отличие от «осадников» и членов их семей¹⁶¹, рассматривали не как заклятых врагов советской власти, а как «интернированных эмигрантов».

Однако с реализацией этого замысла пришлось повременить до середины лета: любые резкие движения были возможны только после 5 июня 1940 года — даты отъезда из СССР последней из немецких комиссий¹⁶². Собственно депортация спецпереселенцев-беженцев состоялась 29 июня 1940 года: она затронула, по разным оценкам, от 77 до 90 тыс. чел., направленных в спецпоселки на севере и востоке СССР — для использования, главным образом, на лесоразработках.

Вместе с тем большинство беженцев до войны были мелкими ремесленниками и торговцами, врачами и т.д. *«Стремление портных, сапожников, часовых дел мастеров, парикмахеров и др. быть использованными по специальности, полностью удовлетворить в пределах их расселения не представляется возможным. Поэтому приходится людей этих профессий (избыточную часть) осваивать на лесе»*¹⁶³. Экономическую эффективность «освоения портных на лесе» можно было бы поставить под сомнение с самого начала. Не менее 85–90% (или порядка 70–80 тыс. чел.) из них были евреями, и тут нельзя не отметить того, что казавшийся им столь огорчительным отказ немцев в приеме и отвратительная действительность советской депортации — спасли большинству из них жизнь¹⁶⁴.

Это сейчас, когда открылись многие архивы, мы можем достаточно уверенно называть эти цифры — 70–80 тыс. евреев, депортированных на Восток СССР. А в 1980-е годы простор для разного рода оценок был ничем не ограничен — их диапазон колебался от 50 тыс. до 0,5 и даже 1 млн чел.¹⁶⁵, а посередке — несколько оценок в 100–300 тыс. чел. Надо ли говорить, что Заннинг из этого разнообразия в качестве «достоверных» выбрал именно полмиллиона с миллионом¹⁶⁶, потом взял их среднее арифметическое и далее уже «оперировал» с этой совершенно фантастической цифрой в 750 тыс. чел.!?¹⁶⁷

Перераспределение евреев между Германией и СССР в результате раздела Польши в 1939 году выглядит, по Заннингу, совершенно иначе, чем это было в действительности. Итоговая пропорция у него уже обратная: большинство — 1776 тыс. чел., или 67,5%, досталось советской власти, тогда как немцам — всего-навсего 857 тыс. чел. (32, 5%),

из которых по-хорошему надо еще вычсть 100 тыс. тех, кто бежал не на Восток, а на Юг — в Румынию.

Суммарное же число этих еврейских беженцев из Польши в СССР или в советскую оккупационную зону составляет, по Заннингу, не меньше 600 тыс. чел. и не больше 1 млн чел. — интуитивно он назначает экспертную величину в 750 тыс. чел. Добавляя сюда евреев из других аннексированных частей Европы — стран Балтии и румынских Бессарабии с Северной Буковиной — Заннинг приходит к своему главному фокусу-покусу: с сентября 1939 и до середины 1940 гг. от 2 до 2,5 млн восточно-европейских евреев исчезли в Красной Империи и разделили судьбу проживавших там 3 млн советских евреев. Из указанных 5–5,5 млн советских евреев больше 1 млн погибли во время войны, но не от рук нацистов, а главным образом *«как красноармейцы или как советские подневольные рабочие в сибирских трудовых и концентрационных лагерях»*¹⁶⁸. Ну до чего же удобная вещь — Холодная война: нет ничего, что нельзя было бы на нее списать! А про польских евреев, погибших в гетто или в лагерях уничтожения, можно тогда и не вспоминать...

Остается еще одно условие успеха — отыскать как можно больше евреев после войны! Что ж, Заннинг и здесь проявил недожинную изобретательность в подборе «источников». Он, например, пишет: *«В “Израильском альманахе за 1958–1959 годы”, издаваемом базирующейся в Иерусалиме Международной Сионистской организацией, имеется одно очень интересное утверждение. Там можно прочесть, что в 1958 году живущие в Израиле 1,8 млн евреев составляли одну восьмую часть мирового еврейского населения. Это значит, что в соответствии с этим неподозрительным источником, в 1958 году на земле проживали 14,4 млн евреев»*¹⁶⁹.

Это так же нелепо, как рассчитывать площадь Земли по заявлениям Хрущева о том, что на 1/6 части суши к 1980 году будет построен коммунизм. У Заннинга же это, увы, не нелепо, а лукаво: уж больно ему нравится цифра 14,4 млн евреев для 1958 года, но еще больше ему нравятся действия с дробями и цифрами, встреченными ими в корреспонденции журнала «Шпигель» или в приватном письме от ветерана Международного еврейского конгресса — еще бы: ведь они выводят его аж на 16,3 млн глобальных евреев в 1980 году, которые ему тоже «нравятся»!¹⁷⁰ Но в руках себя он все же удерживает: ведь иначе может получиться, что еврейское население за годы войны только что не увеличилось!

Поэтому он «успокаивается» на компромиссной цифре в 14,75 млн евреев, переживших войну (по еврейским данным, в изложении Заннинга, — 11,7 млн, хотя ранее он приводил цифру в 11,0 млн чел.). Глобальными источниками этой 3-миллионной разницы он называет,

во-первых, СССР, во-вторых, другие европейские страны, оккупированные Германией, и, в третьих, США (перевесы, соответственно, в 2,3, в 1,3 и в 0,2 млн чел.). Вот на этом «основании» он утверждает, что *«в рядах Красной армии и в сибирских рабочих лагерях погибло около одного миллиона евреев, этот аспект “современная литература” целиком замалчивает».*

Подлая попытка переложить еврейские жертвы с гитлеровских плеч на сталинские — довольно типический отвратительный элемент в идеологической методологии отрицателей от Холодной войны. Как будто на Сталине, в свою очередь пытавшемся переложить геноцидальные расстрелы польских офицеров на Гитлера, было недостаточно крови!

Согласно Заннингу, перед началом Второй мировой войны в Европе (но без СССР и Прибалтики) проживало около 5 млн евреев, или на 1 млн меньше, чем это находит «Американский еврейский ежегодник», учитывающий предвоенную эмиграцию из Германии, но не учитывающий, по Заннингу, 900-тысячную эмиграцию из Польши, Румынии и Чехословакии. Тем не менее, в 1941 году в зоне немецкого влияния все еще проживало 2847 тыс. евреев, а недостающие до 5 млн 2,2 млн следует искать в СССР, аннексировавшем восточные части Польши и часть Румынии¹⁷¹. С учетом 1269 тыс. «пропавших без вести» — то есть евреев, попавших в военные потери, пропавших без вести в СССР, миграций и дефицита рождаемости, а также аннексии Закарпатской Украины в 1945 году, на этой территории после войны могло бы проживать 2712 тыс. евреев, а на самом деле проживало якобы 1443 тыс. чел. Само по себе это не так уж и сильно отличается от еврейской оценки числа переживших Холокост для той же территории — 1410 тыс. чел. «Разница — лишь в числе еврейских жертв, или, по Заннингу, «пропавших без вести»: сбросив 956 тыс. на не учтенную предвоенную миграцию и еще 2847 тыс. на советскую власть (на которую, если Заннингу быть последовательным, никто ни в 1941 году, ни позже не нападал), он и получает свои 1269 тыс. чел. потерь, разложив их между Западной и Восточной Европой (соответственно, 346 и 923 тыс. чел.). В целом это на 3321 тыс. чел. меньше, чем оценка «Ежегодника» — 4590 тыс. еврейских жертв, без учета СССР и Прибалтики¹⁷².

Сушею, где Заннингу обязательно хочется еще поскрести, стали послевоенные миграции. Он напирает на то, что первые еврейские послевоенные учетные данные начинаются не с 1945, а с 1946 или даже с 1947 года. Сквозь эту одно-двухгодичную лазейку запросто могли проскользнуть толпы попрятавшихся во время войны и хорошо одетых евреев. Вот, например, Соединенные Штаты: в 1936 году — 4771 тыс. евреев (учет Федерального Ведомства по проведению пере-

писей), а в 1943 году — 5199 тыс. чел. (данные Джойнта). Разница в 429 тыс. чел. без учета миграции была бы возможна только при годовом приросте в 14,5 %¹⁷³.

Анализ Заннинга заканчивается чуть ли не на звеняще-торжествующей ноте: *«Вторая мировая война раз и навсегда уничтожила еврейство в Европе как важную и географически закрытую группу населения. На место Европы заступили теперь другие центры еврейского населения — США, Израиль и Советский Союз. Нужно исходить из того, что эти три страны объединяют сегодня 80% мирового еврейства. Никогда еще еврейское население не было так разбросано, как в настоящее время»*¹⁷⁴

Он пишет: *«Наш анализ не ставит перед собой цель проверить правдоподобие теории “Окончательного решения”, он хочет определить размер и направление еврейских перемещений во время и после Второй мировой войны. Если показанная здесь динамика входит в противоречие с “современными” табу, то разобратся в этом — и есть задача “специалистов по новейшей истории”...»*¹⁷⁵.

Но показанная им динамика входит в противоречие не с «табу», а с историко-демографическими фактами.

5

Конечно же, выход книги Заннинга не остался ни не замеченным, ни не отвеченным. Профессор В. Д. Рубинштейн из Дикинского университета в Австралии, получив книгу от Джона Барнета, одного австралийского отрицателя, вскорости ее возвратил, отозвавшись частным письмом. Изучение заннинговских корректив к демографическим параметрам до- и послевоенного еврейства, списывание сотен тысяч загубленных еврейских жизней на Сталина и т.п. привели Рубинштейна к однозначному выводу: на самом-то деле Заннинг просто пытается отрицать Холокост и в этом он заодно с другими неонацистами. Признавая за Заннингом знакомство с источниками, он решительно отказывает ему в корректности работы с ними.

Едва ли Рубинштейн предполагал, что письмо его будет опубликовано, да еще в порядке обмена мнениями и в окружении «откликов» самого Заннинга и Бутца, да к тому же и в главном отрицательском органе¹⁷⁶. Но произошло именно так, причем нет ни малейших следов того, что у Рубинштейна спросили на это разрешения.

Один академический журнал даже отозвался рецензией¹⁷⁷. Ее автор был приятно обрадован, что Заннинг не отрицает Холокост как таковой. Его резюме, однако, сурово: книга содержит кучу ошибок и антиисторична. Вместе с тем анализом этой кучи ошибок он себя утруждать не стал, предоставив это будущему и демографам.

Отсутствие такого ответа расценивалось отрицателями как торжество правоты Заннинга. Но со временем и это «будущее» наступило. В 2000 году появилась книга *Джона Циммермана* «Отрицание Холокоста: демография, свидетельства, идеология»¹⁷⁸, в значительной степени посвященная разбору книги Заннинга, а в 2007 году отдельные аспекты книги подробно и высокопрофессионально рассматривались в блоге *Джонатана Харрисона*, посвященном противоречиям в исследовании Холокоста¹⁷⁹. Оба автора уличали Заннинга и в ошибках, и в фальсификациях¹⁸⁰, и в «шулерской» природе его «научного метода», состоящего, по Циммерману, в комбинации «выборочного цитирования с необоснованными допущениями».

А вот книга, которая, казалось бы, могла стать прямым и сокрушительным ответом Заннингу — проект, сама идея которого, возможно, зародилась как непосредственная реакция на выход его книги, — содержит лишь одно-единственное ее упоминание в одной из сотен сносок!

Я имею в виду международный проект «Масштабы народоубийства. Количество еврейских жертв национал-социализма», работа над которым велась во второй половине 1980-х гг. под эгидой Института новейшей истории в Мюнхене. Группу из 18 историков из ряда европейских стран возглавлял профессор *Вольфганг Бенц*. Ими было создано 17 региональных штудий, посвященных Холокосту в отдельных странах или в группах стран и строго зафиксировавших изученность вопроса накануне последнего 10-летия XX века¹⁸¹. Результаты проекта были опубликованы в 1991 году в солидной одноименной монографии, открывающейся обобщающей статьей-вступлением В. Бенца¹⁸².

Проект еще раз отчетливо показал, сколь значительны трудности, стоящие перед такого рода анализом, — трудности, связанные не только с дефицитом и несопоставимостью статистических данных, но и с бесконечными перекройками административно-государственного устройства Европы во время войны и многократно войною усиленной мобильности населения. Многие региональные штудии подтвердили невозможность получения однозначных оценок, итогом получался определенный интервал, или «вилка» между минимально и максимально возможными оценками. Окончательный переход на мышление «вилками»-интервалами — еще один важный методический, хотя и побочный, продукт этого проекта. К сожалению, даже самый тщательный постранный учет первичных источников, как и состояние самих этих источников, не позволили В. Бенцу и его коллегам обойтись без этнобалансной модели.

Сумма таких постранных минимумов составила общеевропейский минимум в 5,29 млн еврейских жертв, а о максимально возмож-

ной цифре В. Бенц, не называя, отозвался как о величине, немного превышающей 6 млн чел.¹⁸³

Своего рода ответом отрицателей на книгу Бенца стала полулекция-полурецензия *Гермара Рудольфа*¹⁸⁴, сравнивающего обе книги — Бенца и Заннинга, их методологические подходы и полученные результаты. Бенц с коллегами, отмечает Рудольф, располагали, бесспорно, лучшей эмпирической базой и исходной статистикой, нежели Заннинг. Играя в объективность, он, кстати, критикует обоих, — но главным образом и прежде всего — Бенца. Так, в трех случаях он указывает на допущенный в книге под редакцией Бенца «двойной счет» — для Германии с Францией, Германии с Чехословакией, а также для Италии с Грецией.

Главной ошибкой проекта Бенца, по мнению Рудольфа, является то, что он совершенно не учитывал те страны, что не были под оккупацией, тогда как Заннинг их учитывал — в качестве мест возможного прибежища для евреев. Если полученные постранные сокращения численности еврейского населения Бенц целиком и полностью относит на счет Холокоста, то есть все они погибли, то для Заннинга они — всего лишь «пропавшие без вести», судьба их не выяснена:

«Бенц не учитывает ни то, что к тому времени миллионы евреев эмигрировали в США, Израиль и другие страны, ни то, что данные послевоенной переписи для СССР крайне ненадежны, когда речь в них заходит о религиозной принадлежности — будь то христианство или иудаизм, — вследствие скрытой опасности гонений. То, что в 1959-м и 1970-м всего лишь два миллиона человек в Советском Союзе назвались евреями, вовсе не означает, что только два миллиона евреев пережили войну. Это говорит всего лишь о том, что два миллиона человек имели смелость заявить о своей еврейской вере в крайне антирелигиозном и антисионистском государстве»¹⁸⁵.

Рудольф отдает себе отчет в том, что ключевой вопрос демографии Холокоста — это признать или отрицать селекцию и ее результаты (то есть то, что нетрудоспособные идут на смерть). Сам Рудольф отрицает ее на том основании, что в 1943 году Рейху были нужны не трупы, а рабочие руки. Но разве тут есть противоречие? Что за работник из 70-летнего старика или 10-летней девочки? Рудольф полагает, что работы хватало на всех и на всяких и что в Аушвице всех распределяли по десяткам концлагерных филиалов (но как раз это распределение вполне прилично задокументировано, и ни малейшего подтверждения этот тезис Рудольфа не нашел).

«Вкладом» самого Рудольфа в собственно демографическую проблематику отрицательства стала специфическая систематизация материала, с выделением «ударных» тезисов. Так, еще раз он дезавуировал свидетельства Вислицени и Хеттля в Нюрнберге: и аргу-

ментация не нова — мол, все нюрнбергские свидетели, показывавшие о нацистских преступлениях, делали это или под пытками, или поговору.

Обсуждая вопрос о времени введения в оборот тезиса о 6 миллионах, Рудольф приводит примеры подозрительно раннего его употребления и видит в этом доказательства еврейского расчета иговора.

Сверхранние упоминания той же или близкой цифры встречались и с нацистской стороны: достаточно вспомнить табличку из Ванзее или бахвальство некоторых нацистских газет. Гейдрих, надо полагать, был агентом мирового сионизма, иначе у отрицателей концы с концами не сойдутся.

При этом Рудольф не гнушается и липовой, чисто жульнической эмпирики. Так, ссылаясь на И. Хоффмана¹⁸⁶, он пишет, что «...Илья Эренбург, главный советский специалист по злодеяниям, опубликовал цифру в шесть миллионов в советском издательстве иностранной литературы еще в декабре 1944-го, за четыре с лишним месяца до конца войны»¹⁸⁷. Но у Эренбурга нет такой публикации в 1944 году, а издательство с таким именем было создано только в мае 1946 года¹⁸⁸.

В другом месте он, вслед за А. Бутцем¹⁸⁹, приводит обоим цитат из подшивки «Нью-Йорк таймс» за 1942–1943 гг.:

«Нью-Йорк таймс», 13.12.1942, стр. 21: «[...] Подтвержденные сообщения указывают на 2 миллиона евреев, убитых варварским, сатанинским способом, а также на планы полного уничтожения всех евреев, которых нацисты могут заполучить в свои руки. Массовое уничтожение трети еврейского населения из сферы гитлеровского господства [$3 \times 2 \text{ млн} = 6 \text{ млн}$] и уничтожение, грозящее всем остальным, представляет собой беспрецедентный холокост».

«Нью-Йорк таймс», 20.12.1942, стр. 23: «То, что происходит с пятью миллионами евреев в занятой немцами Европе, всем из которых грозит уничтожение [...]. В начале декабря 1942 года Государственный департамент в Вашингтоне представил цифры, указывающие на то, что число евреев, депортированных и погибших с 1939 года в Европе, управляемой странами Оси, достигло ужасающей цифры в два миллиона и что еще пяти миллионам грозило уничтожение».

«Нью-Йорк таймс», 2.03.1943, стр. 1, 4: «[Раввин Херц сказал] о спасении жизни шести миллионам еврейских братьев [...] о спасении тех, кто еще может избежать пыток и смерти от рук нацистов [...]».

«Нью-Йорк таймс», 10.03.1943, стр. 12: «[...] 2 миллиона евреев, убитых в Европе. [...] Оставшиеся четыре миллиона убивают в соответствии с планом». [$2+4 = 6 \text{ млн}$].

«Нью-Йорк тайме», 20.04.1943, стр. 11: «Четыре миллиона евреев было истреблено [...] еще пять миллионов находится под непосредственной угрозой уничтожения [...]». [$2+5 = 7 \text{ млн}$].».

Ясно, что свидетельства о еврейском геноциде в Европе, просачиваясь, достигали и Лондона, и Вашингтона, и Москвы. Только очень болезненное воображение может всерьез воспринять приводимые при этом цифры за научно-демографические высказывания. Кроме того, даже приводимые цифры весьма «разбросаны», так что и тезис о сакральной предписанности цифры в «6 000 000», не находит себе здесь подтверждения.

Отличить газетный прием от научного анализа Рудольф, несомненно, в состоянии, но он решительно этого не хочет: мировая еврейская закулиса застит ему глаза, и он не брезгует даже штампами российских антисемитов о доле евреев в НКВД и об их роли в советских репрессиях.

Поэтому ему все время хочется поймать историков за руку, и ему кажется, что это ему удастся. То он покрутит у них перед носом письмом из Бад-Арользена: видите, не кто-нибудь, а Международный Красный Крест во всех концлагерях, как ни старался, а насчитал всего 300 тыс. убитых, причем не одних только евреев! Мне трудно поверить, что Рудольф не понимает разницы между внутренней отчетностью Службы розыска и историческим источником, хотя бы и косвенным. Но если понимать и признавать эту разницу — то совершенно нечем будет покрутить перед носом.

В другом месте Рудольф строго выговаривает двум известным историкам за нестыковку их результатов друг с другом.

«Р[удольф]: Сам я не изучал первоисточники, поэтому мне приходится полагаться на работы других. Если вы посмотрите на доступную литературу на тему человеческих потерь среди евреев во время Второй мировой войны, то вы увидите, что по данному вопросу имеются всего лишь две обширные монографии.

С[тудент]: Но ведь в любой крупной книге по холокосту имеется число жертв.

Р[удольф]: Да, но в этих трудах число жертв не доказывается, а просто утверждается. Возьмите, к примеру, цифры из книги “Уничтожение европейских евреев” официального эксперта по холокосту Рауля Хильберга и сравните их с цифрами Люси Давидович, еще одного официального эксперта, опубликованными ею в своей книге “Война против евреев”. И тот, и другой заявляют, что в холокосте погибло от пяти до шести миллионов евреев. Однако если вы сравните то, каким образом они распределили этих жертв по различным местам предполагаемого уничтожения, то вы обнаружите, что их цифры полностью расходятся (см. таблицу 7). Такого рода таблицу можно составить для многих официальных историков холокоста, и цифры расходились бы столь же разительно. Как же это так получается, что все эти авторы получают практически одинаковую сумму, при том, что

они расходятся во всем остальном, и никто из них не доказывает свои утверждения при помощи неоспоримых источников?

Таблица 7

Распределение утверждаемых жертв холокоста, в разрезе мест убийства

Место	Хильберг ¹⁹⁰	Давидович ¹⁹¹
Освенцим	1000000	2000000
Треблинка	750000	800000
Белжец	550000	600000
Собибор	200000	250000
Хелмно	150000	340000
Майданек	50000	1380000
Сумма для лагерей	2700000	5370000
Другие места	2400000	563000
Общая сумма	5100000	5933000

Рудольф радостно потирает руки: поймал! Смотрите, какие у вашей Давидович неправдоподобные цифры по Майданеку и по Освенциму! Ему словно и невдомек, что уточняющая — то есть истинно «ревизионистская»! — работа идет как раз в цеху у историков, а не у отрицателей. Каждый новый источник внимательно исследуется, и очень часто при введении его в оборот проистекают новации и корректировки.

Еще одна цель Рудольфа — «Листы свидетельских показаний», что из «Зала Имен» Яд Вашема. Он даже не стесняется назвать их обыкновенной «макулатурой». Мол, каждый может поназаполнять их как угодно и сколько угодно — что же это за источник?! О том, чем на самом деле являются и с какими ограничениями сопряжены эти драгоценные «Листы», можно прочитать в статьях А. Абрахама и А. Шнеера¹⁹². Но если Рудольф ничего не может поделаться с распыряющими его сомнениями, то пусть он и изучает «Листы» в Интернете (благо они там доступны) и ловит за руку каждого из свидетелей. Свидетельства о смерти, на гербовой бумаге и заверенные у нотариуса, палачи не выдавали!

Но именно на отсутствии таких справок и строится едва ли не вся отрицательская риторика и демагогия.

Опус Юргена Графа «Миф о Холокосте» является тут типическим образчиком. Вот его «чисто демографическая» концовка:

«Как видим, число жертв с годами усердно сокращается. И все же общее число жертв “холокоста” в 5–6 млн от этого никак не колеблется. Из этих 5–6 млн можно вычитать сотни тысяч, даже миллионы — оно останется все тем же. Такова математика “холокоста”!»

На какие документы, на какие раскопки массовых захоронений опираются холокостники, сокращая число жертв? Ни на какие! Все приведенные выше цифры есть чистый вымысел, без малейшего отношения к документированной реальности лагеря Освенцим.

По расчетам ревизионистов, там умерли около 150 тыс. евреев (Фориссон) или 160–170 тыс. (Маттоньо); из них отравленных газом — ноль. Эпидемии, в первую очередь сыпной тиф, были главной причиной такой ужасно высокой смертности».

Специального итогового труда по своему видению демографии «Холокоста с маленькой буквы» отрицатели так и не создали. Судя по названию («Демография холокоста»), на это мог претендовать доклад Яна Бернхофа на Тегеранской конференции¹⁹³. Однако самый текст доклада этих «ожиданий» никак не оправдывает и представляет собой убогую и бессистемную компиляцию части упомянутых нами источников.

6

Замечательному по замыслу проекту «Масштабы народоубийства» определенно не повезло. Он начался в 1980-е гг. и увидел свет в 1991 году — уже после фактического распада СССР. Именно тогда, в 1990-е гг. изучение Холокоста получило новый могучий импульс благодаря тому, что впервые появился доступ ко многим ранее для исследователей закрытым архивам в б. СССР и Румынии. В России, на Украине, в Белоруссии впервые появились серьезные исследователи и солидные исследования по Холокосту. К тому же, к анализу демографии Холокоста подключились не только профессиональные историки, но и профессиональные демографы и этнографы, работающие с демографическими балансами (такие, например, как *Серджио Делла Пергола* и *Марк Куповецкий*).

Спустя 10-летие после завершения проекта В. Бенца и в связи с открытием в Берлине Мемориала жертв Холокоста другой немецкий историк, — и тоже сотрудник Института новейшей истории в Мюнхене, — *Дитер Польш* предпринял аналогичную попытку характеристики потерь еврейского населения Европы в годы Холокоста. Его исследование уже могло опереться — и опиралось! — на множество новых публикаций и на целое море новых архивных данных, выявленных за годы архивных революций прежде всего в странах бывшего СССР, Польше и Румынии. Сохраняя пострановый принцип фиксации величины потерь, он одновременно постарался решить и те методические задачи, перед которыми предшественники отчасти пасовали, — детализировать внутреннее административное строение рассматриваемых стран, синхронизировать его динамику с данными по уничтожению, а главное, совместить принцип характеристики по

регионам происхождения с принципом характеристики по регионам и даже местам уничтожения евреев. Кроме того, он первым осознал важность учета еврейских военнопленных — как польских, так и советских.

Оценка, к которой Д. Полю пришел в 2001 году, равнялась 5,6 млн чел., а с учетом примерно 5-процентной недостоверности данных по б. СССР и, отчасти по Польше, он определяет ее как «вилку» между 5,4 и 5,8 млн чел. Сами по себе результаты первого анализа, проведенного Д. Полем в 2000–2001 гг., долгое время оставались не опубликованными, так что его статья «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем», в сущности была ее первой публикацией¹⁹⁴. Специально для этой книги и с учетом ряда публикаций, вышедших уже в 2000-е годы, он заново перепроверил данные статьи. Внесенные уточнения, однако, не поколебали ее итогов: сумма жертв Холокоста в разных европейских странах составила 5588 чел., а итоговая «вилка»-оценка определяется им в интервале между 5,4 и 5,8 млн чел.

Сводные данные о различных постранных оценках жертв Холокоста приведены в *Приложении 6*. Ее анализ показывает, что по большинству западноевропейских и части центральноевропейских стран уже достигнут консенсус. По таким же странам как Чехословакия, Румыния и Венгрия существует относительный консенсус, во многом зависящий от того, в каких границах их рассматривать. А вот по Польше и СССР настоящего консенсуса как не было, так и нет, — ни по суммарным оценкам, ни по распределению жертв между двумя странами.

Самые последние исследования, проведенные российскими исследователями *Ильей Альтманом* и *Марком Куповецким* позволяют внести некоторые коррективы в результаты наиболее репрезентативного на сегодня обобщения, выполненного Д. Полем.

Они касаются оценок количества жертв Холокоста на территории бывшего СССР. И тут следует назвать еще два имени — *Ицхака Арада*, бывшего директора Яд Вашема и одного из наиболее авторитетных специалистов по Холокосту в целом, и *Сергея Максудова* (Александра Бабеньшева), известного американского демографа и статистика, специалиста по потерям населения СССР, одна из работ которого, опубликованная в 1993 году, была посвящена потерям еврейского населения СССР от Холокоста.

И. Арад, обобщая свои предыдущие исследования (но, к сожалению, не всегда называя свои источники), он выделял при этом евреев-«западников», то есть жителей территорий, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., и евреев-«восточников», то есть тех, кто проживал в СССР и до 1 сентября 1939 года. При этом Арад дал следующие оценки числа еврейских жертв Холокоста на оккупированной тер-

ритории СССР: у «восточников» — между 946 и 996 тыс. чел. и у «западников» — между 1561 и 1828 тыс. чел., всего — между 2509 и 2624,5 тыс. чел.¹⁹⁵

С. Максудов, используя для своих расчетов анализ половозрастной структуры еврейского населения СССР за 1939–1959 гг., а также (почему-то) территорию бывшей Восточной Пруссии как своеобразной модельной области для учета послевоенных еврейских миграций, сделал серию условных допущений и пришел к следующей оценке потерь среди евреев-«восточников», то есть тех, кто проживал в СССР и до 17 сентября 1939 года: 970 тыс. чел.¹⁹⁶

Куповецкого, как и Арада, интересовали все евреи, оказавшиеся в сфере советского влияния в годы войны. Пользуясь методом этнодемографического баланса, он пришел к следующим оценкам людских потерь еврейского населения: суммарно для СССР (в границах на 22 июня 1941 года) в 2733 тыс. чел., из них 1612 тыс. чел. «западники» и 1112 тыс. чел. — «восточники»¹⁹⁷.

Однако не все потери были вызваны Холокостом, — были еще и безвозвратные военные потери (170 тыс. чел.), и безвозвратные потери мирного населения прифронтовой полосы (60 тыс. чел.), и избыточная смертность в тылу (50 тыс. чел.), и избыточная смертность узников ГУЛАГ (15 тыс. чел.). К потерям, непосредственно вызванным Холокостом, Куповецкий отнес 2438 тыс. чел., или 89,3% всех потерь. При допущении сохранения и для них того же соотношения между «западниками» и «восточниками» (около 59 и 41%, соответственно), что и для суммарных потерь еврейского населения, получаем 956 тыс. жертв Холокоста среди «восточников», что всего на 14 тыс. чел. меньше оценки С. Максудова и на 10 тыс. больше минимальной оценки И. Арада, а также на 44 тыс. чел. меньше миллионной (и явно несколько округленной) оценки Д. Поля¹⁹⁸.

Подход И. А. Альтмана¹⁹⁹ принципиально другой. Отталкиваясь от низовых данных, выбирая, в случае альтернативности, наименьшие из альтернатив и агрегируя данные с максимально низкого уровня, он приходит к пообластным и пореспубликанским оценкам числа жертв Холокоста в СССР. По существу, он делает для СССР то же, что Бенц и Польш пытались сделать на пострановом уровне для Европы в целом.

Если Куповецкий вынужден оперировать с данными о советском еврействе в официальной статистике, то Альтман, выявляя непосредственных жертв Холокоста, сталкивается с теми, кто в советскую статистику мог и не попасть, но все равно мог быть расстрелян или брошен в душегубку, ибо соответствовал тем немецким расовым критериям еврейства, по которым евреи и уничтожались (то есть безотносительно к Галахе или конфессиональной принадлежности). Точкой

отсчета для Альтмана является 22 июня 1941 года, а своей разбивки на «восточников» и «западников» он, к сожалению, не дает, хотя его подход и позволяет сделать это.

Кроме того, «ножницы», в его случае, составили интервал от 2805 до 2838 тыс. чел. Если взять наименьший интервал и допустить ту же пропорцию, что была обозначена М. Куповецким, то получим оценку «восточников» среди жертв, равную 1150 тыс. чел., что на 150 тыс. больше оценки Д. Поля.

Условность допущений, сделанных нами при этом расчете, вполне понятна, но, за неимением лучшей методики, полученные результаты предлагается рассматривать как уточняющую поправку к данным Д. Поля по СССР.

В качестве второй такой поправки следует признать уточненное число советских военнопленных-евреев, погибших в немецком плену. Эту категорию жертв Холокоста, ставшую едва ли не самой ранней по времени начала ликвидации, проигнорировали практически все исследователи Холокоста, чьи работы учтены в *Приложении 6*, кроме Д. Поля и С. Максудова, дающих оценки, соответственно, в 50–70 и 70 тыс. чел.

Этот вопрос специально рассматривался и в этой книге, в главе «Обреченные погибнуть». Разница между имеющимися оценками общего числа советских евреев в немецком плену (около 85 тыс. чел.) и оценками погибших в плену из их числа (около 80 тыс. чел.) хорошо согласуется с числом евреев среди репатриированных советских граждан — военнопленных, а неслыханно высокая (94%!) смертность среди этого контингента отражает суть немецкой политики, нацеленной на 100-процентную ликвидацию евреев-военнопленных. Это обосновывает мою солидаризацию с 80-тысячной оценкой их потерь. Пусть ненамного, — всего на 10–25 тыс. чел., — но эта оценка превосходит оценку Д. Поля.

Таким образом, если взять за основу нижнюю планку оценки Д. Поля (5588 тыс. чел.) и дополнить ее указанными двумя поправками — 150 и 10 тыс. чел., или, суммарно, 160 тыс. чел., — то в итоге мы получим, на наш взгляд, наиболее обоснованную на сегодня оценку общего числа жертв Холокоста — 5748 тыс. чел.

Прибегая, вслед за Д. Полем, к округленным «ножницам разброса», это число может быть охарактеризовано как лежащее в интервале между 5,6 и 5,9 млн чел.

Он получен в результате применения методики, сочетающей в себе пошаговое установление количества еврейских жертв в отдельных странах или регионах, а также внутри определенных внерегиональных контингентное. Каждая из полученных цифр должна быть подвергнута при этом критической верификации, после чего допустимо

перейти к сложению всех отдельных подмножеств. Полученная сумма (а точнее, рамки интервала доверительности — «ножниц») и есть искомым нами результат анализа.

Но интересно и важно, что в точности к такому же интервалу — от 5,6 до 5,9 млн жертв — пришел в своих построениях и С. Дела Пергола, опираясь на методологически совершенно иной подход — на метод демографических балансов.

Это совпадение служит дополнительным аргументом в пользу достоверности результатов, полученных как бы с двух сторон.

Холокост и галаха: сага о еврейской идентичности

Руководитель Центра еврейской демографии при Иерусалимском университете профессор Серджио Делла Пергола в статье «Между реальной и альтернативной историей: заметки к демографии Холокоста» (1996), подходя к Холокосту как к демографическому феномену, обозначил круг и сформулировал перечень тех обусловленных Холокостом социодемографических проблем, с которыми современное еврейство уже фактически столкнулось или столкнется в ближайшем будущем.

Этот перечень, увы, не так уж и короток, в нем 13 позиций, и то, чем мы до сих пор занимались, — демографический баланс и суммарное количество жертв — пускай и первая, но всего лишь одна из них.

Среди остальных проблем ученый отмечает все ускоряющееся сокращение доли евреев в мировом населении, перенос центра тяжести еврейской культуры с Востока на Запад, неестественно (даже для евреев!) высокую международную мобильность в послевоенное время, общее и серьезное ухудшение их здоровья, резкий рост заболеваемости и смертности, распространение форм разрушенной семьи (множество вдов, сирот и др.) и ощутимый рост постоянного безбрачия среди еврейского населения, традиционно весьма склонного к семейной жизни, а при вступлении в брак — усиление склонности к смешанным бракам и к ассимиляции, страх заводить детей и как следствие сверхнизкая рождаемость среди евреев, половая диспропорция среди выжившей части еврейского населения (сверхперевес женщин), резкое и ускоренное старение выжившего еврейского населения, упущенные образовательные и социально-экономические возможности, переход в другую веру ради спасения собственной жизни или жизни детей, ослабление или утрату еврейского конфессионального самосознания вследствие разрушения общин.

Важнейшее и наиболее комплексное из этих затяжных последствий, достигшее своего полного развития и ставшее очевидным

лишь после Второй мировой войны, это, по Делла Пергола, «долгосрочное и прогрессирующее истощение еврейского репродуктивного потенциала. Оно является наиболее серьезной угрозой численности и жизнеспособности еврейского народа в мировом масштабе»²⁰⁰.

Его производными стали сверхсмертность, а точнее гипертрофированное изведение самых старших и самых младших когорт еврейского населения, особенно в зоне бывшей российской черты оседлости. Убийство миллионов евреев, говоривших на идиш, сопровождалось уничтожением специфических форм их расселения и проживания (штеттле, или местечек) — и означало, по сути, выкорчевывание целого этнокультурного комплекса идишеговорящего ашкеназского еврейства, складывавшегося столетиями.

Другое и, быть может, еще более значимое комплексное последствие, которым сегодняшнее еврейство обязано вчерашнему Холокосту, — это крайнее обострение вопроса о еврейской самоидентификации. И тут наше мнение расходится с мнением израильского демографа, видящего эту проблему так: «*Определенные трудности при оценке числа жертв возникают в связи с вопросом “Кого считать евреем?” Как известно, преследования основывались на концепции, связывающей принадлежность к еврейству с этническим происхождением, а не с индивидуальной и тем более не с конфессиональной самоидентификацией*²⁰¹. Те, кто имели еврейских предков, но сами не были евреями, все равно становились объектом преследования и его жертвами. Эти люди “обоснованно” включались в некоторые списки жертв. С другой стороны, стоит попытаться оценить результаты Шоа для собственно еврейского населения — тех, кто относил себя к еврейству перед Второй мировой войной и после нее»²⁰². Иными словами, он предлагает выделить и обособленно рассмотреть среди жертв Холокоста галахическую группу, то есть тех, у кого мать еврейка. Галахические евреи — даже в светском государстве Израиль — имеют множество привилегий по сравнению с не-галахическими, прибывшими в страну на основании Закона о возвращении.

Еще дальше идет в своих построениях Джордж Фельдман, автор сопроводительного текста к сводной таблице жертв Холокоста в альманахе «Холокост и Вторая мировая война». Широкими мазками отлучая от еврейства иноверующих и неверующих (конвертитов, атеистов, секулярных и ассимилированных евреев, многие из которых не теряют своего еврейства даже по Галахе!), он рисует донельзя упрощенную и до неузнаваемости искаженную картину: «*Нацисты определяли евреев по “расе”, считая евреями всех тех, у кого были еврейские предки. Но евреи, перешедшие в христианство, или те, чьи родители были конвертитами (например, в Венгрии), не относили себя к евреям. Евреи, не практиковавшие никакой религии (например, в го-*

родах Советского Союза), также могли не считать себя евреями»²⁰³. И стало быть, продолжим за автора обозначенную им мысль: напрасно их немцы убивали, это все нелегитимные жертвы, это жертвы «по ошибке» или «по неразумению» палачей, — и это не Холокост! При этом переворачиваешь страницу и видишь столбик разнесенных по странам цифр и внизу суммарную оценку исследователя — 5 миллионов 820 тысяч 250 жертв. Лично «выковыривать» из этой цифры жертвы «второго сорта» исследователь не стал, — так зачем же было делиться с читателем утверждениями столь же кощунственными, сколь и голословными — «не считали» или «могли не считать себя евреями»?

Если говорить о самоидентификации, то дело это сугубо индивидуальное и интимное, но подавляющее большинство безусловно считало себя евреями и не сводило это к единственному — конфессиональному — признаку. Один лишь пример: гениальный русский поэт Осип Мандельштам, каковы бы ни были мотивы его крещения в 1911 году, ни на секунду не переставал быть евреем²⁰⁴.

Стремление же к структуризации многомиллионного корпуса жертв необходимо и с нашей точки зрения²⁰⁵. Но главное в другом: Шоа — это беспримерная еврейская трагедия, катастрофа такого значения и такого масштаба, что некоторые старые понятия не выдерживают ее веса и рушатся на наших глазах, требуя своего пересмотра. Уничтожение евреев немцами действительно осуществлялось не по Галахе, не по конфессиональному, а по самому массовому — расово-этническому — признаку, не пощадившему почти никакие еврейские идентичности²⁰⁶. После Холокоста уже нельзя делить евреев «по сортам» или, что еще хуже, уподобляться нацистам и проводить «селекцию», отделяя внутри этих 6 миллионов истинных евреев от «не-евреев» — это кощунственно по отношению ко всем погибшим: никто не интересовался истинностью или глубиной их веры, прежде чем отправить в расход.

Заостряя проблему, и вовсе усомнимся в совместимости *Шоа* как исторического явления с *Галахой* как монопольным критерием еврейской идентичности. Холокост поставил перед раввинами вопрос о необходимости пересмотра или корректировки Галахи, но раввинат, кажется, не расслышал вопроса.

Рассматривая возможные альтернативные демографические сценарии развития еврейского населения, каким бы оно было — или, точнее, могло бы быть — при нормальных условиях, то есть без *Шоа*, С. Делла Пергола заключает, что в таком случае «старение еврейского населения — и количественная эрозия, неизбежно сопровождающая этот процесс, — было бы предотвращено, или, по крайней мере, отложено лет на 30»²⁰⁷. Мировое еврейское население не топталось

бы вокруг 13 млн чел., как это происходит сейчас, а составляло бы в 1990-м г. примерно вдвое большую численность — в интервале между 20 и 30 млн чел.

Если же с глобального и вероятностного уровней вернуться в мир еврейских демографических реальностей, то неплохим их репрезентантом может явиться Россия. Некогда самая еврейская страна мира (5,7 млн чел. в 1897 году), она, согласно Переписи населения 2002 года, заканчивала XX век с 230 тыс. евреев (в 2002 году)²⁰⁸.

В мировой иерархии еврейских общин мира она занимает пятую строчку — после Израиля, США, Франции и Англии, и даже в случае сложения сил с еврейскими общинами других стран СНГ могла бы подняться лишь на одну ступень и вклиниться между Англией и Францией.

Еще в 1989 году их численность в РСФСР превышала полмиллиона (536,8 тыс. чел.), и они входили в «двадцатку» крупнейших этносов России. К 2002 году российские евреи распрощались с «двадцаткой», при этом их численность, повторимся, составила в 2002 году лишь 229,9 тыс. чел., то есть сократилась более чем вдвое!²⁰⁹

Положение не изменилось бы, если к евреям-ашкеназам, которые здесь имеются в виду, добавились бы другие еврейские субэтнотсы, проживающие в России, — горские евреи, грузинские евреи, бухарские евреи и крымчаки. Тогда их численность составила бы 233,6 тыс. чел. Не изменилась бы она и в том случае, если принять поправку израильского демографа М. Тольца, прибавившего к этой величине еще 20,0 тыс. чел. — из числа тех, кто не отнес себя ни к какому этносу: в таком случае они были бы на 25-м месте. Полученную в итоге цифру в 253,6 тыс. чел. можно признать как соответствующую понятию так называемого «ядра» еврейской популяции²¹⁰. Но к 2020 году, по прогнозу М. Тольца, в России останется не более 130 тыс. так называемых евреев «ядра».

Если же рассматривать так называемое «расширенное» еврейское население, включающее в себя также и нееврейских родственников евреев, то для его приблизительной оценки в 1990-е годы использовался коэффициент 1,8²¹¹. Таким образом, применительно к России, мы выходим на величину, равную приблизительно 456,5 тыс. чел. — это теоретический максимум резервуара гипотетической еврейской иммиграции.

Как и для большинства европейских стран, для России характерно постарение населения. Однако возрастная структура еврейского населения России и тут не порадует: попросту говоря — она катастрофична. Если медианный возраст (то есть тот, что делит население на две равные части, одна из которых моложе, а другая старше этого возраста) населения России в целом и русских как этноса составляют

37,1 и 37,6 лет, а для этнических немцев этот показатель лишь ненамного выше (39,7), то у еврейского населения он беспрецедентно высок — 57,5 лет!

И даже половая структура российского еврейства необычна: мужчин среди них большинство — 51,48 %. Мужчин больше, но женщины старше. И если медианный возраст евреев-мужчин равен 55,7, то у евреек 61,1 годам!²¹²

Главным фактором, обусловившим поистине катастрофическую демографическую ситуацию советского и постсоветского еврейства, как раз стал Холокост. Из более чем 3 млн евреев, проживавших в СССР накануне Второй мировой войны, погибли примерно 1,1 млн чел. (или 36%), а из 1,9 млн евреев, проживавших на территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., — 1,6 млн чел., или более 86%. Таким образом, суммарные потери еврейства, проживавших в пределах СССР в годы войны, чудовищны и оцениваются в 2,7 млн чел.²¹³

Но сокращение численности еврейского населения евреев на территории СССР не прекратилось и после войны. Отрицательное сальдо рождаемости в гомогенных еврейских семьях отмечено, начиная уже с 1958 года — первого же года текущего учета в СССР демографических показателей в разрезе национальностей²¹⁴. Очевидно, что процесс начался раньше этой даты, но данных об этом нет.

И виной тому была не столько эмиграция²¹⁵, сколько те социально-демографические процессы, глубоко поразившие советское еврейство и тесно связанные как с Холокостом, так и с социализацией евреев в СССР. Фундаментальная причина депопуляции евреев, как отмечает М. Тольц, коренилась прежде всего в особенностях его воспроизводства: *«Среднее число рожденных детей среди еврейского населения России не превысило 1,6 во всех поколениях женщин, рожденных в XX веке. Начиная с поколений женщин, рожденных в 1919–1923 гг., этот показатель стабилизировался на очень низком уровне: 1,3–1,4 ребенка»*²¹⁶. Примерно там он находился и в 2002 г. — 1,264²¹⁷. Тот же М. Тольц указал и на значительный вклад в формирование низкого уровня рождаемости, который внесла высокая инфертильность евреек, то есть доля тех из них, кто, побывав или находясь в детородном возрасте, при этом ни разу не рожала или не родила²¹⁸. В 2002 году этот показатель составил 20,2%. В итоге — непрекращающееся падение уровня рождаемости еврейского населения: с 1988–1989 по 1993–1994 гг. коэффициент суммарной рождаемости снизился с 1,5 до 0,8%²¹⁹.

Особенности воспроизводства еврейского населения в России, по-видимому, находятся в тесной связи с особенностями их социального и образовательного статуса. Оно состоит почти исключительно из го-

родских жителей, а в значительной степени — из столичных; уровень образования среди евреев (в том числе и у женщин) — самый высокий в стране. Хорошо известен, например, своеобразный «бумеранг эмансипированности», или обратная зависимость между уровнем образования евреек²²⁰ и уровнем рождаемости и смертности у евреев в целом: высокое образование у первых ведет к снижению еврейской рождаемости²²¹.

Все это определило черты образа жизни, которые обычно очень сильно влияют на демографические процессы. По существу, еврейское население России раньше других групп населения совершило демографический переход и наиболее последовательно демонстрирует последствия того типа демографического поведения, которое теперь утверждается в России в целом.

Наряду с уже названными факторами огромную роль в демографической эрозии еврейского населения России играла и играет брачная ассимиляция — смешанные браки с участием евреев. Выразительна и доля детей, у которых отец другой национальности, среди общего количества детей, рожденных еврейками: 27% в 1958 г., 40% в 1968, 42% в 1978, 58% в 1988 и 68–70% в 1993–1997 гг.²²²

В отличие от индикаторов рождаемости, особенности и индикаторы смертности евреев в России были относительно благоприятны для динамики еврейского населения, длительное время имевшего наиболее высокие в России показатели продолжительности жизни мужчин. Так, для 1993–1994 гг. Тольц оценивал среднюю продолжительность жизни еврейского населения России в 69,6 года у мужчин и в 73,2 года у женщин²²³.

Так что не эмиграция с ее неизбежным сокращением численности женщин прокреативного возраста, а драматическое естественное движение было причиной того, что еврейское население бывшего СССР так быстро сокращалось в 1970-е и 1980-е годы. Лидерство перешло к эмиграции только в 1988 году, причем вклад рождаемости в этот «негатив» по-прежнему оставался крайне высоким — более 40%, по данным М. Тольца²²⁴.

Таким образом, Советский Союз как один из трех центров мирового еврейства фактически сошел с мировой сцены. Самое массовое в начале XX столетия, российское еврейство отодвинулось к его концу на второй план, опустившись вровень с французским или английским.

Постсоветское еврейство оказалось в демографическом тупике, и даже если оно и стабилизируется на современном уровне и останется существенной частью глобального еврейского расселения, то ни «развернуться», ни дать «задний ход» оно будет уже не в состоянии.

Не будучи единственной причиной этого кризиса, Холокост, безусловно, явился его главным стимулятором и детерминатором.

Отсюда — важность изучения многообразных последствий Холокоста в современной жизни, причем не только еврейской. О том, насколько исследование геноцида цыган, например, отстает от исследования Холокоста, косвенно говорит и полное отсутствие работ об отрицании цыганского геноцида²²⁵.

Отдадим должное коллективной пассионарности отрицателей. Агрессивность их интереса и напряженность поиска ими слабых мест в аргументации историков Холокоста (химия газовых камер, анализ аэрофотоснимков, вопросы логистики, разработка новых архивных источников, в частности, московских) несомненно мобилизовывали последних (даже и против их воли) и тем самым способствовали критической разработке и, нередко, разрешению поднятых вопросов. Это происходило и в режиме вынужденного контакта и конфронтации (например, во время судебных процессов), и в режиме «автономного плавания», когда иные, кроме публикаций и интернета, контакты отсутствуют.

Сказанное справедливо и для демографии Холокоста. Брошенная Ханкинсом и Заннингом «перчатка» хотя и поднята и ответы на поставленные ими вопросы хотя и даны, но нет и полной уверенности в окончательности этих ответов.

Но не исключено, что новые материалы и новые подходы помогут историкам быть еще более аргументированными и убедительными.

Умершие и убитые евреи Европы, по странам и категориям: различные оценки, тыс. чел.

Страны* и континенты	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р
Польша	3271	3200 ⁰	2350– 2600 ⁰	3000 ⁰	3000 ⁰	3000	3000	2900– 3100	2900– 3000	674		2700	3000 ⁰			3000 ⁰
СССР ¹															2438	
СССР ²							1153				946– 996		1000 ⁰		956	1150
СССР: аннекс. терр.											1561– 1628				1482	
СССР (без Прибалтики)				700 ⁰	700 ⁰				1000– 1100	Н.д.						
СССР ³	1050	700 ⁰ – 1100 ⁰	700– 750 ⁰					1212– 1317			2509– 2624	2100		2805– 2838		2656
РСФСР ⁸						107								144– 170		
Украина ⁹						900				Н.д.				1430		
Белоруссия						245				Н.д.				810		
Молдавия ¹⁰														130		
Прибалтика						228										

Страны* и континенты	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р
Эстония				2	1		1		2	Н.д.			1	1		
Латвия				70	70		69		70–72	Н.д.			69	75–77		
Литва				130	130		145		140–143	Н.д.			145	215–220		
Данциг					1											
Мемельская область																
Венгрия	180	240 ⁰	200		180 ¹	450	270	550–569	550–569	71		550	270			270
Венгрия ⁶				300												
Румыния	530	160 ⁰	200–220 ⁰	270	270	300	285	271–287	271–287	3		211	285 ⁰			285 ⁰
Румыния ⁴																
Германия	195	200	160–180		120 ⁰		165	134–141	134–141			165	165			165
Германия и Австрия						210				159						
Германия, с Протекторатом Богемия и Моравия				250												

Страны* и контингенты	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р
Протекторат-Богемия и Моравия						80			78							
Чехословакия	255	140 ¹	233–243		260		253	146–149	146–149			143	253			253
Чехословакия ⁷										38						
Словакия				70		75			68–71	74						
Закарп. Украина										15						
Нидерланды	120	104	104	100	100 ¹	105	102	100	100			102	102			102
Франция	140	100	60–65	75	75	90	75	77	77			76	75			75
Австрия	53	80	58–60	50	50 ¹		65	50	50			65	65			65
Югославия	64	50	55–58	60	60	26	65	56–63	56–63	56		60–65	65			65
Греция	64	60	57–60	60	60	54	59	60–67	60–67	53		59	59			59
Бельгия	57	27	25–28	25	24	40	25	29	29			28	25			25
Италия	20	0	8–10	10 ⁵	9	8	7	8	8			7	7			7
Люксембург	3		3	1	1	1	1	2	2			1	1			1
Норвегия	1	1	1	1	1	1	1	1	1			1	1			1
Дания	2	0	0	0	0	0	0	0	0			0	0			0
Албания							0						МО			0

Страны* и континенты	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р
Болгария		10				14				8		11				
Финляндия						0										
Тунис																
Прочие																
Сов. военно-пленные							80						50–70			80
ИТОГО	5722	4371	4894–5601	5172	5113	5994	5821	5708–6237	5596–5860	1269		5290–6540	5588–(5400–5800)			
Кроме того, ДР	308															

А – Англо-Американский комитет (апрель 1946). По: Reitlinger, 1958. S. 573.

Б – Frumkin G. Population Changes in Europe Since 1939. London, 1951. P. 168–173.

В – Reitlinger G. Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939–1945. Berlin: Colloquium Verlag, 1958. S. 573 (минимальная и максимальные оценки).

Г – По: Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Die Gesamtgeschichte des Holocausts. Berlin: Olle a. Wolter, 1982. P. 810.

Д – Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Die Gesamtgeschichte des Holocausts. Frankfurt-am-Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1999. S. 1300.

Е – Dawidowicz L. S. The War against the Jews, 1933–1945. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975 (см. также 2-е, пересмотренное издание: Ardmore: Seth Press, 1986).

Ж – Bauer J. with Keren N. A History of the Holocaust. New York, F.Watts, 1982.

З — Gilbert M. Die Endlösung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas. Reinbeck beim Hamburg, 1982. S. 244 (Цит. по: Piper, 1993. S. 177).

И — Gutman I.; Rozett R. // Guttman I (Ed.). Encyclopedia of the Holocaust. Yad Vashem, 1990. S. 1799–1802.

К — Walther N. Sanning. Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Mit einem Vorwort von Arthur R. Butz. Tübingen — Buenos Aires — Montevideo: Grabert-Verlag, 1983.

Л — Арад А. — А. И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза. Центр «Ткума»; Д. : ЧП «Лири ЛТД»; М. : Центр «Холокост», 2007. 816 с.

М — W. Benz. Dimension des Völkermords, München: Oldenbourg, 1991.

Н — Д. Польш (см. в наст. издании)

О — Альгман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2005.

П — М. Куповецкий (см. в наст. издании)

Р — П. Полян (см. в наст. издании)

Примечания: * В довоенных границах, если не указано иное (в т. ч. Венгрия — в границах до 1-го Венского арбитража, 1940).

⁰ Грубые примерные оценки; ¹ СССР в послевоенных границах; ² СССР в границах на 17.9.1939; ³ СССР в границах на 22.6.1941; ⁴ С Бессарабией и Сев. Буковиной; ⁵ С о. Родос и Албанией; ⁶ С Трансильванией; ⁷ С Закарпатской Украиной; ⁸ С Крымом, но без Калининградской обл.; ⁹ С учетом депортированных из Молдавии, без учета Крыма и Закарпатской обл.; ¹⁰ Без учета депортированных на Украину.

Примечания

¹ ГРАДОВСКИЙ, 2010.

² DEMANT, 1979. S. 34.

³ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 272. Л. 145.

⁴ Термин (точнее, образ) принадлежит Залмену Градовскому.

⁵ Термин *Lebensziehung* встречается в технической документации газовых камер и крематориев; в качестве его перевода можно предложить следующие варианты — «жизнелишение», «жизнеотъятие», «жизнеотрешение» и даже «обезжизнение». Не менее впечатляющим термином является обозначение газовых камер словом *Entwesungskammer* — «камера для уничтожения существования» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 30. Л. 41 об.).

⁶ Цитирую по: PIPER, 1993.

⁷ Эти документы поступили в Главное архивное управление НКВД СССР от Уполномоченного НКВД по 4-му Украинскому фронту при отношении № 6070 от 26.3.1945 и находились в состоянии почти полной россыпи. См. соответствующий отчет: «Архив Германского концентрационного лагеря в Освенциме (Аушвице). Краткий обзор» от 4.9.1945, подписанный начальником 3-го отделения организационно-инспекторского отдела Главного архивного управления НКВД СССР лейтенантом Милюшиным (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 30. Л. 1–45 об.). От внимания составителей отчета

не ускользнуло, что комплекс вопросов, связанных с евреями, в уцелевших документах нашел себе отражение в наименьшей степени (Л. 9 об.), что косвенно говорит о том, что именно эти документы в наибольшей степени уничтожались накануне оставления лагеря.

⁸ См.: ГРАДОВСКИЙ, 2010.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108.

¹⁰ См. *Приложение 5*.

¹¹ Да, используется, правда, и ручной труд, но все-таки война как-никак — вот ведь и проектировщика печей пришлось срочно отзывать из действующей армии в распоряжение его собственной фирмы!

¹² Кроме Аушвица и Майданека, в эту небольшую, но действенную смертоносную сеть входили еще четыре лагеря смерти — Треблинка, Белжец, Собибор и Кулмхоф, организационно обособленные и созданные в рамках «Операции Райнхард» — для того, чтобы как следует отомстить за смерть Гейдриха. Иногда к ним причисляют и концлагерь Штутхоф, в котором также имела и не бездействовала газовая камера.

¹³ См. об этом: Brandhuber J. A. Die sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslager Auschwitz // Hefte von Auschwitz. 1961. Nr. 4. S. 5–62.

¹⁴ Симптоматично, что строительство объектов для проведения «особых мероприятий» в «лагере для военнопленных» в Биркенау было самым крупным из всех строительных объектов концлагеря в 1942 г.: на него приходилось около 1/3 всего строительного бюджета лагеря — 18,1 из 51,8 млн рейхсмарок, по состоянию на 26.10.1942 (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 30. Л. 16 об.–17).

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 30. Л. 38 об.

¹⁶ Piper, 1993. S. 69–70.

¹⁷ Цит. по: PIPER, 1993. S. 65–67. Со ссылкой на: APMAB. D-Aul-3-a/65-66.Arbeitseinsatz — Briefe und Telegramme betr. den Arbeitseinsatz von Häftlingen.

¹⁸ См. главу «Что и когда союзники знали об Аушвице».

¹⁹ Первое упоминание Аушвица в советской печати относится к апрелю 1943 г., когда газета «Правда» поместила краткую заметку ТАСС, перечисляющую немецкие концлагеря.

²⁰ PIPER, 1993. S. 74–75. Перевод текста этой передачи, присланный из Берлина в Аушвиц, буквально ошеломил эсэсовцев: на что-то, а на гласность во всех подробностях они никак не рассчитывали.

²¹ Piper, 1993. S. 81–82.

²² Отметим методическую сторону: это первый случай расчета числа еврейских жертв в разрезе стран их происхождения.

²³ PIPER, 1993. S. 84–85.

²⁴ PIPER, 1993. S. 85–86.

²⁵ PIPER, S. 93. Факсимиле статьи из «Los Angeles Times» от 8.5.1945.

²⁶ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 272. Л. 145.

²⁷ PIPER, 1993. S. 86–87.

²⁸ HÖSS, 1958. S. 162–163.

²⁹ См.: PENDORE, 1961.

³⁰ В составе двух польских и двух советских специалистов — двух профессоров и инженеров из Кракова — Р. Давидовского и Я. Долинского,

кандидата химических наук инженер-майора В. Ф. Лаврушина и инженер-капитана А. М. Шуера.

³¹ С помощью Ш. Драгона и была обнаружена и упоминавшаяся уже выше рукопись З. Градовского.

³² Интересно, что в тот же день советская цифра — 4 млн жертв в Освенциме — была опубликована и в США (со ссылкой на сообщение «Ассошиэйтед пресс» от 7.5.1945).

³³ См.: PIPER, 1993. S. 94.

³⁴ См. Приложение 5.

³⁵ На самом деле была не одна, а целых две импровизированные газовые камеры по периметру лагеря Биркенау (т.н. Бункер 1 и Бункер 2).

³⁶ В 1967 г. текст откорректировали: вместо 4 млн стало 1,5 млн.

³⁷ На последующих процессах, связанных с Аушвицем, эта цифра постепенно поползла вниз: в процессе «IG Farbenindustrie» — до 3–4 млн, в процессе Поля — до 3 млн чел. (см. PIPER, 1993. S. 96).

³⁸ PIPER, 1993. S. 95–96.

³⁹ KOGON E. Der SS-Staat. München, 1974. S. 157.

⁴⁰ REITLINGER G. The Final Solution — The Attempt to Exterminate the Jews of Europe 1939–1945. London: Valentine, Mitchell & Co., 1953 (2nd edition — 1971). Нем. перевод: REITLINGER, 1958.

⁴¹ REITLINGER, 1958. S. 523–524. Позднее Рейтлинджер несколько пересмотрел свои результаты в сторону их незначительного увеличения: из прибывших в Аушвиц 800–900 тыс. евреев погибли 790–840 тыс.

⁴² HILBERG R. Die Vernichtung der europäischen Juden, die Gesamtgeschichte des Holocaust, Berlin, 1982. S. 811; SCHEFFLER W. Judenverfolgung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt am Main, Wien, Zürich, 1961. S. 78; CRANKSHAW E. Die Gestapo. Berlin, 1959. S. 191 ff.

⁴³ WELLERS, 1983. S. 125–159.

⁴⁴ GILBERT M. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas. bek bei Hamburg, 1982. S. 100.

⁴⁵ Encyclopaedia of the Holocaust. New York, London, 1990. S. 117.

⁴⁶ POLIAKOFF L. Breviare de la Haine. Paris, 1951; DAWIDOWICZ L. The War against the Jews 1933–1945. Aylesburg, 1979. S. 191. Billig J. Les camps concentrationnaire dans l'économie du Reich Hitlerien. Paris, 1973. S. 101 f.

⁴⁷ Bauer Y. Auschwitz // Der Mord an den Juden im zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1985. S. 173.

⁴⁸ Weiss A. Categories of Camps, their Character and Role in the Execution of Final Solution of the Jewish Question // The Nazi Concentration Camps, Jerusalem, 1984. S. 132; Encyclopaedia Judaica. S. 855.

⁴⁹ WELLERS, 1983. S. 125–159.

⁵⁰ Впрочем, как и у тех, кого он охотно за это критикует, многое строится на экспертных оценках и у него, правда, чаще на собственных.

⁵¹ Gerlach Ch., Aly G. Das letzte Kapitel. Der Mord an den ungarischen Juden. Stuttgart, 2001. S. 409 ff.

⁵² Поль, 2008.

⁵³ Meyer F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz. Neue Erkenntnisse durch neue Archivfunde // Osteuropa. 2002. Nr. 5. S. 631–641.

⁵⁴ Van Pelt R.-J., Dwork D. Auschwitz — von 1270 bis heute. Zürich, 1998; Van Pelt R.-J. ZrThe Case for Auschwitz — Evidence from the Irving Trial. Bloomington, 2002.

⁵⁵ АРМАВ. Нöß-Prozess. Bd. 26b. S. 168. Тут он, кстати, Хёссу доверяет, тогда как другим высказываниям Хёсса — о числе жертв в «его» лагере — приписывает совершенно иной статус: он утверждает, что эти признания Хёсса сделаны под пытками и с определенными установками. Остается загадкой, если уж Хёсс был игрушкой в руках заговорщиков-статистиков, то почему ему вложили в рот цифры, столь существенно отличающиеся от советско-польской «святой коровы» — 4 млн жертв фашизма в Освенциме?

⁵⁶ О некомпетентности Ф. Мейера говорит уже одно то, что он утверждает, что никто, мол, не знает и до него никогда не интересовался тем, где были захоронены останки тел тех, кого сожгли до открытия мощных крематориев в марте 1943 г.

⁵⁷ Соответствующие наряды сохранились и в ЦВММ МО РФ.

⁵⁸ Неясно только, где Ф. Мейер взял эту оценку: в таблице, на которую он при этом ссылается, для поляков приведена цифра в 147 тыс. чел., а евреи (если только он имеет в виду еще и польских евреев) не разбиты по странам.

⁵⁹ Не под каждым событием приведены источники, но пишущему эти строки приходилось убеждаться в том, что источники эти не высосаны из пальца, а имеются в архиве музея. Тем не менее на отсутствие источников и пеняет ей Ф. Мейер, попутно «застукав» ее, в том числе и с помощью рукописей зондеркомандовцев и даже Р. Хёсса, на двух-трех предположительных неточностях в сведениях (естественно, в тех, что «завышают» численность в эшелонах).

⁶⁰ Рассчитано по максимальным известным номерам для каждой из категорий узников, имевших отдельную нумерацию при регистрации.

⁶¹ Ссылка приводится, но без малейшей попытки критически рассмотреть источник.

⁶² Ф. Мейер не считает нужным уточнить, были ли эти 110 тыс. включены в выше упомянутые 225 тыс. переведенных из Аушвица в другие лагеря или не были. Из чего можно сделать только два вывода: во-первых, были, а во-вторых, — мы снова встречаемся с двойным счетом.

⁶³ Хотя перед этим немало труда положил на то, чтобы показать, что их было самое меньшее 433 тыс.

⁶⁴ Это вступает в вопиющее противоречие с предыдущими аргументами Мейера — только что произнесенными им «уточнениями» нескольких возможных неточностей у Д. Чех!

⁶⁵ RESSAG J.-C. Auschwitz: Technique and opération of the Gas Chambers, New York, The Béate Klarsfeld Foundation, 1989; Ibid., Les crématoires d'Auschwitz. La machinerie du meurtre de masse. Paris, CNRS Éditions, 1993.

⁶⁶ См.: Vortrag über Siedlung, Dezember 1940 (BAB, NS 19/3979). Цит.: по Benz, 1991. S.2.

⁶⁷ Странно, но отрицатели, исповедующие сакральную заданность цифры «шесть миллионов», прошли мимо этого любопытного ее «источника».

⁶⁸ Die Endlösung der europäischen Judenfrage. Statistischer Bericht, Richard Korherr, Inspekteur für Statistik- IfZ. Nbg. Dok. NO 5193. См. также: Nbg. Dok. NO 5196. Впоследствии Р. Корхерр всячески отмежевывался от содержания

этого документа: он якобы исходил из того, что под «особым обхождением» подразумевается «переселение на Восток».

⁶⁹ Сохранилась, в частности, запись разговора между неустановленным венгерским сионистом и неустановленным немецким предпринимателем (предположительно, О. Шиндлером), состоявшегося в Будапеште в ноябре 1943 г. На вопрос о том, сколько евреев, отсчитывая от начала войны, уже убито, предприниматель, сказал, что один знакомый эсэсовец говорил ему о 4–4,5 млн чел., что ему, предпринимателю, показалось художественным преувеличением. См. факсимиле в: Pohl, 2005. S. 74.

⁷⁰ Löbsack W. Juda vor dem Fall // Danziger Vorposten. 13.5.1944. Факсимиле в: Pohl, 2005. S. 77.

⁷¹ IMT. Dok. PS 2738.

⁷² IMT. Bd. IV. S. 393–414.

⁷³ Там же. Ср.: Aschenauer R. (Hrsg.). Ich, Adolf Eichmann. Ein historischer Zeugenbericht Leoni 1980. S. 471 ff.

⁷⁴ Педантичный палач // Еврейское слово (Москва). 2002. № 27. 10–16 июля. С. 8–9.

⁷⁵ IMT. Bd. II. S. 140.

⁷⁶ IMT. Bd. II. S. 47.

⁷⁷ KRAUSNICK H. / WILHELM H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Eindatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942, Stuttgart 1981. S. 620.

⁷⁸ Круглов А. К вопросу о количестве евреев, уничтоженных эйзатцгруппами в 1941–1943 гг. // Голокост и сучасність. Студії в Україні і світі. 2008. № 1. С. 39–64.

⁷⁹ Lestschinsky J. Balance Sheet of Extermination // Jewish Affairs. 1946. Vol. 1. No. 1. P. 3–19, No. 12. P. 3–22; Lestschinsky J. The Decline of European Jewry // Congress Weekly, New York, 1951. 24 Sept.; См. также: Lamm H. Um die Zahl der ermordeten Juden // Allgemeine Wochenzeitung der Juden in Deutschland. 1953. 8 Mai.

⁸⁰ См.: Feldman, 2001. P. 403 (Appendix A).

⁸¹ KULISCHER E. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947, N.Y., 1947. P. 279.

⁸² AJJV. 5707 (1946–1947). Vol. 48. Philadelphia, 1946. P. 599.

⁸³ Shapiro L.; Sapir B. Jewish Population of the World // AJJV. 5709 (1948–1949). Vol. 50. Philadelphia, 1949. P. 691–724.

⁸⁴ Включая азиатские части СССР и Турции.

⁸⁵ Те же цифры, но для мира в целом: 16,5 и 11,0 млн. чел. см. в статье С. Делла Пергола (ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ..., 2008.).

⁸⁶ Р. Хёсс, с мая 1940 до ноября 1943 г. — комендант концлагеря Аушвиц и с мая 1944 г. — организатор уничтожения там венгерских евреев, заявил к протоколу на процессе над главными военными преступниками в Нюрнберге (IMT. Bd. XI. 1946. S. 458), что в Аушвице были уничтожены газом 2,5 млн евреев; в более поздних воспоминаниях он уменьшил это число. Ср.: [HÖSS], 1958. S. 162 f.

⁸⁷ POLIAKOV L. Breviaire de la Haine. Le III-e Reich et les Juifs. Paris, 1951.

⁸⁸ FRUMKIN G. Population Changes in Europe Since 1939. London, 1951. P. 168–173.

⁸⁹ Эти сведения, без точной ссылки, приводит Ф. Ханкинс (КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 265).

⁹⁰ Выше упомянуты далеко не все из них.

⁹¹ REITLINGER, 1956. При этом он осознанно стремился ни при каких обстоятельствах не дать антисемитским кругам ни малейшего повода поставить под сомнение любой из его расчетов и из двух альтернативных оценок всегда выбирал только наименьшую.

⁹² REITLINGER, 1956. S. 558.

⁹³ HILBERG R. The Destruction of European Jews. Quadrangle Books, 1961. 788 p. Нередко забывают, что эта же работа содержит еще и альтернативную оценку (5397,5 тыс. жертв), рассчитанную не с помощью статистики жертв, а с помощью баланса переживших Холокост.

⁹⁴ HILBERG R. Die Vernichtung der europäischen Juden, die Gesamtgeschichte des Holocaust. Berlin, 1982. S. 811. В позднейших изданиях эти данные постоянно уточнялись. Так, в издании 1990 года сумма погибших не изменилась, но количество убитых в лагерях снижено с 3,0 до 2,9 млн чел., а количество расстрелянных, наоборот, увеличено с 1,3 до 1,4 млн чел. См. также в *Приложении 6*.

⁹⁵ Во избежание двойного счета при рассмотрении оценок по странам еврей-беженцы из других стран «засчитывались» тем странам, где они были расстреляны или откуда они были депортированы в лагерь смерти.

⁹⁶ DAWIDOWICZ L. S. The War against the Jews, 1933–1945. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975 (см. также 2-е, пересмотренное издание: Ardmore: Seth Press, 1986). Через вторые руки (то есть с отсылкой на вторичный источник) ее оценка попала в «Полную историю Холокоста» под редакцией М. Бэрда (BARD M. G. The Complete History of the Holocaust. San Diego: Greenhaven Press, California, 2001. P. 481).

⁹⁷ Bauer J. with Keren N. A History of the Holocaust. New York, F. Watts, 1982.

⁹⁸ См.: Feldman, 2001. P. 403 (Appendix A). Называя в качестве своих источников труды И. Бауэра, Л. Давидович и Р. Хильберга, Фельдман подчеркивает, что его цифра самостоятельная, но, к сожалению, не объясняет и не обосновывает ее.

⁹⁹ Фрэнк Ханкинс (Frank Hamilton Hankins, 1877–1970) преподавал и занимался исследованиями в лучших американских университетах, редактировал лучшие научные журналы, возглавлял известнейшие союзы — Американское социологическое общество и Американскую ассоциацию исследователей населения. Его либеральная книга «Расовые основы цивилизации: критика нордической доктрины» (1926) произвела самый настоящий фурор. Среди тем, на изучении которых он узкопрофессионально специализировался, были и социальные условия в гитлеровской Германии.

¹⁰⁰ В отличие от их большинства, он являл собой пример истинного ревизиониста и специализировался на пересмотре истории и интерпретации событий еще Первой мировой войны.

¹⁰¹ JHR. 1984. No. 2–4. P. 81–82.

¹⁰² Он ощущает даже в терминологии: так, еврейские жертвы он упорно именуется «недостающими евреями», нападение на Россию называет «возникновением войны с Россией», а евреев, депортированных Румынией за Днестр и поначалу безжалостно там уничтожавшихся, называет почему-то «нашедшими за Днестром убежище» и т.д. Те же терминологические тренды и у Заннинга: «жертв» у него нет, но есть «пропавшие без вести», ученые еврейского происхождения, неважно, французы они или американцы, все обозначаются как «еврейские» или «сионистские» (чем вторые отличаются от первых, он не поясняет).

¹⁰³ Отсутствие вопроса о вероисповедании в советских переписях сочетается с разработанностью вопроса о национальной принадлежности. (Примечание автора.)

¹⁰⁴ HANKINS, 1983. No. 1. P. 64.

¹⁰⁵ The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 29, 187.

¹⁰⁶ То есть в СССР. (Примечание автора.)

¹⁰⁷ Hankins, 1983. No. 1. P. 64–65.

¹⁰⁸ Нерелевантное соображение: еврей для нацистов оставался евреем независимо от гражданской самоидентификации или принадлежности. (Примечание автора.)

¹⁰⁹ The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 78.

¹¹⁰ The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 26, 14.

¹¹¹ Jacoby G. Racial State: The German Nationalities Policy in the Protectorate of Bohemia-Moravia, Institute of Jewish Affairs, N.Y., 1944. P. 308, 310.

¹¹² Meyer W. Duschunsky and Sylvain, The Jews in the Soviet Satellites, American Jewish Committee, Syracuse University Press, 1953. P. 239–240.

¹¹³ Meyer W. Duschunsky and Sylvain, The Jews in the Soviet Satellites, American Jewish Committee, Syracuse University Press, 1953. P. 184–185.

¹¹⁴ Kulischer E. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N.Y., 1947. P. 199.

¹¹⁵ Hankins, 1983. No. 1. P. 65–67.

¹¹⁶ Ссылку об этом приводит и сам Ханкинс, мы ее не проверяли. Заннинг, кстати, говорит о всего лишь 10 тыс. венгерских выкрестов.

¹¹⁷ Не следует забывать о том, что подавляющее большинство евреев, вопреки сложившимся стереотипам, были бедными людьми, едва сводившими концы с концами. С их «неплатежеспособностью» столкнулся в богатой Вене еще А. Эйхман в пору его занятий добровольным выталкиванием евреев за границу. Принятие же мер этнической маскировки безусловно требовало инвестиций, средств на которые у большинства евреев не было.

¹¹⁸ В вопросах бытования иудаизма Ханкинс демонстрирует удивительное невежество. Упрекать иудаизм как религию в недостаточной универсальности и объяснять то, что евреев по религии всегда больше, чем евреев по национальности, тем, что в общинах всегда регистрируются и члены семей неевреев, значит быть не в курсе дела. Ведь даже либеральными общинами официальное членство в общине не-галахических евреев не допускается. Совершившие же гиюр родственники становятся полноправными членами общин.

- ¹¹⁹ Hankins, 1983. No. 1. P. 67.
- ¹²⁰ Hankins, 1983. No. 1. P. 68.
- ¹²¹ См. упреки Г. Фрумкину за малопринципиальное расхождение в 2 тыс. чел., по сравнению с работой М.-П. Эрремана (Herremans M.-P. *Personnes Deplacees (Repatriees, Disparus, Refugies)*, Brussels, 1948).
- ¹²² Hankins, 1983. No. 1. P. 68.
- ¹²³ Наверное, и впрямь правильное было бы говорить иначе: «умершие и убитые».
- ¹²⁴ Hankins, 1983. No. 1. P. 68–69.
- ¹²⁵ Hankins, 1983. P. 69.
- ¹²⁶ Так, если в предисловии к книге, вышедшей в 1945 г. и посвященной положению евреев в послевоенном (после Первой мировой войны) мире, вскользь говорится о том, что оккупированные страны и области Восточной Европы стали камерой смерти для 5 млн евреев, — то как же не оспорить эту бездоказательную фразу!
- ¹²⁷ Hankins, 1983. No. 1. P. 72.
- ¹²⁸ См. статьи В. Бенца и Д. Поля: КОХ, ПОЛЯН, 2008.
- ¹²⁹ Hankins, 1983. P. 72.
- ¹³⁰ См. об этом в заключительном абзаце его статьи.
- ¹³¹ По Рейтлингеру — это не только Аушвиц, Белжец, Собибор, Трешлинка и Хелмно, но также и Малый Тростинец около Минска, Понары около Вильно, IX Форт около Ковно, Пески около Львова и Бикернек около Риги.
- ¹³² См. *Приложение 6*.
- ¹³³ Артур Понсонби (Arthur Augustus William Harry Ponsonby, (1871 — 23 March 1946) — британский политик, писатель и публицист, барон, член парламента. Автор книги «Изготовление фальшивок во время войны: пропаганда лжи во время Первой мировой войны» (1928). (Примечание автора.)
- ¹³⁴ Брюс Джеймс (James Bryce; 1838–1922) — британский политик, юрист и историк, член парламента и Палаты Лордов, в 1907–1913 — посол Англии в США. В 1915 г. по заданию премьер-министра Великобритании Герберт Эскью (Herbert Asquith) подготовил т.н. «Отчет Брюса» о зверствах немецкой администрации по отношению к гражданскому населению в Бельгии. Этот отчет имел колоссальный пропагандистский эффект и оказал определенное влияние на решение США вступить в войну. Не менее строго Д. Брюс осуждал также и армянский геноцид в Турции; он первым держал об этом речь в парламенте, а позднее, вместе с А. Дж. Тойнби, подготовил «Голубую книгу» — сборник документов об этом (1916). (Примечание автора.)
- ¹³⁵ Hankins, 1983. P. 79–80.
- ¹³⁶ SANNING, 1983.
- ¹³⁷ Sanning W. N. *The Dissolution of Eastern European Jewry*. Institute for Historical Review, 1983.
- ¹³⁸ Псевдоним раскрыт в Интернете (в «Метапедии»). Поскольку сам автор продолжает и дальше пользоваться псевдонимом, то этого же будем придерживаться и мы. Все же укажем, что он публикуется и под своей фамилией, например, статья «Выжженная земля. Советская экономическая война во Второй мировой войне // Deutschland in Geschichte und Gegenwart 29(1) (1981). S. 18–21 См. также: http://www.vho.org/D/DGG/Niederreiter29_1.html
- ¹³⁹ ZIMMERMAN, 2000 (предисловие).

¹⁴⁰ Зато для обозначения Германии при Гитлере он пользуется малоупотребительным, хотя исторически и корректным термином «Großes Reich».

¹⁴¹ Вслед за Ханкинсом Заннинг делает вид, что ежегодные публикации АЖУВ и ежегодные, на еврейский взгляд, изменения еврейского населения — суть одно и то же.

¹⁴² Этой общностью и объясняется та кооперативность, с которой, как он полагает, обе политические силы сотрудничали друг с другом в 1933–1939 гг. За годы войны сионисты прибрали к рукам как американский, так и советский истеблишмент (последний, как мерещится Бутцу, вплоть до 1948 года был проеврейским). И тут тоже образовался пусть снова противоестественный, но союз: обе страны хотели продолжить политику Гитлера, а за дирижерским пультом кто? — правильно, мировые сионисты. Им, ловкачам, удалось прибрать к рукам еще и ЮНРРА — международную организацию по послевоенным перемещенным лицам во главе с нью-йоркскими сионистами Гербертом Леманом и Фиореллой Ля Гуардия. Именно они прикрывали после войны нелегальные сами по себе потоки перемещенных лиц ДиПи в Палестину. Да и СССР со своей Еврейской республикой принял к себе ненароком немереное число евреев. Доказательства? Пожалуйста. Почему-то, начиная с 1943 года, иммиграционное ведомство США перестало фиксировать этническую принадлежность. СССР, правда, не перестал, но и тут стремление к уже заведомо заниженной статистике евреев более чем хорошо понятна.

¹⁴³ Butz A. Vorwort // SANNING, 1983. S. XIV–XV.

¹⁴⁴ Еще у Ханкинса эта тема была обозначена, но совершенно не разработана.

¹⁴⁵ А в некоторых случаях — и в довоенное время, как, например, в Польше, где последняя перед войной перепись проводилась только в 1931 г.

¹⁴⁶ См.: *Marcus J. Social and Political History of Jews in Poland, 1919–1939* (NY: 1983). P. 173.

¹⁴⁷ SANNING, 1983. S. 3.

¹⁴⁸ Ее название «Еврейская эмиграция после войны».

¹⁴⁹ SANNING, 1983. Гл. 8.

¹⁵⁰ «Источником» для Заннинга тут послужила работа Г. Грамля «Эмиграция немецких евреев между 1933 и 1939 гг.», где говорилось (ошибочно) о ежегодной эмиграции около 100 тыс. польских евреев в 1933–1937 гг. (см.: *Graml H. Die Auswanderung der Juden aus Deutschland zwischen 1933 und 1939* // Institut für Zeitgeschichte (Hg.), *Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte*, Bd. 1, Мюнхен: IfZ, 1958, S. 80). Как отмечает Д. Циммерман, единственным источником, на который при этом опирается сам Грамль, является работа Марка Вишницера «Евреи в мире» (*Wischnitzer M. Die Juden an der Welt*. Berlin, 1935), самый год издания которой говорит о ее нерелевантности в этом вопросе. У Вишницера речь идет о 1920-х гг., и, Грамль, возможно, не вполне точно его понял.

¹⁵¹ См.: *Tartakower A. Jewish Emigration from Poland in Post War Years* // *Jewish Social Service Quarterly*. No.3. March 1940. P. 274–275.

¹⁵² *JHR* (Winter 1984). Nr. 5. P. 370.

¹⁵³ *Davie M. Refugees in America*. New-York, 1947. P. 28 (этот источник указан Дж. Циммерманом).

¹⁵⁴ См. об этом у Д. Циммермана, получившего эту цифру путем анализа «Ежегодников» (ZIMMERMAN and Ideologies. Lanham * New York * Oxford: University Press of America, 2000. Chapter 1), а также на блоге у Дж. Харрисона.

¹⁵⁵ КОСТЫРЧЕНКО, 2001. С. 186, 190.

¹⁵⁶ Хотя соглашение и действовало по принципу «восточные немцы в обмен на западных украинцев и белорусов», заявления принимались ото всех желающих, проживавших до 1 сентября по ту сторону демаркационной линии. Все первое полугодие 1940 г. в Бресте, Владимире Волынском и Перемышле (с 13 мая — во Львове) работали три германские пропускные комиссии (Гурьянов, 2003. Со ссылками на: ГА РФ. Ф. Р- 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 177; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–50).

¹⁵⁷ Без учета польских евреев из Виленской области, что «достались» Литве. Всего, по оценке М. Альтшулера, их было 1292 тыс. чел.

¹⁵⁸ См. в главе «Недостающее звено в предыстории Холокоста».

¹⁵⁹ См.: Robel G. Sowjetunion // Dimension des Völkermords... München, 1991. S. 501–502. (Wischitzer M. To dwell in safety. The story of Jewish Migration since 1800. Philadelphia, 1948. S. 207 ff.). Последующие депортации бывших польских евреев вглубь СССР затронули, главным образом, беженцев (Weinryb. Polish Jews. S. 348).

¹⁶⁰ Всем им, включая беженцев, было предложено вступить до конца 1939 г. в советское гражданство, но лишь немногие не отказались от этой чести и участи.

¹⁶¹ Это различие в отношении закономерно отразилось и в том, что смертность среди осадников была в несколько раз выше, чем у беженцев (см.: Гурьянов, 1997).

¹⁶² Гурьянов, 1997. С. 120. Со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-Р-9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40–41.

¹⁶³ Из письма М. В. Конрадова Л. П. Берию, 2-я половина августа 1940 г. (ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 27–33). См. подробнее: ПОЛЯН, ПОБОЛЬ, 2005.

¹⁶⁴ За исключением польских евреев-военнослужащих, проживавших в западных, оккупированных немцами районах Польши и взятых в плен Красной армией: вместе с другими военнопленными, по соглашению между СССР и Германией от 30.10.1939 года, они были обменены на польских военнопленных родом из восточных районов Польши (индивидуальные обращения к советским властям с просьбами не передавать их немцам советской стороной игнорировались).

¹⁶⁵ Ее сообщил, по личным впечатлениям, один очень эмоциональный раввин — Арон Петчинник.

¹⁶⁶ Заннинг, кстати, был единственным, кто сведения раввина воспринял «всерьез».

¹⁶⁷ Точно такая «методология» Заннинга прослеживается во всей его книге, в том числе там и тогда, где и когда, согласно исповедуемой концепции, евреев должно оставаться не как можно меньше, а как можно больше.

¹⁶⁸ SANNING, 1983. S. 40–41.

¹⁶⁹ Sanning W. N. Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Tübingen — Buenos Aires — Montevideo: Grabert-Verlag, 1983.

¹⁷⁰ Впрочем, к подбору источников Заннинг относится не лучше и не хуже, чем прочие отрицатели.

¹⁷¹ Sanning W. N. Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Mit einem Vorwort von Arthur R. Butz. Tübingen — Buenos Aires — Montevideo: Grabert-Verlag, 1983. S. 204.

¹⁷² АЖВ. 1947. Vol. 49. P. 740.

¹⁷³ SANNING, 1983. P. 210–220.

¹⁷⁴ SANNING, 1983. Заключение.

¹⁷⁵ SANNING, 1983. Заключение.

¹⁷⁶ Rubinstein W. D., Sanning W. N., Butz A. Dissolution of Eastern European Jewry: an Exchange // JHR. 1984. No. 4. P. 367–373.

¹⁷⁷ Conway J. S. Review on: Walter Sanning. The Dissolution of Eastern European Jewry. The International History Review VII. 3 August 1985. P. 450–451. На эту рецензию воспоследовал ответ со стороны одного из активистов IHR (см.: Desjardins D. Critique of John S. Conway's Review of Walter Sanning's Dissolution of Eastern European Jewry, From The International History Review, August, 1985. Fall 1987. Volume 7 number 3. P. 375). «Защитник» обвиняет Конвэя в том, что он а) не демограф и б) что у него нет в руках противоположных цифр. А вот у Заннинга чего только нет: на 205 страницах текста разместились 24 таблицы, 453 ссылки и 98 источников! Правда, сделаны они, как правило, недобросовестно.

¹⁷⁸ ZIMMERMAN J. C. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies. Lanham * New York * Oxford: University Press of America, 2000 (см. также: <http://www.mossadist.by.ru/>; см. также русский перевод М. Улановской: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Zim/

¹⁷⁹ См.: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2007/08/http://tourismindicator.blogspot.com/2007/09/holocaust-kontroversen-die-verreckte.html>

¹⁸⁰ Например, то, что евреев в гетто не считали. Еще как считали, о чем специально позаботился Гейдрих 21.9.1939, и такая статистика собиралась, и достаточно аккуратно.

¹⁸¹ В частности, главу о Германии написали Ино Арндт (Ino Arndt) и Хайнц Боберах (Heinz Boberach), об Австрии Джонни Мозер (Jonny Moser), о Люксембурге — Ино Арндт, о Франции и Бельгии — Юлиана Ветцель (Juliane Wetzel), о Голландии — Герхард Хиршфельд (Gerhard Hirschfeld), о Дании — Герман Вайс (Hermann Weiß), о Норвегии — Оскар Алендслон (Oskar Alendelsohn), об Италии — Лилиана Пиччиотто Фаригон (Liliana Picciotto Fargion), об Албании — Герхард Гримм (Gerhard Grimm), о Греции — Харен Фляйшер (Hagen Fleischer), о Болгарии — Ганс-Иоахим Хоппе (Hans-Joachim Hoppe), о Югославии — Холм Зундхаузен (Holm Sundhaussen), о Венгрии — Ласло Варга (László Varga), о Чехословакии — Ева Шмидт-Хартман (Eva Schmidt-Hartmann), о Румынии — Криста Цах (Krista Zach), о Польше — Франк Гольчевский (Frank Golczewski) и о Советском Союзе — Герт Робель (Gert Robel).

¹⁸² См. ее перевод: Кох, Полян, 2008. С. 130–154.

¹⁸³ Однако несложный пересчет зафиксированных для каждой страны максимумов привел нас к гораздо большей цифре — в 6,54 млн чел.

¹⁸⁴ Она вошла в состав «Лекций о Холокосте» Г. Рудольфа.

¹⁸⁵ Интересно, что принципиальный аргумент об «участии» в статистике еврейских жертв лиц, не задекларировавших себя статистически евреями, тут как бы вывернут наизнанку.

¹⁸⁶ HOFFMANN J. Stalin's War of Extermination 1941–1945, Capshaw, AL: Theses & Dissertations Press, 2001. P. 189, 402f.

¹⁸⁷ Цитаты — по веб-публикации русского перевода: www.vho.org/GB/Books/thottc

¹⁸⁸ Справка Б. Я. Фрезинского, авторитетного исследователя жизни и творчества И. Г. Эренбурга.

¹⁸⁹ BUTZ A. R. The Hoax of the Twentieth Century. Chicago, IL: Theses & Dissertations Press, 2003. P. 100–104.

¹⁹⁰ Hilberg R. The Destruction of the European Jews. New York: Holmes & Meyer, 1985. P. 1219 (примечание Г. Рудольфа).

¹⁹¹ DAWIDOWICZ, 1975. P. 149 для отдельных лагерей, включая неевреев. Общая сумма («Holocaust Total», P. 403) включает только евреев, поэтому цифра в графе «другие места» на самом деле должна быть выше (примечание Г. Рудольфа).

¹⁹² См.: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 204–234.

¹⁹³ Берхоф Я. Демография холокоста // ИХГВ. С. 153–167.

¹⁹⁴ КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 155–175.

¹⁹⁵ Арад, 2007. С. 791–798.

¹⁹⁶ Maksudov S. The Jewish Population Losses of the USSR from the Holocaust: A Demographic Approach // The Holocaust in the Soviet Union: Studies and Sources on the Destruction of the Jews in Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941–1945. N.Y., 1993. P. 207–213.

¹⁹⁷ См.: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 176–203.

¹⁹⁸ Однако это допущение, возможно, и не вполне корректно: интуитивно понятно, что среди западников смертность от Холокоста не может не быть больше.

¹⁹⁹ АЛБГМАН, 2002.

²⁰⁰ Della Pergola, 1996. P. 34–51. См. русский перевод: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 105–129.

²⁰¹ Нацисты были последовательны: Холокост обошел стороной карaimов и горских евреев, по крайней мере, их часть.

²⁰² Della Pergola, 1996. P. 34–51.

²⁰³ Feldman, 2001. P. 403.

²⁰⁴ Вся его рижская, а возможно, и шяуляйская родня, кстати, погибла, а ему самому достигшая ушей русской эмиграции «молва» приписывала смерть не в лагере, о чем узналось позднее, а в оккупированном Ельце — расстрел вместе с другими евреями! (Нерпер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010. С. 160).

²⁰⁵ Согласно А. Б. Синельникову, Холокост явился одной из пяти основных причин сокращения численности советского и постсоветского еврейства. Четыре других — сталинские репрессии против ивритской и идишской культур в СССР, еврейская эмиграция из СССР, превышение смертности над рождаемостью и ассимиляция. Он пишет, что нацисты не делали различия

между религиозными и секулярными евреями, между галахическими и не-галахическими, но при этом констатирует, что в количественном отношении первые пострадали гораздо больше вторых. Уцелели, как он полагает, как раз ассимилированные евреи Западной Европы, за исключением Голландии. Так что основной удар пришелся по ашкеназийской и галахической Польше и Литве, где случаи вступления в христианство или в смешанные браки были редки (несравнимо меньше, чем в Западной Европе и в России). В этом, согласно Синельникову, и состоит уникальность Холокоста, сделавшего «невозможным длительное существование еврейского народа в условиях диаспоры» (Синельников А. Б. Причины уменьшения численности советского и постсоветского еврейства. Его демографические перспективы // Уроки Холокоста и современная Россия (Материалы международного симпозиума, проведенного в Москве 6–8 апреля 1994 г.). М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. С. 95–96).

²⁰⁶ Исключений было всего два: караимы, по происхождению хазары, и горские евреи, по происхождению иранцы. Их немцы пощадили, и то не всех.

²⁰⁷ Della Pergola, 1996. P. 34–51.

²⁰⁸ Конечно, современная федерация территориально несопоставима с Империей 1897 года, но и в масштабе сопоставимого с ней б. СССР количество евреев, по оценке С. Делла Перголы на 1.1.2006, ненамного больше — всего 350–360 тыс. чел. (DellaPergola S. World Jewish Population 2006 // American Jewish Year Book. Vol. 106. New York: The American Jewish Committee, 2006. P. 559–601).

²⁰⁹ Место евреев в «двадцатке» перешло к азербайджанцам: и это глубоко символично, поскольку соответствует переменам и в бытовой ксенофобии россиян.

²¹⁰ Всего в мире сегодня около 1,6 млн евреев «ядра» — резидентов или выходцев из республик б. СССР.

²¹¹ Tolts, 2004.

²¹² При этом малочисленное (всего 5266 чел.) сельское еврейское население существенно моложе: его медианный возраст — «всего» 53,5 лет.

²¹³ Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2(9). С. 134–155 (см.: Kupovetsky M. Estimation of Jewish Losses in the USSR during World War II // Jews in Eastern Europe. 1994. No 2(24). P. 25–35). Наиболее продвинутый вариант этой разработки см.: КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 176–203.

²¹⁴ Тольц, 2005.

²¹⁵ Вскоре после войны СССР покинули несколько десятков тысяч польских и румынских евреев — в Польшу и Румынию (а оттуда — в Израиль).

²¹⁶ Тольц, 2005.

²¹⁷ Ниже в России он был только у китайцев, которым, как известно, в Китае этот показатель жестко «спущен сверху», — 1,135.

²¹⁸ По данным переписи 1979 г., расчетный средний возраст вступления в первый брак составлял у евреев 23,1 года, а по переписи 1989 г. этот показатель был еще ниже — 22,7 года. Показатель окончательного безбрачия (доля

никогда не состоявших в браке в возрасте 45–49 лет) равнялся 8,8% в 1979 и 7,3% в 1989 г. (Тольц, 2005).

²¹⁹ Tolts, 1996.

²²⁰ Среди евреек Санкт-Петербурга лица с высшим образованием составляют 62,3% (против 28,6% во всем городском населении), еще 4,5% учатся в университете, значит, с полным и неполным высшим образованием — две трети евреек (Миронов Б. Современная еврейская диаспора в Санкт-Петербурге // Нева. 2006. № 9).

²²¹ Bondarskaya G. Ethnic-Territorial Differences in Marital Fertility: A 1985 Survey // Lutz W., Scherbov S. and Volkov A. (Eds.). Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991. London and N.Y.: Routledge, 1994. P. 71–87; Shkolnikov V. M., Leon D. A., Adamets S., Andreev E. and Deev A. // Educational Level and Adult Mortality in Russia: An Analysis of Routine Data 1979 to 1994. , Soc. Sci. Med. 1998. Vol. 47. No. 3. P. 357–369.

²²² Tolts, 1996.

²²³ Tolts, 1996. Этот показатель у евреев остался почти без изменения по сравнению с концом 1980-х годов, тогда как у всего населения России он значительно снизился.

²²⁴ Tolts, 2004.

²²⁵ Об изученности проблематики геноцида цыган см.: Бессонов Н. Об использовании терминов «Пораймос» и «Холокост» в значении «геноцид цыган» // Голокост и сучасность. Студії в Україні і світі . 2007. № 1. С. 71–82.

БИТВА ПОД АХМАДИНИДЖАДОМ: ОТРИЦАНИЕ И ГЕОПОЛИТИКА ХОЛОКОСТА

«За политические последствия ревизионизма мы не отвечаем.

Я, конечно, сионистов не очень люблю, но я не антисемит, и евреев не ненавижу...

Государство Израиль не имеет права на существование. Что делать с этими евреями? Мы культурные люди, уничтожить их нельзя. Что делать с ними?.. Я не знаю».

(Юрген Граф. Из интервью 2002 года¹)

«Или эти люди и впрямь ничего не знают, или хотят людям в лицо песку сыпануть. Того, что было, отрицать уже нельзя. Ведь оно же было».

(Из интервью Йозефа Эрбера, бывшего начальника женского лагеря в концлагере Аушвиц-Биркенау²)

«Хотелось бы знать, каков нынешний статус “еврейско-освенцимской лжи”: допущена ли она снова в светские салоны, можно ли ею пользоваться в светских беседах и уличных разговорах? Или она по-прежнему запрещена? Ни единого дня своей жизни я не потрачу на то, чтобы все снова и снова сообщать моему немецкому народу о том, что он истребил мой еврейский народ...»

(Вольф Бирман. «Ицхак Каценельсон, еврей»³)

Западный вклад: отрицатели или ревизионисты?

1

История Второй мировой войны — живая: в ней много еще неизученного, неразгаданного, искаженно или даже ложно показанного. Историки перманентно корректируют друг друга, поправляют, уточняют, даже опровергают, завязываются плодотворные дискуссии, спо-

способствующие и прояснению деталей, и пересмотру интерпретаций, их фундированной и непредвзятой ревизии. По ходу дела и в жару споров иной раз в прах рассыпаются концепции, рушатся профессорские репутации, и даже целые государства иной раз оказываются в эпицентре позора — в не слишком приятной для себя ситуации фальсификаторов истории и политических лжецов, как, например СССР в случае с Катынью или Польша в случае с Кельце или Едвабно...

Все это нормальный исторический процесс, и все бы ничего, когда бы под него не хотели сработать те, чьей идефикс стало не постижение истории, а ее искажение. Но по плечу ли ризы историчности тем, чей «историзм» целиком сводится, в сущности, к непризнанию Холокоста и, за этот счет, к обелению гитлеровского режима?

После окончания Второй мировой войны в исторической публицистике ряда европейских стран появились работы, подвергающие сомнению многие выводы Международного нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками. В большинстве стран их авторов называют «отрицателями Холокоста» (Holocaust denier) или «распространителями лжи о Холокосте» (Holokaustleugner).

Сами же себя они именуют иначе — самолюбиво и самопочтительно — «ревизионистами», вменяя себе тем самым неискоренимую склонность к борьбе за истину и, как следствие, к научному пересмотру господствующих воззрений на основании новодобытых или же наново переосмысленных данных и т.п. Такая терминология и греет их душу, и придает им легитимность.

При этом легитимизация происходит даже через причастность не столько к объекту того, что ими якобы «ревизуется», сколько к субъекту — к гранд-даме по имени историческая наука⁴. Им хотелось бы быть «второй» и равновеликой «стороной медали», где роль «первой» играла бы писаная история. Мало того, и самое «первую сторону» медали — историю — они норовят опустить до своего уровня: историков, с которыми они воюют, они — в отличие от самих себя — «ревизионистов» — они называют не иначе как «холокостниками» или «экстерминалистами⁵», то есть приверженцами другой «теории», исходящей из столь нелепого допущения, что кто-то евреев уничтожал.

Важная особенность отрицателей: они патологически серьезны. Как гиены, они роются в текстах и свидетельствах, отыскивая в них любую, в их понимании, «слабину». И если что-то «подходящее» вдруг находится, то, словно стая пираний, — дружно, хищно и радостно — они набрасываются на кажущуюся легкой добычу. Если кто-то из очевидцев событий ронял, что видел в Треблинке целую гору обуви высотой, наверное, в 40 метров, то можно не сомневаться, что они припишут этому высказыванию высшую категорию достоверности и чуть ли не краеугольности для «экстерменистской» истории Шоа,

а в «Журнале пересмотра истории» вскоре появится парочка разоблачительных статей с графиками, чертежами и едкими шуточками о 190 миллионах, чья обувь могла бы, судя по расчетам, составить такую «гору». В другой статье будет доказано, — отныне и навсегда, — насколько такое сооружение невозможно. Fazit: все очевидцы — продажные лгуны, все «экстерминалисты» — шарлатаны, так что Холокоста, извините, не было!⁶

Такая стилистика и такая аргументация — из арсенала пропагандистов, а не ученых.

Еще раз переспросим себя: по плечу ли ризы историчности тем, кто даже и не пытается скрыть за шевелюрой рассуждений ослиные уши антисемитизма?..

Так что на вопрос: а можно ли им подавать руку? — ответ вполне определенный: нет, нельзя, эти господа нерукопожатны.

Но просто презирать их, игнорировать, не замечать и не отвечать им — тоже уже нельзя!

Голда Меир как-то обронила: *«Нет, мы не снизойдем до пропаганды»*. Недавним отголоском этого может послужить типичное для израильского истэблшмента высказывание Шимона Переса: *«Хорошая, правильная политика не нуждается в рекламе, она говорит сама за себя»*. К сожалению, это стало одной из составных частей израильского государственного взгляда на мир. В результате Израилю приходится постоянно обороняться и бороться за каждую пядь информационного поля, изначально уступленного безо всякого боя⁷.

Насколько может преуспеть пропаганда отрицателей и насколько глубоко может «самообразоваться» любой желающий, показывает эпизод, с которого начинается книга *Кенетта Штерна*. Он приводит диалог корреспондента телеканала NBC и участника демонстрации противников показа по этому каналу фильма «Холокост», состоявшейся в Нью-Йорке 9 сентября 1979 года. Рядовой демонстрант говорил так: *«Потому что это сионистская попытка навязать американцам комплекс вины и чтобы мы не могли объективно оценивать нашу ближневосточную политику миллиардов долларов налогоплательщиков, выброшенных на израильские военные нужды»*. — *«Но разве Нюрнбергский трибунал не доказал подлинности Холокоста?»* — *«Нет, сегодня уже ни один серьезный историк не воспринимает их иначе как несправедный суд победителей»*. — *«И что же: евреев в Германии не убивали?»* — *«Нет, в Германии была только дискриминация евреев, и правительство стремилось отправить их в эмиграцию, но не уничтожить»*⁸.

И это — в Америке!

Так надо ли с этим бороться? Доказывать, что дважды два — все еще четыре?

Но безграничная активность и пассионарность отрицателей, — в сочетании со столь же выдающейся пассивностью и постмодернистской кашей в головах неолиберальных политиков и журналистов (а порой и историков), — доказывает: увы, бороться с ними надо!

Но как? «Мараться» о них, участвуя в совместных с ними «дискуссиях»? Доказывать им по пунктам, что они тут неправы и там неправы и почему? Или же высокомерно и презрительно улыбаться во время совместных ток-шоу?..

Или не заниматься ни тем, ни другим и полностью передать инициативу в их неленивые руки?..

2

Отрицание Холокоста, собственно, не так уж и молодо: в 2007 году оно могло бы справить свое 60-летие. При этом с самого начала оно было времяпрепровождением вполне интернациональным.

Первыми начали и некоторое время даже задавали тон французы — сначала убежденный фашист-коллаборант, а потом — убежденный коммунист и социалист. Первый — *Морис Бардеше* — еще в 1947 году выступил в печати со своими сомнениями относительно подлинности хотя бы части документов Нюрнбергского трибунала о концлагерях⁹: он первым «сообразил», что за нацистскими преступлениями стоят не идеалисты-эсэсовцы, а исключительно суровые военные условия и вызванные ими истощение людей и эпидемии, а также, не в последнюю очередь, и сами узники — люди, как известно, озлобленные и жестокие.

В том же духе, но более изощренной была аргументация *Поля Расинье*, концлагерника и участника Сопротивления в Бухенвальде и Доре, депутата французского парламента. В 1948 году он выпустил книгу «*Le Passage de la Ligne*» («Пересечение черты»), в которой, не отрицая политику террора и уничтожения евреев в концлагерях, вину за все это переложил на так называемых «функциональных узников» — капо, старших по баракам, блокам и т.д.¹⁰ К тому же он отказывал в достоверности любым свидетельствам очевидцев — в принципе. В 1964 году в книге «Драма европейских евреев» Расинье пошел гораздо дальше и первым стал утверждать: чего-чего, а газовых камер не было. Другое его существенное «ноу-хау» — конспирология: миф о шести миллионах уничтоженных евреев — это «циничная фальсификация», нужная только Израилю и лишь для вытягивания из Германии компенсаций, рассчитываемых от числа жертв.

Тут следует напомнить, что в 1961 году увидела свет грандиозная историческая эпопея *Рауля Хильберга* «Уничтожение европейских ев-

реев». Она подействовала на Расинье, как красная тряпка, вдохновив его на серию демографо-статистических «разоблачений», осуществляемых главным образом с помощью передержек в цитировании и внеконтекстного сталкивания лбами различных архивных источников и количественных результатов¹¹. В 1978 году важнейшие сочинения Расинье были собраны под одну обложку — «Развенчание мифа о геноциде» — и опубликованы в США на английском языке¹².

В самой Германии в 1950-е — 1960-е годах тоже кое-что происходило. Так, в 1952 году в Тюбингене д-р *Херберт Граберт* основал Институт немецкой послевоенной истории, а в 1958 году в Ганновере был учрежден Комитет по восстановлению исторической правды, не стеснявшийся в адрес еврейства и таких знакомых выражений, как «раковая опухоль на теле народа». Право-радикальные газеты в 1962–1963 годах распространяли информацию о том, что Гитлер ничего не знал о преступлениях, а Холокост — это, конечно, не здорово, но вообще-то это заслуженное возмездие за еврейские методы в торговле и за убийство патриотов большевиками¹³. В 1967 году в Австрии вышел трехтомник Франца Шейдла «История объявления немцев вне закона», где вновь утверждается, что газовых камер не было и что все это пропагандистские штучки союзников.

Но о собственно отрицании Холокоста, Холокоста, так и стоявшего перед глазами миллионов свидетелей и очевидцев, тогда еще все же никто не заикался. Гальванизирующая искра пробежала позднее, в 1970-е годы, когда появилась целая серия публикаций об Аушвице как о насквозь лживом мифе.

До США бес отрицания Холокоста добрался, по-видимому, в начале 1950-х годов. Добрался — и упал на весьма подготовленную почву, унавоженную теми, кого в США называли «изоляционистами». Я имею в виду тех политиков, журналистов и историков, которые само вступление США во Вторую мировую войну считали неправомерной ошибкой, а преступления, совершенные самими США (бомбардировки немецких и японских городов, послевоенное изгнание немцев, голод в послевоенной Германии), злодеяниями ничуть не меньшими, чем немецкие преступления. Понятно, что такой подход, чреватый поиском, а потом и скорым «обнаружением» заинтересованных в войне групп населения (то есть евреев), неизбежно релятивировал все немецкие преступления, в том числе и Холокост.

В США, этой великой иммигрантской стране, отрицание Холокоста приняло поначалу весьма специфическую форму мифа — мифа о том, что все или большинство евреев уцелели: никто из них или большинство из них якобы не погибли, а целехонькими эмигрировали в Палестину или США, ходят среди нас, и никто — под нажимом еврейского лобби — не утруждает себя их пересчетом¹⁴. Да и не было

никаких 6 млн, а было их никак не больше 600 тыс. чел., ибо это максимальное число евреев, когда-либо проживавших в Германии. (Эта посылка любопытна не столько тем, что оперирует демографическими данными, сколько тем, как она эта делает, а именно — как бы «не замечая» миллионы восточно-европейских евреев, она препарирует и грубо искажает эти данные!)

Центральной фигурой раннего американского изоляционизма был Харри Элмер Бэрнс, уважаемый профессор, историк-германofil, еще со времен Первой мировой войны оправдывавший немецкую политику и разоблачавший американскую¹⁵. Германия, по Бэрнсу, ни в чем — ну решительно ни в чем не виновата: это Англия и Польша просто заставили ее ввязаться в эту войну.

Этот же тезис лег в основу книги Дэвида Л. Хоггана «Навязанная война», в 1964 году вышедшей и на немецком языке¹⁶. «Навязанная война», «превентивный удар», «мирная и счастливая жизнь при Гитлере» — все это излюбленные коньки историографии отрицателей. Вот было бы здорово, если бы в этой мифографии можно было обойтись и вовсе без евреев! Но обойтись без них (даже в их отсутствие) никак не удавалось. Тому же Бэрнсу принадлежит пальма первенства и в публичных обвинениях государства Израиль: в 1968 году он обвинил 20-летнее государство в том, что оно получило от Германии миллиарды марок в оплату за никогда не существовавшие трупы.

Еще одной ключевой фигурой среди отрицателей Холокоста в США был Остин Энт, профессор английской литературы в Скрантонском университете (до войны) и Колледжа Ля Салль (после войны), многолетний президент Федерации американских граждан немецкого происхождения и не знающий усталости или неловкости антисемит-энтузиаст. В первые месяцы после войны, даже оправдывая немецкую политику, он Холокоста не отрицал. Он даже призывал наказывать виновных, но в том числе и из стана победителей — тех, кто грабил или насиловал гражданское население.

Но его мировоззрение, встав на избранный путь, не могло не развиваться, и в 1974 году он выпустил книгу «Жульничество с шестью миллионами: шантаж немецкого народа шокирующими числами сфальсифицированных трупов», в которой сформулировал свои «Восемь аксиом», ставших для отрицателей Холокоста своего рода катехизисом¹⁷.

Вот, вкратце, их содержание:

1. Решая еврейский вопрос, Германия имела в виду эмиграцию, а не уничтожение евреев. Если бы речь шла об уничтожении, то разве полмиллиона евреев остались бы живыми в концлагерях? Нет, конечно. А они остались, перебрались себе в Палестину, и теперь — без усталости качают из Германии бабки.

2. Ни в одном из концлагерей на немецкой земле ни один человек не погиб в газовой камере, и все больше и больше доказательств того, что и в Аушвице никого не убивали газом. Гитлеровских газовых камер попросту не было. В тех же, что были в Аушвице, проходила дезинсекция, ну а в крематориях сжигали трупы тех, кто умер, — умер от тысячи причин, в том числе и от англо-американских бомбардировок.

3. Большинство евреев, о судьбе которых ничего не известно, родом были с территорий, подконтрольных Советам, а не немцам (Подтекст: если их кто и убил, то не Советские ли?)

4. В большинстве случаев, когда евреев ликвидировали все же немцы, речь шла о подрывных элементах, партизанах, шпионах, саботажниках — то есть о преступниках, наказание которых не возбраняется международным правом.

5. Когда бы была хоть малейшая вероятность того, что нацисты действительно уничтожили 6 миллионов евреев, то мировое еврейство выделило бы средства на расследование этого, а Израиль открыл бы свои архивы. Но этого не происходит, а вместо этого они травят всех тех, кто пытается разоблачить их жульничество. Что же тогда эти «шесть миллионов» как не подлог?

6. У евреев и их СМИ нет ни малейшего доказательства правдивости их сказок. Все признания Хлсса, Эйхмана и других — вырваны под пытками или сфальсифицированы.

7. Не обвиняемым, а обвинителям следует доказать, что число жертв — 6 миллионов, но талмудисты и большевики принудили Германию к тому, чтобы платить и не задавать лишних вопросов.

8. Но и при расчетах числа жертв, сделанных еврейскими учеными, обнаруживаются такие абсурдные несоответствия, что отпадает всякое сомнение в том, что для их обвинений нет никакой научной основы.

Специфично для Эппа и страстное желание запрячь евреев в одну упряжку с большевиками. Как те, так и другие были заинтересованы, во-первых, в раздувании лжи о своих, а стало быть, и о еврейских потерях, а во-вторых, в маскировке собственных преступлений против евреев, многократно превышающих, как полагает Эпп, немецкие¹⁸. Интересна и склонность Эппа к персонификации всякой проеврейской политики: для США такой знаковой фигурой служил министр финансов Моргантау, а для СССР — почему-то Илья Эренбург.

В программной статье, открывающей первый номер *«Журнала пересмотра истории»* (JHR), Эпп заносчиво бросал вызов всем «экстерминалистам»: *«Тем, кто разбрасывают вокруг себя большие круглые цифры, как то 6 миллионов сожженных в газовых камерах, из них 4 миллиона в Аушвице и 2 миллиона в машинах-душегубках на востоке,*

не худо бы представить хоть какие-то доказательства — могилы, кости или пепел. Шесть миллионов тел не могут исчезнуть просто так. Они обвиняют, так пусть и представят доказательства. Но, при их ущербности, скорее на нас, ревизионистов, ложится задача показать, что цифра в 6 миллионов абсолютно бездоказательна, бесстыдная ложь. Даже те скудные источники, на которые я мог бы опереться, включая несколько десятков поездок в Европу, в том числе в Дахау и в Арользен и множество интервью, позволяют мне оценить число еврейских жертв Рейха округленно в 300 тысяч человек. До тех пор пока еврейские публицисты не предъявят солидных доказательств обратного, чего до сих пор они даже не попытались сделать, я буду исходить из этих 300 тысяч, умерших отчасти от казней, отчасти от других репрессий, но главным образом (как и Анна Франк) от болезней»¹⁹.

Но, быть может, главной особенностью Эппа было то, что анти-семит в нем настолько превосходил анти-историка, что он вовсе не замыкался на отрицании Холокоста и вообще на Второй мировой войне. Он перебрасывал мостики и к войне Судного дня на Ближнем Востоке, и к энергетическому кризису 1973 года, в котором виноваты были, разумеется, тоже и те же — евреи. Иными словами, он был первым отрицателем-геополитиком, первым, кто стал сознательно «копать» под право Израиля на существование.

В 1970-е годы появилась целая серия публикаций, специально посвященных Аушвицу, в частности «Сомнительные комбинации лжи» («Hexeneinmaleins der Lüge») Эмиля Ареца и «Ложь об Аушвице» («Auschwitzlüge», 1973) Тиза Кристоферсона. Именно ему, бывшему зондерфюреру СС по сельскому хозяйству в одном из филиалов Аушвица в 1944 году, принадлежит приоритет во введении в оборот этого перспективного термина — «Аушвицкая ложь».

В 1973 году юрист из Гамбурга Вильгельм Штеглих опубликовал небольшое эссе «Миф об Аушвице», в 1979 году вышедшее отдельной книгой все в том же тюбингенском издательстве Граберта²⁰. Положив на алтарь отрицательского пафоса свои юридические навыки, он нашел себе редкое применение в отрицательском хоре: его ампула стало дезавуирование документальных и свидетельских показаний. Анализируя протокол Ванзейской конференции, Штеглих выбросил из него все фразы, вполне определенно читающиеся в еврейском контексте, и получил текст, исполненный чуть ли не отеческой заботы Третьего рейха о евреях, переселяющихся на Восток, — хочется плакать. Он же оспаривал свидетельства непосредственных свидетелей селекции и газации в Аушвице — врачей и членов зондеркоммандо²¹.

Одним из наиболее «успешных» авторов из числа отрицателей по праву может считаться Ричард Харвуд, чья книга «Действительно ли умерли шесть миллионов? Наконец-то правда» вышла в 1975 году в

Англии и почти одновременно в Германии²². А. Суцман и Д. Даймонд из Южной Африки не поленились и провели специальное исследование по установлению личности автора²³. Результат отрицательный: среди преподавателей, студентов и даже выпускников Лондонского университета человек под фамилией Р. Харвуд не значится²⁴.

В сущности, во всех этих работах — почти независимо от автора или его законспирированности — пережевывается одна и та же жвачка мирового еврейского заговора и мирной эвакуации евреев из лагеря.

В этой связи интересен эпизод, рассказанный в конце 1970-х годов Йозефом Эрбером, бывшим начальником женского лагеря в концлагере Биркенау и одним из фигурантов на одном из аушвицких процессов 1960-х годов, киножурналисту Эббо Деману. Однажды (в тюрьме!) ему попала на глаза книга упомянутого Э. Арца, где он с изумлением прочел, что в Аушвице никаких евреев не убивали. Он так разволновался, что написал в издательство и попросил адрес автора, явно введенного в заблуждение своими информантами, чтобы написать ему и просветить, так сказать, из первых рук. Издательство сообщило ему, что бедный автор почил в бозе, слова Эрбера по этому поводу, произнесенные на суде, вынесены в эпиграф к этой статье²⁵.

3

Старая гвардия отрицателей — Бардеше, Бэрнс, Расинье, Хогган, Эпп — не гнушалась ничем: в ход шли любые, в том числе самые абсурдные, обвинения и «аргументы», часто противоречащие не только исторической правде или здравому смыслу, но и друг другу²⁶. И это не только не прибавляло им убедительности, но и, в глазах многих, скорее дискредитировало движение. Поэтому пришедшее им на смену новое поколение отрицателей начало с того, что подвергло «ревизии» собственное историческое «наследие». Ревизии, правда, не слишком строгой: отказавшись от самых нелепых из их обвинений, отрицатели второй половины 1970-х принялись за дело хотя и с прежним энтузиазмом, но с новой элегантностью и в новых одеждах.

В качестве их лидера нельзя не признать *Артура Р. Бутца*, американца немецко-итальянского происхождения и доцента-электротехника из Северо-Западного университета в г. Эванстоне, штат Иллинойс²⁷. В 1976 году он опубликовал книгу «Мистификация XX века» («The Noah of the Twentieth Century»²⁸), оказавшую по-своему этапной для новой генерации отрицателей Холокоста. Впервые на этом поприще появилось издание, снабженное научным аппаратом, — ссылками, сносками и т.п., издание, полемизирующее с «неточностями» и у самих отрицателей-предшественников, и т.д. Да и спокойный, без истерики, тон, взятый в книге, также показался всем

чем-то новым. Так что не случайно книга удостоилась и внимания, и рецензий многих солидных газет.

Но еще менее случайно, что вышла книга все в том же «коричневом» американском издательстве Noontide Press и что она тут же была переведена на немецкий, причем из номера в номер ее по частям публиковала праворадикальная газета «Deutsche Nationalzeitung». За упаковкой научности и убаюкивающим флером спокойной объективности пряталось все то же самое — плохо припудренный антисемитизм. Чего стоят одни только издательские кавычки («Холокост») применительно к тем, кто не пережил или пережил Холокост!

Не миновал Бутц и демографических аспектов. Он повторил, что американцы после войны приняли к себе по-тихому те самые миллионы, которых как раз евреи и не досчитались. (Спрашивается, почему тогда те же американцы не приняли еще и «Сент-Луис» с какими-то жалкими сотнями евреев на борту?) Страны-победительницы, по Бутцу, еще накануне победы провели неслыханно дружную кампанию по фальсификации тысяч документов, с помощью которых они потом усадили Германию на Нюрнбергскую судебную скамью. (Спрашивается: и что же они в этом раже забыли сварганить и какое-нибудь решение Ванзейской конференции или другой центральный документ об убийстве евреев?) Да и нацистские преступники, по Бутцу, были доведены мировой еврейской закулисой до того, что изо всех сил сами себя оговаривали на громких процессах в Нюрнберге, Франкфурте или Иерусалиме. (Спрашивается, если эта закулиса настолько могущественна, то как вообще Гитлер мог прийти к власти и на протяжении десяти с лишним лет настолько торжествовать?)

Событием, вызвавшим в среде отрицателей настоящий переполох (чтобы не сказать панику), стал показ весной 1978 года в США (по каналу NBC) 4-серийного 8-часового художественного телефильма «Холокост» *Герберта Бродкина* и *Роберта Бергера*, который посмотрели 49% телезрителей страны²⁹.

Слабой попыткой противостоять этому мощному медиаудару стал выход в середине лета 1978 года уже упоминавшегося собрания отрицательских этюдов Расинье. Вместе с тем телевизионный «Холокост» и его колоссальный успех премного поспособствовали консолидации и институционализации отрицателей.

В 1978 году в городке Торранс близ Лос-Анджелеса был организован частный *Институт пересмотра истории* (Institute for Historical Review — далее IHR). Его первым директором был *Льюис Брэндон*³⁰, незадолго до этого перебравшийся в Калифорнию из Англии. Подлинным же хозяином института, оставшимся как бы в тени, был *Виллис А. Карто*, казначей организации «Лобби за свободу» и один из наиболее выдающихся расистов и антисемитов США. В начале

1981 года из-за внутренних разногласий он уволил Брэндона и назначил директором *Тома Марселуса*.

Формально деятельность института и издававшегося им ежеквартально «*Журнала пересмотра истории*» (Journal for Historical Review — далее JHR) была посвящена не только Холокосту, но и любым другим «отступлениям от исторической правды», к какому бы периоду времени и месту они ни относились. Однако, в точности по чернобырдинскому замечанию: «Какую бы общественную организацию мы ни создавали, — а все получается КПСС», — даже исследования о военнопленных времен Гражданской войны в США неизбежно оборачивались сравнениями и сопоставлениями с Холокостом. Соответствующие «мостики» — и это, возможно, самое знаменательное — перекидывались не только в прошлое, но и в будущее, то есть в актуальную политику: JHR как бы предостерегал своих американских сограждан и налогоплательщиков о тех опасностях и катастрофических последствиях, которые может вызвать следование США в фарватере просионистской и произраильской политики³¹. Иными словами, уже в конце 1970-х годов тема отрицания Холокоста вполне осознавалась как инструмент политического давления на Израиль. И подспудно, и явно вопрос ставился так: если отрицатели Холокоста правы, то и государство Израиль более не легитимно, ибо создавалось оно на не существующих костях и пепле миллионов жертв.

В сентябре 1979 года IHR провел в г. Торрансе в Калифорнии свою первую Конференцию ревизионистов, ставших впоследствии ежегодными. Вторая по счету была проведена летом 1980 г. в Помона-Колледже в Клермонте, Калифорния³². Эти конференции, действительно, премного послужили консолидации движения отрицателей³³.

Отрицателей не забывали приглашать и на другие антисемитские форумы. Так, Бутца участвовал в так называемом Дне спасения, организованном в 1985 году *Луисом Фараханом*, лидером американских «Черных мусульман»³⁴. В другом подобном форуме — Международной антиссионистской конференции, намеченной на ноябрь 1992 года в Стокгольме, — должны были участвовать *Фарахан*, *Дэвид Ирвинг*, *Робер Форисон* и *Фред Лейхтер*³⁵. (Кстати, заседания «Антиссионистского комитета советской общественности», существовавшего в 1983–1994 годах, состоявшего исключительно из «полезных» евреев под председательством генерал-полковника Давида Драгунского и имевшего ярко выраженную «антиссионистскую», то есть антиизраильскую направленность, едва ли могут быть поставлены в этот ряд: Комитет никак не соприкасался с проблематикой Холокоста или его отрицания, поскольку, согласно идеологической доктрине КПСС,

Холокоста в СССР не было, а были — преступления фашистских извергов против советского народа независимо от национальности.)

Однако конференция в Стокгольме не состоялась, а вместо нее 19 ноября 1992 года состоялась другая — в Германии, в г. Вайнхайм, где ее организовал председатель праворадикальной Национальной партии Германии *Гюнтер Деккерт*. В ней приняло участие около 120 отрицателей, в том числе и Ф. Лейхтер, рассказавший о результатах своих исследований и заключивший доклад выводом: «Холокоста не могло быть технически». Аудитория рукоплескала: 45 лет покаяния более чем достаточно, тем более — покаяния за грехи, которых, как выясняется, не было. В конце конференции Деккерт потребовал учреждения международной комиссии, которая проверила бы как следует, а был ли Холокост. «Пора избавляться ото лжи! Покончим с Холо!» — заключил он³⁶.

Крупным событием в отрицательском сообществе стала и международная конференция так называемого «Аделаидского института», организованного в 1994 году *Фредериком Тебеном*³⁷. Она состоялась в Австралии 7–9 марта 1998 года. В ней приняли участие около 50 человек, в их числе А. Бутц, Ю. Граф, Р. Форисон и др.³⁸

Последние по времени события из этого ряда — две международные конференции под нескромным названием — по глобальным проблемам всемирной истории: одна состоялась 6–7 октября 2001 года в Триесте,³⁹ вторая — 26–27 января 2002 года в Москве.

Но, быть может, еще более действенным, нежели конференции, инструментом воздействия на общественность и на ее мнение стал, — несмотря на свое полное непризнание профессиональными историками, — профильный периодический орган Института пересмотра истории — ежеквартальник *JHR*, выходящий в Торрансе и, в меру умения и сил, косивший под научное издание (его первым редактором был Марк Вебер⁴⁰). Очень быстро журнал стал центральным форумом для отрицателей всего мира. Его первый номер вышел весной 1980 года, а последний, 96-й по счету, — в мае–августе 2002 года⁴¹.

Тогда же, в самом конце 1970-х годов на отрицательском небосклоне взойшло еще две «звезды» — и обе из Европы. Первая — это немецкий профессор *Хельмут Дивальд* из Эрлангена, известный специалист по древней истории, автор монументальной «Истории немцев», вышедшей в октябре 1978 года. О чудовищных событиях современности он отозвался всего на двух страничках и в том плане, что они исполнены «*сознательных ошибок, фальсификаций и преувеличений с целью тотальной дисквалификации одного народа*». Геноцид евреев представлялся ему историей одной не до конца состоявшейся эмиграции: «*Под термином “общее решение” или “окончательное*

решение” во время войны надо понимать следующее: поскольку эмиграция после войны стала невозможной, все евреи должны были быть эвакуированы из Центральной Европы на Восток и изолированы от немецкого населения и сконцентрированы в новых гетто. Этот план обрисовал начальник РСХА Рейнхард Гейдрих 24 июня 1940 года. То, что в последующие годы происходило в действительности, остается, вопреки всей литературе, непроясненным...». А о газовой камере в Дахау он написал, что ее построили американцы, о высокой смертности в Аушвице — как о следствии того обстоятельства, что там были сконцентрированы самые слабые и непригодные к труду люди, и все это — много позже серии «Аушвицких процессов» во Франкфурте в 1963–1965 годах!

Вторая «звезда» — французский литературовед Р. Форисон из университета Лион-2⁴². В его книге «В защиту памяти: против тех, кто фальсифицирует историю: вопрос о газовых камерах» (1980) и Шоа, и газовые камеры объявлялись выдумками сионистов и на этом основании отрицались. Уничтожить столько людей, утверждал он, просто технически невозможно. Кроме того, он разоблачал и дневник Анны Франк как отцовскую подделку. За все это Форисона и уволили со службы, а позже, по обвинению в фальсификации истории, еще и осудили на 3 месяца заключения и к 21 тысяче франков штрафа.

Случай сам по себе не исключительный, но особенным его сделало то, что за права Форисона говорить то, что он думает, вступились сотни людей, подписавших соответствующую петицию. В этом объединились и австралийский отрицатель Холокоста *Джон Беннет*, и известный ученый и публицист *Ноам Хомский*, еврей и решительный противник взглядов Форисона: последний отстаивал, тем не менее, *право* Форисона на любые исследования, даже и не популярные в обществе. В частности, в «Поисках правды Ноамом Хомским» он написал: «Я не вижу антисемитизма в отрицании существования газовых камер или Холокоста. Я также не вижу антисемитизма в заявлениях, что Холокост (независимо от уверенности заявляющего в его существовании) используется апологетами израильских репрессий и насилия»⁴³. Это заявление вызвало острую полемику в научных и общественных кругах Европы, Америки и Израиля. «Дело Форисона» показало, сколь значительными могут быть расхождения в интерпретации понятия «права человека» и границ их применения.

В 1985 году свое слово сказал еще один французский отрицатель *Анри Роке*. В диссертации, защищенной им в университете Нанта, он также отрицал существование газовых камер и назвал офицера СС Курта Герштейна — одного из тех, кто первым сообщил союзникам о том, что происходит в Аушвице — выдумщиком⁴⁴.

Столь агрессивная институционализация отрицателей, в свою очередь, заставила — иного слова и не подберешь — ученых и политиков не просто обратить на них внимание, но и отвечать им. Внушительной формой такого ответа стала Международная конференция освободителей узников гитлеровских концлагерей, организованная Американским Советом поминовения жертв нацизма и проходившая с 26 по 28 октября 1981 года в Вашингтоне, в Госдепартаменте США. Одной из важнейших ее целей стало «опровержение неонацистской пропаганды о том, что будто бы на оккупированных гитлеровской Германией территориях не было массового уничтожения евреев и людей других национальностей в гитлеровских концлагерях»⁴⁵.

С появлением JHR отрицатели связывали свои главные надежды на долгожданное (ну хотя бы частичное!) признание себя миром настоящих, серьезных историков. С этой целью первый номер JHR, вышедший в начале 1980 года, был разослан бесплатно всем 12 тысячам членам организации американских историков, уже тогда породив среди них жаркую дискуссию: надо или не надо как-то реагировать на JHR. *Карл Деглер* (президент этой организации) поддержал идею создания группы независимых экспертов для оценки содержания присланного журнала, но эта идея так и не была реализована.

Схожая дискуссия повторилась спустя 10 лет — в 1990–1991 годах, на сей раз в кругах Ассоциации американских историков и главным образом из-за вопроса, надо или не надо библиографировать вышедшие на страницах JHR статьи. Ассоциация в конечном счете отклонила всякий контакт с JHR по причине вопиющего непрофессионализма отрицателей Холокоста как историков, но в еще большей степени из-за отовсюду проступающего антисемитизма: разговаривать и переписываться с отрицателями, сочли в Ассоциации, — то же самое, что беседовать о неграх с практикующими ку-клукс-клановцами.

Кстати, библиографией «ревизионистов» первыми занялись они сами: работы по 1981 год включительно⁴⁶ представлены в аннотированном перечне, подготовленном *Кейтом Стимли*: <http://www.ihr.org/books/stimely/stimely.shtml>. Да и автобиблиография публикаций JHR также вполне разработана⁴⁷.

В чем отрицателям решительно нельзя отказать, так это в энергии и креативности. Так, весьма оригинальной формой жизнедеятельности IHR стало установление «Премии конференции последователей ревизионизма» в размере 50 тыс. долларов, выдаваемой каждому, кто представит жюри неоспоримые доказательства уничтожения нацистами евреев в газовых камерах во время Второй мировой войны. Публикуя в апреле 1980 года «Положение» о премии и рассылая его и соответствующие формуляры персонально ее потенциальным соискателям, устроители рассчитывали заманить своих оппонентов

в сети неизбежного в таком случае диалога (а заодно и скандала). И две довольно крупные фигуры, несмотря на очевидную провокационность⁴⁸, добровольно приняли их вызов — это *Симон Визенталь*⁴⁹ и *Мель Мермельштейн*, переживший Аушвиц и не раз атакованный JHR в корреспонденциях, публиковавшихся в газете «Jerusalem Post». Мермельштейн не просто принял брошенный вызов, но и пригрозил юридическими шагами в случае неполучения ответа от JHR не позднее 20 января 1981 года.

Первым закончилось состязание с Визенталем, предложившим передать это дело на рассмотрение и решение судье Калифорнийского высшего суда. JHR на это пошло и предложило состав жюри из трех человек, причем все они — А. Бутц, Р. Форисон и *Дитлиб Фельдерер*⁵⁰ — были членами редколлегии JHR и известными отрицателями. Узнав об этом триумвирате, Визенталь отозвал свои документы и отказался участвовать в фарсе, когда одна из сторон претендует сразу на две роли — обвинителя и судьи.

Мермельштейна же это не испугало, и 19 февраля 1981 года он подал в суд на IHR, Карто и Брэндона. Еще на предварительном слушании судья *Томас Т. Джонсон* официально внес в протокол, что вопрос о том, уничтожались ли евреи в Аушвице газом или не уничтожались, дебатироваться не будет, поскольку это совершенно неоспоримый факт. Аргументация противоположной стороны не была даже выслушана, — и очень жаль! Ведь непонятно, в чем, собственно, тогда заключалось судоговорение: не отмести обвинения как заведомо нелепые, а раскрыть их нелепость и зафиксировать их в судебном решении — было бы и эффективней, и процессуальнее⁵¹. Суд тем не менее присудил IHR выплатить Мермельштейну 90 тыс. долларов (50 тыс. премиальных и 40 тыс. за причиненный ущерб) и опубликовать перед Мермельштейном и всеми другими, кто пережил Аушвиц, извинение, содержащее повторение формулировок обвинения⁵².

Этот случай во многом поспособствовал падению «авторитета» IHR и утрате им своего «научного реноме». Он же показал, что прямое столкновение с отрицателями Холокоста под эгидой независимой третьей инстанции может дать гораздо больше, чем их сознательное игнорирование. Высокомерно-уничжительный взгляд на них, как на лиц, не заслуживающих в свой адрес никакой иной реакции, кроме презрения, уход от прямого столкновения с ними — еще больший подарок для отрицателей, чем контакт с ними. Они интерпретирует это как правдобоязнь «экстерминалистов» и торжествуют «победу».

В современной ситуации, когда отрицание Холокоста интерпретируется еще и как деликт, такой «контакт» все равно неминуем: по крайней мере — во время судебных разбирательств с отрицателями.

И дело не в евреях и историках как оппонентах отрицателей, а дело в борьбе за сознание всех остальных, то есть широкой публики. Нельзя не видеть, что отрицатели и те, на кого отрицатели нападают, давно уже находятся в конкурентных отношениях в этой борьбе. И наступательная, во многом изобретательная и по-своему креативная тактика отрицателей в этой борьбе все чаще приносит им очки.

Типичным примером может послужить кампания с объявлениями о лекциях отрицателей, помещаемых ими на правах рекламы в университетской прессе. Текст объявлений был примерно следующий: шапка — «История Холокоста: что в ней не так? Случай для широкой дискуссии».

Начал эту кампанию калифорниец *Брэдли Смит* и начал лихо. Для этого он вместе с *Марком Вебером*⁵³ организовал в 1987 году специальный Комитет открытых дебатов о Холокосте (Committee on Open Debate on the Holocaust, или CODOH), спонсором которого был *Вильям Карри*, предприниматель-антисемит из Небраски, которому, собственного говоря, и принадлежит сама идея газетной кампании. Его собственная первая попытка разместить платное объявление в «Daily Nebraskan», правда, окончилась в 1986 году неудачей⁵⁴, но в лице Смита он нашел идеального продолжателя своих идей — целеустремленного и заряженного на успех.

На опыте В. Карри Б. Смит понял, что в больших региональных газетах, где поступления от рекламы измеряются тысячами, а миллионами долларов, ему ничего не светит. И он откорректировал целевую группу: ею стали таблоиды-многотиражки крупнейших американских университетов. Из примерно 35 университетов, куда начиная с 1989 года обратился Смит, положительно отозвалось 15⁵⁵. Информация о лекциях CODOH появилась в них на видных местах, но, как правило, с редакционными комментариями о ее научной и этической несостоятельности. Тем не менее многие тысячи молодых людей прочли эту «информацию», и многие сотни, безусловно, проглотили «наживку».

Главным же успехом этой акции оказалось другое: едва ли на это рассчитывая с самого начала, отрицатели попали прямо в «сонную артерию» американской демократии — в первую поправку к Конституции США, провозглашающую свободу слова. И именно вокруг этого прокрутились все дебаты внутри университетов, отчасти выплеснувшиеся в те же университетские многотиражки, а, отчасти, и в крупнейшие центральные газеты⁵⁶.

В начале 1992 года Смит решил пройти по второму кругу и разослал по редакциям университетских газет свое новое объявление под названием «Falsus in Uno, falsus in Omnibus» («Единожды солгав, будешь лгать всегда»), в котором обвинял Симона Визенталя и Стеффе-

на Визе в распространении слухов о «еврейском мыле», якобы производившемся нацистами из еврейских трупов. Но на этот раз его успех был уже равен нулю: ни одна из газет, в том числе те, кто напечатали его первое объявление, теперь не стали этого делать.

В целом же «кампусная» кампания Смита не просто достигла своей цели, но и превзошла ее. Во-первых, почти половина университетов не захлопнула перед ним свои двери; во-вторых, значительной частью студенчества, преподавателей и даже управленцев она была воспринята с немалым воодушевлением; и, в третьих, отрицателями впервые заинтересовалось телевидение.

Правда, побочным и несколько неожиданным следствием этой кампании стало то, что во многих университетах возникло или заметно усилилось преподавание истории Холокоста. Но и это, впрочем, стало реакцией не столько на саму кампанию Смита, сколько на ее успех⁵⁷.

4

Одной из центральных фигур среди отрицателей Холокоста бесспорно является *Эрнст Зюндель* (псевдоним — Кристоф Фридрих)⁵⁸, фоторетушер по первоначальной профессии, с 1958 года живущий в Канаде. Его перу принадлежат книга «Гитлер, которого мы любили и почему»⁵⁹ и дайджест «Holocaust 101». И все-таки его вклад в движение отрицателей не столько «творческий» (тут он редко выходит за формат листовки или брошюры), сколько организационный: он своего рода глобальный менеджер и наиболее эффективный шоумен среди отрицателей.

Подобно Г. Граберту, Зюндель рано осознал роль СМИ в их общем деле. Основанное им в 1976 году в Торонто издательство «Samizdat Publication» вскоре стало едва ли не самым крупным в правоэкстремистской среде: оно выпускает и рассылает в Германию и по всему миру не только труды отрицателей, но и прочую антисемитскую и расистскую литературу, а также записи речей Гитлера, фильмы и песни того времени и фильм «Немец и еврей посещают Аушвиц». С 1990 года он пропагандирует свои взгляды по радио, а с 1994 года — в Интернете: www.zundelsite.org. Сам сайт делается в США и управляется его женой и единомышленницей Ингрид Зюндель-Римланд.

В Канаде отрицание Холокоста вне закона, и здесь Зюнделя уже несколько раз судили. В 1985 году суд приговорил его к 15 месяцам тюрьмы за разжигание ненависти посредством издания и распространения очевидно лживых и провокационных текстов, но вскоре его выпустили под залог вследствие процессуальных ошибок⁶⁰. В начале 1988 года его еще раз судили в Канаде, дав на этот раз всего 9 месяцев

тюрьмы. На процессе в качестве свидетелей выступали Й. Г. Бург⁶¹, Р. Форисон, Д. Ирвинг, а также Ф. Лейхтер — инженер из Бостона, консультировавший правительства ряда штатов и отдельные тюрьмы по вопросам, связанным с оборудованием для исполнения смертных приговоров⁶².

О «заслугах» и роли последнего следует сказать особо. Процесс над Зюндедем уже начался, когда Ирвинг и Форисон вышли на Лейхтера и после двухдневного плотного общения отправили его в недельную «экспедицию» в немецкие лагеря смерти на территории Польши, щедро профинансированную Зюндедем. В его свиту входили жена, чертежник, видеооператор и переводчик. В Освенциме и Майданеке Лейхтер брал пробы воздуха и строительного щебня из развалин газовых камер, которые потом отдавал для химического анализа в одну из лабораторий родного Массачусетса. Результатом этого блиц-анализа стал «Отчет Лейхтера: инженерный отчет о мнимых казнях в газовых камерах Аушвица, Биркенау и Майданека, Польша»⁶³, вскоре выпущенный двумя отдельными изданиями — в зюнделевском «Samizdat'e» и в лондонском «Fokal Point Publications» (издательстве Д. Ирвинга)⁶⁴. Исследование, сделанное, кстати, с многочисленными отклонениями от технологии взятия проб воздуха, не обнаружило значимых следов газа циклон Б, но обнаружило их в дегазационной камере концлагеря Аушвиц-1.

Выступление Лейхтера на процессе и сообщение о только что полученных им новых «научных результатах», бесспорно, произвели на публику и на суд достаточно сильное впечатление. Оно явно застало обвинение врасплох, заставив его сосредоточиться не столько на представленном Лейхтером отчете, сколько на его профессиональной неподготовленности к такого рода экспериментам⁶⁵. Лишь постепенно, после подключения экспертов, туман вокруг «Отчета» стал рассеиваться, и его достоверность улетучиваться, подобно самому цианиду, следы которого он так безуспешно искал...

Развивая свой успех, Лейхтер основал в 1989 году фирму, предлагавшую консальтации по технологиям казни, а также оборудование для практически любого вида казни. В результате иска, поданного против него в 1990 году *Шелли З. Шапиро*, председателем «Объединения переживших Холокост и друзей, ищущих справедливости»⁶⁶, и *Беатой Кларсфельд*, Лейхтер признался в злоупотреблении титулом доктора наук и деятельностью инженера, отрекся от своего «Отчета» и других сомнительных текстов и обязался впредь держаться от всего этого на расстоянии.

Но это мало что изменило в уже сложившемся восприятии Лейхтера бывшими и будущими соратниками. Его вклад в дело отрицания Холокоста как таковое оказался куда как большим, нежели в судего-

ворение. «Отчет Лейхтера», независимо от своей венаучности, спекулятивности и дубиозности (а, может, и благодаря им), явно попал в самое яблочко: многими он воспринимается как неоспоримое научное доказательство того, что Холокоста никогда не было! И именно поэтому для отрицателей «Отчет» стал такой же центральной иконой, как, скажем, фальшивка «Протоколов сионских мудрецов» для антисемитов в целом.

Что касается самого Зюнделя, то его процесс закончился в 1992 году, в целом ряде стран он был объявлен в розыск. В 2003 году он был выдан властями США в Канаду, а те передали его в Германию, где его судили в ноябре 2005 года за разжигание межнациональной розни, а затем еще и в феврале 2006 года — и приговорили к 5 годам тюрьмы — максимальному в ФРГ сроку за этот деликт. Сидит он в Мангейме⁶⁷.

Тот же Мангеймский суд отправил в тюрьму и защитницу Зюнделя на процессе — *Сильвию Штольц*⁶⁸. Ей присудили 3,5 года — и за самый что ни на есть классический, за почти беспримесный и животный антисемитизм.

Но пока Зюндель сидит, на его сайте⁶⁹ публикуются его письма из узилища, архив статей, судопроизводственные документы, ссылки на другие страницы отрицателей.

В «отсутствие» Зюнделя хор отрицателей, хотя и ослаб, но не распался. Первую скрипку, однако, стали играть другие солисты. Это прежде всего Д. Ирвинг и новая звезда в созвездии отрицателей — швейцарец *Юрген Граф*⁷⁰, автор «Мифа о Холокосте», «Холокоста на испытательном стенде» и др. книг и брошюр⁷¹. Окружной суд города Баден в Северной Швейцарии счел его тексты антисемитскими и расистскими и приговорил его 21 июля 1998 года к 14 (по другим сведениям, к 15) месяцам тюрьмы, а его издателя Ферстера — к 12 месяцам. Кроме того, каждый из них оштрафован на 8000 швейцарских франков (5500 долларов США), не считая обязательства вернуть свыше 55 тыс. франков (около 38 тыс. долларов), полученных от продажи книг и брошюр Графа⁷². Суд приказал конфисковать и уничтожить сами издания. Как следствие, Графа уволили из частной школы, где он преподавал литературу. Уклоняясь от наказания, Граф эмигрировал в Белоруссию, а оттуда в Россию, где его приняли с распростертыми объятиями и где он живет до сих пор.

Еще в 1995 году Граф и итальянец *Карло Маттоньо*, дважды навывдывались в российские архивы — в Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) и Российский государственный военный архив (РГВА), где они просмотрели десятки тысяч страниц и около четырех тысяч страниц скопировали, — и вот, вывод, к которому они соблаговолили придти: «*Теперь мы знаем и то, какие документы*

имеются в русских архивах, и то, каких документов в них нет... Документы, ясно показывающие, что узников не убивали в газовых камерах, документы, опровергающие существование немецкой программы уничтожения евреев, были, вероятно, удалены из состава фондов и уничтожены»⁷³.

«Миф о Холокосте» и другие произведения Ю. Графа (например, «Треблинка. Критический анализ официальной версии») с середины 1990-х можно прочитать и по-русски на сайте «Русская линия»⁷⁴. Ю. Граф не устает подчеркивать свою политическую невинность: «За политические последствия ревизионизма мы не отвечаем. Я, конечно, сионистов не очень люблю, но я не антисемит, и евреев не ненавижу...»⁷⁵ «Не ненавижу!» — bravo!

Третий, наряду с Мантоньо и Графом, видный отрицатель новой генерации — *Гермар Рудольф*⁷⁶, профессиональный химик, ярко проявивший себя как отрицатель еще в начале 1990-х годов, когда он — под псевдонимом Эрнст Гаусс — выпустил книгу «Разбивая Холокост» (*Dissecting the Holocaust*). В 1993 году, из-за попытки нелегально проанализировать пробы, взятые им в августе 1991 года в Освенциме со стен газовых камер, он был уволен из Института им. М. Планка в Штутгарте. Тем не менее, он опубликовал так называемое «Заключение Рудольфа» — статью о необнаружении им остатков цианида на стенах газовых камер в Аушвице, выдаваемом за убийное доказательство того, что никакого Холокоста не было, и все держится исключительно на сговоре союзников и мирового еврейства. Начиная с 1992 года, Рудольф читал лекции по отрицанию Холокоста. Рудольф сотрудничал с антисемитской арабской газетой «Альшааб» (*Alshaab*) и инициировал подготовку консолидирующей коллективной монографии «Основы новейшей истории», в которой ему принадлежала ключевая роль.

Он вошел в узкий круг немецких отрицателей, координировавших и определявших различные усилия и действия «ревизионистов». Центральной фигурой этого круга являлся генерал-майор в отставке *Отто Эрнст Ремер*, руководитель издательства «Ремер-Хайшке», выпускавшего антисемитское издание «Депеша от Ремера» (*Remer-Deresche*) и председатель Общества имени Й. Г. Бурга. В начале 1993 года, опасаясь новых преследований в Германии, Ремер и его группа перенесли центр своей деятельности в Англию, основав там издательство-двойник «Кромвель». Уже начиная с августа 1993 года, в нем начал выходить — в точности таком же формате, как и «Remer-Deresche» — ежемесячный журнал «Deutschland Report».

С ноября 1994 по июнь 1995 гг. в Штуттгартском земельном суде шел процесс против Рудольфа⁷⁷, еще раз показавший репертуар и даже некоторую изощренность отрицательских приемов доказатель-

ства «несуществования» Холокоста (сочетание легальных и нелегальных методов, игра с псевдонимами, перекрестные ссылки) суд приговорил его к 14 месяцам тюрьмы за публикацию так называемого «Заключения Рудольфа» как антисемитского произведения.

Стремясь избежать тюрьмы, Рудольф бежал сначала в Испанию, потом в Англию (где основал собственное издательство в Гастингсе) и, наконец, в США, где он женился и попросил политическое убежище, которого не получил.

В марте 2005 года он опубликовал свои «Лекции по холокосту», построенные в излюбленной форме разговоров с самим собой — вопросов некоего неглупого слушателя-ученика и ответов и вовсе неподобного лектора-наставника, Учителя.

Более того, в октябре 2005 года он был арестован в США и передан германской стороне. Суд, состоявшийся в Мангейме 15 марта 2006 года, приговорил его к 30 месяцам тюрьмы и конфисковал издательский счет.

Со временем аргументация ревизионистов становилась все изощреннее, все «наукообразнее» и в то же время все наглее. В конечном счете, как писал мюнхенский историк Юрген Царусски, у отрицателей Холокоста *«...речь идет не о науке или научности в том или ином виде, пусть и базирующейся на возникших так или иначе ошибочных основаниях, а о специфической форме политической пропаганды, исходным и конечным пунктом которой является антисемитизм»*⁷⁸. В противном случае они не могли бы просто-напросто проигнорировать многочисленные и неоспоримые свидетельства еврейских жертв, как погибших в Холокост (достаточно указать на уцелевшие рукописи членов зондеркоммандо, найденные после войны в земле и пепле возле крематориев⁷⁹), так и сумевших его пережить. Вместо этого — мировой еврейский заговор, спрятавший миллионы якобы жертв и сфабриковавший миллионы фальсифицированных еврейскими документами, в том числе и от имени их палачей!..

Они продолжают «ссылаться» на отдельные высказывания отдельных организаций, которые уже давно, еще в 1950-е годы, были дезавуированы (как, например, утверждение об использовании газовой камеры в Дахау). Другой ставший типичным прием — опора на максимальные сомнительные источники, такие, например, как на «дневники Гитлера», обнаруженные Ирвингом, или на собрание документов, 29–30 апреля 1948 года вывезенных шефом гестапо Мюллером в Швейцарию.

Любят отрицатели искать — и, конечно же, находить — в своих рядах и евреев. Это, как им кажется, снимает с движения упреки в антисемитизме и придает ему флер толерантности, — и, как следствие, легитимность. Если же «полезных евреев» не находится, то их рождают

в колбе. Именно оттуда выпрыгнул в 1999 году некто Рожер Доммерг Поллако де Менас, якобы написавший «Открытое письмо Стивену Спилбергу», состоящее из на удивление изжеванных отрицательских риторических фигур, зато с необычайно оригинальным заголовком: «А был ли Холокост?»⁸⁰

Относительно поздний прием — химические анализы проб воздуха, сделанные в феврале 1980 года американцем Лейхтером, а в 1991 году — немцем Рудольфом. С естественно-научной точки зрения (с учетом летучести газообразных веществ) сама постановка такой задачи более чем абсурдна, не говоря уже о таких «вещдоках» как банки от газа, во множестве найденные в Аушвице. Но как не в истории здесь дело, так и не в химии. Так называемые «Отчет Лейхтера» и «Заключение Рудольфа» были приняты ревизионистами на ура и на вооружение.

Как, впрочем, и демократическая риторика о свободе высказывания, свободе научных исследований и т.п. Отрицатели не устают повторять, что они, «ревизионисты», — это «политзаключенные», мученики чуть ли не во имя национального возрождения Германии! Мало кто так артистично выдает себя за страдальцев за истину, как ее первые же гонители — отрицатели Холокоста!

5

Нередко, а в последнее время все чаще и все откровеннее, отрицатели получают подкрепление и поддержку со стороны и профессиональных (или как минимум дипломированных) историков. Быть может, самым солидным из фактически примкнувших к отрицателям историков и образовавшим, по выражению Ю. Царуски⁸¹, своеобразный «пладцарм ревизионистов» в академической среде, стал уже упоминавшийся профессор из Эрлангена Г. Дивальд.

Однако подлинной находкой для отрицателей стал профессор *Эрнст Нольте*. Уже сама по себе дискуссия 1980-х годов о тоталитаризме, связанная с его именем, впрямую утыкается в плечи отрицателей. Не будучи отрицателем де-факто, Э. Нольте, анализируя преступления других стран, стремился к тому, чтобы релятивировать немецкие преступления (в том числе и Холокост) и создать тем самым необходимые предпосылки для ревизии и гламуризации собственно немецкой истории. Говоря о Холокосте, он заявлял, что число погибших в Аушвице арийцев превосходит число еврейских жертв, и что Ванзейской конференции, возможно, и вовсе не было. Айнзацкоманды и айнзацгруппы расстреливали евреев на оккупированных восточных территориях вовсе не за то, что они евреи, а за то, что они партизанили. От его «внимания» не укрылось и то, что большинство

книг о Холокосте написано евреями. Он признавал за Гитлером право на, как он выразился, «интернирование» евреев; достаточным в его глазах основанием для этого послужило высказывание Хайма Вейцмана от сентября 1939 года, заявившего после нападения Германии на Польшу, что все евреи мира в этой войне будут сражаться на стороне Англии⁸².

Как отметил Ю. Царуски, Нольте был первым и, кажется, единственным авторитетным профессионалом-историком, отдавшим дань уважения «ревизионистам» и всерьез ссылавшимся на некоторые их труды. Тем самым он — как бы от имени науки — протянул столь долгожданную ими руку и благословил то, что потом, с его легкой руки, стали называть «умеренным ревизионизмом». Последний, в отличие от «радикального», оспаривал и отрицал Холокост не весь и не на корню, а только выборочно и частично⁸³.

Но, бесспорно, наиболее яркой и пассионарной фигурой среди всех отрицателей Холокоста — и их неформальным гуру — является британский историк и публицист Дэвид Ирвинг⁸⁴. В 1963 году он выпустил свой первый мировой бестселлер «Разрушение Дрездена», в котором значительно преувеличивалось число немцев, убитых во время британских бомбардировок. В 1977 году вышла его книга «Война Гитлера»⁸⁵, в которой Ирвинг, обеляя Гитлера, всю вину за массовые убийства переложил на Гимmlера. Перенеся центр тяжести на вопрос «Кто виноват?», но тем самым признавая преступления национал-социализма, пускай и выборочно, Ирвинг в некотором смысле ревизовал самих ранних ревизионистов, отрицавших все и вся на корню. В позднейших переизданиях (1991) Ирвинг заменил места, где он говорил о Холокосте как о реальности, на куда менее отчетливые высказывания.

В 1987 году он заявил, что дневник Анны Франк — это подделка, и публично опроверг существование газовых камер. А в 2000 году Ирвинг подал иск на американскую исследовательницу *Дебору Липштадт* за то, что она назвала его в своей книге «Относительно: отрицание Холокоста» одним из самых известных и опасных отрицателей⁸⁶. Суд Ирвинг проиграл и должен был выплатить издательству «Penguin Books» штраф в 3 млн фунтов в компенсацию ущерба и издержек. Будучи не в состоянии сделать это, он объявил себя банкротом и потерял свой дом в Лондоне. Хотя Ирвинг и заявлял, что отказывается от старых взглядов, полный текст его работ находится в Интернете в свободном доступе. В том числе и книга «Нюрнберг: последняя битва», где утверждается, что зверства нацистов с использованием газовых камер были преувеличены союзниками. Там же опубликованы разнообразные версии его книги «Война Гитлера».

В 2005 году Ирвинг был арестован — в Австрии по ордеру, выданному в 1989 году, а затем осужден на три года — по обвинению в неонацистской деятельности, к которой австрийское законодательство приравнивает публичное отрицание Холокоста⁸⁷. Уже в декабре 2006 года он вышел на свободу: приговор ему был заменен на условный, и его депортировали из страны.

Но мало кто сомневался в его неискренности в Вене. Некоторое время он молчал — как видно, собираясь с силами. А потом вновь заговорил. О чем? Да все о том же. О том, что Аушвиц был туристическим объектом. Или вот: *«Я не думаю, что у Рейха была некая целостная политика по убийству евреев. Если бы она была, то евреи были бы убиты, и не было бы так много миллионов переживших. И, поверьте, я рад за каждого выжившего. <...> В трудовых лагерях 74 тысячи евреев скончались по естественным причинам, а остальных после войны прятали в лагерях для перемещенных лиц и позднее отправили в Палестину, где они живут и сегодня под новыми именами»*. Мило?

О том, как между тем глубоко яды отрицателей проникают в сознание даже дипломированных историков, говорит такой случай. В 1996 году в Мюнхене в Институте политических наук им. братьев Шольль разразился громкий скандал: доцент *Эрвин Адлер* на вопрос об уничтожении евреев во время войны отвечал буквально следующее: *«Я этого просто не знаю, я при этом не присутствовал»*⁸⁸. Институт за него заступился, но университет все же освободил его от преподавания. Но если Адлеровы слова — «Я этого просто не знаю, я при этом не присутствовал» — нанизать на тот же шампур, то и получим сухой и ядовитый остаток пафоса отрицателей: «Так что было это или не было, наверняка мы не знаем, но, скорее всего, не было».

Отрицание Холокоста — одна из немногих ниш, к которым сегодняшний антисемит может еще приклонить голову («критика Израиля» — вторая такая отдушина). Маскируясь под «ревизионизм», антисемитизм приходит к своим национал-социалистическим истокам с разработанной системой эзоповых фигур речи⁸⁹. Но, по сути, ревизионисты целятся не только в евреев, — они целятся во всех.

Прекрасной питательной средой для произрастания отрицательства является, по Ю. Царусски, псевдоплюрализм с его «Anything goes», а шире говоря — всепобеждающая атмосфера постмодернизма с его исторической проекцией: «Nothing was»!

Круг интересующихся «ревизионизмом» пока — в европейских рамках — сравнительно узок, но его адепты настолько активны, что резонанс, которого им удастся достигать, вполне ощутим, и он все нарастает.

Кроме того, они открыли для себя на Востоке новое пространство для экстенсивного роста — в России, на Украине, а возможно, и в Польше и Прибалтике⁹⁰.

Во многих странах антисемитские и отрицательские пароли узнаваемы даже в предвыборных кампаниях.

Среди них, кстати, и США, где в президентской гонке 1992 года со стороны республиканцев участвовали аж целых два отрицателя — бывший Великий мастер Ку-клукс-клана *Дэвид Дьюк*, предлагавший устроить для евреев «Западный Израиль» — резервацию на Манхэттене и Лонг-Айленде⁹¹, и *Патрик Буханан*⁹².

Да и элегантный *Жан-Мари Ле Пен* во Франции — борец не только с магрибским засильем, но и еще кое с каким. Он не отрицает Холокост, но говорит о нем как о мельчайшей детали Второй мировой войны, а между тем его Национальный фронт собирает на выборах до 15–20% голосов.

В Австрии, Германии и Италии правые радикалы могут рассчитывать на 5–10%, но вот если те же лозунги подхватит и как свои произнесет какая-нибудь большая традиционная партия, то доля может возрасти до «лепеновских» 15–20%.

Среди антисемитов-политиков, кстати, есть не только те, кто проигрывали выборы, но и те, кто их выигрывали. Например, покойный президент Хорватии *Франьо Туджман*, само слово Холокост не употреблявший иначе, как в кавычках. Те же нотки стали популярны сегодня и в стране другого бывшего сателлита и союзника нацистской Германии — Словакии⁹³.

Ну а самый последний — и самый опасный — случай — это иранский президент Ахмадинежад. К нему мы еще не раз вернемся.

Советский вклад: игнорировать и помалкивать

1

Продолжая «традиции» еще царской России, СССР являлся государством, практиковавшим государственный антисемитизм. В отличие от государственного антисемитизма в Германии, принявшего поистине людоедские формы, СССР практиковал его в более «гуманном» виде — как систему гласной и негласной дискриминации и запретов, а также борьбы с «космополитизмом», «сионизмом» и прочими эвфемизмами еврейской нации. Еврейских погромов или чего бы то ни было, приближающегося к ним, в СССР не было, а утверждения о подготовке большой депортации евреев в 1953 году хотя и представ-

ляются косвенно логичными, но и по сей день не имеют практически никакой прямой документальной базы⁹⁴.

Чуть ли не половина жертв Холокоста, беря по территориальности их проживания на 22 июня 1942 года, погибла на территории СССР, но в контексте такой политики ни о каком уважении к еврейским жертвам не могло быть и речи. Война еще шла, а главпуровцы уже работали над тем, как преподнести ее результаты. Если немецкие нацисты-жидогубы изводили циклоном Б именно еврейскую расу и упивались именно еврейской кровью, то интернационалисты-большевики главпуровской перекисью постарались вытравить именно этническую компоненту чудовищного преступления, совершавшегося в Аушвице или Бабьем Яру. Политика заключалась не в преуменьшении числа жертв, а в вытравлении их структуры, иначе — в подмене одной конкретной группы жертв (евреев) другою, куда более расплывчатой — «советские люди» или «мирные граждане». Имея на руках практически исчерпывающую информацию, СССР устами ЧГК выпустил 8 мая (!) 1945 года сообщение «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме», в котором говорилось о том, что, «...за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран**». Подумать только — Шоа мирных советских граждан! Еврейская катастрофа — но без евреев!⁹⁵

Когда же война закончилась, то запрету подверглись и сама память о Холокосте, и ее увековечение. После войны в одном лишь Минске появился памятник, рассказывающий о Холокосте и с надписью на идише. Шестиконечной звезде на памятнике в Невеле сделали «обрезание», в результате она стала пятиконечной. Наказуемой оказалась даже сама инициатива создания памятников евреям — жертвам нацизма: ученый-изобретатель В. Фундатор, один из создателей знаменитого танка Т-34, лишился работы из-за намерения установить памятный знак в родном белорусском местечке Червень, а семеро вознамерившихся создать памятник в Одессе получили по 8–10 лет лагерей за создание «антисоветской и националистической организации». В 1948 году убили Михоэлса, и было окончательно отказано в издании «Черной книги», в 1949 году — закрыли Еврейский музей в Вильнюсе. Призрак «космополитизма» соткался в Кремле и обволок собою всю страну, и не кто-нибудь, а евреи, — да, евреи, оставшиеся в живых! —полнили собой позорный список жертв не одной, а двух диктатур⁹⁶.

В рамках советской идеологии, в равной мере призванной петь режиму осанну и прикрывать его срам, не оставалось места для целого множества исторических явлений: для голодомора, для оккупации,

для угнанных в рабство оstarбайтеров, для советских военнопленных, для власовцев и других коллаборантов, для еврейского геноцида — все это были темы-табу, о которых лучше было не то что не писать — не заикаться!

Идеология проглотила и зажевала историю. Применительно к Холокосту идеологический ответ советской власти был выдержан в своеобразно интернационалистском духе: главным, повторим, тут было затушевывание сугубо этнической — антиеврейской — политики национал-социализма и намеренное *невыведение* евреев как специфической группы среди жертв немецкого фашизма. Соответственно, им было отказано и в признании целого ряда их гражданских и человеческих прав, в том числе и права на память. В вопросах историографии и увековечения памяти жертв названный «интернационализм» воплощался в том, что еврейские жертвы никак не обозначались: их вербальным заместителем стали выражения «мирные граждане» и, особенно часто, «советские люди». Тем самым до сознания доводилось: Холокост не уникален, фашисты уничтожали всех советских граждан, среди которых были и русские, и украинцы, и татары, и поляки, ну и евреи тоже, кажется, были... Даже в таких случаях, как Бабий Яр, борьба за восстановление справедливости и хотя бы за компромиссные формулировки наталкивалась на жесткое идеологическое сопротивление и на непреклонное начальственное «нет».

Мария Альтман, автор книги «Отрицание Холокоста. История и современные тенденции» (2001), совершенно права, когда пишет: «...Все, что происходило с этой темой в исторической науке и публицистике на протяжении предшествующих лет (50–80-е гг.) вполне можно квалифицировать как разновидность отрицания Холокоста. Это выражалось в замалчивании и сокрытии как самого факта Холокоста (прежде всего — советских евреев), так и имеющих в государственных архивах документальных свидетельств об этом»⁹⁷.

М. Альтман выделяет в русских национал-патриотических материалах следующие шесть различных тенденций в изображении или интерпретации Холокоста: 1) прямое и полное его отрицание; 2) сомнения в его существовании или, по крайней мере, в отдельных фактах, 3) приуменьшение масштаба трагедии, 4) искажение событий и фактов, 5) неправильное истолкование самого термина «Холокост» и 6) оправдание Холокоста. Излюбленными приемами тут являются заявления о том, что немцы — по сговору с сионистами — уничтожали только советских евреев, а в особенности — перевод стрелок на «русский Холокост», якобы организованный в СССР евреями. Разновидностью мифа о неубитых евреях является тезис об их тайной эвакуации в Ташкент в 1941 году⁹⁸.

На бытовом уровне элементы отрицания присутствовали уже в советской «антисионистской» литературе⁹⁹, в годы Холодной войны обвинявшей «сионистов» в том, что они «наживались» на страданиях еврейских жертв и преувеличивали их численность, а главное — находились в прямом створе с нацистами. Классическим примером такого подхода может послужить диссертация на соискание кандидата исторических наук, защищенная в 1982 году на закрытом заседании Ученого совета Ордена Трудового Красного знамени Института востоковедения АН СССР. Название вполне говорящее: «Связи между сионизмом и нацизмом. 1933–1945». Автор труда — нынешний глава Палестинской автономии президент *Махмуд Аббас*, научный руководитель — бывший директор Института востоковедения АН СССР, бывший руководитель Главного разведывательного управления и бывший премьер-министр РФ академик *Евгений Примаков*¹⁰⁰.

2

Вплоть до конца 1980-х годов Холокост как историческое явление и как предмет исследования оставался запретной для советских историков зоной. Положение изменилось при Горбачеве и, особенно, при Ельцине. Именно при них советское (а затем российское) государство поэтапно отказалось от государственного антисемитизма как идеологической доктрины — повыпадали из трясущихся рук суловские идеологические вожжи, пропитанные проработками отщепенцев на собраниях трудовых коллективов и на педсоветах.

Это имело, по крайней мере, три следствия. С одной стороны, постсоветское еврейство воспользовалось плодами свободы, и начался подлинный ренессанс еврейской жизни в России — как профессиональной, так и секулярно-культурной. Одним из проявлений этого стало и возрождение российской, украинской и белорусской иудаики, которая, конечно, уже не могла миновать свою центральную проблему в XX столетии — проблему изучения Холокоста. Тот расцвет, который пережили и переживали эти исследования впоследствии, более всего напоминает отдачу вдруг отпущенной пружины. И в этом смысле создание в июне 1992 года Научно-просветительского центра «Холокост» и появление первых статей и даже монографий о Холокосте на территории СССР — вполне знаменательные события.

Вторым следствием разгосударствления антисемитизма стала его *приватизация*. Антисемитизм стал частным делом российских граждан, и те из них, кто испытывал внутри себя непреодолимую склонность к этой фобии, мог предаваться ей сколь угодно самозабвенно и, в общем-то, безнаказанно, поскольку, расставаясь с антисемитизмом, государство практически не озаботилось правовыми рамками, в кото-

рых оно готова мириться с такою частной инициативой своих граждан. Впрочем, в эти годы антисемитизм утратил и свою ведущую роль в контексте общей ксенофобии: главными врагами в эти годы считались различные кавказские народы, или, как их называли тогда и называют сейчас, «лица кавказской национальности». Антисемитизм как фобия вернулся в лоно более широкого спектра мировоззренческих понятий, таких как правый радикализм, национал-шовинизм и даже фашизм, прекрасно ощущающих себя в России.

В этой идеологической констелляции, разумеется, нашлось место и для отрицателей Холокоста, но русским патриотам пришлось довольствоваться перепевами наследия их западных коллег, поскольку собственных «специалистов» по этому вопросу, они еще не породили, если не считать крутых до патологичности «экзотов» — «расологов» и «геополитиков»¹⁰¹.

Фюрер «геополитиков», *Александр Дугин*, недавно заступился за Ахмадинежада. Последний, по словам Дугина, вовсе не отрицает Холокост («ну что вы! что вы!»), а просто пытается — «ну да, как-то не всегда уклюже» — обратить внимание мирового сообщества ни много ни мало на то, что Холокост — это «вещь религиозная» и глубоко зарыта в иудаизм. Заперев Холокост в религии, да еще и приравняв его к казни и к жертвоприношению Иисуса Христа — для христиан, Дугин лукаво разменивает Холокост на христуобийство и вчистую изымает его из исторического и политического оборота. И напротив, благословляет Ахмадинежада-талмудиста на новые каббалистические открытия и откровения. Разбирать которые приходится, правда, такому синедриону, как Совет безопасности ООН.

Но, быть может, еще опаснее собственно гапоновские спекуляции Дугина, пристегивающие Россию к Ирану в рамках геополитической концепции глобальной борьбы за многополярный мир. Ну с кем же, как не с Ираном, объединяться России, коль скоро Иран — ближайшая, а Россия — следующая жертва распоясавшихся Штатов?..¹⁰²

Третьим следствием стало чисто демографическое и бытовое: не желая уточнять, чем приватный антисемитизм «а ля общество Память» приятнее государственного «а ля дело врачей», весьма значительные массы еврейского населения устремились в эмиграцию, голосуя ногами против обоих вариантов.

15 декабря 2006 года, реагируя на Тегеранскую конференцию-провокацию, Московское бюро по правам человека представило доклад «Ценностные ориентиры русских национал-радикалов» и совместный с Центром «Холокост» проект для сотрудников СМИ — «Холокост: память и предупреждение»¹⁰³.

В докладе дается обзор современного неонацизма, ксенофобии, отрицателей Холокоста¹⁰⁴. Проект поддержал Уполномоченный по правам человека в РФ *Владимир Лукин*, подчеркнувший, что было бы хорошо, если бы внимания правозащитников в рамках проекта удостоивались и такие проблемы, как геноцид цыган, антикавказские и антирусские фобии. Вице-президент Российского Еврейского конгресса генерал-майор юстиции Григорий Крошнер отметил, что истоки Холокоста, его ход и последствия чрезвычайно важны для понимания сути неонацизма в нашей стране и должны напоминать современникам об опасности сползания к ксенофобии и антисемитизму. Он напомнил о том, что по данным Генеральной прокуратуры РФ, в России насчитывается около 150 группировок, исповедующих националистические взгляды, численностью в 10 тыс. человек. При этом 80% участников этих группировок — люди моложе 30 лет. С другой стороны, правоохранные органы, как он полагает, постепенно начинают ориентироваться на борьбу с экстремизмом¹⁰⁵.

3

И все же сами мифы и идеологемы старого советского государственного антисемитизма оказались весьма и весьма живучими. Их отголоски вполне отчетливы и сегодня, когда российская действительность утыкается не только в вопросы Холокоста, но и в разнообразные вопросы его своеобразного отрицания.

Государственная дума при этом такая же площадка для выражения отрицательских эмоций, как и сайт какого-нибудь антисемита. Когда в январе 2004 года группа депутатов Думы предпоследнего созыва предложила отметить 27 января в Международный день памяти жертв Холокоста, память жертв минутой молчания, один из них — В. В. Жириновский — наотрез и со скандалом отказался. Он заявил, что это для него «неприемлемо»: *«У нас и так достаточно праздников. И что, российскому парламенту по каждому поводу надо что-то праздновать? Какой же мы российский парламент, если мы встаем в память евреев?»* Его поддержала Н. Нарочницкая, депутат от партии «Родина», заявившая, что тема Холокоста «чрезвычайно раздута»¹⁰⁶.

Российские парламентарии, как показал проведенный среди них в 2007 году опрос, почти единодушно высказались против введения уголовной ответственности за отрицание Холокоста. Они считают, что он относится к этической, а не к уголовно-правовой сфере. Они уже не оспаривают Холокост как трагедию еврейского народа, но, поскольку многие другие народы, по их мнению, пережили трагедию не меньшую, то нет никакой нужды как-то особо выделять Холокост, и правильнее была бы другая формулировка закона — за отрицание

фашизма и его зверств. Иными словами, в ядре аргументации, как видим, снова лежит непризнание — пусть и не Шоа, но ее исторической уникальности.

В то же время они указывают на наличие и других проблем, где могут возникать схожие коллизии (например, геноцид армян, вклад СССР в победу или количество жертв национал-социализма). Поэтому, по мнению В. Илюхина, *«принять этот законопроект — это все равно, что запретить человеку мыслить, думать и рассуждать, поэтому я вообще его не воспринимаю... Это попахивает определенным мракобесием»*¹⁰⁷.

Несмотря на то, что отрицатели Холокоста лишь сравнительно недавно ступили на российскую землю (в том числе и буквально — ногами швейцарца Юргена Графа, например, проживающего с украинской женой в Москве и укрывающегося тем самым от судебного преследования на одичалой швейцарской родине), классический западный «ревизионизм» нашел здесь для себя чрезвычайно взрыхленную и удобренную почву. С одной стороны, вследствие полувекового замалчивания Холокоста в России — практически полное отсутствие хоть каких-нибудь познаний о Холокосте у широких слоев населения. С другой — «Майн Кампф» и прорва прочих книг, в том числе биографии всех важнейших нацистских бонз, которыми многочисленные издательства типа московского «Русского вестника» или смоленского «Русича», заполнили рынок и удовлетворили книжный голод рядового российского антисемита. Удовлетворили, но не досыта: на десерт ему теперь пекут отрицание Холокоста, не встречающее здесь ни интереса, ни тем более отпора со стороны каких-либо официальных государственных структур и постепенно (хотя и в смягченной форме) проникающее в научно-популярную и даже художественную литературу. Интернет-серфинг также четко показывает, что им вполне интересуются экстремисты самых разных окрасок — и «левые», и «правые», и православные, и исламисты, и даже язычники и сатанисты.

Но, разумеется, имеются и свои, российские акценты и «диалекты». Идефикс российских отрицателей, на наш взгляд, является укореившееся представление о множественности холокостов, и о еврейском как о всего лишь одном из них. Советский тезис об интернационале жертв Второй мировой и о категорическом невыделении среди них евреев получил в этом представлении свою вторую жизнь, свое второе издание и, — впервые — второе дыхание.

Начиная с 1996 года, одной из главных трибун для отрицателей Холокоста в России стала газета *«Дуэль» Юрия Мухина*¹⁰⁸. На ее сайте — www.duel.ru — можно найти десятки статей и книг на эту тему, в том числе, а, точнее, в первую очередь, переводных. Уже в середине

1990-х годов на русский были переведены многие «труды» нескольких западных отрицателей (например, *Роже Гароди* и Ю. Графа). «Миф о холокосте»¹⁰⁹. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне» Ю. Графа вышел как минимум дважды — сначала, в 1996 году, в газете «Русский вестник»¹¹⁰, а затем и отдельным изданием — попечением некоего Геннадия Андреевича Кубрякова и с предисловием *Олега А. Платонова* — владельца и главного редактора издательства «История русской цивилизации»¹¹¹. В своем предисловии он, как и полагается истинному ревизионисту, кое-что подкорректировал: «Конечно, и это число очень велико и вызывает у нас глубокое соболезнование. Однако можно ли говорить об особой жертвенности евреев, когда доля русского народа (включая малороссов и белорусов) в этих 55 миллионах жертв составляет не менее 27 миллионов мужчин и женщин, детей и стариков? Именно русский, а не какой-либо другой народ испил самую большую чашу страдания во вторую мировую войну и спас все человечество от “нового мирового порядка”, который и сегодня пытаются насаждать нынешние наследники Гитлера — американские президенты и их коллеги в Израиле».

В 1997 году Платонов первым из россиян принял участие в ежегодной конференции ИНР; и в том же году — одновременно с Ю. Графом и также первым из россиян — он удостоился сомнительной «чеести» войти в состав редколлегии «Журнала пересмотра истории»¹¹². После чего Эрнст Зюндель на своем сайте объявил Россию чуть ли не обетованною землей ревизионизма!

Москва (где же еще, как не на «земле обетованной»?) стала и местом проведения — 26–27 января 2002 года — Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории¹¹³, в целом посвященной глобализации как сионистскому вызову. В конференции приняли участие такие отрицатели, как Ю. Граф, американцы *Дэвид Дьюк* и *Рассел Граната*¹¹⁴.

В конце мая 2003 года открылся сайт «Ревизионизм холокоста» (www.revisio.msk.ru) — интернет-ресурс «Славянского Союза», проанонсированный в самом популярном российском интернет-издании — «Русском журнале». *Н. В. Саламандров*, автор и хозяин сайта, аттестовал его как «долгосрочный образовательный исторический некоммерческий антидезинформационный независимый русский информационный ресурс», как «обширное собрание интеллектуальных трудов аналитиков и историков, религиозных и светских деятелей, политиков и рядовых граждан, чья деятельность посвящена поиску Правды, а также обычных информационных новостей, касающихся данной проблемы» и как «противостояние всем фальсификаторам истории», к которым он почему-то относил исключительно «сионистов и русофобов». Методологию отрицателей Саламандров харак-

теризует как уход «от пропагандистской схемы “свой — чужой” (нравится — не нравится) к схеме “было — не было” (истина — ложь)».

На сайте можно было найти более 400 наименований текстов, написанных исключительно «своими» и так или иначе причастных к отрицанию Холокоста. Среди них — труды «классика» европейского ревизионизма Р. Гароди («Миф о сионистском антифашизме», «Миф о “Холокосте”», «Миф о Нюрнбергском правосудии»), «конспиролога» *Энтони Саттона* («Геополитика и ревизионизм»), таких авторов, как православный публицист *Юрий Воробьевский* («Освенцим: спор о крестах»), «высший социолог» и охотник за «вырожденцами-гомосексуалистами-евреями» *Григорий Климов* («Интервью некоему московскому журналисту»), ультралевый израильский публицист *Израэль Шамир* («Холокост как удачный гешефт»), редактор газеты «Завтра» *Александр Проханов* («А был ли холокост?»), «специалист по тайным обществам» и автор предисловия к русскому изданию Ю. Графа Олег Платонов, *Игорь Шафаревич* («Создание государств Израиль»), *Александр Панарин* («Геноцид»), лидер Национально-державной партии России *Александр Севастьянов* («Не Вторая мировая, а Великая Отечественная»), редактора газеты «Дуэль» *Юрий Мухин*. Кроме того, на сайте размещены материалы по «конспирологии» (например, «Как Орден организует войны и революции» *Энтони Саттона*, «Адольф Гитлер — основатель Израиля» *Ханнеке Карделя*) и по «расологии» (мэтра европейского расизма *Гастона-Армана Амодрюза*, написавшего, например, статью «Русский народ и защита белой расы»).

Девизом сайта были слова: «Чтобы избежать интеллектуального терроризма, лжи и предвзятости, история, как и любая иная наука, требует непрерывной “ревизии”. Или она “ревизионистка”, или замаскированная пропаганда». Соответствующих «ревизии» и обновления требовал, разумеется, и сам «ревизионистский» сайт.

Этого, однако, не происходило, и в какой-то неназванный момент, косвенно датируемый 2006 годом, сайт фактически прекратил свое существование. На его месте разочарованный читатель может ознакомиться лишь с анонимной записочкой в жанре «Ушла на базу»: «Вследствие наличия разного рода нерешенных организационных вопросов я принял решение о прекращении работ над дальнейшим развитием Ревизионистского проекта. <...> Для налаживания диалога и обмена информацией между единомышленниками-посетителями сайта я открываю немодерируемые (ибо нет на это времени) гостевые, форум и чат. Участие в возможных обсуждениях я принимать не буду, не будет там и ответов на Ваши вопросы с моей стороны. Если что-то важное, то пишите на e-mail. Вполне возможно, что отвечу. Как я

отметил выше, все работы над дальнейшим развитием Проекта мной прекращены».

В качестве оправдания перед разочарованными адептами приколоты ссылки на местонахождения «зеркальных копий» былого сайта и еще какие-то жалкие информационные хлопья, например: *«Важно знать, почему Израиль не желает признавать геноцид армян, всячески его отрицая? Кто такие младотурки и денме? Что общего между геноцидом русских и геноцидом армян? Слабо известное, но очень важное событие произошло в Москве 20 февраля 2005 г. — первая научная конференция “Геноцид русского народа в XX–XXI”, прошедшая в актовом зале Института философии РАН под эгидой Национально-державной партии России. Печально, но так получилось, что единственным в Рунете деятельным переводчиком ревизионистских материалов оказался редкостный русофоб П. Хедрук. Не знаю зачем и почему, но Хедрук считает необходимым и вполне уместным смешивать ревизию холокоста с личными взглядами на то, каким ему видится политическое будущее России. Что толкает П. Хедрука (неруси по крови, взглядам и религии, проживающего вне России) в пучину виртуальной политической борьбы в нашей стране, мне не ведомо. <...> Тем не менее следует признать, что переводческая деятельность Хедрука имеет значительную ценность для развития ревизионизма холокоста в Рунете»¹¹⁵.*

Кроме того, существует еще один специализированный сайт *«Ревизионисты»* (www.revisionists.com), единственным содержанием которого являются фотография группы отрицателей и их индивидуальные биографии, и интернет-чат *«Мифический холокост»* (<http://holokost.chat.ru>). В той или иной форме идеи отрицателей исповедуют газета *«Русский вестник»*, *Палестинский информационный центр*, *«Радио Ислам»*, православное информационное агентство *«Русская линия»*, неязыческие(!), сатанистские(!) ресурсы, ресурсы *«Левая Россия»* (одним из авторов которой является упомянутый И. Шамир), православный ресурс *«Русское небо»*, *«Black Fire Pandemonium»* — сайт «главного» сатаниста страны *Warrax-a*, *Русский NS-портал Brangolf*¹¹⁶, а также сайт *«Маленький фюрер: фашизм для самых маленьких!»* (www.kleine-fuhrer.lenin.ru).

Примечательно, что отрицание Холокоста и антисемитизм объединили здесь ультраправославных, ультраязычников и ультраисламов — силы, вообще-то не слишком сочетаемые.

Другой российской особенностью, напрямую связанной с безнаказанностью, является «пена у рта» и исключительная агрессивность и целеустремленность антисемитов вообще и отрицателей, в частности, в продвижении своих взглядов. Складывается впечатление, что их оппоненты, считающие, что таких маргиналов лучше всего не за-

мечать и игнорировать, на самом деле начинают им проигрывать в борьбе за истину.

Интересный эксперимент над боевым духом отрицателей и отрицателей отрицателей поставила сама жизнь. Я имею в виду энциклопедический интернет-словарь *«Википедия»*, в составлении которого может принять участие каждый, в том числе и каждый заинтересованный. Неожиданностью можно считать уже само появление «Отрицания Холокоста» в словнике «Википедии». Анализ дефиниции и находящегося в стадии написания текста данной статьи приводит к интересному результату: отрицатели получили здесь практически все, чего добивались долгие годы, — и уважительный тон, и статус научной теории (правда, не господствующей), и даже в альтернативном названии «ревизионизм» в качестве самоидентификатора им не отказано — и то лишь для того, чтобы избежать излишней неоднозначности! Изложение тезисов отрицателей — спокойное и объективное, а отрицательный взгляд на них профессиональных историков сводится лишь к тому, что отрицатели-де склонны пренебрегать принятыми в исторической науке принципами исследования, а еще — ай-ай-ай! — *«зачастую движимы политическими, а не научными мотивами»*. Даже если сами отрицатели и не приложили руку к написанию этого текста (а такая мысль все же напрашивается), то уже одно то, как их охарактеризовала «Википедия», бесспорно, является их серьезным успехом. Следующим логическим шагом было бы появление в «Википедии» статьи «Экстерминисты»!

4

Высшая мечта отрицателей — быть признанными и переименованными в «ревиционистов», стать частью диалога с большой наукой, быть признанными ею и более широкой, нежели они сами, общественностью. Отсюда заметная тенденция в их рядах — мимикрия под науку и научность. Не случайно Ю. Граф на конференции 2002 года настаивал на том, что «ревиционизм — это не идеология, а научный метод».

Помимо ревиционистов, косящих под историков, существуют еще и ревиционисты, косящие под этнографов и антропологов, — так называемые *«расологи»*¹¹⁷. При этом отрицание Холокоста как таковое для них проблема достаточно периферийная. Куда больше их волнуют другие опасности для России и чистоты расы, связанные, в том числе, и с евреями: например, засилье инородцев и катастрофа со смешанными браками. Они охотно предлагают свои услуги в деле «диагностирования качества человеческого материала» и определения «биологических предпосылок» любой деятельности вообще: до

боли знакомые теории расового превосходства и жизненного пространства! И хоть они, по самоопределению, и неоязычники, не было бы ошибкой называть их еще и неонацистами.

Разделы или отдельные материалы, посвященные расологии, есть на различных неязыческих и сатанистских сайтах: на ресурсе «*Велесова Слобода*» (особенно много), на сайтах «*Светорусие*», где выложены «труды» «классика» расологии *Ганса Гюнтера* («Расология немецкого народа», «Приложение к “Расологии немецкого народа”», «Краткая расология Европы»), «Русоград» и «Славянское наследие», на сатанинском сайте *Warrax*-а «*Black Fire Pandemonium*» (в частности, статья «Расология против русофобии»), на сайте православного исследователя *В. Махнача*, а также на неонацистском Русском NS-портале «*Brangolf*».

Главной печатной площадкой для расологических писаний является журнал «*Атенеи*». Учредитель и издатель журнала *Павел Тулаев* в одном из интервью обозначил свою задачу как «движение к новому типу славяно-арийской ведической цивилизации». В редколлегию журнала, помимо П. Тулаева, входят публицист *Владимир Авдеев*, а также поэты С. Яшин и М. Хотулев.

Двумя ведущими авторами, проповедующими «расологию», являются названный В. Авдеев, автор самого термина и идеолог современного российского неоязычества, и *Андрей Савельев* (псевдоним А. Кольев), в прошлом депутаты Государственной думы РФ от фракции «Родина». Их же усилиями, начиная с 2002 года, в издательстве «Белые Альвы» издается серия «Библиотека расовой мысли», в которой выходят труды «несправедливо забытых классиков расологической мысли», не имеющих ничего общего с «ксенофобией» и идеями «расовой дискриминации». На самом деле речь идет о «трудах» создателя «расовой педагогики» *Э. Крика*, нацистского антрополога *Г. Гюнтера*, а также *К. Штраца* («Расовая женская красота»). В число классиков введен и сам В. Авдеев, выпустивший в этой серии пространственный том под названием «Расология», претендующий на звание учебного пособия. Кроме того, он же составил и издал два сборника «Русская расовая теория до 1917 года» (2002 и 2005?), где в сознание упорно внедряется мысль о том, что царская Россия, почитаемая многими в качестве идеального государства и образца для подражания, была государством именно расистским. В интервью информационному агентству *Stringer* по поводу издания первого из этих сборников В. Авдеев сравнил «небелые» расы с тараканами и крысами, а также вполне дружелюбно сказал: «Я не призываю прятать людей в концлагеря, но призываю, чтобы эти люди не размножались и не лезли во власть. Не сидели бы в парламенте, не претендовали на обучение всей

страны. Я просто призываю защитить меня и нормальное общество от власти дегенератов».

В. Авдеев и А. Савельев издали также два выпуска расистского сборника «Расовый смысл русской идеи», в который вошли статьи ряда германских авторов-«расологов» периода нацизма и их идейных предшественников, давно и по вполне понятным причинам не издававшихся на Западе. В статье В. Авдеева «Генетический социализм» в первом выпуске этого сборника разрабатываются принципы построения евгенического государства: *«Право деторождения получают только здоровые люди, а люди одаренные получают исключительное право быть увековеченными в человеческом материале любое количество раз. Напротив, все генетически нежелательные элементы, которые самим фактом своего существования негативно влияют на жизненные силы расы, лишаются права деторождения медицинским путем».*

В 2003 году на «Велесовой Слободе» появилась ксенофобская книга А. Савельева «Последний век белого мира», в которой он пишет о якобы существующем всемирном заговоре некой «антинации», ставящем своей целью разрушить «мир белого человека», об «агрессии черных выходцев с Кавказа против белого человека». При этом он постулирует, что ситуация в России подошла к черте — «либо мы их, либо они нас». В качестве решения этих проблем он предлагает «учреждение иного государства и иной власти» и «упреждающее уничтожение» «врагов» с «превентивными ударами самого современного оружия».

Расологи не чужды и реальной думской политике. В декабре 2004 года А. Савельев, например, защитил партию «Родина» от наездов «своих». В статье «Кто клеит “Родине” свастику?» он писал: *«Если приличные люди перестанут воротить нос от “Родины” только потому, что их туда не зовут чем-нибудь руководить, наш кадровый потенциал будет усилен, и мы сможем победить этот воняющий мертвечиной “антифашистский” альянс дураков и мерзавцев».*

Расологи менее «титолованные», нежели В. Авдеев, П. Тулаев или А. Савельев, говорят и пишут гораздо откровеннее. Некто Б. Протасов, например, в статье «К вопросу о межрасовых браках»: *«Человеческие расы не равны, и не только по антропоморфным характеристикам, но прежде всего по тому месту, которое они занимают на ступенях социально-политической эволюции... Чистота расы является важнейшим условием ее совершенствования, сохранения при всех жизненных невзгодах... Смешение рас ведет к их вырождению... У метисов очень часто резко снижается самокритичность, нравственность, повышается самооценка, нормой поведения становится вседозволенность, эгоизм... Бесспорно, что величайшими достижениями в науке и техни-*

ке, литературе и искусства, философских воззрениях и нравственных законах человечество, в первую очередь, обязано белой расе. Среди белых особо выделяются АРИЙЦЫ, к которым, в первую очередь, относятся русские (великорусы, малорусы, белорусы), славяне Центральной Европы, немцы, скандинавы, ирландцы (средиземноморская ветвь белых в значительной степени метизирована)». Опираясь на «исследования» Ю. Штрайхера, редактора нацистской антисемитской газеты «Штурмовик» («Der Stürmer»), Протасов берет за основу научную состоятельность так называемой телегонии — теории о доминировании первого самца, согласно которой в потомстве женщины проявляются черты того, кто был ее первым мужчиной. С особой яростью уважаемый доктор обрушивается на браки русских и евреев, которые он считает совершенно недопустимыми. Он пишет о «пагубных последствиях для человечества деятельности гибридов белых с евреями» и якобы присущей евреям зоологической ненависти к «белым». Сами евреи устаиваются таких эпитетов, как «коварное и подлое племя», им приписываются якобы наследуемые на генетическом уровне алчность, трусость, лживость, злобность, вероломство, кровожадность, беспринципность и подлость. *«Для еврея же целенаправленное соращение арийских женщин имеет еще и стратегическое значение: заражение крови арийца, превращение детей в скопище убожков, наследующих безродность и беспочвенность, облегчает в будущем захват власти над такой страной».*

Здесь же наличествует обвинение евреев в очередном заговоре — на сей раз с целью уничтожения белой расы через смешанные браки. В качестве «доказательства» цитируется фальшивый текст выступления президента Антидиффамационной Лиги А. Фоксмана.

В. Авдеев и другие «расологи» добиваются того, чтобы с «расологии» были сняты вполне заслуженное клеймо лженауки и обвинения в «расизме» и сотрудничестве с нацистским режимом. Что касается использования «расологии» в гитлеровской Германии, то В. Авдеев, к примеру, пишет, что в Третьем рейхе «идеалы расовой теории были искажены мощной струей пангерманизма», и вообще — «чистая расовая идея попала в руки расово-нечистым убожкам, которые в силу своей генетической ущербности отомстили ее идеалам, скомпрометировав и исказив ее до основания». Подобные заявления, впрочем, не мешают тому же Авдееву всю использовать наработки тогдашних расистов-«расологов», изменив в них (правда, весьма радикально) только место, отводимое русским как народу. Если для нацистов русские и славяне вообще относились к низшим расам, то для отечественных «расологов» они, естественно, относятся к высшей.

С той же целью — обеления «расологии» — В. Авдеев и его «коллеги» используют пассажи из работ известных советских и российских

антропологов, которые якобы соглашаются с расистскими теориями. Подобная практика уже привела в 2003 году к появлению письма протеста, подписанного рядом выдающихся отечественных антропологов, с презрением отказавшихся от подобной «поддержки».

Избрание А. Савельева депутатом Госдумы открыло для российских «расологов» некоторые новые возможности. Так, В. Авдеев выступил 23 ноября 2004 года на заседании «круглого стола» Комитета Государственной думы по делам СНГ и связям с соотечественниками «О репатриации в Российскую Федерацию». В этом выступлении он воспроизвел целый ряд ксенофобских стереотипов, например, о якобы чрезвычайно высоком уровне «этнической преступности», и объявил «провокационными» заявления о многонациональности России. Сам А. Савельев призвал ужесточить миграционную политику в РФ, ограничивая въезд по таким критериям, как рост социально-экономической напряженности из-за «захвата иммигрантами определенных сфер экономической деятельности, конкуренция с коренным населением», либо этническая принадлежность, «приводящая к этнополитической дестабилизации». Последняя фраза прямо вводит принцип коллективной ответственности народов за деяния отдельных их представителей и нарушает право граждан России на свободу передвижения.

Российские отрицатели в общем-то мало интересовались демографией Шоа, им вполне хватало «выкладок» их западных коллег. Едва ли не единственное исключение — писатель Вадим Кожин (1930–2001), антисемит-интеллектуал, специалист по кожным болезням русской литературы¹¹⁸. Сам Холокост Кожин не отрицает, но оспаривает его масштаб и ставит его в ряд с потерями русского народа. В очерке «Война и евреи» (в составе книги «Россия, или — век XX, 1939–1964»¹¹⁹) Кожин, как ему кажется, поймал двух еврейских историков (Л. Полякова и И. Вуля¹²⁰), а также других еврейских статистиков — за руку на передергивании цифр. Первые, как полагает В. Кожин, дважды посчитали два миллиона жертв, вторые — завысили естественный прирост своего населения для того, чтобы «скрыть» подлинные масштабы еврейской эмиграции из Европы в Америку и Палестину. Иными словами — типично еврейская приписка в два миллиона душ, раскиданная потом для правдоподобия по глобусу!..¹²²

При этом от кожиновского внимания и понимания не укрылось и то, что цифра «шесть миллионов» имеет для евреев даже не историческое, а глубокое «символическое» значение, тесно связанное с сакральным шестиугольем звезды Давида¹²².

Этот тезис подхватил и развил Станислав Юрьевич Куняев, многолетний главный редактор «Нашего современника» и самозванный

разработчик, с государственных и патриотических позиций, идеологии новой России. Свой бесконечный и занудный, на две трети из цитат состоящий¹²³ опус он назвал «Жрецы и жертвы Холокоста». Пишущий эти строки и его соавтор по книге «Отрицании отрицания, или Битва под Аушвицем» Альфред Кох причислен им к «жрецам». Холокост для него не трагедия людей и даже не историческое событие, он интерпретирует его как новую религию, и даже не отказывается писать его с большой буквы.

В таком случае главной задачей таких, как мы с Кохом, «жрецов» является реставрация и поддержание в порядке и обоснованности сакральной цифры этой религии — цифры «6 000 000» жертв. На ней держится Израиль, подобно тому как и Земля наша покоится в своем основании на трех крупных китах.

Поверить в то, что нашим импульсом был не конспирологический заговор, а сугубо научное желание разобраться в вопросе и проверить обоснованность существующих расчетов числа реальных жертв Холокоста как трагедии, Куняев не в состоянии, и уж тем более он не способен попытаться проверить ход наших рассуждений на этом пути. Ни одного возражения или соображения по использованным в книге методам и представленным в ней цифрам мы не получили.

Вместо этого он все время сбивается в своих укусах на какую-то мелочную беззубость.

«Заступившись» за Кожина, он вдруг цепляется за то, что Вадим Валерьянович все-таки поймал Л. Давидович на двойном счете, и мне тут нечего возразить. Да, нечего, кроме того, что это не приписки, а ошибки, встречающиеся и сегодня и у самых добросовестных ученых. Только путем исправления.

Или отсутствие доступа к некоторым архивным источникам (кстати, большая часть все еще недоступного пылится в России — в ведомственных архивах). Это и впрямь проблема, но он выворачивает ее наизнанку: мол, и это козни еврейского лобби, трясущегося при мысли, что истории откроется его подлинное продажно-заговорщицкое лицо.

Не слишком удачен и пример, которым он иллюстрирует свой тезис: да, на протяжении долгих десятилетий гигантский архив Международной поисковой службы Красного Креста в г. Бад-Арользене на севере Германии был одним из самых богатых и одновременно самых закрытых архивов в мире. От исследователей его надежно «защищала» интерпретация мандата организации, как ограниченного одними лишь гуманитарными усилиями по розыску родных и близких. Но именно историкам, в том числе и историкам Холокоста, принадлежит, во-первых, заслуга непрерывной борьбы со столь вольной ин-

терпретацией столь серьезных вещей и, во-вторых, честь победы в этой борьбе: без их давления бюрократы из Женевы и Берлина никогда бы и ни о чем бы не договорились¹²⁴. И вот уже несколько лет как эта «черная дыра» работает в режиме нормального архива!

Прослышав об обычае расправляться на Пурим с печеньем, символизирующим «уши Аммана», Куняев делает страшные глаза и показывает, как он смущен и шокирован такой кощунственной физиологичностью. Даже кремовые купола, кресты и часовенки из финала «Покаяния» Т. Абуладзе блазнятся ему жидовской выпечкой. Что же тогда молчит он, православный наш человек, о православных просвирах и кагоре — таинствах причащения к плоти и крови господней?

Точно так же, хватая Иисуса Навина, столь преуспевающего в окончательном решении иерихонского, македского и многих других «вопросов», за его жестокие и по локоть в крови десницу и шуицу, и отождествляя еврейского Бога с немецким фюрером, Куняев начисто забывает о некоей принципиальной разнице между откровением и историей, как, впрочем, и о том, что ветхозаветные тексты, которые он столь разоблачительно цитирует, столь же каноничны для христианства, как и для иудаизма.

В итоге — всего библейского Священства Ветхого Завета ему оказалось не жалко лишь для того, чтобы доказать потрясающий тезис: Холокост, знаете ли, не уникален — и повторить за Томасом Манном: «На деле существуют только два национализма: немецкий и еврейский». Он так рад, что в этой цитате не поименован русский национализм, что готов поверить и в то, что русского национализма и в помине нет, а есть одно лишь чистое кадение, благолепие и благовоние.

Куняев любопытен уже тем, что своего антисемитизма он совершенно не скрывает и не маскирует. В другом месте — в книге о репрессированных крестьянских писателях, написанной на паях с сыном, — он, точнее, они, не устыдились такой фразы: «*Революция пожирает своих еврейских детей*»¹²⁵.

Но даже то обстоятельство, что выход «Отрицания отрицания...» вывел из спячки такого патриарха антисемитских дискуссий как Станислав Куняев, не меняет сформулированной нами ранее оценки. Несмотря на титанические интеллектуальные усилия Куняева, вклад российских отрицателей в мировую копилку этого движения минимален, чтобы не сказать ничтожен. Складывается впечатление, что здесь прочно преобладает ученически-читательская среда, и максимум того, что можно от российских отрицателей ожидать — это предисловие к очередному переводу из «классических трудов» да матершина в блогах. Вершиной их стараний я признал бы ернический термин-шарж «Лохокост».

Осмысление темы Второй мировой войны **на Украине** имело ряд специфических особенностей. С одной стороны, оспаривать Шоа на Украине как-то особенно нелепо, а с другой — очевидная роль украинских националистов в уничтожении евреев как бы «обязывает» их сегодняшних единомышленников к активной защите и превентивным атакам.

Так что неслучайно, что мощным транслятором идей «ревизионизма» на Украину стала украинская диаспора (в основном, из Канады, но не только), в ряды которой после войны влилось немало активных коллаборантов. Первыми, кто стал говорить о преувеличенности страданий и жертв Холокоста, стали такие ее представители, как Мирон Куропась, Петр Мирчук, Олег Федик, Юрий Борец, Марьян Коць и др.¹²⁶ Одной из таких публикаций стала статья «Никаких крематориев и газовых камер в Освенциме не было!...», которая публиковалась в львовской газете «За вільну Україну» и основывалась на свидетельствах якобы бывшего узника этого концлагеря Н. Стефанишина.

В. Кательницкий («Вечерний Киев») утверждал, что в Киеве *«не без помощи равинов и их прислужников было запланировано убийство фашистами нескольких тысяч евреев на Лукьяновском кладбище рядом с Бабьим Яром в конце сентября 1941 г.»*. К публикациям, отрицающим Холокост в Киеве, относится и статья Татьяны Тур «Правда о Бабьем Яре», в которой утверждалось, что не фашисты расстреливали здесь евреев, а работники НКВД — украинцев. Т. Тур вторит председателю «Союза сторонников Украины в УПА» Мирослав Драган. Киевская газета «Зеркало недели» отмечала 25 мая 1996 года: *«... одна “сенсация”, появившаяся недавно в “Вечернем Киеве” и других газетах, заставила вздрогнуть даже бывалых, искушенных в перипетиях современной публицистики людей. В очередной раз свершилось надругательство над самым хрупким и незащищенным — над человеческой памятью, над воспоминаниями о той страшной войне<...>, о событиях, потрясших Киев осенью 1941 г.»*.

В том же 2001 году Э. Ходос публикует «Открытое письмо Стивену Спилбергу», в котором утверждает: *«Вы не найдете НИ ОДНОГО очевидца уничтожения шести миллионов евреев. Вы не найдете НИ ОДНОГО свидетеля того, что рядом с крематориями стояли газовые камеры, уничтожавшие тысячу, а то и две тысячи человек за раз... Что же касается воплей и слюней, испускаемых по поводу Холокоста сегодня, спустя полвека после войны — они не могут вызвать ничего другого, кроме чувства отвращения»¹²⁷.*

Уже упоминавшаяся львовская газета опубликовала серию статей под названием «Миф о Холокосте», сведя их потом в сборник

«Кого обирає Господь?», составленный бывшим редактором газеты Б. Вовком и посвященный 10-летию независимости Украины. Этот национал-шовинистический сборник, рекламируемый еще и в брошюре Василя Яременко «Євреї в Україні сьогодні: реальність без міфів», не вызвал практически никакой реакции ни во Львове, ни в Киеве, а протест 50 Праведников народов мира против всех этих публикаций¹²⁸ остался без какого бы то ни было ответа со стороны государственных инстанций.

Такого рода публикации и их безнаказанность, бесспорно, побуждают отдельных «читателей» к актам вандализма по отношению к памяtnому камню, установленному президентом Израиля в Бабьем Яру возле памятника «Менора» и мемориалам жертвам Холокоста в других городах Украины.

Еще одним проявлением кощунства стала публикация в годовщину трагедии Бабьего Яра статьи В. Яременко в газете «Сільські вісті», где утверждается, будто в Украину с фашистами пришла «400-тысячная орда евреев-эсесовцев». Во время судебного процесса с газетой «Вечерний Киев» ее авторы, выступая в Шевченковском райсуде Киева, утверждали, что Гитлер и его окружение были евреями. В августе 2002 года газета «Вечерний Луганск» поместила статьи, авторы которых утверждали, что «Холокост — это порождение военной пропаганды. Евреев в концлагерях не убивали и даже заботились об их здоровье»¹³⁰.

Зато резко активизировала обвинения евреев во всех грехах *Международная Академия управления* (МАУП), сделавшая антисемитизм своим фирменным знаком. В издательстве академии вышла книга Юргена Графа «Великая лож XX века», а ее президент Г. Щекин в одном из «своих» изданий повторяет еще один затасканный тезис ревизионистов: «...в 1933 году мировой еврейский конгресс объявил войну нацистской Германии, поставив тем самым в положение “воюющей стороны” миллионы беззащитных евреев практически всех европейских стран и спровоцировав, по сути, их дальнейшее массовое уничтожение»¹³¹. Кощунственная публикация Т. Тур была перепечатана в газете «Персонал плюс»¹³¹.

Интересной особенностью деятельности этой «Академии» является пропагандистское использование газет, выходивших на оккупированной нацистами Украине. Тот же Г. Щекин ссылается на газету «Переяславські вісті» за 1 мая 1943 года, где описывается «приход некоего “мстителя”, который за “многовековое поругание еврейства” уничтожит Европу... Все молодые женщины-украинки будут изнасилованы, прежде чем их убьют...»¹³² Сходный источник — пирятинскую газету «Рідна нива» за 27 марта 1943 года — имеет и заявление ее представителя В. Капельникова в Печерском райсуде Киева, на-

званного «Антидиффамационную лигу» филиалом организации «Бнай Брит», созданной для активных действий против всех, кто сопротивляется сионистскому засилью. *«Так трагедия нацистского геноцида, — отмечает А. Найман. — повторяется в наши дни в виде мауповского фарса»*¹³³.

После Стокгольмского совещания в январе 2000 года преподавание истории Холокоста было включено на Украине в школьные программы. Это вызвало гнев со стороны украинских национал-шовинистов, воспринявших эту новацию как *«невиданное зомбирование украинской молодежи, подготовку манкуртов, которых планируется использовать как рабочую силу на наших национальных черноземах»*¹³⁴.

Все это сходило и сходит «Академии» с рук: ведь не считать же репрессией тот факт, что президент Украины В. Ющенко осудил ее политику и публикации, которые можно расценить как антисемитские. Он даже отказался от почетного докторства в этой антисемитской академии, но никаких иных санкций против нее не последовало.

23 марта 2007 года В. Ющенко внес в Верховную раду законопроект об изменениях в Уголовном кодексе Украины, в котором предложил установить уголовную ответственность за публичное отрицание Холокоста и Голодомора 1932–1933 годов на Украине. Законопроектом предусмотрено наказание за такое отрицание в виде штрафа от ста до трехсот необлагаемых налогом минимумов доходов граждан или двух лет заключения; если же эти действия совершены госслужащим или повторно, то предусмотрено четыре года тюрьмы. Законопроект этот через украинский парламент не прошел.

Геополитика Холокоста: интернационал антисемитов

1

Антисемитизм как частное дело не слишком симпатичен и приятен, но, по крайней мере, понятен: он свивался веками и по-своему отражал и облегчал собою всю горечь трагедий и неудач, вина за которые перекладывалась таким образом на чужие — жидовские — плечи или головы. Он, конечно же, вовсе не пустяшен, но исходящая от него опасность — ничто по сравнению с тем, что несет в себе антисемитизм государственный. Имена тех двух стран, в которых он был взят на идеологическое вооружение, говорят сами за себя — Германия — Третий рейх и Россия — СССР. С распадом Союза умер и государственный антисемитизм советского разлива, и, казалось, что стран, где антисемитизм приравнивается к национальному достоянию, уже больше нет на Земле.

Но продержался этот статус-кво недолго. С избранием в президенты Ирана бывшего стража исламской революции Махмуда Ахмадинежада положение вновь изменилось: страна-антисемит появилась вновь, и называется она Ираном.

В своих публичных выступлениях Ахмадинежад не только призывал к уничтожению Израиля как государства, но и многократно подвергал сомнению масштабы нацистских преследований евреев в годы Второй мировой войны. Называя Холокост «рассказнями», «сказками» или «мифом», он предлагал тем странам, что ощущают свою вину за гибель евреев, предоставить часть своей территории для переноса туда еврейского государства и решить таким образом палестинскую проблему.

В январе 2006 года иранское правительство объявило о намерении провести международную конференцию, посвященную Холокосту. Ее точная дата — 11–12 декабря — была названа в июне. Почти одновременно — в феврале 2006 года — Дом карикатуры Ирана и иранская газета «Хамшахри» объявили международный конкурс карикатур на тему Холокоста — как своеобразный ответ на публикацию в датских СМИ карикатур на пророка Мухаммеда¹³⁵.

И такая конференция, в которой приняли участие 67 иностранных участников из 30 стран, состоялась 11–12 декабря 2006 года в Тегеране. Ее девизом стали слова: «Пересмотр Холокоста: глобальное видение» («Review of the Holocaust: Global Vision»). Ахмадинежад не раз заявлял, что в Тегеране соберутся весьма известные университетские профессора и независимые историки, которым в их странах затыкают рот и которых даже сажают в тюрьмы. Но конференция в Тегеране была задумана президентом Ирана Ахманиджадом не для дискредитации истории и исторической правды, а для дискредитации Израиля. При этом и сама эта дискредитация — не конечная цель, а лишь одно из звеньев в длинной цепочке событий. Другими звеньями этой политики являются провоцирование международного сообщества против Израиля, а в конечном счете — то, что Ахманиджад назвал «стиранием Израиля с карты мира».

Не приходится удивляться тому, что повестка дня вся была пропитана отрицательскими и антиизраильскими паролями. Вот названия секций: «Газовые камеры — ложь или подтверждение?», «Холокост — западные СМИ и пропаганда», «Холокост и кровавая баня для палестинцев», «Антисемитизм, нацизм и сионизм», «Нацизм и сионизм: сотрудничество или кооперация».

Открыл же конференцию министр иностранных дел Ирана *Манучер Моттаки*. Начав с критики терминов «Первая мировая война», «Вторая мировая война» и т.п. и всей формалистической, по его словам, западной истории в целом, министр заявил, что те колони-

листы, что сегодня критикуют нацизм, сами имеют за душой жертв не меньше, чем нацисты. А вот многовековая иранская история, как доисламская, так и исламская, сказал Моттаки, вся свободна от расизма; антисемитизм — это сугубо западное изобретение, Иран и Восток его не знали. Ислам, базирующийся на чистом гуманизме и здравом смысле, также против нацизма и расизма, чего не скажешь о сионизме. Холокост, сказал он, в конечном счете привел к тому, что возникли страна без народа (Израиль) и народ без страны (Палестина). Иран, по его словам, чрезвычайно заинтересован не в отрицании или в утверждении Холокоста, а в установлении истины, в уточнении реального, а не мифического количества жертв. И он не преследует при этом никаких иных целей, кроме свободного выяснения исторической правды¹³⁶.

Конференция создала Комиссию по установлению истинных фактов¹³⁷, работа которой рассчитана на годы. Участники конференции договорились о создании международного исследовательского комитета по изучению Холокоста с участием представителей Франции, Ирана, Бахрейна, Австрии, Канады, США, Сирии и Швейцарии. В 2007 году материалы конференции были опубликованы на персидском и английском языках, в том же году — тиражом 5000 экз. — вышел и их перевод на русский — с предисловием все того же О. Платонова¹³⁸.

Сам Ахмадинежад, не раз называвший Холокост росказнями, в конференции участия не принял, вместо этого он принял ее участников в своей резиденции в самом ее конце, 12 декабря, и охотно фотографировался с некоторыми из участников, особенно с раввинами. Ахмадинежад еще раз подчеркнул свой исходный пункт: *«Подобно тому, как Советский Союз был сметен с лица земли и сегодня более не существует, точно так же вскоре будет уничтожен сионистский режим. Бог благословил распад Израиля, часы его сочтены, и это соотвествует желанию народов всего мира»*.

Списки участников не публиковались — из соображений их безопасности, что делало это собрание весьма напоминающим «Коминтерн» (а точнее, Интернационал) антисемитов. Один из докладчиков даже опубликовал свой доклад под псевдонимом¹³⁹. Но в печать просочилось достаточно сведений, чтобы разделить круг участников на несколько групп¹⁴⁰.

Первая — довольно четкая: это известные отрицатели Холокоста и праворадикальные политики. Среди них — австралийцы *Мохаммед Хегази*, *Рихард Креге* и *Фредерик Тебен*, австрийцы *Вольфганг Фрелих*, *Герд Хонзик*¹⁴¹, *Ханс Грамлик* и доктор *Херберт Шаллер*¹⁴², американцы *Дэвид Дьюк*¹⁴³, *Брэдли Р. Смит* и *Михаил Коллинз Пипер*, англичане *Александр Барон* и *Мишель Ренуф*, венгр *Георге Кадар*,

представитель Малайзии *Матиас Чанг*, немцы *Бенедикт Фрингс*¹⁴⁴ и *Петер Тепфер*¹⁴⁵, живущий в Дании немец *Кристиан Линднер*, французы Роберт Форисон, *Жорж Тиль*¹⁴⁶ и *Серж Тион*, швед *Ян Бернхофф*¹⁴⁷, швейцарец *Бернард Шауб*¹⁴⁸, профессор доктор *Патрик Мак-Нэлли* из Японии. По другим сведениям, среди участников были также *Мартин Хоманн* и *Эвальд Штадлер* из Германии. Шестерым не названным поименно немцам из этой группы визы проставили прямо в Тегеранском аэропорту. А вот Г. Деккерт, бывшему председателю Национальной партии Германии, и *Хорсту Малеру*, в прошлом леваку-террористу, а ныне крайне правому деятелю, не посчастливилось провести денек-другой в кругу единомышленников: правительство Германии заблокировало их внешние паспорта. Кое-кого, заметим, не пустила иранская сторона, в частности, израильтянина *Ноака Флуга*, президента Международного Аушвицкого комитета и руководителя Объединения проживающих в Израиле лиц, переживших Холокост, а также *Халеда Мохамеда* и арабского адвоката из Назарета, открывшего там небольшой музей Холокоста.

Вторая группа — весьма расплывчатая: это политологи, политики и журналисты неопределенных политических или научных убеждений. В основном, они хранили молчание и оставалась в тени. Чуть ли не единственным их представителем, чье имя все же проникло на страницы печати, стал молодой португальский анархист *Флавио Гонсалес*. Сюда же можно включить и представителя из России, сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Виктора Надеина-Раевского. Как явствует из серии его интервью, данных «Известиям», агентству «Regnum» и другим СМИ, сам он поехал на эту, как он почему-то надеялся, научную конференцию, даже не слишком подозревая, куда именно он попадет¹⁴⁹.

Побеседовали с ним и мы. Решение о поездке предпринималось на внутриинститутском уровне, все расходы по командировке брала на себя иранская сторона. Размещение — в резиденции МИД, но при полном отсутствии телефона, Интернета и других видов индивидуальной связи, при топтунах и единственной экскурсии по городу в автомобиле с теми же топтунами и с разрешением фотографировать только в городском парке. Иными словами, тяжелые впечатления — как от советского Зазеркалья середины 1960-х гг.¹⁵⁰ После конференции, по его словам, ему два месяца снились якобы несуществующие газовые камеры.

Свое ощущение от самой «конференции» он выразил так: форум носил исключительно политический характер — делали его, как он выразился, «отвязанные ребята», двигал ими мощный и махровый антисемитизм и анти-Израилизм, но не анти-иудаизм. К началу конференции эти «отвязанные ребята» выпустили сборник тезисов (око-

ло 50 страниц на английском, большая же часть на фарси и арабском), а сами материалы конференции ожидалось выходом в 2008 году, причем теперь уже исключительно на языке фарси¹⁵¹.

Альтернативных точек зрения не было, а сами ревизионисты с близкого расстояния производят впечатление почти поголовно психически больных людей, чей сдвиг по фазе произошел исключительно на почве антисемитизма. Единственным голосом не в унисон, по словам Надеина-Раевского, был его голос. Сам он выступал на второй день, на одной из секций. Вывод его доклада, в целом посвященного показу философского движения от человеконенавистнической идеологии к человеконенавистнической практике: с идеями на поворотах истории хорошо бы поосторожнее и полегче. Отрицать Холокост — глупость, этого не делали и сами нацисты, которые если что и секретили тут, то не процесс уничтожения евреев, а его механизм. Лично у него сомнений в яви Холокоста нет, но есть возражение в связи с самим термином «Холокост», имеющим, по его словам, «сакральное значение», а также недоумение по поводу того, что Израиль не признает геноцид армян¹⁵².

Ни один мало-мальски известный историк в конференции участия не принял.

Третья же группа участников вся сидела в первом ряду: она была хотя и немногочисленной (по разным данным — от 4 до 8 чел.), но определенно самой заметной и экзотичной. Это раввины из нескольких стран мира, представлявшие различные течения иудаизма, сходящиеся друг с другом (а также с Ахмадинежадом) в одном — в антисиионизме¹⁵³. Все они принадлежали к организации «Neturei Karta International» («Евреи, объединяйтесь против сионизма»). Израиль, с их точки зрения, — нелегитимное светское государство, созданное забывшими о Боге сионистами. Во время конференции они демонстративно носили израильские флаги, перечеркнутые красной чертой.

Все раввины, как один, категорически протестовали против отрицания Холокоста, то есть отвергали «холодную закуску» Ахмадинежада, но зато сразу же и охотно переходили к его «горячему блюду» — осуждению Израиля и сионистов, основателей светского националистического государства.

Их рупором стал ультраортодоксальный раввин из Великобритании *Арон Коэн* — единственный из них, кто выступил на конференции, и, кстати, единственный из всех выступавших, кто возразил организаторам в их главном и исходном тезисе. Он сказал, что документированность Холокоста достаточно полна и совершенна. Тем не менее, утверждал он, Бог благословил «галуту», то есть проживание евреев в изгнании, и поэтому государство Израиль следует ликвидировать, а землю отдать палестинцам.

Как минимум два раввина прибыли из США — Израэль *Давид Вайс* и *Дэвид Фельдман*, чьи дедушка и бабушка погибли в Шоа. На его визитной карточке был начертан текст: «Молитесь за скорое и мирное исчезновение Государства Израиль».

Наверное, наиболее одиозным и «популярным» у СМИ участником конференции стал *Мойша Ария Фридман* из Австрии — старший раввин¹⁵⁴ провозглашенной им же самим в 1990-е годы антиссионистской общины в Вене, не признаваемой Венской еврейской общиной¹⁵⁵. Благодаря организации антиизраильских демонстраций на улицах Вены в шаббат, Фридман давно уже стал городским фольклором и притчей во языцех. Он зарекомендовал себя лицом, сочувствующим праворадикальным партиям в Австрии, в том числе Австрийской свободной партии созданной *Йоргом Хайдером*. Он заступался за члена этой партии *Джона Гуденуса*, приговоренного к году тюрьмы условно за отрицание Холокоста. И даже своих адвокатов он рекрутировал в кругах, близких к этой партии. Не отрицая Холокост как таковой, он, тем не менее, подвергает ревизии его параметры и тем самым релятивизирует его масштабы (ссылаясь при этом на не называемые им новейшие исследования, согласно которым число жертв Холокоста равнялось одному, а не шести миллионам евреев)¹⁵⁶.

Нельзя упустить и то, что и сам Иран вовсе не монолитен в идеологическом отношении, и тегеранская конференция — в том виде, в каком она задумывалась и была проведена, — далеко не у всех иранцев вызвала энтузиазм и эйфорию. Оппозицию ей возглавил не кто-нибудь, а *Мохаммед Хатами* — предшественник Ахмадинежада на посту президента Ирана и основатель общественной организации за диалог между различными культурами и религиями. В дни работы конференции он говорил о том, что убийство невинных людей, в основном евреев, было одним из преступлений немецкого национал-социализма, и даже если бы в результате этого был убит всего-навсего один-единственный еврей, мы обязаны это осудить. В то же время он добавлял при этом, что Израиль злоупотребил этой исторической трагедией с целью угнетения палестинского народа¹⁵⁸.

Буквально в день открытия конференции в Тегеране Ахмадинежад столкнулся с резким неприятием своей политики в целом и со стороны многих студентов лучших тегеранских университетов. С резкой критикой конференции выступил и единственный в Иране парламентарий-еврей *Морис Мотамед*, назвавший конференцию оскорблением, нанесенным евреям Ирана¹⁵⁹ и во всем мире. Среди убежденных противников конференции и иранский интеллектуал *Машалла Шамзельвазин*, издатель запрещенной ежедневной газеты «*Jameh*». Он упрекнул организаторов конференции в том, что

они плохо учили Коран, осуждающий любое убийство отдельного человека.

Примечательно в этой связи и письмо, направленное Ахмадинижаду *Махмудом аль-Сафади* — бывшим палестинским террористом, просидевшим в израильской тюрьме около 18 лет. В тюрьме он изучил множество статей и книг, прочесть которые («из-за нашей идеологии и наших социальных норм», как он пишет) он едва ли бы смог на свободе. Это чтение смогло его во многом переубедить, в том числе развеяло и сомнения в истинности Холокоста. В письме, с которым он обратился к президенту Ирана, в частности, сказано: *«Сколь большим было число жертв — еврейских и не-еврейских, не так уж и важно — преступление все равно чудовищное. Каждая попытка отрицать его, отнимает у того, кто это делает, часть его человечности и ставит его в положение слуги преступников. <...> Мы боремся за наше существование и за наши права и против той исторической несправедливости, что была нам причинена в 1948 году. Но мы добиваемся не той независимости и не той победы, при которой можно будет оболгать геноцид еврейского народа, даже если силы, которые сегодня заняли и отняли у нас нашу землю, являются частью этого народа»*¹⁵⁹.

2

Холокост относится к числу наиболее изученных явлений XX столетия. Реальность Холокоста — это реальность, и как всякую реальность самый ее факт незачем обсуждать, но ее можно и нужно исследовать. Несмотря на это, отрицание Холокоста под видом тех или иных «сомнений» в отдельных его деталях или в существовании в целом всплывает вновь и вновь.

Естественно, что тегеранская конференция вызвала резкий протест во всем мире. Большинство едины в том, что это не просто попытка придать псевдоакадемический лоск экстремистской идее, а гораздо более серьезная политическая акция.

По поводу конференции по проблемам Холокоста в Тегеране МИД Израиля распространил заявление, в котором осудил как недостойную инициативу Ирана по проведению международной конференции, целью которой является отрицание событий Холокоста и поддержка антисемитской политики Ахмадинежада, выступающего с постоянными призывами стереть с лица земли государство Израиль. Эти призывы противоречат Декларации ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года.

«Отрицая события Катастрофы, президент Ирана пытается узаконить стремление к уничтожению государства Израиль и распространению экстремистской политики, которая противоречит ценно-

стям свободного мира. Он проводит параллели между концентрационным лагерем Освенцим и Израилем, тем самым искажает события прошлого и угрожает настоящему. Заявления и действия президента Ирана идут вразрез с общепризнанными историческими фактами. Народы мира должны объединиться и сделать реальностью призыв «никогда больше». Память о Холокосте важна не только для Израиля и евреев в странах диаспоры, она важна для всего мирового сообщества. Ставя под сомнения или отрицая события наивысшей формы проявления геноцида — Холокоста — президент Ирана посягает на права человека, понятия о которых окончательно сформировались после событий Катастрофы», — заявила министр иностранных дел Израиля Ципи Ливни. Премьер-министр Израиля И. Ольмерт назвал Ахмадинежада олицетворением наихудшей из разновидностей антисемитизма. Ни проявления выдержки, ни проявления толерантности тут не помогут. Единственный путь коммуникации с такими политиками — это остановить их.

Конференцию в Тегеране осудили США и Европейский Союз. Ученые из десятков институтов и университетов бойкотировали официального организатора конференции — Иранский институт политических и международных исследований МИД Ирана¹⁶⁰ — и прервали всякие совместные проекты, которые до этого с ним вели.

Не осталась в стороне от осуждения и Россия. МИД РФ назвал иранскую конференцию «ненужной и бесполезной». По словам официального представителя МИД РФ Михаила Камынина, «Россия разделяет выраженную Генассамблеей ООН решимость не допускать отрицания Холокоста».

Мэр Москвы Юрий Лужков, например, в своем выступлении во время торжественного зажигания хануки на Манежной площади с гневом обрушился на отрицателей Холокоста: «Они утверждают, что не было гибели миллионов евреев. Так можно дойти до утверждения, что не было фашизма. И что к фашизму, и к человеческой ненависти, которая приводила людей к гибели, можно относиться поспокойнее. Забыть, проигнорировать прошлое, которое должно нас вести в мирное будущее. Снова насадить фашизм, человеконенавистничество, национальную рознь. Представители всех национальностей должны так защищать наши принципы, чтобы никогда не вернуться во времена Холокоста...»

В такой ситуации можно было бы ожидать, что мировое сообщество не ограничится осуждающими пресс-релизами и, в ответ на тегеранскую провокацию, организует систему мероприятий, ставящих жесткий заслон провокаторам при осуществлении их целей.

Однако лейтмотивом мировой реакции было скорее иное — бойкот и брезгливое нежелание мारаться о дешевых провокаторов. Высоко-

поставленный сотрудник Министерства иностранных дел Германии говорил пишущему эти строки о том, что правительство Германии рассматривает ее как пропагандистский маневр и сознательно дистанцируется от дискуссии по теме конференции и даже от упоминаний конференции, не желая создавать ей излишнюю рекламу.

Увы, это весьма распространенное настроение.

3

Тем не менее о двух мероприятиях — конференциях в Иерусалиме и в Берлине, состоявшихся в период с 11 по 14 декабря 2006 года, — сказать совершенно необходимо.

14 декабря в Яд Вашема (Иерусалим) состоялся симпозиум под названием «Отрицание Холокоста — путь к новому геноциду». В его работе приняли участие председатель совета директоров Яд Вашема *Авнер Шалев*, руководитель Международного института исследований Холокоста *Давид Банкье*, академический советник мемориального комплекса *Иегуда Бауэр*, президент Центрально-Восточного института проблем СМИ (Middle East Media Research Institute) *Игаль Кармон*, *Рита Вайс* — одна из тех, кто пережил Холокост, а также послы в Израиле более чем сорока стран¹⁶¹. «*Отрицатели Холокоста, поддерживаемые радикальными исламистами, — сказали Бауэр, — прокладывают путь к новому геноциду и к новым преступлениям против человечества*».

Симпозиум обратился к международному сообществу с призывом осудить действия иранского президента Ахмадинежада, организовавшего антисемитский форум «сомневающихся» в смерти миллионов евреев. Одной из реакций на конференцию в Тегеране стало открытие в конце января 2007 года интернет-сайта Яд Вашема на фарси, содержащего богатую информацию о Холокосте.

Но, быть может, наиболее основательной и представительной попыткой не зарывать голову в песок, а всерьез противопоставить тегеранской конференции содержательную аргументацию, стала международная конференция «Холокост в международной памяти: механизмы и намерения отрицателей Холокоста и антисемитов — международная конференция по изучению и поиску контр-стратегий», организованная Федеральным центром ФРГ по политическому образованию совместно с Центром по изучению антисемитизма при Техническом университете в Берлине и демонстративно проведенная в Берлине в тот же день, когда началась и конференция в Тегеране — 11 декабря 2006 года¹⁶². В ней приняли участие около 500 человек.

Открывая конференцию, руководитель Центра *Томас Крюгер* сказал, что ее цель — зафиксировать современный уровень наших знаний

о Холокосте и наших дискуссий на эту тему. Этому, в частности, были посвящены основные доклады конференции — американского историка Р. Хильберга — Нестора холокостоведения, как его называли, и английского ученого *Питера Лонгериха*. Последний подчеркнул, что отрицателям не удастся навязать свои правила игры исторической науке, и предложил ежегодно проводить в Берлине конференцию по Холокосту.

Т. Крюгер указал и на две большие педагогические проблемы, возникающие в этом контексте. Первая — это то, что в ближайшем будущем с нами уже не останется никого из переживших Холокост и живых свидетелей тех событий. Их роль в представлении этой темы была и остается огромной, они оставили богатый аудиовизуальный материал, который предстоит все чаще использовать в лекционной и педагогической деятельности.

Вторая проблема — это та, что Германия ныне расхлебывает последствия длительного и упорного невосприятия себя как страны иммиграции и, соответственно, как страны иммигрантов. Большая часть иммигрантов, возможно, и слыхом не слыхивала о Холокосте (в том числе и те, кто получили немецкое гражданство), а те, что слыхивали — выходцы из мусульманских стран — нередко слышали у себя дома о Холокосте и о евреях скорее ложь, чем правду. Это ставит перед Германией новые и трудные политико-просветительские задачи в этой нередко замкнутой и восприимчивой к антисемитизму среде. И тут необходим поиск совершенно новых путей и подходов¹⁶³.

О том, что это совершенно не высосанная из пальца проблема, говорил *Ив Камю* из Института международных и стратегических отношений в Париже. Во Франции подавляющее большинство антисемитских проявлений исходит из среды североафриканских арабов, причем подталкивает их к этому вовсе не ислам, а антиизраильская пропаганда на экранах телевизоров.

Руководитель Центра по исследованию антисемитизма при Берлинском Техническом университете, известный специалист в области демографии Холокоста *Вольфганг Бенц* отметил, что число антисемитских проявлений в Германии и во всем мире неуклонно растет, при этом все чаще встречаются свойственные еще нацистам тонкая «кодировка», «маскировка» или «зашифровка» антисемитского содержания, что затрудняет судебное преследование. Кроме того, налицо тенденция как бы тривиализации Холокоста, очередным свидетельством чего стал неологизм «Бомбен-Холокост» применительно к бомбардировке англичанами Дрездена. (На самом деле тренд, добавим от себя, еще более общий и опасный — это девальвация такого понятия как геноцид: что только им в последнее время не называют!)

О том, что можно и нужно этому противопоставить, говорили также *Вольфганг Краусхар* из Гамбургского института социальных исследований и депутаты Бундестага *Гита Коннеман* и *Герт Вайскирхен*.

Многие знатоки и исследователи ислама, — и среди них *Катаяун Аминур*, *Эстер Шапира*, *Навид Кермани*, *Давид Менашири* и другие, — в своих выступлениях анализировали проблематику антисемитизма и ее политическое значение в современном исламском мире. Их общий вывод: эту опасность не следует недооценивать, ей надо противостоять.

В конференции также приняли участие знаменитый бард и публицист *Вольф Бирман*, израильский социолог и публицист *Натан Шнайдер*, сетовавший на потерю бдительности и остроты реакции в дискуссии. Дошло до того, как отметил *Харальд Вельцер* из Центра междисциплинарных исследований в области исторической памяти в Эссене, что Холокост широко инструментализируется для обвинений в адрес Израиля из-за его политики в отношении Палестины.

Участники берлинской конференции были едины в своем осуждении конференции Тегеранской.

Иранское же посольство в Берлине среагировало на обе конференции вполне своеобразно и пригласило всех желающих на свой симпозиум, посвященный пророку Мухаммеду, который оно проводило 16 декабря в берлинской «Урании».

А у немецких правых радикалов конференция в Тегеране, естественно, встретила полное «понимание». 14 ноября 2006 года приветствие в Тегеран направил Х. Малер — немецкий ревизионист, находящийся в немецкой тюрьме за отрицание Холокоста. Он назвал конференцию историческим событием. Незадолго до этого фракция Немецкой национальной партии в земельном парламенте Мекленбурга — Нижней Померании предоставила возможность местному отрицателю Холокоста *Бернду Рабелю* принять участие в парламентских слушаниях и обстоятельно попропагандировать свои взгляды. Правоэкстремистская стратегия маскировать антисемитизм под антиамериканизм и критику израильского правительства нашла благодаря конференции в Тегеране и высказываниям иранского президента свое новое развитие и свой новый импульс.

4

Конференция отрицателей Холокоста в Тегеране — не одиночное событие. Она стоит в длинном ряду провокаций, которыми Иран не переставал удивлять мир. Напомним их вкратце: скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда (обратите внимание — на «оскорбление ислама» датскими карикатуристами, Иран ответил не карикатурами

на Иисуса Христа, а карикатурами на Холокост!), и вторая ливанская война, взлет Хезболлы и Хамаса, заявления о нелегитимности Израиля, конференция по Холокосту, ядерные кошки-мышки с Международным агентством по атомной энергии, захват и помилование английского патруля... На очереди, возможно, и новая региональная или глобальная провокация.

Впервые за многие годы в мире появилось государство, политически исповедующее антисемитизм, и его лидер, Ахмадинежад, не прочь разыграть беспроегрешную, как ему кажется, антиеврейскую карту и стать фюрером антисемитского Интернационала.

Связь Холокоста 1941–1945 гг. с созданием в 1948 году государства Израиль очевидна. Поэтому выбить из-под Израиля главнейшее из его моральных оснований — совсем не второстепенная цель для Ахмадинежада, не таясь разглагольствующего о том, что Израиль надо стереть с лица земли.

Отсюда его мужественная поддержка и братская рука, лукаво протянутая ученым мужам, без усталы изучающим Холокост в видах его пересмотра — лучше всего отрицания, а если не получится, то хотя бы его преуменьшения (редукции). Он охотно спекулирует на непопулярности мира: вот, говорит он, физика — исследований в области физики гораздо больше, чем в области Холокоста, но, тем не менее, исследования продолжаются, и никому не приходит в голову считать их завершенными и запретить.

Он, конечно же, понимает, что доказать фальсификат Холокоста никаким отрицателям не удастся. Но, если и не выбить из-под Израиля основания, то хотя бы клин между ним и его почвой вбить!..

При этом он старается сыграть тонко. Израиль надо стереть с лица земли?.. Да, это его тезис, — но не с земли вообще, как планеты, а конкретно — с палестинской земли. Его любимый тезис в лекциях или интервью: а какое право имеют евреи на Палестину или ее часть, ежели Холокост, даже если, допустим, он и имел место, происходил в Европе? Вот там, в Европе, особенно в Германии, и создавайте постхолокостную Родину для евреев, а нашу арабскую землю верните многострадальному палестинскому народу, верните подобру-поздорову, верните по-хорошему!¹⁶⁴

Третья же цель, для которой отрицатели с их непрерывным гудением и все шириющимся ореолом мучеников вполне могут еще пригодиться, — это попытка изоляции Израиля, попытка отпугнуть от Израиля его друзей и оставить его один на один с исламским окружением. Для этого, как точно подметил Альфред Кох¹⁶⁵, достаточно повлиять на избирателей в демократических странах Европы и Америки, традиционно поддерживающих Израиль, но повлиять таким

образом, чтобы они отказали своим правительствам в мандате на поддержку Израиля.

Хорошо срежиссированные и вовремя прогремевшие теракты, как показал опыт Испании и России, — это убойное политическое оружие.

* * *

Первое издание книги «Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холкоста» увидело свет осенью 2008 года. За время, прошедшее с той поры, в мире произошли некоторые изменения. И произошли они, к сожалению, в том направлении, о котором в книге говорилось предположительно и с тревогой.

Мир, увы, не стал менее антисемитским. Гораздо хуже: Иран, утвердился в своем выборе национализировать институционализировать антисемитизм, встать во главе хора любителей из соответствующего интернационала.

Выборы в Иране закончились серьезными беспорядками и кровопролитием, они прошли едва не по сценарию «оранжевой революции». Ахмадинежада и его супостата Мусави многое разделяло в университетских кампусах и на городских улицах, многое — но не отношение к атомной программе Ирана и не отношение к Израилю. Тут они оба были единодушны: иранскому «мирному атому» быть, а вот Израилю — нет! Израиль — это не более чем картографическая ошибка, которую при первой же возможности надо исправить.

Сектор Газа, или «Хамасостан», — нелегитимный осколок не состоявшейся еще, но уже расколовшейся арабской Палестины, проводит де факто самостоятельную от Рамаллы внутреннюю и даже внешнюю политику (насколько «самостоятельна» эта политика от Тегерана сказать труднее). Если признать за ним бармы государственности, то получим первую в мире страну, где о Холокосте даже не «спорят» и где в нем якобы или хотя бы для приличий «сомневаются». Здесь его начисто и бездебатно отмечают.

В конце августа 2009 года соответствующие места названы «сионистской ложью» и просто вышвырнуты из школьных учебников для юных палестинцев, а сами учебники, трепетно подготовленные глобальным Агентством ООН по делам восстановления и труда, просто изъяты из школ. Глава о Холокосте, полагают чиновники Хамаса, призваны лишь закреплять оккупацию Палестины Израилем¹⁶⁶.

Характерно, что вытворять такое хамасовцы позволили себе по отношению к учебникам, прошедшим все необходимые экспертизы в структурах ООН — организации, поддерживающей юридические санкции против отрицателей.

Миссия той же ООН по установлению фактов в связи с конфликтом в Газе под председательством Ричарда Голдстона в своем отчете от 15 сентября 2009 года признала преступными и неадекватными действия обеих сторон в ходе операции «Литой свинец». Израиль, годами не отвечавший на ракетные обстрелы своей территории из Газы, приравнен к стороне, совершавшей эти провокации. «Взаимное удаление», как это практикуется в хоккее!..

Это значит, что мир перестал быть толерантным к праву Израиля реагировать на провокации соседей, зато стал солидарнее с провокаторами, действующими все наглее и все опаснее.

Наказания отрицателей и исторический арбитраж

«И тут сталкиваются две правды. Правда либеральных убеждений, которые сводятся к тому, что человека за высказанную мысль карать нельзя. И правда надчеловеческая, для которой свобода слова в том виде, в каком ее понимает Дэвид Ирвинг, есть глумление над памятью миллионов замученных — детей, стариков, женщин».

(Илья Мильштейн)

«...Преследуемый становится звездой, знаменитостью, его труды получают почетный статус запретного плода, а аргументы его противников заведомо не воспринимаются всерьез, раз уж они выслали на диспут вместо себя полицейских с дубинками».

(Антон Носик)

1

В последнее время активно обсуждается тема законодательного регулирования отрицания Холокоста, или, иными словами, наказания за «оболгание Аушвица». Она имеет как свою историю, так и предысторию.

Особенно длительной является предыстория в Германии, где она начинается с речи *Вольфганга Хедлера*, депутата Бундестага от Немецкой Партии, произнесенной им 25 ноября 1949 года в Киле. В ней, в частности, прозвучало и такое: «*Шумахер*¹⁶⁷ производит столько шума из-за гитлеровского варварства по отношению к еврейскому народу. Было ли удушение евреев газами подходящим средством или нет,

*об этом могут быть разные мнения. Возможно, были и другие способы отрешить их от жизни...»*¹⁶⁸. Сразу же после этого на него был составлен иск, но Хедлер вышел сухим из воды: суд оправдал его 15 февраля 1950 года из-за противоречивости свидетельских показаний. В тот же день (!) фракция социал-демократов внесла в Бундестаг законопроект «О врагах демократии», благополучно увязший и увядший в профильных комитетах и подкомитетах парламента¹⁶⁹.

Спустя 10 лет — новый публичный всплеск антисемитизма. Гамбургский торговец деревом *Ниланд* опубликовал в 1958 году брошюру под названием: «Сколько мировых, или денежных, войн еще нужно проиграть народам». Собственно говоря, это был чистый антисемитизм, без какого бы то ни было соприкосновения с темой Холокоста.

Правовое поле стало меняться в начале 1980-х годов, когда, с одной стороны, у власти находилась «красно-желтая» коалиция социал-демократов и либералов, а с другой — в стране чрезвычайно резко активизировались неонацисты. В сентябре 1982 года парламентарии обсуждали, но так и не приняли изменение § 140. II Уголовного кодекса, предусматривавшее тюремное наказание сроком до 3 лет или штраф для любого публичного выражения солидарности, отрицания или обеления деяний периода господства национал-социализма, нарушающих общественный мир¹⁷⁰. Так же не преуспела в этом и черно-желтая коалиция христианских демократов и либералов, наталкивавшаяся на сопротивление христианско-демократических земель в бундесрате.

Перелом произошел в 1992–1994 гг., после упомянутого уже «дела Гюнтера Деккерта». Напомним, что его откровенно провокационных и антисемитских речей при завершении конференции в Вайнхайме немецкое правосудие снести не смогло, и Земельный суд г. Мангейма приговорил его 11 ноября 1992 года к одному году тюрьмы и 100 тысячам марок штрафа за разжигание национальной розни, клевету и оскорбление памяти умерших и подстрекательство к расовой ненависти. Однако в 1994 году Верховный суд Германии счел, что подстрекательство к расовой ненависти не было доказано достаточно убедительно, и оправдал радикала, чем вызвал волну возмущения и протестов как в стране, так и за границей¹⁷¹.

В результате был разработан, в течение полугода уточнен и в октябре 1994 года принят так называемый Закон о преодолении последствий преступлений (*der Verbrechenbekämpfungsgesetz*), вступивший в силу с 1 декабря 1994 года и предусматривавший в качестве максимального наказания срок до 5 лет¹⁷².

Начиная с конца 1980-х годов, публичное отрицание Холокоста во многих странах мира стало преследоваться по закону — чаще всего в рамках общих установлений Уголовных кодексов. Но многие

страны, подобно Германии, даже ввели специальные, национальные, законы, запрещающие отрицание Холокоста¹⁷³. Среди них Австрия, Бельгия¹⁷⁴, Италия, Канада, Литва, Люксембург¹⁷⁵, Польша¹⁷⁶, Португалия, Румыния, Словакия, Франция¹⁷⁷, Чехия, Швейцария¹⁷⁸ и др. В качестве наказания эти законы, как правило, предусматривают некую комбинацию штрафов и тюремных сроков. Сроки варьируют: в Германии и Израиле¹⁷⁹ — до 5, а в Австрии¹⁸⁰, Румынии и Чехии — даже до 10 лет. Наказание, как правило, заметно устрогается, если провинившийся не простой гражданин, а госслужащий.

Знакомство с трудами и историей отрицателей Холокоста оставляет мало сомнений в том, кем, собственно, они являются, — это не правдоискатели, не бруно от истории, а искренние и восторженные антисемиты, отличающиеся друг от друга только в нюансах. Отрицание Холокоста, пишет публицист *Илья Мильштейн*, это «не только надругательство над памятью погибших и оскорбление для выживших. Это попытка оправдания дьявола».

Отрицателями движет именно антисемитизм — часто на пару с обидой за «поставленную на колени» Германию. И уже из антисемитизма выплывает, клубясь, и все остальное, включая низкий исторический профессионализм или склонность к патетической графомании¹⁸¹. Юдофобия же на Западе, как с недавних пор и в России, — дело сугубо частное и почти интимное, но, тем не менее, не бесконтрольное и не безответственное. Государства, на паях с гражданским обществом, следят за его цветением и твердо настаивают на необходимых приличиях. А отрицание Холокоста в западном постхолокостном мире — это высшая степень неприличия и потому для его приверженцев дело социально-рисканное, юридически дисконфортное и чреватое ощутимыми репрессиями. И не будем им тут сочувствовать: отрицатели — взрослые люди, и знают, на что идут¹⁸².

На многих ветвях и уровнях социальной коммуникации — на личном, на корпоративном и на государственном — против такого рода любителей возведены преграды, заслоны и даже стены, в том числе и хорошо охраняемые тюремные.

Судя по газетным отчетам, довольно распространенным «наказанием» для отрицателей и их попутчиков стал развал их семей. Наиболее яркая история такого рода произошла с рабби Фридманом из Вены: после того, как он поучаствовал в конференции отрицателей в Тегеране, от него ушла жена с многочисленными, как и полагается, детьми. Для лиц, подвизающихся в образовании, наиболее реальным профессиональным риском и угрозой является увольнение из школ и университетов, а для делающих академическую карьеру — иногда и лишение научных степеней¹⁸³.

Едва ли не весь диапазон возможных репрессий ощутил на себе Р. Форисон: собственные студенты подвергли его обструкции, ректор вышвырнул его из университета, а позже, по обвинению в фальсификации истории, его еще и судил французский суд, приговорив к 3 месяцам заключения и к 21 тысяче франков штрафа. Вдвое дороже обошелся «ревизионизм» французу *Жану Плантену*: 26 декабря 2001 года суд Лиона оштрафовал его на сумму 43 600 франков (или 5880 долларов).

Сразу несколько процессов состоялись в Швейцарии. Самым известным фигурантом на них был Юрген Граф, но он был далеко не единственным. Другой швейцарский отрицатель — *Рене-Луи Беркла*, основавший в 1995 году националистическое общество «*Verite et Justice*» («Правда и справедливость»), закрытое, по решению суда, в 2002 году. В первый раз он был осужден тогда же, что и Граф, в 1998 году (на 4 месяца), во второй — в 2002 году (на 8 месяцев; оба раза с отсрочками приговоров). В 2004 году он бежал в Черногорию, а в 2006 году его все-таки арестовали в Румынии. Престарелый *Гастон Арман Амодру* — издатель газеты, где пропагандировались отрицательские идеи и оспаривался «миф о шести миллионах», — получил год тюрьмы, сокращенный ему по апелляции до трех месяцев.

Один из последних по времени процессов состоялся в ФРГ. В августе 2007 года административный суд земли Гессен приговорил 24-летнего председателя Национально-демократической партии Германии в Гессене *Марселя Велля* за отрицание Холокоста. На заседании законодательного собрания в г. Бутцбахе в марте 2007 года он призвал депутатов отказаться от выделения субсидий на образовательные поездки школьников по местам нацистских преступлений. По словам Велля, путешествия в «места так называемого национально-социалистического террора» служат для «промывания мозгов» школьников.

Еще одно недавнее судебное разбирательство имело место в Греции. Адвоката *Константина Плевриса*, автора книги «Евреи: вся правда», судили не только за отрицание Холокоста, но и за призывы его повторить, начав с депортаций. К. Плеврис же открыто и нагло загораживается свободой слова: «*Это мое мнение. Мнение не является преступлением*»¹⁸⁴.

В то же время правоприменение законов об ответственности за отрицание Холокоста, как правило, достаточно мягкое. Количество осужденных по отрицательским статьям невелико¹⁸⁵, а максимально возможные сроки и вовсе единичны: их дают только самым принципиальным и убежденным, таким, как Эрнст Зюндель, например.

Тем не менее, достаточно типично желание отрицателей уклониться от любых наказаний и уйти в бега. Так, Ю. Граф подался в Россию, Р.-Л. Беркла — в Черногорию и Румынию, Г. Рудольф — в Испанию, Англию и США, а В. Фролих в 2000 году попросил политического убежища аж в иранском посольстве в Вене.

Без особых проволочек происходит, как правило, передача разыскиваемых правонарушителей из числа отрицателей из тех стран, где они скрываются от правосудия, в страны, где их разыскивают. Того же Зюнделя США в свое время передали Канаде, а Канада — Германии. В августе 2007 года в Малаге (на юге Испании) арестован австрийский журналист и публицист *Герд Хонсик*, разыскивавшийся на родине после того, как он бежал из Австрии в 1992 году. Суд приговорил его к 1,5 годам тюрьмы за неонацистскую деятельность и распространение публикаций, в которых он не только отрицал факт использования фашистами газовых камер, но и открыто защищал и оправдывал Третий рейх¹⁸⁶. При этом выдавать зарвавшихся отрицателей согласны и те страны, где отрицание не является преступлением. В то же время есть страны, где и слышать о выдачах не хотят: Россия, например, — Москва для Ю. Графа стала тем же, чем был Цюрих для Ленина.

Были предприняты попытки придать подобного рода законам или законодательным инициативам международный статус. Так, Германия, председательствовавшая в Евросоюзе в первой половине 2007 года, предложила ввести уголовное наказание за отрицание Холокоста на всей территории Европейского союза, но встретила поддержку только в 8 странах из 27 (правда, в самых крупных и значимых).

Целый ряд рекомендательных резолюций был принят в ООН. Так, 1 ноября 2005 года Генеральная ассамблея приняла резолюцию «Память о Холокосте», в которой подчеркивалось, что международное сообщество *«отвергает любое отрицание Холокоста — будь то полное и частичное — как исторического события»*. (Среди подписавших ее и Россия, признавая тем самым всю важность противодействия отрицанию и отрицателям Холокоста.) А 26 января 2007 года Генеральная ассамблея ООН по инициативе США одобрила резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста или преуменьшение его масштабов¹⁸⁷. Появление на свет этого документа спустя месяц после тегеранской конференции отрицателей является явным ответом на позицию иранского президента Ахмадинежада, открыто называющего Холокост «мифом» и призывающего уничтожить Израиль в его нынешней ипостаси.

В то же время политика большинства стран индивидуальна, а провести грань между отрицательством и свободой выражения мнения не так-то легко. В одних странах нормы наказания только еще вво-

дятся: так, соответствующие законопроекты внесены, например, в парламенты Италии и Украины в 2007 году. В Италии, правда, законопроект министра юстиции *Клементе Мастелла*, предусматривавший за распространение расистского образа мыслей от 3 до 4 лет тюрьмы, а за подстрекательство аж от 3 и до 12 лет, далеко не продвинулся. Он встретил сопротивление не только со стороны правых сил, но и со стороны левой интеллигенции и даже еврейских организаций. Точка зрения противников закона сводится к тезису: не государственное это дело закреплять что-либо в качестве исторической истины, это задача гражданского общества, и необходимо вырабатывать соответствующие «антитела». Государство может ему помогать, но ни в коем случае не подменять собой¹⁸⁸.

В других странах, — и таких большинство, — нормы наказания, наоборот, принципиально не вводятся (на постсоветском пространстве это Россия, Латвия или Эстония). Но среди стран, где отрицание Холокоста де-юре не преследуется, — и Великобритания.

А в такой стране, как Испания, где соответствующий закон действовал с 1995 года, правовая ситуация серьезно переменялась. 7 ноября 2007 года Конституционный суд счел наказания за отрицание Холокоста неконституционными, поскольку состав деликта находится в сфере применимости свободы слова. Чистое отрицание Холокоста юридически беспредметно (поскольку Холокост был) и само по себе не ведет к разжиганию расовой или религиозной розни. Тут, правда, необычайно важно разъяснение суда: конституционным является наказание, в том числе и в виде тюремного заключения, для тех, кого обвиняют не в отрицании, а в оправдании Холокоста или любого другого геноцида¹⁸⁹.

В некоторых странах соответствующие законы (или законопроекты) имеют более широкую, нежели Холокост, сферу применения. В Италии — на родине фашизма — уголовно наказуемы, например, пропаганда расового превосходства, акты дискриминации по национальному признаку либо побуждение к таким актам. В Польше понятием Холокост или геноцид не оперируют: начиная с 1998 года, денежным штрафом или тюремным, до 3 лет, наказанием там карается отрицание фактов как национал-социалистического, так и коммунистического преследования. Чехия от Польши отличается, главным образом, словоупотреблением: подсуден как нацистский, так и коммунистический геноцид. Впрочем, Дэвиду Ирвингу вообще нечего опасаться в Польше: польский закон распространяется почему-то только на польских граждан различных национальностей, а также на поляков — граждан других государств.

А вот на Украине в одну упряжку с Холокостом собирались впрячь и Голодомор — историческое событие, куда как менее изученное, чем

Холокост¹⁹⁰. Из стран Прибалтики раздаются голоса о преследовании за непризнание преступлений сталинизма или об их сопряжении с наказанием за отрицание Холокоста.

Понятно, что все эти попытки подвергать к Холокосту иные типы трагедий или репрессий отражают внутривнутриполитическую ситуацию самих этих стран и ставят законодательство об отрицателях Холокоста в зависимость от развития этой ситуации и от других привходящих обстоятельств¹⁹¹.

3

Тем не менее, с юридической точки зрения тема уголовного преследования за отрицание Холокоста выглядит не так уж бесспорно, а правовые рамки и основания для преследования отрицателей далеко не страдают однозначностью толкований. Вполне ощутима конфронтация соответствующих законов с первой поправкой Конституции США и со статьей 10 Европейской конвенции прав человека, гарантирующими гражданам свободу слова и выражения.

Это неотвратно ведет к конфликтам между национальным и международным правом, между правом и справедливостью и т.д. Именно отсюда проистекают такие явления как поддержка Хомским Форисона или пересмотр Конституционным судом Испании мер по преследованию отрицателей.

Разумеется, эта проблематика в контексте свободы слова была знакома и немецкому законодателю. Но Верховный Суд ФРГ еще в конце 1979 года разрешил ее иначе, квалифицировав уничтожение евреев и полуевреев в Третьем рейхе фактом столь неоспоримо задокументированным и бесспорным, что его отрицание не может быть выражением мнений (допустим, ошибочных, но тем не менее искренних) или взглядов (допустим, не вполне корректных, но тем не менее научных), а может быть единственно лишь заведомой клеветой, а также оскорблением и дискриминацией уцелевших в годы Холокоста и всех остальных ныне живущих евреев.

«...Невозможно отрицать суверенное право любой демократии жестко бороться с ростками коричневой заразы в обществе, не дожидаясь факельных шествий на улицах ее городов», — пишет Антон Носик. — Однако же сам по себе запрет на отрицание Холокоста достаточно ущербен смыслово и логически»¹⁹². Ведь само по себе отрицание не поддается однозначно четкой формализации, так что применение закона — даже чисто технически — может быть только избирательным, а стало быть, — и чреватым произволом и двойными стандартами. Из антисемитов в этом процессе неизбежно выделяется то, о чем они и помечтать не могли: эдакие гонимые диссиденты, сотрясатели основ, мученики за идею и чуть ли не жертвы произвола!

Выход из юридической дилеммы видится в сочетании обоих принципов: да, каждый имеет право на свободу слова, мысли и их выражения, но каждый обязан и отвечать за то, что у него в результате слетело с уст или пера. И если слетело нечто, что разжигает страсти, плодит ненависть, оскорбляет память жертв и т.д., то решать так это или не так следует суду, как и устанавливать меру ответственности за это.

Решение Конституционного суда Испании, кстати, — это вовсе не победа отрицателей. Оно, повторим, создало принципиально важный прецедент: наказуемым должно быть не отрицание Холокоста, а его оправдание (то есть солидаризация с палачами) и пропаганда этого оправдания. Область же «чистого отрицания» должна регулироваться всеобщими конституционными положениями о свободе мысли и слова, а также запретами на возбуждение ненависти и т.д.

Министр иностранных дел Латвии *Артис Пабрикс* попытался аргументировать это же самое так: *«Только дурак может отрицать Холокост, но при этом людей нельзя сажать в тюрьму только за то, что у них такие дурацкие взгляды»*¹⁹³. Однако министр не столько шутит, сколько лукавит: отрицатели не столько дураки, сколько антисемиты, то есть люди с убеждениями и принципами. И едва ли убежденного антисемита можно перевоспитать — даже в тюрьме. Это мания, это душевное уродство, и, как показывает практика, оно практически не поддается лечению: Гитлер и в предсмертной записке не забыл о евреях и попросил о том, чтобы кто-нибудь продолжил его святое дело очищения от них Германии. Однако сегодня введение запрета способно сделать из отрицателей самых настоящих жертв и героев и, благодаря их статусной «гонимости», заметно повысить их же привлекательность еще и как «страдальцев».

В США, как замечает А. Носик, *«верят в способность здорового общества победить вздорную идеологию в открытой борьбе мнений, не прибегая к помощи полицейской дубинки. И понимают, что нельзя быть наполовину беременной. Либо законодатель самоустраняется от регулирования мнений в головах людей и навязывания идеологий, либо он должен шаг за шагом пройти путь контроля за умами до конца. Сперва запрет на идеологию, потом на идеи, потом на книги, содержавшие эти идеи, потом на музыку, фильмы, фотокадры, а дальше, глядишь, к каждому блогу по околоточному приставим, чтоб за умами надзирал...»*¹⁹⁴

Против цензуры и судебных преследований за сомнения и отрицания общепризнанных истин, в том числе и Холокоста, выступает не только Хомский, но и другие интеллектуалы, например, *Тимоти Гартон Эш*, посвятивший этому статью в газете «Гардиан». По его мнению, с отрицанием Холокоста *«надо бороться в наших шко-*

лах, университетах и СМИ, а не в полицейских участках и судах»¹⁹⁵. В качестве альтернативы закону о запрете рассматривается политграмота — введение национальных образовательных программы по теме Холокоста¹⁹⁶.

С этой точки зрения поучителен опыт Интернет-проекта «Ницкор»¹⁹⁷, основанного в начале 1990-х годов. Кеном Мак-Вэем, гражданином Канады и США, и посвященного открытой полемике с отрицателями Холокоста. Соответствующий портал аккумулирует тексты и сведения как о Холокосте, так и о его отрицании и лично об отрицателях. К. Мак-Вэй — активный поборник свободы слова, и в этих дебатах он придерживается мнения, что важнее отвечать на аргументы отрицателей и вести разъяснительную работу в Интернете, чем вводить в нем цензуру: в 1996 году он выступил в парламенте Канады с критикой канадского закона, регулирующего распространение ненависти в Интернете. В конце 1990-х годов Центр им. С. Визенталя даже упрекнул «Ницкор» в том, что объективно они де способствуют рекламе отрицательства.

Возможным выходом из создавшегося положения могло бы стать учреждение авторитетного **Международного исторического арбитража**, наподобие тех юридических судов-арбитражей, которые существуют в настоящее время в Гааге и Страсбурге. Существуя под двойным патронажем ООН и, например, Всемирного союза историков, он должен иметь в своем составе аппарат, способный в короткие сроки мобилизовать экспертные группы по самым различным историческим дисциплинам или проблемам¹⁹⁸. Стороны, имеющие серьезные сомнения в истинности тех или иных общепризнанных исторических фактов, должны быть готовы тщательно обосновать свои сомнения, упаковать их в исковые формуляры, четкие и не оставляющие лазеек для множественности толкований, и, наконец, привести все аргументы и доказательства своей правоты, как и доказательства неправоты тех, кого они считают своими оппонентами. Арбитраж основательно и подробно рассматривал бы подобные фундаментированные «иски» и «спорные случаи» и готовил бы авторитетные научные заключения о реальном состоянии дел в той проблеме, по которой поставлен запрос.

В самом словосочетании «Исторический арбитраж» нет ничего противоестественного. История при этом не подменяет собой юстицию, как, впрочем, и не ждет от последней решения собственных научных проблем. Не все осознают, что история — точно такая же прикладная наука, как физика или химия, только областями ее практического применения являются не освоение космоса и не создание новых материалов, а широчайшая гуманитарная сфера — от образования до, к сожалению, идеологии. Хорошо известна роль исторических

заклучений и экспертиз в процессе борьбы за компенсации жертвами принудительного труда при национал-социализме в 1990-е годы и в ходе самих компенсаций в 2000-е годы.

Но такой Арбитраж сам по себе — не суд, и его решения не должны были бы иметь статус юридической силы. Однако в случае передачи обвинений в суд его заключения могли бы послужить серьезнейшим основанием для решений, принимаемых судебными органами.

Такая организация наверняка стоила бы немалых денег, но не таких уж и неподъемных, если учесть тот вред и опасность, которые таит в себе параллельное и юридически не оспоренное сосуществование «двух» разных «истин»!..¹⁹⁹

Истина же на самом деле одна, и истина есть история: историю Холокоста, опираясь на новые материалы, можно и нужно бесконечно изучать и уточнять, но она не роман, который можно переписать заново — набело или начерно.

И то, что одна из «двух истин» — движение отрицателей Холокоста, — как показала его уже 60-летняя история, — упорно, агрессивно и небезуспешно специализируется на искажении и фальсификации столь недавней и не остывшей еще истории — явление, с общественной точки зрения, отнюдь не невинное или безвредное. Все три их корневых постулата — первый: «Холокоста не было, — и фюрер не палач: хайль Гитлер!», второй: «Холокоста не было, а был Лохохост — так что евреи не жертвы, а глобальные манипуляторы!» и третий: «Холокоста не было, — и Израиль не легитимен: прочь с карты мира!» — суть обоснования погромов и войн.

Воспроизводя и транслируя вокруг себя эти сигналы ненависти и лжи, испаряя миазмы клеветы и антисемитизма, тонко чувствуя отсутствие или ослабленность исторического иммунитета у общества и охотно пользуясь всеми механизмами толерантности, сформировавшимися в демократической среде, отрицатели вовсе не «вызывают града» и не ищут уточнений в исторической картине мира, а пытаются заново отравить и разложить то самое общество, в котором они так комфортно себя чувствуют.

Примечания

¹ «Обыкновенный ревизионизм». Интервью Николая Караева с Юргеном Графом. 2002, 8 декабря // Сайт «Пуговички»: www.svenlib.sandy.ru/pugovichi/vesti/graf.htm.

² DEMANT, 1979. S. 44–45.

³ КАЦЕНЕЛЬСОН И., 2000. С. 213–214.

⁴ Именно по этой причине одна из наиболее известных борцов с отрицателями профессор Дебора Д. Липштадт избегает пользоваться этим термином.

⁵ От английского «exterminate» — уничтожить. Иногда в их текстах встречается и что-то наподобие «холокостники».

⁶ См.: Felderer D. Certain Impossibilities of the «Gerstein Statement» // JHR. 1980. Nr.1.

⁷ Чем примитивнее пропаганда, тем она иногда эффективнее. Одному моему покойному коллеге, профессору Венского университета, довелось быть свидетелем демонстрации в Вене палестинцев, протестовавших против очередного израильского ответа на очередной палестинский теракт. Демонстранты скандировали: «Ein, zwei, drei — Palästina frei!» — ни больше и не меньше: себя этой считалочкой они вполне разогрели до «ярости возмущенной и вскипающей». Другому случаю я был свидетелем уже сам: около двух-трех десятков темнокожих парижан с двумя мегафонами демонстрировали свою солидарность с вандалами, жегшими накануне парижские пригороды. Сменяясь по очереди у мегафонов, они скандировали в такт какому-то древнему африканскому ритму всего одно слово, стараясь делать ударение не только на последнем слоге, но и на все остальных: «Solidarité! So-li-da-rité! So-li-da-rité!...». Получалось грозно и зажигательно!..

⁸ Stern K. S. Holocaust Denial. New York: The American Jewish Committee, 1994. P. 1–2.

⁹ Bardèche M. Letter to Francois Mauriac. Paris, 1947; Bardèche M. Nuremberg ou la Terre Promise. Paris, 1948.

¹⁰ Как если бы в концлагерях торжествовала демократическая выборность снизу доверху!

¹¹ См. подробнее: LIPSTADT, 1993. S. 83–89.

¹² Rassinier P. Debunking the Genocide Myth: A Study of the Nazi Concentration Camps and the Alleged Extermination of European Jewry . Torrance, 1978. Книга вышла на английском языке в неонацистском издательстве, предположительно, к 10-летию со дня смерти Расинье (он умер в 1967 г.) и как ответ на показ по телевидению художественного фильма «Холокост».

¹³ LIPSTADT, 1994. S. 69–71.

¹⁴ Эта богатая идея была впервые озвучена в 1952 г. американским антисемитом У. Херстромом (W. D. Herrstrom).

¹⁵ Неплохой загрузкой для будущих отрицателей в период между двумя мировыми войнами стали публикации «Протоколов сионских мудрецов» и др. антисемитских изданий, прямо или косвенно указывающих на мировой еврейский заговор. Большим поклонником подобного строя мыслей был не кто иной, как Генри Форд (см.: Lipstadt D. E. Betrifft: Leugnen des Holocaust. Zürich. P. 51–58).

¹⁶ Hoggan D. L. Der erzwungene Krieg. Tübingen: Grabert-Verlag, 1964.

¹⁷ App A. J. The Six Million Swindle: Blackmailing the German people for hard marks with fabricated corpses. Takoma Park, Md.: Boniface Press, 1974.

¹⁸ Логичный вопрос: а почему же тогда евреи клеветают на немцев, а не на русских, которые принесли им еще большие беды, дается следующий «ответ»: а потому что для евреев речь идет только о деньгах. И поскольку с Советов им денег все равно не слушать, то они сконцентрировали свою ложь на немцах, всегда готовых заглаживать свою вину. И когда большевики «выпали» из этой концепции вследствие своей антиизраильской политики, их место пришлось занять правительству США, подкупленному, ясное дело, евреями.

¹⁹ App A. The «Holocaust» Put in Perspective // JHR, 1980. Nr. 1.

²⁰ Геттингенский университет, в 1983 г. присвоивший Штеглиху степень доктора юриспруденции, в тот же год «отозвал» ее назад.

²¹ См. анализ его усилий в главе «Свидетельства жертв» в книге Д. Циммермана.

²² В русском переводе (1999) книга названа почему-то «Шесть миллионов — потеряны и найдены».

²³ Сам он представился так: «В настоящее время в Лондонском университете».

²⁴ См.: Suzman A.; Diamond D. Der Mord an sechs Millionen Juden. Die Wahrheit ist unteilbar // Aus der Politik und der Geschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament» (Berlin). 1978. Nr. B 30/78. 29 Juli. S. 5.

²⁵ DEMANT, 1979. S. 44–45.

²⁶ Так, газ циклон В объявлялся то настолько слабым, что он не способен никого убить, то настолько сильным, что проветривание газовых камер должно было бы занимать чуть ли не сутки, а с такой интенсивностью на миллионы жертв было никак не выйти.

²⁷ По канве его биографии даже была написана театральная пьеса.

²⁸ В 1977 г. она вышла и по-немецки.

²⁹ С учетом европейских показов и повторного показа в США, фильм посмотрели более 220 млн чел., при этом каждый показ сопровождался многочисленными обсуждениями.

³⁰ Как оказалось, это был один из многочисленных псевдонимов ирландского и общebritанского фашиста Вильяма Дэвида Макгалдена. Среди других его псевдонимов — Сондра Росс, Давид Берг, Юлиус Финкельштейн и Дэвид Стэнфорд. Сам Макгалден был активным сотрудником антисемитского журнала «American Mercury», выходившего в Нью-Йорке (антисемитским он стал в 1965 или 1966 г., когда его взял под свой контроль В. Карто).

³¹ LIPSTADT, 1994. S. 176.

³² Ознакомившись с программой («Ревизионистской конвенцией») и литературой, производимой и распространяемой IHR, президент Колледжа попросил отрицателей в будущем его не беспокоить.

³³ См. отчет о конференции и некоторые из докладов (в частности, А. Эппа, с его типическими кавычками вокруг ключевого слова: «"Холокост", взятый в исторической перспективе») в первом выпуске JHR (1980. No. 1).

³⁴ LIPSTADT, 1994. S. 157.

³⁵ LIPSTADT, 1994. S. 31.

³⁶ Этого немецкое правосудие уже не снесло, и Земельный суд г. Мангейма приговорил Деккерта к одному году тюрьмы за разжигание национальной розни, клевету и оскорбление памяти умерших, а также за подстрекательство к расовой ненависти.

³⁷ Родился в 1944 году в Ольденбурге, в 1950-х годах эмигрировал вместе с семьей в Австралию. Основатель и директор т.н. «Аделаидского института», объединяющего австралийских отрицателей Холокоста (см.: www.adelaideinstitute.org). Выступает с докладами о лживости Холокоста, иллюстрируя их моделью лагеря смерти Трешлинка. В 1999 году Тебен был арестован и приговорен Маннхаймским судом к 10 годам тюрьмы.

³⁸ См. выступление А. Бутца и отчет о конференции в: JHR.1998. No. 6. P. 2–10.

³⁹ Эта конференция состоялась взамен другой, не состоявшейся в марте 2001 г. в Бейруте (правительство Ливана ее запретило).

⁴⁰ Род. в 1951 г.

⁴¹ Издание журнала было временно приостановлено из-за недостатка средств, но с обещанием, что оно будет возобновлено, если средства найдутся. Функцию журнала как коллективного голоса перенял постоянно обновляющийся журнальный веб-сайт: www.ihr.org.

⁴² Родился в 1929 году.

⁴³ LIPSTADT, 1994. S. 33ff. Защищая в лице Р. Форисона абстракцию свободы слова и мнений и едва ли зная защищаемого лично, Н. Хомский, возможно, внес бы коррективы в свою позицию, узнай он о своем подзащитном чуть больше. Стал бы он защищать его от обвинений в антисемитизме после того, как прочел бы собственный рассказ Форисона о том, как он в 1997 году в Париже героически крикнул в лицо профессору Алэну Финкелькрауту в кафе в Латинском квартале: «Они уже готовы, ваши газовые камеры!» (Rau-risson R. Paying Tribute to Jewish Power. «Ah, How Sweet it is to be Jewish...» // JHR. 1998. No. 6. P. 11–12).

⁴⁴ LIPSTADT, 1994. S. 25–26. Университет отобрал у Роке докторскую степень.

⁴⁵ ПЕТРЕНКО, 2000. С. 86.

⁴⁶ Самая ранняя их них датируется 1933 г. (!), что несколько неожиданно.

⁴⁷ См. перечень основных опубликованных в нем статей, а также названия других важнейших публикаций отрицателей: Stern K. S. Holocaust Denial. New York : The American Jewish Committee, 1994. P. 135–152. Сводный перечень публикаций за 1980–1998 годы вместе с тематическим и авторским индексами опубликован: JHR. December 1998. P. 37–60 (составлен Греггом Рэвенем). Интернет-версия аналогичного перечня, но охватывающего все время выхода журнала в свет, представлена на: <http://www.ihr.org/journal/jhrarticles.shtml>. Одна из первых попыток их библиографирования историками принадлежит Ривке Кноллер. См.: Knoller R. Denial of the Holocaust — A bibliography of literature, denying or distorting the Holocaust, and of literature about this phenomenon. Bar-Ilan University, Ramat Gan, 1989 (по другим сведениям 1992. См. также нашу собственную попытку библиографирования отрицательской и противостоящей ей историографий (КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 345–358).

⁴⁸ Обращаясь к «соискателям», JHR давал им небольшой срок, после истечения которого оставлял за собой право интерпретировать их реакцию как несостоятельность в отстаивании своих тезисов и, следовательно, как доказательство правоты JHR (LIPSTADT, 1994. S. 172).

⁴⁹ Визенталю было сделано еще и «специальное предложение»: доказать за 25 тыс. долларов аутентичность дневников Анны Франк, оспариваемую отрицателями.

⁵⁰ Австрийского (возможно, австрийско-еврейского) происхождения, гражданин Швеции, издатель антисемитского журнала «Jewish Information Bulletin», издававшегося Jewish Information Society. В 1983 году он попал в

тюрьму на 10 месяцев — за то, что разослал по крупнейшим еврейским общинам Европы конверты с разложившимися человеческими тканями и волосами: в письме он спрашивал, можно ли идентифицировать с их помощью уничтоженных венгерских евреев?

⁵¹ В результате позиция JHR была просто изложена в серии материалов в JHR (1982. No. 1), а торжество правды и справедливости, добытой в суде, но такой ценой, было основательно смазано.

⁵² LIPSTADT, 1994. S. 170–174.

⁵³ Последний в это время углубился в источниковедение. Ознакомившись с материалами книг регистрации смерти (Sterbepöcher) в Аушвице, он обнаружил, что среди лиц, чья смерть в Аушвице тщательно регистрировалась, были и пожилые люди, и молодежь. Часть из них попала в лагерь до начала селекции и массового уничтожения, но часть и после, причем это, как правило, были евреи из Польши, Франции, Голландии и др. стран (Weber, Marc. Pages from the Auschwitz Death Registry Volumes. Long-hidden Death Certificates Discredit Extermination Claimes // JHR. 1992. No. 3. S. 265–298.). Несоответствие, указанное Вебером, еще ждет своего осмысления.

⁵⁴ Эта попытка была и последней, так как вскоре он умер.

⁵⁵ См. их перечни: LIPSTADT, 1994. S. 221.

⁵⁶ См.: LIPSTADT, 1994. S. 221–252.

⁵⁷ LIPSTADT, 1994. S. 222.

⁵⁸ Родился 24 апреля 1939 года в Калмбахе, Баден-Вюртемберг. Правильное произношение его фамилии — Цундель.

⁵⁹ Вышло под псевдонимом (см.: Friedrich C., Thompson E. The Hitler We Loved and Why. Reedy, West Virginia, 1977).

⁶⁰ Истцом выступало канадское правительство, присоединившееся к частному иску *Сабини Цитрон*, непосредственно пережившей Холокост.

⁶¹ Еврейский публицист, примыкавший к отрицателям. Последние нередко прикрывались его именем в случаях, когда им нужно было отвести обвинения в антисемитизме. После смерти Бурга в его память и честь отрицатели создали Общество его имени, первым председателем которого являлся О. Ремер.

⁶² В некоторых штатах США (например, Аризона, Калифорния, Мэриленд, Миссисипи, Северная Каролина и Миссури) наряду с электрическим стулом и инъекциями практиковалось и удушение газами. Окончательно от него отказались только в конце 1980-х годов.

⁶³ The Leuchter Report an Engineering Report on the Alleged Execution Gas Chambers at Auschwitz, Birkenau and Majdanek, Poland.

⁶⁴ С предисловием Д. Ирвинга и под измененным названием: Auschwitz: the End of the Line: The Leuchter Report — the first Forensic Examination of Auschwitz («Аушвиц: окончательная черта. Отчет Лейхтера — первое судебное исследование Аушвица»).

⁶⁵ LIPSTADT, 1994. S. 199–202.

⁶⁶ Holocaust Survivors and Friends in Pursuit of Justice.

⁶⁷ Там же судили и другого отрицателя — Ф. Тебена, о чем он написал книгу «Когда правда не защитница» (Toeben F. Where Truth Is Not Defence, I Want To Break Free. Washington: TBR Books, 2003).

⁶⁸ Подруга известного праворадикала Хорста Малера.

⁶⁹ www.zundelsite.org

⁷⁰ Родился 15.8.1951 году в Базеле в семье служащего.

⁷¹ Graf, 1993. Уже в 1996 г. книга была выпущена по-русски в издательстве «Русский вестник»; в 1997 и 2000 г. вышли ее переиздания.

⁷² Из них Ферстер должен вернуть 45 тыс. франков, Граф 10 тыс. Граф, кроме того, должен был уплатить 1000 франков одному профессору теологии из Базеля в качестве компенсации за посылку ему по почте экземпляра одной из книг Графа с оскорбительной для адресата надписью.

⁷³ JHR. 1995. Vol. 15. Nr. 6. P. 36–37.

⁷⁴ За 27.1.2002: http://www.rusk.ru/News/02/1/new27_01d.htm.

⁷⁵ Из интервью Ю. Графа Н. Караеву: <http://www.svenlib.sandy.ru/pugovichki/vesti/graf.htm>.

⁷⁶ Его нынешнее имя — по фамилии жены: Гермар Ширер. Родился в 1964 году.

⁷⁷ Номер процесса: 17 KLs 83/94.

⁷⁸ ZARUSKY, 1999. S. 9.

⁷⁹ См.: ГРАДОВСКИЙ, 2010.

⁸⁰ См.: <http://3rd.org/fcarchive.html>.

⁸¹ ZARUSKY, 1999. S. 8.

⁸² Nolte E. Zwischen Geschichtslegende und Revisionismus? Das Dritte Reich im Blickwinkel des Jahres 1980 // Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der national-sozialistischen Judenvernichtung. München, 1987. S. 19, 24. Он не увидел разницы между евреями, «интернированными» в Германии, и японцами, интернированными во время войны в США!

⁸³ Nolte E. Die «Endlösung der Judenfrage» in der Sicht des radikalen Revisionismus, in: ders.: Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Nationalsozialismus. Berlin u.a., 1993, S. 318 f.

⁸⁴ Родился 24.3.1938 в Эссексе.

⁸⁵ Irving D. Hitler's War. London u.a., 1977.

⁸⁶ См.: LIPSTADT D. E. History on trial: my day in court with a Holocaust denier. New York [u.a.]: HarperPerennial, 2006. См. также полный текст материалов процесса на сайте Проекта Ницкор: www.nizkor.org/hweb/people/i/irving-david/.

⁸⁷ Могли дать и десять, но Ирвинг внезапно признал свою вину и заявил, что искренне ошибался, полагая, что в Аушвице не было газовых камер... Признание вины помогло ему сократить приговор до трех лет.

⁸⁸ ZARUSKY, 1999. S. 8–9.

⁸⁹ Интересно, что в какой-то момент нацисты опомнились, что дело не только в словах и в эвфемизмах, не только в обмане самих жертв: сами газовые камеры были сделаны под душевые. Дело еще — в самом содеянном и, с точки зрения конфиденциальности, в его материальных остатках. И тогда они начали замечать или маскировать уже физические следы — раскапывая противотанковые рвы, сбрасывая пепел в реки, перемалывая непрогоревшие кости.

⁹⁰ Об этом см. ниже, в следующей главке.

⁹¹ LIPSTADT, 1994. S. 19–20.

⁹² LIPSTADT, 1993. P. 2.

⁹³ LIPSTADT, 1994. S. 21–22.

⁹⁴ См.: Полян, Поболь Н., 2005.

⁹⁵ См. подробнее в главе «Освобождение Аушвица: еврейская катастрофа — без евреев».

⁹⁶ См. об этом подробнее: АЛБГМАН, 2002. Спокойно и последовательно он разбирает и советские идеологические мифологемы-подлоги, с которыми так не хотят расстаться и сегодняшние антисемиты-энтузиасты (лишив их прямой координации и поддержки, государство в то же время и не преследует их даже тогда, когда они попирают закон). См. также: Мицель М. Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Голокост и сучасність. Студії в Україні і світі . 2008. № 1. С. 9–30.

⁹⁷ Альтман, 2001. С. 51.

⁹⁸ Альтман, 2001. С. 63–65. Об этом же говорил и И. Альтман на упомянутой пресс-конференции 15.12.2006.

⁹⁹ Парадоксальным образом советский «антиссионизм» нашел свое прямое продолжение в современном «антиизраилизме» многих западноевропейских государств: и в том и в другом случае имел или имеет место ни что иное как слегка закамуфлированный антисемитизм!

¹⁰⁰ Горелик В. Как товарищи Махмуд Аббас и Евгений Примаков Холокост отрицали // <http://shoa.com.ua/php/content/view/74/9/>.

¹⁰¹ См. ниже. Вклад отрицателей в эмпирическое обеспечение общих с «экстерминистами» исследования ничтожен. Огульно отказывая еврейским и нееврейским свидетелям в достоверности, отрицатели тем не менее не гнушаются противопоставить им «свои» эго-документы. Прочитую воспоминания З. Д. Маренкова «Холокост — 1945. Евреев было много...», опубликованные на сайте Национал-социалистического (sic!) движения «Славянский Союз»: *«После Победы в Великой Отечественной войне офицерский состав, в том числе и я, был демобилизован из Южной Группы войск только в августе 1946 г. Таким образом, в течение июня 1945 — августа 1946 гг. мы имели время и свободно передвигались по Румынии, Болгарии, Сербии, Венгрии, Австрии. Мы постоянно общались с местным населением, ибо квартировали в частных домах, и (это казалось вначале нам странным) встречали множество евреев, особенно в Вене, Будапеште, Белграде, Бухаресте. Среди них было много торговцев — владельцев магазинов, работников театров, артистов, то есть свободно живущих людей, а не беженцев из гетто»*. Если была бы возможность задать автору вопрос, то непременно спросил бы: ну почему же эти встречи с евреями европейских столиц «показались ему вначале странными»? (и еще бы спросил: в каких войсках и кем именно он служил, коль имел привилегию так свободно и так широко передвигаться и жить вне казармы?). Остались у Маренкова на память о тех евреях даже фотографии... А вот и вывод, который делается с поистине отрицательской размашистостью: *«Я привел изложенные выше факты и даже фото Эржи со мной 53-летней давности, чтобы подтвердить справедливое утверждение многих людей того времени о том, что геноцид еврейского народа не носил тотального характера 6-миллионного холокоста, как его сегодня пытаются нам представить»* (см.: http://www.duel.ru/199806/?6_5_5).

¹⁰² Дугин А. Американский миф об Иране // Профиль. 2007. № 38. 15 октября. С. 32–33.

¹⁰³ Московское бюро по правам человека обращалось к проблеме отрицателей Холокоста и ранее. 5.5.2005 оно выпустило специальный доклад по интересующей нас теме — «Ревизионисты и “расологи” в России». См.: Московское бюро по правам человека. Ревизионисты и «расологи» в России 5.5.2005 // <http://shoa.com.ua/php/content/view/312/9/> Несколько позже часть аналогичных материалов была опубликована в: Альтман И., Чарный С. Отрицание Холокоста в России. Обзор Фонда «Холокост» и Московского Бюро по правам человека // Народ мой. 2006. № 3. 14 февр. См.: <http://www.jew.spb.ru/ami/A367/A367-051.html>.

¹⁰⁴ Одним из «героев» доклада стал бывший министр печати Б. Миرونнов, выпустивший за последнюю дюжину лет с десятков книг откровенно экстремистского содержания, включающие и черные «расстрельные» списки, и призывы к активным действиям.

¹⁰⁵ В качестве примера Крошнер привел осуждение напавшего на синагогу на Б. Бронной в январе 2006 г. А. Копцева и др.

¹⁰⁶ См.: Альтман И., Чарный С. Отрицание Холокоста в России. Обзор Фонда «Холокост» и Московского Бюро по правам человека // Народ мой. 2006. № 3. 14 февр. См.: <http://www.jew.spb.ru/ami/A367/A367-051.html>.

¹⁰⁷ См., в частности, высказывания председателя Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам Анатолия Лыскова, заместителя председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Леонида Биндара, члена Комитета Совета Федерации по делам СНГ Олега Пантелеева, заместителя председателя Комитета Госдумы по безопасности Виктора Илюхина, заместителя председателя Комитета Госдумы по информационной политике Александра Кравца, члена Комитета Госдумы по международным делам Игоря Барина в заметке: Российские депутаты считают отрицание Холокоста «этической проблемой». 4.5.2007 // <http://shoa.com.ua/php/content/view/594/9/>.

¹⁰⁸ Кстати, автора работ «Катинский детектив» (1995) и «Антироссийская подлость» (2003), посвященных реабилитации советской версии расстрела польских офицеров. См. о нем также: АЛЪГМАН, 2001. С. 67–68.

¹⁰⁹ Автор сознательно употребляет слово «Холокост» с маленькой буквы.

¹¹⁰ Русский вестник. 1996. № 32–34. При этом редакция сайта со смакованием исправила «ошибку переводчика», заменив все словоупотребления «еврей» на словоупотребления «жид».

¹¹¹ Сам он представляется историком, публицистом и экономистом. Ему принадлежит ряд книг: «Русский труд», «Экономика русской цивилизации», «1000 лет русского предпринимательства» и «Русская цивилизация». Он автор журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия», что о многом говорит читателю, помнящему культурную расстановку сил в советской журналистике 1970-х — 1980-х годах. Но не менее выразительно и то, как он сам себя аттестует узко-профессионально: специалист по подрывной деятельности западных спецслужб против СССР и России.

¹¹² JHR. 1997. No. 6. P. 19–20. Кстати, среди немногих русских имен среди авторов журнала встречается и имя А. И. Солженицына. Но это скорее

всего случайность: его статья «Опасный культ новизны» (ЖНР. 1997. No. 6. P. 37–40) представляет собой перевод речи писателя, зачитанной его сыном на церемонии вручения Солженицыну литературной премии Национального клуба артистов и содержащую критику современного постмодернистского мира (впечатления о том, что автор был поставлен в известность об этой публикации, нет). Столь же случайной и едва ли авторизованной представляется и публикация Ю. Теплякова «Сталинская война против собственных войск. Трагическая судьба советских военнопленных в немецком плену» (ЖНР. 1994. No. 4. P. 4–10) — перевод его статьи в «Московских новостях» (1990, № 19). Еще одним русским, в оригинале, текстом, появившимся в журнале, была известная статья Э. Тополя — призыв к русско-еврейским политикам и олигархам «не забываться» и не слишком уж «высовываться» (ЖНР. 1998. No. 6. P. 13–18).

¹¹³ Спонсором московской конференции выступил американский журнал «Барнз ревью», издателем которого является куклуксклановец В. Карто, а организатором — издательство «Энциклопедия русской цивилизации» (впоследствии переименован в «Институт русской цивилизации»), местом проведения — Московская социально-гуманитарная академия. Подробнее см. в отчете о конференции: Степанов А. Ревизионисты всех стран, объединяйтесь! К итогам конференции по глобальным проблемам всемирной истории // Русская линия. 27.1.2001 (www.rusk.ru/st.php?idar=1000463).

¹¹⁴ В отчете о конференции выступление последнего квалифицировалось как «настоящая кульминация и символ конференции». Оно прервалось сердечным приступом, названным обозревателем «наглядным свидетельством остроты борьбы ревизионистов за историческую истину». Подлинным свидетельством прожженности этого «символа» как антисемита стали следующие его слова: «Г-н Граната остроумно заметил, что не понимает, почему исследования ревизионистов вызывают такое неприятие со стороны евреев. Ведь эти исследования являются для них настоящим подарком, ибо теперь выясняется, что миллионы евреев не были убиты, они живы. Но вместо благодарности за свои открытия ревизионисты слышат проклятия и угрозы».

¹¹⁵ И тут же: «Предлагаю прояснить деструктивную сторону деятельности Хедрука и его карманного идеолога Мстислава на ниве строительства “русского расизма”!» В другом месте все тот же Саламандров пишет о все том же Хедруке: «Исходя из мировоззрения Хедрука, ему следовало бы писать не на русском, не на российском хостинге и не для русских. Так, по крайней мере, было бы честно, а то нехорошо получается, когда всякая гнида (пусть и на основе общего интереса — ревизии холокоста) в “друзья” к русским лезет» (привожу еще и в качестве иллюстрации той «атмосферы», что царит в тускловатом мирке российских отрицателей. — П. П.).

¹¹⁶ www.thepaganfront.com/brangolf/.

¹¹⁷ Большинство из них последователи Ганса Гюнтера, Людвиг Вольтмана, Людвиг Вильзера, Отто Аммона, Жоржа де Лапужа и еще многих ископаемых «ученых», пытавшихся доказать, что в ходе развития общества более «благородные», светлые элементы занимают доминирующее положение, а «темнопигментированные» опускаются вниз, вследствие чего «белого» человека необходимо оградить от «вредоносного» смешения с «югом».

¹¹⁸ В свое время он назвал Эдуарда Багрицкого не то “прыщом”, не то “жидовским наростом” (цитирую по памяти) на чистом теле русской поэзии, но противопоставил ему другого поэта-еврея — Осипа Мандельштама, стихи которого он и впрямь искренне любил» (КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 97, сн. 124). Я взял эту фразу из книги «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем» в кавычки, ибо в нее, как оказалось, закрались ошибки, на которые мне любезно указал Станислав Куняев: «...*Кожин*ов никогда не противопоставлял Багрицкого Мандельштаму. Это сделал я в своей речи на дискуссии “Классика и мы” 21 декабря 1977 г. в Центральном доме литераторов. А “жидовским наростом” на теле *Тютчева* называл Мандельштама (но отнюдь не Багрицкого) не *Вадим Кожин*ов, а *Петр Палиевский*, да и то только в несерьезных разговорах» (Куняев С. Жертвы и жрецы Холокоста // Наш современник. 2010. № 3. С. 225). Зная теперь истину из первых рук, обещаю впредь таких неточностей не допускать.

¹¹⁹ См. на сайте: <http://kozhinov.voskres.ru/hist2/vevr.htm>.

¹²⁰ В 1990-е гг. несколько странно держать именно Л. Полякова и И. Вуля за главного еврейского авторитета по демографии Холокоста, но даже ссылку на издание 1955 г., которым он пользовался, Кожинов не приводит.

¹²¹ Кожиновский демографический эскерсис был полностью воспроизведен на сайте столь специфической организации как «Русское национальное единство», правда, без указания источника и под заголовком «Местечковская арифметика». См.: <http://www.rne.org/sfk/0509/0509-22.shtml>.

¹²² Ср.: «Однако цифра 6 миллионов имеет по существу “символическое” значение, наглядно запечатленное, например, в созданном в Париже Мемориале, где “возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня”, то есть звезды Давида».

¹²³ «В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось, и книга, выросшая из поначалу задуманной небольшой статьи, получилась весьма компилятивной» (Наш современник. 2010. № 1).

¹²⁴ Для сведения главных редакций «Нашего современника» и «Известий». Инициатива неучастия СССР в Наблюдательном совете этого, как ни крути, замечательного учреждения принадлежит исключительно СССР, опасавшегося нежелательных для себя интернациональных усилий, дискуссий и прочих популозновых по открытию и советских архивов.

¹²⁵ Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. Избранные страницы из “дел” 20–30-х годов ВЧК–ОГПУ–НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина» (М.: Голос, 1995. С. 428).

¹²⁶ Их материалы публиковал «Вечерний Киев», которым тогда руководил В. Карпенко (Найман. Отрицатели Холокоста в Украине // Еврейский обозреватель (Киев). 2006. 24 января. Перелеч. в: <http://shoa.com.ua/php/content/view/155/9/>).

¹²⁷ Э. Ходос. Еврейский синдром. Харьков, 2001. С. 87–88. Этот жанр «Открытого письма Стивену Спилбергу» породил целый ряд подражаний.

¹²⁸ Еврейские вести. (Харьков). 1996. № 5–6.

- ¹²⁹ ВЕК. 2000. № 36. 24 сент.
- ¹³⁰ Персонал плюс (Киев). 2002. № 3. С. 7–8.
- ¹³¹ Персонал плюс (Киев). 2005. № 46. 16–22 ноября.
- ¹³² Персонал плюс (Киев). 2002. № 3. С. 10.
- ¹³³ Найман. Отрицатели Холокоста в Украине // Еврейский обозреватель (Киев). 2006. 24 января. Перепеч. в: <http://shoa.com.ua/php/content/view/155/9/>.
- ¹³⁴ Патриот Украины. 2002. № 14. 10 апр.
- ¹³⁵ Победителем стал марокканец Абдалла Деркави, который в качестве приза получил 12 тысяч долларов США.
- ¹³⁶ Для отрицателей Моттаки нашел следующее милое определение: «критики драматизации холокоста».
- ¹³⁷ Группу возглавил иранский профессор Мохаммад Али Рамин. В нее вошли: М. Ленуф, К. Линдекр, С. Тион, Ф. Тебен и Б. Шауб.
- ¹³⁸ Исследование Холокоста. Глобальное видение / Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года. М.: Алгоритм, 2007. 271 с.
- ¹³⁹ Некто «Фридрих Брукнер», не сумевший приехать на конференцию (ИХГВ. С. 46–89).
- ¹⁴⁰ Die «Holocaust-Konferenz» in Teheran: Wer waren die Teilnehmer? (<http://www.rosalux.de/cms/index.php?id-12603&type-0>).
- ¹⁴¹ В 1992 году он был осужден австрийским судом к 18 месяцам тюрьмы. Чтобы избежать наказания, переселился в Испанию. Автор книги «Freispruch für Hitler?», в которой он оспаривает существование газовых камер.
- ¹⁴² Адвокат и защитник Д. Ирвинга, недавно осужденного в Австрии.
- ¹⁴³ В прошлом функционер Куклуксклана, он и ныне является рупором белого расизма.
- ¹⁴⁴ Он представляется обыкновенным врачом-психиатром из Кельна, приехавшим в Тегеран для того лишь, чтобы хотя раз в жизни свободно поговорить о Холокосте, но умалчивает о том, что является функционером Националистической партии Германии.
- ¹⁴⁵ Бывший председатель Националистической партии Германии Г. Декерт был задержан в аэропорту Франкфурта-на-Майне и не прибыл на конференцию.
- ¹⁴⁶ Писатель. На конференции в Тегеране Ж. Тиль настаивал на том, что не было газовых камер.
- ¹⁴⁷ После возвращения из Тегерана его уволили с работы.
- ¹⁴⁸ Первый председатель Объединения за реабилитацию лиц, преследуемых за отрицание Холокоста («Verein zur Rehabilitierung der wegen des Bestreitens des Holocaust Verfolgten») и один из основателей правоэкстремистской Партии национально ориентированных швейцарцев (Partei national orientierter Schweizer). На конференции в Тегеране Б. Шауб удостоил похвалы министра юстиции Швейцарии Блохера, критиковавшего Закон об антирасизме 1995 года, предусматривающего ответственность и за отрицание Холокоста. В 2007 году Шауб был осужден к 80-дневному тюремному заключению за распространение листовки «Как было дело с Холокостом».
- ¹⁴⁹ Довольно неожиданно для многолетнего специалиста-ирианиста.

¹⁵⁰ Ср. впечатления отрицателя-швейцарца: *«Во-первых, Иран что угодно только не полицейское государство. Въезд в страну несложен. <...> Когда мы без предупреждения посетили Институт политических и международных исследований, чтобы получить предварительные разъяснения, с нами, людьми которых еще не знали, обращались с максимальной предупредительностью и провели в апартаменты Министерства иностранных дел так свободно, как туда никогда не смогли бы попасть у себя на родине граждане Германии или Швейцарии. Во-вторых, в Иране нет алкоголя и порнографии, этих двух наркотиков, которые мутят головы и чувства столь многим европейцам и ослабляют волю — и политическую тоже! Хотя все иранские женщины носят головные платки, но самых разнообразных форм, от монашески строгих до эстетических, исполненных достоинства, и бойких, характерных для больших городов. Женщины целиком включены в жизненные процессы, они работают и у них развито самосознание»* (ИХГВ. С. 264–265).

¹⁵¹ Материалы конференции, как уже отмечались, появились и на русском языке, но симптоматично, что доклад В. Надеина-Раевского — единственного русского участника конференции — в отобранные и подготовленные О. Платоновым «Матриалы...» не вошел!

¹⁵² Лесков С. Холокост выдумали евреи из России? // Известия. 12.12.2006.

¹⁵³ К ним, вероятно, можно присоединить и израильского публициста *Израеля Шамира*. Не ясно, был ли он на конференции физически, но его доклад был помещен в ИХГВ на почетном третьем месте. В докладе, в частности, написано: *«Иранское руководство пришло к заключению, что с этим синдикатом [СМИ], пока он находится в руках сионистов, нельзя договориться, нечего рассчитывать на мир — и перешло в атаку, нападая на самую глубинную, сакральную догму его контроля. Если эта догма рухнет, считает Ахмадинежад, рухнет и еврейское государство, «как рухнул Советский Союз». Но с обратным знаком: на месте СССР возникла Россия и другие республики, а на месте Израиля и оккупированной Палестины возникнет единое государство для всех его жителей без гегемонии самозваной титульной нации. А тогда никто не будет угрожать Ирану — ядерными бомбами или американскими налетами. Поэтому иранцы и проводят эту конференцию»* (ИХГВ. С. 45).

¹⁵⁴ Титул раввин не подлежит в Австрии никакого рода проверке, лицензированию или хотя бы регистрации.

¹⁵⁵ Венская община решительно дистанцировалась от М. Фридмана и заявила, что он никоим образом общину не представляет.

¹⁵⁶ Он, кстати, действительно пострадал за свои убеждения: от него ушла жена, возмущенная его поведением в Иране. М. Фридман узнал об этом тотчас же после возвращения в Вену.

¹⁵⁷ См.: Tagesblatt St. Gallen, 13.12.2006.

¹⁵⁸ Их в Иране около 25 тыс. чел.

¹⁵⁹ См.: <http://www.hagalil.com/01/de/Israel.php?itemid=329> (оригинал был опубликован 4.12.2006 на французском языке в газете «Монд»).

¹⁶⁰ Institute for Political & International Studies.

¹⁶¹ От их имени выступил посол Камеруна в Израиле Анри Этоанди Эссомба (Henri Etoundi Essomba).

¹⁶² «Der Holocaust im transnationalen Gedächtnis. Mechanismen und Intentionen von Holocaustleugnung und Antisemitismus — eine internationale Konferenz zu Befunden und Gegenstrategien». См. подробнее на сайте Центра политического образования: www.bpb.de/presse.

¹⁶³ http://www.bpb.de/presse/84LZ32,0,0,Er%F6ffnungsrede_zur_Konferenz_Der_Holocaust_im_transnationalen_Ged%E4chtnis.html.

¹⁶⁴ Связь отрицания Холокоста с легитимностью возникновения Израиля прекрасно понимают и палестинцы (Lipstadt, 1994. S. 31).

¹⁶⁵ См.: Кох А. Отрицание отрицания // КОХ, ПОЛЯН, 2008. С. 15–20.

¹⁶⁶ <http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid=1251145154805&pagename=JPArticle%2FShowFull>

¹⁶⁷ Курт Шумахер — лидер послевоенной немецкой социал-демократии.

¹⁶⁸ Цит. по: LEUKERT, 2005. S. 9.

¹⁶⁹ Уже тогда был озвучен тезис: демократию надо защищать не параграфами, а перевоспитанием и демократическими формами жизни.

¹⁷⁰ LEUKERT, 2005. S. 16–17.

¹⁷¹ Выйдя на свободу, Деккерт продолжил свои прежние старания, в результате чего в 1995 году он был вновь арестован и осужден, на этот раз к 5 годам тюрьмы. Выйдя на свободу в 2000 году, он и на этот раз не оставил любимого дела и продолжил карьеру в Немецкой национальной партии, став одним из ее лидеров. Но вскоре он оказался настолько правее своей специфической партии, что был исключен из нее в марте 2007 года.

¹⁷² Leukert, 2005. S. 28–38. Кроме того, в Германии «работает» и статья 130 Уголовного кодекса.

¹⁷³ См. соответствующий — правда, далеко не полный — обзор в: Leukert, 2005. S. 276–286.

¹⁷⁴ Вступил в силу с 30.3.1995.

¹⁷⁵ Вступил в силу с 19.7.1997.

¹⁷⁶ С 1998 г.

¹⁷⁷ Закон Гессо, запрещающий оспаривать выводы Нюрнбергского трибунала; введен 13.7.1990. В январе 2007 г. депутат Европарламента и заместитель председателя Народного Фронта Бруно Гольниш на основании этого закона был приговорен к 3 месяцам тюрьмы (условно) и 5000 евро штрафа за то, что предалаг открыть широкую дискуссию по вопросам о газовых камерах.

¹⁷⁸ Принят 25.9.1994, вступил в силу с 1.1.1995.

¹⁷⁹ А вот наказания за нацистскую пропаганду в Израиле, как это ни удивительно, нет. Столкновение с ней в случае юнцов-репатриантов из города Пехта-Тиква летом 2007 года застало израильскую правовую систему врасплох.

¹⁸⁰ С 1992 г.

¹⁸¹ В конце концов, и Рейтлингер — историк искусства, а Хильберг — юрист и политолог.

¹⁸² Создавать же собственные университеты или хотя бы новые и стабильные рабочие места усилиями собственной фан-среды они тоже не в состоянии.

¹⁸³ Кажется, первым в этом ряду был случай с Геттингенским университетом, в 1983 году отозвавшим кандидатскую степень у В. Штеглиха, полу-

ченную им в 1950-х годах. Иных отрицателей не допускают к защите диссертаций, как, например, Г. Рудольфа.

¹⁸⁴ Р.Н. 400 страниц антисемитизма. В Греции судят писателя, призванного депортировать евреев // Еврейская газета (Берлин). 2008. Январь. С. 2.

¹⁸⁵ Отрицатели, конечно, взялись бы отрицать и это. Но многие из тех, кого они записывают на свой счет, — классические приписки. Как, например, Г. Деккерт, осужденный на 5 лет в 1990 году. Закон, по которому его могли осудить именно за отрицательство, был принят только в 1994 года. К отрицателям не обязательно относятся и многочисленные пропагандисты национал-социализма, нередко сами пожилые люди.

¹⁸⁶ Gazeta.ru. 23.8.2007

¹⁸⁷ Документ без голосования поддержали 103 страны из 192 членов Генассамблеи. Против проголосовала одна страна: Иран.

¹⁸⁸ Lügen nach Auschwitz. Wie unsere europäischen Nachbarländer mit der Leugnung der Schoa umgehen // Jüdische Allgemeine. 2008. 17 Januar. S. 3.

¹⁸⁹ Обсуждение этого вопроса началось в 1996 году во время суда над Педро Валера, владельцем книжного магазина в Барселоне, распространявшим неонацистские материалы. (MIGnews.com. 10.11.2007). Против принятого решения протестует Союз еврейских общин Испании.

¹⁹⁰ В плане своей историко-географической замкнутости на Украину или даже на украинцев, оно остается и спорным, и оспариваемым. Соответствующий законопроект был отклонен парламентом.

¹⁹¹ Это, кстати, касается и самого Израиля. Имея почти союзнические отношения с Турцией, официальный Израиль предпочитает не высказываться относительно геноцида армян в 1915 году. Турция же необычайно чувствительна к любой критике на этот счет — как изнутри (сомнения в отсутствии геноцида армян внутри страны отслеживаются и преследуются), так и извне (реакция Турции на парламентские резолюции Франции и США, прямо и недвусмысленно осуждающие геноцид армян, была необычайно болезненной).

¹⁹² Носик, 2007.

¹⁹³ Согласно сообщению агентства «РИА Новости» от 19.1.2007.

¹⁹⁴ Носик, 2007.

¹⁹⁵ Цит. по перепечатке на русском языке: *Полный запрет отрицания Холокоста был бы большой ошибкой.* // Еврейское слово. М. 31.1.—6.2. 2007. С. 4.

¹⁹⁶ Того же мнения придерживается и Д. Липштадт.

¹⁹⁷ От: «Мы будем помнить» (иврит).

¹⁹⁸ Аналогичный арбитраж существует в естественных науках — при редакции журнала «Nature», и его решения пользуются общепризнанным авторитетом. У историков аналогичного органа нет, и, в силу большей политизированности, истории — быть не может.

¹⁹⁹ Теперешнее же судоговорение по поводу отрицателей Холокоста строится на совершенно ином принципе учета истории: суд заказывает независимым экспертам исторические заключения и справки, компетентность которых не распространяется за пределы конкретного разбирательства. Судопроизводство к тому же персонифицировано, и проблема как таковая играет в нем вспомогательную и подчиненную роль.

К ИСТОРИОГРАФИИ И РЕФЛЕКСИИ ХОЛОКОСТА В РОССИИ

Возвращение в тему: Россия и историографические парадоксы глобального исследования Холокоста

1

За последние десятилетия исследование Холокоста — еврейского этноцида — стало одним из ведущих направлений мировой исторической науки. Тысячи статей, сотни монографий, десятки специализированных научных и научно-мемориальных центров, среди которых общепризнанно ведущими являются Яд Вашем в Иерусалиме и Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне. Но трагическая издательская судьба «Черной книги» Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга не должна заслонять принципиального историографического значения этого труда: документирование и научное изучение Холокоста началось именно в СССР!

Началось — и почти сразу же, почти на пол-столетия, пресеклось.

В целом же в мировом движении по изучению Холокоста сложилось поразительное само по себе несоответствие: территория бывшего СССР, где было убито около половины всех жертв, занимала в нем на удивление скромное место, причем не только в исследовательских результатах, но и в исследовательском внимании. При этом если западных историков еще можно было упрекнуть во фрагментарности и поверхностности, то историкам советским попенять было совершенно не за что: до 1990 года в СССР не появилось хотя бы одной статьи!

Простые, казалось бы, объяснения всему этому — «железный занавес», Холодная война, табуизирование темы в СССР, незнание русского языка западными исследователями или недоступность для них (а точнее для всех) советских архивов — необходимо дополнить еще одним фактором: географическим происхождением тех европейских евреев, что находились под гитлеровским сапогом и все-таки пережили Холокост. То были, в основном, немецкие, западноевропейские, польские и румынские евреи. Именно они сформировали основной корпус мемуарных источников о Холокосте, из их среды выкристаллизовывался и круг еврейских историков, писавших тогда о Холокосте. Выходцев из СССР среди них практически не было,

отчего незримая граница между исследованным и неисследованным проходила все по той же «линии Керзона», что отделяла до сентября 1939 года Польшу от СССР.

Новейшие западные авторы ориентировались на другие пласты архивных источников, их это уже не смущало. Однако их интерес к тому, что происходило с евреями на оккупированных территориях СССР, определился сравнительно недавно, в 1990-е годы, когда аналогичный интерес пробудился и окреп и на просторах самого бывшего СССР. Этот исследовательский перекокс несколько выправляется со становлением московского Научно-просветительского центра «Холокост» как первого специализированного исследовательского учреждения в России в этой области¹.

Оставляя в стороне неоценимую просветительскую и образовательную деятельность фонда, его неустанную работу с ветеранами войны и теми, кто пережил Холокост, особо отмечу собирательскую деятельность фонда, быстрое и целенаправленное формирование им своего архива. Действовать ему приходилось в условиях жесткой глобальной конкуренции: эмиссары Яд-Вашема, Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне и других лидеров этой сцены, концентрируя свое внимание на формировании копийного фонда материалов по шоа-иудаике из бывших советских архивов, никогда не проходили мимо каких бы то ни было «оригиналов». Тем не менее в фондах архива московского Центра «Холокост» сегодня — более тысячи подлинников писем, дневников и фотографий, как, впрочем, и множество копийного материала.

Но самое главное: центр активен не только в собирании, но и в осмыслении и публикации своих материалов. На его послужном счету — серия «Российская библиотека Холокоста», множество внесерийных изданий, как, например, сборник еврейских писем военного времени² или сборник материалов, посвященных восстанию в Собиборе. Венцом научной и издательской деятельности Центра является энциклопедический справочник по Холокосту на территории бывшего СССР³.

2

Научный потенциал Центра «Холокост» был продемонстрирован выходом книги Ильи Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.»⁴ Автор успешно сочетает в книге собственные наработки, особенно связанные с Холокостом на территории РСФСР, с обобщением и систематизацией того, что сделали его коллеги. Источниковедческая база исследований Холокоста на постсоветском пространстве это, во-первых, различные столичные, региональные и ведомственные архивы, нередко содержащие и интереснейшие

коллекции оккупационных газет и трофейных документов военного времени, а во-вторых, — коллекции письменных и устных воспоминаний, семейных архивов жертв Холокоста и тому подобных материалов, собиранием которых государственные архивы ранее попросту не занимались.

Структурно книга состоит из введения и пяти неравновеликих глав. Во введении характеризуется историография и источниковедческая база вопроса, и прежде всего (в чем ее особенная ценность) — русскоязычная. Первая глава посвящена бесчеловечному режиму, установленному нацистами на оккупированной территории СССР и их политике по отношению к евреям. Вторая — проблематике гетто, взятой во всей целокупности: их организации, классификации, описанию особенностей гетто в различных регионах, юденратам, принудительному труду, ликвидации гетто. Третья — Холокосту как единому процессу: его замыслу, ходу и итогам (при этом он выделил как бы три региона — Прибалтику и Белоруссию, Россию и Крым и Украину и Молдавию). Четвертая глава посвящена еврейскому сопротивлению, как невооруженному, так и вооруженному, включая партизанское движение. И, наконец, пятая посвящена проблеме «Общество и Холокост». Она последовательно охватывает концентрические круги отношения к проблеме истребления евреев наверху, в Кремле, в советском обществе и, наконец, в широких кругах населения.

Очерк оккупационной политики Германии, данный в первой главе, не ограничивается Холокостом, но как бы подводит к нему: он охватывает репрессии против мирного населения в целом, ограничения прав и свобод, уничтожение цыган и советских военнопленных (жаль, что проблематике угона мирного населения уделено так мало внимания и места — всего один абзац: это была грандиозная операция, и среди миллионов угнанных были сотни, а может быть и тысячи евреев, скрывших свою национальную идентичность и спасшихся таким образом в самом логове своего заклятого врага — в Германии). При этом центральное место в главе занимает характеристика антисемитской пропаганды и, в частности, в периодической печати на оккупированной территории, а также вопросы социально-правового статуса евреев. Распространив свой анализ не только на «легальную» немецкую печать, но и на «нелегальные» издания украинских, литовских и польских националистов, Альтман выявил в общей сложности около 6000 антисемитских публикаций, чаще всего именных, авторских. Интересно то наблюдение, что накануне оставления немцами той или иной территории отмечался заметный всплеск антисемитской пропаганды (как, впрочем, и ускорение ликвидации евреев, если они еще не были уничтожены).

Распространение на оккупированные территории «Нюрнбергских законов» выводило евреев за рамки какого бы то ни было правового поля. При этом даже нюансировка этих законов игнорировалась, и в результате различные полукровки и «мешанцы» де-факто приравнивались к собственно евреям, а с ними и не-еврейские супруги еврейских супругов (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Все потенциальные евреи подлежали обособленной регистрации, идентификации и маркировке с помощью удостоверений («аусвайсов») и различных нашивок, латок и повязок (поражает редкостное разнообразие форм и цветов этих атрибутов). *«Если основными целями регистрации “арийского” населения являлось выяснение вопроса о необходимости продовольственного снабжения и установления трудоспособных, то учет евреев носил откровенно карательный характер»*⁵. Он прямо служил целям предварительной селекции, то есть являлся фундаментальной предпосылкой, а точнее — фазой уничтожения евреев. Наряду с функцией обособления от «арийцев», существовала еще и внутренняя селекция: так, в Слониме удостоверениями различного цвета «полезные евреи» (сотрудники и служащие юденрата, полицейские, ремесленники и врачи) отделялись от «менее полезных» (все прочие трудоспособные) и вовсе от «беспольных» (старики, больные, нетрудоспособные, интеллигенты).

Следующей фазой было ограничение евреев в свободе передвижения и их изоляция, то есть принудительное переселение и сосредоточение в гетто, неизбежно сопровождавшиеся контрибуциями и другими формами грабежа их имущества. Плотность проживания и санитарные условия в гетто были ужасающими, питание, по сравнению с «арийцами», полагалось в половинном размере. Для евреев было создано и особое трудовое законодательство: если из остальных местных жителей обязательной трудовой повинности подлежали трудоспособные в возрасте от 18 до 50 лет, то среди евреев — от 16 (а иногда и от 14 или 12 лет) до 55 или 60 лет, причем им присваивался самый низкооплачиваемый тариф. Евреи привлекались к самым тяжелым, а нередко и к бесцельным, откровенно издевательским работам, таким, например, как чистка отхожих мест руками. Религиозная еврейская обрядность преследовалась, судебной защиты не было никакой, браки и половые контакты с «арийцами» категорически запрещались (а с лета 1942 года вводился запрет на деторождение). Школы для уже родившихся и еще не убитых еврейских детей не разрешались (евреев-детдомовцев или переселяли в гетто или, если гетто поблизости не было, расстреливали). Условия существования евреев были бесчеловечными и непосильным, а бесправие абсолютным, и И. Альтман совершенно прав, когда предлагает рассматривать Холокост на территории бывшего СССР как комплексное явление,

вобравшие в себя, кроме геноцида (убийства) евреев, еще и их бесчеловечный «статус» при жизни.

Вторая глава посвящена проблематике гетто как основной формы и среды жизни (все-таки жизни!) евреев — их основанию, юденратам, повседневной жизни, организации принудительного труда и ликвидации. И. Альгман уделяет большое внимание терминологии и типологии гетто, различая «открытые», «закрытые» (то есть огороженные по периметру) и «транзитные» гетто, «рабочие» и «концентрационные» лагеря. Все эти вопросы, очевидно, еще будут не раз обсуждаться: ведь строгой и однозначной дефиниции гетто до сих пор не существует. К сожалению, он не предложил названия и тем временным — и последним! — пристанищам, куда евреев привозили из «открытых» гетто и где их содержали (иногда и по несколько недель) непосредственно перед ликвидацией (в тексте впрочем, встречается расплывчатое понятие «места временного содержания»). Возражение вызывает и не вполне критическое применение термина «концентрационный лагерь», самого по себе достаточно определенного⁶.

Гетто создавались отнюдь не в каждом населенном пункте, где проживали евреи, а лишь в городах, селах-райцентрах и местечках вблизи железных дорог. Помимо евреев, непосредственно проживавших в этих поселениях, в них сгоняли и жителей соответствующих сельских районов, но не всех, а только «полезных», то есть ремесленников с семьями (остальных к этому времени, как правило, уже не было в живых). Попадали в гетто и беженцы из западных районов, а в исключительных случаях — добавим от себя — и военнопленные.

Феномен «транзитных» гетто сравнительно редок, они отмечены лишь в Западной Белоруссии (присоединенный к Рейху округ Белосток) и в румынской оккупационной зоне (например, Доманевка и Богдановка в Одесской области). После того, как 8 июля 1941 года Антонеску приказал очистить новоприсоединенные провинции «Бессарабия» и «Буковина» от советизированных евреев, последних стали концентрировать в крупных гетто (Кишинев, Черновцы, Рыбница и др.), но на сравнительно короткое время (до сентября–октября), после чего депортировали за Прут и Днестр, «приселяя» к прочим обитателям гетто в румынской оккупационной зоне. Обитателям же Черновицкого гетто повезло: большинство из них не только не было депортировано, но и дожило до освобождения.

За период с июля 1941 года по январь 1942 года из двух указанных провинций было депортировано в Транснистрию 125 тыс. чел., а всего в ней оказалось около 195 тыс. евреев, из которых подавляющее большинство составляли депортированные, в том числе 120 тыс. из Бессарабии и Одесской обл., 55 тыс. из Буковины, 20 тыс. местных евреев и бежавших из немецкой зоны оккупации, по сравнению с которой

румьинская зона казалась раем⁷. Аналогичный случай произошел в 30-тысячном гетто г. Каменец-Подольска, основанном 20 июля 1941 года и распущенном только в феврале 1943 года. К 14 тыс. местных евреев добавилось 11 тыс. евреев из Венгрии, точнее, тех, кто бежал в Венгрию из Чехословакии и Польши.

Уникально Минское гетто, созданное 19 июля 1941 года, просуществовавшее 27 месяцев и по максимальной численности своего населения (около 80 тыс. чел.) уступавшее только Львовскому. Здесь были сконцентрированы не только минские евреи, но и беженцы из западных районов Белоруссии, а с ноября 1941 года — и 7 тыс. западноевропейских евреев из Германии, Австрии и Чехословакии, размещавшиеся в обособленном районе на территории гетто — так называемом «зондергетто» (здесь их, как правило, уничтожали; всего через Минское гетто прошло около 20 тыс. западноевропейских евреев). Впрочем, к августу 1942 года в Минском гетто оставалось всего 6500 обитателей, из них 2100 западноевропейских евреев. Как отмечает И. Альтман, в Белоруссии сильнее, чем где бы то ни было, проявилась тенденция к концентрации евреев в крупных и средних городах: в определенные гетто переселялись евреи не только из сельской местности, но и целые общины в несколько сот человек (при этом не только «полезные» специалисты, но и все остальные) из малых городов. В так называемый «еврейский город» (Judenstadt) в Пружанах было переселено около 6500 евреев из 14 городов, в том числе 4500 из Белостока. Весной 1942 года в район Новогрудка переселили порядка 5500 чел., а в гетто Глубокое были направлены евреи из 42 местечек, сел и деревень. Отметим, что часть евреев из округа Белосток была депортирована в лагеря уничтожения на территории Польши; в то же время часть польских евреев выселялась на восток, в Белоруссию, в район Бобруйска и Могилева, где для них были созданы транзитные лагеря. Чем руководствовались немцы, принимая то или иное решение, остается загадкой.

Начиная с ноября 1941 года, евреи из Западной Европы направлялись, кроме Минска, также во Львов, Каунас и Ригу. В Риге для них было создано отдельное гетто (так называемое «второе гетто»), через которое прошло в общей сложности 25 тыс. евреев из других стран, в том числе и из нейтральных. Спустя два года, в ноябре 1943 года, уцелевших «рижских» иностранцев перевели в концлагерь Кайзервальд (Саласпилс)⁸, а оттуда — в различные рабочие и трудовые команды, в том числе и на территории РСФСР. В отличие от других городов, Каунас никогда не представлял для западноевропейцев «услуг» своего гетто: их привозили в так называемый IX Форт исключительно и непосредственно для уничтожения.

В общей сложности И. Альтман насчитал на оккупированной территории бывшего СССР как минимум 822 гетто. Подавляющее их большинство, особенно в оперативной зоне вермахта, быстро создавались и весьма недолго существовали (от нескольких дней до нескольких недель или месяцев), служа лишь нуждам заминки перед неминуемой смертью. Лишь 25 «закрытых» гетто в немецкой зоне оккупации просуществовали от 11 до 27 месяцев, но самыми «долгоиграющими» были гетто в румынской зоне оккупации. Можно сказать, что шансы евреев на выживание в зоне гражданского управления были гораздо выше, чем в оперативной зоне вермахта, причем выше всего они были на Буковине и в румынской оккупационной зоне, где уцелело и дождалось освобождения заметное большинство советских евреев, избежавших ликвидации.

Третья глава книги И. Альтмана посвящена замыслу, ходу и итогам Холокоста в СССР. Рассказав о возникновении и эволюции самой идеи геноцида евреев и о его непосредственных немецких и румынских исполнителях, а также об их украинских, белорусских, русских и прибалтийских пособниках, он выдвигает следующую периодизацию Холокоста: а) 22 июня 1941 (нападение на СССР) — январь 1942 (Ваннзейская конференция); б) февраль 1942 — осень 1943 (ликвидация гетто и рабочих лагерей в немецких зонах оккупации) и в) зима 1943/1944 — осень 1944 (перевод уцелевших евреев в концлагеря и полное освобождение оккупированной территории СССР). На первом этапе ключевыми являются следующие две вехи: 2 июля 1941 года, когда Геринг поручил Гейдриху подготовить план решения еврейского вопроса, и конец лета — начало осени 1941 года, когда истребление женщин и детей становится повсеместным; в то же время уничтожение евреев в румынской оккупационной зоне прекратилось. На втором этапе решающим стало второе полугодие 1942 года, когда евреи были полностью ликвидированы на территории РСФСР и по большей части — на территории Украины и Белоруссии. На третьем этапе особое значение имеет весна 1944 года, принесящая освобождение десяткам тысяч евреев в Транснистрию.

Эти этапы автор использует при региональной характеристике Холокоста, анализируя его хронологию, «технологию», статистику и другие аспекты. Согласно итоговым оценкам, приведенным в книге⁹, всего на оккупированной территории бывшего СССР было уничтожено от 2805 до 2838 тыс. евреев (без учета военнопленных). Почти половина из них (1430 тыс.) погибла на Украине, далее следуют Белоруссия — 810 тыс., Литва — 215–220 тыс., Россия (с Крымом) — 144–170 тыс., Молдавия — 130 тыс., Латвия — 75–77 тыс. и, наконец, Эстония — 1 тыс. чел.

В этой статистике не учтены расстрелянные евреи-военнопленные — единственная составляющая Холокоста, которая рассмотрена в книге экстерриториально и относительно которой автор, вопреки своему хорошему обыкновению, даже не попытался самостоятельно оценить и, где можно, откорректировать имеющиеся данные. И дело тут как нам представляется, не только в скудости самих данных, но и в определенной принципиальной недооценке этого компонента геноцида. Селекция и экзекуция советских военнопленных началась буквально в первые же дни войны, то есть одновременно с убийствами мирных евреев в Галиции и Литве, но если погромы, скажем, в Паланге, Кретинге, Львове или Белостоке были, отчасти, инициативой и делом рук местных националистов, то первыми палачами советских военнопленных-евреев была уже непосредственно немецкая армия (СД подключилась к этому процессу позднее)¹⁰. Тем самым селекцию и казни военнопленных правомерно квалифицировать как непосредственное начало Холокоста на советской земле как системы. И уже в силу этого одного в такой суммирующей монографии, как книга И. Альтмана, военнопленные заслуживали бы определенно большего к себе внимания¹¹.

Характеризуя еврейское сопротивление Холокосту, автор различает и описывает моральное и физическое, индивидуальное и групповое, невооруженное и вооруженное сопротивление. Несмотря на жестокость подавления восстаний и вообще любых форм сопротивления или даже непослушания в гетто, именно сопротивление и, в особенности, участие в партизанском движении стало для многих евреев реальной возможностью не только мстить фашистам за их преступления, но и шансом на спасение своей жизни. Различные оценки числа евреев-партизан колеблются, согласно И. Альтману, от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек.

Очень сильна заключительная глава, посвященная рефлексии советского государства на нацистскую политику по отношению к евреям, выливающаяся в беспрецедентную по своим масштабам трагедию еврейских сограждан. Эта тема непосредственно соприкасается с проблематикой государственного советского антисемитизма, которую в последние годы успешно разрабатывает Г. В. Костырченко.

После скоординированного нападения на Польшу в сентябре 1939 года немцы не препятствовали бегству евреев из оккупированной ими западной части страны на восток, в результате десятки тысяч уже в сентябре-октябре оказались на советской стороне. То несвоевременное обстоятельство, что 29 июня 1940 года 76 тыс. таких беженцев депортировали в Западную Сибирь (85 % из них были евреями), в сущности, спасло им жизнь. Но, начиная с ноября 1939 года, СССР практически перестал пускать аналогичных беженцев, хотя, в Крем-

ле, заметим, были неплохо информированы о положении евреев в оккупированной Польше (другое дело, что в период любви и дружбы с Германией этой информации никакого ходу не было). Гораздо менее известно «дружеское предложение» одного заклятого союзника другому — немецкого советскому — принять под свое крыло и на свой кошт пару миллионов скопившихся под занесенным немецким сапогом и копошащихся под ним не без ужаса еврейчиков¹².

После 22 июня 1941 года советской стороне пришлось как-то реагировать на проявления Холокоста уже на своей земле. И уже 25 июня партийный босс Белоруссии П. К. Пономаренко отреагировал на них так: «*Их <евреев. — П. П.> объял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы — бегство*». Приходится констатировать, что СССР-интернационалист палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то уменьшить последствия немецкого национал-социализма для советских евреев. Хуже он того, он перекрыл правдивую информацию об этом: первое широкое оповещение населения — радиомитинг еврейской общественности — состоялось только 24 августа 1941 года, когда под оккупацией уже находились многие сотни тысяч евреев.

Будь евреи предупреждены — они бы энергичней эвакуировались или хотя бы бежали сами. Но как группа евреи не относились к числу контингентов, подлежащих первоочередной эвакуации (советские, партийные, военные и чекистские работники, квалифицированные рабочие и члены их семей). Тем не менее среди почти 10 млн эвакуированных к концу 1941 года доля евреев составляла более четверти! Это, конечно, необычайно много по сравнению с долей евреев в населении и — чрезвычайно мало по сравнению с их долей среди погибших на оккупированной территории мирных жителей! Информация об этих жертвах и об антисемитской специфике немецких преступлений почти не попадала в эфир и на газетные полосы, а в марте 1943 года — в официальном сообщении о зверствах в Ростове, помещенном в «Правде», — была впервые применена долгоиграющая форма этого замалчивания: вполне конкретные «евреи» были заменены абстрактными «мирными советскими гражданами» (или, если речь заходила об Освенциме или Майданеке, то видоизменялся и эвфемизм, — «мирными гражданами государств Европы»).

И. Альтман честно и документировано показывает тот бытовой антисемитизм, которым в годы войны с нацизмом был заражен и СССР: его проявления можно было встретить и в ЦК ВКП(б), и у творческой интеллигенции, и в партизанском движении, и у самого населения оккупированных территорий, особенно тех, что были аннексированы в 1939–1940 гг., но и у жителей глубокого тыла тоже.

Так, в сообщении зам. наркома НКВД И. А. Серова из Саратова в Москву наркому Л. П. Берия о ходе депортации из Поволжья со-

ветских немцев, переданном по ВЧ и датированном не ранее 8 сентября 1941 года, приводятся такие «отклики» местного русского населения: *«За последние дни, в связи с выселением немцев и большим наплывом евреев в гг. Саратов и Сталинград, среди рабочих усилились антисемитские высказывания, наиболее характерные из них: “Вместе с немцами надо бы скорей и евреев выселять, чтобы они своим поведением не смущали русских”. “Евреи не хотят работать, болтаются в городе, вводят всевозможные антисоветские разговоры. — Шофер Саратовского обкома ВКП(б) ПОЛЯКОВ”. “Я считаю, что немцы менее опасны, чем евреи, это продажные шкуры, они за родину драться не хотят, у всех горы денег. Подняли цены на рынке, что дальше некуда. Вот их и надо выселять. Евреи за деньги продадут и предадут кого угодно. — Техник НОВОСЕЛОВ”»*¹³. Впрочем, тов. Полякову и тов. Новоселову было, вероятно, невдомек, что в программу самого серьезного борца против советской власти в Чечне в 1942–1944 гг. Хасана Исраилова-Терлоева входила депортация с Кавказа и евреев, и русских¹⁴.

Антисемитизм давал себя знать не только в провинции, но и в столице. Такой специфический свидетель как Давид Заславский склонен был объяснять его немецкими происками: *«Фашисты работают и в Москве. Ходит отвратительный слух о ритуальном убийстве, — будто бы изблещили какую-то еврейскую женщину в том, что она убила мальчика и делала из него котлеты. Об этом говорят и шепчутся все старушки разного возраста. Евреи встревожены. Вариант этой истории — передавал Баратов — будто не еврейская женщина, а вообще, какая-то ненормальная, резала пятилетних ребят и изготавливала из них котлеты. Дело Бейлиса теперь не выйдет, но вся история сигнализирует о том, как быстро распространяются слухи, как нервничают они публику и как работают в самой Москве фашистские агенты»*¹⁵.

В наименьшей степени антисемитской была Красная армия; политическая цензура темы Холокоста началась в ней только на уровне штаба фронта — все донесения нижестоящего уровня были точны и правдивы, в частности, в плане указания национальности жертв немецких преступлений.

Тем не менее тема еврейского геноцида — являвшаяся одной из реальных доминант немецкого оккупационного режима — не проходила незамеченной очевидцами и летописцами первичных событий, к какой бы национальности они сами ни принадлежали¹⁶.

Немалой «популярностью» в СССР пользовался тезис о самоответственности евреев за события Холокоста. Та идея, что евреи сами виноваты в том, что с ними произошло, находила себе отклик и выражение также и в еврейских головах, причем в весьма информированных. Вот выдержка из дневника журналиста Давида Заславского¹⁷ о харьковских евреях (запись сделана 12 декабря 1943 года — вскоре

после казни немецких военных преступников, осужденных на Харьковском показательном процессе):

«Мы смотрели те места, где в декабре–январе 1941–1943 гг. жили, а потом были зверски уничтожены все евреи Харькова. Это — бараки за Тракторным заводом и Добрицкий Яр.

За Тракторным заводом, за его поселком открывается ровная пустая степь. Ее пересекает железная дорога и шоссе. С правой стороны шоссе среди кукурузного поля стоят рядами белые бараки. Они видны издали, но только подъехав вплотную к ним, видишь, что часть бараков сожжена и остались только печные трубы, полуразрушенные. Бараки расположены по обе стороны линии железной дороги. Они были обнесены колючей проволокой, которая местами сохранилась. Нет кругом ни сада, ни служебных строений. Длинные одинаковые бараки поднимаются среди поля, где теперь остались сухие стебли кукурузы и густой репейник.

Сюда в декабре немцы пригнали всех евреев Харькова. Их собрали в городе в одном месте и гнали через весь город. Пустая колонна двигалась весь день, до шести часов вечера, когда по приказу немцев прекращалось всякое движение в городе. Евреи в сильнейший мороз провели ночь на снегу под морозом, и когда утром колонны снова двинулись в путь, на месте остались трупы замерзших людей.

До бараков 8 километров. Прямое шоссе идет вдоль заводов ХЭМЗ, Турбогенераторный, ХТЗ, Станколит. Евреи, по-видимому, несли с собой кое-какое домашнее имущество, потому что на месте, где стояли сожженные бараки, валяются поныне керосинки, чайники, горшки.

В бараках были окна, застекленные и на скорую руку зарешеченные колючей проволокой. Немцы-солдаты выбивали стекла и разрушали печи. Это показывает, что евреев привели сюда не для того, чтобы они жили здесь, как в гетто. Это были рассчитанные попытки перед задуманной смертью.

На стенах двух бараков уцелела немецкая надпись: Ауффганлагер — Урсула. Неподалеку от деревянных побеленных бараков находятся две большие каменные казармы. В них разместилась немецкая стража.

На участке бараков нет водопровода, нет уборных. По рассказам, в первые дни заключенных евреев пускали за водой в расположенные через шоссе здания Станколита. Потом запретили выходить из лагеря, и евреи могли только собирать и растапливать снег. Воду выдавали по одной кружке в день.

В стороне от бараков валяются груды железных коек, — большей частью исковерканных, изломанных: койки всякого рода, — и казарменного и домашнего, квартирному, с остатками шпичечек на никелированных спинках. Трудно думать, чтобы евреи могли с собой приносить

койки и кровати. Вернее всего, это осталось от прежних жителей бараков, рабочих и их семей. Прежний комендант этих бараков остался комендантом и при немцах. Он участвовал в ограблении евреев, у которых немцы отнимали верхнее платье, всякие сохранившиеся ценные вещи и т.п.

В бараках не было никакой мебели, не было нар. Кое-где они сохранились в таком виде, в каком были до роковых дней. Совершенно пустые комнаты с разваленными печами, на полу — солома — вдоль стен. На ней лежали люди, замерзая от холода, — мертвые вместе с живыми. Тут были и дети, — от них остались игрушки, расчески. Елена Кононенко¹⁸ видела крохотный эмалированный детский горшочек. Он всего больше поразил ее воображение.

Мы ходили по листам толя, среди обгоревших стен, среди мусора. Картина была печальна. Лебедев показывал остатки лагеря как коллекцию картин. Но это было еще не самое ужасное из того, что происходило. Когда мы вернулись домой, А. Н. Толстой рассказывал, что уже впоследствии, после расследования его комиссии, раскрылось новое злодеяние немцев. Сюда душегубки привозили отравленных газами, их сваливали в бараках и бараки поджигали. Картина этого мне не ясна, она, видимо, выяснится полностью на процессе.

Мы поехали дальше по шоссе. Этой дорогой евреев выводили на место казни. Километрах в трех от бараков шоссе немного снижается. С левой стороны виден разветвляющийся овраг с пологими склонами. Он с высоты шоссе кажется совсем не глубоким и как будто виден насквозь. Но когда идешь по дороге вниз, он становится все глубже, а склоны круче. Долина сужается. Яр — совершенно голый, нет ни одного дерева. Летом он был покрыт густой зеленью. Теперь серо-желтая сухая трава усиливала его тяжелый мрачный колорит.

Евреев вели несколько сот метров по дороге, которая сверху не видна. Их вели партиями в несколько сот человек. Затем останавливали и приказывали раздеться догола. Голых гнали дальше до второго отрога в овраге. Этот отрог довольно круто подымается кверху. Он узок — два или три десятка метров. Тут была вырыта большая яма. Евреев убивали из автоматов. Не знаю, сталкивали их в яму или приказывали ложиться лицами вниз. Трупы громоздились на трупы.

Могила означает теперь рыхлой землей, набросанной на полметра над трупами. Так как закапывали небрежно, то и поныне остались следы. Человеческие кости, вставные челюсти, пуговицы, остатки гребня, монеты. Земля оседает. Весной ее размоют дожди и тогда обнажатся остатки трупов.

Вот все.

Статистика жертв неточна. Никто трупов не подсчитывал и не мог подсчитать. Исходят из примерных подсчетов, на основании под-

счета остатков во вскрытых участках. Комиссия Толстого называет в общем до 17 тысяч уничтоженных евреев. По другим данным, — если рассказ можно назвать данными, до 20 тысяч. Я в этих цифрах сомневаюсь.

Что достоверно? То, что уничтожены полностью все евреи, находившиеся в Харькове зимой 1941 года. По данным Харьковской городской управы, их было 10 271 человек. При этом статистический отдел специально оговаривает: данные о других национальностях приближительны, — вернее, предварительны. Об евреях — окончательны и точны. Этому можно поверить. Евреев немцы регистрировали очень точно, и вряд ли большому количеству удалось укрыться от учета. Данные о населении по национальностям находятся в февральском выпуске статистического бюллетеня, больше никогда в течение года данных по национальностям не было. А сказано, что данные в февральском выпуске исчислены на 1 февраля 1942 года. К этому времени евреев в Харькове уже не было никаких. Новые не могли появиться. Были, по-видимому, какие-то “нюцлихе иуден”, но они исчислялись, если и были, единицами. Вернее, их совсем не было. Стало быть, 10 271 еврей — это последний список евреев, находившихся в Харькове при немцах.

Могло ли увеличиться это число после составления списка? Сомнительно. Общая тенденция в движении населения после прихода немцев — это бегство из города. Допустимо, что некоторое небольшое число могло прибыть из сел и небольших городов вокруг Харькова. Зато несомненно, что несравненно большее число из этих 10 тысяч были уничтожены еще до общего расстрела, а часть умерла от болезней и голода.

Во всяком случае, 10 тысяч это единственно точная ориентировочная цифра. Евреев могло быть немного больше или немного меньше 10 тысяч. Неоткуда было взяться 17 или 20 тысячам. Правда, немцы к евреям присоединяли и «полуевреев», то есть в иных случаях детей от смешанных браков, но и это не могло дать значительного превышения над 10 тысячами.

Кто эти евреи? Этого мы никогда не узнаем. Среди них есть такие, которые не могли уехать из-за болезней, не могли двигаться, не попали почему-либо в эшелоны. Надо отметить, что евреев сажали в эшелоны при эвакуации предпочтительно перед другими, потому что евреев оставить при немцах значило погибнуть наверняка. Не подлежит сомнению, что часть евреев осталась добровольно, веря, по-видимому, в то, что немцы не всех убивают. Часть не хотела расстаться со своими вещами, со своей квартирой. Можно думать, что среди оставшихся были мелкие ремесленники, которые рассчитывали на то, что проживут ремеслом и при немцах, бывшие торгаши, не примирившиеся советскими порядками и верившие в то, что немецкие жестокости

как-нибудь пройдут, а капиталистические порядки останутся. Слухи о немецких зверствах эти евреи принимали, вероятно, за “пропаганду”. Старые евреи-торговцы, вероятно, помнили время немецкой оккупации 1918–1919 гг., когда немцы относились к евреям не только терпимо, а даже покровительственно. Как бы то ни было, эти евреи жестоко расплатились за свое легковерие. Они не хотели принять серьезно предостережение, которое делалось советской печатью, раскрывшей зверства немцев... К тому же поголовные истребления евреев начались только в оккупированных советских районах. До того немцы ограничивались организацией гетто. Евреи, оставшиеся в Харькове, допускали, что их переселят в гетто и подвергнут унижениям. Они не думали о поголовном истреблении. А часть из них предпочитала унижения при немцах, но с торговлей, с восстановлением старых нравов, с синагогой и т. п. Может быть, до них доходили слухи о том, что евреи все же живут и торгуют в Германии, в Польше. Они готовы были претерпеть лишения, но оказаться снова в атмосфере буржуазного порядка и вольной наживы. Были среди них, конечно, и такие, которые претерпели от советской власти, затаили глубоко в душе ненависть и лично для себя не делали большой разницы между немцами и большевиками. Наконец, могли быть и эвакуированные из Белоруссии, Западной Украины, которые рассчитывали теперь вернуться к себе домой, исходя из того, что немцы и война это зло временное, и сносная жизнь как-нибудь наладится, хотя бы и с унижениями, но ведь и к унижениям эти евреи привыкли.

Все это предположения. А несомненно то, что погибшие составляли самую неустойчивую, наименее достойную часть советского еврейства, — часть, всего более лишенную и личного, и национального достоинства. Еврей, который по тем или иным причинам остался при немцах и не покончил с собой, сам приговорил себя к смерти. И если он еще к тому же из личных выгод оставил при себе детей, обрекши и их на смерть, он предатель.

Это были мои мысли на обратном пути от страшной могилы. Я думал не столько о немцах, сколько об евреях»¹⁹.

И. Альтман полагает, что одним из решающих внутривнутриполитических факторов того, что упоминания о Холокосте дозировались и подвергались цензуре, были сталинские тотальные депортации народов. Они подставляли СССР под аналогию с Третьим рейхом по признаку наказания за «коллективную вину». Да и справедливых упреков в том, что для спасения сограждан-евреев ничего специального не было предпринято, — тоже хотелось бы избежать. Но И. Альтман при этом не забывает указать и на качественную разницу между советским и гитлеровским антисемитизмом.

Когда война закончилась, то запрету подверглась и сама память о Холокосте, ее увековечение. Сколь повсеместен был Холокост на оккупированных землях — можно не напоминать, но в одном лишь Минске после войны появился памятник, рассказывающий об этом и с надписью на идише. В Невеле приказали 6-конечную звезду на памятнике «обрезать» в 5-конечную. Наказуемой оказалась даже сама инициатива создания памятников евреям-жертвам нацизма: ученый-изобретатель В. Фундатор, один из создателей знаменитого танка Т-34, лишился работы из-за намерения установить памятный знак в белорусском местечке Червень, а семеро вознамерившихся создать памятник в Одессе получили по 8–10 лет лагерей за создание «анти-советской и националистической организации». В 1948 году был убит Михоэлс и было окончательно отказано в издании «Черной книги», в 1949 — закрыли Еврейский музей в Вильнюсе. Призрак «космополитизма» соткался в Кремле и обволок всю страну, и оставшиеся в живых евреи пополнили собой позорный список жертв не одной, а двух диктатур.

И только после крушения СССР ситуация на постсоветском пространстве радикально изменилась: самой опасной разновидности антисемитизма — государственного — в явной форме здесь больше не существует (на смену ему, правда, пришел антисемитизм частный, «приватизированный», в том числе исходящий и со стороны отдельных госчиновников, но представляющий все-таки их личную позицию). Во множестве мест возникли мемориалы жертвам Холокоста, на их открытии, как правило, присутствовали и произносили речи высшие лица соответствующих государств и регионов, нередко на торжества приезжали высокие гости из Израиля. Так, во время посещения Киева президентом Израиля М. Кацавом в 2001 году была открыта мемориальная доска в Бабьем Яру. Другой пример такого рода — открытие 12 августа 2004 года на Донском кладбище в Москве мемориала репрессированным руководителям и членам Еврейского антифашистского комитета.

Книга И. Альгмана «Жертвы ненависти» венчает его многолетние труды. Она не только закрепляет его в качестве ведущего специалиста по Холокосту на постсоветском пространстве, но и выдвигает в ряд ведущих исследователей этой проблемы в целом. Он не только вводит в мировой научный оборот множество неизвестных или крайне мало известных фактов и источников, как, например, оккупационные газеты, но и приводит их в определенное соответствие и систему. Спокойно и последовательно он разбирает и советские идеологические мифологемы-подлоги, с которыми так не хотят расстаться и сегодняшние антисемиты-энтузиасты (лишив их прямой координации

и поддержки, государство в то же время и не преследует их даже тогда, когда они попирают закон).

Вместе с тем она не лишена и недостатков. Так, на карте административного деления на оккупированной территории нет некоторых важных границ, в частности, румынской оккупационной зоны. Несколько больше стоило бы сказать и об отношении к еврейской проблеме еще одной оккупационной державы — Финляндии (тем более что в свете последних исследований ее репутация не так уж и «безупречна»). В такой солидной монографии неожиданностью было натолкнуться на отсутствие сводной библиографии и персонального регистра.

Дальнейшие исследования наверняка позволят отшлифовать те или иные тезисы автора, в том числе и статистические выкладки (так, по нашим сведениям, число жертв Холокоста на Ставрополье, например, существенно превышает приводимую им цифру). Но тем-то как раз и хороша книга Ильи Альгмана, что она полностью покрывает, но не закрывает тему и служит великолепной предпосылкой к ее развитию.

3

Разумеется, издания по Холокосту в России выходят не только в Москве и не только о событиях на бывшей советской территории и не только под эгидой Центра «Холокост». Возьмем для примера две книги — вышедшее в Ставрополе документальное издание «Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.)»²⁰ и сборник «Собибор», выпущенную издательством «Возвращение» к исполнившемуся 14 октября 2008 года 65-летию со дня героического восстания узников лагеря смерти Собибор²¹.

Московские архивисты и издатели — мощными издательскими научно-архивными сериями — уже приучили нас к тому, что введение в научный оборот архивных сокровищ такая же естественная задача архивистов, как их хранение и каталогизация. Постепенно к этой мысли привыкают и в других городах и всех России, чему можно только радоваться, восхищенно памятуя о том, сколько же неодолимых трудностей пришлось преодолеть местным архивистам при осуществлении даже самого скромного издательского проекта.

В сборнике — 78 документов, подавляющее большинство — из фондов ГАСК, а около десятка — из ГЦДНИСК (бывшего партархива). Документы сборника распределены по трем логически — и хронологически — напрашивающимся разделам: первый — «В последние дни перед оккупацией», второй — «Режим террора, насилия и грабежа» и третий — «Ставропольцы против оккупантов».

Последний раздел — традиционно самый обширный, и не случайно: именно в нем больше всего упомянутых републикаций, в том числе и таких, что и по первому разу оставляли определенное недоумение: конечно, живя в 60-е годы в Советском Союзе, не публиковать протоколы комсомольских собраний было нельзя, но и относиться к их риторике всерьез даже тогда было достаточно трудно, а сейчас и просто немислимо.

А вот первый раздел, состоящий всего из 8 документов, иначе как кучум не назовешь. А ведь его и можно было, и нужно было нарастить: разве не важно, например, показать и объяснить, почему в крае оказалось так много (а кстати — сколько?) эвакуированных, в том числе научных кадров из Одессы, Крыма, блокадного Ленинграда? И соответствующие документы в архиве наверняка есть, например, в протоколах заседаний бюро Орджоникидзеевского краевого комитета ВКП(б) и исполкома Крайсовета депутатов трудящихся (ГАСК, фонд 1852).

Так уж случилось, что среди эвакуированных было немало евреев, расселенных не только по городам, но и по станицам, селам и хуторам края. А ведь без этого не понять и того масштаба, который вскоре приобрели массовые убийства еврейского населения на оккупированной территории Ставрополя. И хорошо, что рецензируемый сборник не обходит эту тему стороной: ведь в краевом архиве она превосходно представлена сотнями документов из фонда краевой комиссии ЧГК — Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (фонд Р-1368, около 300 единиц хранения).

Уже тогда все это не смотрелось разрозненными злодеяниями, а становясь в ряд и с другими зверствами, творимыми оккупантами, очень уж выделялось своей иррациональной систематичностью. Недаром тема истребления евреев явно доминирует и в сообщении краевой ЧГК, и в полузабытой сегодня статье Алексея Толстого «Коричневый дурман», опубликованных 8 августа 1943 года не где-нибудь, а в «Правде». В то же время четкой, технологически отлаженной системой эти убийства людей по этническому признаку еще не воспринималось. Холокост уже был и в самом разгаре, но понимания его чудовищной сути (как и самого термина) еще не было.

Что касается Собибора, то замечу, что само это имя в России и на всем постсоветском пространстве, хотя, конечно, известно, но все же не на слуху: Гитлер и Сталин, каждый по-своему, позаботились о том, чтобы оно не стало широко известным.

Гитлер — тем, что сделал все возможное, чтобы к востоку от Польши в людское историческое сознание врезались не Аушвиц, Трелинка или Собибор, а другие обгаренные пролитой кровью топонимы:

Каменец-Подольский, Одесса, Киев (то есть Бабий Яр), Ростов. И чем дальше на восток продвигались вермахт и айнзац-команды СД, тем меньше оставалось сходства между двумя технологиями уничтожения евреев. На смену «классическим» многофункциональным польско-богемским гетто «длительного пользования», еще встречавшимся и на советских территориях, захваченных летом 1941 года (Львов, Рига, Каунас, Вильнюс, Минск), пришли гетто, так сказать, «неполного цикла», с усеченной программой трудоустройства, гетто-эфемеры, существовавшие всего по несколько недель, а то и дней и специализированные только на одном «производстве» — на производстве трупов, на монокультуре смерти. А на Северном Кавказе — последнем крупном советском регионе, испытывавшем на себе все прелести немецкой оккупации, — обходились и вовсе без гетто: юденраты, правда, в крупных городах создавались, но единственно для того, чтобы в назначенный день и час собрать как можно больше «верфлюхте юдэ» якобы «для переселения». Но в тот же день этих людей этапировали в заранее выбранные места, чтобы там заполнить их расстрелянными или пропущенными через душегубку телами ненасытные пасти противотанковых рвов, природных оврагов (яров) и специально вырытых ям.

Иначе дело обстояло на западе. Сборные²² лагеря по всей Западной Европе (типа Гурса или Дранси) и скромные по размерам гетто в Польше исполняли, в сущности, одну и ту же роль небольших накопительных резервуаров, питавших — благодаря любезному посредничеству железных дорог — гигантские гетто (вроде Варшавского либо Лодзинского) и собственно лагеря смерти, широко открывшие свои ворота для всех тех, кто был депортирован сравнительно поздно, то есть весной или летом 1942 года.

Одним из таких лагерей смерти и был Собибор, организованный весной 1942-го в рамках так называемой «Операции Райнхард» — акции возмездия нацистов за убийство Р. Гейдриха, а на самом деле в рамках планового уничтожения евреев по мере ввода в строй соответствующей инфраструктуры (два других лагеря под этой же эгидой — Трешлинка и Белжец). На счету Собибора около одной тысячи жизней поляков и около четверти миллиона жизней евреев, как западноевропейских, так и польских (а вот советские евреи были там редкостью, но еще более уникально организованное ими восстание).

Забота Сталина о том, чтобы мы ничего не узнали о Собиборе, была другого рода. В его понимании геноцида евреев не было, а было преступное уничтожение нацистскими захватчиками мирных советских граждан. Но бетонные бастионы такой тривиализации истории были воздвигнуты хотя и рано, но не настолько прочно, чтобы ростки правды не пробивались наружу, так сказать, по горячим следам.

Первой о Собиборе (Собибуре) написала «Красная звезда» (6 августа 1944 года, автор очерка Василий Гроссман), второй — «Комсомольская правда» (2 сентября того же года), третьим же — в той же «Комсомолке» (за 31 января 1945-го) в ответ на сентябрьскую корреспонденцию — отозвался непосредственный участник и руководитель восстания ростовчанин Александр Печерский. Четвертым стал журнал «Знамя» (в апрельской книжке 1945 года, авторы Павел Антокольский и Вениамин Каверин), и тогда же, еще до окончания войны, в Ростове-на-Дону вышла книга Печерского «Восстание в Собибуровском лагере». Очерк Антокольского и Каверина должен был занять свое место в «Черной книге», но книга такого цвета в коричневеющем СССР так и не вышла. И вообще, после войны — как отрезало! О Собиборе, правда, вышли две книги (в 1964 и 1989 годах), но обе — не в обиду их авторам будь сказано — принудительно-интернационалистские и принудительно-художественные.

Так что составленная С. Виленским, Г. Горбовицким, Л. Терушкиным книга — первая на постсоветском пространстве, свободная от этого главпуровского гнета. В плане глобальной историографии она является успешной трансплантацией на российскую почву исследовательского опыта западных коллег с добавлением (в данном случае довольно скромным) и собственного материала и анализа.

Вслед за преамбулой от составителей и главкой о Холокосте идут ее основные разделы: о самом лагере Собибор, о предыстории восстания в нем, о его подготовке и ходе, а также о том, что было после восстания²³.

Немного о самом лагере. Он возник около города Хелм, в лесном и болотистом месте недалеко от польско-советской границы в марте 1942-го; его первым боевым комендантом был оберштурмфюрер СС Франц Штангль. Лагерь обслуживали около 20 эсэсовцев и 120—150 охранников из украинских фольксдойче.

Сам лагерь состоял из трех зон (четвертую — северную — только начали строить, имея в виду разбираться в ней с трофейным советским оружием; был еще и «лазарет» вне лагеря — место индивидуальных расстрелов особо провинившихся). Первая зона — рабочая: два барака для однажды прошедших селекцию, вторая — предсмертная — для тех, кто селекцию не прошел: перед долгожданной «душевой» они раздевались, складывали свои вещи (людей избавляли от любого имущества, а женщин пропускали еще и через «парикмахерскую» — состригали общественно-полезные волосы).

Третья зона — «баня», зона убийства: избавив от имущества, людей избавляли и от жизни, а чуть позже и от золотых зубов. Начинали без особого размаха: три газовые камеры по 16 квадратных метров, больше 180 человек одновременно в такую душегубку не затолкнешь.

В августе—сентябре пришлось даже прервать процесс и удвоить количество газовых камер; одновременно, из гигиенических соображений, были разрыты могилы-траншеи, откуда были извлечены трупы и сожжены в огромных рвах. Начиная с осени 1942 года, новые трупы уже только сжигали. Ясно, что делали это еврей-зондеркомандовцы, но, в отличие от Аушвица-Биркенау, до нас не дошло ни одного их имени.

Возможно, единственный знак, который они подали, — это следующая переписка. Г. Цукерман, работавший на общелагерной кухне, прилепил записку мучным шариком ко дну кастрюли и обратился на третью зону с наивным вопросом: «Братья, сообщите, а что стало с теми, кого перевели в третью зону?» Самое удивительное, что пришел ответ: *«Лучше бы вы об этом не спрашивали. Здесь всех удушают газом, а мы должны их похоронить»*²⁴. А отмена наряда на 300 порций супа для 3-й зоны, свидетельствуемая все тем же Г. Цукерманом, — явный признак того, что собиборские зондеркомандовцы, как и их аушвицкие коллеги, однажды попытались поднять восстание²⁵, но, быть может, это была и заурядная селекция-ротация.

Особенность Холокоста по-собиборски — это удушение не цианидами, а выхлопными газами, то есть двуокисью углерода. «Отвечали» за это мощный (двухсотсильный) танковый двигатель да еще казенные гуси, пытавшиеся перегаздеть двигатель, когда тот работал.

При таком раскладе уцелевших не могла не посещать, а посетив, не покидала мысль о восстании. Молва сохранила память о нескольких неудачных попытках, в том числе об одной, которую предприняли узники, вывезенные из Голландии, но разбивались они, как правило, о предательство из своих рядов или подкупленных охранников. И пусть восставшие, как подметил Лех Валенса, боролись в сущности, даже не за жизнь, а за более достойную смерть, пусть их шансы на успех были мизерны и призрачны, но уже одна мысль о восстании придавала людям силы. Лучше погибнуть от немецкой пули и заставить немцев потратить эту пулю на тебя, чем дать им отвести себя на убой в третью зону или в «лазарет».

Группа евреев, прибывших сюда из Минского трудового лагеря СС 22 сентября 1943 года, была для Собибора совершенно нетипичной: около 600 советских граждан, почти сплошь военнопленных, при этом военнопленных-евреев. Около 80 из них прошли селекцию, и в их числе лейтенант Александр Аронович Печерский. Он и возглавил восстание, случившееся тремя неделями позже — 14 октября.

План восстания, разработанный Печерским и Шлеймо Лейтманом, варшавским рабочим, был по-своему гениален. То был не единичный и не групповой побег, а акция, открытая практически для всех, кроме тех, кто был в третьей зоне (круговая порука делала всех не вовле-

ченных заложниками, обреченными на смерть: именно так погибли 60 человек, заблокированных охранниками в четвертой зоне).

Вот планируемая последовательность действий заговорщиков: сначала вывести из строя как можно больше офицеров-эсэсовцев, уничтожая их поодиночке топорами и ножами на разного рода «примерках» в портняжной и сапожной мастерских, а также на сортировке вещей во втором лагере и в гараже — на это отводился один час. Все коммуникации должны были быть перерезаны, а в проволочных заграждениях вокруг главного входа пределаны проходы. Начало массового выступления было назначено на 17 часов, конец светового дня, что оттягивало неизбежную погоню на целую ночь.

Не все получилось по плану, но из 17 эсэсовцев, находившихся в тот день в лагере, были убиты 12, а кроме них еще два охранника-фольксдойче. Был осуществлен массовый прорыв к воротам, за ворота и дальше — через минное поле под градом очередей с боковых вышек — в лес. Не забудем и того, что восстание фактически закрыло лагерь: его ликвидировали и замели все его следы уже в ноябре того же года. Т. Блатт, один из уцелевших, приводит следующий итог восстания: общее число узников, находившихся в лагере в день восстания, — 550, из них: не смогли или не захотели бежать — 150, погибли на минах и от пуль при прорыве в лес — 80, достигли леса — 320. Из этих 320 были пойманы и казнены — 170. Из оставшихся в живых 150-ти: убиты в боях с немцами в партизанских отрядах или в армии — 5, погибли в убежищах, тайниках и т. п. (в основном от рук враждебно настроенных поляков) — 92, дожили до освобождения — 53 (к этим 53 уместно добавить еще девять евреев, успешно бежавших еще до восстания — в одиночку или небольшими группами). Итого — 62 узника Собибора, переживших Холокост! К 1972 году, по сведениям Печерского, в живых оставалось около 30 человек, из них семеро в СССР, а тех, кто жив и поныне, можно пересчитать по пальцам.

Итак, в лес прорвалось 320 человек. Казалось бы, полный успех.

Но именно после этого началось самое трудное и огорчительное. Оружия — не больше десяти стволов, считанные патроны, даже топоры и ножи в дефиците — их явно не хватало на всех. Как не хватало и уверенности, что делать и как быть, а также физической силы и решимости. С самого начала группы беглецов разбрелись по лесу, все более и более дробясь под давлением погони и враждебного отношения со стороны населения. Интересы и цели беглецов, как и их маршруты, быстро разошлись, причем советские военнопленные захватили с собой большую часть имевшихся ресурсов. Они не попытались организовать партизанский отряд в окрестностях Собибора (сочтя это бесперспективным, в чем они, по-видимому, были правы) и не захотели увести за собой на восток основную массу бежавших — это тоже

было обречено на провал. Разбившись на десятки и на пятерки и под благовидными предложениями отрываясь от остальных, они добрались до своих. Можно ли их осуждать за это?

Да и спаслись не они одни. Уцелели десятки других, кого спрятали христоробивые либо деньголюбивые поляки или кого подобрали редкие в этих местах еврейские партизаны. Но еще большее число собиборских повстанцев, ускользнувших от немецкой погони, нашло свою смерть в лесу от холода и голода или же на польских хуторах — от рук и пуль своих «спасителей».

В любом случае это восстание беспримерно по своей дерзости, героизму и удаче. Из книги мы узнаём, что именем Александра Печерского названа одна из улиц в Цфате — священном городе мудрецов и художников на севере Израиля. Но есть ли такая улица в Иерусалиме? Собиборе? Ростове?..

Из записных книжек

В Яд-Вашеме открылась новая экспозиция. Посетителю предлагается одновременно спуститься в преисподнюю и подняться на вершину, откуда открывается панорама и перспективы. После того, что здесь увидишь, глоток свежего воздуха и впрямь совершенно необходим.

В начале экспозиции — горький афоризм Хайма Вейцмана, президента Всемирного еврейского конгресса и первого президента Израиля, говорившего о евреях так: мир для них состоит из мест, где они или не могут жить, или куда они не могут попасть.

2006

Заметки из Аушвица и об Аушвице

...Я жил в гостевой комнате дома, некогда бывшего комендатурой. Окна кухоньки смотрели, через классическую колючку в три ряда, на один из барачков лагеря для военнопленных, окна комнаты — на пустое, казалось бы, пространство, но когда-то именно тут был барак СС, и его контуры как-то незримо присутствовали.

Не проверял, но где-то рядом жил и Хёсс, а его детишки вот на этой же травке и играли, вызывая сложные эмоции у тех, кто глядел на них с той стороны проволоки.

Конечно, была тут и своя мистика — наподобие двух-трех постукиваний в окошко кухни в одну из ночей, когда я там работал, — как

будто стукнулось в стекло насекомое или кто-то бросил в окно не кашком, а свернутой во много раз бумажкой. Я вздрагивал, подходил к окну — но никого, конечно же, никого.

Это один из символов этого лагеря — никого нет.

«Keiner ist da», «Keiner da», — «Канада»?

Можно подумать, что немцы держали здесь только «чужих», а из «своих» — только тех, кто виноват перед ними.

Наши в Гулаг брали всех без разбора, и были правы, потому что нечего и разбираться с народом страны, где властвует столь преступная система. В такой системе и виноватыми могут быть только все, точнее, кто угодно, включая и «своих».

Надпись на памятнике всем жертвам — на 22 языках:

«Да будет на века криком отчаяния и предостережения для человечества это место, где гитлеровцы уничтожили около полутора миллионов мужчин, женщин и детей, большей частью евреев, из разных стран мира.

Аушвиц, Биркенау. 1940–1945»

Поставили — в 1967. До этого было — 4,5 миллиона.

С 27.1.2005 прошло 2 года, и экспозиции о советских гражданах так и не появилась. Выставка, привезенная Путиным, не простояла и нескольких дней — запротестовали поляки из-за неупоминания там даже пакта Молотова–Риббентропа. И то, и другое — позор на оба ваших дома!

Reden ist Silber, Schweigen ist Gold. «Слово серебро, молчание — золото». Еще одна бесподобная — и бесподобно лукавая — немецкая сентенция. Срисовал с балки при входе в барак в зоне II а.

Барак на 400 чел., он же бывшая конюшня на 52 гривы. Посередине, между печами, скамейка с подогревом.

Как и всякое крупное производство, «комбинат» Аушвиц–Биркенау зависел от своего экономико-географического положения. И оно у него было выдающимся — фактически на пересечении 5 железных дорог. Широтная ось Краков–Гливице (или Краков–Катовице) встречается здесь (в Засолье, поближе к Биркенау–Бжезинке) с меридиональной дорогой Варшава–Острава, и совсем неподалеку и еще одно диагональное ответвление — на Сосновец.

(Осень 2007 года)

Шана Това, или о методологии истории (из киевских впечатлений)

Коллега из Центрально-Европейского университета пригласил меня принять участие в семинаре по методологии истории.

Последний раз я был в Киеве 29 лет назад: солидный срок.

Программа была интенсивной, но не чрезмерной: четыре дня плотных дискуссий в одном из подвалов Киево-Могилянской академии, посередине недели экскурсия в Умань, от которой я сразу же отказался: перспектива проехать 200 верст и хлебать кисели вельможной пошлости и сусальности в допотоцкой «Софиевке» не завораживала.

Между тем сроки проведения семинара совпадали как минимум с двумя событиями: с еврейским Новым Годом и с годовщиной главных расстрелов в Бабьем Яру. О первом напоминали многочисленные «Шана Това» по Интернету и хасидские лапсердаки в самолете и в аэропорту, о втором — приватные косы венком Юлии Тимошенко с государственным венком в руках у подножья государственного же памятника всем погибшим у Бабьем Яру в теленовостях.

Не сразу, но сообразил, что Шана Това и раб Нахман — это тоже Умань. И решил все-таки съездить.

Прознав про некоторый интерес в автобусе к исторической могиле Нахмана, казенная экскурсовод с прической и манерами райкомовского инструктора вся вспыхнула, но не вспыхнула, зато всю дорогу истово и театрално перекрещалась и благословлялась о проезжаемые церкви. Срывая голос хрипела в микрофон о доблести шановных героив — гетьманов и гайдамакив. То, что ее никто не слушал, ее только раззадоривало.

Ее надежды на то, что наш автобус просто не пропустят к могиле, с треском не оправдались: вчерашний звонок одного из киевских еврейских руководителей мэру Умани сработал — и всюду, куда только можно было, нас без помех пропустили. Милиции было дюже богато: около 400 человек, как нам потом сказали. В цивильных брюках и пиджаках, женщины и мужчины, все с непокрытыми головами — мы, которые с конференции, явно выделялись в общей толпе, так что иногда милиционеры останавливали нас и для порядка спрашивали, кто мы такие. А один даже поинтересовался сокрушенно: «Тоже ихней веры будете?»

Другой же, на просьбу указать точное местонахождение могилы, не только проэкскуртировал меня и моих спутников сквозь плотную толпу прямо к ней, но и выдал каждому без головного убора по кипе — «с возвратом». Словно ледокол через торосы, провел он наш короткий караван сквозь плотную толпу хасидов, расступающихся на

нужные для прохода сантиметры, но не перестающих при этом истово молиться и раскачиваться. Но еще более плотным был самый воздух — разогретый солнцем и жаркой молитвой.

Когда браславский раб Нахман, великий цадик и великий адмор, незадолго до своей смерти в 1810 году завещал навещать его могилу на Рош-ха-шана, он и не рассчитывал, что будет настолько услышан!

Советская власть поставила на этом чуть ли не буквально крест. Но с распадом СССР паломничество возобновилось: сначала сотни, потом тысячи, а теперь уже и десятки тысяч хасидов из Израиля, США, Австралии, Аргентины устремляются сюда целыми миньянами, плавают в Каменской запруде и истово молятся, никого не видя вокруг себя, — расставаясь с грехами за целый год и умоляя о чуде. Куда там нашей антисемитке-экскурсоводше с ее показной истовостью, деланой и ленивой.

Дух штеттла оживает здесь на несколько праздничных дней, и это «местечко на неделю» впечатляет своей истовостью, намоленностью и густотой.

Несколько лет тому назад какие-то хасиды были застуканы за рытьем подземного хода: похищение останков рабби было предотвращено. Другие израильские хасиды потребовали от правительства Ольмерта договориться с правительством Ющенко о передаче святыни им.

Самое интересное, что они нашли понимание и поддержку... в Умани! Дюже крепко за свою достопримечательность уманьчане не держатся и охотно расстались бы с нею в обмен на что-нибудь более звонкое и осязаемое. На городском сайте ни о рабби Нахмане, ни о паломниках со всего мира — ни пол-словечка, как, впрочем, и о другой исторической достопримечательности — об «Уманьской яме», самом страшном шталаге для советской военнопленных на всей территории Украины.

Вот и соскользнули на другое.

Метро, расположенное посередине Бабьего Яра, называется почему-то «Дорохожичи». Почему?

Улица, пересекающая Бабий Яр пополам. Почему?

Нигде — ни справа, ни слева — ни одного указателя, ни одного информационного щита!

Надписи на знаменитой «Меноре», установленной почему-то на месте бывшего православного кладбища, в меньшей степени повествуют о том, что здесь произошло, чем о спонсорах проекта (Джойнт,

Сохнут и т.д.), а также об огромной чести, оказанной этой местности выдающейся исторической личностью по имени Моше Кацав, предпочитавшим не сублимировать свое либидо, а использовать его по назначению.

Рядом подиум, возвышение для произнесения начальственных речей, и небольшая ровная площадка, к которой можно подъехать на машине: складывается впечатление, что от места хотят отболтаться и разъехаться поскорей.

Но где же собственно сам этот яр, этот 50-метровый овраг?!.
Его нету.

В течение всего лишь одного дня — 29 сентября 1941 года — здесь было расстреляно 22 тысячи человек — абсолютный рекорд народовбивства!²⁶ Такая суточная производительность не снилась и самому Рудольфу Хёссу в Биркенау с его передовыми крематориями и костровыми ямами!

Не так давно президент и правительство Украины приняли решение о создании здесь государственного историко-мемориального заповедника «Бабий яр». Именно государственного! В этом случае — никаких олигархов и джойнтов, пожалуйста.

Концепция этого заповедника была разработана Виталием Нахмановичем²⁷, бесспорно, лучшим на сегодня специалистом по Бабьему Яру, и опубликована в какой-то газете²⁸.

Но в самой концепции тоже кое-что настораживает — в частности, молчаливое согласие с любимым, хотя и хромым коньком Виктора Ющенко — приданием общесоветскому голоду 1932–1933 гг. статуса сугубо украинского геноцида-голодомора. В «Концепции...» голодомор называется событием, которое для Украины равнозначно Холокосту»: почему?

Киев, 29–30 сентября 2008 г.

Книжные закладки

Леня Финберг подарил мне две замечательные книги, которые читал вечерами.

Первая: За гранью понимания. Философы и Богословы о Холокосте / Под ред. Дж. К. Рота и М. Беренбаума // Киев: Дух и літера, 2003. 522 с. (Б-ка Евроазиатского Еврейского конгресса).

И вторая: Яффа Элиах. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы / Пер. с англ. А. Барац. [М.-Иерусалим]:

Гешарим / Мосты культуры, 2005. 280 с. (Б-ка Евроазиатского Еврейского конгресса).

Как попытки свести концы с концами — иудаизм и Холокост — они в чем-то очень похожи, обе эти книги. Но концы (увы? или слава богу?) не сходятся.

На с. 122 первой книги — «спор» раввина Давида Вайса и Майкла Беренбаума об уникальности Холокоста.

Реббе говорит: Холокост не уникален, их было много, отчего он — подобно отрицателям — употребляет его с маленькой буквы (холокост) и даже во множественном числе (холокосты). Да, выбор есть, но только у личности, у индивидуальности, а не у народа. Так что холокостов полно, а вот Завет — один, един, однократен и неотменим.

Беренбаум возражает и обвиняет Вайса в том, что тот уходит от вопросов, поставленных Холокостом. Цитирует Хойфетца Хаима: «Для верующего нет вопросов. А для неверующего ответов», цитирует неназванного поэта: «Бог дал Тору на Синае и отнял в Люблине, т.е. в Майданеке». Холокост уникален.

С. 386. Эмиль Факенхайм. Императив Освенцима — это обязательство сохранить, после случившегося, еврейское единство. Это, мол, 614-я заповедь.

Обвиняет секулярное еврейство в Шоа!

То же самое делает Ирвинг Гринберг (С. 414–417). Клубы дыма, столб огня.

Рассуждая об иудейской и христианской теологических реакциях на Холокост, ответственность за Холокост он перекладывает на секулярность и модернизм. (Что же — не мессия ли Гитлер?)

Он возлагает вину на жертву — чем это лучше антисемитизма? И чем отличается?

С. 463. Раввин Ричард Рубинштейн в диалоге с протестантским епископом Генрихом Грюбером: *«Я сделал свой выбор как раввин и как теолог, прекрасно сознавая, что большинство соплеменников такую позицию не примут. Однако пусть лучше меня отвергнет мой народ, чем я соглашусь признать, что он заслужил Освенцим»*. Вместе с тем — на с. 470 — Освенцим как крайняя точка изгнания, за которой — алия и Израиль.

Вторая книга, увы, тоже не Бубер. Мельчает хасидская притча.

Но вот что поразительно. И здесь нервом служит все тот же диалог — раввина и секулярного еврея. Но все же чуточку на другом уровне.

На с. 27–28. Полет над Ямой. Израэль Шапир, реб из Блузова: «Я держался за полы своего отца, своего деда и своего прадеда». «А я держался за Вас» — сказал ему его друг, атеист из большого города.

На с. 42–43. Рассказ-похвальба немецкого офицера Броне в вагоне — про расстрелы в Житомире, которыми он лично командовал. В ужасе прибежала Броня с этими новостями из Житомира к лидерам своей общины Слотвина-Бжеско. И что же? — выслушав ее, эти мудрецы рекли: *«Здесь этого не произойдет. Они убивают евреев только на бывших русских территориях, потому что не отличают евреев от коммунистов. Здесь же они знают, что мы не коммунисты. Мы никогда не были под властью русских».*

Вот вам и единство еврейское в вере единой!

На с. 47–48. Материнское сердце. Про ту же Броню, догадавшуюся, что ее муж, раб Израэль Авраам Кочицкий, выбросил их сына Цви через окошко из поезда, идущего в лагерь смерти. Она бежала вдоль полотна, и вся *«...коля была усыпана фотографиями — улыбающиеся молодые и пожилые лица. На обороте дрожащим почерком были введены отчаянные просьбы о помощи».*

На с. 98–101. Про транспорт Каствнера и сон сионистского лидера. И об объявлении 7 декабря хасидским праздником — днем избавления от Холокоста. Почему? Потому что в этот день в Швейцарию из Берген-Бельзена прибыл транспорт, и с ним — сатмарский реб Йосеф Ашкеназ. Скромные люди, ничего не скажешь.

На с. 109 можно прочесть, что хасидский ребу подобен огранщику алмазов. Он берет человека и срезает с его души все шероховатости, все ненужное.

Вот ведь какая красота! Как же все просто! И жену он тебе подберет, и любовницу!

(А ведь где-то в начале книги промелькнула чья-то более стоящая мысль: *«Вопросы жизни и смерти не надо задавать, даже раввину — их надо решать самому».*)

На с. 111 поразившая меня деталь. Оказывается, в венгерско-еврейских трудовых батальонах евреи-иудаисты отделялись от евреев-христиан: первые носили желтые нарукавные повязки, а вторые — белые!

Экая автономия союзничка в делах возвышенных и в научных!

С. 204–205. Притча «Бог здесь больше не живет».

О Майлзе Лермане, бывшем еврейском партизане и члене Комиссии президента США по Катастрофе. 1 августа 1979 года, после возвращения из Освенцима в Краков, он вышел к биме в синагоге, стукнул по ней кулаком и объявил, что вызывает Бога на Дин Тора, на Суд Торы. «Где Ты был тогда? Отвечай!..»

Но ни местные старики, ни сама Яффа Элиах, пробовавшая себя в роли Бубера, не поддержали его, а один старик встал и сказал: «Бог здесь больше не живет», — имея в виду, что синагога эта осквернена. Он, наверное, даже не заметил, что сказал и подумал в точности то же, что сказал и подумал Божий обвинитель!

Киев, начало октября 2008 г.

А вот эта история об Алексе из Ушпицына (Освенцима) — настоящая, хасидская, возвышенная и всеговорящая.

Я наткнулся на нее, читая книгу Генриха Шенкера, сына Леона Шенкера, последнего председателя Ушпицынской (то есть Аушвицкой) еврейской общины перед войной и первого председателя Освенцимской после войны — единственного еврея, кто пытался если не найти, то хотя бы выкупить у мародеров-поляков еврейские рукописи из земли вокруг крематориев.

Однажды зимой 1939/1940 гг. 9-летний Генрих играл, как всегда, один на берегу Солы и встретил там душевнобольного мальчика, Алекса, лет 11-ти. Его прозвищем было «Стерх», то есть «Аист». Если кто-то давал ему монетку, то он становился на колени, махал руками, как крыльями, сжимал губы и нос в клюв, и кричал-кричал птичьим голосом — не отличишь! Если же монетка была большой, то он еще и танцевал в этом положении, махал крыльями-руками. Все смеялись, и «Аист» тоже, но лицо его оставалось неизменно печальным.

Часами и днями сидел Алекс на берегу реки и наблюдал за птицами. Он редко заговаривал сам, но слова его были всегда бессвязными. Каждое утро Генрих приносил для него бутерброд.

Однажды Алекс повернулся к Генриху, показал рукой на другой берег, по которому шла дорога в Бжезинку, и сказал совершенно нормальным голосом: «Там, в Засолье, немцы построят камини и сожгут всех детей Авраамовых». И добавил: «Но ты, ты не должен бояться!» — «Откуда ты это знаешь?», — спросил его потрясенный услышанным мальчик. — «Птицы рассказали», — так же разборчиво сказал Алекс и обнял его, как бы защищая от невидимой еще опасности. «И еще они мне сказали, что скоро здесь будет пахнуть жареным мясом и что они должны будут меня покинуть».

После чего его усталые глаза закрылись, и он снова потерял контакт с миром.

Лето 2009 г.

Тарантино и его странно замечательный фильм «Бесславные ублюдки». Фильм-сказка, собственно говоря. Но он как бы поставил перед зрителем (передо мной во всяком случае) неожиданный вопрос: а что было бы, если бы эти фантастические, сказочные евреи из фильма взялись бы за сопротивление немцам-убийцам всерьез и самостоятельно, по принципу: «с волками жить — по волчьей выть»? Эдакая стая евреев-медведей, не знающих ни страха, ни усталости шатунов, охотящихся за немцами в военной форме и с удовольствием снимающих с каждого из них скальпы — еще более диких, жестоких и вероломных, чем самые дикие, жестокие и вероломные эсэсовцы — навела шороху в сказочном Третьем Рейхе.

Пресловутые искусство хорошо прятаться (Ташкентский фронт!) и вместе с тем «овечьи» покорность судьбе и готовность к смерти, но лишь бы до последнего вздоха оставаться среди своих, внутри обожжаемой мишпухи, — эта еврейская психологема, бесспорно, закладывались в гиммлеровско-эйхмановский концепт окончательного решения.

Тогда как отсутствие страха перед убийцами, готовность наброситься на них и убить, как эта сделала одна еврейская актриса в раздевалке аушвицкой газовни и как это делали евреи, кидавшиеся на своих убийц в Варшаве, в Собиборе, в Аушвице-Биркенау, — даже не брались в расчет.

Лето 2010 г.

Примечания

¹ Чуть позднее аналогичный центр возник и на Украине.

² Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И. Альтман, Л. Терушкин. М.: Центр «Холокост» — изд-во «МИК», 2007. 320 с., илл.

³ Холокост на территории СССР, 2009.

⁴ АЛЬГМАН, 2002.

⁵ АЛЬГМАН, 2002. С. 59.

⁶ АЛЬГМАН, 2002. С. 189–191.

⁷ АЛЬГМАН, 2000. С. 81.

⁸ Месяцем раньше в Кайзервальд направили и узников гетто в Лиепая: часть из них была позднее возвращена в «свое» гетто весной 1942 года, а часть использовалась на строительстве оборонительных сооружений Курляндской группировки вплоть до мая 1945 года!

⁹ АЛЬГМАН, 2002. С. 303. Табл. 8.

¹⁰ См. об этом «Обреченные погибнут. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР».

¹¹ Однако И. Альтман тут, увы, «не одинок». С точки зрения историографии Холокоста ситуация, сложившаяся вокруг проблематики советских

военнопленных-евреев, симптоматична, а литература, специально посвященная этой категории жертв Холокоста на удивление мала.

¹² См. об этом в главе «Недостающее звено в предыстории Холокоста».

¹³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 34–35. В первой публикации этого сообщения приведенный пассаж опущен (см.: Герман А. А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах / Сер.: История и этнография российских немцев. М.: Готика, 1996. С. 240–242. Док. № 43).

¹⁴ Впрочем, к этим данным надо относиться осторожно, так как они восходят к документации расследования НКВД.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Ед. хр. 39.

¹⁶ См., например, в упомянутом выше дневнике Н. Г. Саенко из Таганрога. Симптоматична та беспристрастность и внеоценочность, с которой пишет о евреях автор этого, в целом весьма эмоционального, дневника.

¹⁷ Справка о нем из Большой советской энциклопедии: «**Заславский** Давид Иосифович [1(13).1.1880, Киев, — 28.3.1965, Москва], советский публицист. Член КПСС с 1934. Начал печататься в 1904. С 1928 работал в редакции «Правды», выступал главным образом с фельетонами, посвященными современным советским и международным темам. Автор публицистических и историко-биографических книг: «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX веков» (1931), «Салтыков-Щедрин» (1939), «Ф. М. Достоевский» (1956) и др. Награжден 2 орденами Ленина, 3 др. орденами, а также медалями». В справке, разумеется, не указано, что Давид Иосифович был крупным специалистом по писательским травлям: среди его жертв — Осип Манделштам в 1929 и Борис Пастернак в 1958 гг.

¹⁸ Представительница ЧГК.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1–10.

²⁰ СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ, 2000.

²¹ СОБИБОР, 2008.

²² Их иногда называют концентрационными — напрасный и запутывающий дело синоним.

²³ Далее следует своего рода развернутый постскрипtum: справки о мемориале, об участниках восстания и побега, о палачах, а также фотографии, интервью уцелевшего узника с уцелевшим палачем, президентское послание Леха Валенсы и именной указатель (на этот *Post Scriptum* приходится даже несколько более половины всей книги).

²⁴ СОБИБОР, 2008. С. 21.

²⁵ СОБИБОР, 2008. С. 44.

²⁶ Далеко позади остались расстрелы евреев 11 августа 1942 года в Ростове-на-Дону (от 15 до 18 тыс.), 15 сентября в Бердичеве (12 тыс.) и 27 августа в Каменце-Подольском (11 тыс.).

²⁷ До недавнего времени — зав. отделом Музея истории г. Киева. Он покинул свое место работы после того, как стало известно, что власть забрала назад свое обещание выделить средства на создание заповедника и музея.

²⁸ Хадашот. Новости (Киев). 2008, Февраль. С. 3–6. См. также: www.kby.kiev.ua, а кроме того: <http://babiya-zapoved.livejournal.com/>.

Публикации автора по проблематике книги

1994

Нескончаемая книга о горе и смерти: Рец. // *Неизвестная Черная книга. Свидетельства очевидцев о катастрофе советских евреев (1941–1944)* / Сост. И. А. Альтман и Ш. Краковский. Иерусалим-Москва, «Текст», 1993] // *Русская мысль* (Париж). 1994. 19–25 мая. С. 13.

1995

Сталин и Гитлер: с кем же лучше, с кем веселей? [Репортаж о конференции в Мюльхайме-на-Руре, 28.02–3.03.1995] // *Русская мысль* (Париж). 1995, 4–10 мая. С. 7, 18.

1996

ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ОСТАРБАЙТЕРЫ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ И ИХ РЕПАТРИАЦИЯ. М.: ЦИРЗ «Ваш выбор», 1996. 440 с., 142 илл. (Предисл. Д. Гранина).

Рецензии: 1) Мнацаканян С. Под указ подпадают даже книги // *МК*. 1996. 20 октября; 2) Почивалов Л. «Родина вас ждет, сволочи!» // *Лит. газета*. 1996. 30.10. № 44. С. 10; 3) Население и общество. Информационный бюллетень Центра по демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 14. Октябрь 1996. С. 4; 4) Соб. инф. [Леонтьев Я.] Чужие среди своих и чужих // *Общая газета*. 1997. № 2. 16–22 января. С. 10; 5) Рар Г. Жертвы двух диктатур // *Российско-немецкая газета*. № 4. Апрель 1997. С. 15; 6) Краюхин С. «Родина ждет вас, сволочи...» // *Известия*. 1997. 29 апреля. С. 5; 7) Жажоян М. Жертвы одной диктатуры // *Русская мысль* (Париж). 1997. № 4173, 8–14 мая. С. 12; 8) Черненко М. Анкетное проклятье // *Моск. новости*. 1997. № 196. 11–18 мая. С. 22; 9) Вербицкий Г. Г. Белые пятна новейшей русской истории // *Посев*. 1997. № 3. С. 64–65; 10) Свинцов В. Прокляты и забыты // *Знамя*. 1997. № 8. С. 228–230; 11) Wehner M. Opfer zweier Diktaturen. Eine russische Untersuchung über Ostarbeiter und Kriegsgefangene // *Frahhfurter Allgemeine Zeitung*. 1997. Nr. 224. 26 September. S. 14; 12) Аникеев А. А. Книга П. Поляна «Жертвы двух диктатур» // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 1997. № 10. С. 168–170; 13) Knabe B. Pavel Poljan. Zertvy dvuch diktatur. Ostarbeitery I voennoplennye v Tre't'em

Rejche i ich repatriacija. Moskva: Vash Vybor CIRZ, 1996. 442 S // Osteuropa. 1997. Nr 10–11. S. 1151 (на нем. яз.); 14) Пивоваров Ю. Л. П. М. Полян. Жертвы двух диктатур. М., 1996 // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 10. С. 942–951; 15) Пивоваров Ю. Л. П. М. Полян. Жертвы двух диктатур. М., 1996 // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 127–128; 16) Pivovarov J. L. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьей рейхе и их репатриация by P. Polyan. Moscow: Vash Vybor TzIRZ, 1996 // Trames. A Journal of the Humanities and Social Sciences. Cambridge, 1997. V. 1. No. 4. P. 376–383 (на англ. яз.); 17) (Реферат) // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб, 1998. № 6–7. С. 425; 18) Schramm G. Pavel Polian. Zertvy dvuch diktatur... Moskau, 1996. 443 s. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1998, Jg. 46, H. 2. S. 312–313 (на нем. яз.); 19) Skokan L. Zertvy dvuch diktatur... // Geografie. Sbornik Ceske Geograficke Spolecnosti. 1998/2. Rocnik 103. S. 134–135 (на чешск. яз.); 20) Auerbach I. // Hessischer Jahrbuch für Landesgeschichte. 1998. Bd. 48. S. 395–396 (на нем. яз.); 21) Nolte H.-G. Pavel Poljan. Zertvy dvuch diktatur... Moskau, 1996. 442 s. // Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts. März 1999, Heft 1. S. 169–171 (на нем. яз.); 22) H.-H.Nolte. Demographische West-Ost und Ost-West-Bewegungen in Osteuropa // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 89. 2002. Heft 4. S. 454–458.

Международная встреча исследователей гитлеровского и сталинского террора [Отчет о конференции в Мюльхайме-на-Руре, март 1995 г.] // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996. № 1. С. 152–153.

1997

Минное поле послевоенного мира // Коммерсантъ-Daily. 1997. № 66. 8 мая. С. 14.

Евреи из СССР на территории Третьего рейха // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия» (Москва, 4–7 мая 1977 г.). М., 1998. С. 103–105.

1999

Скрывшие свое имя. Советские евреи, спасшиеся на территории Третьего рейха // Русская мысль (Париж). 1999, 13–19 мая. С. 18.

Накануне войны и геноцида: советские евреи в Переписи 1939 года / Рец. на: Altshuler M. Soviet jewry on the eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. 346 p. // Русская мысль (Париж). 1999, 9–15 сентября.

Накануне Холокоста / Рец. на: Altshuler M. Soviet Jewry on the eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. 346 p. // Форвард (Нью-Йорк). 1999. № 201. 1–7 октября. С. 9.

2000

Hitlers Taten und Stalins Absichten [Гитлеровские деяния и сталинские планы] // Zeitschrift der Weltgeschichte. Interdisziplinäre Perspektiven. 2000. Jg. 1, Heft 1. S. 120–124.

«Гитлер капут?..» (Заметки на полях книги отзывов) // Русская мысль (Париж). № 4327. 20–26.07.2000. С. 11.

Бесноватого хоронить рано // Общая газета. 2000. № 32. 10–18 августа. С. 15.

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.): Документы и материалы / Сост. Володажская В. А., Кривнева М. И., Мельник Н. А. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000. 176 с. // Исторический архив. 2000. № 5. С. 219–220.

2001

DEPORTIERT NACH HAUSE. SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE IM «DRITTEN REICH» UND IHRE REPATRIIERUNG [Депортированные домой. Советские военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация]. R. Oldenbourg Verlag München Wien, 2001. 223 s. (Kriegsfolgen-Forschung, Bd. 2).

Рец.: 1) Зараев М. Депортация длиной в полвека // Европа-Центр (Берлин): <1> 15–28.01.2001. № 2. С. 12; <2> 13–25.02.2001. № 4. С. 12; <3> 28.02–13.03.2001. № 5. С. 5; 2) Busch M. In der Heimat unerwünscht. Die Repatriierung sowjetischen Kriegsgefangener, die erst 1995 als Kriegsveteranen anerkannt wurden. // FAZ. 19.02.2001. Nr. 42. S. 13; 3) Die doppelten Opfer: sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich»; 4) Riedel H. «Die Heimat wartet auf euch!» – Eine bedrohliche Parole; 5) McLouguin B. Rotarmisten als «Vaterlandsverräter» // Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Mitteilungen. Wien, Folge 150. Februar 2001. S. 10–11; 6) Goeken-Haidl U. P. Polian: Deportiert nach Hause... // H-SOZ-U-KULT digests, 30.04.2001; 7) Schmid A. // Badische Heimat. Mein Heimatland, 2001. Heft 2. S. 375–376; 8) Schmiese. Wulf. Soldaten, in den Tod repatriiert // Die Welt. 2001. 7 Juli.; 9) Bernhard Hübler. Aus Hitlers Hölle in Stalins Klauen // Dokumentationszentrum Obere Kuhberg. Mitteilungen. Juni 2001. Heft 35. S. 10; 10) Зараев М. Роза репатриантских судеб // Европа-Центр (Берлин). № 12 (181). 6–19.06.2001; 11) H.-H. Nolte. Demographische West-

Ost und Ost-West-Bewegungen inf Osteuropa // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 89. 2002. Heft 4. S. 454–458; 12) R. Overmanns. Uwe Mai. Kriegsgefangen in Brandenburg. Stalag III A in Luckenwalde 1939–1945. Berlin, 1999; Polian: Deportiert nach Hause... // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2002. Heft. 2. S. 586–589; 13) H. Altrichter. Pavel Polian/ Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. R. Oldenbourg Verlag München Wien, 2001 // Historische Zeitschrift. 2002. Bd. 275. S. 256–258; 14) W. Hedeler. Pavel Polian. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. R. Oldenbourg Verlag München Wien, 2001 // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der Arbeiterbewegung (IWK). 2002. Nr.1. S. 133; 15) U. Winkler. Pavel Polian / Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. R. Oldenbourg Verlag München Wien, 2001 // Bulletin für Faschismus- und Weltkriegsforschung. 2004. Nr. 23. S. 96; 16) H. Schützler. Pavel Polian. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. R. Oldenbourg Verlag München Wien, 2001 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2005. Bd. 53. Nr. 2. S. 190–191.

Massenverbrechen in der Sowjetunion und im national-sozialistischem Deutschland. Zum Vergleich der Diktaturen [Массовые преступления в Советском Союзе и в национал-социалистической Германии. К сопоставлению диктатур] // Zeitschrift für Weltgeschichte (ZWG). Interdisziplinäre Perspektiven. 2001. Jg. 2. Heft 1 (Frühjahr). S. 125–147 (Gemeinsam mit H.-H. Nolte).

Книги на растопку печей Освенцима. Германия учится на своих ошибках // Общая газета. 2001. 17.05. С. 2.

Убойный блицкриг на Востоке. Новые исследования немецких историков // Общая газета. 2001. № 25. С. 2.

2002

П. М. ПОЛЯН (НЕРЛЕР). БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ. М.-Ставрополь, 2002. 72 с.

ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР. ЖИЗНЬ, ТРУД, УНИЖЕНИЕ И СМЕРТЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ОСТАРБАЙТЕРОВ НА ЧУЖБИНЕ И НА РОДИНЕ / Предисл. Д. Градина. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с. (Изд. второе, переработанное и дополненное).

Рецензии: 1) Чарный С. П. Полян. Жертвы двух диктатур. М.: РОССПЭН, 2002 // <http://www.sem40.ru/arts/kniga101.htm> (31.12.2002);

2) Жертвы двух диктатур. Интервью с М. Тарбовским // Еврейс. газета (Берлин).. Февраль 2003. С. 5 (Перепеч. в газете «Земля обетованная», 2003, февраль); 3) Интервью радиостанции «Немецкая волна» (16.04.2003); 4) Ферапонтов И. Книжная полка // 30 октября. 2003. № 30. С. 6.

Sowjetische Staatsangehörige im «Dritten Reich» während des Zweiten Weltkrieges. Gruppen und Zahlen [Советские граждане в «Третьем рейхе» во время Второй мировой войны: категории и цифры] // Quinkert В. (Hrsg.). «Wir sind die Herren dieses Landes». Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion. Hamburg: VSA-Verlag, 2002. S. 136–153.

Чтобы помнили. В доме часовщика продолжают идти часы истории // Европа-Экспресс (Берлин). 2002, 26 авг. — 1 сент. № 34. С. 5.

2003

Гитлер и Сталин: с кем же жить лучше, с кем веселей? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2003. № 28. С. 105–111. (Совместно с Х.-Х. Нольге).

Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста // Холокост. Научно-информационный бюллетень. 2003, декабрь. № 5(23). С. 8–9.

Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.: М.: Ковчег, 2002 // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 403–406.

2004

Il'ja Al'tman: Zhertvy nenavisti. Kholokost v SSSR (Opfer des Hasses. Der Holocaust in der UdSSR), 1941–1945: Rez. Moskva: Fond Kovcheg, 2002 // Zeitschrift der Weltgeschichte. Interdisziplinäre Perspektiven. 2004. Jg. 5, Heft 1. S. 139–143.

2005

«В последнее время они начали замечать следы». Письмо из Освенцима. В России публикуется впервые / Публ. и послесловие (под заглавием «Кто такой Залман Градовский») // Известия. 2005, 28 января. С. 4.

В сети: <http://www.izvestia.ru/world/article1092007>.

Записка из пепла // Еврейское слово (Москва). 2005. № 5 (2–8 февр.). С. 7.

«Дорогой находчик, ищите везде!» Эти слова одного из узников Освенцима, оставившего документальные свидетельства Холокоста, звучат сейчас как голос из бездны // Еврейская газета (Берлин). 2005. № 3 (март). С. 26.

Таганрогский дневник. Жизнь и оккупация глазами рабочего Николая Саенко // Известия. 2005. 3 марта. С. 8. (Совместно с Н. Поболем).

Ужас пережитого [Предисловие] // Софья Анваер. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с. (Сер.: «Человек на обочине войны»). Здесь: С. 5–8.

Астахов против Астахова. Записки искреннего человека [Послесловие] // Петр Астахов. Зигзаги судьбы. Из жизни советского военнопленного и советского зэка. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с. (Сер.: «Человек на обочине войны»). Здесь: С. 448–462.

«Русский проект» Эйхмана. Размышления над перепиской ценой в 2 миллиона жизней // Еврейская газета (Берлин). Май 2005. С. 19.

Два миллиона спасенных жизней. Гитлер предлагал немецких евреев СССР, но получил отказ // Европа-Экспресс (Берлин). 2005. 9–15 мая. № 19. С. 1.

Два миллиона спасенных евреев // Московские новости. 2005. № 15. 15 мая.

Перепеч.: Дайджест-Е (Харьков). 2005. № 4. С. 3. См.: Альтман И. По следам напечатанного [Реплика] // Дайджест-Е (Харьков). 2005. № 5. С. 2; Полян П. Реплика на реплику [Ответ И. Альтману] // Дайджест-Е (Харьков). 2005. № 7. С. 2.

Первая обобщающая монография о Холокосте на территории СССР [Рец. на: Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Ковчег, 2002] // Еврейский книгоноша. 2005. № 7. С. 95–101.

Ein neues Madagaskar. Wie Hitler versuchte, Juden in die Sowjetunion umzusiedeln // Süddeutsche Zeitung. 13. Juni 2005. S. 15.

Реплика на реплику [Ответ И. Альтману] // Дайджест-Е (Харьков). 2005. № 7. С. 2.

Sowjetische Juden als Kriegsgefangene. Die ersten Opfer des Holocaust? [Советские евреи как военнопленные. Первые жертвы Холокоста?] // Günter Bischof, Stefan Karner, Barbara Stelzl-Marx (Hg.). Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme – La-

gerleben – Rückkehr. (Reihe Kriegsfolgen-Forschung. Hg. Von S. Karner. Bd. 4). Wien – München. R. Oldenburg Verlag, 2005. S. 488–506.

First Victims of the Holocaust: Soviet-Jewish Prisoners of War in German Captivity [Первые жертвы Холокоста: советско-еврейские военнопленные в германском плену] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Fall 2005. Vol. 6. No. 4. P. 763–787.

Andrej Angrick: Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943, Hamburg: Hamburger Edition 2003, ISBN 3-930908-91-3, EUR 35,00 // *Sehepunkte*. 2005 November (www.sehepunkte.de). <http://www.sehepunkte.historicum.net/2005/11/5769.html>

Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста на территории СССР? // *Архив еврейской истории*. Том 2. М.: Росспэн, 2005. С. 243–310.

2006

За «Линией Керзона»: к вопросу о компенсации жертвам Холокоста в современной России // *Евроазиатский Еврейский Ежегодник*. 5765 (2004/2005). Киев, 2005. С. 35–48.

To the Editors. [К редакторам] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter 2006. Vol. 7. No. 1. P. 159–162.

«Im Herzen der Hölle». Salmen Gradowski war ein Held des Auschwitz-Aufstandes und er führte Tagebuch // *Jüdische Allgemeine*. 26.1.2006. Nr. 4. S. 13.

ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ. СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЕВРЕЕВ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: Воспоминания и документы: М.: Новое издательство, 2006. 576 с. (Совместно с А. Шнеером)

Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста в СССР // *Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы*. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–70.

Голоса жертв (Об этой книге) // *Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы*. М.: Новое издательство, 2006. С. 71–82. (Совместно с А. Шнеером)

Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 3. С. 145–169.

Stalin und die Opfer der nationalsozialistischen Vernichtungskrieg [Сталин и жертвы национал-социалистической войны на уничтожение] // J. Zarusky (Hrsg.). Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung. München: R. Oldenbourg Verlag, 2006. S. 89–110. (Schriftreihe der Viertelsjahrehefte für Zeitgeschichte)

А. Рапопорт. Обреченные, но не погибшие [Интервью П. М. Поляна] // Лехаим. Декабрь. 2006. С. 70–71.

2007

Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней // Еврейский камертон (Тель-Авив). 2007, 4 янв. С. 16–17. Перепеч. с сокращениями и со ссылкой на Русский журнал.

Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней // Еврейский камертон (Тель-Авив). 2007, 11 янв. С. 16–17. Перепеч. с сокращениями и со ссылкой на Русский журнал.

Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней // Еврейский камертон (Тель-Авив). 2007, 18 янв. С. 10–11. Перепеч. с сокращениями и со ссылкой на Русский журнал.

Под прикрытием татов. Холокост и горские евреи // Еврейская газета (Берлин). 2007. № 5. С. 22.

2008

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ, ИЛИ БИТВА ПОД АУШВИЦЕМ. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008. 388 с. (Совместно с А. Кохом).

В сети: http://imwerden.de/pdf/koch_polyan_bitva_pod_auschwitzem_2008.pdf

[Полит.ру. Гуманитарные среды] Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. Альфред Кох и Павел Полян. Видеозапись. В сети: http://www.polit.ru/dossie/2008/07/30/video_n_kox_polyan.html; РИА-Новости. Видео из пресскцентра. Выход книги Альфреда Коха и Павла Поляна [16.10.2008]: http://www.rian.ru/press_video/20081016/153313912.html; Отрицающим Холокост неонацистам дан отпор в новой книге Павла Поляна и Альфреда Коха // Полит.ру. 16.10.2008: <http://www.polit.ru/news/2008/10/16/holokost.html>

Рецензии: Лебедева Н. Дело о шести миллионах душ. В России вышла новая книга о Холокосте // Российская газета. 2008. № 4775. 17 окт.; Подольский А. // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 522–527. В сети: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=2530&idlang=2&Code=>

Куняев С. Жрецы и жертвы Холокоста // Наш современник. 2010. № 1–9.

Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008. С. 21–102.

Демография и статистика Холокоста // Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008. С. 237–320.

Три метаморфозы сорок пятого года: Аушвиц — Освенцим, Биркенау — Бжезинка и евреи — мирные граждане // Полит.ру. 2008, 28 янв. <http://www.polit.ru/analytics/2008/01/28/holokost.html>

Ответ на еврейский вопрос. Как Советы отменили Холокост в Освенциме // Новая газета. № 06. 28–30 янв. С. 15–16. (Перепеч.: Новый меридиан (Нью-Йорк). 30.1.–6.2.2008. № 762. С. 22).

И в конце тоже было Слово... // Звезда. 2008. № 7. С. 91–108. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/7/pp8.html>

Залман Градовский. <Письмо к потомкам>. <Дорога в ад> // Звезда. 2008. № 7. С. 109–140.

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/7/gr9.html>

(Публ., примеч.) З. Градовский. <III>. Посреди преисподней // Звезда. 2008. № 8. С. 152–187 (примеч. совместно с А. Полян, перевод с идиш А. Полян)

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/8/gr11.html>

(Публ., примеч.) З. Градовский. <III>. Посреди преисподней // Звезда. 2008. № 9. С. 146–161 (примеч. совместно с А. Полян, перевод с идиш А. Полян)

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/9/gr13.html>

Чернорабочие смерти. Зондеркоманда в Освенциме // Звезда. 2008. № 9. С. 146–161. В сети: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/9/pp14.html>

Рец.: Белая Л. Эхо преисподней // Международная еврейская газета. М., 2009. 16 апр. В сети: <http://jig.ru/index4.php/2009/04/16/echo-preispodnei.html>; С. Беляков. Мужская проза и дамские кружева // Взгляд. Деловая газета. 2008. 22 сент. В сети: <http://www.vz.ru/culture/2008/9/22/210578.html>

Hätte Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überlegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschen [Мог ли Холокост не случиться? Размышления о переписке ценой в два миллиона жизней] // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur

Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden / Hg. von J. Hürther und J. Zaruski. München: R. Oldenbourg Verlag, 2008. S. 1–20. (Schriftenreihe der Viertelsjahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 97).

Холокост поставил перед раввинами вопрос... / Еще раз о шести миллионах. На четыре вопроса отвечают: Альфред Кох, Марк Куповецкий, Павел Полян, Давид Романовский / Беседу ведет Афанасий Мамедов // Лехаим. 2008. № 10. С. 58. ISSN 0869-5792.

Попытка оправдания дьявола. Наказание отрицателей и исторический арбитраж // Еврейская газета (Берлин). 2008. № 12. С. 22 [Фрагмент из книги «Отрицание отрицания...»]

«Не-пе-ре-но-си-мо!» Маленькие остарбайтеры — угнанные дети // Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы. Карпов Д. Маленький Ostarbeiter / Сост. П. Полян и Н. Поболь. М., 2008. С. 5–19.

Собибор / Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. Рец. на кн. М.: Возвращение, 2008. 263 с. // Pro I contra. 2008. № 5–6. С. 110–113.

И в конце тоже было слово... Как был создан один из самых потрясающих документов Холокоста // Еврейская газета (Берлин). 2009. Июнь. С. 21.

Градовский З. Посреди преисподней... Из записок, найденных в пепле у печей Освенцима / Публ. П. Поляна. Пер. с идиш А. Полян // Еврейская газета (Берлин). 2009. Июнь. С. 21.

Вызов, брошенный смерти. Первая неподцензурная книга о Собиборе: Рец. // Еврейская газета (Берлин). 2009. Июль. С. 22.

2009

Арзгир // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 37 (совместно с В. Х. Бельтраном).

Богдановка // Там же. С. 94 (совместно с В. Х. Бельтраном).

Буденновск // Там же. С. 115–116.

Военнопленные-евреи // Там же. С. 168–172.

Ворошиловск // Там же. С. 184–185.

Георгиевск // Там же. С. 204.

Горские евреи // Там же. С. 233–235 (совместно с М. А. Куповецким).

Градовский Залмен // Там же. С. 238–239.

Ессентуки // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 300–301.

- Железноводск // Там же. С. 306.
Изобильное // Там же. С. 346.
Кисловодск // Там же. С. 413–414 (при участии В. Х. Бельтрана).
Левокумское // Там же. С. 514 (при участии В. Х. Бельтрана).
Менжинское // Там же. С. 586–587 (при участии В. Х. Бельтрана).
Микоян-Шахар // С. 588 (при участии В. Х. Бельтрана).
Минеральные Воды // Там же. С. 589–590 (при участии В. Х. Бельтрана).
Московское // Там же. С. 622 (при участии В. Х. Бельтрана).
Невинномысск // Там же. С. 639–640 (совместно с В. Х. Бельтраном).
Новоалександровская // Там же. С. 653. [Без указания авторства.]
Новотроицкая // Там же. С. 662 (при участии В. Х. Бельтрана).
Орджоникидзевский край // Там же. С. 694–696.
Петровское // Там же. С. 743.
Пятигорск // Там же. С. 826–828.
Солдато-Александровское // Там же. С. 924 (при участии В. Х. Бельтрана).
Черкесск // Там же. С. 1058 (совместно с И. А. Альтманом).

2010

ЗАЛМАН ГРАДОВСКИЙ. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / Сост., предисл. и редакция П. Поляна. Пер. с идиш А. Полян и М. Карпа. М.: Гамма-пресс, 2010. 224 с.

Рец.: Швядкой М. Сколько длится смерть?: Рец. // Росс. газета. 2010. № 106. 19 мая.

И в конце тоже было слово... // Залман Градовский. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М.: Гамма-пресс, 2010. С. 9–56.

От составителя // Залман Градовский. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М.: Гамма-пресс, 2010. С. 57–62.

Право на убийство // Время новостей. 2010. № 98. 8 июня. С. 6.
В сети: <http://www.vremya.ru/2010/98/13/255479.html>

Стратоцидные и стратоцидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы / Материалы международной научной конференции. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 146–157.

Использованная литература*

АЛЬТМАН М. М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост», 2001. 86 с.

АЛЬТМАН И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег». 2002. 543 с. (Сер.: Анатомия Холокоста).

АНВАЕР С. Кровоточит моя память... Из записок студентки-медички. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с. (Сер.: «Человек на обочине войны»)

АРАД И. Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Иерусалим: Яд Вашем, 1990. 91 с.

АРАД И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза. Днепрпетровск, Центр «Ткума»; Д.; М.: Центр «Холокост», 2007. 816 с.

АСТАХОВ П. Зигзаги судьбы. Записки советского военнопленного и советского ээка. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с. (Сер.: «Человек на обочине войны»)

Бауман Г. Г. «Без вести пропавший» / Публ. Е. П. Красильникова // КОМОЛОВА Н. П. (Отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении: Воспоминания и документы. Часть I. М., 1991. — С. 231–256.

БОНДАРЕЦ В. Военнопленные. М., Молодая Гвардия, 1960. 288 с.

Бружеставицкий И. М. Война — плен — репатриация. Из записок директора музея // ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ..., 2006. С. 89–160.

В ПЛЕНУ У ГИТЛЕРА И СТАЛИНА. Книга памяти Макса Григорьевича Минца / Ред.: Яков Айзенштадт. Иерусалим, 1999. 216 с.

Вигдоров А. С. «Военнопленным по закону не положено» // ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ..., 2006. С. 304–314.

ВОЙТЕНКО Е. А. Холокост на Юге России в годы Великой Отечественной войны: Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь: Ставр. Гос. ун-т, 2005. 239 с.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю. А. Полякова и А. А. Исупова. М.: Наука, 1992. 255 с.

ГОЛУБКОВ С. В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958. 239 с. ГОЛУБКОВ С. В фашистском лагере смерти: Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1963. 254 с.

---

* Книги и монографии выделены крупным шрифтом.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ: ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, КУЛЬТУРА / Под общей редакцией И. Бегуна. Составление и научная редакция В. Дымшица. Перевод с иврита Ю. Мурадова. Вступительная статья М. Членова. Иерусалим-Москва: Даат / Знание, 1999.

ГРАДОВСКИЙ З. В сердце вине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / Сост., предисл. и редакция П. Поляна. Пер. с идиш А. Полян и М. Карпа. М.: Гамма-пресс, 2010. 224 с.

Гриншпун С. Г. Письмо И. Г. Эренбургу от 25 марта 1944 года // УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ ..., 1991. С. 287–290) (Перепеч.: СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ ПИШУТ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ. 1943–1966 / Ред. М. Альтшулер, М. Арад. Иерусалим, 1993. С. 127–132.

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Гурьянов А. Э. Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997.

Гурьянов А. Введение // Индекс репрессированных. Вып. XIV. Польские переселенцы в Архангельской области. Часть 1 / Сост.: Рыбарска Э., Гурьянов А., Рачинский А. и Лозинская Т. М., 2003.

ДАТНЕР Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Пер. с польск. Я. О. Немчинского / Вступит. статья С. К. Тимошенко. Под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1963.

ДУГАС И. А., ЧЕРОН Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. Париж: УМСА-Press, 1994. Т. 11. 433 с.

Ильенков С. А., Мухин В. В., Полян П. М. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 147–155.

ИССЛЕДОВАНИЕ ХОЛОКОСТА. Глобальное видение: Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года М.: Алгоритм, 2007.

Каутов Д. Л. «Доктор... ничего не сказал...» // ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ..., 2006. С. 322–325.

КАЦЕНЕЛЬСОН И. Сказание об истребленном народе / Пер. Е. Г. Эткинда под редакцией Ш. Маркиша. М.: Языки русской культуры., 2000. 240 с.

КЛОВСКИЙ Д. Дорога из Гродно. Самара, 1994. 432 с.

КОСТЫРЧЕНКО Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.

КОТЛЯР Л. И. Моя солдатская судьба. Воспоминания (Рукопись; готовится к печати в издательстве РОССПЭН)

КОХ А., ПОЛЯН П. Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем: Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008. 388 с.

Куповецкий М. А., Полян П. М. Горские евреи // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 233–235.

ЛЕВИНСКИЙ Дмитрий. Мы из сорок первого... Воспоминания. М.: Новое издательство. 2005. 344 с. (Сер.: «Другая война»).

ЛИНЕЦ С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Пятигорск, 2003. 657 с.

Лужеренко В. К. Плен: трагедия миллионов // Великая отечественная война. 1941–1945. Т. 4. М., 1989. С. 168–204.

Малми Т. Что запомнилось финским военнопленным о плене в Советском Союзе в 1941–1944 гг. // ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА. Красногорск, 1996. С. 134.

Малофеев А. Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г. // Беглецы из плена. Воспоминания танкиста Владимира Тутова и морского артиллериста Александра Малофеева. М.: РОССПЭН, 2010. С. 189–300.

Марьяновский М., Соболев И. Павшие... (Вместо предисловия) // Книга памяти воинов-евреев в боях с нацизмом. 1941–1945. М.: 1997. Том IV. С. 9–41.

МЕНЬШАГИН Б. Г. Воспоминания о пережитом. 1941–1943 гг. Машинопись (Исторический архив Центра восточноевропейских исследований Бременского университета. Фонд Н. Г. Левитской).

«НАМ ЗАПРЕТИЛИ БЕЛЫЙ СВЕТ...»: Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Сост. П. Полян и Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с. (Серия: «Человек на обочине войны»).

НАУМОВ В. П. (Научн. ред.). 1941 год: В 2 кн. М.: Демократия, 1998. (Кн. 1. 832 с.; Кн. 2. 750 с.)

НОСИК Антон. Отрицание Холокоста: неисполнимый закон // Мнения. 2007. 28 янв. См.: <http://mnenia.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID=1649>

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: Сб. материалов: В 8 т. Т. 4. М., 1990.

ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ. СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЕВРЕЕВ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: Воспоминания и документы / Сост. П. Полян и А. Шнеер // М.: Новое издательство, 2006. 576 с.

ПЕТРЕНКО В. До и после Освенцима. М.: Фонд «Холокост», 2000. 160 с.

ПОЛЯН П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

ПОЛЯН П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и не родине. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с.

Полян П. М. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста на территории СССР? // Архив еврейской истории. Том 2. М.: Росспэн, 2005. С. 243–310.

Полян П. М. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы // М.: Новое издательство, 2006. С. 9–70.

Полян П. М. Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 145–169.

ПОЛЯН П., ПОБОЛЬ Н. Сталинские депортации. 1928–1953: Документы. М.: Материк — Фонд Демократия, 2005. 904 с.

ПОЛЯН П. М., ШНЕЕР А. Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы // М.: Новое издательство, 2006. 576 с.

Розенблат Е. С. «Чуждый элемент»: еврейские беженцы в Западной Белоруссии // История и культура российского и восточно-европейского еврейства: новые источники и новые подходы: Материалы международной научной конференции. Москва, 8–10 декабря 2003 г. М.: Изд-во Дома еврейской книги, 2004. С. 333–361.

РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс, 2001. 608 с.

Саенко Н. Таганрогский дневник (2 октября 1941 г. — 1 сентября 1943 г.) // «НАМ ЗАПРЕТИЛИ БЕЛЫЙ СВЕТ...». 2006. С. 25–118.

СВЕРДЛОВ Ф. Д. (Сост.). Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии. М.: 1996. 130 с.

СВЕРДЛОВ Ф. Д. Энциклопедия еврейского героизма. М.: Дограф, 2002. 504 с.

СОБИБОР / Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. М.: Возвращение, 2008. 263 с.

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ ПИШУТ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ. 1943–1966 / Ред. М. Альтшулер, М. Арад. Иерусалим, 1993.

СОКОЛОВ Б. Н. В плену. М.: Цитадель, 2000. 264 с.

СТАВРОПОЛЬЕ: ПРАВДА ВОЕННЫХ ЛЕТ. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. К 60-летию Победы

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005.

СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (август 1942 – январь 1943 г.): Документы и материалы / Сост. Володажская В. А., Кривнева М. И., Мельник Н. А. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000.

Тольц М. Российские евреи: пример убывающего населения // Демоскоп. 2005. 11 января.

Тутов В. Воспоминания танкиста. 22 июня 1941 г. – 22 апреля 1945 г. // Беглецы из плена: Воспоминания танкиста Владимира Тутова и морского артиллериста Александра Малофеева. М.: РОССПЭН, 2010. С. 11–185.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ СССР В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944): Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. 424 с.

ФРИДМАН Б. Н. Мои военные дороги. М., 2000. 212 с. [Семейное изд-е. Осуществлено при участии А. Райхштейна, В. Хлебниковой, Б. Гиндельмана].

ШАПИРО Г. С., АВЕРБУХ С. Л. Очерки еврейского героизма: В 3 т. Киев – Тель-Авив, 1994–1997. (Т. 1. Евреи – герои Советского Союза. Киев, 1994. 521 с.; Т. 2. «Не ради славы – ради жизни на земле». Киев, 1994. 720 с. Т. 3. [Очерки еврейского героизма / Сост. С. Л. Авербух. Тель-Авив, 1997. 520 с.]

Шейнман М. Рассказ бывшего военнопленного М. Шейнмана // ЧЕРНАЯ КНИГА..., 1980. С. 437–442. (Перепеч.: УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ..., 1991. С. 300–305).

ШНЕЕР А. Плен: В 2 т. Иерусалим, 2003. (Т. 1. 380 с.; Т. 2. 390 с.).

Шнеер А. Советские евреи-военнопленные в нацистских лагерях на территории Германии и Австрии // Русские евреи в Германии и Австрии. Иерусалим, 2008. С. 274–308.

Шульга И. И. Судьбы красноармейцев – немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. Москва, 1998. С. 323–337.

Царевская Т. В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2. С. 121–125.

Цирульницкий М. Двадцать шесть месяцев в Освенциме // ЧЕРНАЯ КНИГА, 1993. С. 452–453.

ЧЕРНАЯ КНИГА. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны

1941–1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. Вильнюс: Йад, 1993. 578 с. (1-е издание: Иерусалим, 1980).

Черненко М. Анкетное проклятье // Московские новости. 1997. № 19. 11–18 мая. С. 22.

Черноглазова Р. А. Фашистские лагеря для советских военнопленных на территории Белоруссии // ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА. Красногорск, 1996. С. 122–125.

ЧЕРНОГЛАЗОВА Р. А. Военнопленные. Kriegsgefangene. 1941–1956: Документы и материалы. Минск: издатель Скакун В. В., 2003. 473 с.

ЧЕРОН Ф. Я. Немецкий плен и советское освобождение / Все-рос. мемуарная б-ка. Сер. Наше недавнее. Париж: YMCA-Press, 1987. Вып. 6. С. 9–158.

Членов М. Кто такие — эти «горские евреи»? // ГОРСКИЕ ЕВРЕИ: ИСТОРИЯ, ЯНТОВСКИЙ Ш. Лагерь советских военнопленных-евреев в Финляндии (1942–1944 годы): Сборник документов и воспоминаний. Иерусалим, 1995.

ALTSHULER M. Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939. Jerusalem, 1993. 79 p.

ALTSHULER M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Jad Vashem, 1998. 346 p.

ANDERL G.; RUPNOW D. Die Zentralstelle für jüdische Auswanderung als Beraubungsinstitution. Wien-München: Oldenbourg Verlag, 2004. 384 s. (Veröffentlichungen der Österreichischen Historikerkommission. Vermögensentzug während der NS-Zeit sowie Rückstellungen und Entschädigung seit 1945 in Österreich. Bd. 20/1).

ANGRICK A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion, 1941–1943. Hamburg: Hamburger Edition, 2003. 796 s.

ANGRIK A. Die Einsatzgruppe D. Struktur und Tätigkeit einer mobilen Einheit der Sicherungspolizei und des SD in der deutschbesetzten Sowjetunion. Bd. 2. Berlin, 1999;

Bard M. G. American Victims of the Holocaust // Appendix D in: Bird, Tom. American POWs of World War II. Forgotten Men Tell their stories. Westport, Connecticut — London: Praeger, 1992. P. 129–135. (Reprinted from: The Jewish Veteran. Fall 1990).

BARTNICZAK M. Grady i Komorowo, 1941–1944. Z dziejow Stalagow 324 i 333 Ostrow Mazowiecka. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1978. 375 s.

BAUM B. Widerstand in Auschwitz. Bericht der internationalen antifaschistischen Lagerleitung. Berlin: Kongress-Verlag, 1962. 111 s.

BENZ W. (Hg.) Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. München, 1991.

Berkhoff K. The 'Russian' Prisoners of War as Victims of Genocidal Massacre // Holocaust and Genocide Studies. [Spring 2001]. Vol. 15. No. 1. P. 1–32.

Breitman R. Auschwitz partially decoded // HOLOCAUST. CRITICAL CONCEPTS IN HISTORICAL STUDIES / Ed.: D. Cesarini. Vol. 5. Responses to the Persecution and Mass Murder of the Jews. London, New York: Routledge, 2004. P. 185–194.

BRIEFE AUS LITZMANNSTADT / Hrsg. von Janusz Gumkowski, Adam Rutkowski und Arnfried Astel. Köln: F. Middelhaue, 1967. 134.

Bowman S. B. The Greeks in Auschwitz // FROMER R. The Holocaust Odyssey of Daniel Bennis, Sonderkommando / Introduction Steven B. Bowman. Tuscaloosa and London, University of Alabama Press, 1993.

Browning C. Nazi Resettlement Policy and the Search for a Solution to the Jewish Question, 1939–1941 // The Nazi Holocaust. Historical Articles on the Destruction of European Jews. Issue. 3. The «Final Solution»: the Implementation of Mass Murder. Volume 2 / Ed. By M. R. Marrus. London: Meckler Westport, 1989. P. 760–782.

CZECH D. Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz / Birkenau 1939–1945 / Vorwort Walter Laqueur. Rowohlt, 1989. 1059 S.

DALLIN A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1958. 727 S.

DAWIDOWICZ L. S. The War against the Jews, 1933–1945. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 460 p.

DAS DIENSTTAGEBUCH DES DEUTSCHEN GENERALGOVERNEMENT IN POLEN. 1939–1945 / Herausgegeben von Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 1028 S. (Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte).

Della Pergola S. Between Science and Fiction: Notes on the Demography of the Holocaust. The A. Harman Institute of Contemporary Jewry. The Hebrew University of Jerusalem. Appeared in: Holocaust and Genocide Studies, Washington, D.C., United States Holocaust Memorial Museum, 10, 1, Spring 1996. P. 34–51.

DEMANT E. (Hg.). Auschwitz — «Direkt von der Rampe weg...». Kaduk, Erber, Klehr: Drei Täter geben zu Protokoll. Rowohlt, 1979. 145 S.

DOERY J. Juden aus Frankreich im Aufenthaltslager Bergen-Belsen. Magisterarbeit in Fach Geschichte. Universität Hannover, April 2004. 141 S.

DURAND Y. Prisonniers de Guerre dans les Stalags, les Oflags et les Kommandos, 1939–1945. Paris: Hachette, 1994.

Dutu A.; Dobre F.; Loghin L. Armata Română în al doilea război mondial (1941–1945) // Dicționar encyclopedic. București: Editura enciclopedică, 1999. P. 329–341.

GARLINSKI J. Fighting Auschwitz. The resistance movement in the concentration camp. London, 1975.

FAVEZ J.-C. Das Internationale Rote Kreuz und das Dritte Reich. War der Holocaust aufzuhalten. München, 1989.

Feldman G. Jewish Victims of Holocaust // The Holocaust and World War II. Vol. 2 / Ed. Peggy Saari, Aaron Maurice Saari. Detroit. New York a.o.: Gale Group, 2001. P. 403 (Appendix A).

FRIEDLER E., SIEBERT B., KILLIAN A. Zeugen aus der Todeszone. Das jüdische Sonderkommando in Auschwitz. Springe, Zuklampen, 2002. 309 S.

Förster J. Das Unternehmen «Barbarossa» als Eroberungs- und Vernichtungskrieg // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowietunion. Stuttgart, 1983. S. 413–450.

Friedman Ph. The Lublin Reservation and the Madagascar Plan. Two aspects of Nazi Jewish Policy During the Second World War // The Nazi Holocaust. Historical Articles on the Destruction of European Jews. Issue. 3. The «Final Solution»: the Implementation of Mass Murder. Volume 2 / Ed. By M. R. Marrus. London: Meckler Westport, 1989. P. 703–729.

FUCHS H. L. The Heavently Lodz. Tel Aviv: Y.L. Peretz Press, 1972.

Gelber Y. Palestinian POWs in German Captivity. // Yad Vashem Studies, Vol. 14. Jerusalem, 1981. P. 89–137.

GERLACH C.: Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999. 1232 s.

GILBERT M. Atlas of the Holocaust. London, Rainbrd Publishing Group, 1982. 256 p.

GREIF G. «Wir weinten tränenlos... » Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main: Fisher Taschenverlag, 1999. 384 s.

Greif G. Die moralische Problematik der «Sonderkommando»-Häftlinge // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur Bd. II. Göttingen, Wallstein Verlag, 1998. Bd. I. S. 1023–1045..

Gutman I. Der Aufstand der Sonderkommando // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte / Hg. von H. G. Adler, H. Langbein, E. Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln – Frankfurt-am-Main. Europäische Verlagsanstalt, 1979. S. 213–219.

Halvini T. The Birkenau Revolt: Poles prevent a Timely Insurrection // *Jewish Social Studies*. 1979. Vol. 51. No. 2. P. 123–154.

Hankins F. H. How Many Jews Were Eliminated by the Nazis? A Preliminary Survey Of The Question // *JHR*. 1983. No.1. P. 63–81.

HILBERG R. Die Vernichtungskrieg der europäischen Juden. Bd. 1–3. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag, 1999. 1351 s.

[HÖSS R.]. Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1958. 184 s. (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd. 5).

IN HONOR OF ALLA GERTNER, RYZA ROBOTA, REGINA SAFIRZTAJN, ESTER WAJCBLUM. Martyred Heroines of Jewish Resistance in Auschwitz, executed on January 5, 1945. Место и время издания, а также тираж не указаны [Wyd. A. Heilman]

INMITTEN DES GRAUVOLLEN VERBRECHENS: Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. Hefte von Auschwitz. Sonderheft 1. Oświęcim, : Verlag Staatliches Auschwitz-Museum 1972. 220 S.

YIZKOR-BOOK SUWALK. Ed. Berl Kahan. New York. 1961.

Jacobsen H.-A. Kommissarenbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // *Anatomie des SS-Staates*. Berlin; Freiburg; Olten, 1967. Bd. 2. S. 137–231.

Kagan R. Die letzten Opfer des Widerstandes // *Auschwitz. Zeugnisse und Berichte*. Köln – Frankfurt-am-Main. Europäische Verlagsanstalt, 1979. S. 220–222.

Karny M. Die Flucht der Auschwitzer Häftlings Vitěslav Lederer und der tschechischer Widerstand // *Theresienstädter Studien und Dokumente 1995* / Hg. von M. Karny, R. Kemper u. M. Karny. Edition Theresienstädter Initiative Academia. Prag, 1999. S. 157–183.

Krakowski Sh. The fate of the Jewish POWs of the Soviet and Polish Armies // *The Shoah and The War* / Ed.: A. Cohen, Y. Cochavi, Y. Gelber. Tel-Aviv: Institute for Research of the Shoah, 1992. P. 217–230. (Studies on the Shoah. Vol. 3).

KRAUS O., KULKA E. Die Todesfabrik Auschwitz. Berlin: Dietz Verlag, 1991. 375 S.

Kremers Tagebuch // *Hefte von Auschwitz*. Nr. 13. 1971. S. 30–117.

Langbein H. Der Auschwitz-Prozeß. Eine Dokumentation [in 2 Bd.]. Wien – Frankfurt – Zürich: Europa Verlag, 1965. 1027 S.

Langbein H. Die Kampfgruppe Auschwitz // *Auschwitz. Zeugnisse und Berichte* / Hg. von H. G. Adler, H. Langbein, E. Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln – Frankfurt-am-Main. Europäische Verlagsanstalt, 1979. S. 227–238.

Langbein H. Sonderkommando // LANGBEIN H. Menschen in Auschwitz. Wien, München : Europaverlag, 1995.

LEUKERT M. Die strafrechtliche Erfassung des Auschwitzleugnens / Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Jüristischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität Tübingen. [Stuttgart] : Wiesinger Media.de, 2005. 330 S.

LEVI P. Die Untergegangenen und die Geretteten. München, 1995. 214 S.

Levin D. Unique characteristics of Soviet Jewish Soldiers in the Second World War // The Shoah and The War / Ed.: A. Cohen, Y. Cochavi, Y. Gelber. Tel-Aviv: Institute for Research of the Shoah, 1992. P. 217–230. (Studies on the Shoah. Vol. 3).

LIPSTADT D. E. Denying the Holocaust: the growing assault on truth and memory. New York [u.a.], 1993. 278 p.

LIPSTADT D. E. Betrifft: Leugnen des Holocaust. Zürich, 1994. 319 S.

LONDON HAS BEEN INFORMED... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002. 316 p.

Longerich P. Der Russlandskrieg als rassistischer Vernichtungskrieg // Nolte, Hans-Heinrich. Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion, 1941. Hannover: Fackelträger-Verlag, 1992. S. 78–94.

Longerich P. Zum Schicksal der jüdischen Kriegsgefangenen // LONGERICH P. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. München und Zürich: Piper, 1998. S. 411–413.

Mark E. Notes on the identity of the «Anonymous» author and on his manuscript // The Scrolls of Auschwitz. Tel-Aviv, 1985. P. 166–170.

Moser J. Nisko: The First Experiment in Deportation // The Nazi Holocaust. Historical Articles on the Destruction of European Jews. Issue 3. The «Final Solution»: the Implementation of Mass Murder. Volume 2 / Ed. By M. R. Marrus. London: Meckler Westport, 1989. P. 730–759.

MÜLLER F. Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz / Filip Müller. Dt. Bearb. von Helmut Freitag. München : Steinhausen. 1979. 287 S.

NOLTE H. H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. Hannover: Niedersächsische Landeszentrale für politische Bildung, 1991. 196 s.

NYISZLI M. Auschwitz : a Doctor's Eyewitness Account / Transl.: T. Kremer, R. Seaver; foreword: B. Bettelheim. New York : Frederick Fell, 1960. 222+xviii p.

OGORRECK R. Die Einsatzgruppen und die Genesis der Endlösung. Berlin, 1996. 240 S.

OTTO R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet, 1941/42. München: R. Oldenbourg, 1998. 288 S. (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte).

PENDORF R. Mörder und Ermordete, 1961. 150 S.

PEAHLMANN H. Fremdarbeiter und Kriegsgefangenen in der Deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945 // Beiträge zur Wehrforschung. Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GmbH, [1968]. Bd. XVI–XVII. 238 s.

PIPER F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz aufgrund der Quellen und der Erträge der Forschung 1945 bis 1990. Oświęcim: Verlag Staatliches Museum in Oświęcim, 1993. 248 s.

Ploski S. German Crimes against Soviet P.O.W.s in Poland // German Crimes in Poland. Warsaw, 1946.

Polian P. First Victims of the Holocaust: Soviet-Jewish Prisoners of War in German Captivity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Fall 2005. Vol. 6. No. 4. P. 763–787.

Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // London has been informed... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002.

REITLINGER G. Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939–1945. Berlin: Colloquium Verlag, 1958. 698 s.

Sämtliche Mitteilungen der Reichskommissariat Ukraina. 1941, Nr 9, 14.01.1942

SANNING W. N. Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Mit einem Vorwort von Arthur R. Butz. Tübingen – Buenos Aires – Montevideo: Grabert-Verlag, 1983.

Schickel A. Ein vergessenes Kapitel Zeitgeschichte. Gefangene Polen in deutschen Offizierslagern // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1981. Jg. 30. S. 28–32.

SCHÖNKER H. Ich war acht und wollte leben. Eine Kindheit in Zeiten der Shoah. Düsseldorf, 2008. 235 S.

Stone D. The Sonderkommando Photographs // Jewish Social Studies. New Series. 2001. Vol. 7. No 3 (Spring-Summer). P. 131–148.

STREIM A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». Eine Dokumentation. Unter Berücksichtigung der Unterlagen deutschen Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. Heidelberg, Karlsruhe: Müller Jüristischer Verlag, 1981. 442 s.

STREIT C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf, 1978. 448 s.

SWIEBOCKI H. Das Erstellen und Sammeln // GEDENKBUCH. SINTI UND ROMA IM KONZENTRATIONSLAGER AUSCHWITZ-BIRKENAU. Bd. 1. München, 1993. S. 120f.

Swiebocki H. Auschwitz: What Did the World Know During the War? // LONDON HAS BEEN INFORMED... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002. P. 7–98.

Tolts M. The Jewish Population of Russia, 1989–1995 // Jews in Eastern Europe. 1996. No. 3(31). P. 5–19.

Tolts M. The Post-Soviet Jewish Population in Russia and the World // Jews in Russia and Eastern Europe, 2004, No. 1 (52). P. 37–63.

VENEZIA Sh. (im Zusammenarbeit mit B. Prasquier). Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das esrter umfassender Zeugnis eines Überlebenden , Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni. Aus dem franz. von Dagmar Mallett. Karl München: Blessing Verlag, 2008. 271 s.

VERBRECHEN DER WEHRMACHT. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog / Gesamted.: Ulrike Ureit. Hamburg: Hamburger Edition, 2002. 768 S.

WACHS Ph.-Ch. Der Fall Theodor Oberländer (1905–1908). Ein Lehrstuhl deutscher Geschichte. Frankfurt-am-Main; Campus Verlag, 2000. 553 s.

WELLERS G. Essai de détermination du nombre de morts au camp d'Auschwitz // Le Mond Juif. 1983. Nr. 12. S. 125–159.

Zámečník S. Der Fall Nisko im Rahmen der Entstehungsgeschichte «der Endlösung der Judenfrage» // Die internationale wissenschaftliche Konferenz «Die Aktion Nisko in der Gesamtgeschichte „der Endlösung der Judenfrage“, die anlässlich der ersten Massendeportation der europäischen Juden. Dammelband. Ostrava, 1995.

ZARUSKY J. Leugnung des Holocaust: die antisemitische Strategie nach Auschwitz // BPJS Aktuell. Jahrestagung der Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Schriften «Von „Antisemitismus“ bis „Xenofobia“. Rechtsextreme Medien in Deutschland». Amtliches Mitteilungsblatt. Sonderausgabe, 1999. S. 9.

ZIMMERMAN J. C. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies. Lanham – New York – Oxford: University Press of America, 2000.

ZÜRCHER R. «Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust»: das Personal der Massenvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen: Bautz, 2004. 244 S. Reihe: (Berne Forschungen zur neuesten Allgemeinen und Schweizer Geschichte; Bd. 1).

Сокращения

- АГ — Айнзатцгруппа (Einsatzgruppe)
- АК — Айнзатцкомmando (Einsatzkommando)
- ВИЖ — «Военно-исторический журнал», Москва
- гб — Госбезопасность
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГА СК — Государственный архив Ставропольского края
- ГФ ПОБ — Германский фонд «Память. Ответственность. Будущее»
- ГЦДНИСК — Государственный Центр документации новейшей истории Ставропольского края
- ЗК — Зондеркомmando
- ИХГВ — Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года М.: Алгоритм, 2007.
- МИД — Министерство иностранных дел СССР
- МККК — Международный комитет Красного Креста
- НА РБ — Национальный архив Республики Беларусь
- НК ГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
- НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии (Nazional-Sozialistische Deutsche Arbeitspartei)
- ОКВ — Верховное командование вооруженных сил Германии (OKW: Oberkommando der Wehrmacht)
- ОКХ — Верховное командование сухопутных сил (OKH: Oberkommando des Heeres)
- оп. — Описание (при описании архивных источников)
- ПО — Партнерская организация
- РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства
- РГАЭ — Российский Государственный архив экономики
- РГВА — Российский Государственный военный архив
- РСХА — Имперская главная служба безопасности (RSHA: Reichssicherheitshauptamt)
- РФВП — Российский фонд «Взаимопонимание и примирение»
- СД — Служба безопасности при СС (SD, Sicherheitsdienst der SS)
- СМИ — средства массовой информации;

- СС — Охранные отряды национал-социалистической рабочей партии Германии (SS, Schutzstaffel der NSDAP)
- ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ
-
- AJYB — American Jewish Yearbook, New-York
- АРМАВ — Archiv Państwowe muzeum Auschwitz-Birkenau Oświęcim
- ВAB — Bundesarchiv, Berlin
- BA-MA — Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg
- JCC — International Claiemes Conference, New York
- IfZ — Archiv des Institutes für Zeitgeschichte, München
- IHR — Institute of Historical Research, Torrance
- IMT — International Military Tribunal
- IPN — Instytut Pamięci Narodowej, Warszawa
- JHR — «Journal of Historical Research»
- YVA — Yad Vashem Archives, Jerusalem
- USHMM — United States Holocaust Memorial Museum, Washington
- VfZ — «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», München

Содержание

Вместо предисловия 5

Накануне

Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской Эйхмана и Чекменева ценой в два миллиона жизней ... 9

Первые жертвы и первые спасшиеся

Обреченные погибнуть: советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста 37

Приложение 1. Подлинные имена и псевдонимы советских военнопленных-евреев 124

На краю Холокоста: уничтожение евреев на Северном Кавказе и на Ставрополье 130

Сумевшие уцелеть: горские евреи на Северном Кавказе 137

Посреди преисподней: Залман Градовский и зондеркомандо

И в конце тоже было слово... (о Залмане Градовском и его записках). 167

Чернорабочие смерти: зондеркомандо в Аушвице-Биркенау 200

Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания. 225

Приложение 2. Хроника событий, связанных с зондеркомандо в Аушвице-Биркенау 248

Приложение 3. Свитки из пепла. История обнаружения и краткое содержание рукописей, найденных в Биркенау. 258

Приложение 4. История перевода и публикации рукописей членов зондеркомандо, найденных в Биркенау 279

Anus Mundi. Аушвиц и победители

Что и когда знали союзники об Аушвице? 317

Освобождение Аушвица: еврейская катастрофа — без евреев! 325

Приложение 5. Anus Mundi: что освободители увидели в Аушвице (Документы) 339

**И все-таки шесть миллионов: статистика
и демография Холокоста**

Жертвы Холокоста — кто они?	367
Демографический баланс еврейского населения лагеря Аушвиц.	369
Демографический баланс европейского и мирового еврейства	383
Холокост и Галаха: сага о еврейской идентичности	422
<i>Приложение 6.</i> Умершие и убитые евреи Европы, по странам и категориям: различные оценки	429

**Битва под Ахмадинджадом:
отрицание и геополитика Холокоста**

Западный вклад: отрицатели или ревизионисты?	447
Советский вклад: игнорировать и помалкивать.	471
Геополитика Холокоста: интернационал антисемитов	490
Наказания отрицателей и исторический арбитраж	503

К историографии и рефлексии Холокоста в России

Возвращение в тему: Россия и историографические парадоксы глобального исследования Холокоста.	526
Из записных книжек.	547
Заметки из Аушвица и об Аушвице	547
Шана-Това, или о методологии истории (из киевских впечатлений)	549
Книжные закладки.	551
<i>Приложение 7.</i> Публикации автора по проблематике книги	557
Использованная литература.	568
Сокращения	580

Научное издание

Полян Павел Маркович

**Между Аушвицем и Бабьим Яром
Размышления и исследования**

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *Г. Л. Бондарева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *Л. А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2010.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,5.

Тираж 000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)